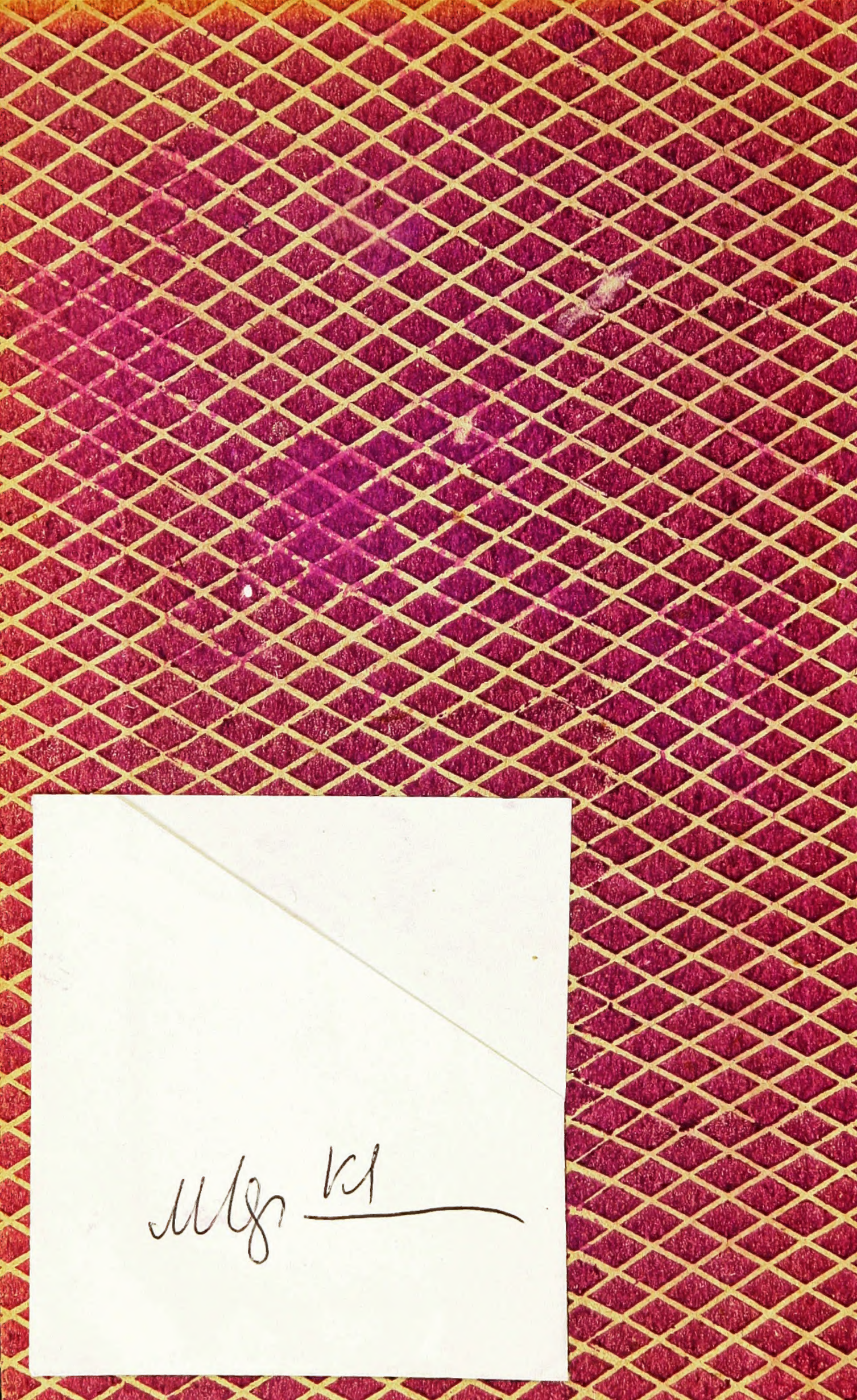

ОЧЕРКИ

РАЗВИТІЯ ПРОГРЕССИВНЫХЪ ИДЕЙ

ВЪ НАШЕМЪ ОБЩЕСТВѢ.

1825—1860 г.

Н. А. Полевой. В. Ѳ. Одоевскій. В. Г. Бѣлинскій. А. И. Герценъ. Н. А. Добролюбовъ и ихъ сподвижники.

СОЧИНЕНІЕ

А. Скабичевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

1872.

ОЧЕРКИ

РАЗВИТІЯ ПРОГРЕССИВНЫХЪ ИДЕЙ

ВЪ НАШЕМЪ ОБЩЕСТВѢ.

1825—1860 г.

Н. А. Полевой, В. Ѳ. Одоевскій, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, И. А. Добролюбовъ и ихъ сподвижники.

СОЧИНЕНІЕ

А. Скабичевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе 1

Панегирическій и полемическій взгляды на эпоху сороковыхъ годовъ и ихъ несостоятельность. — Необходимость объективнаго обозрѣнія развитія нашей мысли и обращенія при этомъ вниманія на двѣ стороны процесса развитія. — Результатъ, къ которому должно привести такое обозрѣніе. — Содержаніе и объемъ моего труда.

Глава первая 12

Ложное пониманіе романтизма въ современной русской литературѣ и его причины.—Существенныя свойства романтическаго движенія въ Европѣ. — Его начало, движеніе, исходъ въ реализмъ, и видоизмѣненія подъ вліяніемъ различныхъ общественныхъ обстоятельствъ. — Предѣлы романтической эпохи въ Россіи.

Глава вторая 28

Характеристика нашего общества при вступленіи на престолъ Екатерины. — Жалкое значеніе литературы въ то время. — Начало умственнаго броженія подъ вліяніемъ энциклопедистовъ.—Скептики и мистики.— Необходимость различать умственное движеніе въ отдѣльныхъ кружкахъ отъ движенія всего общества. — Идеи Карамзина, какъ первые задатки романтизма. — Значеніе Жуковскаго въ романтическомъ движеніи. — Романтическій идеалъ во второй періодъ царствованія Александра, его отношеніе къ общественному быту и вліяніе на жизнь и литературу.

Глава третья 49

Измѣненіе нравовъ въ 1826 году. — Патріотизмъ и его два вида. — „Русскій Вѣстникъ“ С. Н. Глинки и „Сынъ Отечества“ Н. И. Греча. — „Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго. — Н. Ал. Полевой. — Отношеніе къ

„Телеграфу“ петербургскихъ кружковъ александровской эпохи. — Перемѣщеніе центра умственнаго движенія. — Значеніе, какое пріобрѣли университеты и журналы съ новою эпохой, и успѣхъ „Телеграфа“ въ связи съ этимъ. — Состояніе умственнаго развитія молодежи въ 30-ые годы: свидѣтельство объ этомъ Г. Григорьева и И. Панаева. — Чѣмъ увлекалась молодежь въ „Телеграфѣ“ и что вообще соединяла она съ романтизмомъ. — Слабая сторона пропаганды Полеваго. — Почему онъ не понялъ Гоголя. — Паденіе Полеваго. — Отношеніе Бѣлинскаго къ Полевому до и послѣ смерти послѣдняго.

Глава четвертая 73

Послѣдовательность въ воспріятіи нашемъ различныхъ философскихъ системъ съ Запада. — Соотвѣтствіе философіи Шеллинга со степенью развитія нашего общества въ тридцатые годы. — Первые шеллингисты — пр. М. Г Павловъ и кружокъ В. Ѳ. Одоевскаго. — Личность Одоевскаго. — Его универсальное образованіе. — Его идеи и вліяніе на современниковъ. — Новые вопросы, возбужденные философіей Шеллинга, и различные отвѣты на нихъ, послужившіе зародышами будущихъ направленій въ литературѣ. — Идея о гніеніи Запада въ связи съ шеллинговою философіей и духомъ времени. — Какъ эта идея отразилась на Одоевскомъ. — Журналы шеллингистовъ. — Мнѣніе Веневитинова. — Статья Ив. Кирѣевскаго „XIX вѣкъ“. —Письмо Чадаева.

Глава пятая 104

Отношеніе шеллингистовъ къ литературѣ. — Новые критическіе взгляды на Пушкина (статьи Веневитинова и Кирѣевскаго). — Личность Надеждина. — Взаимное нерасположеніе между нимъ и Бѣлинскимъ. — Его участіе въ „Вѣстникѣ Европы“. — Литературная безтактность Надеждина. — „Телескопъ“. — Его пропаганда эстетическаго образованія и политическая безхарактерность. — Общій обзоръ движенія мысли въ половинѣ тридцатыхъ годовъ. — Всеобщая реакція. — Борьба ея съ московскимъ движеніемъ. — Славянофилы и характеръ ихъ пропаганды. — Печальное состояніе петербургской литературы. — „Библіотека для чтенія“. — Тѣсная связь взглядовъ Сенковскаго со взглядами, господствовавшими въ петербургскихъ кружкахъ. — Реформы, произведенныя „Библіотекой для чтенія“ въ литературѣ, и полемика Бѣлинскаго съ Шевыревымъ по поводу этихъ реформъ.

Глава шестая 136

Преобладающіе типы молодежи тридцатыхъ годовъ и ихъ соотвѣтствіе со средой умственнаго движенія. — Карамзинская сентиментальность, воскресшая подъ видомъ романтическаго прекраснодушія. — Кружокъ Станкевича. — Прекраснодушіе его членовъ, элементы развитія и симпатіи кружка. — Дѣтство Бѣлинскаго. — Обстановка жизни его въ Москвѣ. — Его личныя особенности сравнительно съ прочими членами кружка. — Страсть Бѣлинскаго къ полемикѣ и недовольство этимъ Станкевича. — Взгляды Бѣлинскаго въ первый періодъ его дѣятельности (1834 – 1836). — Вліяніе на Бѣлинскаго шеллингистовъ и Н. А. Поле-

ваго. — Свѣтлыя и темныя стороны литературной дѣятельности Бѣлинскаго въ этотъ періодъ. — Его общественные взгляды; французоѣдство и германофильство. — Теорія непроизвольнаго творчества и отличіе ея отъ теоріи чистаго искусства. — Мысли Бѣлинскаго о различіи поэзіи реальной отъ идеальной. — Еще нѣсколько словъ о спорѣ Бѣлинскаго съ Шевыревымъ по поводу статьи „Литературная торговля". — Общія заключенія о первомъ періодѣ дѣятельности Бѣлинскаго.

Глава седьмая 177

Начало увлеченія кружка Станкевича гегелевскою философіей. — Новый коноводъ за отсутствіемъ Станкевича — Ба—нинъ. — Двойственность выводовъ изъ гегелевской философіи и причина ея. — Почему въ кружкѣ Станкевича утвердились выводы въ абстрактно-примирительномъ духѣ.—Соотвѣтствіе абстрактно-примирительнаго направленія съ характеромъ литературно-артистическихъ кружковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и ихъ соціальнымъ положеніемъ. — Почему Бѣлинсвій подчинился этому направленію. — Характеристика увлеченія Гегелемъ кружка Станкевича. — „Московскій Наблюдатель" подъ редакціей молодыхъ друзей. — Эстетическія воззрѣнія Бѣлинскаго подъ угломъ зрѣнія абстрактно-примирительныхъ теорій.—Мнѣнія Бѣлинскаго о Шиллерѣ, Гете, Пушкинѣ, Полежаевѣ, Гоголѣ и Грибоѣдовѣ.—Филиппики противъ французовъ и юной Германіи.— Восхваленіе Греча. — Оппозиція Станкевича противъ увлеченій его московскихъ друзей. — Полнѣйшій разладъ Бѣлинскаго съ духомъ и настроеніемъ общества и паденіе „Московскаго Наблюдателя". — Нѣсколько мыслей о томъ, почему факты такого-же рода повторялись неоднократно въ нашей литературѣ. — Матеріальное и нравственное положеніе Бѣлинскаго передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. — Его собственный взглядъ на гибельное вліяніе замкнутаго кружка.

Глава восьмая 213

Три періода переходныхъ умственныхъ процессовъ. — Сороковые годы, представляющіе второй періодъ. — Западники и славянофилы; сущность ихъ вражды и многочисленныя точки соприкосновенія между ними. — Общее хаотическое состояніе мысли въ сороковые годы. — Гоголь—представитель средневѣковыхъ міровоззрѣній. — Грановскій—полное воплощеніе промежуточныхъ людей сороковыхъ годовъ. — Его воспитаніе; студенчество; любовныя интриги. — Вліяніе на него Станкевича и пр. Ганца.— Противорѣчія во всѣхъ его убѣжденіяхъ, политическихъ, философскихъ, педагогическихъ и пр.—Рефлексіи и humeur noire.—Ораторскій талантъ Грановскаго и вліяніе на современниковъ. — Овація публики въ честь его и значеніе ихъ — Отношеніе Грановскаго къ студентамъ и публикѣ. — Страсть его къ общественной жизни.

Глава девятая 253

Особенность развитія Герцена сравнительно съ современниками и его эклектизмъ. — Дѣтство Герцена. — Домашняя обстановка и вліяніе окружающихъ его лицъ. — Типъ Базарова тридцатыхъ годовъ. — Университетскій періодъ. — Сенъ-симонизмъ и переходъ его въ мистицизмъ. —

Разрывъ съ Полевымъ. — Герценъ и Огаревъ — мистики. — Женитьба Герцена.—Столкновеніе съ Бѣлинскимъ и обоюдное вліяніе. — Герценъ—гегеліанецъ. — Періодъ рефлексій и выходъ изъ него въ фейербахизмъ.— Общій взглядъ на элементы развитія Герцена. — Статья о Гофманѣ. — „Записки одного молодаго человѣка“ и выражетный въ нихъ протестъ противъ направленія „Московскаго Наблюдателя“.

Глава десятая 283

Характеръ жизни Герцена отъ 1842 до 1847 года. — Литературная плодовитость въ это время и ея причины. — Три категоріи сочиненій Герцена: сочиненія философскія, рефлективно-моральныя, нравоописательныя. — Отъѣздъ за границу. — Письма изъ Франціи и Италіи. — Послѣдній умственный переворотъ Герцена. — „Съ того берега“. — Взгляды Герцена на будущность Европы и Россіи и различіе его отъ славянофиловъ. — Его мнѣнія объ этомъ ученіи. — Характеръ анализа Герцена.— Жизнь Герцена отъ 1852 по 1855 годъ. — Умѣренность политическихъ убѣжденій въ послѣдующій періодъ его жизни.

Глава одиннадцатая 323

Вліяніе на Бѣлинскаго переѣзда въ Петербургъ. — Начало въ Бѣлинскомъ переходнаго процесса. — Свидѣтельство объ этомъ Тургенева. — Новый взглядъ на романтизмъ. — Статья о Лермонтовѣ. — Рефлексіи и отрицаніе рутинной морали. — Примиреніе съ французскою литературой и увлеченіе романами Жоржъ-Зандъ.—Новые взгляды философскіе и эстетическіе. — Оцѣнка Пушкина и Ап. Майкова.

Глава двѣнадцатая 341

Двѣ струи въ движеніи мысли сороковыхъ годовъ: струя зрѣлаго и молодаго поколѣнія. — Причины преобладанія отрицанія въ зрѣлыхъ дѣятеляхъ сороковыхъ годовъ. — Отрицательный характеръ сочиненій Бѣлинскаго съ 1843 года и недостатокъ опредѣленныхъ взглядовъ на положительность, натуральную школу и женскій вопросъ. — Направленіе молодежи сороковыхъ годовъ. — Первые проблески реальной мысли. — В. Н. Майковъ и его эстетическая теорія. — Критика метафизической эстетики.

Глава тринадцатая. 367

Идеи В. Майкова объ отношеніи народности къ общечеловѣческой цивилизаціи и значеніе этихъ идей. — Общность основныхъ принциповъ западниковъ и славянофиловъ 40-хъ годовъ и противоположность идей В. Майкова съ этими принципами. — Полемика Бѣлинскаго съ славянофилами и внезапное смягченіе полемическаго тона со стороны Бѣлинскаго при появленіи статьи В. Майкова. — Опроверженіе Бѣлинскимъ идей В. Майкова. — Мнѣніе Бѣлинскаго о томъ, какъ слѣдуетъ относиться намъ къ современнымъ вопросамъ Запада.

Глава четырнадцатая. 389

Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ. — Краткія біографическія свѣдѣ-

нія о его жизни. — Первая статья его „Пролетаріи и пауперизмъ“. — Статья о книгѣ Бутовскаго въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“. — Изложеніе идей позитивной философіи. — Взгляды на политическую экономію и ея школы съ точки зрѣнія этихъ идей. — Передовая статья въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ началѣ 1848 года. — Общій характеръ умственнаго движенія въ концѣ сороковыхъ годовъ и нѣкоторое сходство его съ движеніемъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. — Внезапный перерывъ этого движенія.

Глава пятнадцатая 404

Нѣсколько словъ объ отношеніи качественнаго развитія мысли къ количественному и о вліяніи этого отношенія на основной законъ развитія мысли. — Состояніе общественнаго развитія въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. — Реакція сверху и снизу. — Возвращеніе къ теоріи чистаго искусства. — Безцвѣтность и произвольность критики пятидесятыхъ годовъ. — Беллетристика пятидесятыхъ годовъ. — Возвращеніе къ теоріи чистой науки. — Ученость среди молодежи и наплывъ ея въ журналистику. — Общее заключеніе о состояніи общественной мысли въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Глава шестнадцатая 422

Переходъ отъ индивидуально-нравственныхъ идей къ общественнымъ. — Неподготовленность общества къ общественнымъ вопросамъ. — Средневѣковыя точки зрѣнія на реформы. — Статья г. Пирогова „Вопросы жизни“. — Возрожденіе идей сороковыхъ годовъ. — Значеніе въ этомъ отношеніи петербургскаго университета. — Метаморфоза „Современника“. — Статьи „Очерки гоголевскаго періода“ и „Лессингъ“. — Возбужденіе философскаго броженія въ обществѣ.

Глава семнадцатая 440

Вліяніе движенія сороковыхъ годовъ на умственное развитіе непривилегированныхъ классовъ. — Появленіе новаго нравственнаго идеала въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и его соотвѣтствіе съ средой образованнаго пролетаріата. — Два различныя отношенія къ этому идеалу въ эпоху движенія шестидесятыхъ годовъ. — Добролюбовъ, какъ представитель новаго идеала. — Характеръ дѣтства Добролюбова. — Привязанность его къ матери. — Ученіе дома и въ семинаріи. — Страсть къ авторству. — Аскетизмъ. — Романтическія мечты и порывы. — Разочарованіе въ нихъ и обращеніе къ дѣйствительности. — Поступленіе въ педагогическій институтъ. — Характеръ институтской жизни Добролюбова и первые проблески новаго идеала. — Новые удары жизни. — Ожесточеніе. — Окончательное развитіе новаго идеала. — Писаніе романа. — Внутреннія тревоги и колебанія.

Глава восемнадцатая. 475

Начало литературной дѣятельности Добролюбова. — Добролюбовъ, какъ воскреситель идей сороковыхъ годовъ. — Реальныя основанія его міросозерцанія. — Эстетическія воззрѣнія. — Преобладаніе публицистики

надъ критикой въ статьяхъ Добролюбова. — Характеръ публицистической дѣятельности Добролюбова. — Борьба противъ господства авторитета и вліяній крѣпостнаго права. — Обличеніе отсутствія народныхъ интересовъ, безсилія и мелочности въ литературѣ. — Положительные идеалы Добролюбова. — Выставленіе типа молодаго поколѣнія противъ типа людей сороковыхъ годовъ.— Исканіе цѣльныхъ характеровъ въ народѣ. — Вѣра въ живыя силы народа и противупоставленіе ихъ дряблости интеллигентной среды. — Заключеніе о Добролюбовѣ. — Общіе выводы и положенія изъ всего трактата.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Панегирическій и полемическій взгляды на эпоху сороковыхъ годовъ и ихъ несостоятельность. — Необходимость объективнаго обозрѣнія развитія нашей мысли и обращенія при этомъ вниманія на двѣ стороны процесса развитія. — Результатъ, къ которому должно привести такое обозрѣніе. — Содержаніе и объемъ моего труда.

Много уже было высказано всякаго рода мнѣній и сужденій о разныхъ дѣятеляхъ и литературныхъ явленіяхъ того періода лѣтъ, который обозначенъ въ заглавіи предпринятаго мною труда. Появленіе каждаго памятника, относящагося къ этому времени, каждой монографіи, трактующей объ этой эпохѣ, возбуждало не мало всякаго рода толковъ, споровъ и пререканій. Но надо обратить вниманіе на то, что до послѣдняго времени отношеніе къ различнымъ явленіямъ такъ-называемыхъ сороковыхъ годовъ (эпохѣ, которая, собственно говоря, не ограничивается одними сороковыми годами, а обнимаетъ собою болѣе трехъ десятилѣтій) было почти исключительно или панегирическое, или полемическое, и до сихъ поръ, несмотря на все обиліе изданнаго объ этой эпохѣ, врядъ-ли вы найдете особенно много сочиненій, заключающихъ въ себѣ вполнѣ объективные и безпристрастные взгляды. Это вполнѣ естественно, если взять во вниманіе, что эпоха эта такъ близка къ намъ, какъ вчерашній день, что хотя она и минула, но идеи и многіе люди, принадлежащіе къ ней, продолжаютъ еще жить и дѣйствовать и, окруженные ореоломъ славы, вооруженные талантами, властію и вѣсомъ въ обществѣ, не перестаютъ еще

съ слѣпымъ упорствомъ задерживать напоръ новыхъ идей и потребностей вѣка. Какому-же быть иному отношенію, какъ не полемическому въ разгарѣ той борьбы, какая ведется до сихъ поръ между старымъ поколѣніемъ и молодымъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, между людьми сороковыхъ годовъ и шестидесятыхъ? Надо взять въ разсчетъ и то, что не болѣе, какъ 15 лѣтъ тому назадъ, и полемическое отношеніе къ передовымъ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ было еще немыслимо въ прогрессивныхъ лагеряхъ нашей литературы, а было естественно и даже необходимо — одно панегирическое: въ то время противъ литературныхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ ратовали люди, боровшіеся съ ними еще при ихъ жизни во имя началъ, которыя и въ сороковые годы представлялись уже отжившими. Это было время, когда фаза мысли сороковыхъ годовъ успѣла вполнѣ опредѣлиться и закончиться, новая-же фаза шестидесятыхъ годовъ только-что зачиналась и еще въ весьма неясныхъ, неопредѣленныхъ чертахъ рисовалась въ будущемъ. Гоголь, Бѣлинскій, Грановскій едва успѣли сойти съ поприща и на нихъ (кромѣ развѣ одного Гоголя) не отвыкли еще смотрѣть, какъ на дѣятелей вполнѣ современныхъ, которые, еслибы не сошли преждевременно въ могилу, то могли бы, не отставая отъ вѣка, продолжать писать и говорить въ томъ-же направленіи, въ какомъ закончили свое поприще. Однимъ словомъ, къ нимъ относились еще такъ, какъ нынѣ мы относимся къ Добролюбову или Писареву. Такое отношеніе мы встрѣчаемъ въ „Очеркахъ гоголевскаго періода“ („Совр.“, 1856 г.), первомъ дѣльномъ и капитальномъ сочиненіи, посвященномъ этой эпохѣ и трактующемъ объ одномъ изъ самыхъ передовыхъ дѣятелей ея — Бѣлинскомъ. Цѣль сочиненія — показать, какой великій и глубокій критикъ былъ Бѣлинскій, какое значеніе имѣлъ онъ въ свое время среди разнаго рода литературныхъ партій, окружавшихъ его, что̀ онъ сдѣлалъ сравнительно съ предшествующимъ его временемъ, чѣмъ мы ему обязаны и что̀ мы въ немъ утратили. Всѣ эти вопросы разрѣшены съ такою полнотою и обстоятельностью, что врядъ-ли можетъ выйти другое сочиненіе въ этомъ родѣ, могущее соперничать съ нимъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы не найдете въ немъ того, что̀ въ наше время представляется вопросомъ первой важности: именно постановки дѣятельности Бѣлинскаго въ общій уровень развитія идей его вѣка сравнительно съ предшествующимъ и послѣдующимъ временемъ и, притомъ, идей не только однихъ эстетическихъ и литературныхъ, но моральныхъ

и политическихъ. Если въ „Очеркахъ“ говорится и объ этомъ, то намеками только, вскользь, и при этомъ берется въ соображеніе ходъ развитія европейской мысли вообще въ ея логическомъ процессѣ безъ принятія въ соображеніе въ то-же время общественныхъ условій, вліяющихъ на различныя колебанія и направленіе мысли; главное-же вниманіе обращено въ „Очеркахъ“, все-таки, на значеніе дѣятельности Бѣлинскаго, преимущественно литературное и эстетическое. Этотъ характеръ „Очерковъ“, кромѣ разныхъ побочныхъ, нелитературныхъ причинъ, обусловливается и тѣмъ, что передъ авторомъ не было еще послѣдующаго времени, съ которымъ онъ могъ бы сравнивать дѣятельность Бѣлинскаго въ связи съ характеромъ вѣка его; кромѣ этого, надо взять во вниманіе и то, что авторъ имѣлъ въ виду въ своей статьѣ достиженіе особенной спеціальной цѣли, прямо вытекающей изъ того времени, въ которое написана была эта статья. Въ то время имя Бѣлинскаго только-что начинало выходить изъ мрака, въ которомъ до того скрывалось. Очень многіе не имѣли еще и понятія о томъ, что̀ соединяется съ этимъ именемъ; другіе смотрѣли на него, какъ на имя дерзкаго литературнаго фразёра и недоученаго крикуна; третьи соединяли съ этимъ именемъ нѣчто такое криминальное, что одно упоминаніе о немъ на страницахъ журнала, да еще съ сочувствіемъ къ нему, считали крайне компрометирующимъ журналъ по отношенію къ благонамѣренности. Понятно, что въ то время дѣломъ первой важности было познакомить публику съ личностью Бѣлинскаго, какъ съ дѣятелемъ, едва сошедшимъ съ поприща и вѣяніе котораго отражалось еще на всей литературѣ, пропагандировать, такъ сказать, его, и въ то-же время защищать отъ нападковъ на неблагонамѣренность, чего вполнѣ достигли „Очерки“.

Совершенно такой-же характеръ носятъ всѣ монографіи о разныхъ дѣятеляхъ сороковыхъ годовъ вплоть до 62 года, то-есть, до начала реакціи. Таковы біографія Станкевича Анненкова, приложенная къ изданію переписки Станкевича, статья Добролюбова о Станкевичѣ, воспоминанія о Бѣлинскомъ И. Панаева и его-же „Литературныя воспоминанія“, „Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, біографическій очеркъ“ Д. Свіяжскаго и проч. Хотя въ это время новая фаза мысли шестидесятыхъ годовъ все болѣе и болѣе выясняется и опредѣляется, но люди сороковыхъ годовъ еще не выдѣляются изъ движенія, въ умахъ современниковъ сохраняется еще живая преемственная связь между эпохой сороковыхъ и

шестидесятыхъ годовъ и отношеніе къ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ продолжаетъ сохранять характеръ панегирическій. Во всѣхъ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ писатели рисуютъ передъ вами дѣятелей сороковыхъ годовъ мужественными борцами и страдальцами мысли среди мрака невѣжества, окружавшаго ихъ, благоговѣйно вслушиваются въ каждое ихъ слово, спѣшатъ заявить о каждомъ фактѣ, характеризующемъ ихъ съ положительной стороны, и съ негодованіемъ относятся къ малѣйшимъ нападкамъ на ту или другую чтимую личность.

Съ начала реакціи отношеніе къ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ подъ вліяніемъ борьбы, возникшей между старымъ и молодымъ поколѣніями, быстро мѣняется. Рядомъ съ прежнимъ панегирическимъ возникаетъ въ прогрессивныхъ лагеряхъ нашей литературы и отношеніе полемическое. Эпохи сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ начинаютъ становиться другъ противъ друга, какъ двѣ противоположныя крайности, между которыми лежитъ непроходимая пропасть, при чемъ, гдѣ одни видятъ свѣтъ, тамъ другіе ничего, кромѣ мрака, не признаютъ. До какой степени утвердилось это полемическое увлеченіе, мы видимъ изъ того, что оно встрѣчается не въ однѣхъ только полемическихъ статьяхъ всякаго рода, каковы, напримѣръ, были тѣ статьи Писарева и Зайцева, въ которыхъ эти писатели говорили о Грановскомъ, Кудрявцевѣ, Бѣлинскомъ, Лермонтовѣ, но подчасъ и въ такихъ сочиненіяхъ, которыя, по самому содержанію своему, должны бы были имѣть объективный характеръ, каковы мемуары и сборники біографическихъ матеріаловъ. Таковы, напримѣръ, „Воспоминанія Тургенева о Бѣлинскомъ“: г. Тургеневу недостаточно было сообщить все, что онъ помнитъ о Бѣлинскомъ, ему казалось необходимымъ, рядомъ съ величіемъ Бѣлинскаго выставить ничтожество Добролюбова. Точно также біографія Грановскаго г. Станкевича, подъ конецъ представляетъ вамъ тонкій, но весьма чувствительный намекъ на то, что вы-де, современныя либеральныя односторонности всякаго рода, напрасно причисляете къ своему лагерю Грановскаго, съ его всеобъемлющею гуманностью и широтой взглядовъ, чуждыхъ всякихъ партій.

Въ силу этой полемики, въ литературѣ нашей утвердились два рѣзкія направленія въ сравнительной оцѣнкѣ двухъ эпохъ. Съ одной стороны всѣ общественныя реформы послѣдняго времени, всѣ успѣхи въ наукахъ и искусствахъ выводятся исключительно изъ сороковыхъ годовъ и приписываются людямъ этой эпохи. Вы

подумайте, говорятъ люди этого направленія, сколько могучихъ талантовъ произвела эта эпоха: припомните только имена Бѣлинскаго, Гоголя, Грановскаго, Кудрявцева, Кавелина, Костомарова, Тургенева, Писемскаго, Гончарова—все это люди или дѣйствовавшіе въ то время, или вышедшіе изъ него и дѣйствующіе теперь. Какіе люди подняли крестьянскую и прочія реформы, содѣйствовали и руководили ими своими знаніями и практическими трудами? По бо̀льшей части люди сороковыхъ годовъ. Наконецъ, развитіе самосознанія въ нашемъ обществѣ, уваженія къ литературѣ, наукѣ, эстетическаго вкуса, гуманности, все это дѣло людей сороковыхъ годовъ, всему этому мы имъ обязаны. А что̀ сдѣлало ваше молодое поколѣніе? Много-ли вышло изъ него такихъ могучихъ, блестящихъ талантовъ, какіе были упомянуты выше? Разъ, два, да и обчелся. А вышло-ли хоть одно произведеніе искусства, которое можно было бы поставить рядомъ съ произведеніями писателей сороковыхъ годовъ? А какое участіе принимало молодое поколѣніе во всѣхъ реформахъ? Оно встрѣтило ихъ съ свистомъ, вооружившись несбыточными утопіями. Проповѣдь его проникнута отрицаніемъ науки, искусства, гуманности, всякихъ нравственныхъ основъ въ человѣкѣ и порядка въ обществѣ, словомъ, представляетъ мрачныя бездны нигилизма.

Съ другой стороны не перестаютъ высказываться мнѣнія діаметрально противоположныя: истинное самосознаніе въ обществѣ нашемъ, говорятъ, развилось только съ шестидесятыхъ годовъ; только съ этого времени начались у насъ дѣйствительные успѣхи въ наукахъ, настоящее пониманіе значенія искусства, глубокій анализъ общественныхъ отношеній; только съ этого времени явились истинные люди свѣта, правды, сильные, энергическіе, гуманные, люди дѣла, а не однихъ словъ. А что̀ такое были сороковые годы? Эта мрачная эпоха была способна не развивать силы, а сокрушать ихъ. Поэтому, люди сороковыхъ годовъ, это люди больные, надломленые, люди холодной рефлекціи, словъ, а не дѣла. Чуждые всякихъ живыхъ общественныхъ интересовъ, они искали забвенія или въ отвлеченной отъ жизни наукѣ, или въ созерцаніи прекрасныхъ образовъ чистаго искусства, или въ узкой сферѣ семейнаго счастія, или, наконецъ, въ легкомъ и пустомъ эпикурепзмѣ. Въ общественномъ движеніи послѣдняго времени они постоянно представлялись тормазами, вслѣдствіе своей запуганности, нерѣшительности и апатіи: каждая реформа сначала пугала ихъ, представлялась имъ роковымъ шагомъ, ведущимъ общество прямо въ про-

пасть. Они старались обыкновенно всячески ее отодвинуть, ссылаясь на неразвитость, неприготовленность нашего общества; а въ концѣ концовъ, когда рядъ реформъ совершился помимо ихъ предостереженій, озлобленные и обезкураженные, они начали смотрѣть на все совершившееся, какъ на миражъ, дымъ и ничтожную топотню на одномъ мѣстѣ.

Въ каждомъ изъ этихъ мнѣній, если хотите, есть своя доля справедливости и съ нѣкоторыми отдѣльными положеніями вы не можете не согласиться. Развѣ не правда, что сороковые годы дѣйствительно выпустили рядъ весьма даровитыхъ личностей, которымъ мы обязаны не мало; справедливо, съ другой стороны, и то, что шестидесятымъ годамъ мы обязаны такими успѣхами въ общественномъ и умственномъ развитіи, о какихъ сороковые годы и не мечтали.

Но далѣе, за тѣмъ, въ обоихъ мнѣніяхъ слѣдуетъ рядъ непроходимыхъ противорѣчій. Съ одной стороны вы подумайте только, сколько комизму должно представиться во всей дѣятельности людей сороковыхъ годовъ, если вы посмотрите на нее ихъ-же глазами: является рядъ талантливыхъ людей, начинаютъ развивать въ обществѣ гуманность, эстетическій вкусъ, уваженіе къ наукѣ, стремленіе къ высшему развитію. Казалось бы, что подъ вліяніемъ этой пропаганды должно было воспитаться молодое поколѣніе экстраидеальное... И вдругъ что-же: какъ-будто нарочно, вопреки всей пропаганды, является поколѣніе немытое, нечесанное, небритое, съ дикими необузданными нравами, отрицаніемъ наукъ, искусствъ, нравственности, цивилизаціи! Что-же это такое? Выходитъ какой-то неожиданный фокусъ-покусъ, и люди сороковыхъ годовъ сами отрицаютъ всѣ плоды своей дѣятельности, выдавая себя за какихъ-то заколдованныхъ и опростоволосившихся сѣятелей, которые посѣяли ананасы, а выросъ хрѣнъ. Если-же считать всю эту печальную катастрофу за случайное вторженіе въ нашу жизнь чуждыхъ вліяній, парализовавшихъ благодѣтельную дѣятельность людей сороковыхъ годовъ, то не забудьте при этомъ, что вѣдь съ одной стороны признается цѣлое созвѣздіе могучихъ, развитыхъ, обогащенныхъ знаніями талантовъ, а съ другой стороны ничего не признается, кромѣ мелкихъ, злобныхъ, невѣжественныхъ посредственностей, и опять-таки вы имѣете дѣло съ чудеснымъ историческимъ фактомъ, совершившимся вопреки всѣхъ законовъ природы: цѣлый рядъ могучихъ талантовъ отодвинуть въ сторону и бла-

готворное вліяніе его парализовано какими-то темными, ничтожными невѣждами.

Но и съ другой стороны вы можете встрѣтить не меньше противорѣчій. Говоря объ успѣхахъ общественнаго развитія въ послѣднее время, сторона эта старается при всякомъ удобномъ случаѣ доказывать, что эти успѣхи не были случайны и искусственно привиты, а естественно и органически возникли изъ потребностей нашей жизни и представляютъ послѣдовательный ходъ этого развитія; но въ то-же время не перестаетъ зіять подъ перьями нашихъ публицистовъ мрачная бездна между сороковыми и шестидесятыми годами, при чемъ новые идеи и люди словно съ неба сваливаются и неожиданно вторгаются въ нашу жизнь въ совершенный разрѣзъ съ жизнью и дѣятельностью прежнихъ поколѣній, словно тѣ бѣлые боги, которые, подъ предводительствомъ Колумба, нежданно-негаданно явились въ гости къ американскимъ дикарямъ. Если-же и стараются разъяснить причины перелома, то все обыкновенно подводятъ подъ одну какую-либо причину и впадаютъ еще въ бо̀льшія противорѣчія. Такъ, напримѣръ, одни опираются исключительно на общественныя обстоятельства: въ сороковые годы, говорятъ, царствовала мрачная реакція, которая растлѣвала силы людей, а въ шестидесятые, съ бо̀льшимъ развитіемъ личной свободы, люди почувствовали бо̀льшую возможность прилагать свои силы къ той или другой дѣятельности; оттого до шестидесятыхъ годовъ и были все люди однихъ словъ и разъѣдающей рефлексіи, а послѣ шестидесятыхъ годовъ явились люди дѣла. Но я не знаю нужно-ли приводить много доказательствъ, чтобы показать, какъ неопредѣленно и шатко такое положеніе, имѣющее, очевидно, свою относительную долю правды. Казалось бы, напримѣръ, что изъподъ гнета реакціи естественно должны были бы явиться самые мрачные, ожесточенные и непримиримые реформаторы, а подъ вліяніемъ свободы, хоть въ самой незначительной степени, напротивъ того, должны образоваться новые люди съ болѣе мирными и оптимистическими наклонностями; а между тѣмъ, случилось какъ разъ наоборотъ: люди сороковыхъ годовъ представляютъ гораздо болѣе наклонности къ благодушному примиренію, чѣмъ поколѣніе шестидесятыхъ годовъ. И вообще мы видимъ въ исторіи многократные примѣры, что реакція въ одну эпоху или въ одной средѣ дѣлаетъ людей никуда негодными тряпками, при другихъ-же обстоятельствахъ, напротивъ того, ожесточаетъ ихъ, изощряетъ изобрѣтательность ихъ относительно различныхъ средствъ къ отпору и борьбѣ.

Другіе опираются исключительно на умственное развитіе; все различіе между людьми сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ съ этой точки зрѣнія происходитъ исключительно изъ того, что люди сороковыхъ годовъ были романтики, идеалисты, витали въ отвлеченныхъ сферахъ; съ шестидесятыхъ-же годовъ появилось новое положительное міросозерцаніе, молодое поколѣніе спустилось съ облаковъ на землю и начало ставить на первый планъ не какіе-либо отвлеченные, космическіе, эстетическіе и моральные вопросы, а насущныя потребности жизни общественной и частной. Опять-таки подобное положеніе не лишено справедливости; но оно вовсе не есть представленіе настоящихъ и существенныхъ причинъ различія двухъ поколѣній, а есть только поставленіе факта, указаніе на одинъ изъ признаковъ различія; признакъ этотъ, безспорно, очень важный; онъ долженъ стоять на первомъ планѣ, но онъ далеко еще не все объясняетъ и, въ свою очередь, можетъ представить вамъ цѣлый рядъ противорѣчій, если вы вздумаете на немъ одномъ основать все. Основывать все на этомъ признакѣ — значитъ утверждать, что только современное намъ, положительное міросозерцаніе способно развивать въ людяхъ общественные интересы; идеалистическія-же системы ведутъ непремѣнно и всегда къ отрѣшенію отъ пониманія живыхъ и естественныхъ потребностей частныхъ и общественныхъ и витанію въ отвлеченныхъ сферахъ. Но утверждать это, значитъ отрицать въ историческомъ прошломъ всякую возможность какихъ-либо общественныхъ движеній, такъ-какъ истинно положительное міросозерцаніе развилось въ весьма недавнее время, а между тѣмъ, мы видимъ въ исторіи рядъ общественныхъ движеній, совершившихся на почвѣ самыхъ крайнихъ идеалистическихъ системъ; вы подумайте только объ англійскихъ пуританахъ временъ Карла I: развѣ мы не видимъ въ нихъ идеалистовъ въ высшей степени, мистиковъ съ ногъ до головы, и развѣ это помѣшало имъ стоять во главѣ общественнаго движенія своего времени? И вообще, какое бы мы міросозерцаніе ни взяли изъ тѣхъ, какія пережило человѣчество, начиная отъ самаго младенческаго и не исключая современнаго намъ, реальнаго, на почвѣ каждаго мы найдемъ оптимистовъ и пессимистовъ, отвлеченныхъ мыслителей, и мужественныхъ, энергическихъ людей практическаго дѣла. Никогда не надо забывать, что тѣ или другія общественныя, политическія и нравственныя направленія, которыя мы замѣчаемъ въ различныхъ людяхъ, въ различныхъ слояхъ общества и въ различныя эпохи, зависятъ не столько отъ общихъ системъ

міросозерцанія, сколько отъ тѣхъ или другихъ вліяній жизни, направляющихъ однихъ людей въ одну сторону, другихъ—въ другую. Общія-же системы міросозерцаній имѣютъ ту особенность, что онѣ, при своей всеобъемлющей широтѣ, крайне растяжимы и гибки и при ихъ помощи легко объяснить, оправдать и вывести изъ нихъ самыя противоположныя доктрины. Развѣ не на одномъ и томъ-же циклѣ христіанскихъ идей основывались впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и самыя мрачныя проявленія деспотизма, и самые смѣлые порывы къ свободѣ. Развѣ не изъ одного и того-же Гегеля выводили свои ученія въ сороковые годы и славянофилы, и западники, и отвлеченные эстетики, и люди, проникнутые общественными интересами?

Выпутаться изъ всѣхъ этихъ противорѣчій—одно средство: сойти совершенно и съ панегрической, и съ полемической почвы и безпристрастно, шагъ за шагомъ, прослѣдить, какъ мысль нашего общества въ ея литературныхъ проявленіяхъ измѣнялась годъ за годомъ въ ея различныхъ направленіяхъ. При этомъ нужно обратить тщательное вниманіе на двѣ стороны движенія мысли: съ одной стороны, на тотъ логическій процессъ разума, который состоитъ въ смѣнѣ различныхъ міросозерцаній, зависящей отъ расширенія умственнаго горизонта обогащеніемъ его всякаго рода знаніями и изощренія мозга путемъ умственныхъ упражненій; съ другой стороны не менѣе важно обратить вниманіе и на то дифференцированіе людей по различнымъ партіямъ и направленіямъ, совершающееся на почвѣ одного и того-же міросозерцанія вслѣдствіе вліяній различныхъ обстоятельствъ жизни. Я вовсе не имѣю въ виду утверждать, чтобы это были два различные процесса мысли; это больше ничего, какъ двѣ стороны одного процесса; онѣ очень тѣсно, неразрывно соединяются между собою, такъ что нѣтъ возможности строго разграничить одну отъ другой; но, тѣмъ не менѣе, опускать совершенно изъ виду ихъ различіе и весь прогрессъ основывать на одной, какъ это часто дѣлается, значитъ не разъяснять факты движенія данной эпохи, а только затемнять ихъ и запутывать. Различіе этихъ двухъ сторонъ, какъ бы онѣ ни сплетались между собою въ ходѣ развитія, рѣзко бросается въ глаза тою уже своею противоположностью, что въ то время, какъ изъ одной стороны проистекаетъ стремленіе разума переработывать жизнь сообразно новыхъ пріобрѣтенныхъ имъ данныхъ, другая сторона, напротивъ, обусловливаетъ собою вліяніе жизни на

разумъ, на тѣ или другія его направленія, успѣхи или отклоненія и искаженія.

При такомъ обзорѣ должна исчезнуть мнимая пропасть между сороковыми и шестидесятыми годами. Обѣ эти эпохи представятся намъ не двумя различными эпохами, а двумя противоположными полюсами одной эпохи непрерывнаго умственнаго движенія, начавшагося въ тридцатые годы и дошедшаго до своихъ результатовъ въ шестидесятые, и движеніе шестидесятыхъ годовъ окажется вовсе не случайнымъ вторженіемъ извнѣ идей и принциповъ, неожиданно увлекшихъ молодёжь куда-то въ сторону, и не какимъ-либо чудеснымъ зарожденіемъ новаго вопреки всего стараго, словно изъ головы Юпитера, а послѣдовательнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ умственнаго процесса, совершившагося по своимъ непреложнымъ законамъ. Всякое умственное движеніе въ этомъ отношеніи можетъ быть сравнено съ прямолинейнымъ движеніемъ: исходя изъ одной точки и двигаясь по прямой линіи, тѣло необходимо должно перейти къ противоположному концу даннаго пространства. Точно также и умственное движеніе: въ сущности, прямая его безконечна; но останавливаясь на какой-либо эпохѣ, вы всегда встрѣтите позади ея міросозерцаніе противоположное, изъ котораго мысль, шагъ за шагомъ, пришла къ системѣ возрѣній разсматриваемаго вами времени. Такъ, греческая философія, начавши съ грубаго эмпиризма іонійской и элейской школъ, въ конечномъ результатѣ своемъ ударилась въ необузданный идеализмъ неоплатониковъ. Точно также, что̀ общаго между идеями Лютера, Кальвина, Цвингли съ одной стороны, и Вольтера, Дидро, Гельвеція — съ другой? Еслибы эти люди могли встрѣтиться въ жизни, они навѣрное отшатнулись бы другъ отъ друга съ ужасомъ и отвращеніемъ, а между тѣмъ, философія XVIII вѣка была не чѣмъ инымъ, какъ послѣдовательнымъ результатомъ умственнаго движенія, начавшагося въ Европѣ въ XV вѣкѣ провозглашеніемъ свободы совѣсти и критики въ вопросахъ вѣры. Точно также и многіе современные германскіе мыслители хотя и стоятъ на почвѣ совершенно противоположной, чѣмъ стояли Лессингъ, Кантъ, Фихте, Гегель, тѣмъ не менѣе, это не даетъ имъ никакого права выдѣлять себя изъ того круга умственнаго движенія, которое началось въ Германіи во второй половинѣ прошлаго вѣка.

Мнѣ кажется, что теперь уже время для подобнаго анализа, такъ-какъ не только сороковые годы, но шестидесятые начинаютъ все болѣе и болѣе уходить въ глубь прошедшаго и образуется

историческая перспектива, достаточная для обозрѣнія двухъ эпохъ въ ихъ переходѣ одна въ другую. Не имѣя претензіи вполнѣ удовлетворить этой задачѣ, что́ значило бы написать всестороннюю исторію нашей цивилизаціи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, принять въ соображеніе не одни литературныя, но и всѣ прочія явленія общественной жизни этой эпохи въ различныхъ сферахъ, я намѣренъ ограничиться общимъ обзоромъ движенія прогрессивной мысли нашего общества въ эпоху, начиная съ 1825 года и кончия 1861-мъ, сгруппировавши этотъ обзоръ вокругъ вышеозначенныхъ представителей мысли этой эпохи, начиная съ Полеваго и кончая Добролюбовымъ. Цѣль моего трактата—показать, какими путями развитіе нашей мысли отъ того состоянія, въ которомъ находилось въ эпоху „Телеграфа“, шагъ за шагомъ пришло къ идеямъ Добролюбова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ложное пониманіе романтизма въ современной русской литературѣ и его причины.—Существенныя свойства романтическаго движенія въ Европѣ.—Его начало, движеніе, исходъ въ реализмъ, и видоизмѣненія подъ вліяніемъ различныхъ общественныхъ обстоятельствъ.—Предѣлы романтической эпохи въ Россіи.

Тридцатые годы, въ которые Бѣлинскій выступилъ на литературное поприще, считаются у насъ годами самаго крайняго развитія романтизма. Но что̀ такое романтизмъ? Какое значеніе имѣлъ онъ въ Европѣ и у насъ? Ка̀къ широка его сфера въ жизни, т.-е. ограничивается-ли онъ одною эстетическою теоріей, или, напротивъ того, обнимаетъ собою всѣ отношенія жизни? Гдѣ его начало и конецъ?

Надо замѣтить, что ни о какомъ предметѣ такъ много не говорили у насъ, какъ о романтизмѣ, начиная съ двадцатыхъ годовъ и до нашего времени, и ни о какомъ предметѣ не существуетъ такихъ смутныхъ, односторонних̀ъ и неопредѣленныхъ понятій, какъ объ этомъ сфинксѣ. Говорили, говорили и договорились до того, что слово „романтизмъ“, подобно другому, вновь изобрѣтенному прозвищу, потеряло въ глазахъ многихъ нашихъ просвѣщенныхъ мыслителей всякое значеніе, какъ извѣстное міросозерцаніе или фаза развитія, и приняло безразличный тупой смыслъ оскорбительнаго прозвища, въ родѣ тѣхъ бранныхъ словъ, которыя, ничего въ сущности не выражая, придаются людямъ, которыхъ желаютъ унизить.

Такое низведеніе слова „романтизмъ“ до ругательнаго прозвища произошло изъ того, что романтизмъ отождествляютъ у насъ съ реакціей, застоемъ и представляютъ его не иначе, какъ въ видѣ мистическаго паренія въ заоблачныхъ сферахъ, соединеннаго съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ относительно различныхъ реальныхъ потребностей и общественныхъ вопросовъ дня. Поэтому, сказать, что извѣстный писатель романтикъ, это значитъ у насъ опредѣлить, что ему чуждо все современное; писателя-же, маломальски откликающагося на современные вопросы, непремѣнно тотчасъ-же причисляютъ у насъ къ лику реальныхъ.

Частная причина такого плоскаго пониманія романтизма заключается въ томъ, что мы привыкли судить объ этомъ предметѣ по одной изъ вѣтвей нашего отечественнаго романтизма, преимущественно по тѣмъ выцвѣтшимъ, заплесневѣлымъ романтикамъ, остатки которыхъ встрѣчаются еще въ нашей жизни. Общая-же причина заключается въ томъ, что понятіе это крайне сложное и многообъемлющее: это не какая-нибудь опредѣленная теорія, которую можно было бы формулировать въ нѣсколькихъ фразахъ; это не есть одна только литературная школа, вызванная реакціей противъ ложнаго классицизма, какъ опредѣляли романтизмъ прежде, какъ и нынѣ многіе смотрятъ на него по старой рутинѣ; не есть только политическая и умственная реакція, изнеможенное возвращеніе вспять къ среднимъ вѣкамъ, какъ, опять-таки, многіе стараются объяснить романтизмъ. Это есть цѣлое умственное движеніе европейскаго міра, развитіе, совершенно иное въ началѣ, иное въ серединѣ, иное въ своемъ исходѣ; оно представляетъ на своей почвѣ всевозможныя политическія доктрины отъ соціализма и демократизма до крайняго феодализма и ультрамонтанства, всевозможныя нравственныя теоріи отъ безусловнаго самоотверженія и посвященія личности обществу, до полнѣйшаго индифферентизма и эгоизма, нѣсколько литературныхъ школъ и философскихъ системъ. Въ средѣ романтиковъ вы встрѣтите людей, погибшихъ на баррикадахъ и выслужившихся при дворахъ, скептиковъ и энтузіастовъ вѣры, которыя отправлялись въ качествѣ миссіонеровъ проповѣдывать христіанство дикарямъ, людей самой строгой, узкой морали и необузданнаго разврата. Хотите вы, напримѣръ, романтиковъ въ прогрессивномъ и даже революціонномъ духѣ — вотъ вамъ Шиллеръ, Байронъ, В. Гюго, Ж. Зандъ; хотите, напротивъ того, въ реакціонномъ — Шатобріанъ, Тикъ, Ла-мотъ-Фукэ, Вернеръ и пр.; хотите, напротивъ того, писателей чистаго искусства,

безпристрастно объективныхъ, во всемъ умѣющихъ открывать свою художественную сторону—вотъ вамъ Гёте.

Что-же такого было общаго между всѣми образованными людьми отъ конца прошлаго вѣка и до сороковыхъ годовъ, а у насъ и позже, вслѣдствіе чего подъ одну категорію подвели людей столь разнообразныхъ во всѣхъ отношеніяхъ? Для того, чтобы уяснить намъ романтическое движеніе во всей его сущности, слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ жизни европейскихъ обществъ нѣсколько разъ повторялись такого рода умственныя движенія, во время которыхъ мысль принимала направленіе не столько качественнаго развитія, сколько количественнаго распространенія въ массахъ. Рядъ новыхъ идей, выработанныхъ въ предшествующіе годы—въ тиши ученыхъ кабинетовъ, вдругъ вторгался въ жизнь съ неудержимою силой и потоплялъ цѣлыя страны и слои обществъ. Мыслители и ученые изъ скромныхъ и уединенныхъ разработывателей науки дѣлались пламенными энтузіастами и проповѣдниками; цѣлыя массы народа слѣпо шли за ними, но что составляетъ характеристическую черту подобныхъ движеній, весьма важную для объясненія романтизма—массы увлекались обыкновенно въ эпохи, подобныя XV или XVIII вѣкамъ, не столько логическою непреложностію проповѣдываемыхъ идей, сколько тою всеувлекающею страстью, съ какою онѣ проповѣдывались. Вслѣдствіе этого, идеи эти обыкновенно чѣмъ болѣе обогащались въ количественномъ отношеніи массой сочувствующихъ имъ людей, тѣмъ болѣе теряли въ качественномъ. Огромная масса людей, увлеченныхъ движеніемъ, оказывалась далеко умственно-неподготовленною къ воспринятію ихъ. И потому даже во время самаго сильнаго разгара движенія, только весьма ограниченный кругъ мыслителей вполнѣ ясно, глубоко и всесторонне понималъ то міросозерцаніе, которое стояло во главѣ движенія. Чѣмъ-же далѣе отходите вы отъ этого круга, тѣмъ болѣе поражаетъ васъ страшная путаница взглядовъ самыхъ разнокалиберныхъ. Естественно послѣ этого, что едва только движеніе теряло свой страстный характеръ, масса людей, неподготовленная къ воспринятію новаго міросозерцанія, быстро возвращалась къ тѣмъ взглядамъ, на которыхъ коснѣла до начала движенія. Все движеніе представлялось какимъ-то страшнымъ сномъ, разсѣявшимся передъ дѣйствительностію, вѣяніемъ чаръ злыхъ волшебниковъ, гибельнымъ увлеченіемъ, избавившись отъ котораго, люди начинали ликовать и праздновать свое спасительное отрезвленіе. Но

неужели все движеніе и въ самомъ дѣлѣ было метеоромъ, мелькнувшимъ мгновенно и разсыпавшимся безъ слѣда, не оставивъ по себѣ даже осколковъ? Нѣтъ, движеніе совершало свое дѣло: оно не успѣвало, правда, сразу въ тысячахъ умовъ утвердить то міросозерцаніе, которое стояло во главѣ его, но, тѣмъ не менѣе, оно на столько возбуждало эти умы, что заснуть они уже не могли прежнимъ безмятежнымъ сномъ. Они, правда, ликовали свое возвращеніе къ прежнимъ дѣтскимъ взглядамъ, но они горько ошибались: совершенное возвращеніе для нихъ было уже невозможно. Они утрачивали уже ту безмятежную неподвижность, младенческую наивность и непосредственность, съ которыми прежде исповѣдывали свои взгляды. Они дѣлались полны тревоги и сомнѣнія, которое пробивалось наружу и заявляло себя, несмотря на все ихъ стараніе глядѣть на свои убѣжденія, какъ на рядъ непреложныхъ истинъ. Въ тоскѣ и унынін перебирали они эти взгляды, всѣ силы напрягали, чтобы примирить ихъ съ новыми успѣхами мысли, но все тщетно: разъ возбужденные и приведенные въ движеніе, они, вопреки своей воли, шли впередъ, шагъ за шагомъ, теорія за теоріей, все дальше и дальше отодвигались отъ точки, на которой прежде коснѣли, все болѣе приближались къ тѣмъ взглядамъ, которые отвергли съ ужасомъ, и раньше или позже, когда эти возбужденные умы самостоятельно совершали весь тотъ процессъ, который предшествовалъ возбудившему ихъ міросозерцанію, послѣднее снова торжествовало, но торжество его дѣлалось гораздо прочнѣе, шире и блистательнѣе: съ одной стороны, оно обогащалось многими новыми изысканіями, которыя были опущены изъ виду въ моментъ перваго увлеченія новыми идеями, и были пополнены потомъ во время переходнаго процесса, а во-вторыхъ, оно считало въ своемъ лагерѣ не сотни умовъ съ шатающимися взглядами, а тысячи, вполнѣ усвоившія его.

Романтизмъ представляется намъ именно однимъ изъ такихъ переходныхъ процессовъ, возбужденныхъ движеніемъ, слишкомъ превзошедшимъ общій уровень развитія европейскихъ массъ. Извѣстно, что въ XVI, XVII вѣкахъ, если мысль развивалась и масса знаній увеличивалась, то происходило это изолированно отъ массъ, въ тиши кабинетовъ, въ тѣсныхъ кругахъ цеховыхъ ученыхъ и немногочисленныхъ любителей просвѣщенія. Беконъ, Спиноза, Декартъ, Толандъ, Локкъ, Бель и пр., словомъ, всѣ мыслители этой эпохи играютъ великую роль въ развитіи мысли исключительно почти въ качественномъ отношеніи; въ количественномъ-

же дѣйствіе ихъ было весьма ограничено; они имѣли своихъ послѣдователей и поклонниковъ, но вліяніе ихъ и сравнить нельзя съ тою способностью приводить въ движеніе умы цѣлыхъ массъ, какою были одарены проповѣдники реформаціи или французскіе энциклопедисты XVIII вѣка.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка было, правда, въ Англіи много весьма просвѣщенныхъ людей, деистовъ и скептиковъ, освободившихся отъ средневѣковыхъ преданій, но это были отдѣльные, тѣсные кружки философствующихъ лордовъ, не одаренные особенною энергіей пропаганды. И только перейдя на французскую почву, идеи этихъ кружковъ начали проповѣдываться съ такимъ страстнымъ и всеувлекающимъ краснорѣчіемъ, что обратили вскорѣ вниманіе на себя всей Европы и произвели всеобщее движеніе умовъ. Но между тѣмъ, какъ идеи эти были плодомъ цѣлаго процесса мысли, непрерывно развивавшейся отъ XV вѣка и до XVIII, вы подумайте, въ какомъ положеніи находились умы европейскаго общества въ самыхъ даже просвѣщенныхъ сферахъ: они очень немного подвинулись отъ того состоянія, въ которомъ находились въ эпоху реформаціи. Находясь на чисто еще теологической почвѣ, они готовы были увлечься всякимъ сектаторскимъ движеніемъ, считая его послѣднимъ словомъ истины, что̀ ясно показываютъ такія явленія, какъ янсенизмъ, массонство, дикій и мрачный мистицизмъ Лафатера, Пфеннингера и Юнга-Штиллинга. О послѣднемъ Шлоссеръ въ своей „Исторіи“ говоритъ, что „жизнь и странствованія Штиллинга, особенно двѣ первыя части этого сочиненія, въ то безпокойное время составили эпоху и пріобрѣли себѣ совершенно свой особенный кругъ читателей. Понятія автора были понятіями народа всѣхъ мѣстъ и провинцій Германіи. Для народа были слишкомъ высоки основатели новой литературы, или самая литература была для него слишкомъ свѣтскою, а понятія Юнга-Штиллинга были очень сродны ему; поэтому, Юнгъ-Штиллингъ пріобрѣлъ въ Германіи, какъ Пфеннингеръ въ Швейцаріи, гораздо болѣе вѣсу, чѣмъ сколько заслуживали ихъ знанія, способности и форма, которую они могли дать своимъ сочиненіямъ“. Въ то время, какъ передовые дѣятели науки дѣлали славныя открытія въ астрономіи и химіи, люди, считавшіеся образованными, вѣрили въ магію, кабалистику, алхимію и астрологію. Личности въ родѣ Калліостро и Сенъ-Жермена окружались мистическимъ туманомъ и о нихъ ходили фантастическія легенды въ образованныхъ сферахъ обще-

ства. Естественно, что послѣ перваго увлеченія новыми проповѣдниками, надо было ждать, что мысль пойдетъ не тѣмъ путемъ, какой пролагали мыслители XVIII вѣка, а тѣмъ, какой соотвѣтствовалъ состоянію умовъ большинства европейскаго общества, тѣмъ болѣе въ такихъ странахъ, какъ Германія или Италія, не просыпавшихся съ XV вѣка. Романтизмъ и былъ именно этимъ путемъ, которымъ пошла Европа, какъ только обаяніе французскихъ идей ослабло.

Начало романтическаго движенія является намъ повсюду именно въ видѣ стремленія освободиться отъ рабскаго подчиненія французской литературѣ, обособиться, завести свою собственную литературу, философію, науку, искусство. Вопросъ о народности является, поэтому, первымъ вопросомъ романтизма. Затѣмъ начинается удивительная амальгама свободныхъ идей XVIII вѣка со взглядами и представленіями, вынесенными изъ среднихъ вѣковъ, скептицизма и вѣры, стремленій основать свои сужденія на свободной критикѣ разума, но, вмѣсто этой критики — пугливаго раціонализма, успокоенія посредствомъ различныхъ сближеній и примиреній догматики съ фактами науки. Такимъ образомъ, мы видимъ въ романтическомъ движеніи мысль, находящуюся не въ застоѣ и неподвижности, а, напротивъ того, возбужденную, энергически работающую, смѣлую и гордую въ своихъ порывахъ, но которая въ то-же время сама пугается своей собственной смѣлости, смѣется надъ прежнимъ безмятежнымъ младенчествомъ, и въ то-же время плачетъ о немъ, какъ объ утраченномъ раѣ, гордится своими успѣхами, и видитъ въ нихъ источникъ всякаго зла на землѣ. Всѣ поэтическія произведенія, возникшія въ началѣ романтическаго движенія, отражаютъ въ себѣ эту раздвоенность. Что такое, напримѣръ, Фаустъ Гёте? Это германскій ученый начала XVIII столѣтія, аскетъ, отрѣшенный отъ жизни, закупоренный въ стѣнахъ своего кабинета и тщетно старающійся постигнуть основы знаній посредствомъ своей средневѣкой схоластики и теологіи. Разочарованный въ своей наукѣ, въ отчаяньи онъ видитъ исходъ въ одной смерти. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ было дѣлать Германіи, какъ не умереть и нравственно, и физически, еслибы ей не представилось никакого исхода изъ того состоянія, въ которомъ она находилась въ началѣ XVIII вѣка? Но вотъ къ Фаусту является на выручку новое движеніе мысли, французская философія прошлаго вѣка, олицетворенная въ видѣ Мефистофеля. Замѣтьте при этомъ: обновляющее движе-

ніе мысли представляется въ то-же время въ видѣ злаго начала, ничего неспособнаго произвести съ христіанской точки зрѣнія, кромѣ зла и гибели: вотъ гдѣ романтизмъ во всей его сущности. И дѣйствительно, мы видимъ, что Мефистофель, съ одной стороны, обновляетъ жизнь Фауста, выводитъ его изъ душной кельи на веселый праздникъ жизни; но это обновленіе ничего не приноситъ, кромѣ зла и гибели людямъ въ родѣ Гретхенъ, въ которой олицетворено средневѣковое состояніе дѣтской непосредственности— ничего, кромѣ угрызеній совѣсти, стыда и новаго отчаянья самому Фаусту. Таковъ-же передъ вами и байроновскій Манфредъ: высшую, сатанинскую гордость его составляетъ знаніе; въ знаніи онъ полагаетъ основаніе своего человѣческаго достоинства, и въ немъ-же онъ видитъ главный источникъ всѣхъ своихъ страданій, мученій совѣсти, разочарованія и проклятія, тяготѣющаго надъ нимъ. Припомните сцену его встрѣчи съ горнымъ охотникомъ. Въ послѣднемъ олицетворена дѣтская непосредственность среднихъ вѣковъ, и совершенно вѣрно съ характеромъ романтизма Манфредъ видитъ въ этой жизни единственную возможность счастія на землѣ; онъ завидуетъ охотнику; но согласился-ли бы онъ промѣнять свою участь на его? О, нѣтъ, никогда! Манфредъ готовъ вынести лучше еще большія муки, чѣмъ вернуться къ жизни охотника. То-же самое вы видите и во многихъ идеальныхъ геройхъ Шиллера: весь ихъ героизмъ, вся ихъ идеальность заключаются въ томъ, что они отрѣшаются отъ обыденной рутины жизни, но это именно и служитъ главною причиной ихъ гибели.

Я не думаю отрицать, чтобы люди никогда не гибли вслѣдствіе своихъ возвышенныхъ стремленій или оттого, что они, по своему развитію, становятся въ разрѣзъ съ окружающимъ ихъ зломъ и невѣжествомъ; но съ реальной точки зрѣнія, гибель эта представляется вовсе не какимъ-либо фатумомъ, необходимымъ удѣломъ всякаго маломальски выдающагося человѣка, его-же не прейдеши. Мы видимъ не мало героевъ, возвышавшихся надъ міромъ своимъ геніемъ, ученостью, развитіемъ, принесшимъ человѣчеству громадную массу пользы, и это нисколько не помѣшало имъ умереть въ глубокой старости отъ какой-нибудь прозаической простуды безъ всякихъ возвышенныхъ, трагическихъ страданій. Мы можемъ найти и другихъ героевъ, умершихъ трагически, но трагическій конецъ которыхъ проистекъ вовсе не фатально изъ ихъ героизма, а отъ столкновенія различныхъ внѣшнихъ, часто совершенно случайныхъ причинъ, иногда даже вслѣдствіе пред-

разсудковъ, которые они раздѣляли съ своими современниками. Но, съ точки зрѣнія романтизма, малѣйшее возвышеніе человѣка надъ тиной животнаго прозябанія, малѣйшее пробужденіе въ немъ мысли, чувства и человѣческаго достоинства — представлялось уже чѣмъ-то такимъ, удѣлъ чего страдать и гибнуть. Первоначально такое представленіе вытекло, какъ мы выше сказали, прямо изъ того впечатлѣнія, какое произвело на дѣтскіе умы движеніе мысли восемнадцатаго вѣка: движеніе это очаровало ихъ и въ то-же время испугало своею смѣлостью. Это было явленіе, какое люди испытываютъ при всякой перемѣнѣ въ области мысли или практической жизни: старое надоѣло, оно гнететъ и возбуждаетъ всеобщую ненависть, а новое съ одной стороны чаруетъ и влечетъ къ себѣ, съ другой-же кажется чѣмъ-то страшнымъ, преступнымъ и гибельнымъ. Но позже, когда европейскіе умы освобождаются отъ увлеченія скептическими идеями восемнадцатаго вѣка и становятся на самостоятельную почву развитія, то-же самое представленіе о фатальной гибели идеальныхъ людей переносится на почву дуализма. Дуализмъ проходитъ сквозь все движеніе романтизма, вы встрѣтите его во всѣхъ философскихъ системахъ, начиная съ Канта и кончая Гегелемъ, и это очень естественно: дуализмъ былъ основой міросозерцанія среднихъ вѣковъ; и нѣтъ ничего мудренаго, что умы, пробужденные идеями XVIII вѣка, начали свое движеніе отъ той точки, на которой находились до этого времени. Средневѣковые аскеты дѣлили обыкновенно жизнь на матеріальную и духовную, при чемъ предполагали, что матеріальная жизнь можетъ принести человѣку всевозможныя блага и наслажденія, если человѣкъ ей предастся всецѣло; духовная-же ничего не можетъ доставить человѣку, кромѣ униженій, страданій, иногда-же и мучительной смерти; но за то матеріальная жизнь унижаетъ нравственное достоинство человѣка, духовная-же возвышаетъ; первая ведетъ къ вѣчнымъ мученіямъ въ будущей жизни, послѣдняя—къ вѣчному блаженству. Подъ духовною-же жизнью въ средніе вѣка подразумѣвали извѣстный циклъ догматическихъ добродѣтелей, при чемъ бо̀льшая часть изъ нихъ заключалась въ подавленіи страстей и похотей, считавшихся злыми навожденіями матеріальной жизни. Но въ романтизмѣ рядомъ съ мыслью, неуспѣвшею еще отрѣшиться отъ средневѣковаго дуализма, мы видимъ въ то-же время вѣяніе свободныхъ идей восемнадцатаго вѣка, поэтому дуализмъ съ почвы догматизма переносится на почву этихъ свободныхъ идей.

*

Вопреки средневѣковаго идеализма, заключавшагося въ подавленіи страстей, романтизмъ провозгласилъ полную и необузданную свободу ихъ; но не будучи въ силахъ отрѣшиться отъ дуализма, онъ тотчасъ-же раздѣлилъ людей на двѣ категоріи: на идеальныхъ людей, у которыхъ духовная природа преобладаетъ надъ матеріальною, и преобладаніе это выражается въ томъ, что люди эти обладаютъ сильными страстями и предаются имъ всецѣло, безъ размышленій и ничѣмъ не стѣсняясь, и людей грубаго матеріализма — людей толпы, жалкихъ посредственностей, или не обладающихъ сильными страстями, или подавляющихъ ихъ ради мелкихъ матеріальныхъ разсчетовъ. И опять-таки, совершенно согласно съ средневѣковымъ дуализмомъ — первый родъ людей романтизмъ обрекъ на страданія и трагическую гибель, а счастіе и довольство поставилъ удѣломъ грубой толпы. Затѣмъ, этотъ принципъ видоизмѣняется съ развитіемъ мысли и съ различными ея направленіями. На почвѣ исключительнаго поэтическаго движенія въ глухую эпоху реакціи идеальнымъ человѣкомъ является поэтъ, отличающійся отъ прозаической толпы даромъ божественнаго вдохновенія, которое доставляетъ поэту вмѣстѣ съ бездной райскихъ наслажденій, непонятныхъ толпѣ, безъисходныя страданія и гибель — удѣлъ всякаго поэта на землѣ. Въ эпоху увлеченія философскими теоріями идеальнымъ человѣкомъ, обреченнымъ страдать, терпѣть и не знать пріюта — является избранная натура, одаренная необъятною глубиной ума, развитаго философскимъ мышленіемъ, въ противоположность грубой толпѣ, счастливой своимъ невѣжествомъ. Наконецъ, на революціонной почвѣ романтизмъ раздѣлялъ человѣчество на избранныя натуры, неспособныя мириться съ неправдой и угнетеніями всякаго рода и вслѣдствіе этого обреченныя страданіямъ и гибели, и на презрѣнную толпу, нетолько, будто бы, не страдающую отъ гнета, лежащаго на ней, но извлекающаго изъ него всевозможныя выгоды.

Близкимъ родственникомъ дуализма является индивидуализмъ, который преобладаетъ во всемъ романтическомъ движеніи и въ свою очередь имѣетъ двоякое происхожденіе: съ одной стороны онъ выносится изъ среднихъ вѣковъ, въ основаніяхъ вѣрованій которыхъ стояло на первомъ планѣ ученіе о свободной волѣ человѣка и о зависимости настоящей и будущей жизни его отъ него самого; но даруя человѣку свободную волю, средніе вѣка налагали на него рядъ догматическихъ обязанностей, отъ которыхъ чело-

вѣкъ, хотя и былъ свободенъ отступить, но не иначе, какъ подъ страхомъ разныхъ наказаній: освободившись отъ средневѣковаго догматизма—романтизмъ расширилъ сферу индивидуализма, обративши ее въ необузданную анархію личности.

Отсюда проистекаетъ представленіе прогресса исключительно въ видѣ умственнаго и нравственнаго развитія отдѣльныхъ личностей. Романтизмъ предполагалъ, что масса дика, темна, матеріальна—не отъ чего инаго, какъ оттого, что она состоитъ изъ милліоновъ посредственностей, неспособныхъ выбиться изъ грубаго матеріализма и невѣжества; а каждый отдѣльный индивидуумъ, маломальски одаренный недюжинными силами, среди какой бы обстановки онъ ни родился, непремѣнно долженъ выбиться изъ своей среды, возвыситься надъ толпой, развиться и сдѣлаться героемъ. Отсюда и вытекаетъ взглядъ на прогрессъ, какъ на исключительную привиллегію избранныхъ натуръ; по мнѣнію романтизма, всю всемірную исторію создаетъ рядъ геніевъ, ведущихъ за собою толпу; толпа поклоняется генію, бѣжитъ за нимъ, пользуется его дарами, нисколько въ то-же время не способная оцѣнить эти дары — и остается между тѣмъ все такою-же безсмысленною, слѣпою толпой, какою была она при Нинѣ и Семирамидѣ.

Далѣе за тѣмъ, какъ на существенную принадлежность романтизма, мы должны обратить вниманіе на преобладаніе воображенія, созерцательности и аффекта надъ разсудочнымъ анализомъ. Это, опять-таки, вполнѣ соотвѣтствуетъ младенческому состоянію мысли, хотя и возбужденной, работающей, но не осилившей еще матеріала, надъ которымъ она трудится. Опытная наука третируется романтизмомъ, какъ нѣчто низшее, служебное, матеріально грубое и безсильное и смѣшивается съ эмпиризмомъ невѣжественныхъ массъ; выше-же всего ставится знаніе, непосредственно вытекающее изъ глубины духа, совершенно аналогичное съ средневѣковымъ откровеніемъ; въ силу этого на почвѣ романтизма возникаетъ рядъ фантастическихъ философскихъ системъ, претендующихъ опредѣлить вселенную a priori во всей ея сущности. Вообще въ романтизмѣ мы видимъ не столько анализъ жизни, сколько созерцаніе ея, и притомъ романтизмъ любилъ созерцать жизнь не во всѣхъ ея проявленіяхъ, а останавливаться на такихъ явленіяхъ, которыя особенно поражали воображеніе или возбуждали чувствительность. Совершенно ложно поэтому думать, что романтизмъ любилъ одни только средніе вѣки съ рыцарями, замками и мертвецами, бродящими въ развалинахъ. Онъ бралъ предметы для

своего созерцанія изо всѣхъ эпохъ и мѣстностей, гдѣ только онъ могъ найти что-либо потрясающее и раздирательное: любилъ онъ созерцать и древніе вѣка съ ихъ трагическими героями, тріумфами и языческими вакханаліями, и Востокъ съ его пестрою роскошью, фатализмомъ и фантастичностью арабскихъ сказокъ, любилъ, вмѣстѣ съ Шатобріаномъ и Куперомъ, дѣвственныя пустыни Америки съ ихъ величественною природою и кровожадными дикарями, и альпійскіе ледники съ ихъ пропастями и кипучими ручьями, и дикія вершины Кавказа. Ставя въ жизни на первый планъ избранныя натуры съ недюжинными силами, романтизмъ не всегда ограничивался однѣми идеально-прогрессивными личностями, очень часто онъ восторгался проявленіемъ всякой силы, выходящей изъ уровня и поражающей воображеніе, хотя бы сила эта имѣла въ жизни значеніе чисто отрицательное; поэтому, романтизмъ возводилъ въ идеалъ нерѣдко негодяевъ, злодѣевъ и изверговъ всякаго рода я любовался ими.

Въ тѣсной связи съ преобладаніемъ фантазіи въ мышленіи стоитъ наклонность къ мистицизму, которая составляетъ, опять-таки, одинъ изъ существенныхъ признаковъ романтизма.

Всѣ вышеупомянутые признаки — раціонализмъ, дуализмъ, индивидуализмъ, преобладаніе воображенія и аффекта въ мышленіи, наклонность къ мистицизму и составляютъ именно существенный характеръ эпохи романтизма, то общее, что̀ послужило къ соединенію подъ одну рубрику людей, значительно отличавшихся другъ отъ друга по своимъ политическимъ, моральнымъ и литературнымъ взглядамъ. Мы далеки отъ того, чтобы сказать, что всѣ эти признаки входятъ всецѣло въ каждое явленіе на почвѣ романтизма. Тѣмъ не менѣе, возьмите любое явленіе этой эпохи (не исключая даже различныхъ теорій соціализма, возникшихъ въ то время, въ особенности теорій Сенъ-Симона и Фурье) — въ каждомъ вы найдете преобладаніе одного или другаго изъ вышеприведенныхъ признаковъ. Здѣсь изъ области общности, связывающей въ одну эпоху цѣлый рядъ разнородныхъ явленій, мы входимъ въ область частностей, заключающихся въ этой общности. Частности эти, т.-е. разнообразіе формъ и видоизмѣненій романтизма, зависятъ съ одной стороны отъ того, что романтизмъ не былъ опредѣленною, замкнутою въ себѣ теоріей, а предоставлялъ развитіе, измѣненіе европейской мысли; съ другой стороны, романтизмъ обнималъ въ своемъ движеніи различныя страны и слои европейскихъ обществъ и видоизмѣнялся сообразно съ тѣми или другими условіями жизни.

Именно вслѣдствіе того, что романтизмъ не былъ замкнутою въ себѣ теоріей, а былъ движеніемъ, чрезвычайно трудно опредѣлить его начало, развитіе и исходъ. Съ одной стороны онъ уходитъ въ глубь XVIII вѣка, гдѣ безраздѣльно сливается съ возбужденіемъ европейской мысли въ эпоху энциклопедистовъ. Но, какъ движеніе мысли отъ средневѣковаго міросозерцанія, романтизмъ уходитъ и далѣе, сливаясь съ средними вѣками, что̀ и подало поводъ писателямъ романтической эпохи глядѣть на романтизмъ, какъ на такое общечеловѣческое міросозерцаніе, начало котораго относится къ первымъ вѣкамъ христіанства и которое составляетъ существенное отличіе ново-европейской цивилизаціи отъ классическаго міра. Поэтому, на всю средневѣковую литературу Европы смотрѣли, какъ на романтическую, а въ современномъ движеніи литературы видѣли возрожденіе средневѣковаго романтизма; наконецъ, окрестили всю эпоху именемъ романтизма, происшедшимъ, какъ всѣмъ извѣстно, отъ преобладанія въ средніе вѣка въ Европѣ романской или провансальской поэзіи. Съ своей точки зрѣнія, романтики были правы: судя по тѣмъ основнымъ признакамъ, которыми мы выше охарактеризовали романтизмъ, дѣйствительно, въ средневѣковыхъ формахъ мышленія можно найти много общихъ признаковъ съ формами мышленія и поэзіи эпохи новаго романтизма. Но романтики опустили при этомъ то существенное, радикальное отличіе средневѣковаго романтизма отъ новаго, что первый былъ эпохой возникновенія и утвержденія тѣхъ самыхъ формъ мышленія, съ которыхъ послѣдній началъ и представилъ собою совершенно напротивъ эпоху паденія ихъ, исхода изъ нихъ европейской мысли.

Не менѣе трудно опредѣлить всѣ фазы развитія романтизма, строго отдѣливши то, что̀ было органическимъ и послѣдовательнымъ развитіемъ, отъ различныхъ колебаній и видоизмѣненій мысли вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній. Мы можемъ только сказать, что существенный характеръ развитія заключался въ томъ, что мысль, по мѣрѣ накопленія знаній, становилась болѣе и болѣе на почву индукціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сами собою парализовались всѣ тѣ признаки, которыми мы выше охарактеризовали романтизмъ. Вмѣсто раціонализма, который романтизмъ поставилъ въ оппозицію скептицизму энциклопедистовъ, возникло впослѣдствіи стремленіе поставить вопросы вѣрованій на почву сравнительнаго научнаго изслѣдованія. Вмѣсто дуализма, является идея о единствѣ мірозданія и школа Гегеля представляетъ переходъ къ этой идеѣ: не

въ силахъ избавиться вполнѣ отъ дуализма и представляя матерію, все-таки, не чѣмъ инымъ, какъ самоопредѣленіемъ духа путемъ противоположенія своему духовному бытію бытія матеріальнаго, гегелевская философія кладетъ, однакоже, основаніе идеѣ о единствѣ вселенной, представляя ее развитіемъ одного абсолюта. Далѣе на мѣсто индивидуализма является поставленіе умственнаго и нравственнаго развитія личности въ тѣсную и неразрывную связь съ развитіемъ всей общественной среды.

Но, опять-таки, опредѣлить точно границу исхода романтизма и сказать, что вотъ до сихъ поръ господствовалъ романтизмъ, а съ сихъ поръ начинается реализмъ, такъ-же невозможно, какъ и опредѣленіе начала романтизма. Позднѣйшіе романтики западной Европы, напримѣръ, французскіе беллетристы тридцатыхъ годовъ или современные германскіе, стоятъ уже во многихъ отношеніяхъ на реальной почвѣ. Вы замѣчаете въ нихъ стремленіе анализировать жизнь на основаніи опыта и наблюденія; отсутствіе раціонализма, принятіе въ соображеніе вліянія на личность общественныхъ условій; но рядомъ съ этимъ вы видите въ ихъ произведеніяхъ, попрежнему, очень часто преобладаніе такихъ эффектовъ, которые служатъ не для чего инаго, какъ для потрясенія нервовъ; по прежнему являются у нихъ иногда герои, ихъ-же удѣлъ гибнуть, потому что они возвышаются надъ пошлою толпой. Викторъ Гюго и до сихъ поръ не можетъ обойтись безъ того, если можно выразиться, изступленія фантазіи, какую вы встрѣчаете во многихъ мѣстахъ его послѣдняго романа „L'homme qui rit", безъ тѣхъ чудовищныхъ героевъ, какіе являются во всѣхъ его романахъ. Жоржъ Зандъ тѣмъ и отличается отъ позднѣйшихъ приверженцевъ женской эмансипаціи, что въ то время, какъ послѣдніе ставятъ женскій вопросъ на общественную почву расширенія гражданскихъ и политическихъ правъ женщинъ и обеспеченія ихъ самостоятельности путемъ организаціи женскаго труда — Жоржъ Зандъ обращаетъ главное вниманіе на чисто индивидуальную сторону свободы страстей отъ гнета предразсудковъ; это именно и есть тотъ вопросъ, съ котораго началъ романтизмъ свое движеніе подъ вліяніемъ скептическихъ идей XVIII вѣка. У нѣмецкихъ беллетристовъ нынѣшняго времени, въ свою очередь, вы найдете обильные остатки романтизма, что́ — замѣчаю для моихъ читателей, предубѣжденныхъ противъ романтизма—нисколько не уменьшаетъ многихъ достоинствъ ихъ произведеній, подобно тому, какъ романтизмъ нисколько не мѣшаетъ быть великими писателями Гёте

или Байрону. Но представить себѣ точно и опредѣленно границу между романтизмомъ и реализмомъ еще становится труднѣе, если мы возьмемъ въ соображеніе, что вся современная намъ цивилизація обнимаетъ собою весьма незначительное меньшинство народонаселенія Европы. Огромныя массы еще и не начинали своего развитія—и можно предположить съ большою достовѣрностью, что стоитъ только случиться большому приливу въ русло умственнаго движенія свѣжихъ и нетронутыхъ еще силъ, нѣтъ ничего мудренаго, что снова на первый планъ встанутъ тѣ переходные процессы мысли, которые будутъ имѣть, можетъ быть, иныя формы, иныя названія, но, тѣмъ не менѣе, будутъ во многомъ соотвѣтствовать тому, что̀ мы называемъ романтизмомъ.

Что-же касается вліянія тѣхъ или другихъ общественныхъ условій на характеръ романтическаго движенія, то въ этомъ отношеніи романтизмъ представляетъ еще болѣе видовъ и развѣтвленій, чѣмъ въ своемъ логическомъ процессѣ. Можно положительно сказать, что каждая страна Европы и каждый слой общества въ той или другой странѣ имѣли свой собственный романтизмъ. Возьмите, напримѣръ, Германію, разобщенную по мелкимъ деспотическимъ, феодальнымъ княжествамъ, чуждую всякихъ общественныхъ интересовъ, которые двигали бы массами. При всеобщемъ застоѣ патріархальныхъ нравовъ и понятій, вся умственная жизнь этой страны сосредоточивалась въ университетскихъ городахъ, и эта умственная жизнь, вмѣсто того, чтобы входить въ общественныя отношенія и анализировать ихъ, напротивъ того, старалась отрѣшиться отъ всего окружающаго въ отвлеченныя сферы космическаго созерцанія. Люди искали въ наукѣ или искусствѣ забвенія отъ окружающаго ихъ омута жизни. При такихъ условіяхъ естественно, что романтизмъ принялъ въ Германіи характеръ отвлеченно-мистическій, туманный, стремящійся покинуть тлѣнный міръ со всѣми его скверными, унестись въ неопредѣленную даль и разлиться тамъ въ безпредѣльности вселенной. Совершенно иной характеръ имѣлъ романтизмъ въ Англіи, гдѣ, рядомъ съ широкимъ развитіемъ политическихъ и гражданскихъ правъ общества, господствовалъ аристократическій строй съ его вѣковыми, освѣщенными древностью преданіями и цѣлымъ кругомъ условныхъ, чопорныхъ понятій узкой морали, обычаевъ и приличій, стѣснявшихъ и порабощавшихъ личность. Здѣсь романтизмъ имѣлъ постоянно общественный, политическій характеръ, развѣтвляясь на двѣ вѣтви: съ одной стороны онъ представлялъ апоѳеозъ феодализма и

аристократіи въ романахъ В. Скотта; съ другой — подъ перомъ Байрона онъ выразилъ энергическій, пламенный протестъ личности противъ гнета узкой морали, обычаевъ и приличій. Во Франціи, въ которой общественные интересы тоже стояли на первомъ планѣ, романтизмъ имѣлъ характеръ или ультрамонтанства и феодализма, какими представляются намъ произведенія Шатобріана, или, напротивъ того—въ немъ выразился протестъ личности противъ всякаго рода угнетенія, какими и являются произведенія В. Гюго и Ж. Занда.

Въ заключеніе мы должны обратить вниманіе и на то, что романтизмъ носилъ иной характеръ въ сытыхъ и праздныхъ классахъ общества, иной въ средѣ трудящихся и голодныхъ. Въ однихъ слояхъ онъ принималъ характеръ праздной созерцательности, маниловской мечтательности, утонченнаго эпикурепизма эстетическихъ наслажденій, разъѣдающей рефлексіи или безшабашнаго оправданія необузданнаго разврата принципомъ свободы личности. Въ другихъ-же слояхъ, напротивъ того, онъ носилъ характеръ мрачнаго аскетизма, добровольнаго нищенства и отрѣшенія отъ своей личности во имя идеальныхъ стремленій.

Я прошу у читателей извиненія, что мнѣ пришлось слишкомъ много распространиться о романтизмѣ и развить при этомъ рядъ идей элементарныхъ и, конечно, извѣстныхъ каждому маломальски образованному человѣку. Я полагаю, что повтореніе этихъ идей дѣло нелишнее, если взять во вниманіе, какія смутныя, неопредѣленныя и поверхностныя мнѣнія ходятъ у насъ о различныхъ литературныхъ школахъ и направленіяхъ. Мы до сихъ поръ еще не можемъ усвоить себѣ того истиннаго анализа, который разбираетъ явленія по ихъ существеннымъ признакамъ, и помнить при этомъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ кучей хлама, состоящаго изъ разнородныхъ предметовъ безъ всякой между собою связи, а съ органическими явленіями, вліяющими другъ на друга и незамѣтно переходящими одно въ другое. Мы привыкли судить о предметахъ, подводя ихъ подъ узкія рубрики по внѣшнимъ, случайнымъ признакамъ, и совершенно успокоиваемся, думая, что вполнѣ отличили Ивана отъ Петра, замѣтивши, что у Ивана носъ кверху, а у Петра книзу. Такъ поступаемъ мы во всемъ, между прочимъ и въ нашихъ сужденіяхъ объ отечественной литературѣ. Когда-то въ школѣ насъ учили, что русская литература пережила слѣдующія видоизмѣненія: сначала господствовалъ у насъ ложный классицизмъ, представителями котораго были Кантемиръ, Ломоносовъ,

Сумароковъ и Державинъ; затѣмъ Карамзинъ ввелъ сентиментальное направленіе; потомъ явился Жуковскій и подарилъ намъ романтизмъ; затѣмъ Пушкинъ и впослѣдствіи Лермонтовъ подражали Байрону; съ Гоголя-же и Бѣлинскаго литература приняла реальное направленіе и съ тѣхъ поръ мы всѣ истые реалисты. Но какое значеніе имѣла эта смѣна направленій, почему шла она такъ, а не иначе, не наоборотъ, отъ реализма къ классицизму—объ этомъ мы не отдаемъ себѣ никакого отчета. Для насъ достаточно, что существуютъ эти рубрики и что очень легко сортировать и подводить подъ нихъ что угодно. Г. Гончаровъ никогда не писалъ ни балладъ, ни поэмъ въ духѣ Жуковскаго, а писалъ романы, въ которыхъ изображалъ окружающую его жизнь—какой-же онъ романтикъ? Очевидно, реалистъ школы Гоголя. Жуковскій не написалъ ни одной оды или трагедіи по піитикѣ Буало – очевидно, онъ не ложный классикъ, а романтикъ и т. д. Имѣя въ виду такого рода умозаключенія, я и почелъ необходимымъ представить характеристику переходной эпохи первой половины нынѣшняго столѣтія по существеннымъ ея признакамъ для того, чтобы очистить поле для анализа литературныхъ явленій нашей жизни въ эту эпоху отъ всѣхъ внѣшнихъ и условныхъ рубрикъ, утвержденныхъ рутиной. Принявши во вниманіе эту характеристику, читатели не будутъ удивлены, если первый толчокъ къ романтическому движенію въ Россіи мы увидимъ не со стороны Жуковскаго, а въ эпоху царствованія Екатерины; если, затѣмъ, полное развитіе романтизма окажется именно въ сороковые годы, въ эпоху Гоголя и Бѣлинскаго; исходъ-же романтизма, мы увидимъ, не въ прекращеніи „Телеграфа“ Полеваго или смерти Лермонтова, а развѣ что въ умственномъ движеніи нашего времени; да и то далеко еще нельзя сказать, чтобы романтизмъ кончился и былъ явленіемъ историческимъ и давно отжившимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Характеристика нашего общества при вступленіи на престолъ Екатерины.—Жалкое значеніе литературы въ то время.—Начало умственнаго броженія подъ вліяніемъ энциклопедистовъ.—Скептики и мистики. — Необходимость различать умственное движеніе въ отдѣльныхъ кружкахъ отъ движенія всего общества — Идеи Карамзина, какъ первые задатки романтизма. — Значеніе Жуковскаго въ романтическомъ движеніи. — Романтическій идеалъ во второй періодъ царствованія Александра, его отношеніе къ общественному быту и вліяніе на жизнь и литературу.

Въ половинѣ XVIII вѣка, когда идеи французскихъ энциклопедистовъ, пронесшись черезъ всю Европу, отозвались и у насъ, общество наше, какъ по складу жизни, такъ и по своему міросозерцанію, было еще въ бо̀льшей степени средневѣковымъ, чѣмъ въ Германіи. Послѣдняя, все-таки, успѣла пережить сильное умственное броженіе въ эпоху реформаціи; въ Германіи было множество школъ и университетовъ, своя наука, философія, литература, и хотя умы были подавлены узкими, тѣсными рамками схоластики и теологіи, но, все-таки, они работали и двигались въ этихъ рамкахъ; наконецъ, какъ ни тяжелъ былъ гнетъ устарѣлыхъ феодальныхъ формъ быта, онъ былъ ничто передъ тѣмъ чисто азіатскимъ строемъ, который господствовалъ въ Россіи до воцаренія Екатерины. Это была эпоха поголовнаго рабства, во время которой никто не былъ обезпеченъ ни за свою жизнь, ни за свою спину, ни за свое имущество, начиная отъ крестьянина и до любаго временщика, рѣшавшаго судьбы массъ. Это было общество грубое до звѣрства,

суевѣрное до крайняго фетишизма. Въ этомъ обществѣ не было ни малѣйшаго понятія о чувствѣ человѣческаго достоинства, чести и нравственной независимости; напротивъ того, робкая приниженность, грубая лесть и прихлебательство считались лучшими достоинствами человѣка, признаками ума и практичности, въ то время, какъ звѣрская жестокость съ низшими считалась признакомъ характера и внушала глубокое уваженіе. Если хотите, то и въ этомъ обществѣ былъ свой прогрессъ, состоявшій въ томъ, что полудикіе люди перенимали внѣшнія формы европейскаго общежитія, обзаводились европейскою мѣбелью и домами на европейскій манеръ, слѣдили за измѣненіемъ парижскихъ модъ и старались устроить нѣчто подобное европейскимъ развлеченіямъ и удовольствіямъ. Въ этомъ отношеніи общество дѣлилось на два слоя: на массу консерваторовъ, которые всю свою нравственность видѣли въ строгомъ и суровомъ соблюденіи мрачныхъ и узкихъ дѣдовскихъ обычаевъ и нравовъ въ духѣ Домостроя, и на прогрессистовъ, которые, напротивъ того, не хотѣли знать никакихъ нравственныхъ правилъ, видѣли въ этомъ особенный шикъ и, подражая обычаямъ высшаго парижскаго общества, представляли картину нравовъ, далеко превосходившую своею чудовищною распущенностью парижское общество того времени, потому что здѣсь развратъ не былъ облеченъ въ тѣ утонченно-изящныя и игривыя формы, какъ это было въ Версалѣ, а напротивъ того, это былъ голый, наглый и звѣрскій развратъ варваровъ, соединенный съ циническимъ разгуломъ самаго грязнаго свойства и безчеловѣчіемъ, которому ничего не стоило допивать до смерти какихъ-нибудь безобразныхъ шутовъ и скомороховъ или превращать живыхъ людей въ ледяныя статуи. Средоточіемъ подобнаго прогресса былъ юный, только-что обстроившійся Петербургъ; средоточіемъ-же консерватизма въ духѣ Домостроя и тогда уже была Москва; и это очень естественно: въ Москвѣ остались всѣ, которые не пошли за Петромъ въ Питеръ и не увѣровали въ его реформы; въ Москву-же удалялись постоянно всѣ недовольные и опальные. Конечно, нечего и говорить о томъ, чтобы въ подобномъ обществѣ могла существовать какая-нибудь литература... Какъ? А Кантемиръ, Ломоносовъ, Тредьяковскій, Сумароковъ?.. Но развѣ это была литература? Развѣ можно назвать такимъ именемъ тотъ фактъ, что въ Россіи, въ первой половинѣ XVIII вѣка, было четыре человѣка, развившихъ въ себѣ вкусъ къ рѣмоплетству и сочинявшихъ весьма нескладныя вирши, надписи къ иллюминаціямъ,

высокопарныя оды, читавшіяся двумъ-тремъ вельможамъ, у которыхъ эти люди удостоивались иногда отобѣдать, или ставившіе на сцену надутыя, уродливыя трагедіи, которыя еслибы и совсѣмъ не являлись на сцену, то публика рѣшительно не замѣтила бы этого, вполнѣ довольствуясь доморощенными мистеріями, въ родѣ „О мстѣ въ будущей жизни“ или „Воскресеніе мертвыхъ“ и т. п. Въ массѣ общества рѣдко кто даже и зналъ о существованіи этихъ людей; изрѣдка долетала въ какой-нибудь городъ громкая ода „На побѣду“, и грамотные люди читали ее, не отдавая себѣ отчета въ томъ, была-ли эта ода добровольнымъ выраженіемъ восторга піиты, или-же піита написалъ ее по приказанію начальства, и ода представляла изъ себя не что иное, какъ стихотворную реляцію. А если кто и зналъ о существованіи этихъ людей и что̀ они такое, то одни смотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ, смѣшивая ихъ съ шутами и скоморохами, другіе-же, напротивъ того, завидовали имъ, видя въ ихъ занятіи лестную и рѣдко для кого доступную возможность при маленькомъ чинѣ вертѣться при дворѣ, въ знатныхъ домахъ, а при умѣньѣ устроиться или, по крайней-мѣрѣ, снискать милостивую подачку. Сами-же по себѣ эти піиты, если сдѣлали какую-нибудь услугу для будущаго существованія литературы, то развѣ только ту, что своими опытами и упражненіями они хоть немного обработали языкъ и сдѣлали его годнымъ для литературнаго изложенія мыслей, превышающихъ обыденный уровень понятій. Въ этомъ отношеніи труды ихъ имѣютъ такое-же значеніе, какое въ жизни отдѣльнаго человѣка представляютъ классныя упражненія. Единственнымъ русскимъ человѣкомъ, стоявшимъ выше всѣхъ головой, по своему образованію и учености, былъ Ломоносовъ. Но главная заслуга, которою болѣе всего обязана ему Россія, заключалась не столько въ его литературныхъ трудахъ, сколько въ лекціяхъ, которыя онъ читалъ въ академіи, да въ кабинетныхъ бесѣдахъ съ разными вельможами-благодѣтелями, которыхъ Ломоносовъ постоянно побуждалъ заботиться о распространеніи просвѣщенія въ Россіи и, наконецъ, договорился до учрежденія перваго въ Россіи университета.

И такова была сила гуманныхъ идей XVIII вѣка, что онѣ могли проникнуть даже въ этотъ полудикій, полуазіатскій міръ, въ страну, гдѣ не существовало почти ни школъ, ни науки, ни литературы, ни читающей публики, и мало того, что проникнуть, но возбудить первое умственное броженіе, которое съ тѣхъ поръ не прерывалось.

Правда, что наши первые скептики и вольтеріанцы были не что иное, какъ поверхностные диллетанты. Идеи, которыя они воспринимали, читая Монтескьё, Вольтера и Руссо, не особенно глубоко проникали въ нихъ. Они не дѣлались особенно ревностными и неумолимыми пропагандистами этихъ идей; напротивъ того, ихъ умственные интересы имѣли характеръ свѣтскихъ забавъ, блеска остроумія, иронiи и суетнаго тщеславія. Въ то-же самое время вся жизнь ихъ радикально противорѣчила идеямъ, вычитываемымъ ими изъ любимыхъ книжекъ, жизнь, полная ослѣпительной полуазіатской роскоши, ложившейся тяжелымъ гнетомъ на народныя массы, узкаго своекорыстія, рабской приниженности передъ высшими и барской надменности съ низшими; наконецъ, жизнь, преисполненная крѣпостныхъ принциповъ, которые, вопреки всякимъ гуманнымъ идеямъ, не только не падали, а напротивъ того, еще больше развивались и утверждались. Не говоря уже о противорѣчіи мысли и жизни, въ самомъ умственномъ мірѣ этихъ людей новые идеи и взгляды свободно уживались съ дикими предразсудками и суевѣріями. Все это было весьма естественно, если мы примемъ въ соображеніе полное отсутствіе всякой умственной подготовки въ нашемъ обществѣ того времени для воспринятія какихъ бы то ни было идей. Подумаемъ только о томъ, что наши просвѣщенные люди того времени принимались за чтеніе Вольтера или Руссо прямо съ какого-нибудь часослова или четьи-миней. Одинъ изъ лучшихъ писателей того времени, Фонъ-Визинъ кончилъ курсъ училища, не вынеся даже такого элементарнаго знанія—куда течетъ Волга. Могли-ли нѣсколько гуманныхъ и скептическихъ формулъ, неподкрѣпленныхъ въ темныхъ головахъ нашихъ дѣдовъ никакими знаніями, перевернуть разомъ нравы, привычки, убѣжденія и взгляды, утвержденные цѣлыми вѣками? И потому, говоря объ умственномъ броженіи, возбужденномъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, мы должны принимать это броженіе не въ томъ смыслѣ, чтобы появилось нѣсколько людей, глубоко усвоившихъ и проникнувшихся гуманными идеями XVIII вѣка, начали ревностно проповѣдывать эти идеи; число ихъ послѣдователей стало возрастать и т. д. Ничего этого не было: и люди, читавшіе французскихъ энциклопедистовъ, и люди, переводившіе ихъ на русскій языкъ, очень смутно понимали тѣ книги, какія были въ ихъ рукахъ, очень часто въ концѣ концовъ пугались ихъ и добродушно каялись въ увлеченіи ими, какъ въ смертномъ грѣхѣ. Но, тѣмъ не менѣе, умственное движеніе было воз-

буждено въ томъ смыслѣ, что въ образованнѣйшихъ людяхъ того времени, какъ ни мало ихъ было, возникла идея, что, кромѣ собственнаго семейнаго мірка, существуетъ отечество и общество, которымъ обязанъ человѣкъ служить и приносить пользу, что, кромѣ однѣхъ матеріальныхъ заботъ и развлеченій, существуютъ умственные и нравственные интересы и наслажденія. Возникаетъ цѣлый рядъ учрежденій въ духѣ гуманныхъ идей XVIII вѣка; устроиваются училища, школы, заводятся типографіи и книжныя лавки. Является сатира, бичующая свѣтскую пустоту, какъ отсутствіе умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, невѣжество, взяточничество и жестокое обхожденіе помѣщиковъ съ крестьянами. Наконецъ, что̀ всего важнѣе, возникаетъ какое-то слабое подобіе борьбы различныхъ направленій мысли. Здѣсь опять выступаетъ на сцену различіе въ духѣ и направленіи мысли между Москвой и Петербургомъ. Въ то время, какъ въ Петербургѣ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ зачитываются французскихъ энциклопедистовъ и видятъ въ нихъ послѣднее слово философіи и науки, въ Москвѣ сосредоточивается оппозиція противъ этого увлеченія французскими идеями. Какъ прежде старовѣрческая, консервативная Москва, преисполненная воспоминаній прошлаго на каждомъ своемъ углѣ и перекресткѣ, крамольничала противъ Петербурга, негодуя на его заморскія нововведенія и нравственную распущенность, такъ и теперь та-же Москва возстала и противъ умственнаго движенія, возникшаго подъ вліяніемъ Запада. Эта оппозиція приняла форму массонства; но хотя форма эта была заимствована, въ свою очередь, съ Запада, содержаніе, скрывавшееся подъ нею, было чисто русское, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующее общему уровню развитія общества: въ томъ, что̀ проповѣдовалъ Новиковъ и друзья его, выразилось вполнѣ то схоластическое, средневѣковое, міросозерцаніе, которое принадлежало большинству образованныхъ людей того времени. Это міросозерцаніе чисто законоспасское, если можно такъ выразиться, отвергало не однѣ только скептическія идеи, которыя естественно могли ужасать его дерзкимъ и разрушительнымъ отношеніемъ къ различнымъ его заповѣднымъ предметамъ: съ одинаковымъ недовѣріемъ невѣжества отнеслось оно и къ такимъ отраслямъ знанія, которыя въ Европѣ въ то время давно уже не только получили право гражданства, но вошли въ составъ элементарныхъ свѣдѣній, обязательныхъ для всякаго мало-мальски образованнаго человѣка. Вотъ что̀ писалъ, напримѣръ, Новиковъ, въ 1814 году, въ одномъ изъ своихъ писемъ

Карамзину по поводу успѣховъ, которыхъ достигло въ то время естествознаніе: „Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ, они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды, и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ счастливѣйшую планету бездѣйственную, ибо, что не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія... Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако, они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ пустыми газами, т.-е. пустыми словами, неимѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя!“

Не забудьте, что такія удивительныя вещи высказывалъ не болѣе, какъ 56 лѣтъ тому назадъ, Новиковъ, человѣкъ, стоявшій во главѣ дѣятелей мысли временъ Екатерины. Вы подумайте послѣ того, каковъ-же былъ уровень умственнаго развитія въ массахъ обыкновенныхъ людей, стоявшихъ ниже Новикова и по уму, и по нравственной энергіи, и по образованію. Замѣчателенъ здѣсь также и тотъ фактъ, что такое гоненіе на элементарные факты знанія, преподающіеся нынѣ гимназистамъ первыхъ трехъ классовъ гимназій, высказывалъ не какой-нибудь извращенный врагъ прогресса, видящій единственное спасеніе въ невѣжествѣ и застоѣ, а напротивъ того, человѣкъ, всю свою жизнь посвятившій развитію просвѣщенія въ своемъ отечествѣ, издававшій съ этою цѣлію сатирическіе журналы, сборники историческихъ памятниковъ до-петровской Россіи, стоявшій во главѣ общества, главнѣйшею дѣятельностью котораго было издавать переводныя и оригинальныя книги, и книги эти не только продавать, но раздавать даромъ для возбужденія въ обществѣ интереса къ чтенію. Въ этомъ поразительномъ совпаденіи стремленія къ прогрессу и образованности съ гоненіемъ противъ идей и наукъ, въ которыхъ и заключался именно весь прогрессъ того времени, мы видимъ наглядный примѣръ того способа вліянія, какое производятъ цивилизующія

идеи на людей, недоразвившихся еще до нихъ. Большинство русскаго общества съ такими передовыми людьми, стоявшими во главѣ его, какъ Новиковъ, Тургеневъ, Лопухинъ, Гамалей, не могло, по своей крайней неразвитости, отнестись иначе къ передовымъ идеямъ западной образованности, какъ враждебно, но, тѣмъ не менѣе, оно само сдѣлалось жертвой движенія этихъ идей въ томъ отношеніи, что прежде оно относилось съ непосредственною дѣтскою вѣрой къ своимъ допотопнымъ взглядамъ, нисколько не думая, чтобъ ихъ кто-нибудь могъ осмѣлиться опровергать; теперьже отношеніе къ этимъ взглядамъ мѣняется: къ нимъ начинаютъ относиться съ энергіей и страстью проповѣдниковъ, начинаютъ вдумываться въ нихъ, развивать ихъ, защищать, распространять, однимъ словомъ, мысль переходитъ изъ состоянія апатичнаго косненія въ движеніе, и движеніе это, начавшись естественно съ того пункта, на которомъ мысль стояла прежде, должно было придти раньше или позже именно къ тѣмъ самымъ идеямъ, противъ которыхъ она первоначально такъ энергически возстала.

Умственное броженіе, начавшись такимъ образомъ съ воцареніемъ Екатерины, проходитъ сквозь все ея царствованіе, нося постоянно одинъ и тотъ-же характеръ раздвоенности, между скептицизмомъ въ духѣ XVIII вѣка и мистицизмомъ различныхъ видовъ и оттѣнковъ, между западничествомъ, увлекавшимся до самозабвенія всѣмъ иностраннымъ, и старовѣрствомъ, глухо ворчавшимъ на рабскую подражательность Западу, отсутствіе самобытности и самостоятельности, и превозносившимъ все русское передъ иностраннымъ. Но скептицизмъ и мистицизмъ, западничество и старовѣрство во всю эту эпоху находятся въ такомъ тѣсномъ и хаотическомъ смѣшеніи другъ съ другомъ, что весьма трудно опредѣлить, гдѣ кончался одинъ элементъ и начинался другой. Одни и тѣ-же люди дѣлались то скептиками, то мистиками, то увлекались реформами по западнымъ образцамъ, то вопили противъ подражанія всему иностранному; въ то-же время большинство мистиковъ и скептиковъ, реформаторовъ и старовѣровъ являлись высокопарными риторами ходульнаго патріотизма на словахъ и своекорыстными практиками рутинерами въ жизни, соискателями теплыхъ мѣстечекъ, приверженцами табели о рангахъ, знаковъ отличій и узкихъ родовыхъ и сословныхъ предразсудковъ.

Царствованіе Александра I богато внутренними и внѣшними событіями, имѣвшими огромное вліяніе на ходъ развитія нашего общества. Многіе находятъ даже большую аналогію между эпохой

Александра I и нынѣшнимъ временемъ въ томъ отношеніи, что русское общество въ то время жило тою-же, будто бы, напряженною жизнью, обращая главное вниманіе на различные общественные вопросы, какъ и въ наше время, и при этой аналогіи находятъ, что хотя наше время отличается отъ эпохи Александра I тѣмъ, что мы сдѣлали многое, о чемъ въ ту эпоху только мечтали, но, съ другой стороны, въ то время реформы предполагались въ сферахъ высшихъ гораздо въ болѣе широкомъ и радикальномъ видѣ, чѣмъ въ наше время позволяютъ себѣ помышлять многіе граждане, считающіе себя прогрессистами и либералами. Но при этомъ становится рѣшительно непонятнымъ, куда-же потомъ дѣлось все это движеніе въ нашемъ обществѣ? Неужели пять какихъ-нибудь лѣтъ реакціи подъ свѣжими еще впечатлѣніями эпохи Александра I могли произвести то, что въ тридцатые годы лучшіе и передовые люди, вышедшіе изъ эпохи Александра и воспитанные ею, могли сразу утратить всѣ прежніе интересы и явиться людьми совершенно чуждыми и индифферентными къ какимъ бы то ни было живымъ общественнымъ вопросамъ? Конечно, иногда бываетъ очень легко подавить и парализовать какое-либо движеніе въ обществѣ не въ 5 лѣтъ, а въ 5 дней и менѣе, но перевоспитать зрѣлыхъ людей и обратить весь ходъ ихъ мысли отъ общественныхъ вопросовъ къ отвлеченнымъ эстетическимъ или мистическимъ, было бы чудомъ нетолько въ 5 лѣтъ, но и въ 30, особенно, еслибы общественными вопросами были глубоко и страстно заинтересованы массы общества.

Но дѣло въ томъ, что, при ходѣ нашего развитія, совершающагося подъ вліяніемъ близкаго сосѣдства странъ, стоящихъ впереди насъ чуть ли не на три столѣтія, нужно весьма осторожно обходиться съ словомъ „общество и общественное движеніе“. Въ нашей жизни очень часто въ средѣ какихъ-нибудь двухъ, трехъ кружковъ, небольшой горсточки людей совершается умственное движеніе, стоящее почти въ уровень съ движеніемъ передовыхъ людей Европы въ данное время. Безспорно, что подобное движеніе оказываетъ немаловажное вліяніе и на весь грамотный людъ нашего общества; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы само общество принимало непосредственное участіе въ этомъ движеніи, и чтобы въ немъ движеніе было въ той-же сплѣ и съ тѣмъ-же кругомъ понятій, какъ и въ цивилизующихъ кружкахъ. Прогрессъ общества идетъ своимъ самостоятельнымъ путемъ, сообразнымъ степени развитія большинства грамотныхъ людей, и хотя въ обществѣ совер-

шается движеніе, иногда, можетъ быть, весьма значительное, подъ вліяніемъ движенія передовыхъ кружковъ, но оно бываетъ обыкновенно совершенно въ иномъ родѣ и духѣ, чѣмъ въ передовыхъ кружкахъ, ушедшихъ отъ своихъ современниковъ впередъ на нѣсколько столѣтій. На этомъ основаніи необходимо точно разграничивать движеніе отдѣльныхъ, иногда очень незначительныхъ по количеству кружковъ отъ движенія всей массы общества въ то-же время.

Особенно важно принять въ соображеніе это обстоятельство при разсмотрѣніи эпохи Александра I, такъ-какъ все политическое броженіе, на которое нынѣ литература обращаетъ большое вниманіе, совершалось исключительно почти въ высшихъ сферахъ общества, при чемъ имѣло замкнутый характеръ интимныхъ кружковъ, тайны канцелярской или конспиративной. О какомъ-либо систематическомъ проведеніи того или другого круга идей въ массахъ общества въ то время мало еще думали; нельзя-же назвать такимъ именемъ нѣсколько наркотическихъ стишковъ, обращавшихся въ обществѣ, по бо̀льшей части, въ рукописномъ видѣ, да двѣ, три либеральныя статейки въ двухъ, трехъ тощенькихъ журнальцахъ, имѣвшихъ не болѣе 300 или 500 подписчиковъ. Огромное большинство граматнаго люда, все почти среднее дворянство, не говоря о прочихъ сословіяхъ, въ то время продолжало еще жить на степени младенческой непосредственности преданій и узкопрактическаго эмпиризма въ жизни. Единственный истинно живой интересъ, которымъ эта масса была дѣйствительно увлечена въ эпоху Александра, заключался въ патріотическомъ настроеніи при нашествіи французовъ. Что-же касается политическаго броженія, совершавшагося въ высшихъ кружкахъ общества, то оно своею замкнутостью и таинственностью только распаляло воображеніе людей, непосвященныхъ въ это броженіе, и въ обществѣ ходили преувеличенные и дикіе, по своей крайней нелѣпости, слухи о разныхъ массонскихъ и тайныхъ обществахъ. Большинство общества на всякаго живого человѣка, въ которомъ мало-мальски была возбуждена мысль, смотрѣло какъ на человѣка безпокойнаго, опаснаго вольнодумца, не обращая вниманія на то, былъ-ли этотъ вольнодумецъ скептикъ или мистикъ: вольтеріанецъ и массонъ для непросвѣщенной массы временъ Александра I были названія тождественныя, между которыми не видѣли ровно никакого различія, и, если хотите, въ этомъ смѣшеніи понятій былъ свой смыслъ. Не говоря уже о томъ, что и въ царствованіе Александра, какъ

и при Екатеринѣ, скептики такъ часто переходили въ мистиковъ, а мистики въ скептиковъ, что ихъ гораздо легче было смѣшивать, чѣмъ различать, въ то-же время мистики для людей, преданныхъ умственной спячкѣ, не менѣе скептиковъ должны были казаться совершенно особенными, непонятными существами, а потому, можетъ быть, и опасными. Но нельзя сказать, чтобы и большинство общества оставалось безъ всякаго движенія на той степени, на которой оно было въ началѣ царствованія Екатерины, и чтобы въ немъ не совершилось какихъ-либо перемѣнъ въ умственной и нравственной сферѣ. Общество питалось тѣмъ, что̀ могла давать и давала ему литература и развитіемъ, измѣненіемъ литературныхъ направленій тѣмъ справедливѣе измѣрять ходъ умственнаго развитія нашего общества въ эпоху Екатерины и Александра, что большинство литературныхъ дѣятелей стояло во все это время почти вполнѣ въ общемъ уровнѣ развитія массъ, очень мало возвышаясь надъ ними. Для общества, при его крайней дикости, было немаловажнымъ прогрессомъ уже и то, что оно, послѣ высокопарно-громкихъ одъ, поэмъ и трагедій съ завываніями, настраивавшихъ сердца читателей постоянно на патріотически-торжественный ладъ, начало зачитываться еще при Екатеринѣ переводными романами Ричардсона, Кларриссой, Памелой и Грандисономъ, чувствительнымъ путешествіемъ Стерна и сентиментальными сочиненіями Бакюляръ Арно; вмѣстѣ съ этимъ, на театрѣ начали появляться мѣщанскія, чувствительныя драмы. Всѣ эти давно теперь забытыя произведенія читались когда-то съ такимъ-же страстнымъ увлеченіемъ, съ какимъ нынѣ читаются романы Шпильгагена. Молодые люди и барышни начали бредить Элоизами, Памелами; называть другъ друга Агатонами, Эльвирами и пр. Жизнь начала дѣлиться на двѣ противоположныя половины: на скучную, обыденную прозу, въ которой начали относить всю будничную практику жизни, и божественную поэзію, заключающуюся въ сладкой чувствительности, таинственной симпатіи сердецъ, и мечтательномъ упоеніи натурой. Проливать умилительныя слезы на благоухающій букетъ цвѣтовъ, глядя на закатъ солнца, или бродить по берегу пруда, въ которомъ утопилась бѣдная Лиза, и рыдать о ея злосчастной судьбѣ считалось въ то время такимъ-же прогрессомъ, какимъ въ настоящее время считается дѣлать ботанническія экскурсіи или устраивать женскій трудъ, и какъ ни приторна, какъ ни искуственна кажется намъ сентиментальность современниковъ Карамзина, въ свое время она была прогрессомъ:

молодые люди, занимавшіеся умилительными воздыханіями, заливавшіеся безпрестанно слезами и сажавшіе цвѣты на гробъ своего друга Агатона, или возлюбленной Батильды, были, во всякомъ случаѣ, и гуманнѣе, и развитѣе тѣхъ юношей предшествовавшаго поколѣнія, которые, едва научившись подписывать фамилію изъподъ ферулы дьячка или темнаго выходца изъ Франціи, записывались въ полкъ и дѣлались развратными петиметрами въ свѣтѣ и рабски-приниженными исполнителями по службѣ. Сентиментальность послужила первымъ зародышемъ романтическаго движенія въ нашемъ обществѣ. Въ ней вы видите, съ одной стороны, дуализмъ, основанный уже не на теологической догматикѣ среднихъ вѣковъ, требующей мрачнаго, аскетическаго подавленія страстей, а напротивъ того, на признаніи высшимъ нравственнымъ идеаломъ свободныхъ влеченій сердца, съ другой стороны, мы видимъ здѣсь первое развитіе того индивидуализма, который составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ романтизма. Представителемъ этой фазы развитія нашего общества является Карамзинъ, и въ немъ мы видимъ вполнѣ дитя своего времени. Напрасно станете вы искать въ немъ какихъ-либо зрѣлыхъ и послѣдовательныхъ политическихъ или философскихъ убѣжденій. Вы найдете у него во всѣхъ этихъ отношеніяхъ одну только сентиментальную риторику, въ которой васъ поразитъ эклектическій оптимизмъ, оправдывающій всевозможныя формы общественнаго и политическаго быта, лишь бы только онѣ основывались на добрыхъ нравахъ; къ этому ко всему приправлено искаліе мудрой умѣренности и золотой середины, и все это вдобавокъ разукрашено узкимъ, кваснымъ патріотизмомъ и консерватизмомъ того трусливаго свойства, который готовъ сочувствовать всевозможнымъ реформамъ, но, за недостаткомъ просвѣщенія, не находитъ возможности въ немедленномъ ихъ осуществленіи и потому желаетъ отложить ихъ въ долгій ящикъ. Такой безхарактерный эклектизмъ не былъ личною принадлежностью Карамзина. Вспомнимъ, что Карамзинъ получилъ образованіе въ кружкѣ Новикова, въ которомъ сомнѣвались еще, что земля ходитъ вокругъ солнца: отсутствіе какихъ-либо послѣдовательныхъ и систематическихъ убѣжденій было не его только личнымъ недостаткомъ, а общею характеристическою чертой его вѣка, и Карамзинъ не понималъ того, чего не понимало большинство его современниковъ. Но совершенно въ иномъ видѣ представится онъ вамъ, если вы, откинувши въ сторону всѣ его политическіе взгляды, посмотрите на него, какъ на моралиста.

Здѣсь, передъ вами откроется свѣтлая сторона его дѣятельности, и вы увидите въ немъ прогрессиста, имѣвшаго немаловажное значеніе въ свое время. Онъ первый, вопреки средневѣковой догматики, началъ проповѣдывать благо и свободу страстей и право человѣка на земное счастіе. Въ этомъ отношеніи „Разговоръ о счастіи“ (1797 г.) составляетъ эпоху въ развитіи нашей мысли. Въ этомъ сочиненіи впервые провозглашается, что всякій человѣкъ имѣетъ право на счастіе; счастіе-же заключается въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыя доставляютъ намъ страсти, дарованныя намъ природой для наслажденія жизнью; что страсти губительны только тогда, когда онѣ выходятъ изъ своихъ границъ; на этомъ основаніи нравственная обязанность наша заключается не въ подавленіи страстей, а въ наслажденіи ими въ данныхъ границахъ, для чего намъ данъ разсудокъ. Какъ бы ни казались намъ эти мысли дѣтскими, но въ свое время онѣ были такою неслыханною ересью, что возбудили протестъ со стороны послѣдователей средневѣковой догматики, и въ одномъ изъ журналовъ того времени „Ипокренѣ“ появился, въ 1799 г., пасквиль на Карамзина, въ которомъ пасквилистъ обращается къ своему другу съ такимъ противопоставленіемъ догматической морали противъ морали Карамзина:

Не мнишь, даны чтобъ чувства были
На то, чтобъ всѣ ихъ услаждать,
И разума лучи служили,
Чтобъ наслажденья избирать;
Не выдалъ странную чудесность,
Приведши страсти въ равновѣсность
Къ блаженству съ буйствомъ ихъ идти:
Но ты, всю цѣну истинъ зная,
Твердишь, что, страсти побѣждая,
Къ блаженству путь легко найти.
Не мнишь, чтобъ жить въ союзѣ тѣсномъ
Намъ нужно было со страстьми;
Что въ мірѣ нравственномъ, тѣлесномъ
Безъ нихъ и жить нельзя съ людьми:
Но знаетъ, что звѣрямъ подобенъ,
Кто сладострастенъ, скупъ и злобенъ,
Коль равновѣсны страсти въ немъ.
Но если страсти утишились,
Молчатъ, не дѣйствуютъ, сокрылись,
То схожъ онъ съ ангеломъ во всемъ *).

*) См. Ист. русск. слов. А. Галахова, т. II, гдѣ этотъ пасквиль приведенъ вполнѣ.

Но походъ противъ догматической морали стоилъ Карамзину не однихъ только литературныхъ нападокъ. Противъ него писались въ то-же время и доносы, въ которыхъ сочиненія его выставлялись „исполненными вольнодумческаго и якобинскаго яда, въ которыхъ явно проповѣдуется безбожіе и безначаліе“ и пр.

Рядомъ съ пропагандой свободы страстей, Карамзинъ проводилъ въ литературѣ идеи Руссо, съуживая ихъ на столько, на сколько онѣ были по силамъ пониманію, какъ его личному, такъ и всего общества. Въ нападкахъ Руссо на современную цивилизацію, въ его прославленіи простаго, естественнаго, сельскаго быта и въ убѣжденіи людей возвратиться въ лоно природы къ первобытному состоянію, — подъ формой парадоксовъ скрывается пропаганда чисто демократическаго свойства; этотъ демократизмъ Руссо былъ, конечно, сверхъ пониманія Карамзина и его современниковъ. Они приняли парадоксы его за чистую монету, и оттуда явился этотъ пресловутый пастушескій идеалъ удаленія отъ суетнаго свѣта и тихаго счастія съ милою подругой, подъ соломенною кровлей возлѣ журчащаго ручейка. До какой степени этотъ идеалъ господствовалъ въ то время, это мы видимъ изъ того, что имъ увлекался въ своей юности даже Александръ I, которому, казалось бы, менѣе всѣхъ другихъ россіянъ могла придти въ голову мысль о безвѣстномъ счастіи подъ соломенною кровлей. О такомъ-же самомъ счастіи мечталъ всю свою жизнь Жуковскій: „мое теперь—писалъ онъ къ своимъ роднымъ по пріѣздѣ въ Петербургъ — хуже прежняго. Здѣшняя жизнь мнѣ тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь. *Ваше одно и то-же кажется мнѣ прекраснымъ положеніемъ; работать безъ всякаго разсѣянія, въ кругу своихъ, отдѣлясь отъ прошедшаго и будущаго — вотъ чего мнѣ хочется* и т. д. О Петербургъ! проклятый Петербургъ, со своими мелкими, убійственными разсѣяніями! Здѣсь, право, нельзя имѣть души. Здѣшняя жизнь давитъ меня и душитъ. Радъ бы бросить и убѣжать къ вамъ, чтобы приняться за доброе настоящее, котораго у меня здѣсь нѣтъ и быть не можетъ“...

Вообще у насъ почему то принято Жуковскаго считать родоначальникомъ романтизма въ Россіи. Но если смотрѣть на романтизмъ не только какъ на литературную школу, а какъ на извѣстное умственное движеніе, то личность Жуковскаго потеряетъ половину своего значенія въ этомъ отношеніи. Романтизмъ явился у насъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ Европы, вслѣдствіе толчка, возбужденнаго философскимъ движеніемъ восемнад-

цатаго вѣка; первые задатки его мы видимъ уже у Карамзина. Что-же касается Жуковскаго, то онъ имѣетъ свое значеніе въ литературѣ, только какъ художникъ: онъ обработалъ русскій стихъ, придавши ему ту гибкость, которую потомъ усовершенствовалъ Пушкинъ; онъ первый показалъ, чѣмъ отличаются истинно поэтическіе, изящные образы отъ той высокопарной риторики, въ которой прежде видѣли поэзію. Наконецъ, оказалъ онъ свое содѣйствіе и къ эмансипаціи литературныхъ нравовъ оппозиціей Арзамасскаго общества противъ надутой важности и напыщенности „Общества любителей Русскаго Слова“. Но что касается до развитія міросозерцанія, нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, то въ этомъ отношеніи онъ не только не подвинулъ впередъ русскую мысль, но, будучи рабскимъ послѣдователемъ Карамзина, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отступилъ отъ него на шагъ назадъ. Съ одной стороны, онъ носился, какъ мы сейчасъ видѣли, съ тѣмъ-же буколическимъ идеаломъ сельскаго уединенія и отрѣшенія отъ мірскихъ суетъ, разбавляя подобное стремленіе приторными воздыханіями о непрочности земнаго и мечтательными порываніями dahin — въ туманную даль, по образцу нѣмецкаго романтизма, но, съ другой стороны, онъ былъ послѣдователь самой узенькой, догматической морали. Ему ставятъ постоянно въ достоинство, что онъ, будучи переводчикомъ, былъ въ то-же время писателемъ самостоятельнымъ, потому что бралъ отвсюду свое и, кромѣ того, придавалъ чужимъ произведеніямъ свой собственный колоритъ. Очень можетъ быть, что это и достоинство съ чисто эстетической стороны, но со стороны образовательной это былъ большой недостатокъ: выбирая повсюду свое, Жуковскій выбиралъ постоянно такія произведенія, которыя вполнѣ согласовались съ его узкимъ, догматическимъ міросозерцаніемъ, другія сглаживалъ, подводилъ подъ ту-же норму и, такимъ образомъ, знакомя русскихъ людей съ произведеніями Шиллера, Гёте, Байрона, онъ совершенно сгладилъ и стушевалъ то, что̀ именно было самаго живаго и цивилизующаго въ произведеніяхъ этихъ писателей — тотъ протестъ противъ старыхъ формъ и условій жизни, который составлялъ здоровый элементъ романтизма. Что-же касается жизни Жуковскаго, то въ этомъ отношеніи мы видимъ, что онъ всецѣло принадлежитъ еще къ покровительственному періоду нашей литературы и ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ писателей предшествующей эпохи, отъ Ломоносова до Карамзина включительно: всѣ эти жалобы на суету и пустоту Петербурга, мечты

о прелести сельскаго уединенія въ тѣсномъ кругу семьи, сѣтованія на непрочность земнаго и порываніе къ небесному — нисколько не мѣшали Жуковскому торчать всю свою жизнь въ знатныхъ прихожихъ и посвящать льстивыя восхваленія сильнымъ міра сего.

Только со второй половины царствованія Александра началъ у насъ развиваться романтизмъ не въ видѣ только буколическаго сенсуализма, какъ это было во время московской дѣятельности Карамзина, но въ видѣ протеста личности противъ устарѣлыхъ и давящихъ формъ жизни общественной и семейной, противъ фамусовскаго узкаго практицизма въ жизни и молчалинской приниженности. Въ воображеніи представителей этого романтизма начинаетъ рисоваться идеалъ сильной, избранной натуры, гордой, независимой, свободной, подчиняющейся только влеченіемъ своего духа, презирающей искательство матеріальныхъ выгодъ и страдающей отъ грубаго непониманія и гоненія пошлой, пресмыкающейся толпы. Этому идеалу поклонялись всѣ, безъ исключенія, мало-мальски мыслящіе люди въ эпоху 20-хъ годовъ, при чемъ требовалось уже не одно только проповѣданіе его на словахъ, но и осуществленіе въ самой жизни. При этомъ надо, опять-таки, не забывать, что иначе этотъ идеалъ понимался и осуществлялся въ кружкахъ передовыхъ и лучшихъ представителей мысли въ эпоху 20-хъ годовъ, иначе — среди полуобразованной массы общества. Лучшіе люди того времени — это были Чацкіе, съ глубокою тоской смотрѣвшіе вокругъ и рѣзкими сарказмами клеймившіе всеобщую пошлость, невѣжество и рабство; наконецъ, были люди и выше Чацкаго, не ограничивавшіеся одними пассивными сарказмами, но стремившіеся къ активному освобожденію жизни отъ старыхъ и гнетущихъ формъ, которымъ поклонялись Фамусовы и Молчалины, пересозданію ея на такихъ основаніяхъ, которыя даровали бы болѣе широкій просторъ свободному полету личности. Но иначе представляла себѣ этотъ самый идеалъ полуобразованная масса; эта масса не требовала отъ своего героя никакой активности въ жизни, никакого плодотворнаго труда, никакой особенной гуманности и справедливости къ низшимъ: для нея было совершенно достаточно, чтобы герой презиралъ, не покорялся и страдалъ; въ то-же время онъ могъ тратить свои силы на какія угодно прихоти и похоти, всю жизнь провести въ кутежахъ и волокитствѣ, стрѣляться на дуэляхъ, подвергаться всевозможнымъ опасностямъ не изъ за чего иного, какъ изъ-за безцѣльнаго раз-

гула юношеской отваги, — наконецъ, прокучивать цѣлыя имѣнія, разоряя своихъ крестьянъ, или на станціяхъ стегать нагайками жидовъ и припечатывать ихъ бороды къ столу — и при всемъ томъ, все-таки, оставаться героемъ. Однимъ словомъ, та самая свобода страстей, которую Карамзинъ защищалъ и оправдывалъ съ немалою еще робостью, подчиняя ее ради благонамѣренности разсудку, въ двадцатые годы возвелась въ апоѳеозъ и сдѣлалась безусловнымъ нравственнымъ идеаломъ. Пальму первенства отдали рѣшительно сердцу, на разсудокъ-же начали смотрѣть, какъ на нѣчто враждебное сердцу, а потому презрѣнное и малодушное: подчиняться ему значило унижать себя, измѣнять своему нравственному идеалу, приравнивать къ пошлой толпѣ.

Въ то-же время было бы совершенно ложно думать, чтобы такой идеалъ былъ случайно, искусственно перенесенъ съ Запада подъ вліяніемъ Байрона и не имѣлъ бы никакого отношенія къ нашей жизни. Напротивъ того, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ, какъ духу своего времени, какъ и той средѣ, въ которой преобладалъ. На Западѣ существовали въ то время уже многіе теоріи и идеалы, и была-же какая-либо существенная причина, почему увлеклись именно этимъ идеаломъ, а не какимъ-нибудь другимъ. Для объясненія этого надо принять въ соображеніе характеръ той среды, изъ которой вышелъ этотъ идеалъ и въ которой онъ преобладалъ. Это была петербургская великосвѣтская среда, въ которой въ то время сосредоточивалось умственное движеніе общества. Жизнь этой среды опиралась, главнымъ образомъ, на крѣпостномъ правѣ, которое дошло до высшаго своего развитія, не успѣвши еще открыть обратную свою сторону экономическаго разоренія. Напротивъ того, оно доставляло въ вышеозначенной средѣ такой избытокъ благосостоянія, при помощи котораго русскій богачъ, путешествовавшій за границей, могъ казаться поистинѣ Крезомъ. Въ то-же самое время среда эта только-что успѣла освоиться съ тѣмъ новымъ своимъ положеніемъ, какое создалось для нея екатерининскою грамотой о вольности дворянской. Грамота эта, не даровавши дворянству никакихъ особенныхъ политическихъ правъ, а только освободивши его отъ служилыхъ обязанностей, этимъ самымъ положила начало особеннаго рода понятіямъ о значеніи дворянства въ государствѣ: на дворянство стали смотрѣть, съ одной стороны, какъ на плотину, которая должна защищать престолъ отъ натиска народныхъ массъ, считавшихся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ французской революціи непремѣнно грозными и

враждебными, съ другой стороны, предполагали, что славой бранныхъ и государственныхъ подвиговъ, въ особенности-же блескомъ образованности и роскоши — дворянство должно составлять украшеніе и славу государства. Крыловъ недаромъ сравниваетъ дворянство съ листьями, составляющими роскошь и красу дерева. Подъ вліяніемъ этихъ общественныхъ идей о значеніи дворянства сложился и нравственный идеалъ дворянина того времени: дворянинъ, по понятіямъ людей первой четверти нынѣшняго столѣтія, долженъ былъ представляться человѣкомъ, храбрымъ до самоотверженія, великодушною и щедрою натурой, незнающей предѣла своимъ тратамъ. Всякій мелкій разсчетъ, мелкій трудъ, стремленіе къ бережливости и наживѣ считалось свойствомъ низкихъ, скаредныхъ душъ, удѣломъ грубой черни, униженіемъ дворянской чести. Гораздо уже позже Лермонтовъ съ презрѣніемъ заставляетъ своего демона смотрѣть на корыстный трудъ предъ тощею лампадой, приравнивая этотъ трудъ къ прочимъ преступленіямъ, на которыя демонъ смотритъ съ злобною отрадой во время своего ночнаго путешествія надъ спящею столицей. Этими понятіями обусловливался тотъ веселый, широкій разгулъ, который, начиная съ царствованія Екатерины, проходитъ сквозь все царствованіе Александра и о которомъ такъ вздыхаютъ наши старички, окрестившіе его весьма характеристическимъ, историческимъ выраженіемъ, прямо намекающимъ на екатерининскую грамоту: *кутить по вольности дворянской*. Этимъ положеніемъ создавались великосвѣтскіе типы въ родѣ Онѣгина или Печорина, гордые, свободные отъ всякаго труда, незнающіе предѣла своимъ страстямъ и прихотямъ и выносящіе изъ своего празднаго и необузданнаго юношескаго разгула одно пресыщеніе и разочарованіе. До какой степени подобные идеалы были въ духѣ того времени, это мы видимъ изъ того, что имъ подчинялись не одни заурядные свѣтскіе люди, неполучившіе никакого образованія, никакихъ разумныхъ стремленій, но и лучшіе, мыслящіе люди общества представляли въ своей средѣ такіе-же типы отчаянныхъ повѣсъ, бретеровъ и донъ-жуановъ, готовыхъ проѣхаться на челночкѣ въ бурю по морю не для чего инаго, какъ изъ-за того, чтобы показать свое рыцарское безстрашіе, или побиться объ закладъ на пріятельской пирушкѣ въ томъ, что они проведутъ безстрашно ночь гдѣ-нибудь на кладбищѣ или въ домѣ, въ которомъ по ночамъ совершаются разные ужасы (такихъ домовъ съ блуждающими призраками, пляшущими стульями и пр. было множество въ то

романтическое время). До какой степени, наконецъ, идеалъ этотъ былъ въ духѣ времени, служилъ даже для массы читающей публики лозунгомъ прогресса и оппозиціи, это мы можемъ видѣть изъ того внезапнаго охлажденія, съ какимъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ отнеслась публика къ своему любимцу Пушкину, когда онъ пересталъ и въ своей жизни, и въ своихъ произведеніяхъ быть представителемъ этого идеала. Надо замѣтить, что въ двадцатые годы Пушкинымъ увлекались вовсе не изъ одной только художественности его произведеній. Люди двадцатыхъ годовъ были еще весьма плохіе этетики: всѣ ихъ эстетическія понятія ограничивались тѣмъ, что поэтъ долженъ быть свободенъ отъ всякихъ стѣсняющихъ творчество правилъ ложнаго классицизма и летать по волѣ своей фантазіи. Въ Пушкинѣ они цѣнили именно такого независимаго поэта. Его любили за то, что онъ въ своихъ поэмахъ и многихъ лирическихъ произведеніяхъ олицетворялъ любимый идеалъ гордаго, свободнаго романтика, и въ то-же время видѣли въ немъ человѣка, непокорявшагося обыденной рутинѣ жизни, и за то гонимаго и преслѣдуемаго. Когда-же впослѣдствіи Пушкинъ въ поэзіи свернулъ на почву гётевской объективности, а въ жизни пошелъ по дорогѣ Карамзина и Жуковскаго, въ оцѣнкѣ Пушкина обнаружился тотчасъ-же удивительный расколъ. Съ одной стороны, публика, воспитанная въ духѣ романтизма двадцатыхъ годовъ, внезапно охладѣла къ Пушкину, и начала видѣть въ послѣдующей дѣятельности его, начиная съ „Бориса Годунова“, паденіе его таланта; съ другой стороны, въ то время существовали уже романтики совершенно инаго рода, воспитанные въ духѣ нѣмецкихъ эстетическихъ теорій, для которыхъ художественные вопросы стояли на первомъ планѣ и которые выше всего цѣнили олимпійское безстрастіе Гёте. Эти люди, напротивъ того, начали утверждать, что произведенія Пушкина двадцатыхъ годовъ именно и суть самые слабые плоды его поэтическаго творчества, произведенія молодаго, незрѣлаго пера, находившагося еще въ рабской зависимости отъ западныхъ учителей; а что съ „Бориса Годунова“, напротивъ того, Пушкинъ вступилъ въ высшій періодъ своей дѣятельности, дошедши до полной художественной зрѣлости и самостоятельности. Ниже, въ своемъ мѣстѣ, намъ подробнѣе придется коснуться этого раскола, обнаружившагося въ тридцатые годы относительно оцѣнки Пушкина. Теперь-же мы только замѣтимъ, что какъ ни пустъ и безсодержателенъ былъ романтическій идеалъ свѣтской массы двадцатыхъ годовъ, и какъ отрицательно

ни относились къ нему наши критики, начиная съ Веневитинова, Ив. Кирѣевскаго, Надеждина, и кончая Добролюбовымъ и Писаревымъ, но, все-таки, надо отдать справедливость, что въ свое время идеалъ этотъ принесъ свою немаловажную пользу въ развитіи нашего общества. Какъ бы ни представлялся пассивенъ онѣгинскій протестъ противъ фамусовства и молчалинства, но, все-таки, онъ хоть сколько-нибудь возвышалъ нравственное достоинство человѣка надъ типомъ рабскаго пресмыканья. Какой-нибудь иной исходъ могъ существовать только для отдѣльныхъ развитыхъ личностей, которыя, сколько бы мы сотень ихъ ни насчитывали, были, все-таки, отдѣльными единицами въ полуобразованной массѣ заурядныхъ людей... Для заурядныхъ-же людей и то уже было прогрессомъ, если они предпочитали ничего не дѣлать и зѣвать, сложа руки, чѣмъ подчиняться, кланяться и пресмыкаться. Но болѣе всего пользы принесъ этотъ идеалъ литературѣ: появленіе его сразу избавило ее отъ прежняго меценатства и поставило на самостоятельную почву лицомъ передъ лицо публики, отъ вкусовъ и симпатій которой сталъ зависѣть теперь успѣхъ каждаго литературнаго предпріятія. Проповѣдуя вышеупомянутый идеалъ и поклоняясь ему, немыслимо уже стало литератору заходить съ задняго крыльца къ благодѣтелю и съ широкою улыбкой лести заискивать у него полученіе перстенька, пенсіи и пр. Съ этихъ поръ каждый писатель, мало-мальски разсчитывавшій на покровительство, тотчасъ-же встрѣчалъ охлажденіе со стороны публики и насмѣшки въ литературѣ. Только Жуковскій дожилъ спокойно свой вѣкъ подъ сѣнію покровительства, и его щадили, какъ щадятъ стараго ветерана или развалину, напоминавшую былое. Даже Пушкинъ, когда свернулъ на дорогу Жуковскаго, ожесточенный охлажденіемъ публики и журнальными намеками, долженъ былъ признать совершившійся фактъ, и не могъ напасть на него прямымъ опроверженіемъ, а долженъ былъ прибѣгнуть къ разнымъ экивокамъ, ссылкамъ на примѣръ Англіи, указаніямъ на видъ, что и въ старину, при господствѣ покровительства, могли существовать честные писатели, каковъ былъ Ломоносовъ, что, наконецъ, совершенная независимость литературы явленіе только кажущееся, а не истинное. „Patronage“ (покровительство) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ англійской литературы. Почтенный Креббъ, умершій недавно, поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his grace the Dackete. Въ своихъ смирен-

ныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, коихъ онъ удостоился, и проч. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила M-me de Stael, словесностью занимались, бо̀льшею частію, дворяне (en Russie quelques gentilhommes se sont occupés de litterature). Это дало особенную физіономію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него пятьсотъ рублей или перстень, украшенный драгоцѣнными каменьями. Что̀-жь изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте въ этомъ усомниться.

„Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который можетъ повредить продажѣ книги или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупщиковъ. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость, и пишетъ безъименные пасквили на людей, передъ которыми разстилается въ кабинетѣ.

„Къ тому-же, съ нѣкоторыхъ поръ литература стала у насъ ремесло выгодное, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели его сіятельство такой-то, или его высокопревосходительство такой-то. Какъ бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значатъ. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, несмотря на ихъ смиренныя посвященія; а господа NN, все-таки, презрительны, несмотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ благородную гордость, и что они свои сочиненія посвящаютъ не доброму и умному вельможѣ, а какому-нибудь вралю и плуту, подобному имъ“ (Соч. Пушк. Изд. Исакова. Т. V — „Мысли на дорогѣ“ — стр. 413—414).

Наконецъ, вышеупомянутый идеалъ важенъ въ томъ отношеніи, что когда, послѣ 1825 г., многіе передовые люди двадцатыхъ годовъ сошли съ поприща, благотворное вліяніе этого идеала на литературу и нравы общества одно пережило ихъ и было един-

ственнымъ достояніемъ, которое двадцатые годы завѣщали потомству. Душеприкащиками такого наслѣдства остались Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Полевой, Одоевскій, Веневитиновъ, Ив. Кирѣевскій, Чаадаевъ и многіе другіе, имена которыхъ стоятъ во главѣ періода нашей литературы, послѣдовавшаго непосредственно за 1825 годомъ и продолжавшагося 10 лѣтъ до прекращенія „Телеграфа“ въ 1834 году и начала въ томъ-же году дѣятельности Бѣлинскаго. Этому періоду, стоящему на рубежѣ двухъ поколѣній, мы посвятимъ слѣдующія главы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Измѣненіе нравовъ въ 1826 году. — Патріотизмъ и его два вида. — „Русскій Вѣстникъ“ С. Н. Глинки и „Сынъ Отечества“ Н. И. Греча. — „Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго. — Н. Ал. Полевой. — Отношеніе къ „Телеграфу“ петербургскихъ кружковъ александровской эпохи. — Перемѣщеніе центра умственнаго движенія. — Значеніе, какое пріобрѣли университеты и журналы съ новою эпохой, и успѣхъ „Телеграфа“ въ связи съ этимъ. — Состояніе умственнаго развитія молодежи въ 30-ые годы: свидѣтельство объ этомъ Г. Григорьева и И. Панаева. — Чѣмъ увлекалась молодежь въ „Телеграфѣ“ и что вообще соединяла она съ романтизмомъ. — Слабая сторона пропаганды Полеваго. — Почему онъ не понялъ Гоголя. — Паденіе Полеваго. — Отношеніе Бѣлинскаго къ Полевому до и послѣ смерти послѣдняго.

Надо полагать, что никогда, даже принимая въ соображеніе петровскія времена, наше общество не испытывало такого быстраго, почти мгновеннаго превращенія, какъ въ 1826 году. Въ одинъ какой-нибудь годъ и прежней жизни, широкой, разгульной, съ смѣлыми планами, гордыми, заносчивыми мечтами, розовыми, молодыми надеждами и удалью, незнавшею преградъ, ничего этого — какъ ни бывало. „Аристократическая независимость, гвардейская удаль александровскихъ временъ — все это исчезло съ 1826 годомъ“, говоритъ одинъ изъ мемуаристовъ. „Нравственный уровень общества палъ—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ — развитіе было прервано; все передовое, энергическое вычеркнуто изъ жизни. Остальные — испуганные, слабые, потерянные — были мелки, пусты; дрянь александровскаго поколѣнія заняла первое мѣсто; они мало-по-малу превратились въ подобо-

страстныхъ дѣльцовъ, утратили дикую коэзію кутежей и барства, и всякую тѣнь сомобытнаго достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время ихъ прошло".

Какъ ни ограничено было участіе передовыхъ дѣятелей двадцатыхъ годовъ въ литературѣ, однакоже, вліяніе ихъ болѣе или менѣе отражалось на всѣхъ лучшихъ литературныхъ дѣятеляхъ того времени и частію послѣдующаго — на Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Полевомъ, Веневитиновѣ, Чаадаевѣ и др. Послѣ 1826 года мыслящая часть общества представляла видъ хора, изъ котораго вдругъ исчезъ регентъ, и не стало того невидимаго камертона, который до того времени давалъ всему тонъ. Люди, съ маломальски стойкими и крѣпкими убѣжденіями, разбрелись по угламъ, сосредоточились и замолкли въ апатіи нѣмаго отчаянья. Люди малодушные, перепуганные, лишенные убѣжденій, всякаго рода продажные хамелеоны, пошли вслѣдъ за неразвитымъ большинствомъ общества, которое, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, начало искусственно настроиваться на тонъ узкаго, квасnаго патріотизма въ византійскомъ духѣ, пропитаннаго запахомъ ладона и рабскаго подобострастія. Патріотическое настроеніе существовало въ нашемъ обществѣ и въ царствованіе Александра, естественно возбужденное войной 1812 года и событіями, послѣдующими за нимъ. И тогда уже оно ударялось въ крайности, подобныя тѣмъ, какія мы видимъ въ наше время. Существовали даже два журнальные органа, въ которыхъ патріотизмъ стоялъ на первомъ планѣ и раздувался вопреки всякаго здраваго смысла. Таковы были: „Русскій Вѣстникъ", издававшійся съ 1808 года С. Н. Глинкой, и „Сынъ Отечества", издававшійся въ Петербургѣ по иниціативѣ Н. Греча. Но вліяніе реакціоннаго духа этихъ журналовъ умѣрялось болѣе разумнымъ и умѣреннымъ патріотизмомъ прогрессивныхъ стремленій въ передовыхъ кружкахъ общества, а подъ конецъ царствованія Александра даже обыденный патріотизмъ полупросвѣщенныхъ массъ принялъ въ себя либеральную струю сочувствія къ возставшимъ грекамъ и желанія помочь имъ противъ угнетателей. При этомъ положеніи вещей вышеупомянутые журналы далеко не пользовались особеннымъ уваженіемъ въ обществѣ. Глинка, проповѣдывавшій въ своемъ журналѣ, что боярин Матвѣевъ точно такъ-же умствовалъ о душѣ, какъ Локкъ и Кондильякъ, хотя не могъ читать ни того, ни другаго, что всѣ „правила, содержавшіяся въ Кормчей Книгѣ,

согласны съ разсужденіемъ всѣхъ знаменитыхъ просвѣтителей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ“ и пр., возбуждалъ одинъ смѣхъ, а Гречъ, который, вмѣстѣ съ филиппиками противъ Наполеона, проповѣдывалъ крестовые походы противъ французскихъ идей XVIII вѣка и всякаго прогрессивнаго движенія въ духѣ ихъ, возбуждалъ своею пропагандой только презрѣніе и негодованіе. Послѣ 1826 года консервативный патріотизмъ въ византійскомъ духѣ сдѣлался господствующимъ настроеніемъ въ высшихъ сферахъ и, исходя оттуда, принялъ видъ общественной религіи, обязательной для каждаго подъ страхомъ чуть что не смерти. „Сынъ Отечества“, а впослѣдствіи „Сѣверная Пчела“ — своими инсинуаціями и доносами въ духѣ этого патріотизма пріобрѣли особенное благоволеніе со стороны начальства. Въ такомъ-же духѣ подвизался и „Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго. Журналъ этотъ, какъ органъ классиковъ, представлялъ оппозицію противъ романтическаго направленія, господствовавшаго въ то время въ литературѣ. Въ сущности, онъ не особенно заботился о какихъ-либо политическихъ тенденціяхъ, но, защищая классицизмъ, поневолѣ впадалъ въ общій тонъ, господствовавшій въ правительственныхъ сферахъ. Вспомнимъ только, что въ ложно-классическомъ направленіи въ литературѣ нашей патріотическое настроеніе стояло на первомъ планѣ: классики требовали, чтобы поэты въ своихъ одахъ, поэмахъ и трагедіяхъ настроивали сердца читателей постоянно на торжественный ладъ, воспѣвая громъ славы и побѣдъ, доблесть и величіе русскаго духа. Слѣпые приверженцы авторитетовъ, они не допускали ни малѣйшаго критическаго отношенія къ прежнимъ писателямъ нашимъ отъ Ломоносова до Карамзина включительно; всѣхъ этихъ писателей они ставили на пьедесталы, называя ихъ русскими Пиндарами, Гомерами, Расинами, и въ критическомъ отношеніи къ нимъ видѣли не только неуваженіе къ авторитетамъ, но и недостатокъ патріотизма, преступное порицаніе всего, чѣмъ должна гордиться Россія. Наконецъ, они были приверженцами меценатства и табели о рангахъ въ литературѣ. Романтизмъ-же, какъ мы видѣли въ прошлой главѣ, явился у насъ съ самаго перваго шага въ тѣсномъ и неразрывномъ союзѣ со всѣми либеральными стремленіями александровскаго царствованія. Онъ началъ съ осмѣянія арзамасцами меценатства, чинопочитанія, напускной важности и торжественности, господствовавшей въ „Обществѣ Любителей Русскаго Слова“, въ которомъ классики занимались взаимнымъ кажденіемъ другъ другу. Романтики

*

возстали, наконецъ, не только противъ стѣснящихъ творчество риторическихъ правилъ, но и противъ правилъ ходячей морали во имя свободы личности. Естественно, что въ глазахъ классиковъ романтики представлялись безнравственными мальчишками, сорванцами, непризнающими никакихъ авторитетовъ, неуважающими старшихъ, непоклоняющимися чинамъ и заслугамъ, отвергающими всякія правила эстетическія и нравственныя, и потому готовыми ниспровергнуть всякій общественный и семейный порядокъ. Однимъ словомъ, отношеніе между классиками и романтиками въ двадцатые годы во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ отношеніе эстетиковъ и идеалистовъ къ реалистамъ, или такъ-называемымъ нигилистамъ въ шестидесятые годы. Точно такъ-же все отжившее, становясь подъ знамена классицизма, принимало на себя личину благонамѣренности, патріотизма и заботъ о сохраненіи всевозможныхъ оплотовъ, а все молодое и свѣжее увлекалось романтизмомъ, въ которомъ классики видѣли не одну эстетическую теорію, но нѣчто, весьма опасное для нравственности и общественнаго порядка. Замѣчательно, что и представляли романтиковъ такими-же длинноволосыми, растрепанными, небрежно одѣтыми, распущенными отрицателями, какими впослѣдствіи стали представлять нигилистовъ.

При такихъ условіяхъ понятнымъ становится, что издавать журналъ съ спеціальною цѣлію защищать романтизмъ и пропагандировать его — было немаловажнымъ подвигомъ, съ которымъ выступилъ Н. Ал. Полевой въ самое тяжелое время. Несмотря на то, что „Телеграфъ“ Полеваго чуждъ былъ какихъ-либо опредѣленныхъ политическихъ тенденцій, будучи журналомъ чисто-литературнымъ, онъ сосредоточилъ въ себѣ единственную, возможную въ то время, оппозицію именно потому, что взялъ на себя защиту такой эстетической школы и такихъ писателей, каковы были Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій, Козловъ, о которыхъ, по свидѣтельству И. Панаева, благонамѣренные педагоги запрещали упоминать въ училищахъ, изъ боязни испортить и растлить молодые умы.

Личность Полеваго замѣчательна тѣмъ, что стоитъ на распутьи двухъ поколѣній, соединяетъ многія достоинства и недостатки двухъ эпохъ и въ то-же время не принадлежитъ всецѣло ни къ одной изъ нихъ. Это положеніе Полеваго гораздо яснѣе и вѣрнѣе можетъ объяснить намъ всѣ тѣ противорѣчія, которыя вы встрѣчаете въ этой личности, всю шаткость и неопредѣленность воззрѣній его, мгновенный успѣхъ и такое-же быстрое паденіе, чѣмъ,

напримѣръ, объясненіе всего этого случайнымъ увлеченіемъ эклектическою философіей Кузена, а не какою-нибудь другою, болѣе послѣдовательною и цѣльною: здѣсь необходимо переставить причину и слѣдствіе и сказать, что воззрѣнія Полеваго не потому были полны эклектизма, что онъ былъ послѣдователь Кузена, а наоборотъ, онъ не могъ быть удовлетворенъ никакою философіей, кромѣ эклектической, потому что таковъ былъ складъ его личности.

Поэтому, чтобы вполнѣ ясно представить себѣ значеніе Полеваго, необходимо разсмотрѣть складъ этой личности въ связи съ предшествующею эпохой, которая создала ее, и съ послѣдующею, которая возвела его на верхъ славы и потомъ погубила. Полевой вышелъ на литературное поприще, какъ извѣстно, изъ купеческаго званія. Съ самой ранней юности онъ принужденъ былъ заниматься торговыми дѣлами. Умственное броженіе, господствовавшее въ то время, возбудило страсть къ образованію въ чуткомъ и воспріимчивомъ юношѣ. Онъ началъ учиться и читать почти безо всякой посторонней помощи и руководства. Усидчивыя занятія обогатили его умъ всевозможными свѣдѣніями по разнымъ предметамъ, но, какъ это часто бываетъ съ самоучками, занимающимися чтеніемъ безъ всякой системы и критики, вмѣстѣ съ необыкновенною начитанностью у него были пробѣлы въ знаніяхъ весьма существенныхъ; рядомъ съ передовыми идеями, выработанными европейскою мыслью, онъ сохранилъ многіе совершенно дѣтскіе взгляды; многое, что̀ онъ не могъ выработать мышленіемъ и привести въ ясное сознаніе, онъ предугадывалъ и старался постигнуть непосредственнымъ чувствомъ. Въ то время въ Европѣ все новое и свѣжее становилось подъ знаменемъ романтизма; то-же самое было и у насъ. Естественно, что и Полевой увлекся романтизмомъ. Но что̀ это за звѣрь романтизмъ, объ этомъ Полевой имѣлъ весьма смутныя и неопредѣленныя понятія. Весь романтизмъ Полеваго высказался въ слѣдующихъ положеніяхъ: поэтъ долженъ слѣдовать прихоти своего собственнаго вдохновенія, не подчиняясь никакимъ искусственнымъ, условнымъ правиламъ; поэзія — безуміе, непонятное, странное безуміе — тоска по небесной отчизнѣ; ее-ли понимать намъ на землѣ? поэты — факиры-мечтатели, добровольные страдальцы; вѣчно недовольные собою, другими, жизнью, они гибнутъ и отъ рукоплесканій, и отъ гоненій пошлой толпы. Подъ эту смутную доктрину Полевой подводилъ всѣхъ предшествовавшихъ дѣятелей нашей литературы и все пре-

словутое неуваженіе къ авторитетамъ, которое ему приписывали современники, заключалось въ томъ, что, разбирая авторитетныхъ поэтовъ, начиная съ Ломоносова и кончая Пушкинымъ, онъ не ограничивался безотчетнымъ восторгомъ, и старался отдавать отчетъ въ томъ, было-ли то или другое произведеніе плодомъ истиннаго вдохновенія, или поэтъ его искусственно придумалъ. Съ этой точки зрѣнія онъ находилъ романтизмъ повсюду, даже и у Державина. Эта-же самая доктрина послужила для Полеваго канвой для многихъ его романовъ и повѣстей, въ которыхъ на первомъ планѣ постоянно рисуется передъ вами артистъ-фантазеръ, непонятый толпой и гибнущій вслѣдствіе особеннаго фатума, обрекающаго на гибель всѣхъ поэтовъ, музыкантовъ и художниковъ. Рядомъ съ этою доктриной, безъ всякой связи съ нею, смутно бродила въ Полевомъ идея о необходимости, чтобы поэзія каждаго народа была самобытная и народная. Но въ чемъ должна заключаться эта народность, объ этомъ Полевой только гадалъ, но не имѣлъ ровно никакихъ опредѣленныхъ понятій: то онъ видѣлъ народность въ широкихъ размахахъ державинской лиры, то съуживалъ понятіе о ней до изображенія чего бы то ни было находящагося въ предѣлахъ Россіи, такъ, напримѣръ, считалъ народными первыя главы Евгенія Онѣгина на томъ только основаніи, что онѣ изображаютъ жизнь и нравы петербургскаго дендизма, а не парижскаго или лондонскаго, то онъ впадалъ въ народность кваснаго патріотизма и выставлялъ личности изъ простаго народа, преисполненныя такого патріотизма, то, наконецъ, видѣлъ народность въ буквальномъ подражаніи народнымъ сказкамъ и самъ писалъ сказки, поддѣлываясь подъ простонародный языкъ.

Въ Петербургѣ до изданія „Телеграфа“ Полевой познакомился съ передовыми кружками, которые не могли не произвести на него весьма благотворнаго вліянія. Подъ этимъ вліяніемъ сложился у Полеваго идеалъ литературной независимости, честности, презрѣнія къ меценатству, лести и продажности. Но однимъ пассивнымъ и неопредѣленнымъ чувствомъ свободы и демократической ненависти ко всему сильному и возвышающемуся и ограничился весь либерализмъ Полеваго. Онъ былъ слишкомъ мало развитъ, чтобы додуматься до какихъ-либо опредѣленныхъ общественныхъ убѣжденій. Онъ не могъ отвыкнуть отъ привычки съ мыслью о малѣйшей активности въ жизни соединять представленіе чего-то крайне преступнаго... Онъ не сошелся съ петербург-

скими кружками и началъ изданіе „Телеграфа“ безъ ихъ иниціативы, въ Москвѣ, самостоятельно.

Такимъ образомъ, Полевой принялъ въ себя многіе элементы, которые неопредѣленно бродили въ обществѣ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, но онъ не сдѣлался вполнѣ передовымъ человѣкомъ этого времени. Но, отставая во многомъ отъ передовыхъ людей александровскаго царствованія, онъ имѣлъ въ то-же время особенное преимущество передъ ними, которое принадлежало ему, какъ человѣку новаго уже періода, который если еще не наступилъ, то былъ уже очень близокъ. Дѣло въ томъ, что передовые люди александровскаго времени, съ высоты своей великосвѣтскости и романтическаго задора, слишкомъ пренебрегали такъ-называемою *толпой:* они думали жить и дѣйствовать безъ ея участія и содѣйствія, мечтали облагодѣтельствовать ее, не спрашиваясь объ этомъ у нея. Для Полеваго-же, который самъ вышелъ изъ этой толпы, близки къ сердцу были ея умственные интересы. Онъ чувствовалъ живо, а можетъ быть, и ясно сознавалъ, что ничего не сдѣлаешь одинъ, безъ участія этой толпы, не возвысивши хоть сколько-нибудь ея умственнаго и нравственнаго уровня. Онъ сознавалъ, однимъ словомъ, необходимость энциклопедической литературной пропаганды въ широкомъ смыслѣ на массу грамотныхъ людей. „Для изображенія совершеннаго журнала — говоритъ онъ въ первой книжѣ своего „Телеграфа“ — вообразите зеркало, въ которомъ отражается весь міръ нравственный, политическій и физическій. Такой журналъ едва-ли не болѣе многихъ книгъ принесетъ пользы. Не всѣ могутъ удѣлять время на чтеніе огромныхъ томовъ: многіе-ли привыкли къ обдуманному, систематическому чтенію? Здѣсь преимущество на сторонѣ журналовъ: истинно-полезное, истинно-изящное предлагаетъ вамъ журналистъ, не пугая обширными опредѣленіями, пестротой выписокъ, толщиной книги. Журналистика должна пользоваться важнымъ преимуществомъ своимъ — представлять отчетныя извлеченія изъ всѣхъ книгъ любопытныхъ и важныхъ и увѣдомлять читателей обо всемъ, что̀ слышно новаго. Журналистъ — разносчикъ вѣстей: встрѣчаясь съ нимъ не спрашиваютъ, что̀ вы знаете, но нѣтъ-ли чего-нибудь новаго? Вотъ почему я полагаю критику однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣленій журнала — пусть только она будетъ умна, правдива дѣльна. Присовокупите къ этому избранныя новости литературныя важнѣйшія новости въ наукахъ, искусствахъ и художествахъ,

обзоръ всеобщаго просвѣщенія — и умѣйте предлагать это не односторонне, разнообразно".

Такъ представлялъ себѣ Полевой программу журнала, который имѣлъ бы видъ не періодическихъ безсвязныхъ сборниковъ для 200, 300 меценатовъ и денди, интересующихся успѣхами отечественной литературы, каковы были всѣ журналы, появлявшіеся до того времени, а энциклопедію, обнимающую всѣ отрасли знанія, искусствъ и политики, и которая могла бы замѣнить чтеніе книгъ для массы грамотныхъ людей. Надъ Полевымъ посмѣялись въ Петербургѣ. Марлинскій, въ литературномъ обозрѣніи, напечатанномъ въ „Полярной Звѣздѣ", альманахѣ, изданномъ въ 1825 г., помѣстилъ, между прочимъ, такой отзывъ о появленіи „Телеграфа": „Въ Москвѣ явился двухнедѣльный журналъ „Телеграфъ", издаваемый г. Полевымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ все, извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ безконечно малыхъ въ математикѣ и до пѣтушиныхъ гребешковъ въ соусѣ или до бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ. Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденьяхъ — вотъ знаки сего „Телеграфа", а „Смѣлымъ Богъ владѣетъ"—его девизъ". Этотъ отзывъ, помѣщенный въ альманахѣ, изданномъ по иниціативѣ лучшихъ передовыхъ людей того времени, трудно приписать одному личному взгляду Марлинскаго, но всей вѣроятности, въ немъ отразилось общее мнѣніе о журналѣ Полеваго петербургскихъ кружковъ. Но опытъ вскорѣ показалъ, что̀ значитъ безучастность массъ, стоящихъ на низкомъ уровнѣ развитія, и на чьей сторонѣ было будущее. „Телеграфъ" былъ оправданъ успѣхомъ своимъ: онъ пріобрѣлъ 2,000 подписчиковъ, количество, о которомъ до того времени не смѣлъ и думать ни одинъ журналъ, и въ то-же время всталъ во главѣ новаго движенія нашего общества, въ которомъ непосредственное уже участіе принимала та самая масса грамотныхъ людей, которая до того времени была только безучастною зрительницей.

1826-й годъ важенъ въ исторіи нашего развитія особенно тѣмъ, что это былъ годъ крутаго перемѣщенія центра умственнаго броженія.

Мы говорили уже въ предъидущей главѣ, что съ Екатерины и до Николая — умственное движеніе преобладало въ высшихъ кругахъ общества. Всѣ изданія, журналы и газеты основывали свой успѣхъ, главнымъ образомъ, на сужденіяхъ, приговорахъ и сочувствіяхъ этого круга; все, если не изъ него исходило, то для него писалось, наконецъ, подчинялось различнымъ переходамъ умствен-

наго движенія въ этомъ кругу и отражало ихъ. Но когда это движеніе было разомъ прервано и все, что̀ только было мыслящаго въ этомъ кругу, сошло съ поприща, свѣтское общество въ концѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ сдѣлалось совершенно чуждо какихъ-либо умственныхъ интересовъ. Вотъ какъ характеризуетъ это общество И. Панаевъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“:

„Большинство нашихъ такъ-называемыхъ свѣтскихъ людей того времени отличалось крайнею пустотой и отсутствіемъ всякаго образованія, потому что болтанье на французскомъ языкѣ, болѣе или менѣе удачное усвоеніе внѣшнихъ формъ пошлаго европейскаго дендизма и чтеніе романовъ Поль-де-Кока нельзя-же назвать образованіемъ. Исключеній было немного, и къ нимъ принадлежалъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій — человѣкъ съ тонкою артистическою натурой и, притомъ, съ большою начитанностью для свѣтскаго человѣка. Остальные не принимали и не могли принимать ни малѣйшаго участія ни въ развитіи отечественной литературы, ни въ какихъ человѣческихъ интересахъ, а знали о существованіи русской литературы только по Пушкину и по другимъ, которые принадлежали къ ихъ обществу. Они полагали, что вся русская литература заключается въ Жуковскомъ, Крыловѣ (басни котораго ихъ заставляли учить въ дѣтствѣ), Пушкинѣ, князѣ Одоевскомъ, князѣ Вяземскомъ и графѣ Соллогубѣ, который своимъ свѣтскимъ пріятелямъ читалъ тогда „Сережу“, еще непоявившагося въ печати. Чтобы получить литературную извѣстность въ великосвѣтскомъ кругу, необходимо было попасть въ салонъ г-жи Карамзиной — вдовы исторіографа. Это былъ уже настоящій великосвѣтскій литературный салонъ съ строгимъ выборомъ“.

Въ то-же время, когда нравы свѣтскаго общества такъ печально измѣнились, массы несановитыхъ помѣщиковъ, чиновниковъ и всякаго рода достаточныхъ и сытыхъ разночинцевъ были совершенно готовою почвой для умственнаго развитія. Эти массы съ живымъ и свѣжимъ интересомъ знакомились съ русскою литературой предшествовавшихъ временъ и до энтузіазма увлекались произведеніями Пушкина. Пушкина читали, переписывали, заучивали наизустъ, Пушкинымъ бредили юноши и дѣвы по всѣмъ уѣзднымъ городамъ и захолустьямъ... Понятно, почему эти юноши и дѣвы, сдѣлавшись въ настоящее время старцами, съ такимъ азартомъ напускаются на малѣйшее критическое отношеніе къ

ихъ любимцу — Пушкину: для нихъ онъ былъ болѣе, чѣмъ поэтъ— онъ былъ ихъ недосягаемый идеалъ, ихъ богъ. И еще бы: онъ впервые задѣлъ своими лирическими стихотвореніями ихъ завѣтныя маленькія чувствица, ихъ крошечныя невинныя думки, не простиравшіяся далѣе вопроса о свиданіи или разлуки съ милымъ, созерцанія яснаго лѣтняго вечера въ деревнѣ, воспоминаній о счастливомъ дѣтствѣ и пр. Онъ впервые изобразилъ ихъ патріархальные, буколическіе нравы и начертилъ передъ ними идеалъ гордаго романтика, живущаго въ разладѣ съ окружающею средой и съ самимъ собою. Каждый юноша, мало-мальски честолюбивый, непремѣнно переживалъ въ то время періодъ, въ который мечталъ сдѣлаться Пушкинымъ, и исписывалъ тетрадки разными лирическими стихоизверженіями. Каждый спѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ увидѣть Пушкина и воображалъ при этомъ встрѣтить его непремѣнно окруженнымъ лучезарнымъ сіяніемъ. Вспомнимъ при этомъ удивленіе Гоголя, который, отправившись знакомиться съ Пушкинымъ и узнавъ отъ слуги, что тотъ спитъ, думалъ, что поэтъ непремѣнно провелъ всю ночь на Парнасѣ въ бесѣдѣ съ музами и — упалъ съ небесъ, узнавши, что Пушкинъ всю ночь проигралъ въ картишки.

Эта-то масса, невинно увлекавшаяся Пушкинымъ, встала теперь впереди, въ ней сосредоточилась умственная сила русскаго общества. Вмѣстѣ съ такимъ перемѣщеніемъ центра мысли, измѣнились мало-по-малу нравственные идеалы — измѣнились самыя орудія и средства просвѣщенія. Объ измѣненіи нравственныхъ идеаловъ намъ придется говорить впослѣдствіи въ своемъ мѣстѣ; послѣ двадцать-пятаго года и впродолженіи десяти лѣтъ это измѣненіе идеаловъ не успѣло еще опредѣлиться; но орудія и средства развитія разомъ измѣнились. До 1825 года образованіе передовыхъ и мыслящихъ дѣятелей общества шло обыкновенно такимъ путемъ: сначала юноша воспитывался подъ руководствомъ домашнихъ учителей, преимущественно выходцевъ изъ-за границы. Иногда выходцы эти были крайне плохи и несостоятельны, но встрѣчались и образованные, развитые люди, имѣвшіе немаловажное вліяніе на развитіе будущихъ дѣятелей русской мысли. Потомъ юноша или прямо поступалъ на службу, или-же уѣзжалъ за границу доучиваться. Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшее развитіе онъ пріобрѣталъ уже въ самой жизни, преимущественно въ чтеніи французскихъ мыслителей прошлаго вѣка, а если зналъ англійскій языкъ, то знакомился съ Локкомъ, Смитомъ, Бэлемъ и пр.

Такимъ образомъ, передовые люди до тридцатыхъ годовъ получали свое развитіе непосредственно изъ европейскихъ источниковъ, минуя вліяніе отечественныхъ школъ и журналистики. Университеты и журналы имѣли ничтожное значеніе въ русской жизни. Если и упоминается въ двухъ, трехъ біографіяхъ объ окончаніи курса наукъ въ университетѣ, то постоянно при этомъ не безъ ироніи приводится на видъ, что юноша ничего не вынесъ изъ этого курса. Изучая умственное развитіе общества до тридцатыхъ годовъ, вы совершенно не видите учащейся молодежи, какъ особенной умственной и нравственной силы, стоящей впереди развитія. Что-же касается до журналовъ, то если нѣкоторые и имѣли свое значеніе, какъ, напримѣръ, сатирическіе журналы при Екатеринѣ или журналы Карамзина, во всякомъ случаѣ, форма періодическихъ сборниковъ, приданная этимъ изданіямъ въ подражаніе западнымъ образцамъ, вовсе не была вызвана органическою потребностью общества. Новиковъ могъ издавать отдѣльныя сатирическія брошюрки; Карамзинъ — печатать свои произведенія отдѣльными выпусками, какъ онъ потомъ дѣлалъ со своею исторіей; общество того времени читало бы и поучалось, и вовсе не чувствовало бы недостатка въ періодическихъ журналахъ. Доказательствомъ этого служитъ печальное состояніе русской журналистики въ царствованіе Александра, когда журналы, при всемъ общественномъ возбужденіи, едва влачили свое существованіе почти безъ подписчиковъ.

Съ николаевской эпохи университеты и журналистика дѣлаются въ Россіи главными органами развитія мысли, и очень понятно почему. Путешествіе за границу и выписка иностранныхъ книгъ, въ особенности философскихъ и соціальныхъ, на которыя въ правительственныхъ сферахъ начали смотрѣть, какъ на главный источникъ всякихъ революціонныхъ стремленій, сдѣлались крайне затруднительными. Какъ ни плохо было общее состояніе университетскаго преподаванія, но въ немъ сосредоточилась единственная возможность получить хоть какое-нибудь систематическое, высшее образованіе. И между тѣмъ, какъ высшіе классы общества, попрежнему, продолжали пренебрегать университетами, массы средняго класса начали смотрѣть на университеты, какъ на главные центры просвѣщенія. Каждый отецъ семейства, въ которомъ маломальски были затронуты умственные интересы, только о томъ и мечталъ, какъ бы отдать своего сына въ университетъ. Еще болѣе возвышали значеніе университетовъ для среднихъ классовъ

тѣ служебныя преимущества, съ которыми соединялось полученіе диплома. Наконецъ, и самое преподаваніе въ университетахъ начало улучшаться по мѣрѣ того, какъ, съ возбужденіемъ умственнаго движенія въ среднихъ классахъ, къ университетамъ сдѣлался приливъ молодыхъ и свѣжихъ силъ. Между тѣмъ, какъ прежде, все, что̀ было наиболѣе энергическаго, развитаго, мыслящаго, тянулось въ высшія сферы, потому что тамъ былъ центръ броженія мысли, и юноша могъ мечтать найти тамъ широкое поле общественной дѣятельности. Съ 1826 года, напротивъ того, каждый человѣкъ съ маломальски независимыми убѣжденіями и характеромъ старался подальше отойти отъ тѣхъ сферъ жизни, въ которыхъ ничего уже не стало требоваться, кромѣ безусловнаго повиновенія и подобострастной исполнительности. Профессорская-же карьера одна только могла сулить завидную независимость отъ тяжелаго гнета и удаленіе отъ разъѣдающихъ дрязгъ жизни въ неприступныя области науки. Естественно, что на университетскія каѳедры начали приливать свѣжія силы общества, и мы увидимъ, что все умственное броженіе послѣдующаго времени группируется вокругъ университетовъ, или изъ нихъ исходитъ, или съ ними тѣсно соприкасается.

Вторымъ орудіемъ просвѣщенія сдѣлалась литература и преимущественно журналистика. Недостатокъ книгъ на русскомъ языкѣ, обусловленный, кромѣ скудости образованія, тяжестью цензурныхъ условій, затруднительность выписки книгъ иностранныхъ естественно обусловили необходимость такихъ журналовъ, которые заключали бы въ себѣ энциклопедію всѣхъ знаній, наукъ, искусствъ, философіи, политики, которые сообщали бы и новости, и элементарныя свѣдѣнія, возбуждали умы, развивали и обогащали ихъ свѣдѣніями. Еслибы движеніе мысли, попрежнему, господствовало въ высшихъ классахъ, то, конечно, журналы не могли бы получить такого значенія, потому что какія строгія таможни вы ни придумайте противъ ввоза иностранныхъ книгъ, будьте увѣрены, что всѣ возможныя строгости окажутся ничтожными для людей, имѣющихъ власть, связи и деньги, и люди эти будутъ имѣть возможность доставать книги, какія только захотятъ. Но съ перемѣщеніемъ центра умственнаго движенія въ средніе круги, особенно въ массу людей, жившихъ по отдаленнымъ городамъ въ глуши провинцій — строгости цензурныя и таможенныя произвели то, что журналъ сдѣлался единственною умственною пищей, настольною книгой, изъ которой грамотные люди почерпали все свое

развитіе и образованіе. Принявъ все это въ соображеніе, понятенъ становится успѣхъ „Телеграфа“. Это былъ первый журналъ, удовлетворившій насущной потребности той свѣжей массы, въ которой зачиналось умственное броженіе. Выйдя самъ изъ этой массы, Полевой отлично понималъ всѣ ея потребности. Масса видѣла въ романтизмѣ послѣднее слово прогресса — Полевой всталъ на сторону романтизма. Масса увлекалась Пушкинымъ — Полевой восхвалялъ ея любимца. Масса чувствовала потребность въ элементарныхъ свѣдѣніяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія — Полевой въ обиліи сообщалъ ихъ въ своемъ журналѣ. Масса смутно порывалась къ прогрессу — Полевой постоянно проповѣдывалъ въ своемъ журналѣ необходимость стремиться къ прогрессу, учиться, развиваться, и съ другой стороны — вредъ апатіи, коснѣнія и праздности. Естественно, что на первыхъ порахъ масса была въ восторгѣ отъ „Телеграфа“. Молодежь зачитывалась имъ. Но чтобы читатели нагляднѣе могли видѣть, что̀ это была за молодежь и что̀ увлекало ее въ „Телеграфѣ“, мы приведемъ двѣ цитаты, одну изъ „Воспоминаній о студенчествѣ Грановскаго“ Г. Григорьева, другую изъ „Литературныхъ воспоминаній“ И. Панаева.

„Бо̀льшая часть моихъ товарищей—говоритъ Григорьевъ—въ томъ числѣ и Грановскій, вступили въ университетъ, какъ и я, съ такими неразвитыми понятіями и такимъ ничтожнымъ запасомъ положительныхъ свѣдѣній, что вспомнить совѣстно. Маломальски смышленый гимназистъ настоящаго времени сдѣлался бы оракуломъ, прослылъ бы за чудо премудрости между тогдашними студентами петербургскаго университета. Изъ преподавателей, кто читалъ по „собственнымъ запискамъ“, кто по печатнымъ учебникамъ. Отъ студентовъ требовалось заучиванье тѣхъ и другихъ наизустъ; рѣдкій профессоръ бывалъ доволенъ, когда на репетиціяхъ слушатель отвѣчалъ собственными словами; большинство всю заслугу студентовъ поставляло въ томъ, чтобы они воспроизводили записки или учебникъ слово въ слово, безъ малѣйшаго отступленія, ничего не убавляя, ни прибавляя. Одинъ профессоръ, впрочемъ, въ наше время еще уволенный изъ университета, просто приходилъ въ ужасъ, когда видѣлъ, что студентъ упоминаетъ о какихъ-нибудь обстоятельствахъ предмета, не заключавшихся въ запискахъ. Исполняя требованіе преподавателей, мы и „зубрили“ записки; чѣмъ кто былъ ревностнѣе къ занятіямъ, тѣмъ усерднѣе упражнялся въ „зубреніи“. Такъ, на первомъ курсѣ, желая отличиться, я и одинъ изъ товарищей моихъ выучили наизустъ всю

„Исторію Греціи“ Арсеньева, два порядочныхъ тома убористой печати. Но это былъ подвигъ экстраординарный. Обыкновенно далѣе знанія профессорскихъ записокъ изученіе предмета не простиралось. Не только не требовалось отъ студента, чтобы онъ знакомился съ какими-либо о преподаваемой наукѣ сочиненіями, даже литература той или другой отрасли знанія не входила въ рамки преподаванія. Насъ какъ бы заставляли думать, что въ профессорскихъ запискахъ заключается все, что̀ только нужно и можно знать о предметѣ, и что, заучивъ ихъ, ничего не оставалось дѣлать болѣе... Пріятельскій кружокъ, о которомъ говорю, собирался нерѣдко in pleno у того или другого изъ его членовъ. Собравшись, толковали о всякой всячинѣ, de omni re scibili et quibusdam aliis, въ особенности о послѣднихъ: міръ духовъ и привидѣній былъ почти постояннымъ предметомъ разсказовъ, соображеній и догадокъ, но толковали иначе, нежели послѣдовавшія за нами университетскія поколѣнія. Я упомянулъ уже, что мы вообще были мало развиты умственно, и ни начитанностью, ни особымъ участіемъ къ предметамъ университетскаго преподаванія не отличались. Къ этому надо прибавить, что мы или вовсе не читали газетъ, или заглядывали въ нихъ случайно; стало быть, политика никоимъ образомъ не могла давать пищи нашимъ разглагольствованіямъ: парижская палата депутатовъ и ея ораторы какъ бы вовсе для насъ не существовали. Кромѣ того, большинство изъ насъ не знало по-нѣмецки, и если и искусилось въ этомъ языкѣ, то, все-таки, съ философскою дѣятельностью Германіи нисколько не было знакомо: про Гегеля едва-ли и слухъ до насъ доходилъ; но немногимъ болѣе знали мы, кажется, и про Шеллинга, и про весь сонмъ германскихъ философовъ, начиная съ Канта. Труды протестантскихъ богослововъ не были извѣстны намъ даже по заглавіямъ. Ф. Шлегель съ его исторіей литературы представлялся для насъ апогеемъ философской глубины и туманности. При такой непривычкѣ къ умствованію, къ отвлеченностямъ, къ разсматриванію явленій въ ихъ идеѣ, даже о томъ немногомъ, что̀ занимало насъ, толковали мы спроста, судя болѣе по голосу чувства, чѣмъ разсудка, почему и восхищались, и бранили довольно безотчетно“.

Чѣмъ-же восхищалась эта молодежь въ „Телеграфѣ“ Полеваго и что̀ могло казаться либеральнаго въ этомъ журналѣ для нея, чуждой какихъ бы то ни было общественныхъ вопросовъ? Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ предметѣ Панаевъ:

„Въ это время въ Европѣ была въ самомъ разгарѣ война классиковъ съ романтиками. Имена французскихъ сподвижниковъ романтизма: Гюго, Дюма, Барбье, Сулье, Сю, де-Виньи, Бальзака, начинали пріобрѣтать у насъ громкую извѣстность. Гюго своимъ предисловіемъ къ „Кромвелю“ *нанесъ послѣдній ударъ классицизму*, какъ выражался К—овъ *), приходившій въ неистовый энтузіазмъ отъ этого предисловія и всегда носившійся съ „Кромвелемъ“. Отъ Вальтеръ-Скотта я перешелъ къ французскимъ романтикамъ и читалъ ихъ съ жадностью. Борьба классиковъ съ романтизмомъ нѣсколько раздражила мои умственныя способности, давно требовавшія какой-нибудь пищи. Я сталъ подъ знамена романтизма, представителями котораго у насъ считалъ Полеваго, Пушкина и его школу, и торжествовалъ побѣду романтиковъ, имѣя, впрочемъ, очень слабое понятіе о томъ, что̀ за звѣри классики. Подъ словомъ классицизмъ я неопредѣленно разумѣлъ вообще все отжившее, старое, обветшалое, и наоборотъ, подъ словомъ романтизмъ — все живое, новое, къ которому начиналъ чувствовать инстинктивное, неопредѣленное влеченіе. Почему возникла эта борьба? Какой смыслъ заключался въ этомъ явленіи? Я не могъ понимать этого... Въ торжествѣ романтизма я праздновалъ побіеніе Толмачевыхъ, Роговыхъ, Кайдановыхъ, Зябловскихъ, всѣхъ нашихъ тупыхъ наставниковъ, упорно державшихся за свои узкія и гнилыя понятьица и за свою пошлую мораль. Всѣ наши учителя, за исключеніемъ К—ова, всѣ инспекторы, всѣ гувернеры съ презрѣніемъ и ожесточеніемъ отзывались о новомъ литературномъ движеніи и считали его глубоко-безнравственнымъ. Мы считали ихъ классиками. Этого одного уже было довольно, чтобы мы сдѣлались романтиками.

„Литературная революція, какъ извѣстно, совпала во Франціи съ политическою революціей... И въ литературѣ, и въ политикѣ новыя идеи торжествовали; но я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о значеніи политическихъ движеній... Іюльская революція не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Я слышалъ мелькомъ, что Карлъ X сверженъ и что вмѣсто него вошелъ на престолъ Людовикъ-Филиппъ... За что̀ сверженъ одинъ и сдѣланъ королемъ другой—это меня нисколько не итересовало. Кромѣ литературы, ничто не трогало меня и я не имѣлъ ни о чемъ понятія“.

---

*) К—овъ, учитель словесности въ благородномъ пансіонѣ при Спб. университетѣ, гдѣ воспитывался Панаевъ.

Изъ всѣхъ этихъ выдержекъ мы видимъ, что юноши, у которыхъ въ головѣ была еще совершенная tabula rasa, хотя и увлекались романтизмомъ, но съ этимъ именемъ у нихъ не было еще связано никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій, а только одно безотчетное порываніе къ чему-то свѣтлому, честному и смѣлому. При этомъ вопіющимъ недостаткомъ „Телеграфа“, составляющимъ его ахиллесову пяту, было то, что чтеніе этого журнала хотя и обогащало различными свѣдѣніями, въ то-же время не давало никакихъ опредѣленныхъ идеаловъ, никакихъ систематическихъ убѣжденій философскихъ, эстетическихъ, моральныхъ или общественныхъ. Доктрина, которую постоянно развивалъ Полевой о томъ, что поэты факиры-мечтатели и страдальцы, была слишкомъ узка, чтобы обнять всѣ мучительные вопросы жизни; она не годилась никуда, даже и для тѣхъ, которые мечтали посвятить себя поэзіи. Вѣчныя однообразныя нападки въ демократическомъ духѣ на пустоту и тлетворность свѣтской жизни, насмѣшки надъ кваснымъ патріотизмомъ, да мелкія перебранки съ продажными литераторами въ родѣ Булгарина и Греча, — все это удовлетворяло общество нѣсколько времени въ страшные годы всеобщей апатіи, унынія, глухаго молчанія и пустоты, но мало-по-малу начало и пріѣдаться. Возбуждая умы, Полевой поселялъ въ нихъ жажду развитія, но въ то-же время не имѣлъ никакихъ данныхъ, никакихъ силъ удовлетворить этой жаждѣ, и, создавши что-либо новое, повести возбужденные умы впередъ. Не будучи вполнѣ человѣкъ стараго поколѣнія, т.-е. александровскаго, Полевой не сдѣлался и вполнѣ человѣкомъ новаго. Онъ понялъ потребности новаго времени гораздо лучше людей александровскаго періода, и создалъ журналъ, въ которомъ всѣ нуждались, но понялъ ихъ, все-таки, односторонне, съ точки зрѣнія идеаловъ и воззрѣній своей юности. Послѣдній могиканъ, обломокъ эпохи 20-хъ годовъ, Полевой такъ привыкъ съ именемъ романтизма соединять все свѣтлое и прогрессивное, героическое, а съ именемъ классицизма все обскурантное и гнилое, что онъ никакъ не могъ выйти изъ этихъ рубрикъ и оцѣнить новыя явленія, которыя не подходили ни къ тому, ни къ другому роду. Явились, напримѣръ, произведенія Гоголя — Полевой не понялъ ихъ прогрессивнаго значенія, и не понялъ ихъ вовсе не потому, что былъ приверженецъ философіи Кузена, а не Гегеля, какъ будто нужно непремѣнно быть гегелистомъ, чтобы понять и оцѣнить Гоголя: мы видимъ, что Пушкинъ былъ вполнѣ современникомъ и почти даже сверстни-

комъ Полеваго (Полевой родился 1796 г., а Пушкинъ въ 1799 г.), о гегелевской философіи онъ имѣлъ еще менѣе понятія, чѣмъ Полевой, но Гоголя онъ понялъ и оцѣнилъ. Очень понятно, почему это произошло: не будучи человѣкомъ рѣзкаго, опредѣленнаго направленія, не связывая съ какою-либо доктриной всѣхъ своихъ понятій и міровоззрѣній, не видя въ ней душевнаго дѣла жизни, Пушкинъ гораздо легче могъ оцѣнить Гоголя, если не со всѣхъ сторонъ, то, по крайней-мѣрѣ, съ художественной. Для Полеваго-же романтизмъ былъ не просто эстетическою теоріей, а всеобъемлющимъ прогрессомъ времени, не только художественнымъ, но моральнымъ и соціальнымъ. По его мнѣнію, поэзія должна быть небеснымъ откровеніемъ, исполненнымъ грандіозныхъ образовъ, которые отвлекали бы людей отъ мелочныхъ дрязгъ жизни, показывали бы имъ въ необыкновенныхъ личностяхъ образецъ величія, до котораго люди могутъ достигать, и возбуждали бы, такимъ образомъ, въ людяхъ чувство гражданскаго героизма. Естественно, что съ такой точки зрѣнія онъ рѣшительно не понималъ, какое гражданское и нравственное значеніе можетъ имѣть поэзія, которая, вмѣсто того, чтобы возбуждать героизмъ грандіозными образами, напротивъ того изображаетъ, Богъ знаетъ для чего, однѣ только мелкія, пошлыя и грязныя стороны жизни. Еще болѣе сбило съ толку Полеваго то, что всѣ отношенія литературныя перепутались, какъ это всегда бываетъ въ переходныя эпохи. Полевой естественно ждалъ новыхъ словъ и новыхъ явленій жизни изъ лагеря романтиковъ его школы, но молодая травка, растущая на развалинахъ, не разбираетъ, изъ-подъ какихъ плитъ и камней ей пробиваться. Новыя слова и новыя явленія, какъ признаки того самаго движенія, начало котораго возбудилъ самъ Полевой, не замедлили появиться отовсюду; изъ глубины университетскихъ аудиторій, изъ страницъ новыхъ органовъ, вздумавшихъ мѣряться съ „Телеграфомъ“, соперничать съ нимъ и идти наперекоръ, и, къ ужасу Полеваго, даже съ обветшалыхъ листовъ классическаго органа Каченовскаго. Явились шеллингисты, гегелисты, съ новыми взглядами на искусство, съ новыми требованіями отъ жизни. Это было начало движенія, которое впослѣдствіи принесло обильные плоды, но вначалѣ оно было столь еще неопредѣленно, хаотично, что рѣшительно невозможно было предугадать, что̀ изъ него выйдетъ: рядомъ съ здоровыми задатками въ туманномъ хаосѣ, оно носило въ себѣ элементы затхлые, схоластически школьные, аскетически отрѣшенные отъ всякихъ жи-

выхъ вопросовъ; были элементы и болѣе сомнительнаго свойства. Полевой видѣлъ, напримѣръ, что университетская молодёжь увлекалась Надеждинымъ, а Надеждинъ началъ свое литературное поприще въ органѣ Каченовскаго съ нападокъ на романтизмъ, соединенныхъ, какъ мы увидимъ ниже, съ инсинуаціями противъ Полеваго, Пушкина и вообще романтиковъ, — несовсѣмъ благовиднаго свойства, тѣмъ болѣе, если принять въ соображеніе время, въ которое эти инсинуаціи появились, и духъ, господствовавшій тогда въ правительственныхъ сферахъ. Во враждѣ Полеваго противъ Надеждина и его „Телескопа“ была, безспорно, своя правая сторона: величайшая ошибка въ томъ, что на эту борьбу смотрѣли преимущественно съ эстетической точки зрѣнія, какъ на борьбу двухъ философскихъ лагерей — одного отсталаго лагеря Полеваго, а другаго передоваго — лагеря Надеждина. Съ эстетической точки зрѣнія это было такъ; но, въ то-же время, въ борьбѣ этой со стороны Полеваго была политическая честность и кое-какое либеральное чутье, за то, съ другой стороны, ничего не было, кромѣ отвлеченныхъ теорій и высокомѣрнаго гелертерства, соединеннаго съ отсутствіемъ всякаго литературнаго и политическаго такта. Въ этомъ отношеніи Полевой неизмѣримо выше стоялъ Надеждина и, какъ увидимъ ниже, нельзя сказать, чтобы современники не цѣнили этого.

Между тѣмъ, гнетъ реакціи становился все сильнѣе и чувствительнѣе... Ледянымъ воздухомъ вѣяло на Полеваго съ сѣвера... Молодымъ и начинающимъ писателямъ, чуждымъ всякихъ общественныхъ вопросовъ и съ репутаціей еще ничѣмъ не заподозрѣнной, было не въ примѣръ легче, чѣмъ послѣднимъ могиканамъ александровской эпохи, въ томъ числѣ и Полевому... Когда, въ 1834 году, „Телеграфъ“ былъ запрещенъ, положеніе Полеваго было по истинѣ трагическое. Съ одной стороны правительство его гнало, съ другой — онъ не видѣлъ уже прежняго сочувствія къ себѣ со стороны общества и молодёжи. Легко принимать на себя мученическій вѣнецъ, когда вы видите за собою рукоплесканія и крики, если не большинства, то вашей партіи или, наконецъ, хоть немногихъ вашихъ друзей, въ которыхъ вы видите будущихъ апостоловъ вашихъ идей. Но Полевой чувствовалъ, что его время прошло; онъ видѣлъ себя всѣми брошеннымъ и покинутымъ; финансы его были въ то-же время разстроены и ему угрожала впереди темная, глухая нищета съ огромнымъ семействомъ на рукахъ. Не рѣшимся-же обвинять этого человѣка, зачѣмъ онъ не

былъ такимъ героемъ, чтобы встрѣтить невзгоду мужественно и устоять на высотѣ своего нравственнаго достоинства. Положеніе его было до того безвыходно, что и не такія бы силы погнулись. Сбитый съ своей позиціи двумя противоположными толчками и сверху, и снизу, Полевой совершенно растерялся, упалъ духомъ и разсудилъ, что ему остается въ жизни одно: служеніе своей семьѣ. Онъ и предался этому единственному интересу, махнувши на все рукой. Далѣе затѣмъ, это уже не былъ прежній Полевой, а живой, ходячій трупъ Полеваго, мечущійся то туда, то сюда, безъ всякой системы и послѣдовательности, съ единственною цѣлію поддерживать существованіе своихъ домочадцевъ. То снова принимается онъ за редакторство журнала, но журналы подъ его редакціей выходятъ безцвѣтны и пусты и не имѣютъ успѣха; то онъ пишетъ исторію для дѣтскаго чтенія, то ставитъ на сцену драмы въ духѣ того самаго кваснаго патріотизма, надъ которымъ онъ прежде смѣялся; сочиняетъ даже сказки для народа; за что только ни берется онъ, и во всемъ этомъ вы видите одинъ руководящій интересъ — поддержаніе семьи литературнымъ ремесломъ. Въ то-же время онъ сходится съ такими писателями, на которыхъ прежде онъ болѣе всего нападалъ, съ Булгаринымъ, Гречемъ, Сенковскимъ, и унижается до того, что онъ, Полевой, стоявшій прежде во главѣ русской литературы, позволяетъ перемарывать и искажать свои статьи Сенковскому, этому литературному фигляру и шарлатану, чего не позволилъ бы себѣ иной начинающій писатель, принесшій въ редакцію первый свой трудъ. Наконецъ, онъ, Полевой, прежде столь грозный для „Сына Отечества“, самъ принимаетъ редакторство этого журнала. Но при всемъ этомъ, нельзя не отдать долга справедливости, что и въ самомъ паденіи Полеваго вы встрѣчаете черты, достойныя всякаго уваженія и обличающія въ немъ человѣка хорошаго закала. Бросивши знамя оппозиціи, онъ не сталъ топтать его ногами; онъ не послѣдовалъ постыдному обыкновенію ренегатовъ нападать на прежнихъ союзниковъ съ большимъ азартомъ и нетерпимостью, чѣмъ нападаютъ записные противники. Нѣтъ, и въ самомъ своемъ паденіи Полевой остался тѣмъ-же честнымъ, гуманнымъ писателемъ. Хотя онъ и не способенъ былъ оцѣнить значенія новыхъ явленій жизни, но онъ не проповѣдывалъ крестовыхъ походовъ на нихъ, не мѣшалъ имъ расти и развиваться, и не кричалъ о ихъ безнравственности и опасности. Ни одной тѣни хоть чего-нибудь похожаго на инсинуацію не встрѣтите вы ни въ одномъ сочиненіи послѣдую-

щаго печальнаго періода его дѣятельности. Въ то-же время онъ не скрывалъ своего паденія, не старался подкрасить его какими-либо высшими соображеніями съ цѣлію оправдать себя передъ собою и другими. Напротивъ того, когда Бѣлинскій провожалъ его изъ Москвы до заставы и пожелалъ ему успѣховъ и счастія въ Петербургѣ, Полевой уныло улыбнулся и сказалъ: „Благодарю васъ, нѣтъ-съ, ужь какіе успѣхи! *Но если я буду дѣйствовать не такъ, какъ слѣдуетъ*, такъ не вините меня, а пожалѣйте-съ... Я человѣкъ, обремененный семействомъ“. А впослѣдствіи, разговаривая съ покойнымъ Панаевымъ о Бѣлинскомъ, онъ сказалъ:

— Бѣлинскій — прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, горячая голова, энтузіастъ, но теперь намъ сходиться не для чего-съ. *Я здѣсь ужь совсѣмъ не тотъ-съ.* Я вотъ долженъ хвалить романы какого-нибудь Штевена, а вѣдь эти романы — галиматья-съ.

— Да кто-же заставляетъ васъ хвалить ихъ?

— Нельзя-съ, помилуйте, вѣдь онъ частный приставъ.

— Что-жь такое? Что вамъ за дѣло до этого?

— Какъ что за дѣло-съ? Разберп я его какъ слѣдуетъ, онъ, пожалуй, подкинетъ ко мнѣ въ сарай какую-нибудь вещь, да и обвинитъ меня въ кражѣ. Меня и поведутъ по улицѣ на веревкѣ, а вѣдь я отецъ семейства.

Эта страшная ясность сознанія своего паденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, беззастѣнчивая искренность, не только не старающаяся выставить свои поступки хоть въ сколько-нибудь благовидномъ свѣтѣ, а напротивъ того обнажающая передъ вами ихъ во всемъ ихъ комическомъ видѣ, — это такой удивительный и рѣдкій фактъ, что врядъ ли подобный вы найдете въ исторіи... Гораздо чаще мы встрѣчаемъ, что люди, падающіе неизмѣримо ниже Полеваго, не только не сознаютъ своего паденія, напротивъ того, гордятся имъ, какъ особеннымъ гражданскимъ и нравственнымъ подвигомъ. За примѣрами ходить недалеко. Ихъ слишкомъ много въ современной намъ жизни.

Тяжелое, мучительное сознаніе своего паденія, сознаніе того, что уже онъ не тотъ, чѣмъ былъ прежде, еще мучительнѣе и тяжеле дѣлалось съ каждымъ днемъ вслѣдствіе того, что передъ Полевымъ стоялъ грозный и безпощадный обвинитель въ лицѣ Бѣлинскаго, который встрѣчалъ каждый нетвердый и колеблющійся шагъ падшаго учителя съ рѣзкимъ смѣхомъ, убійственными сарказмами и съ укоромъ каждый разъ указывалъ ему на былое, на

успѣхъ и значеніе въ свое время „Телеграфа“... И по справедливости слѣдуетъ замѣтить, что филиппики Бѣлинскаго, всегда меткія и злыя, доходили иногда до жестокости чрезмѣрной и совершенно излишней. Возмущенный до глубины души паденіемъ Полеваго, Бѣлинскій при своей натурѣ, страстно-увлекающейся, нетерпимой, до послѣдней крайности доводящей всякое положеніе — переливалъ иногда за край, нападалъ не на одни литературныя мнѣнія, но на самую личность Полеваго, предавая осмѣянію такія слова и выраженія его, которыя сами по себѣ были извинительны, и, по всей вѣроятности, самъ Бѣлинскій не обратилъ бы на нихъ вниманія, еслибы не былъ ожесточенъ полемикой. Такъ, напримѣръ, Полевой, издавши свои лучшія критическія статьи подъ заглавіемъ „Очерки русской литературы“, предпослалъ этому изданію предисловіе, въ которомъ сообщилъ кое-какія біографическія свѣдѣнія о своей жизни до литературнаго поприща, а о литературномъ своемъ поприщѣ высказалъ слѣдующее:

„Въ романѣ, въ драмѣ, въ исторіи, критикѣ я всегда былъ одинъ и тотъ-же. Мечтатель въ повѣсти, безпристрастный изслѣдователь въ исторіи, иногда строгій критикъ чужаго произведенія, я ошибался и думалъ, можетъ быть, невѣрно, но никогда не измѣнялъ добру, и никогда не подымалась рука моя сорвать вѣнокъ съ заслугъ, никогда голосъ мой не возвышался противъ дарованія истиннаго“.

Эти слова можно было бы легко простить Полевому, несмотря на то, что они, повидимому, и противорѣчили дѣйствительности, такъ-какъ на дѣлѣ Полевой подымалъ-таки руки, чтобы сорвать вѣнокъ съ Гоголя, и голосъ его возвышался противъ истиннаго дарованія; но Полевой дѣлалъ это не изъ зависти, не изъ низости, непредумышленно, совершенно не такъ, какъ это-же самое творилъ Булгаринъ. Онъ могъ быть оправданъ тѣмъ, что относительно Гоголя онъ ошибался и думалъ невѣрно — но думалъ, все-таки, честно и высказывался искренно... Что-же удивительнаго, что отжившему человѣку осталось одно утѣшеніе, что онъ всегда былъ искрененъ и честенъ, и что̀ худаго, если онъ это высказываетъ. Но Бѣлинскій напалъ за это на Полеваго и не столько за несоотвѣтствіе словъ съ дѣйствительностью, сколько за то, что Полевой, самъ хвалясь своей честностью, нарушаетъ этимъ чувство нравственнаго смиренія. „Всему этому мы охотно вѣримъ — говоритъ онъ въ своей рецензіи на книгу Полеваго — и какъ не

вѣрить, когда насъ увѣряетъ въ этомъ самъ Полевой, который себя знаетъ лучше другихъ? Но мы въ то-же время думаемъ, что судъ о себѣ принадлежитъ другимъ, а не самому себѣ, и что подобныя увѣренія очень похожи на оправданія въ винѣ, въ которой насъ никто не уличалъ. Особенно интересны и умилительны увѣренія г. Полеваго въ чистотѣ и незлобіи сердца — въ томъ, что ему всегда были чужды низкія чувства, каковы зависть, противорѣчіе съ своимъ убѣжденіемъ; что это подтвердятъ втайнѣ самые враги его; что многіе изъ бывшихъ его врагами, узнавъ его покороче, крѣпко жали ему руку и дѣлались его искренними друзьями и пр. и пр. (стр. IX). И этому всему мы охотно вѣримъ — изъ вѣжливости, но все это пріятнѣе было бы намъ услышать о г. Полевомъ отъ кого-нибудь другаго, чѣмъ отъ него самого...“

Это очень мѣтко и зло, но въ то-же время и жестоко. Полевой стоилъ хотя ничтожнаго снисхожденія, если не во имя своихъ прежнихъ заслугъ, то хотя во имя того, что даже въ періодъ своего паденія онъ не доходилъ до такихъ крайнихъ реакціонныхъ мнѣній, которыя проповѣдывалъ тотъ-же самый Бѣлинскій въ одинъ изъ періодовъ своей дѣятельности.

Единственно, что̀ оправдываетъ Бѣлинскаго—это то, что, при всемъ своемъ увлеченіи негодованіемъ противъ Полеваго, онъ былъ, все-таки, на столько честный, благородный и высокій человѣкъ, что, когда врагъ его сошелъ, наконецъ, въ могилу, не выдержавши грома его сарказмовъ и недостигши никакихъ матеріальныхъ цѣлей всѣми своими уступками, такъ-какъ онъ умеръ, ничего не оставивши своей семьѣ, всѣ громы Бѣлинскаго разомъ смолкли и онъ первый выступилъ съ теплымъ и примирительнымъ словомъ въ пользу Полеваго. Въ послѣдній годъ своей жизни Полевой издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Столѣтіе Россіи, съ 1745 по 1845 годъ, или историческая картина достопамятныхъ событій въ Россіи за сто лѣтъ“. Первый томъ этой книги былъ встрѣченъ Бѣлинскимъ безпощаднымъ смѣхомъ, но когда вмѣстѣ съ выходомъ втораго тома разнеслась вѣсть о смерти Полеваго, вмѣсто рецензіи, Бѣлинскій помѣстилъ подъ заглавіемъ этой книги слѣдующій некрологъ: „Вотъ послѣднее произведеніе Николая Алексѣевича Полеваго, вышедшее въ свѣтъ при его жизни! Вмѣсто рецензіи намъ приходится писать некрологъ... Итакъ, и еще не стало одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣйствователей на поприщѣ русской литературы! Говоримъ: изъ „замѣчательнѣйшихъ“, потому

что наши съ нимъ несогласія во взглядѣ на многіе предметы нисколько не мѣшали намъ отдавать ему должную справедливость. Передъ гробомъ умершаго должны умолкать даже личныя вражды; но никогда никакія личныя отношенія не руководили насъ въ нашихъ отзывахъ о литературныхъ трудахъ и мнѣніяхъ Полеваго. Каковъ бы то ни былъ характеръ его литературной дѣятельности за послѣднія десять лѣтъ, въ немъ многое объясняется стѣсненными обстоятельствами... Во всякомъ случаѣ, забывая о недавнемъ, мы тѣмъ живѣе вспоминаемъ о первомъ блестящемъ періодѣ литературной дѣятельности этого необыкновеннаго человѣка, который самъ себѣ создалъ свои средства, начавъ учиться уже въ тѣ лѣта, когда другіе почти оканчиваютъ свое ученіе, который, опираясь на свою даровитую натуру, и съ свойственною русскому человѣку сметливостью, смышленостью и смѣлостью, можно сказать, создалъ журналъ въ Россіи... Этимъ онъ сдѣлалъ гораздо больше, нежели какъ теперь думаютъ, и вообще Полевой еще ждетъ, хотя, можетъ быть, не скоро дождется истинной оцѣнки; но онъ дождется ея, и имя его навсегда останется въ исторіи русской литературы и въ признательной памяти общества...

„Полевой умеръ 22-го февраля *), въ одиннадцать часовъ вечера, на 49 году (онъ родился въ 1796 году) отъ рожденія, послѣ трехнедѣльной мучительной болѣзни, нервной горячки, которую онъ не могъ перенести, давно уже истощивъ физическія силы свои напряженною работой. Полевой оставилъ послѣ себя большое семейство, и, какъ онъ всегда помогалъ трудомъ и достояніемъ своимъ всякому нуждающемуся въ его помощи, то самъ могъ оставить дѣтямъ своимъ только честное, почтенное имя и благодарность соотечественниковъ къ его неоспоримымъ заслугамъ, прекрасное наслѣдіе, которое не можетъ остаться безплоднымъ и для его семейства!“

Не ограничиваясь этимъ некрологомъ, Бѣлинскій въ томъ-же году посвятилъ памяти Полеваго цѣлую статью, въ которой онъ опредѣляетъ значеніе дѣятельности Полеваго, ставя его наравнѣ съ передовыми просвѣтителями русской мысли — Ломоносовымъ, Новиковымъ и Карамзинымъ.

„Московскій „Телеграфъ“ — говоритъ Бѣлинскій въ этой статьѣ — былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Чело-

*) Въ 1846 году.

вѣкъ, почти вовсе неизвѣстный въ литературѣ, купецъ званіемъ, берется за изданіе журнала, и его журналъ съ первой-же книжки изумляетъ всѣхъ своею живостью, свѣжестью, новостью, разнообразіемъ, вкусомъ, хорошимъ языкомъ, наконецъ, вѣрностью каждой строчки однажды принятому и рѣзко выразившемуся направленію. Такой журналъ не могъ бы быть незамѣченнымъ и въ толпѣ хорошихъ журналовъ, но среди мертвой, вялой, безцвѣтной, жалкой журналистики того времени, онъ былъ изумительнымъ явленіемъ. И съ первой до послѣдней книжки своей издавался онъ въ теченіи почти десяти лѣтъ съ тою постоянною заботливостью, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабѣваемымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источникомъ можетъ быть только призваніе и страсть. Первая мысль, которую тотчасъ-же началъ онъ развивать съ энергіей и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственнаго движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главной причины гибели просвѣщенія, образованія, литературы. Эта мысль, теперь общее мѣсто даже для всякаго невѣжды и глупца, тогда была новостью, которую почти всѣ приняли за опасную ересь. Надо было развивать ее, повторять, твердить о ней, чтобы провести ее въ общество, сдѣлать ходячею истиной. И это совершилъ Полевой!“

Эти слова Бѣлинскаго должны имѣть для насъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что Бѣлинскій самъ началъ свое развитіе подъ вліяніемъ чтенія „Телеграфа“ и на самомъ себѣ испыталъ значеніе этого журнала, какъ особеннаго момента развитія нашего общества.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣдовательность въ воспріятіи нашемъ различныхъ философскихъ системъ съ Запада. — Соотвѣтствіе философіи Шеллинга со степенью развитія нашего общества въ тридцатые годы. — Первые шеллингисты — пр. М. Г Павловъ и кружокъ В. Ѳ. Одоевскаго. — Личность Одоевскаго. — Его универсальное образованіе. — Его идеи и вліяніе на современниковъ. — Новые вопросы, возбужденные философіей Шеллинга, и различные отвѣты на нихъ, послужившіе зародышами будущихъ направленій въ литературѣ. — Идея о гніеніи Запада въ связи съ шеллинговою философіей и духомъ времени. — Какъ эта идея отразилась на Одоевскомъ. — Журналы шеллингистовъ. — Мнѣніе Веневитинова. — Статья Ив. Кирѣевскаго „XIX вѣкъ“. — Письмо Чаадаева.

Несмотря на то, что всѣ направленія мысли, которыя мы встрѣчаемъ въ нашемъ обществѣ, начиная съ восшествія на престолъ Екатерины и до нашего времени, носятъ на себѣ сильное вліяніе различныхъ философскихъ и политическихъ системъ западной Европы, нельзя не удивляться той строгой, логической послѣдовательности, съ которою смѣнялись всѣ эти системы одна за другою на нашей почвѣ. Можно положительно сказать, что мы увлекались тою или другою системой не зря и какъ попало, а совершенно сообразно степени нашего собственнаго развитія, причемъ мысль воспринимала въ данную эпоху ту систему, которую она могла осилить. Вмѣстѣ съ этимъ, система принималась обыкновенно не беззавѣтно и безотносительно, какъ она развилась на Западѣ, а переработывалась сообразно потребностямъ, духу и степени пониманія нашего общества. Такъ, напримѣръ, мы видѣли, что изъ всего цикла идей XVIII вѣка большинство образованныхъ

людей нашего общества вынесло только чувство нравственнаго достоинства, стремленіе къ личной свободѣ и смутныя идеи о необходимости умственнаго прогресса. Романтизмъ, явившійся на смѣну скептицизму XVIII вѣка только подъ перомъ Жуковскаго былъ безсознательною, рабскою пересадкой съ Запада поэтическихъ формъ безъ всякаго отношенія ихъ къ нашей жизни. Но уже при Пушкинѣ и Полевомъ этотъ самый романтизмъ выражается, съ одной стороны, въ нравственномъ идеалѣ, имѣвшемъ глубокое соотвѣтствіе съ тою средой, въ которой онъ преобладалъ, съ другой стороны — съ стремленіемъ создать національную самобытную поэзію, и стремленіе это возникло не съ чужого голоса, не потому только, что на Западѣ въ то-же самое время повсюду стоялъ на первомъ планѣ вопросъ о народной поэзіи: оно было у насъ такимъ-же органическимъ явленіемъ, какъ и въ каждой странѣ Европы, въ которой господствовала до того времени ложноклассическая школа, оно вполнѣ соотвѣтствовало духу и настроенію общества. До какой степени стремленіе къ самобытности въ поэзіи лежало въ духѣ того времени, это мы видимъ на Пушкинѣ: всѣ вліянія различныхъ западныхъ поэтовъ, которымъ онъ подчинялся, нисколько не помѣшали ему быть поэтомъ чисто-русскимъ и вполнѣ самобытнымъ. Эта самобытность, сначала совершенно безсознательная и инстинктивная, все болѣе и болѣе осмысливалась въ поэтической дѣятельности Пушкина, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ идей, бродившихъ въ обществѣ, онъ не началъ искусственно и потому весьма часто неудачно стремиться къ народности.

Рядомъ съ идеей о народности, въ поэзіи появились различныя идеи о самобытности и народности цивилизаціи вообще. Эти идеи впервые ясно и сознательно выразились въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ шеллингистовъ, возникшихъ во второй половинѣ двадцатыхъ и первой половинѣ тридцатыхъ годовъ. Увлеченіе философіей Шеллинга, въ свою очередь, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало степени развитія нашего общества, его духу и настроенію.

Для этого общества нужна была именно такая философія, которая построила бы цѣлый міръ, хотя бы и призрачный, но полный величія, блеска, гармоніи, поражающій воображеніе, возбуждающій живой юношескій восторгъ и въ то-же время приводящій въ трепетъ своими мистическими, глубокими и неразгаданными тайнами. Такова и была философія Шеллинга. Основанная на тождествѣ

духа и матеріи, признавая, что все существующее есть не что иное, какъ видимое тѣло невидимаго, безсмертнаго разума, воплощающаго въ реальныя конечныя формы своп безконечныя идеи, философія эта дѣлала прогрессивный шагъ впередъ, освобождая своимъ пантеизмомъ мысль отъ идеи произвольнаго личнаго творенія извнѣ, и въ то-же время вполнѣ удовлетворяла людей, привыкшихъ къ дуализму и неимѣвшихъ еще силъ отрѣшиться отъ него; она мирила философію съ тѣми преданіями, передъ которыми люди продолжали еще благоговѣть; она не снимала этихъ преданій, а только придавала имъ иной смыслъ и значеніе, сообразное со своею системой. Въ то-же время совершенно соотвѣтственно той апоѳеозѣ чувства и фантазіи, въ которой выражалось романтическое движеніе у насъ въ двадцатые годы, философія Шеллинга, считая безсильнымъ и безплоднымъ опытный методъ для опредѣленія сущности всего существующаго, выше всего ставила интеллектуальное созерцаніе, нѣчто въ родѣ экстаза неоплатониковъ, внутреннее, непосредственное чувство, при помощи котораго человѣкъ постигаетъ безусловную, безконечную идею въ относительныхъ, конечныхъ формахъ бытія; однимъ изъ проявленій такого чувства философія Шеллинга считала поэтическое творчество, въ которомъ человѣкъ самъ уподобляется безсмертному духу, воплощая безконечныя идеи въ тождественныя имъ конечныя формы искусства. Естественно, что для массы общества, живущей преимущественно жизнію чувства и созерцанія, едва вышедшей изъ средневѣковаго догматическаго дуализма и воспитанной исключительно на поэтическихъ произведеніяхъ, трудно было и придумать иную философію, которая соотвѣтствовала бы ея умственному развитію и міросозерцанію.

До какой степени общество наше было расположено къ воспринятію шеллинговой философіи, мы можемъ видѣть изъ того, что распространеніе ея произошло почти само собою, безъ малѣйшихъ усилій, безъ вліянія особенно геніальныхъ личностей, всепобѣждающему уму которыхъ можно было бы приписать искусственное увлеченіе общества идеями Шеллинга. Первыми пропагандистами шеллинговой философіи явились съ одной стороны московскій професоръ М. Г. Павловъ, читавшій въ 1821 году курсъ физики и сельскаго хозяйства, и извѣстный, но, къ сожалѣнію, мало оцѣненный писатель В. Ѳ. Одоевскій, который въ двадцатыхъ годахъ собиралъ вокругъ себя кружокъ во имя любомудрія, занимавшійся изученіемъ шеллинговой философіи.

О Павловѣ вотъ какъ отзывается одинъ изъ его учениковъ: „Каѳедра философіи была закрыта съ 1826 года, Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физики было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: „Ты хочешь знать природу? Но что̀ такое природа? Что̀ такое знать?“. Это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія; одни семинаристы имѣютъ понятіе о философіи, за то совершенно превратное. Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окэна съ такою пластическою ясностью, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности шеллингова ученія“.

Кромѣ университетскихъ, Павловъ читалъ и публичныя лекціи въ февралѣ 1825 года. Въ то-же время появлялись его статьи и въ разныхъ журналахъ: такъ, въ „Мнемозинѣ“, сборникѣ, изданномъ Одоевскимъ въ 1824 году, встрѣчается его статья „О способахъ изслѣдованія природы“, а въ „Телескопѣ“ 1831 года — „Философическій взглядъ на холеру“. Наконецъ, въ 1833 году Павловъ издалъ курсъ физики, проникнутый идеями Шеллинга.

Въ то время, какъ Павловъ, а потомъ Надеждинъ (о которомъ рѣчь будетъ еще впереди) проводили идеи Шеллинга въ университетѣ, кружокъ Одоевскаго выступилъ на поприще журнальной пропаганды тѣхъ-же идей. Кружокъ этотъ, между прочимъ, заключалъ въ себѣ людей, игравшихъ въ то время видную роль въ нашей литературѣ; таковы были Д. В. Веневитиновъ, И. В. Кирѣевскій, С. П. Шевыревъ, М. Н. Погодинъ. Въ лицѣ-же Одоевскаго въ кружкѣ этомъ стояла одна изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ личностей нынѣшняго столѣтія въ Россіи.

Одна изъ важныхъ ошибокъ нашей критики и исторіи литературы заключается въ томъ, что говоря о развитіи мысли въ разбираемую нами эпоху, преемственность въ развитіи мысли обыкновенно видятъ въ переходѣ отъ Полеваго прямо къ Надеждину и кружку Станкевича съ Бѣлинскимъ. При этомъ совершенно опускаютъ изъ виду цѣлый моментъ въ развитіи нашей мысли, и моментъ тѣмъ болѣе важный, что въ немъ мы видимъ броженіе умовъ, изъ котораго впослѣдствіи пропстекли всевозможныя направленія и партіи, существующія до нашего времени, какъ рѣки

изъ одного общаго хребта горъ или вѣтви изъ одного корня. Личность Полеваго почти не входитъ въ это броженіе; личность Надеждина играетъ въ немъ роль частную и второстепенную, выбравши на свою долю изъ массы вопросовъ, поднятыхъ этимъ броженіемъ, одни вопросы эстетическіе; что-же касается до кружка Станкевича, то онъ представляется явленіемъ уже послѣдующимъ и есть только одна изъ вѣтвей дерева, возникшаго изъ того общаго корня, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Такимъ образомъ, большинство нашихъ историковъ и критиковъ прыгаютъ съ отростка одного дерева (Полевой) прямо на отростокъ другого (Надеждинъ и кружокъ Станкевича) и оставляютъ безъ всякаго вниманія корень и стволъ того дерева, на который скачутъ. При этомъ остается въ тѣни и личность Одоевскаго, въ произведеніяхъ котораго, какъ въ фокусѣ, отражаются думы не только его современниковъ, но и младшаго поколѣнія, да мало еще этого: въ поразительно глубокомъ умѣ этого человѣка мелькали многіе идеи и вопросы, о которыхъ въ то время никто не имѣлъ еще и помышленія и которымъ только въ настоящее время придается значеніе въ нашемъ обществѣ.

Причина такого заблужденія заключается въ томъ, что наши историки и критики, говоря о развитіи нашего общества въ послѣднія 30 и 40 лѣтъ, имѣли въ виду, по бо̀льшей части, исключительно развитіе изящной литературы, эстетическихъ понятій и критики. При такомъ взглядѣ естественно представлялось, что послѣ Полеваго—лучшимъ критикомъ былъ Надеждинъ, а потомъ Бѣлинскій; Пушкину наслѣдовали Гоголь и Лермонтовъ. Одоевскій-же не былъ вовсе критикомъ, а какъ поэтъ, онъ представляется поэтомъ второстепеннымъ, потому что мыслитель еще болѣе преобладалъ въ немъ надъ поэтомъ, чѣмъ это мы видимъ въ Искандерѣ. Единственный хоть сколько-нибудь полный критическій разборъ произведеній Одоевскаго мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго (т. 9, стр. 29), но Бѣлинскій, при всемъ уваженіи къ Одоевскому и желаніи оцѣнить его значеніе по достоинству, не могъ представить всесторонней оцѣнки дѣятельности Одоевскаго, потому что личность эта стояла слишкомъ близко ко времени Бѣлинскаго. Къ тому-же, въ разборѣ преобладаетъ эстетическая точка зрѣнія. Бѣлинскій слишкомъ много вниманія обращаетъ на поэтическую сторону произведеній Одоевскаго—входитъ по этому поводу въ разсужденіе о томъ, въ какомъ случаѣ дидактизмъ можетъ быть терпимъ въ поэзіи; что-же касается идей

Одоевскаго, то Бѣлинскій относится къ нимъ почти исключительно полемически, встрѣчая у Одоевскаго рядъ взглядовъ, которые естественно представлялись уже отсталыми въ 1840 году и въ ратованіи противъ которыхъ Бѣлинскій видѣлъ свое главное призваніе. Между прочимъ, онъ встрѣчаетъ у Одоевскаго нѣкоторые оттѣнки славянофильства и, какъ западникъ, конечно, нападается на эти оттѣнки, не замѣчая, что Одоевскій самъ по себѣ вовсе не былъ ни западникомъ, ни славянофиломъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Направленія мысли, изъ которыхъ потомъ развѣтвляются различныя партіи, отличаются всегда тѣмъ, что въ нихъ вы встрѣтите въ общемъ хаотическомъ броженіи оттѣнки всевозможныхъ послѣдующихъ развѣтвленій. Таково было направленіе Одоевскаго и прочихъ шеллингистовъ въ эпоху десятилѣтія отъ 25—35 годовъ: нападая на славянофильство Одоевскаго, Бѣлинскій былъ въ той-же мѣрѣ правъ, въ какой былъ бы правъ любой славянофилъ, еслибы нападалъ на Одоевскаго, какъ на западника.

Если мы начнемъ съ внѣшней характеристики Одоевскаго, то и съ этой стороны невольно должна остановить наше вниманіе типичность и оригинальность, съ которыми эта личность рисуется въ средѣ своихъ современниковъ, исполненныхъ романтическими образами и средневѣковыми понятіями.

Дѣло въ томъ, что въ 20-ые годы подъ занятіемъ философіей разумѣли не то, что̀ въ наше время, т.-е. не простое изученіе какой-либо философской системы, или всѣхъ вмѣстѣ въ связи и послѣдовательности; нѣтъ, въ философіи видѣли универсальную науку всѣхъ наукъ, сосредоточивающую въ себѣ всѣ отрасли знаній, мистическое таинство, что-то въ родѣ средневѣковой алхиміи, магіи или кабалистики; со страхомъ и трепетомъ вступали въ ея область, надѣясь въ непроницаемой, темной глубинѣ ея найти такое знаніе всѣхъ знаній, которое сдѣлало бы человѣка всезнающимъ и всемогущимъ, отворило замки во всѣ тайны природы и разрушило передъ человѣкомъ завѣсу, отдѣляющую видимый міръ отъ невидимаго, загробнаго. Въ силу такого средневѣковаго представленія философіи, въ то время существовало еще давно утраченное въ наше время понятіе о философѣ, какъ объ особенномъ мудрецѣ, отличающемся отъ всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ не одними знаніями, но привычками, нравами и образомъ жизни, стоящемъ выше всѣхъ предразсудковъ и слабостей; если-же въ добавокъ, этотъ философъ занимался естественными науками, то онъ представлялся современникамъ положительно чѣмъ-то въ родѣ

чародѣя и мага, и реторты, черепа, старинныя книги въ ветхомъ пергаментѣ въ кабинетѣ философа производили мистическій ужасъ на посѣтителей. Одоевскій какъ нельзя болѣе удовлетворялъ своихъ современниковъ осуществленіемъ подобнаго идеала философа. Вотъ какъ описываетъ И. Панаевъ впечатлѣніе, которое произвелъ на него Одоевскій:

„Когда я въ первый разъ былъ у Одоевскаго, онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Его привлекательная, симпатическая наружность, таинственный тонъ, съ которымъ говорилъ онъ обо всемъ, безпокойство въ движеніяхъ человѣка, озабоченнаго чѣмъ-то серьёзнымъ, выраженіе лица постоянно задумчивое, размышляющее — все это не могло не подѣйствовать на меня. Прибавьте къ этому оригинальную обстановку его кабинета, уставленнаго необыкновенными столами съ этажерками и съ таинственными ящичками и углубленіями; книги на стѣнахъ, на столахъ, на диванахъ, на полу, на окнахъ—и, притомъ, въ старинныхъ пергаментныхъ переплетахъ съ писанными ярлычками на задкахъ; портретъ Бетховена съ длинными сѣдыми волосами и въ красномъ галстухѣ; различные черепа, какія-то необыкновенной формы стклянки и химическія реторты...

„Я почувствовалъ невольную лихорадку, когда онъ заговорилъ со мною. Такъ точно дѣйствовалъ Одоевскій и на моего пріятеля Дирина, о которомъ я говорилъ выше. Диринъ благоговѣйно любилъ Одоевскаго, но одна мысль о его учености приводила его въ трепетъ. Меня такъ и тянетъ къ этому человѣку, говорилъ мнѣ Диринъ: — въ немъ столько симпатическаго!.. Но когда онъ о чемъ-нибудь заговоритъ со мною, я вдругъ робѣю, чувствую внутреннюю дрожь, и языкъ прилипаетъ у меня къ гортани... Меня это мучитъ, онъ долженъ считать меня ужаснѣйшимъ дуракомъ!—Диринъ и въ могилу унесъ раболѣпный страхъ къ Одоевскому“.

Если во вторую половину 30-хъ годовъ, когда философія на половину утратила уже своей мистической таинственности, Одоевскій производилъ такое впечатлѣніе, то вы подумайте, какое впечатлѣніе долженъ былъ производить Одоевскій въ 20-ые годы въ средѣ общества, погруженнаго въ глубокій мистицизмъ. И надо отдать справедливость, обстановка кабинета Одоевскаго не была одною только обстановкой, фантастическими аксесуарами романтика, который, драпируясь въ мантію средневѣковаго Фауста, скрывалъ бы подъ нею тощую скудость поверхностнаго диллетан-

тизма. Напротивъ того, когда вы читаете „Русскія ночи“ Одоевскаго, васъ невольно поражаетъ универсальность и обстоятельность знаній этого человѣка по самымъ разнообразнымъ отраслямъ. Можно положительно сказать, что вы не много найдете въ Россіи людей, которые обладали бы такимъ обширнымъ энциклопедизмомъ. Онъ изучилъ многія отрасли естественныхъ наукъ и зналъ ихъ не только въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ находились въ его время, но и въ историческомъ ихъ развитіи съ древнихъ временъ; о музыкѣ онъ судилъ не какъ диллетантъ, т.-е. не объ однихъ эстетическихъ впечатлѣніяхъ и ощущеніяхъ по поводу различныхъ пьесъ, но какъ знатокъ музыки въ ея техническихъ тайнствахъ, и, опять-таки, имѣлъ свѣдѣнія объ историческомъ ходѣ развитія музыкальнаго искусства. Рядомъ съ различными философскими системами древнихъ и новыхъ вѣковъ, рядомъ съ энциклопедистами XVIII вѣка и нѣмецкими идеалистами его времени до Шеллинга включительно, онъ изучилъ различныя школы политической экономіи отъ Адама Смита до Фурье (мы видимъ въ его „Русскихъ ночахъ“, что онъ былъ знакомъ со школой Фурье. См. Соч. Од. Т. I стр. 333).

Подобная универсальная образованность, ставившая его цѣлою головой выше своихъ современниковъ, невольно приводила его къ такимъ идеямъ и вопросамъ, которые въ туманныхъ и темныхъ головахъ людей 30-хъ годовъ были немыслимы. Такъ, напримѣръ, говоря о вредѣ излишняго раздробленія наукъ по отдѣльнымъ спеціальностямъ, онъ, между прочимъ, выставляетъ слѣдующіе вопросы:

„Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, химическій составъ тѣхъ или другихъ веществъ, употребляемыхъ въ пищу, какое можетъ имѣть вліяніе на организмъ человѣка и слѣдственно на одинъ изъ источниковъ общественнаго богатства?“ — „Извините, это не по моей части; я занимаюсь лишь финансовою наукой“.

„Скажите, нельзя-ли объяснить нѣкоторыя историческія происшествія вліяніемъ химическаго состава веществъ, въ разныя времена употреблявшихся въ пищу человѣкомъ?“ — „Извините, я не могу развлекаться изученіемъ исторіи — я химикъ“.

„Скажите, милостивый государь, до какой степени распространеніе теорій *за* и *противъ*, врожденныхъ идей въ Платоновомъ смыслѣ, могутъ имѣть вліяніе на административныя мѣры въ томъ или другомъ государствѣ?“—„Какой странный вопросъ! онъ слишкомъ далекъ отъ меня — я чиновникъ, бюрократъ“.

„А вы, милостивый государь, не можете-ли мнѣ сказать, до какой степени гармоническое построеніе души человѣческой должно быть принимаемо въ соображеніе при полицейскомъ устройствѣ города?“ — „Это, кажется, принадлежитъ къ камеральнымъ наукамъ, а я преподаю логику и риторику“.

„Милостивый государь, вы такъ хорошо пишете, чтобы вамъ написать книгу человѣческимъ языкомъ, которая бы сдѣлала для всякаго привлекательными и доступными физическія занятія?“ — „Что̀ дѣлать? Это не мой предметъ! Я занимаюсь только изящною литературой“.

Въ то-же время Одоевскій былъ, конечно, первый въ Россіи, который вздумалъ усомниться въ исторіи, какъ въ наукѣ, отведя ей въ числѣ гуманныхъ наукъ такое-же мѣсто, какое метеорологія имѣетъ въ числѣ наукъ положительныхъ. По мнѣнію Одоевскаго, исторія только тогда сдѣлается наукой, когда приметъ методъ положительныхъ наукъ.

„Вы знаете также, говоритъ Одоевскій (370-я стр. 1-й части Соч. Од.), что въ нашемъ вѣкѣ аналитическая метода въ большомъ ходу; я не понимаю, какъ никто до сихъ поръ не догадался приложить къ исторіи того-же способа изслѣдованія, какой, напримѣръ, употребляютъ химики при разложеніи органическихъ тѣлъ; сначала доходятъ они до ближайшихъ началъ тѣла, каковы, напримѣръ, кислоты, соли и проч., наконецъ, до самыхъ отдаленныхъ его стихій, каковы, напримѣръ, четыре основные газа; первыя различны въ каждомъ органическомъ тѣлѣ, вторыя — равно принадлежитъ всѣмъ органическимъ тѣламъ. Для этого рода историческихъ изслѣдованій можно было бы образовать прекрасную науку, съ какимъ-нибудь звучнымъ названіемъ, напримѣръ, *Аналитической этнографіи* *). Эта наука была бы въ отношеніи къ исторіи тѣмъ-же, что химическое разложеніе и химическое соединеніе въ отношеніи къ простому механическому раздробленію и механическому смѣшенію тѣлъ“. „Почему знать! говоритъ онъ ниже; можетъ быть, историки посредствомъ *аналитической этнографіи* **) дойдутъ до нѣкоторыхъ изъ тѣхъ-же результатовъ, до которыхъ дошли химики въ физическомъ мірѣ; откроютъ взаимное сродство нѣкоторыхъ элементовъ, взаимное противодѣйствіе другихъ, способъ уничтожать или мирить сіе противодѣйствіе; откроютъ пенарокомъ тотъ чудный химическій законъ, по которому

*) **) Курсивы въ подлинникѣ.

элементы тѣлъ соединяются въ опредѣленныхъ пропорціяхъ и въ прогрессіи простыхъ чиселъ, какъ одинъ и одинъ, одинъ и два и такъ далѣе; можетъ быть, наткнутся на то, что̀ химики съ отчаянья назвали каталитическою силой, т.-е. превращеніе одного тѣла въ другое посредствомъ присутствія третьяго, безъ явнаго химическаго соединенія; можетъ быть, также убѣдятся они, что въ историческомъ производствѣ должно употреблять необходимо реактивы *чистые* *), безъ всякой примѣси, подъ страхомъ наказанія фальшивыми результатами; даже приблизятся, можетъ быть, и къ основнымъ элементамъ. Конечною, идеальною цѣлью аналитической этнографіи было бы — *возстановить исторію* **), т.-е. открывъ анализисомъ основные элементы народа, по симъ элементамъ систематически построить его исторію; тогда, можетъ быть, исторія получила бы нѣкоторую достовѣрность, нѣкоторое значеніе, имѣла бы право на названіе науки, тогда какъ до сихъ поръ она только весьма скучный романъ, исполненный прежалкихъ и неожиданныхъ катастрофъ, остающихся безъ всякой развязки, и гдѣ авторъ безпрестанно забываетъ о своемъ героѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „человѣка“.

Но и этого еще мало: въ „Русскихъ ночахъ“ вы встрѣчаете идею о развитіи органической жизни, близкую къ теоріи Дарвина, которую Одоевскій, такъ сказать, предчувствовалъ, хотя, конечно, не имѣлъ о ней понятія. Дѣло въ томъ, что извѣстная теорія Мальтуса послужила отличнымъ подспорьемъ для романтика изобразить въ произведеніи „Послѣднее самоубійство“ грандіозную и мрачную картину того момента, когда земной шаръ переполнится и жизнь станетъ въ противорѣчіи сама съ собою, т.-е. послужитъ источникомъ смерти и истребленія, такъ что людямъ останется, проклиная жизнь, поспѣшить избавиться отъ нея общимъ самоубійствомъ. Развивая такую картину, Одоевскій, между прочимъ, говоритъ:

„Вскорѣ между толпами явились люди—они, казалось, съ давняго времени вели счетъ страданіямъ человѣка—и въ итогѣ выводили все его существованіе. Обширнымъ, адскимъ взглядомъ они обхватывали минувшее и преслѣдовали жизнь съ самаго ея зарожденія. Они вспомнили, какъ она, подобно татю, закралась сперва въ темную земляную глыбу и тамъ, посреди гранита и гнейса, мало-по-малу, истребляя одно вещество другимъ, развила

*) **) Курсивы въ подлинникѣ.

новыя произведенія, болѣе совершенныя; потомъ, на смерти одного растенія, она основала существованіе тысячи другихъ; истребленіемъ растеній она размножила животныхъ; съ какимъ коварствомъ она приковала къ страданіямъ одного рода существъ наслажденія, самое бытіе другаго рода! Они вспоминали, какъ, наконецъ, честолюбивая, распространяя ежечасно свое владычество — она все болѣе и болѣе умножала раздражительность чувствованія, и безпрестанно въ каждомъ новомъ существѣ, прибавляя къ новому совершенству новый способъ страданія, достигла, наконецъ, до человѣка, въ душѣ его развернулась со всею своею дѣятельностью и счастіе всѣхъ людей возстановила противъ счастія каждаго человѣка".

При этомъ становится рѣшительно загадкой, какъ человѣкъ съ такою свѣтлою головой, съ такою массой знаній и при томъ знаній, въ которыхъ положительныя науки преобладали — ограничился однимъ только предчувствіями, темными гаданіями и отдѣльными мыслями въ духѣ положительнаго міросозерцанія, а не сдѣлался положительнымъ мыслителемъ всецѣло? Какъ онъ могъ удовлетвориться такою туманною, мистической философіей, какова была философія Шеллинга, и всѣ свои аргументы, взятые изъ положительныхъ наукъ, употребилъ для доказательствъ истины этого мутнаго ученія? Не противорѣчитъ-ли это вполнѣ положенію, которое въ послѣднее время такъ часто высказывается современными мыслителями — именно, что съ увеличеніемъ массы положительныхъ знаній разсѣевается мистическій туманъ и человѣкъ съ метафизической почвы переходитъ на почву положительную? Здѣсь мы находимъ, повидимому, полное опроверженіе такого взгляда. Какихъ-же еще знаній недоставало Одоевскому, чтобы встать на положительную почву? Свѣдѣнія его были гораздо обширнѣе, чѣмъ у многихъ русскихъ реалистовъ нашего времени, но, при всемъ томъ, онъ былъ приверженецъ Шеллинга? Но дѣло въ томъ, что положеніе о вліяніи положительныхъ знаній на мысль безусловно можетъ быть примѣнено только къ ходу историческаго развитія всего человѣчества; къ отдѣльному-же человѣку это положеніе должно быть примѣняемо крайне относительно. Не масса знаній сама по себѣ измѣняетъ міросозерцаніе, но тотъ трудъ, который производитъ мозгъ надъ этою массой, и та переработка самаго мозга, которая происходитъ во время этого труда, переработка, обусловливающая такъ-называемое умственное развитіе. Физіологія не дошла еще до того, чтобы опредѣлить, въ чемъ заключается

измѣненіе мозга во время развитія мысли, но гипотетически мы можемъ сказать съ большою достовѣрностью, что та или другая система міросозерцанія зависитъ не отъ одной массы знаній, но и отъ бо̀льшей или мѐньшей энергіи, утонченности и вообще выработки мозговаго вещества. Выработка-же эта есть дѣло не одного только частнаго развитія индивидуума, но преемственное развитіе въ цѣломъ ряду поколѣній. Мы видимъ, что при всемъ разнообразіи въ степеняхъ умственнаго совершенства, начиная отъ идіота и до геніальнаго человѣка, въ данномъ поколѣніи всегда замѣчается извѣстный уровень мозговаго совершенства, опредѣляющій степень общаго міросозерцанія и духъ времени, и какою бы массой свѣдѣній ни обладали отдѣльные люди, какъ бы они не были геніальны, имъ никогда не удастся уйти слишкомъ далеко отъ образованной массы своихъ современниковъ; если они и дѣлаютъ два-три открытія и пріобрѣтенія въ богатствѣ мысли, то въ этомъ они, по бо̀льшей части, повинуются общему движенію всего передоваго поколѣнія; имъ принадлежитъ обыкновенно только пальма первенства въ высказываніи того, къ воспринятію чего всѣ мыслящіе люди уже готовы и что̀ у многихъ таится уже на душѣ. Причинъ такого приравненія мысли индивидуума къ массѣ и невозможности уйти отъ нея слишкомъ далеко впередъ можно насчитать множество: возьмемъ геніальнаго человѣка, у котораго мозгъ гораздо совершеннѣе, чѣмъ нетолько у всѣхъ современниковъ, но и у нѣсколькихъ послѣдующихъ поколѣній. Но вѣдь этотъ человѣкъ, какъ онъ ни геніаленъ, переживаетъ въ дѣтствѣ такіе моменты развитія, въ которые мозгъ его менѣе совершенъ, чѣмъ у многихъ взрослыхъ современниковъ его, съ крайне ограниченными способностями. Эти люди воспитываютъ геніальнаго юношу, т.-е. сказать точнѣе, внушаютъ ему такія мозговыя привычки въ видѣ всякаго рода идей, вѣрованій, предразсудковъ, которыя лежатъ въ общемъ уровнѣ развитія общества. Эти мозговыя привычки пріобрѣтаютъ тѣмъ болѣе упорства, что человѣкъ воспринимаетъ ихъ не отъ однихъ воспитателей и не изъ однихъ учебниковъ, а отъ всей окружающей его среды, усиливая ихъ ежедневными впечатлѣніями. Затѣмъ, если при увеличеніи массы свѣдѣній, у человѣка и начнутъ проскальзывать новые взгляды и новыя идеи, вмѣсто того, чтобы принимать ихъ прямо и непосредственно, какъ они возникаютъ въ индуктивной работѣ мозга, человѣкъ замѣчаетъ противорѣчіе ихъ съ привычными взглядами и понятіями, вынесенными изъ воспитанія, и прямое развитіе мысли

замедляется борьбой противорѣчій и стремленіемъ помирить ихъ и выйти изъ нихъ такъ или иначе. Хорошо еще, если и передовое движеніе въ обществѣ совпадаетъ съ такимъ-же процессомъ или уже вышло изъ него; въ такомъ случаѣ борьба рѣшается скоро при посредствѣ внѣшнихъ вліяній, поддержкѣ со стороны другихъ людей и общемъ сотрудничествѣ въ разработкѣ мысли; но если передовое движеніе совершается совершенно въ иномъ духѣ и въ обратную сторону? Не забудьте, что въ каждомъ передовомъ движеніи заключается бездна заразительнаго и увлекательнаго энтузіазма, подъ обаяніемъ котораго отдѣльный человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ геніаленъ, подчиняется общему теченію и, вмѣсто индуктивной работы мозга надъ массой свѣдѣній, онъ можетъ поступить наоборотъ: увлекшись даннымъ движеніемъ — всѣ свои знанія пріурочитъ къ оправданію и ускоренію этого движенія. Случается и такъ, что люди, одаренные богатою индукціей, приходятъ къ идеямъ, опережывающимъ нѣсколько поколѣній, но однѣ изъ этихъ идей утаиваютъ, отчасти изъ боязни быть непонятыми, отчасти изъ собственнаго недовѣрія къ нимъ, другія идеи и желали бы высказать, но не въ силахъ, потому что они могутъ владѣть въ совершенствѣ только языкомъ, выработаннымъ современнымъ имъ поколѣніемъ, а такой языкъ оказывается безсильнымъ для выраженія идей, слишкомъ ужь превышающихъ общій уровень образованности, Иногда, впрочемъ, и удается людямъ высоко-талантливымъ и геніальнымъ высказывать мысли, судьба которыхъ сдѣлаться современными только черезъ нѣсколько столѣтій, но за то эти мысли остаются не только непонятыми всѣми слѣдующими поколѣніями, но и сами изобрѣтатели ихъ не придаютъ имъ того значенія, какое будетъ имъ придаваться только впослѣдствіи. Это мы видимъ и на Одоевскомъ. Отдѣльныя свѣтлыя мысли, которыя мы встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ, только въ настоящее время могутъ быть оцѣнены надлежащимъ образомъ и онѣ сами собою мечутся намъ въ глаза. Но въ эпоху Бѣлинскаго подобныя мысли положительно не замѣчались и Бѣлинскій не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Но и самъ Одоевскій не достаточно цѣнилъ эти мысли. Его привела къ нимъ невольная индукція мозга при массѣ свѣдѣній, которыми онъ обладалъ, но эти мысли шли совершенно въ разрѣзъ съ направленіемъ его мозга, которое было внушено ему духомъ его времени и общимъ движеніемъ мысли его современниковъ. Вліяніе дѣтскаго воспитанія и окружающей среды было слишкомъ сильно, чтобы

нѣсколькимъ ушедшимъ впередъ мыслямъ пошатнуть все зданіе тѣхъ преданій, въ духѣ которыхъ Одоевскій былъ воспитанъ и въ атмосферѣ которыхъ онъ жилъ; шеллингова философія болѣе соотвѣтствовала этимъ преданіямъ и въ то-же время была передовою, которою всѣ увлекались. Въ то-же время Одоевскій пашелъ и нѣкоторыя точки соприкосновенія съ идеями Шеллинга многихъ изъ тѣхъ идей, къ которымъ пришелъ универсальностью своего образованія. Такъ, напримѣръ, онъ дошелъ до удивительно свѣтлой и только въ настоящее время вполнѣ развившейся идеи, что науки, чѣмъ болѣе спеціализируются и разрозниваются, тѣмъ становятся безсильнѣе; изученіе-же ихъ въ живой связи и взаимное просвѣтленіе фактами одной науки фактовъ другой — должны значительно ускорить движеніе знаній и привести къ богатымъ результатамъ. Но вѣдь и Шеллингъ нападалъ на спеціализированье знаній и односторонность опытныхъ наукъ, все безсиліе которыхъ, по его мнѣнію, заключалось въ томъ, что каждая изъ нихъ изучаетъ какой-нибудь отдѣльный уголокъ вселенной, совершенно опуская изъ вида, что только созерцаніе цѣлаго зданія въ тѣсной связи всѣхъ его частей можетъ дать понятіе о немъ. Разница только въ томъ, что современная мысль ищетъ связи между отдѣльными науками, для того, чтобы этимъ расширить сферу опытнаго метода; философія-же Шеллинга, нападая на спеціальности, нападала, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на стремленіе ихъ достигнуть чего-нибудь путемъ опыта. Эти два теченія мы встрѣчаемъ и въ „Русскихъ ночахъ“ Одоевскаго. Съ одной стороны, съ точки зрѣнія Шеллинга, Одоевскій распространяется о безплодности наукъ достигнуть чего-либо путемъ опыта, и вмѣстѣ съ Шеллингомъ превозноситъ внутреннее чувство, посвящающее человѣка въ тайны тождества и гармоніи вселенной. Въ другихъ-же мѣстахъ, какъ мы видѣли выше, онъ превозноситъ опытный методъ до того, что не считаетъ наукой исторію, не усвоившую еще вполнѣ этого метода. И замѣчательно, что, высказавши такую идею, Одоевскій самъ сознался, что она противорѣчитъ всей почти книгѣ и не скрываетъ этого сознанія:

„*Викторъ*. Побѣда, побѣда, господа! нашъ идеалистъ самъ нечувствительно дошелъ до того, противъ чего возставалъ, дошелъ до необходимости опыта, эмпиризма... въ томъ и дѣло, другъ: какими окольными путями ни обходи знаніе, все дойдешь до его единственнаго исходнаго пункта, т.-е. до чувственнаго опыта...“

И далѣе, затѣмъ, въ словахъ Фауста Одоевскій видимо старает-

ся заштопать на живую нитку внезапную прорѣху, но тщетно путается онъ въ доказательствахъ трудности правильнаго опыта. Противорѣчіе тѣмъ болѣе остается противорѣчіемъ, что на 302 стр. Одоевскій считаетъ безсмысленными самыя слова — фактъ, чистый опытъ, положительныя знанія, точныя науки, и даже, хотя и въ шутку только, считаетъ эти слова порожденіемъ Люцифера; а между тѣмъ, въ отвѣтъ Виктору на его вышеприведенныя восклицанія о побѣдѣ говоритъ: „Я никогда не отвергалъ необходимости опыта вообще и важности чувственныхъ опытовъ. Хорошо, если человѣкъ можетъ увѣриться въ истинѣ всѣми тѣми органами, которые ему для сего даны провидѣніемъ — даже рукой. Весь вопросъ въ томъ: всѣ-ли эти органы мы употребляемъ? и т. д...“

Подобныя противорѣчія какъ нельзя болѣе характеризуютъ ту страшную, тяжелую раздвоенность, которую вы найдете въ умахъ всѣхъ современниковъ Одоевскаго и на Западѣ, и у насъ. Съ одной стороны, наука невольно наталкивала ихъ на новыя идеи, которыя насильно вырывались изъ нихъ, съ другой стороны, они пугались этихъ идей и спѣшили укрыться отъ нихъ подъ сѣнь различныхъ мистическихъ и метафизическихъ ученій. Они вѣрили въ прогрессъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отчаявались въ возможности его; они твердили вмѣстѣ съ Шеллингомъ о міровой гармоніи и въ то-же время ничего не видѣли въ жизни человѣка, кромѣ всеобщей дисгармоніи, проклиная эту самую жизнь и оплакивая судьбу человѣчества. Всю эту раздвоенность, всѣ эти муки борьбы между надеждой и отчаяньемъ вы встрѣтите на каждой страницѣ сочиненій Одоевскаго. И всѣ эти выстраданныя думы вѣка выражены у Одоевскаго съ пламенною фантазіей романтика-созерцателя, при чемъ Одоевскій нарочно какъ будто избираетъ такіе образы, которые поражаютъ васъ своею мрачною и эффектною грандіозностью: такъ, напримѣръ, мы видѣли, что для изображенія того мрачнаго отчаянья, какое можетъ возбудить въ насъ теорія Мальтуса, онъ рисуетъ передъ вами картину послѣднихъ дней размножившагося человѣчества. Для опроверженія теоріи Бентама и утилитаристовъ, онъ развиваетъ цѣлую исторію вымершаго города, погибшаго вслѣдствіе исключительнаго развитія принципа пользы и т. д.

Вліяніе сочиненій Одоевскаго на его современниковъ и младшее поколѣніе было громадно. Оно отразилось на всемъ. Если, напримѣръ, все поколѣніе Бѣлинскаго зачитывалось въ юности

Гофмана, наполняло журналы переводами этого романтика, приводило мысли его въ критическихъ статьяхъ, если вліяніе Гофмана мы видимъ даже на Гоголѣ („Носъ“, „Портретъ“), то этому поколѣніе тридцатыхъ годовъ было прямо обязано Одоевскому, который первый познакомилъ русскую публику съ Гофманомъ своими подражаніями этому писателю. Даже его „Русскія ночи“ формою своею напоминаютъ „Серапіоновыхъ Братьевъ“ Гофмана, въ которыхъ точно также представляется бесѣда нѣсколькихъ молодыхъ людей по ночамъ о различныхъ предметахъ, вызывающихъ на размышленіе. Вліяніе многихъ идей Одоевскаго отражается, между прочимъ, и на первыхъ сочиненіяхъ Искандера. Та-же вѣра въ прогрессъ вмѣстѣ съ отчаяньемъ въ немъ; то-же объясненіе несчастій и гибели, постигающихъ людей различными односторонностями въ ихъ жизни; то-же отчаянье въ западной цивилизаціи и надежда на обновленіе ея посредствомъ славянскаго міра. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на поразительную аналогію „Записокъ доктора Крупова“ съ слѣдующаго рода размышленіями, которыя мы читаемъ на 35, 36 и 37 страницахъ „Русскихъ ночей“: „Одинъ изъ наблюдателей природы пошелъ еще далѣе: онъ возбудилъ сомнѣніе еще болѣе горестное для самолюбія человѣческаго; разсматривая психологическую исторію людей, которыхъ обыновенно называютъ сумасшедшими, онъ утверждалъ, что нельзя провести вѣрной, опредѣленной черты между здравою и безумною мыслью. Онъ утверждалъ, что на всякую, самую безумную мысль, взятую изъ дома сумасшедшихъ, можно отыскать равносильную, ежедневно обращающуюся въ свѣтѣ. Онъ спрашивалъ, какое различіе между увѣренностью одной женщины, что въ груди ея былъ цѣлый городъ съ башнями, колокольнымъ звономъ и теологическими диспутами, и мыслію Томаса Виллиса, автора извѣстной книги о сумасшедшихъ, что жизненные духи, находясь въ безпрерывномъ движеніи и сильно притекая къ мозгу, производятъ въ немъ взрывы, подобно пороху? Какое различіе между понятіемъ одного сумасшедшаго, что когда онъ движется, движутся всѣ предметы вокругъ него, и доказательствами Птоломея, что вся солнечная система обращается вокругъ земли? Какое различіе между бѣдною дѣвушкой, которая почитала себя приговоренною къ смертной казни, и мыслію Мальтуса, что голодъ долженъ, наконецъ, погубить всѣхъ жителей земного шара? Состояніе сумасшедшаго не имѣетъ-ли сходства съ состояніемъ поэта, всякаго генія-изобрѣтателя?“ и т. д.

Даже самъ Бѣлинскій, при всемъ полемическомъ отношеніи къ нѣкоторымъ мыслямъ Одоевскаго, отдаетъ ему справедливость въ томъ вліяніи и впечатлѣніи, которое производили въ двадцатые и тридцатые годы на молодое поколѣніе его сочиненія.

„Эти апологи *), говоритъ онъ, замѣчательны уже тѣмъ, что они не походили ни на что, бывшее до нихъ въ русской литературѣ; они не пользовались популярностью, потому что могли нравиться не всѣмъ. Старички острова Панхаи называли ихъ безнравственными; большинство публики, не находя въ нихъ ничего для фантазіи и не любя пищи, предлагаемой преимущественно для ума мыслящаго, пропустило ихъ безъ особеннаго вниманія; *но за то юношество, одушевленное стремленіемъ къ идеальному, въ хорошемъ значеніи этого слова, какъ противуположности пошлой прозѣ жизни — это юношество читало ихъ съ жадностью, и благодатны были плоды этого чтенія. Мы знаемъ это по собственному опыту*, и кто умѣетъ судить о достоинствѣ вещей не по настоящему времени, а по ихъ историческому смыслу, кто помнитъ состояніе нашей литературы въ ту эпоху, когда лучшими журналами были „Вѣстникъ Европы“ и „Сынъ Отечества“ и еще не было „Московскаго Телеграфа“, когда читающая публика была несравненно малочисленнѣе нынѣшней, тѣ согласятся съ нами“... а ниже: „какъ бы то ни было, но чтеніе такихъ произведеній, какъ „Бригадиръ“, „Балъ“ и „Насмѣшка мертвеца“ производитъ на молодую душу, еще свѣжую, не подвергшуюся нечистому прикосновенію житейской суеты, дѣйствіе электрическаго удара, потрясающаго всю нервную систему. И подобный нравственный ударъ оставляетъ въ юной, исполненной благодарнаго стремленія душѣ самыя благодатныя слѣдствія. *Мы знаемъ это по собственному примѣру: мы помнимъ то время, когда избранная молодежь съ восторгомъ читала эти піэсы и говорила о нихъ съ тѣмъ важнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно неофиты говорятъ о таинствахъ своего ученія*“.

Кружокъ шеллингистовъ, группировавшійся вокругъ Одоевскаго, не ограничивался одними отвлеченными преніями въ духѣ шеллинговой философіи: онъ не замедлилъ шеллинговы идеи перерабо-

*) Здѣсь дѣло идетъ о поэтическихъ аллегоріяхъ, которыми началъ свое литературное поприще Одоевскій съ 1824 года. Изъ этихъ аллегорій особенно замѣчательна „Старички и Островъ Панхаи“, аллегорія эта исполнена нетолько нравственнаго, но политическаго смысла. Въ ней, въ образѣ старичковъ-младенцовъ, Одоевскій осмѣиваетъ отжившее поколѣніе своего времени.

тать сообразно потребностямъ нашего общества, примѣнить ихъ къ вопросамъ жизни и литературы. Очень многіе считаютъ у насъ шеллингову философію родоначальницей славянофильства въ Россіи. Но это справедливо только отчасти. Дѣло въ томъ, что хотя западничество и славянофильство подъ этими названіями являются только съ сороковыхъ годовъ, но, собственно говоря, они ведутъ свое начало съ самой реформы Петра. Рядомъ съ различными прогрессивными направленіями, видѣвшими все спасеніе съ западной цивилизаціи, вы постоянно встрѣчаетесь съ реакціей противъ этихъ направленій, которая является сначала въ видѣ старообрядства, негодующаго на бритье бородъ и нѣмецкіе кафтаны; въ мрачную эпоху Бирона она включаетъ въ себя новый элементъ общей въ то время ненависти къ нѣмцамъ; при Екатеринѣ она вооружается противъ увлеченія французскою философіей восемнадцатаго вѣка; въ эпоху Карамзина она вопитъ подъ перомъ Шишкова о порчѣ русскаго языка, а во время патріотическаго одушевленія послѣ войны двѣнадцатаго года подъ перомъ Глинки она воспѣваетъ доблесть русскаго духа, и тогда уже является идея, что только Россія можетъ спасти Европу изъ бездны анархіи, безбожія и опустошительныхъ войнъ. Идеи Шеллинга, правда, видоизмѣнили, осмыслили эту оппозицію, подложивши подъ нее новую, философскую подкладку, но и на западничество они подѣйствовали такимъ-же обновляющимъ образомъ.

Философія Шеллинга впервые заставила задуматься все наше мыслящее общество о судьбѣ Россіи въ ряду другихъ народовъ человѣчества. Представляя все, что существуетъ, формой той или другой идеи безусловнаго разума, шеллингова философія подвела подъ эту формулу и значеніе отдѣльныхъ народностей въ ходѣ общечеловѣческой цивилизаціи. Каждая народность по этой философіи есть представительница особенной идеи, которую она вырабатываетъ въ своей жизни, доходитъ до выраженія ея, въ чемъ выражается самосознаніе народа, и затѣмъ, внося эту идею въ общую сокровищницу цивилизаціи, сходитъ съ историческаго поприща. При такомъ понятіи о значеніи народностей, каждому шеллингисту должно было кинуться въ глаза непроходимое противорѣчіе съ этимъ понятіемъ всего хода развитія нашего общества, начиная съ Петра I. Если народъ можетъ быть названъ историческимъ только въ силу самостоятельной идеи, которую онъ развиваетъ, то какую-же идею вырабатываетъ русскій народъ, образованное общество котораго слѣпо идетъ за Западомъ и питается

тѣмъ, что̀ выработываетъ послѣдній? Или русскій народъ не принадлежитъ къ числу великихъ историческихъ народовъ, не имѣетъ никакой собственной физіономіи, индивидуальности и удѣлъ его вѣчно брать чужое, ничего не давая своего и слѣдовать за другими лишнею спицей въ колесницѣ? Эти вопросы кошмаромъ легли на все поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Не замедлили явиться всевозможные отвѣты на нихъ, изъ которыхъ впослѣдствіи сложились различныя направленія, до сихъ поръ господствующія въ нашей литературѣ. Одни вполнѣ оправдывали цивилизующееe вліяніе на насъ Запада, и не только не желали его прекращенія, но, напротивъ того, находили, что оно было неполное, одностороннее, исключительно внѣшнее; по ихъ мнѣнію, Россія должна была вполнѣ исчерпать образованность западной Европы во всей ея глубинѣ, проникнуться ея философіей и тогда явиться на поприще всемірной цивилизаціи выработывать какую-нибудь новую самостоятельную идею. Люди этого мнѣнія въ западной цивилизаціи видѣли такой-же классицизмъ для Россіи, какимъ былъ для Европы въ эпоху возрожденія классицизмъ древнихъ народовъ. Другіе, напротивъ того, напирали особенно на цивилизующее вліяніе древняго классицизма, ожидали, что и Россія только тогда сравняется съ Европой и выработаетъ свою собственную цивилизацію, когда она, подобно Европѣ, проникнется духомъ древняго классицизма. Третьи считали излишними всякія мысли о народной самостоятельности, не потому, чтобы смотрѣли на нее, какъ на вещь излишнюю, но предполагали, что каждый народъ и безъ того уже имѣетъ ее по своей природѣ, сохраняетъ ее, какъ свою особенную физіономію, какъ бы онъ ни подражалъ другимъ народамъ, и еслибы онъ даже хотѣлъ отдѣлаться отъ нея, это не въ его власти, какъ не во власти отдѣльнаго человѣка хотѣть быть брюнетомъ, а не блондиномъ, и имѣть носъ орлиный, а не съ закорючкой кверху; поэтому, можно смѣло брать отовсюду то, что̀ является передовымъ въ общечеловѣческой цивилизаціи, не опасаясь нисколько потерять этимъ свою индивидуальность. Появилось въ литературѣ, какъ увидимъ ниже, и такое крайнее мнѣніе, которое отсталость, невѣжество и безучастіе Россіи въ общей цивилизаціи приписало тому, что Россія не участвуетъ въ томъ религіозно-нравственномъ союзѣ, представителемъ котораго является католичество. Все это были мнѣнія, представлявшія различные оттѣнки западничества, и мнѣнія эти показываютъ, что шеллингова философія натолкнула западниковъ на вопросы о судьбѣ Россіи не

менѣе, чѣмъ и противниковъ западной цивилизаціи. Послѣдніе-же подъ вліяніемъ той-же философіи не замедлили обратиться въ славянофиловъ въ истинномъ значеніи этого слова. Основываясь на томъ, что каждая народность есть носительница особенной идеи и должна вырабатывать цивилизацію изъ своихъ собственныхъ началъ, славянофилы радикально отвергли весь петровскій періодъ съ его увлеченіями западною цивилизаціей, и начали проповѣдывать необходимость возвращенія къ тѣмъ чистымъ народнымъ началамъ жизни, которыя господствовали въ до-петровской Руси и представлялись славянофиламъ общими всѣмъ славянскимъ народамъ. Съ особенною страстью ухватились славянофилы за идею о гніеніи Запада и ближайшей гибели его цивилизаціи. Но было бы ложно обвинять ихъ однихъ въ изобрѣтеніи подобной идеи и на нихъ свалить весь грѣхъ въ ея распространеніи. Идея эта мелькала въ то время въ умахъ многихъ людей всевозможныхъ партій и на Западѣ, и у насъ, и исходя изъ духа времени, она была заразительна въ то время. Появленіе-же ея весьма понятно. Вы подумайте только, сколько горькихъ разочарованій вынесли люди начала XIX столѣтія изъ революціи и страшныхъ войнъ, закончившихъ ее. Въ концѣ XVIII вѣка юношески мечтали, что владычество разума начнется не сегодня — завтра, что кончилось навсегда царство невѣжества, суевѣрія и произвола. И вдругъ что-же? Феодализмъ, какъ его ни растатывали, не палъ, рядомъ съ нимъ возвысился новый феодализмъ буржуазіи — безчеловѣчно черствый, холодно-развратный, налегшій на все еще болѣе тяжелымъ гнетомъ, чѣмъ средневѣковой, дворянскій феодализмъ; старыя вѣрованія потеряли свое обаяніе, но царство разума не настало и общество утопало въ мутномъ, темномъ мистицизмѣ, терзаясь муками раздвоенности между слѣпою вѣрой и такимъ-же слѣпымъ безвѣріемъ. Въ образованныхъ обществахъ замѣчалась всеобщая апатія, распущенность, холодный индиферентизмъ, дозволявшій Меттернихамъ всякаго рода произвольно ворочать судьбами народовъ и царствъ. Въ подобныя мрачныя эпохи всеобщаго разочарованія и изнеможенія не разъ уже приходили мысли о близкомъ концѣ всего, и мысли эти облекались въ формы господствующаго міросозерцанія. Въ средніе вѣка онѣ проявлялись на Западѣ и у насъ въ видѣ предреканія близкой кончины міра. Подъ вліяніемъ-же идей германской философіи, онѣ выразились въ сравненіяхъ состоянія европейскихъ обществъ съ состояніемъ Рима въ послѣдній періодъ существованія и различ-

ныхъ гипотетическихъ фантазіяхъ о смѣнѣ цивилизаціи. Всѣ партіи разомъ могли увлечься такими мрачными мыслями, потому что всѣ равно были недовольны: феодалы видѣли конецъ цивилизаціи въ ослабленіи феодальнаго режима, буржуазные либералы — въ невозможности совсѣмъ избавиться отъ феодализма, демократы и соціалисты въ безвыходности положенія народныхъ массъ, вѣрующіе люди — въ паденіи старыхъ вѣрованій, невѣрующіе — въ господствѣ мистицизма... Все заблужденіе заключалось здѣсь въ томъ, что люди, обративши муху въ слона, въ тяжеломъ гнетѣ современнаго момента видѣли рѣшеніе судебъ чуть-что не всего человѣчества, какъ это бываетъ иногда и съ отдѣльнымъ человѣкомъ: подъ впечатлѣніемъ сильнаго огорченія, особенно послѣ несбывшихся слишкомъ розовыхъ мечтаній, вдругъ покажется, что все кончено и остается только умереть, потому что никакой отрады въ жизни представиться больше не можетъ. Вина славянофиловъ заключалась не въ созданіи идеи о гніеніи Запада, а только въ томъ, что они ухватились за эту гипотетическую, неимѣющую ровно никакого научнаго основанія идею, вызванную только мрачнымъ моментомъ европейской жизни, и подъ эту идею начали впослѣдствіи искусственно и произвольно подводить историческіе факты, выбирая подходящіе и опуская противорѣчащіе — для оправданія своихъ доктринъ.

Выйдя изъ своихъ общихъ доктринъ, основанныхъ на шеллинговой философіи, славянофилы, въ свою очередь, подобно западникамъ, представили различные оттѣнки въ своемъ ученіи, зависящіе отъ вліянія условій чисто уже реальныхъ, условій самой жизни. Такимъ образомъ, у людей, въ которыхъ жизнь выработала тягу болѣе въ лѣвую сторону, славянофильство приняло оппозиціонный и отчасти даже демократическій характеръ: на петровскій періодъ они вооружались за гнетъ бюрократіи и централизаціи; въ древней Руси отвергали родовое начало; въ народныхъ началахъ выше всего ставили — общину и развитіе внѣ сословнаго земства; въ православіи видѣли принципы любви и братства; гніеніе Запада приписывали господству феодализма, католицизма и черствому легитимизму буржуазнаго порядка. У людей-же съ тягой направо, каковы, напримѣръ, М. Погодинъ и Шевыревъ, славянофильство приняло казенный характеръ порицанія Запада за его наклонность къ анархіи, рядомъ съ превознесеніемъ русскихъ народныхъ началъ, заключающихся въ кроткомъ смиреніи, долготерпѣніи и всепрощающей любви.

Но въ разбираемый мною періодъ не только всѣ эти оттѣнки славянофильства не выдѣлялись еще слишкомъ рѣзко, но и различія между западниками и славянофилами еще не было столь глубокаго и враждебнаго, какое мы увидимъ въ сороковыхъ годахъ. Напротивъ того, люди съ наклонностями къ западничеству и славянофильству тѣсно сливались еще въ одни общіе кружки: и тѣ, и другія тенденціи смѣшивались еще въ общемъ хаосѣ, такъ что въ журналахъ этого періода не въ рѣдкость встрѣтить статьи замѣчательныхъ писателей, въ которыхъ вы рядомъ съ западничествомъ можете встрѣтить идеи, способныя обрадовать каждаго славянофила. Это мы видимъ, напримѣръ, и въ „Русскихъ ночахъ“ Одоевскаго.

„Горькое странное зрѣлище! — читаете вы на 306-й стр. 1-ой части — мнѣніе противъ мнѣнія, власть противъ власти, престолъ противъ престола, и вокругъ сего раздора — убійственное насмѣшливое равнодушіе! Науки, вмѣсто того, чтобы стремиться къ единству, которое одно можетъ возвратить имъ ихъ мощную силу, науки раздробились въ прахъ летучій, общая связь ихъ потерялась, нѣтъ въ нихъ органической жизни; старый западъ, какъ младенецъ, видитъ однѣ части, одни признаки — общее для него непостижимо и невозможно и т. д. Въ искусствѣ давно уже истребилось его значеніе; оно уже не переносится въ тотъ чудесный міръ, въ которомъ, бывало, отдыхалъ человѣкъ отъ грусти здѣшняго міра и т. д. Религіозное чувство на западѣ? оно было бы давно уже забыто, еслибъ его внѣшній языкъ еще не остался для украшенія, какъ политическая архитектура, или іероглифы на мебеляхъ и проч. Погибаютъ три главные дѣятеля общественной жизни! Осмѣлимся-же выговорить слово, которое, можетъ быть, теперь многимъ покажется страннымъ и черезъ нѣсколько лѣтъ слишкомъ простымъ: западъ гибнетъ!..“ „Мы поставлены на рубежѣ двухъ міровъ — читаемъ мы далѣе — протекшаго и будущаго; мы новы и свѣжи; мы непричастны преступленіямъ Европы... Велико наше званіе и трудъ подвигъ! Все должны оживить мы! Нашъ духъ вписать въ исторію ума человѣческаго, какъ имя наше вписано на скрижаляхъ побѣды. Другая высшая побѣда — побѣда науки, искусства и вѣры, ожидаетъ насъ на развалинахъ дряхлой Европы!..“

Но при всемъ искреннемъ пафосѣ, съ которымъ Одоевскій высказываетъ эти мысли, онъ не рѣшается выговорить ихъ отъ себя, а сообщаетъ въ видѣ рукописи, оставленной какимъ-то покойни-

ками, и потомъ, представивши со стороны своихъ друзей нѣсколько возраженій, заключающихся въ томъ, что Западъ не только не падаетъ, но, напротивъ того, прогрессъ его во всѣхъ отношеніяхъ возрастаетъ, онъ отъ своего уже лица, т.-е. устами Фауста замѣчаетъ: „я бы на это могъ тебѣ отвѣчать словами натуралистовъ, политиковъ, медиковъ — о томъ, что высшее развитіе силъ какого бы то ни было организма есть *начало конца;* но я лучше хочу согласиться съ тобою, что мнѣніе моихъ друзей о Западѣ преувеличено; я собственно не вижу въ немъ признака близкаго паденія, но потому только, что не вижу и того высшаго развитія силъ, о которомъ ты говоришь... А ниже:

„*Викторъ.* Послушай: отрицать просвѣщеніе Запада — дѣло невозможное; ты этого не докажешь...

„*Фаустъ.* Я не отрицаю его, и даже признаю, что намъ еще многому остается учиться на Западѣ, но я хотѣлъ бы привести это просвѣщеніе въ настоящую оцѣнку...“

Такое смѣшеніе западничества и славянофильства мы встрѣтимъ во всѣхъ почти статьяхъ шеллингистовъ того времени.

Журнальная пропаганда шеллингистовъ сосредоточилась въ разбираемый нами періодъ въ трехъ послѣдующихъ одинъ за другимъ журналахъ: „Московскомъ Вѣстникѣ“ (1827 — 1830 г.), „Европейцѣ“ (1831 г.) и „Телескопѣ“ (1831—1836 г.).

„Московскій Вѣстникъ“ былъ основанъ по иниціативѣ Веневитинова, составившаго проектъ журнала подъ заглавіемъ: „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“, который онъ прочелъ на одномъ изъ своихъ литературныхъ вторниковъ. Въ исходѣ 1826 года Веневитиновъ сошелся съ Пушкинымъ, познакомилъ поэта со всѣми своими товарищами и въ 1827 году былъ открытъ „Московскій Вѣстникъ“ подъ редакціей М. Погодина и при непосредственномъ участіи въ журналѣ всѣхъ членовъ кружка. Но живое участіе въ журналѣ друзей Веневитинова продолжалось не долго. Послѣ смерти Веневитинова (15-го марта 1827 г.), только съ годъ не больше журналъ продолжалъ вестись въ томъ видѣ, въ какомъ начался, т.-е. сообщая читателямъ разнообразныя отрасли знаній и освѣщая ихъ идеями шеллинговой философіи. Но уже во второй половинѣ 1828 года вліяніе на журналъ г. Погодина сдѣлалось исключительнымъ, судя по тому, что журналъ переполнился статьями историческими, по бо̀льшей части трудами самого редактора — и вмѣстѣ съ этимъ, весьма скучною полемикой съ Полевымъ, которая въ томъ только и заключалась, что, съ точки

зрѣнія ученаго педантизма обвиняла Полеваго въ поверхностныхъ сужденіяхъ о фактахъ науки и недостаткѣ ученой добросовѣстности. Въ такомъ видѣ журналъ не могъ пережить тридцатаго, холернаго года.

„Европеецъ“ началъ издавать въ исходѣ 1831 года Ив. Кирѣевскій, при сотрудничествѣ Языкова, Баратынскаго, А. Хомякова, Жуковскаго, Вяземскаго и А. И. Тургенева, но на 2-й же книжкѣ журналъ былъ запрещенъ за статью Кирѣевскаго „XIX столѣтіе“.

Одинъ „Телескопъ“ Надеждина просуществовалъ болѣе пяти лѣтъ, пока и его не сгубило письмо Чаадаева.

Чтобы познакомить читателя со всѣми оттѣнками взглядовъ и мнѣній шеллингистовъ, мнѣ придется сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ наиболѣе выдающихся статей, появившихся въ различное время въ этихъ трехъ журналахъ.

Вотъ, напримѣръ, что̀ высказываетъ, между прочимъ, Веневитиновъ въ своемъ вышеозначенномъ проектѣ о созданіи журнала:

„Всякому человѣку, одаренному энтузіазмомъ, знакомому съ наслажденіями высокими, представлялся естественный вопросъ: для чего поселена въ немъ страсть къ познанію и къ чему влечетъ его непреоборимое желаніе дѣйствовать? Къ самопознанію, отвѣчаетъ намъ книга природы. Самопознаніе — вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка. Науки и искусства, вѣчные памятники усилій ума, единственные признаки его существованія, представляютъ не что иное, какъ развитіе сей начальной и слѣдственно неограниченной мысли. Художникъ одушевляетъ холстъ и мраморъ для того только, чтобъ осуществить свое чувство, чтобъ убѣдиться въ его силѣ; поэтъ искусственнымъ образомъ переноситъ себя въ борьбу съ природой, съ судьбой, чтобы въ семъ противорѣчіи испытать духъ свой и гордо провозгласить торжество ума.

„Исторія убѣждаетъ насъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества; а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы.

„Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на *каждый народъ, какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ свои нравственныя усилія, ознаменованныя печатію особеннаго характера.* Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе; цѣль просвѣщенія или самопознанія народа есть та степень, на кото-

рой *онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія;* такъ, напримѣръ, искусство древней Греціи, скажу болѣе, весь духъ ея отразился на твореніяхъ Платона и Аристотеля; такимъ образомъ, новѣйшая философія въ Германіи есть зрѣлый плодъ того-же энтузіазма, который одушевляетъ истинныхъ ея поэтовъ, того-же стремленія къ высокой цѣли, которое направляло полетъ Шиллера и Гёте.

„Съ сею мыслью обратимся къ Россіи и спросимъ: какими силами подвигается она къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ? Вопросы, на которые едва-ли можно ожидать отвѣта, ибо безпечная толпа нашихъ литераторовъ, кажется, не подозрѣваетъ ихъ необходимости. *У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго;* ихъ произведенія, достигая даже нѣкоторой степени совершенства и *входя слѣдственно въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера.* Россія все получила извнѣ; оттуда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство; оттуда совершенное отсутствіе всякой свободы и инстинкта дѣятельности".

Выставляя такимъ образомъ фактъ отсутствія самостоятельности въ развитіи нашего общества, объясняя далѣе этимъ фактомъ ничтожество нашей литературы, Веневитиновъ, въ заключеніи своего проекта журнала, высказываетъ нѣсколько мыслей о томъ, какъ помочь горю и поставить наше общество на самостоятельную почву. Онъ предполагаетъ для этого два средства: философію и древній классицизмъ.

„При семъ нравственномъ положеніи Россіи – говоритъ онъ—одно только средство представляется тому, кто пользу ея изберетъ цѣлію своихъ дѣйствій. Надобно бы совершенно остановить и внѣшній ходъ ея словесности, и заставить ее болѣе думать, нежели производить. Нельзя скрыть отъ себя трудности такого предпріятія. Оно требуетъ тѣмъ болѣе твердости въ исполненіи, что отъ самой Россіи не должно ожидать никакого участія; но трудность можетъ-ли остановить сильное намѣреніе, основанное на правилахъ вѣрныхъ и устремленное къ истинѣ? *Для сей цѣли надлежало бы нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ,* закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, безполезно развлекающія ея

вниманіе, *и, опираясь на твердыя начала философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе*". Къ этому предположенію ниже онъ прибавляетъ: „не безполезно бы было обратить особенное вниманіе Россіи на древній міръ и его произведенія. Мы слишкомъ близки, хотя повидимому, къ просвѣщенію новѣйшихъ народовъ, и слѣдственно не должны бояться отстать отъ новѣйшихъ открытій, если будемъ вникать въ причины, породившія современную намъ образованность, и перенесемся на нѣкоторое время въ эпохи ей предшествовавшія. Сіе временное устраненіе отъ настоящаго произведетъ еще важнѣйшую пользу. Находясь въ мірѣ совершенно для насъ новомъ, котораго всѣ отношенія для насъ загадки, мы невольно принуждены будемъ дѣйствовать собственнымъ умомъ для разрѣшенія всѣхъ противорѣчій, которыя намъ въ ономъ представятся. Такимъ образомъ, мы сами сдѣлаемся преимущественнымъ предметомъ нашихъ розысканій. Древняя практика или вообще духъ древняго искусства представляетъ намъ обильную жатву мыслей, безъ коихъ новѣйшее искусство теряетъ бо́льшую часть своей цѣны и не имѣетъ полнаго значенія въ отношеніи къ идеѣ о человѣкѣ".

Такимъ образомъ, вотъ уже когда впервые была высказана мысль о пресловутомъ „классическомъ образованіи". Она прошла сквозь все умственное движеніе послѣдующаго времени, пока, наконецъ, нашла свое осуществленіе въ наше время, когда давно уже пора ей быть сданною въ архивъ вмѣстѣ съ прочимъ хламомъ, завѣщаннымъ намъ отцами.

Если поборники классическаго образованія могутъ вести свое начало съ Веневитинова, за то приверженцы западничества во многихъ отношеніяхъ обязаны И. Кирѣевскому. Личность И. Кирѣевскаго замѣчательна въ томъ отношеніи, что отъ нея одинаково вправѣ могутъ вести свое начало, какъ позднѣйшіе западники, такъ и славянофилы. Первое юношеское образованіе И. Кирѣевскій получилъ подъ вліяніемъ французской философіи XVIII вѣка и сдѣлался тѣмъ-же поверхностнымъ скептикомъ, какими были всѣ предшествовавшія поколѣнія, увлекавшіяся энциклопедистами безъ всякой основательной умственной подготовки.

Могъ-ли этотъ скептицизмъ долго удержаться въ незрѣломъ умѣ юноши, когда даже такой универсально образованный умъ, какъ Одоевскаго, и тотъ искалъ успокоенія и примиренія съ дѣтскими вѣрованіями въ философіи Шеллинга?

Естественно, что, съ одной стороны, подъ вліяніемъ предыдущаго направленія, съ другой—подъ впечатлѣніемъ того восторга, съ какимъ соединялись первые моменты увлеченія Шеллингомъ, Кирѣевскій всѣ свои надежды и упованія возлагалъ на западную цивилизацію, и какъ человѣкъ, одаренный страстною, глубокою натурой, неспособною останавливаться на полдорогѣ, а напротивъ того, доходившій до послѣдней крайности во всѣхъ выводахъ, онъ сдѣлался ультразападникомъ, превзошедшимъ всѣхъ своихъ единомышленниковъ въ своемъ западничествѣ. Но мы говорили уже выше, что шеллингова философія не обусловливаетъ собою непремѣнно западническихъ воззрѣній: изъ ея основаній одинаково исходили какъ западники, такъ и славянофилы. Въ то-же время въ крайнихъ и послѣдовательныхъ выводахъ своихъ, философія эта ведетъ къ самому туманному мистицизму, къ которому пришелъ, какъ извѣстно, въ своей послѣдующей дѣятельности самъ Шеллингъ. Когда всѣ литературныя стремленія Кирѣевскаго были радикально парализованы, „Европеецъ“ былъ запрещенъ за извѣстную статью Кирѣевскаго „XIX вѣкъ“, статью, въ сущности, самаго невиннаго содержанія, но въ которой почему-то заподозрили революціонную пропаганду; альманахъ „Денница“, Максимовича, въ которой Кирѣевскій написалъ статью о Новиковѣ, былъ схваченъ и цензоръ Глинка посаженъ подъ арестъ, Кирѣевскій уѣхалъ въ деревню, съ разстроенными финансами отъ неудачи „Европейца“, съ глубокимъ унынiемъ на душѣ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что 10 лѣтъ подавленной энергіи, разъѣдающей тоски и бездѣйствія сдѣлали изъ романтика съ задатками мистицизма — мистика въ полномъ смыслѣ этого слова. Кирѣевскому не нужно было для этого даже перемѣнять основныхъ убѣжденій, а нужно было только послѣдовательно развить до конца тѣ общія начала философіи Шеллинга, которою онъ былъ проникнутъ, и схимникъ новоспасскаго монастыря старецъ Филаретъ, за которымъ Кирѣевскій ухаживалъ при его смерти и которому біографъ приписываетъ его обращеніе на путь мистицизма, былъ тутъ совершенно не при чемъ. Безъ сомнѣнія, Кирѣевскій долженъ былъ уже заключать въ себѣ порядочную дозу мистицизма, для того только, чтобы сойтись съ этимъ старцемъ. Естественно, что, подъ вліяніемъ мистицизма, онъ измѣнилъ свои взгляды на отношеніе западной цивилизаціи къ намъ: видя въ православіи альфу и омегу всякой философіи и цивилизаціи, въ немъ онъ началъ полагать самобытность Россіи, основаніе ея цивилизаціи и будущее вліяніе на ходъ

общечеловѣческаго просвѣщенія. Но этимъ только и ограничилось славянофильство Кирѣевскаго. Юношескій закалъ сказался и въ послѣднемъ видоизмѣненіи міросозерцанія Кирѣевскаго: въ мистицизмѣ онъ искалъ только выхода изъ скептицизма, который былъ невыносимъ для его натуры, находящейся на степени романтической чувствительности и созерцательности, но тѣ идеи свободы и гуманности, которыя онъ вынесъ изъ юности, не покинули его и въ послѣднемъ періодѣ его жизни, и онъ не сходился съ позднѣйшими славянофилами во многихъ отношеніяхъ. „Сердцемъ я больше связанъ съ вами—сказалъ онъ однажды съ глубокою печалію Грановскому—но не дѣлю многаго изъ вашихъ убѣжденій; съ нашими я ближе вѣрой, но столько-же расхожусь въ другомъ“. Самый мистицизмъ его имѣлъ совершенно особенный характеръ: это не былъ мрачный, нетерпимый мистицизмъ изувѣра-фанатика, или-же исполненный холодной жестокости подъ личиной милосердія и высокомѣрной гордости подъ видомъ смиренія—мистицизмъ іезуита, а напротивъ того, мягкій и гуманный мистицизмъ романтика, исполненный художественной созерцательности. „Я разъ стоялъ въ часовнѣ—разсказывалъ однажды Кирѣевскій—смотрѣлъ на чудотворную икону богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силой, струящейся изъ нея, отражающейся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ въ прахѣ, и на святую икону — тогда и самъ увидѣлъ черты богородицы одушевленными, она съ милосердіемъ и любовью смотрѣла на этихъ простыхъ людей... и я палъ на колѣни и смиренно молился ей“.

Это разсказъ не суроваго мистика, а художника, представившаго вамъ цѣлую картину—взять бы да и нарисовать ее, и вышло бы изображеніе въ духѣ итальянской живописи XV вѣка. Я нарочно привелъ этотъ разсказъ, потому что онъ какъ нельзя болѣе характеризуетъ то созерцательно-художественное отношеніе къ жизни, которое мы увидимъ у всѣхъ людей сороковыхъ

годовъ и начало котораго мы встрѣчаемъ уже у шеллингистовъ тридцатыхъ годахъ.

Знаменитая статья Кирѣевскаго „XIX вѣкъ“, подвергшаяся гоненіямъ свыше, представляетъ въ себѣ выраженную въ сжатыхъ, но рѣзкихъ чертахъ полную программу западничества и рядъ доводовъ въ защиту этой программы, которые впослѣдствіи всегда служили главными основаніями въ полемикѣ западниковъ съ славянофилами. Выставляя въ своей статьѣ, что Европа заимствовала свое образованіе изъ классическаго міра, проводникомъ котораго была тамъ сначала церковь, потомъ съ XV вѣка наука, и замѣчая, что у насъ этого ничего не было, что мы до сихъ поръ представляемъ почву совершенно нетронутую, Кирѣевскій прямо выводитъ изъ этого, что для оплодотворенія этой почвы мы должны заимствовать образованіе изъ ближайшаго источника, какъ это сдѣлала въ свое время Европа; этимъ источникомъ представляется естественно западная цивилизація, которая для насъ такая-же классическая, какая для Европы была образованность древнихъ народовъ.

„На чемъ же основываются тѣ—говоритъ, между прочимъ, Кирѣевскій—которые обвиняютъ Петра, утверждая, будто онъ далъ ложное направленіе образованности нашей, заимствуя ее изъ просвѣщенной Европы, а не развивая изнутри нашего быта?

„Эти обвинители великаго создателя новой Россіи съ нѣкотораго времени распространились у насъ болѣе, чѣмъ когда-либо; и мы знаемъ, откуда почерпнули они свой образъ мыслей. Они говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ; не велятъ заимствовать, бранятъ нововведенія и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинно-русскому. Но что-же? Если разсмотрѣть внимательно, то это самое стремленіе къ національности есть не что иное, какъ непонятое повтореніе мыслей чужихъ, мыслей европейскихъ, занятыхъ у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ, и необдуманно примѣняемыхъ къ Россіи. Дѣйствительно, лѣтъ десять тому назадъ, стремленіе къ національности было господствующимъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы, всѣ обратились къ своему народному, къ своему особенному; но тамъ это стремленіе имѣло свой смыслъ: тамъ просвѣщеніе и національность одно, ибо первое развилось изъ послѣдней. Поэтому, если нѣмцы искали чисто нѣмецкаго, то это не противорѣчило ихъ образованности; напротивъ, образованность ихъ, такимъ образомъ, доходила только до своего сознанія, получала болѣе само-

бытности, болѣе полноты и твердости. Но у насъ искать національнаго — значитъ, искать необразованнаго; развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній — значитъ, изгонять просвѣщеніе; ибо, не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ее, если не изъ Европы? Развѣ самая образованность европейская не была послѣдствіемъ просвѣщенія древняго міра? Развѣ не представляетъ она теперь просвѣщенія общечеловѣческаго? Развѣ не въ такомъ-же отношеніи находится она къ Россіи, въ какомъ просвѣщеніе классическое находилось къ Европѣ?“

Наконецъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ и рѣзкихъ выраженій тѣхъ-же самыхъ вопросовъ, которые волновали все поколѣніе разсматриваемаго нами періода, представляетъ знаменитое письмо Чадаева, напечатанное въ „Телескопѣ“ 1836 г. Письмо это произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ.

Во всѣхъ кружкàхъ и партіяхъ, людяхъ высоко и низко стоящихъ, оно отозвалось ужасомъ и недоумѣніемъ. Всѣ читали и не вѣрили своимъ глазамъ. Роковые вопросы, глубоко у всѣхъ лежавшіе на душѣ, были высказаны человѣкомъ стараго закала такимъ рѣзкимъ, грознымъ, обвинительнымъ тономъ, о которомъ никто въ то время и помышлять не смѣлъ. „Телескопъ“ былъ тотчасъ-же запрещенъ; Болдыревъ старикъ, ректоръ московскаго университета и цензоръ, былъ отставленъ; Надеждинъ, издатель, сосланъ въ Усть-Сысольскъ, съ Чадаева взята подписка ничего не писать и онъ объявленъ сумасшедшимъ.

Но при всемъ этомъ надо замѣтить, что какъ ни сильно было впечатлѣніе, какое произвело письмо Чадаева, нельзя сказать, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно оказало какое-либо положительное вліяніе въ нашей литературѣ.

Дѣло въ томъ, что только въ отрицательныхъ идеяхъ Чадаевъ сошелся со своими современниками. То самое, что̀ высказывали въ то время всѣ шеллингисты, что̀ мы видѣли и у Веневитинова, и у Кирѣевскаго, то-же самое вы найдете и у Чадаева, только въ болѣе рѣзкой формѣ, доведенное до мрачнаго, безотраднаго отчаянья... Чадаевъ замѣчаетъ, что въ то время, какъ у каждаго народа есть нѣчто осѣдлое, свое, родное, къ чему онъ привыкъ, чѣмъ онъ дорожитъ... мы-же — словно какое-нибудь кочевое племя, живемъ настоящею минутой и вѣчно какъ будто куда-то все ѣдемъ и находимся въ дорогѣ, на станціи, на распутьи, готовые тотчасъ-же покинуть то мѣсто, на которомъ въ настоящую минуту

находимся. Прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для нея вовсе нѣтъ и Россія — это пробѣлъ разумѣнія, грозный укоръ, данный народамъ — до чего отчужденіе и рабство могутъ довести. Что-же касается до положительной стороны письма, до разъясненія причинъ такого печальнаго состоянія Россіи и указанія выхода изъ него, то мнѣніе Чадаева представляется единственнымъ, исключительнымъ и промелькнувшимъ почти безслѣдно въ нашей литературѣ. Дѣло въ томъ, что Чадаева, подобно Ив. Кирѣевскому, философія Шеллинга привела къ мистицизму, но разница въ томъ, что Кирѣевскій самъ вывелъ для себя мистицизмъ изъ общихъ основаній системы и выработалъ свой самостоятельный мистицизмъ православія, между тѣмъ, какъ Чадаевъ, во время своего путешествія заграницей, познакомясь лично съ Шеллингомъ, увлекся мистицизмомъ буквально въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ представлялся въ послѣдующемъ періодѣ дѣятельности Шеллинга и дошелъ до апоѳеозы католичества, въ которомъ онъ началъ видѣть альфу и омегу цивилизаціи Европы. Съ этой точки зрѣнія, главная причина отдѣленія Россіи отъ Европы и печальнаго ея положенія, по мнѣнію Чадаева, заключается въ томъ, что мы не принадлежимъ къ тому умственному и нравственному союзу католичества, который связываетъ всѣ европейскіе народы въ одну нераздѣльную семью. Если хотите, и у Кирѣевскаго мелькаетъ та-же мысль въ его статьѣ „XIX вѣкъ“, когда онъ говоритъ о томъ вліяніи, какое оказала католическая церковь въ средніе вѣка на цивилизацію Европы, и замѣчаетъ при этомъ въ Россіи отсутствіе подобнаго-же вліянія; но Кирѣевскій ограничиваетъ это сравненіе средними вѣками; для настоящаго-же времени онъ предполагаетъ иные выходы, мы выше видѣли какіе. Для Чадаева-же естественно никакого выхода не представлялось: онъ не могъ не сознавать, что обращеніе въ католичество всего народа дѣло невозможное да и позднее, поэтому, и считалъ зло неисправимымъ. Онъ ничего и не предлагалъ въ своемъ письмѣ, а только выставлялъ факты безвыходности съ своей точки зрѣнія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отношеніе шеллингистовъ къ литературѣ. — Новые критическіе взгляды на Пушкина (статьи Веневитинова и Кирѣевскаго). — Личность Надеждина. — Взаимное нерасположеніе между нимъ и Бѣлинскимъ. — Его участіе въ „Вѣстникѣ Европы". — Литературная безтактность Надеждина. — „Телескопъ". — Его пропаганда эстетическаго образованія и политическая безхарактерность. — Общій обзоръ движенія мысли въ половинѣ тридцатыхъ годовъ. — Всеобщая реакція. — Борьба ея съ московскимъ движеніемъ. — Славянофилы и характеръ ихъ пропаганды. — Печальное состояніе петербургской литературы. — „Библіотека для чтенія". — Тѣсная связь взглядовъ Сенковскаго со взглядами, господствовавшими въ петербургскихъ кружкахъ. — Реформы, произведенныя „Библіотекой для чтенія" въ литературѣ, и полемика Бѣлинскаго съ Шевыревымъ по поводу этихъ реформъ.

Рядомъ съ общими вопросами о судьбѣ Россіи, шеллингисты не меньшее вниманіе обращали и на болѣе частные вопросы о характерѣ и развитіи современной имъ литературы въ Россіи. Исходя изъ философской системы, которая въ поэтическомъ творчествѣ видѣла по отношенію къ поэту воплощеніе міровыхъ идей въ пластическихъ осязательныхъ формахъ, а по отношенію къ народу таинственный, божественный актъ народнаго самосознанія, шеллингисты не могли не обратить вниманія на бѣдность и пустоту нашей литературы, которая, съ одной стороны, страдала отсутствіемъ всякихъ болѣе или менѣе глубокихъ идей, съ другой — не заключая въ себѣ никакой самобытности, была рабскимъ сколкомъ западныхъ литературъ. Вмѣстѣ съ этимъ, шеллингисты видѣли, что хотя наша литература избавилась отъ ложно-классиче-

скихъ оковъ, но это не сдѣлало ее нисколько серьёзнѣе и глубже; напротивъ того, она окончательно разнуздалась; на основаніи того новаго понятія, что поэтъ долженъ летать по волѣ своей фантазіи, писать сдѣлалось чрезвычайно легко, обществомъ овладѣла положительная стихоманія и литература наполнилась лирическими поэмами въ романтическомъ духѣ, въ которыхъ поэты изливались въ своихъ чувствахъ на сотнѣ страницахъ и выводили необузданныхъ героевъ съ дикими страстями, кинжалами, ядами и всевозможными злодѣйствами. Въ то-же время критика еще болѣе раздувала эту горячку своимъ рабскимъ отношеніемъ къ современнымъ знаменитостямъ. Хотя она отучилась уже считать Пиндарами и Гомерами писателей предшествующаго періода нашей литературы, но свое безпристрастіе она простирала только на писателей ложно-классической школы. Что-же касается писателей романтиковъ, то она не переставала держаться относительно ихъ хвалебнаго тона и ограничивала свои отзывы о нихъ сравненіемъ ихъ съ различными европейскими знаменитостями. Такъ, напримѣръ, Пушкина она ставила на одномъ ряду съ Байрономъ и произведенія его сравнивала съ различными поэмами послѣдняго, въ Онѣгинѣ видѣла русскаго то Чайльдъ-Гарольда, то Донъ-Жуана и пр.

Шеллингисты первые вооружились противъ наводненія литературы стихами. „Мы отбросили французскія правила—говоритъ Веневитиновъ въ статьѣ „Мысли объ изд. журн.“—не отъ того, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системой, но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ, правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія; самыя типическія эпохи исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число поэтовъ. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явленія естественными законами ума; надобно только вникнуть въ начало всѣхъ искусствъ. Первое чувство никогда не творитъ и не можетъ творить, потому что оно всегда представляетъ согласіе. Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ и тогда, уже снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ

вѣковъ, были глубокими мыслителями, были философами и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія. У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: у насъ чувство, нѣкоторымъ образомъ, освобождаетъ отъ обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли совершенствованія".

Въ то-же время шеллингисты возстали и противъ критики, слишкомъ пристрастной къ нашей литературѣ и ставившей ее наравнѣ съ европейскою. Еще до возникновенія „Московскаго Вѣстника" Веневитиновъ, въ 1824 г., въ „Сынѣ Отечества", осмѣялъ Полеваго, когда тотъ, при появленіи первой главы Евгенія Онѣгина, сейчасъ-же сравнилъ Пушкина съ Байрономъ, въ Евгеніи Онѣгинѣ увидѣлъ типъ въ родѣ Донъ-Жуана, въ общемъ-же характерѣ романа ему пригрезилось почему-то соотвѣтствіе тому, что̀ въ музыкѣ называется capriccio.

„Кто отказываетъ Пушкину въ истинномъ талантѣ—говоритъ, между прочимъ, Веневитиновъ—кто не восхищался его стихами? Кто не сознается, что онъ подарилъ нашу словесность прелестными произведеніями? Но для чего-же сравнивать его съ Байрономъ, съ поэтомъ, который, духомъ принадлежа не одной Англіи, а нашему времени, въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и еслибъ могъ изгладиться въ исторіи частнаго рода поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго?

„Всѣ произведенія Байрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли — мысли о человѣкѣ, въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предразсудками, врѣзавшимися въ его сердцѣ, въ противорѣчіи съ своими чувствами. Говорятъ: въ его поэмахъ мало дѣйствія. Правда, его цѣль не разсказъ; характеръ его героевъ не связь описаній; онъ описываетъ предметы не для предметовъ самихъ, не для того, чтобы представить рядъ картинъ, но съ намѣреніемъ выразить впечалѣнія ихъ на лицо, выставленное имъ на сцену. Мысль истинно поэтическая, творческая.

„Теперь, г. издатель „Телеграфа", повторяю вамъ вопросъ: что̀ такое Онѣгинъ? Онъ вамъ знакомъ, вы его любите. Такъ! но этотъ герой поэмы Пушкина, по собственнымъ словамъ вашимъ, „шалунъ съ умомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ", и ничего болѣе.

Я сужу также, какъ вы, т.-е. по одной первой главѣ; мы, можетъ быть, оба ошибаемся, и оправдаемъ осторожность опытнаго критика, который, опасаясь попасть въ „кривотолки“, не захотѣлъ произнесть преждевременно своего сужденія.

„Теперь, позвольте спросить: что̀ вы называете „новыми пріобрѣтеніями Байроновъ и Пушкиныхъ“? Байрономъ гордится новая поэзія, и я, въ нѣсколькихъ строчкахъ, уже старался замѣтить вамъ, что характеръ его произведеній истинно новый. Не будемъ оспаривать у него славы изобрѣтателя. Пѣвецъ „Руслана и Людмилы“, „Кавказскаго плѣнника“ и проч. имѣетъ неоспоримыя права на благодарность своихъ соотечественниковъ, обогативъ русскую словесность красотами, доселѣ ей неизвѣстными, но, признаюсь вамъ и самому нашему поэту, что я не вижу въ его твореніяхъ пріобрѣтеній, подобныхъ Байроновымъ, „дѣлающихъ честь вѣку“. Лира Альбіона познакомила насъ со звуками, для насъ совсѣмъ новыми. Конечно, въ вѣкъ Людовика XIV никто бы не написалъ и поэмъ Пушкина; но это доказываетъ не то, что онъ подвинулъ вѣкъ, но то, что онъ отъ него не отсталъ. Многіе критики, говоритъ г. Полевой, увѣряютъ, что „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“ взяты изъ Байрона. Мы не утверждаемъ такъ опредѣлительно, чтобы нашъ стихотворецъ заимствовалъ изъ Байрона планы поэмъ, характеры лицъ, описанія; но скажемъ только, что Байронъ оставляетъ въ его сердцѣ глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Я говорю смѣло о Пушкинѣ; потому что онъ стоитъ между нашими стихотворцами на такой степени, гдѣ правда уже не колетъ глазъ“.

Совершенно такія-же мысли, только высказанныя болѣе ясно и опредѣленно, мы встрѣчаемъ въ статьѣ Кирѣевскаго „Нѣчто о поэзіи Пушкина“ („Московскія Вѣдомости“ 1828 г.). „Время Чайльдъ-Гарольдовъ, слава Богу, еще не настало для нашего отечества—говоритъ, между прочимъ, Кирѣевскій — молодая Россія не участвовала въ жизни западныхъ государствъ, и народъ, какъ человѣкъ, не старѣется чужими опытами. Блестящее поприще открыто еще для русской дѣятельности; всѣ роды искусствъ, всѣ отрасли познаній еще остаются неусвоенными нашему отечеству; намъ дано еще: надѣяться — что̀-же дѣлать у насъ разочарованному Чайльдъ-Гарольду?

„Посмотримъ, какія качества сохранилъ и утратилъ цвѣтъ Британіи, бывъ пересаженъ на русскую почву.

„Любимая мечта британскаго поэта есть существо необыкновенное, высокое. Не бѣдность, но препзбытокъ внутреннихъ силъ дѣлаетъ его холоднымъ къ окружающему міру. Безсмертная мысль живетъ въ его сердцѣ и день, и ночь, поглощаетъ въ себѣ все бытіе его и отравляетъ всѣ наслажденія. Но въ какомъ бы видѣ она ни являлась: какъ гордое презрѣніе къ человѣчеству, или какъ мучительное раскаяніе, или какъ мрачная безнадежность, или какъ неумолимая жажда забвенія, эта мысль всеобъемлющая, вѣчная — что она, если не невольное стремленіе къ лучшему, тоска по недосягаемомъ совершенствѣ? Нѣтъ ничего общаго между Чайльдъ-Гарольдомъ и толпой людей обыкновенныхъ: его страданія, его мечты, его наслажденія непонятны для другихъ; только высокія горы да голые утесы говорятъ ему отвѣтныя тайны, ему одному слышныя. Но потому именно, что онъ отличенъ отъ обыкновенныхъ людей, можетъ онъ отражать въ себѣ духъ своего времени и служитъ границей съ будущимъ; потому что *только разногласіе связуетъ различныя созвучія* *).

„Напротивъ того, Онѣгинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное. Онъ также равнодушенъ ко всему окружающему; но не ожесточеніе, а неспособность любить сдѣлали его холоднымъ. Его молодость также прошла въ вихрѣ забавъ и разсѣянія; но онъ не завлеченъ былъ кипѣніемъ страстной неопытной души, но на паркетѣ провелъ пустую, холодную жизнь франта. Онъ также бросилъ свѣтъ и людей; но не для того, чтобы въ уединеніи найти просторъ взволнованнымъ думамъ, но для того, что ему было равно скучно вездѣ,

...Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

„Онъ не живетъ вокругъ себя жизнію особенною, отмѣнною отъ жизни другихъ людей, и презираетъ человѣчество, потому только, что не умѣетъ уважать его. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей, а всего меньше поэзіи въ такомъ характерѣ.

„Вотъ Чайльдъ-Гарольдъ въ нашемъ отечествѣ, и честь поэту, что онъ представилъ намъ не настоящаго: потому что, какъ мы уже сказали, его время еще не пришло для Россіи, и дай Богъ чтобы никогда не приходило“.

Съ того-же 1828 года началъ печататься въ „Вѣстникѣ

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

Европы" и рядъ статей Надеждина подъ псевдонимомъ Надоумки.

Но статьи эти надо рѣзко отличать отъ статей о томъ-же предметѣ Веневитинова и Кирѣевскаго, и вообще отношеніе Надеждина къ литературѣ носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ у прочихъ писателей его школы.

Личность Надеждина чрезвычайно двусмысленно и неопредѣленно рисуется въ нашей литературѣ. Самый первый шагъ его на литературное поприще невольно озадачиваетъ васъ. Почему Надеждинъ, увлекшійся философіею Шеллинга, не примкнулъ сразу къ кружку прочихъ шеллингистовъ, какъ товарищъ его Павловъ, и не печаталъ своихъ статей исключительно въ „Московскомъ Вѣстникѣ"—журналѣ, которому онъ, повидимому, болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ долженъ былъ сочувствовать, какъ шеллингистъ? Нѣтъ, онъ сталъ особнякомъ, въ сторонѣ и пошелъ вдругъ въ „Вѣстникъ Европы", который былъ сосредоточіемъ всевозможной ветхости и гнили въ то время. Какъ человѣкъ талантливый и обладающій большою ученостью, онъ не могъ не обратить вниманія публики на свои статьи; онѣ произвели большое впечатлѣніе, и вліяніе ихъ было такъ сильно, что отразилось всюду; даже заклятые враги его, каковъ былъ Полевой, подчинились этому вліянію и начали повторять многія высказанныя имъ мысли. Но при всемъ этомъ вліяніи, съ появленія его статей и до самой смерти его, вы не встрѣтите о немъ ни одного отзыва, вполнѣ благосклоннаго. И не одни только враги отзывались о немъ такъ: даже послѣдователи и ученики его, тѣ, которыхъ воспиталъ онъ въ своей замѣчательной профессорской дѣятельности (а воспиталъ онъ цѣлое поколѣніе), и тѣ, повидимому, не питали къ нему большаго уваженія, какъ къ писателю. По крайней мѣрѣ, лучшій представитель этихъ учениковъ, да и, притомъ, такой, котораго онъ-же, Надеждинъ, вывелъ на свѣтъ въ своей „Молвѣ", которому подъ конецъ повѣрилъ въ полное распоряженіе свой „Телескопъ", однимъ словомъ, Бѣлинскій помѣстилъ о немъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1841 г. отзывъ такого содержанія:

„Г. Надеждинъ началъ свое литературное поприще въ „Вѣстникѣ Европы", и началъ борьбой противъ романтизма. Въ первыхъ статьяхъ онъ явился псевдонимомъ Надоумкою; но когда были напечатаны отрывки изъ его диссертаціи, писанной для полученія степени доктора, всѣ узнали, что Надоумка и г. Надеждинъ — одно лицо. Статьи Надоумки отличались особенною жур-

нальною формой, оригинальностью, но еще чаще странностью языка, бойкостью и рѣзкостью сужденій. Какъ въ нихъ, такъ и въ диссертаціи, можно было замѣтить, что противникъ романтизма понималъ романтизмъ лучше его защитниковъ, и *былъ не совсѣмъ искреннимъ* врагомъ романтизма. Г. Надеждинъ первый сказалъ и развилъ истину, что поэзія нашего времени не должна быть ни классическою (потому что мы не греки и не римляне), ни романтическою (потому что мы не паладины среднихъ вѣковъ); но что въ поэзіи нашего времени должны примириться обѣ стороны и произвести новую поэзію. Мысль справедливая и глубокая; г. Надеждинъ даже хорошо и развилъ ее. Но, тѣмъ не менѣе, она немногихъ убѣдила и не вошла въ общее сознаніе. Много причинъ было этому, а главная изъ нихъ: *какая-то неискренность и непрямота въ доказательствахъ, свойственная докторанту, а не доктору*, и явное противорѣчіе между воззрѣніями г. Надеждина и ихъ приложеніемъ. Г. Надеждинъ, понимая, что классическое искусство было только у грековъ и римлянъ, называя французскую поэзію псевдоклассическою, неестественною и надутою, въ то-же время съ благоговѣніемъ произносилъ имена Корнеля, Расина и Мольера и смѣло цитовалъ риторическіе стихи Ломоносова, Петрова, Державина и Мерзлякова, увѣряя, что въ нихъ-то и заключается всяческая поэзія. Далѣе, очень хорошо понимая, что Шекспиръ, Байронъ, Гёте, Шиллеръ, Пушкинъ совсѣмъ не романтики, но представители новѣйшей поэзіи, онъ съ ожесточеніемъ глумился надъ ними, какъ надъ непстовыми романтиками, и смѣшивалъ ихъ съ героями юной французской литературы. *Это противорѣчіе едва-ли не было умышленно, во уваженіе невѣрныхъ отношеній докторанта, желающаго быть докторомъ, и потому, по мѣрѣ возможности, не желающаго противорѣчить закоренѣлымъ предубѣжденіямъ докторовъ.* По этой уважительной причинѣ, г. Надеждинъ вооружился противъ Пушкина всѣми аргументами своей учености, всѣмъ остроуміемъ своихъ „надоумочныхъ“, или, какъ говорили тогда его противники — „недоумочныхъ“ статей. Время и мѣсто не позволяютъ намъ распространиться о его подвигахъ въ ратованіи противъ Пушкина, ибо это длинная и, притомъ, забавная и занимательная исторія, которую мы предоставляемъ себѣ разсказать въ другое время, какъ скоро представится удобный случай. Теперь-же скажемъ только, что, *сдѣлавшись докторомъ и получивъ каѳедру, г. Надеждинъ сдѣлался журналистомъ — и совершенно измѣнилъ свои литературные взгляды и даже орѳо-*

графію: вмѣсто „эсѳетическій“ и „энѳузіазмъ“, сталъ писать „эстетическій“ и „энтузіазмъ“; разбирая „Бориса Годунова“, заговорилъ о Пушкинѣ ужь другимъ тономъ, хотя и осторожно, чтобъ не слишкомъ рѣзко противорѣчить своимъ „падоумочнымъ“ и „эсѳетическимъ“ статьямъ. Во всякомъ случаѣ, г. Надеждинъ—примѣчательное лицо въ нашей литературѣ и заслуживаетъ подробной и основательной оцѣнки, которую мы и предоставляемъ себѣ сдѣлать при случаѣ“.

Но и учитель, съ своей стороны, не чувствовалъ большаго расположенія къ своему ученику, и нерасположеніе это было, повидимому, очень сильно, если заставило Надеждина, за неимѣніемъ какихъ-либо основательныхъ обвиненій противъ Бѣлинскаго, прибѣгать къ той мелочной лжи и клеветѣ, къ которой въ настоящее время такъ часто прибѣгаютъ различные утонченные и щепетильные эстетики въ своихъ отзывахъ о томъ или другомъ молодомъ человѣкѣ.

„До моего знакомства съ Бѣлинскимъ—говоритъ И. Панаевъ въ своихъ Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ — я все разспрашивалъ о немъ у Надеждина, который больной лежалъ тогда (въ 1838 г. *) въ гостинницѣ Демута, только-что вернувшись изъ Усть-Сысольска.

„Надеждинъ, который былъ вообще словоохотливъ, какъ будто избѣгалъ почему-то всякій разъ разговора о Бѣлинскомъ. Когда я разъ спросилъ о его образѣ жизни, о его привычкахъ, Надеждинъ засмѣялся во весь ротъ, обнаруживъ, по обыкновенію, свои десны и сказалъ:

„— Малый онъ съ талантомъ, съ убѣжденіемъ, но въ жизни ужаснѣйшій циникъ. Когда онъ работалъ у меня въ „Телескопѣ“, я нанялъ ему небольшую, но миленькую и чистенькую квартиру съ мебелью, еще съ цвѣтами на окнахъ! Онъ не прожилъ въ ней и недѣли — не могъ — и переселился куда-то на Трубу въ непроходимую грязь...

„Когда я сошелся съ Бѣлинскимъ, я однажды спросилъ его:

„— Что, вы всегда были такой охотникъ до чистоты, какъ теперь?

„— Что это за вопросъ? перебилъ Бѣлинскій.

„Я ему передалъ слова Надеждина. Бѣлинскій расхохотался.

---

*) Слѣдовательно, еще до появленія нелестнаго отзыва Бѣлинскаго о Надеждинѣ.

„— Неужели онъ вамъ говорилъ? вскрикнулъ онъ, весь вспыхнувъ. — Я клянусь вамъ, что ни о какой подобной квартирѣ я отъ роду не слыхивалъ — еще съ цвѣтами! хорошъ господинъ! Вы теперь меня видите и знаете: ну, похожъ-ли я на циника?“

Чтобы понять всѣ противорѣчія, какъ мы встрѣчаемъ въ личности Надеждина, надо взять во вниманіе, что въ этомъ человѣкѣ постоянно боролись три элемента, изъ которыхъ каждый тянулъ его въ свою сторону: въ одно и то-же время онъ вмѣщалъ въ себѣ — высокомѣріе ученаго педанта, карьеризмъ чиновника съ живыми интересами мыслящаго человѣка. Молодость свою провелъ онъ вдали отъ свѣта, въ стѣнахъ московской духовной академіи, погруженный въ сухую, тощую схоластику, отъ вліянія которой не могло избавить Надеждина вполнѣ даже увлеченіе философіей Шеллинга. Съ высоты своей учености, онъ привыкъ смотрѣть на нашу литературу презрительно. Но если, съ одной стороны, онъ былъ правъ, потому что дѣйствительно литература наша была жалка и бѣдна сравнительно съ литературами западной Европы, за то, съ другой стороны, величайшее несчастіе его было то, что онъ не испыталъ на самомъ себѣ той хотя малой доли благотворнаго вліянія, какое производила на его современниковъ эта литература, какъ бы она ни была жалка и бѣдна. Какъ ни жидокъ былъ романтизмъ эпохи Пушкина и Полеваго, но люди, увлекавшіеся имъ искренно и горячо, пріобрѣтали, по крайней мѣрѣ, чувство независимости, которое ставило ихъ въ оппозицію противъ нравственныхъ требованій существующаго порядка, пока они не измѣняли этому чувству. Надеждинъ въ своей ученой отчужденности отъ живаго движенія общества остался чуждъ этого вліянія — ученый-же педантизмъ не могъ избавить его отъ того, если можно такъ выразиться, мандаринства, которымъ были проникнуты въ обществѣ всѣ, находившіеся внѣ сферы романтизма. Стремясь составить ученую карьеру, онъ, конечно, терся болѣе всего въ кружкѣ людей, которые были ему для этого нужны, представителемъ мнѣній которыхъ былъ Каченовскій съ своимъ „Вѣстникомъ Европы“. Въ кружкѣ этихъ людей Надеждинъ привыкъ слышать ожесточенные нападки на романтизмъ — за его безнравственность, растлѣніе молодаго поколѣнія, ведущее къ ниспроверженію всякихъ общественныхъ и семейныхъ порядковъ и пр. Мы далеки отъ предположенія, что Надеждинъ сознательно подлаживался подъ эти мнѣнія съ низкою цѣлію угодить людямъ, отъ которыхъ зависѣла его ученая карьера. Онъ могъ

заразиться этими мнѣніями невольно, тѣмъ болѣе, что при своемъ гелертерствѣ, соединенномъ съ презрѣніемъ къ литературѣ, онъ могъ видѣть, и дѣйствительно видѣлъ, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ въ своей автобіографіи, въ ученыхъ, окружавшихъ его, представителей образованности Россіи. Но въ то-же время Надеждинъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, чтобы закупориться окончательно въ науку, отрѣшившись отъ всего, что̀ дѣлалось вокругъ него. Философія Шеллинга натолкнула и его на тѣ-же мысли, которыя она возбудила въ Веневитиновѣ, Кирѣевскомъ, но эти мысли соединились у Надеждина съ воззрѣніями Каченовскаго, и онъ выступилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ на защиту тенденцій этого журнала методомъ шеллинговой философіи. Этимъ и объясняется громадная разница статей Надеждина въ „Вѣстникѣ Европы“ отъ статей Веневитинова и Кирѣевскаго въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и „Европейцѣ“. У обоихъ этихъ писателей, если вы не видите какихъ-либо опредѣленныхъ и сознательныхъ политическихъ убѣжденій, во всякомъ случаѣ, вы замѣчаете въ нихъ сочувствіе и уваженіе ко всему тому, что̀ носило въ себѣ хотя бы блѣдную тѣнь нравственной независимости. Они нападали на бѣдность нашей литературы и смѣялись надъ сравненіемъ русскихъ писателей съ иностранными, находя, что современная имъ литература производитъ на общество мѣньшее вліяніе, чѣмъ бы они желали; но при этомъ имъ и въ голову не приходило, чтобъ это малое вліяніе было вредное, развращающее, ведущее къ ниспроверженію общественнаго порядка и пр.; напротивъ, они дорожили и тѣмъ вліяніемъ, какое было въ наличности, и съ горячимъ сочувствіемъ относились къ писателямъ, любимымъ публикой. Веневитиновъ напалъ на Полеваго, какъ мы видѣли выше, раньше Надеждина; но въ своей полемикѣ онъ держался въ строгихъ литературныхъ границахъ; онъ нападалъ на Полеваго, какъ на плохого критика, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съумѣлъ оцѣнить въ немъ независимаго человѣка, и когда основался „Московскій Вѣстникъ“, онъ въ письмѣ изъ Петербурга убѣждалъ редакцію этого журнала быть осторожнѣе въ полемикѣ съ Полевымъ въ уваженіе къ особеннымъ достоинствамъ его журнала.

Совершенно обратное отношеніе мы видимъ въ статьяхъ Надеждина. Сквозь нападки на современныхъ писателей съ точки зрѣнія шеллингиста, вы повсюду встрѣчаете строки, которыя были подстать скорѣе писателю полицействующему, каковы были въ то время Гречъ и Булгаринъ, чѣмъ писателю, мало-мальски мысля-

щему. Стоитъ сдѣлать двѣ-три выписки изъ первой статьи Надеждина „Литературныя опасенія“ („В. Европы“, № 22, 1828 г.), произведшій самое сильное впечатлѣніе, чтобы познакомиться съ тономъ и духомъ тенденцій Надеждина. Вы посмотрите, напримѣръ, какіе прозрачные намеки на анархію и ниспроверженіе общественнаго порядка вы встрѣчаете въ отзывѣ Надеждина о Евгеніи Онѣгинѣ Пушкина.

„Par exemple!“ продолжалъ неумолкающій Тлѣнскій *), прихлебнувши изъ чашки: — „ты, конечно, читалъ новую поэму Залетина: Евгеній Четверинскій?“

Я (зажигая лоскутокъ бумажки для расакуренія трубки).—Признаюсь, Богъ еще миловалъ!.. Меня и такъ уже тошнило съ этихъ *Евгеніевъ* **), которыхъ по справедливости надлежало бы назвать кокогеніями или выродками добраго вкуса! Вотъ и этотъ лоскуточикъ принадлежалъ, кажется, одному изъ нихъ.

Тлѣн. Вандалъ! такова-то всегда участь великихъ геніевъ: истинную цѣну узнаетъ только потомство! Но—выслушай, однако, меня!.. Новая поэма, которая, между нами будь сказано, есть Спріусъ литературнаго нашего міра!—овеществляетъ подъ образомъ пылкаго юноши, пресыщеннаго на зарѣ жизни бытіемъ своимъ и попавшагося въ душные Нерчинскіе рудники за произведенное имъ въ пылу безнадежнаго отчаянья смертоубійство и зажигательство (sic!)—она, повторяю тебѣ, овеществляетъ высокую идею объ исполинскихъ силахъ души человѣческой, рано стряхнувшей съ себя оковы прозаической общественной жизни. И сія гигантская мысль какъ мастерски исполнена. Доселѣ вышло только *три* ***) главы поэмы: но *льва по когтю* ****) узнать можно. Какая роскошь въ описаніяхъ! Какое богатство картинъ! Какая вѣрность въ обнаженіи сокровеннѣйшихъ изгибовъ сердца человѣческаго!.. Я пришлю тебѣ завтра мой экземпляръ съ портретомъ автора и почеркомъ руки его. Побереги только дорогой переплетъ...

Я. O tempora! o mores!

Тлѣнскій. О темпоресъ! о морусъ!.. Здѣсь не у мѣста твои греческія цитаціи. Совѣтую тебѣ прочесть новую поэму со вниманіемъ и безъ предубѣжденій: ты увидишь тогда самъ, какъ несправедливы и неосновательны твои восклицанія.

---

*) Статья Надеждина написана въ видѣ разгорора автора съ Тлѣнскимъ, въ которомъ Надеждинъ изображаетъ приверженца романтической школы.

) *) ****) Курсивъ въ подлинникѣ.

Я. Нѣчего читать, любезный! видно сову по полету и ворону по перьямъ. О, бѣдная, бѣдная наша поэзія! долго-ли будетъ ей скитаться по нерчинскимъ острогамъ, цыганскимъ шатрамъ и разбойническимъ вертепамъ?.. Неужели къ области ея исключительно принадлежатъ однѣ мрачныя сцены распутства, ожесточенія, злодѣйства?.. Что̀ за рѣшительная антипатія ко всему доброму, свѣтлому, мелодическому — радующему и возвышающему душу?.. Не такъ думалъ великій Горацій, законодатель и исполнитель творческаго искусства:

Musa dedit fidibus Divos, puerosque Deorum
Et pygilem victorem, et equum certamine primum
Et juvenum curas, et liberà vina referre *).

Вотъ предметы поэзіи! Великіе подвиги и невинныя наслажденія человѣчества!

Süsser Wohllaut schläft in der Saiten Gold:
Der Sänger singt von der Minne Sold,
Er preiset das Höchste, das Beste,
Was das Herz sich wünscht, was der Sinn begehrt **).

Такъ мыслилъ и воспѣвалъ безсмертный Шиллеръ! — Безъ сомнѣнія, буйная игра страстей, какъ *извращенное* ***) отраженіе величія человѣческаго, и каррикатурные гротески смѣшныхъ слабостей и заблужденій, какъ *изнанка* ****) вещественной нашей жизни, могутъ и должны составлять предметъ творческой дѣя-

---

*) Для Тлѣнскаго, какъ первоклассиаго поэта, я безбоязненно цитовалъ мѣста изъ Гораціевой Artis Poeticae, которая, по моему мнѣнію, должна быть, если не кораномъ, то, по крайней мѣрѣ, *Ручною катехетическою книжкой* для всѣхъ нарекающихся поэтами. Незнающимъ латинскаго языка можно рекомендовать прекрасный переводъ *А. Ѳ. Мерзлякова.* Тамъ упомянутые стихи переведены слѣдующимъ образомъ:

Фебъ лирѣ далъ въ удѣлъ безсмертныхъ прославленье
Ихъ чадъ божественныхъ, героевъ награжденье,
Труды и честь бойцевъ, и юности златой
Любезны суэты и Вакха даръ благой!

Прим. Надеждина.

**) По переводу Жуковскаго:

Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ!
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ лирѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце живитъ.

Прим. Надеждина.

) *) Курсивъ въ подлинникѣ.

тельности генія; но подъ какою точкой зрѣнія? Въ идеальномъ свѣтѣ состраданія о несообразности ихъ съ нашимъ достоинствомъ и назначеніемъ! Это-то собственно означаетъ ту эсѳетическую *полировку ощущеній* *) (καθάρσις φοβοῦ καὶ ελέος), которую нѣкогда Аристотель поставлялъ въ необходимый законъ ужасающей трагедіи! А нынѣ? Нынѣ поэзія съ какимъ-то непзъяснимымъ удовольствіемъ бродитъ по вертепамъ злодѣяній, омрачающихъ природу человѣческую; съ какою-то безстыдною наглостью срываетъ покровъ съ ея слабостей и заблужденій, и любуется изведенною на позоръ срамотой наплучшаго созданія Божія... (къ этому ниже онъ прибавляетъ): нынѣ совсѣмъ не то... Наши пѣвцы воздыхаютъ тоскливо о блаженномъ состояніи первобытной дикости и услаждаются живописаніемъ бурныхъ порывовъ неистовства, *покушающагося ниспровергнуть до основанія священный оплотъ общественнаго порядка и благоустройства*".

Не забудьте, что эти строки написаны въ 1828 г.—въ то время, когда воспоминанія 1825 года были еще самыя свѣжія, когда Пушкинъ былъ только-что возвращенъ изъ ссылки, когда каждый русскій журналъ висѣлъ на волоскѣ... Къ довершенію курьёза, въ одной изъ своихъ статей Надеждинъ обзываетъ всѣхъ представителей романтизма, Пушкина, Полеваго и пр. „сонмищемъ нигилистовъ", предвосхищая, такимъ образомъ, пальму первенства у г. Тургенева въ изобрѣтеніи этого термина для означенія имъ всего выходящаго изъ границъ, безпорядочнаго, взбалмошнаго, анархическаго... Однимъ словомъ, читая статьи Надеждина, вы словно переноситесь изъ двадцатыхъ годовъ въ наше время, съ тою только разницей, что писателей, запрещающихся въ наше время въ училищахъ и считающихся нигилистами, въ то время еще не существовало, а считались нигилистами и запрещались въ училищахъ поэты въ родѣ Пушкина, Дельвига, Баратынскаго, на которыхъ современные педагоги смотрятъ, какъ на столпы благонамѣренности. Но отсутствіе всякаго литературнаго такта и приличій со стороны Надеждина не ограничивалось одними только опасеніями относительно ниспроверженія разныхъ священныхъ оплотовъ, а простерлось до того, что онъ дозволилъ подъ одною изъ своихъ статей помѣстить примѣчаніе Каченовскаго совсѣмъ ужь не литературнаго свойства. Дѣло въ томъ, что послѣ статьи въ „Телеграфѣ", подъ псевдонимомъ Бенигны, въ которой опровер-

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

галось всякое значеніе Каченовскаго, послѣдній помѣстилъ подъ статьей Надеждина „Откликъ съ Патріаршихъ Прудовъ“ слѣдующее примѣчаніе:

„Здѣсь приличнымъ почитаю объявить, что препираться съ Бенигной я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, *предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ гиривато произвола сего Бенины и всѣхъ прочихъ*. Я даже не читалъ бы статьи телеграфической, еслибъ *не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю честь продолжать оную*“.

Эти другія мѣры состояли въ томъ, что Каченовскій обратился съ жалобами на Полеваго къ разнымъ начальствамъ, цензурнымъ и сверхцензурнымъ; жалобы эти не имѣли послѣдствій, но подняли порядочную бурю въ литературѣ, при чемъ не малая тѣнь пала и на Надеждина. Конечно, онъ не былъ тутъ ни въ чемъ виноватъ активно, но, во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ показываетъ полное отсутствіе въ Надеждинѣ всякаго чутья литературной чести, потому что какой-же бы писатель, обладающій хоть каплей подобнаго чутья, рѣшился бы участвовать въ журналѣ, издатель котораго позволяетъ себѣ подобнаго рода вылазки за предѣлы литературной полемики, не говоря уже о томъ, чтобы терпѣть подъ своею статьей примѣчанія въ родѣ вышеприведеннаго.

При такомъ способѣ веденія полемики со стороны противниковъ, естественно, что Полевому весьма трудно было поддерживать полемику, направляя ее туда, куда слѣдовало. Роль Полеваго въ этой полемикѣ была во всѣхъ отношеніяхъ печальна. Съ одной стороны, противникъ побѣждалъ его въ томъ, въ чемъ былъ безспорно сильнѣе его, т.-е. въ учености и въ болѣе зрѣлыхъ философскихъ основаніяхъ своей критики. А между тѣмъ, слабыя стороны этого самаго противника, его литературная безтактность и отсутствіе чутья литературныхъ приличій, были совершенно недоступны для открытаго нападенія со стороны Полеваго при цензурныхъ условіяхъ того времени, и Полевой по необходимости долженъ былъ ограничиваться нападеніями на слогъ, орѳографію, педантизмъ и тому подобныя вещи, предоставляя читателю уже самому догадываться, что подъ этими мелочами скрывается нѣчто другое... Мы видѣли сейчасъ, что даже и такіе невинные напад-

ки повели ученыхъ противниковъ Полеваго къ обвиненію Полеваго въ неблагонамѣренности.

Вышедши на самостоятельное поприще, сдѣлавшись профессоромъ теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ и издателемъ „Телескопа“, Надеждинъ избавился мало-по-малу отъ вреднаго вліянія на него отсталыхъ педантовъ московскаго университета, измѣнилъ свои литературныя симпатіи и антипатіи, ему перестали уже мерещиться въ русской литературѣ *мрачныя преисподни губительнаго нигилизма*, о Пушкинѣ онъ началъ отзываться благосклонно, въ полемикѣ противъ Полеваго держался въ литературныхъ предѣлахъ и пересталъ допускать въ свои статьи полицейскіе пріемы. Но при всемъ томъ, въ „Телескопѣ“ до самаго появленія въ немъ молодыхъ писателей, сохранялся затхлый духъ мертвой схоластики и сухаго педантизма. Идеи Шеллинга развивались въ этомъ журналѣ, какъ и на лекціяхъ Надеждина, преимущественно въ приложеніи къ эстетикѣ, и вопросъ о чувствѣ изящнаго стоялъ въ немъ на первомъ планѣ. Въ статьяхъ Надеждина впервые мы видимъ, что чувство изящнаго разсматривается не какъ только одинъ изъ элементовъ человѣческой природы, обусловливающій поэтическое творчество, а какъ всеобщій факторъ воспитанія и жизни. Хотя въ то время не было еще такихъ враговъ чистаго искуства, какіе появились впослѣдствіи, но Надеждинъ какъ будто предвидѣлъ ихъ, и въ своей статьѣ „Необходимость, значеніе и сила эстетическаго образованія“ („Телескопъ“, 1831 г. № 10), онъ приводитъ слѣдующія возраженія противъ предполагаемыхъ противниковъ эстетическаго образованія:

„Изящныя искусства, разсматриваемыя сами по себѣ отдѣльно, могутъ легко показаться игрушками, вымышляемыми досужею изобрѣтательностью на забаву и нѣгу праздности; и тогда много-много уже, если имъ, по снисхожденію, оставляется служебное преимущество: усыпать цвѣтами скорбный путь нашей жизни, осіявать отраднымъ веселіемъ чело, осѣненное мрачными думами, и навѣвать освѣжающее успокоеніе сердцу, изнуренному тяжкими заботами. Но сія, чисто посторонняя и случайная польза, не всегда и не для всѣхъ еще достигаемая, въ очахъ строгихъ ревнителей человѣческаго достоинства естественно не можетъ искупать вреда, причиняемаго ихъ злоупотребленіемъ: почему не удивительно, что *изящныя искусства* *), и вмѣстѣ съ ними всякое

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

эстетическое образованіе *), осуждались и прежде на пренебреженіе и гибли, приносимыя въ жертву или гражданской дѣятельности, какъ въ древнія суровыя времена республиканскаго Рима, или умственному утонченію, какъ въ средніе мрачные вѣка схоластической іерархіи. Но это пренебреженіе не можетъ имѣть мѣста, если изящныя искусства будутъ представляться въ истинномъ ихъ свѣтѣ, какъ необходимыя условія *эстетическаго образованія* **). *Эстетическое образованіе* ***) есть довершеніе и вѣнецъ нашей жизни: безъ него наша человѣческая природа вызрѣть не можетъ. Оно должно оканчиваться поэзіей жизни, которая есть ни что иное, какъ полное, гармоническое развитіе всѣхъ струнъ человѣческаго бытія нашего. Не будь этого развитія — струны сіи никогда не издадутъ полныхъ и свѣтлыхъ звуковъ. Вся жизнь наша превратится тогда въ протяжную монотонію, хладную и мрачную. Въ нашихъ дѣйствіяхъ слышенъ будетъ тяжелый скрипъ механической работы: наши познанія будутъ отзываться унылою пустотой чахлаго педантизма. Безъ *эстетическаго образованія* ****) мы не можемъ вполнѣ наслаждаться блаженствомъ человѣческаго бытія нашего!..“

Эти мысли представляютъ сущность воззрѣній Надеждина; онѣ имѣютъ для насъ тѣмъ болѣе важности, что онѣ горячо воспринялись учениками покойнаго профессора и впослѣдствіи отразились на цѣломъ поколѣніи, представителемъ котораго былъ кружокъ Станкевича.

Напирая преимущественно на эстетику, въ политическомъ отношеніи „Телескопъ“ представлялъ полнѣйшую безхарактерность, отражая въ этомъ отношеніи безхарактерность самого издателя, и допускалъ на свои страницы оттѣнки всевозможныхъ мнѣній. Тутъ вы встрѣтите оппозиціонный романтизмъ начинавшаго уже въ то время Искандера рядомъ съ эстетическимъ индиферентизмомъ кружка Станкевича, католическимъ мистицизмомъ Чадаева и казеннымъ патріотизмомъ Шевырева съ Погодинымъ. Имена этихъ двухъ писателей особенно часто встрѣчаются въ „Телескопѣ“. Поступивши почти въ одно время съ ними въ число московскихъ профессоровъ, и раздѣляя съ ними одни и тѣ-же философскія воззрѣнія, Надеждинъ естественно сблизился со своими товарищами; очень можетъ быть, что если не по ихъ совѣту, то, во всякомъ случаѣ, въ виду близкаго ихъ участія и сотрудничества, На-

*) **) ***) ****) Курсивъ въ подлинникѣ.

деждинъ основалъ свой журналъ. По всей вѣроятности, вѣянію духа этихъ писателей „Телескопъ“ обязанъ быть мнѣніями въ родѣ нижеслѣдующаго:

„Въ жизни русскаго народа были также моменты, когда внутренняя полнота его, почивающая въ безмятежной тишинѣ, воздымалась, потрясенная чудною силой, и являясь во всей роскоши сокровеннаго своего могущества. Къ чести русскаго духа должно сознаться, что сила, производящая въ немъ сіи чудныя потрясенія, достойна великаго народа. Это любовь къ отечеству! Только сіе высокое и святое чувство могло колебать эту великую громаду исполинскихъ силъ и вызывать ее къ полной жизни. У другихъ націй, сіи достопримѣчательныя эпохи всеобщаго движенія бываютъ обыкновенно слѣдствіями внутренняго разъединенія, всколыханная страстями жизнь раздѣляется на многія гряды волнъ, другъ другу враждебныя, другъ друга поборающія: отсюда междоусобное остервененіе, осквернение престоловъ и алтарей, разрушеніе всѣхъ общественныхъ связей, пятнающее любопытнѣйшія страницы въ лѣтописяхъ народовъ. Не такъ бываетъ съ народомъ русскимъ. Его всеобщее пробужденіе можетъ быть только слѣдствіемъ напряженнаго сосредоточія всѣхъ силъ его. Русскій человѣкъ, неумѣющій составлять для себя отдѣльную атмосферу бытія, можетъ потрясаться только общимъ колебаніемъ сферы, къ коей принадлежитъ, можетъ жить полною жизнью только въ единствѣ жизни отечества. И тогда-то обнаруживаются всѣ тайны его русской природы: всѣ струны русской его души издаютъ звуки полные, свѣтлые, могущественные. Смыслъ его жизни совершенно разгадывается: онъ является истиннымъ гражданиномъ и истиннымъ семьяниномъ, когда становится русскимъ“ („Рославлевъ или русскіе въ 1812 г.“ Критика, статья II, стр. 219. „Телеск.“, 1831 года, № 14).

Въ заключеніе характеристики десятилѣтняго періода (1825—35) нашего развитія, который по всей справедливости можетъ быть названъ періодомъ шеллингистовъ, я считаю необходимымъ сдѣлать общій очеркъ положенія идей, партій и направленій въ литературѣ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, т.-е. въ то время, когда на литературное поприще выступили новыя силы въ лицѣ Бѣлинскаго, Лермонтова, Кольцова, Гоголя и пр.

Впродолженіе всего этого періода, реакція если не дошла еще до тѣхъ печальныхъ крайностей, до которыхъ достигла она въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, во всякомъ случаѣ, она успѣла уже заявить себя, въ особенности послѣ польской революціи тридцатаго года. Общество представляло въ это время картину безропотной, безусловной, рабской покорности передъ всѣмъ, что̀ только ни дѣлалось въ средѣ его. Оно было преисполнено хроническаго страха, заставлявшаго людей шопотомъ говорить о каждомъ предметѣ самаго невиннаго свойства, хоть сколько-нибудь превышавшемъ уровень обыденности. Нѣмая апатія и скука царствовали повсюду, и, казалось, не было исхода изъ этого царства всеобщаго сна, застоя и беззастѣнчиваго произвола. Среди всего этого мрака и сна едва теплился чуть мерцающій огонекъ свѣта, пробивалась, журча, чуть слышно, живая струйка: это было философское броженіе умовъ въ нѣсколькихъ литературныхъ кружкахъ, и недаромъ это броженіе сосредоточилось въ стѣнахъ Москвы. Въ то время, какъ въ Петербургѣ все, что̀ только было мыслящаго, выбыло изъ строя, въ московскомъ затишьѣ уцѣлѣли многія личности прежняго закала. Какъ прежде Москва была сосредоточіемъ опальнаго, неслужилаго дворянства, такъ и теперь всѣ, которые не хотѣли служить, которымъ было „прислуживаться тошно“, удалялись въ Москву, гдѣ административное око не было такъ бдительно, какъ въ Петербургѣ, гдѣ общество, изстари привыкшее къ эксцентрическимъ проявленіямъ барской прихоти, не удивлялось столь-же иногда эксцентрическимъ проявленіямъ независимой мысли, гдѣ Чадаевъ, сложа руки гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ, могъ безнаказано *сердить оторопьвшихъ аристократовъ и православныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намѣренно заморожеными,* и эти люди ѣздили къ нему, и звали его на свои рауты; гдѣ славянофилы впослѣдствіи могли наряжаться въ народные костюмы и являться въ нихъ въ барскія гостиныя проповѣдывать возвращеніе къ народнымъ началамъ. Среди степного хлѣбосольства, барской праздности и распущенности, философскіе споры и пререканія служили немалымъ развлеченіемъ отъ скуки, и подъ вліяніемъ шеллингистовъ, московскія гостиныя переполнились преніями о судьбахъ европейской и русской цивилизаціи, о необходимости усвоенія западной образованности или проникновенія народными началами. Все это движеніе, какъ читатели могли убѣдиться изъ многочисленныхъ вы-

писокъ, которыя мы ему представили въ двухъ послѣднихъ главахъ, стояло на чисто-отвлеченной почвѣ общихъ, міровыхъ вопросовъ о судьбахъ цивилизаціи, не заключая въ себѣ ни малѣйшихъ опредѣленныхъ политическихъ тенденцій, никакого побужденія къ критическому анализу окружающей жизни; если нѣсколько передовыхъ людей и желали освобожденія крестьянъ и нѣкоторыхъ другихъ реформъ, то, во всякомъ случаѣ, они таили эти мечты про себя, боясь ихъ высказывать кому-либо даже наединѣ. Но такой уже характеръ имѣла реакція того времени, что для нея казалось опаснымъ уже и то, что въ обществѣ были люди, которые не хотѣли служить, и имѣли дерзость самостоятельно мыслить и заниматься въ своей частной жизни, чѣмъ имъ вздумается. Вмѣсто того, чтобы восхищаться всѣмъ русскимъ, и ставить Россію во главѣ Европы, они осмѣлились увѣрять людей, что Россія отстала отъ Европы, что она — государство не европейское, а азіатское, что передовые люди ея лишены всякаго философскаго образованія, литература мелка и пуста, и что, подражая во всемъ Западу, мы перенимаемъ отъ него дурного болѣе, чѣмъ хорошаго. Все это были одни слова, слова и слова — и слова-то самаго, въ сущности, невиннаго свойства. При мало-мальски разумной свободѣ и терпимости, эти люди могли бы смѣло быть предоставлены самимъ себѣ, и трудно было бы придумать болѣе мирныхъ, благонамѣренныхъ гражданъ съ ихъ скромными занятіями философскими науками и эстетическимъ созерцаніемъ. Но реакція' видя опасность въ одномъ уже романтическомъ стремленіи къ индивидуальной свободѣ чувства, мысли и воли, сама создавала себѣ оппозицію; преслѣдуя въ этихъ философахъ и эстетикахъ опасныхъ либераловъ, она убѣждала и общество въ томъ, что въ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, таится оппозиція, и многіе изъ философовъ привыкли смотрѣть на себя, какъ на либераловъ. Создавши, такимъ образомъ, сама себѣ врага, реакція пошла далѣе: отъ 1831 до 1836 года были запрещены четыре изданія („Европеецъ", „Денница", „Телескопъ", „Телеграфъ"), издававшіяся подъ весьма строгою цензурой, несмѣвшія и заикаться о чемъ-либо политическомъ. Но движеніе, несмотря на строгія мѣры, шло cresendo все болѣе и болѣе, обращая на себя вниманіе общества и захватывая кругъ его все обширнѣе и обширнѣе. Въ концѣ разсматриваемаго нами періода движеніе это начало уже изъ общаго и неопредѣленнаго хаоса различныхъ мнѣній развѣтвляться на опредѣленныя категоріи и направленія. Такъ, статья Кирѣевскаго „XIX

вѣкъ“ и письмо Чадаева выдѣлили славянофиловъ изъ общаго движенія и заставили ихъ сомкнуться въ отдѣльный кружокъ, который, хотя еще и не вступалъ въ открытую вражду съ западниками, но дѣятельно началъ вести пропаганду своихъ идей въ московскихъ кружкахъ и гостиныхъ. Замѣчательно, что и въ то время уже славянофилы, не имѣвшіе еще печатнаго органа, любили прибѣгать для выраженія своихъ симпатій и заявленій къ обѣдамъ съ высокопарными спичами и декламаціями. Такъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, былъ въ Москвѣ проѣздомъ панславистъ Гай, игравшій потомъ какую-то неясную роль, какъ кроатскій агитаторъ, и въ то-же время близкій человѣкъ Бана Іелачича. Ему не трудно было разжалобить москвичей судьбою страждущей и православной братіи въ Далмаціи и Кроаціи; огромная подписка была сдѣлана въ нѣсколько дней и, сверхъ того, Гаю былъ данъ обѣдъ во имя всѣхъ сербскихъ и русняцкихъ симпатій. За обѣдомъ, одинъ изъ важнѣйшихъ по голосу и по занятіямъ славянофиловъ, разгоряченный, вѣроятно, тостами за черногорскаго владыку, за разныхъ великихъ босняковъ, чеховъ и словаковъ, импровизировалъ стихи, въ которыхъ было слѣдующее, не вовсе христіанское выраженіе:

Упьюся я кровью мадьяровъ и нѣмцевъ,

всѣ неповрежденные съ отвращеніемъ услышали эту фразу. По счастію, остроумный статистикъ Андросовъ выручилъ кровожаднаго пѣвца: онъ вскочилъ съ своего стула, схватилъ десертный ножикъ и сказалъ: „Господа, извините меня, я васъ оставлю на минуту; мнѣ пришло въ голову, что хозяинъ моего дома, старикъ настройщикъ Дицъ — нѣмецъ; я сбѣгаю его припрѣзать и сейчасъ возвращусь“. Громъ смѣха заглушилъ негодованіе.

Между тѣмъ, какъ славянофилы проявляли свои симпатіи и антипатіи въ такихъ воинственныхъ крикахъ, профессоръ Надеждинъ своими лекціями и „Телескопомъ“ направлялъ молодое поколѣніе на чисто эстетическіе и литературные вопросы и въ половинѣ тридцатыхъ годовъ художественно-созерцательное и философски-рефлективное направленіе, въ свою очередь, начало выдѣляться все опредѣленнѣе и рѣзче — особенно когда Бѣлинскій началъ свою дѣятельность.

При всемъ различіи взглядовъ и направленій, московскіе литературные кружки, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, сходились въ одномъ: въ ожесточенной враждѣ къ Петербургу за тотъ давящій

духъ сухаго, механическаго бюрократизма, который царствовалъ въ его стѣнахъ, за тотъ узкій, практическій матеріализмъ, который съ холодною насмѣшкой встрѣчалъ всякое горячее увлеченіе какими бы то ни было идеями, но болѣе всего за его литературу. И Москва была права во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Обще печальное положеніе вещей нигдѣ не давало себя чувствовать такъ сильно, какъ въ Петербургѣ. Были въ этомъ городѣ свои литературные и ученые кружки, но они не только не представляли собою какого-либо свѣжаго, обновляющаго движенія, но, напротивъ того, самое печальное разложеніе нравовъ.

Петербургскіе литераторы этого времени дѣлились на двѣ категоріи. Съ одной стороны, здѣсь отживало нѣсколько литературныхъ знаменитостей, каковы были Жуковскій, Крыловъ, а потомъ и Пушкинъ. Это были писатели-аристократы, какъ потому, что на нихъ смотрѣли съ благоговѣніемъ, какъ на столпы русской литературы, такъ и потому, что они вращались постоянно въ великосвѣтскомъ обществѣ. Къ писателямъ этой категоріи относились также князь Вяземскій, графъ Сологубъ и князь В. Одоевскій. Но послѣдняго не слѣдуетъ смѣшивать съ остальными, упомянутыми нами. Вотъ какъ характеристически изображаетъ И. Панаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ неизмѣримую противоположность, какая существовала между княземъ Одоевскимъ и прочими великосвѣтскими писателями. „Духъ касты, аристократическій духъ внесенъ былъ такимъ образомъ и въ литературу. Аристократическіе литераторы держали себя съ недоступною гордостью и вдалекѣ отъ остальныхъ своихъ собратій, изрѣдка относясь къ нимъ только съ вельможескою покровительственностью. Пушкинъ, правда, былъ очень ласковъ и вѣжливъ со всѣми, какъ я уже говорилъ, но эта утонченная вѣжливость была, быть можетъ, признакомъ самаго закоренѣлаго аристократизма. Его, говорятъ, приводило въ бѣшенство, когда какія-нибудь высшія лица принимали его, какъ литератора, а не какъ потомка Аннибалла, передъ кѣмъ...

Громада кораблей всплывала
И палъ впервые Наваринъ.

„Князь Одоевскій, напротивъ, принималъ каждаго литератора и ученаго съ искреннимъ радушіемъ и протягивалъ дружески руку всѣмъ выступавшимъ на литературное поприще, безъ различія сословій и званій. Одоевскій желалъ все обобщать, всѣхъ сблизжать, и радушно открылъ двери свои для всѣхъ литераторовъ. Онъ хо-

тѣлъ показать своимъ свѣтскимъ пріятелямъ, что, кромѣ избранниковъ, посѣщающихъ салонъ Карамзиной, въ Россіи существуетъ еще цѣлый классъ людей, занимающихся литературой. Одинъ изъ всѣхъ литераторовъ-аристократовъ, онъ не стыдился званія литератора, не боялся открыто смѣшиваться съ литературною толпой, и за свою страсть къ литературѣ терпѣливо сносилъ насмѣшки своихъ свѣтскихъ пріятелей, которымъ не было никакого дѣла до литературы и которые вовсе не хотѣли сближаться съ людьми не своего общества... Свѣтскіе люди на вечерахъ Одоевскаго окружали обыкновенно хозяйку дома, а литераторы были биткомъ набиты въ тѣсномъ кабинетѣ хозяина, заставленномъ столами различныхъ формъ и заваленномъ книгами, боясь заглянуть въ салонъ... Цѣлая бездна раздѣляла этотъ салонъ отъ кабинета...“

Ко второй категоріи петербургскихъ литераторовъ принадлежали писатели ремесленники... Но довольно сказать, что во главѣ ихъ могли стоять Гречъ съ Булгаринымъ, а впослѣдствіи Сенковскій, чтобы опредѣлить, каковы были литературные кружки въ это время въ Петербургѣ. Они состояли изъ издателей-спекулянтовъ какого-нибудь альманаха, униженно кланявшихся и выпрашивавшихъ стишковъ у того или другаго корифея литературы; изъ чиновниковъ, пописывавшихъ на досугѣ стишки или поспвшихъ въ „Сынъ Отечества“ статейки, не ожидая за нихъ вознагражденія и довольныхъ вполнѣ, если трудъ ихъ былъ напечатанъ. Это былъ омутъ, въ которомъ вращались безъ толку и смыслу минутныя знаменитости того времени въ родѣ Воейкова, Кукольника, Бенедиктова, Тимофѣева, Каменскаго, Ершова и проч. и проч. Въ этотъ кагалъ переселился доживать свой вѣкъ и Полевой. Все это сплетничало, пило, пило, сплетничало, ссорилось, мирилось, опять ссорилось, выставляло свои ссоры на показъ передъ публикой въ видѣ мелочной, придирчивой полемики, въ которой тѣмъ менѣе было смыслу, что она возбуждалась не чѣмъ инымъ, какъ только личными дрязгами безъ малѣйшихъ слѣдовъ столкновенія какихъ-либо убѣжденій или направленій. Нѣтъ ничего мудренаго, что изъ этого мутнаго броженія ничего не могло выйти къ концу разсмотрѣннаго нами періода, кромѣ „Библіотеки для Чтенія“ Сенковскаго.

Собственно говоря, „Библіотека для Чтенія“ была вызвана такою-же живою потребностью въ журнальной литературѣ, какою былъ обусловленъ и успѣхъ „Телеграфа“. Съ тѣхъ самыхъ поръ,

какъ литература, освободившись отъ меценатства, встала лицомъ къ лицу передъ публикой, на чисто коммерческую почву, она естественно увидѣла себя въ необходимости во что бы то ни стало удовлетворять вкусамъ, потребностямъ, интересамъ той массы, отъ которой теперь окончательно сталъ зависѣть сбытъ книжнаго товара. Но при этомъ новомъ положеніи вещей тотчасъ-же опредѣлились двѣ категоріи писателей, совершенно различно смотрѣвшихъ на книжное дѣло. Для однихъ книжное дѣло было не одною только отраслью торговли, но могущественнѣйшимъ орудіемъ просвѣщенія и развитія общества, источникомъ всевозможнаго прогресса. Имъ казалось, что недостаточно только сбывать выгодно книги, удовлетворяя вкусамъ, потребностямъ и интересамъ общества, какъ это дѣлаетъ любой фабрикантъ съ своимъ производствомъ; вкусы общества могутъ быть дурны, потребности ложны, интересы мелки и жалки — и первая обязанность писателя развивать и возвышать общество въ его вкусахъ, потребностяхъ и интересахъ. Другая-же категорія писателей въ успѣшномъ сбытѣ книжнаго товара видѣла альфу и омегу литературнаго производства; ради успѣха эти писатели готовы были принижаться до удовлетворенія самыхъ грубыхъ вкусовъ и самыхъ мелкихъ интересовъ публики, не только не помышляя о ея умственномъ развитіи, но, напротивъ того, развращая ее и укореняя ее въ невѣжествѣ. Таково было большинство петербургскихъ писателей этого времени и „Библіотека для Чтенія“ послужила выразительницей этого рода литераторовъ. При этомъ величайшею опасностью для успѣшнаго хода развитія общества представлялось въ глазахъ мыслящихъ людей того времени то обстоятельство, что этотъ журналъ при своемъ появленіи грозилъ сдѣлать безспильною всякую конкуренцію съ нимъ и воцариться надъ всею литературой. Причиной такихъ опасеній было то, что издатели журнала съ коммерческой точки зрѣнія съумѣли обставить изданіе весьма ловко и умно, употребивши всѣ средства для привлеченія къ нему публики. Въ то время, какъ большинство журналовъ того времени издавалось на жалкія средства небогатыхъ писателей, почему журналы были тощи, издавались на сѣрой бумагѣ, выходили неисправно, ежеминутно грозя прекращеніемъ, „Библіотета для Чтенія“ оперлась на солидную фирму Смирдина, книгопродавца и издателя, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ массѣ публики, такъ что публика смѣло могла положиться на финансовую прочность изданія. Въ программѣ журнала были имена всевозможныхъ знаменитостей того

времени; казалось, что вся литература готова была слиться въ одномъ изданіи. Объявленіе о появленіи журнала было написано въ самомъ хвастливомъ тонѣ „безстыдно-самохвальномъ“, какъ выражается Бѣлинскій, а „Сѣверная Пчела“ къ этому еще успѣла ввернуть и свой полицейскій патріотизмъ, объявивши, что кто не подпишется на „Библіотеку“, тотъ не патріотъ, тотъ не любитъ отечества, не желаетъ ему добра, что тотъ ренегатъ, измѣнникъ... Когда-же появились первые нумера „Библіотеки“, то, не говоря объ изяществѣ изданія, однимъ своимъ объемомъ и величиной, этотъ журналъ представлялся Левіаѳаномъ среди массы своихъ тощенькихъ, маленькихъ, сѣренькихъ собратій. Естественно, что публика бросилась на это изданіе и вскорѣ число подписчиковъ на „Библіотеку“ дошло до небывалаго еще до того времени количества 5,000. Но сдѣлавши все возможное для внѣшности журнала, издатель въ то-же время ни мало не позаботился о томъ, чтобы и внутреннее содержаніе журнала соотвѣтствовало этой внѣшности. Да и какъ было ему позаботиться объ этомъ? Самъ онъ былъ человѣкъ чисто коммерческій и достоинство литературныхъ дѣятелей могъ оцѣнивать только по количеству книжекъ, раскупаемыхъ публикой; что-же касается до выбора хорошаго и добросовѣстнаго редактора, то чѣмъ онъ могъ руководствоваться въ этомъ выборѣ? Движеніемъ идей въ публикѣ? Но такого движенія еще не было. Если умственные интересы и были въ ней пробуждены, то, во всякомъ случаѣ, они были крайне смутны и неопредѣленны; публика требовала умственной пищи, но ей было еще рѣшительно все равно, что̀ бы ей ни дали. Что-же касается движенія идей въ литературныхъ кружкахъ, то здѣсь-то и былъ главный камень преткновенія... Литературные кружки въ Петербургѣ были въ это время до такой степени дрянны, мелки, безсодержательны, что кого бы ни выбралъ изъ нихъ Смирдинъ, вышло бы въ результатѣ то-же самое, если еще не хуже... Въ Сенковскомъ Смирдинъ видѣлъ профессора, обладающаго авторитетомъ огромной учености, ловкаго разскащика, владѣющаго легкимъ слогомъ и остроуміемъ. Это одно показываетъ, что выборъ Смирдина не былъ лишенъ всякой основательности: онъ выбралъ лучшаго редактора, какой только могъ представиться ему въ Петербургѣ, и если этотъ лучшій оказался человѣкомъ безъ всякихъ убѣжденій, основывавшемъ всѣ свои литературныя сужденія на личныхъ симпатіяхъ, антипатіяхъ и побужденіяхъ мелочнаго самолюбія, шарлатаномъ, привлекавшемъ непросвѣщенную публику плос-

кими шуточками и легкомысленною болтовней, то въ этомъ была вина не Смирдина, а той среды, въ которой человѣкъ, въ родѣ Сенковскаго, могъ представляться дѣйствительно лучшимъ. Мнѣ кажется, что многіе приписываютъ лично Сенковскому такое, что̀ было въ то время общимъ въ средѣ, въ которой онъ находился. Такъ, напримѣръ, обвиняютъ Сенковскаго въ безсовѣстно нагломъ и даже мефистофельско-зломъ глумленіи надъ невѣжествомъ публики, когда онъ Кукольника ставилъ рядомъ съ Байрономъ и Гёте, В. Зотова съ Лермонтовымъ, на Гоголя смотрѣлъ, какъ на русскаго Поль-де-Кока и пр. Но не надо при этомъ забывать, что подобныя критическія сужденія принадлежали не одному Сенковскому, а господствовали въ массѣ петербургскихъ писателей того времени. Когда Кукольникъ читалъ своего Торквато-Тасса въ литературныхъ кружкахъ, его превозносили до небесъ и имя его постоянно ставили рядомъ съ именами М. Глинки и К. Брюлова — смотря на эти три имени, какъ на тріумвиратъ искусствъ того времени. На Лермонтова смотрѣли, какъ на писателя еще начинающаго, также какъ и на Бенедиктова, В. Зотова, Бернета, Ершова, Тимофѣева и многихъ другихъ, и на всѣхъ ихъ возлагали равныя надежды, ожидая въ нихъ будущихъ Пушкиныхъ; не менѣе легкомысленно смотрѣли и на Гоголя, цѣня въ немъ не болѣе, какъ веселаго разскащика, обладающаго искусствомъ возбуждать смѣхъ, и не видѣли большой разницы между его произведеніями и комическими повѣстями барона Брамбеуса. Однимъ словомъ, каковъ былъ приходъ, таковъ былъ и попъ.

Мы не намѣрены входить въ подробную оцѣнку дѣятельности Сенковскаго, на томъ основаніи, что дѣятельность эта оцѣнена уже со всѣхъ сторонъ, сначала Бѣлинскимъ, потомъ авторомъ „Очерковъ гоголевскаго періода“, и прибавить что-либо новое къ этимъ оцѣнкамъ мы ничего не имѣемъ. Такъ-какъ цѣль нашей статьи не подробное разсмотрѣніе всѣхъ литературныхъ явленій выбраннаго нами періода безъ исключенія, а только обозрѣніе общаго хода умственнаго развитія въ нашемъ обществѣ, то мы имѣли бы полное право и совсѣмъ не упоминать о Сенковскомъ съ его „Библіотекой для Чтенія“, еслибы намъ не понадобилось это упоминаніе для болѣе нагляднаго представленія того печальнаго растлѣнія литературныхъ нравовъ, какое мы встрѣчаемъ въ Петербургѣ послѣ 1825 года, растлѣнія, дошедшаго до самой безстыдной эксплуатаціи публики, которая была молода, свѣжа, съ юношескимъ жаромъ стремилась къ прогрессу и имѣла только

несчастіе быть невѣжественною и неопытною въ выборѣ умствдной пищи, а потому и рисковала попасть въ лапы книжныхъ барышниковъ и легкомысленныхъ фѣльетонныхъ паяцевъ, которые набросились на нее съ жадностью, въ виду легкой поживы. Въ то печальное время не одна „Библіотека для Чтенія“, „Сѣверная Пчела“ и „Сынъ Отечества“ подвизались на поприщѣ эксплуатаціи невѣжества публики — Сенковскихъ развелось тогда многое множество. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ выше Сенковскаго Владиславлевъ со своею „Утреннею Зарей“, который, ничего не платя своимъ сотрудникамъ, распространялъ въ то-же время свое изданіе въ значительномъ количествѣ почти силой, пользуясь протекціей начальства. Или чѣмъ-же не Сенковскій былъ Плюшаръ со своимъ „Энциклопедическимъ Словаремъ“, доведеннымъ до буквы *В* и заключающемъ въ себѣ порядочные курьёзы, Башуцкій, со своею „Панорамой С.-Петербурга“ и tutti quanti. И если хотите, то „Библіотека для Чтенія“ подъ редакціей Сенковскаго, какъ наиболѣе крупное и выдающееся явленіе среди массы подобныхъ ему, явленіе въ журнальномъ мірѣ грандіозное для того времени, и представлявшееся, по своему успѣху, грознымъ для другихъ журналовъ, принесло свою, хотя бы и косвенную, чисто-отрицательную пользу. Надо замѣтить, что въ то время, люди мысли, смотрѣвшіе на журнальное дѣло, какъ на дѣло народнаго образованія, и заботившіеся прежде всего о серьёзномъ содержаніи журналовъ, въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ слишкомъ мало заботились какъ о внѣшности своихъ изданій, такъ и объ искусствѣ придавать журналу разнообразіе и занимательность; они судили о публикѣ по себѣ, и совершенно забывали, что учить ее можно, только забавляя и завлекая, что прежде, чѣмъ подписчикъ прочтетъ дѣльную статью, надо, чтобы былъ самый подписчикъ. Не говоря уже о томъ, что, при возростающей потребности въ журнальной литературѣ въ массѣ публики, журналы издавались все въ такомъ-же мизерномъ видѣ, въ какомъ они существовали въ блаженныя времена бородинскаго боя, передовые люди умственнаго движенія, увлекшись философскими и эстетическими вопросами, стали наполнять журналы почти подъ рядъ туманно-философскими статьями русскаго издѣлія, историческими изысканіями, эстетическою критикой, которая, конечно, далеко не вся была такъ талантлива, занимательна и вліятельна, какъ критика Бѣлинскаго. Стоитъ только пересмотрѣть книжки „Московскаго Вѣстника“, „Телескопа“ и „Московскаго Наблюдателя“,

чтобы понять причину ограниченнаго числа подписчиковъ, какимъ пробавлялись всѣ эти журналы. При всей дѣльности, журналы эти были крайне сухи и однообразны, и выказывали въ редакторахъ полное незнаніе того, какъ привлекать публику къ журналу. Мы уже замѣтили выше, что г. Погодинъ окончательно засушилъ „Московскій Вѣстникъ“ своею исторіей. Но и молодой Бѣлинскій со своими друзьями оказалъ такую-же неопытность въ журнальномъ дѣлѣ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, который и основанъ-то былъ именно въ видахъ оппозиціи противъ „Библіотеки для Чтенія“. Не говоря уже о томъ, что въ то время трудно было разсчитывать на успѣхъ журнала, посвященнаго исключительно философско-эстетическимъ вопросамъ, вы можете встрѣтить среди нумеровъ „Наблюдателя“ такія книжки, которыя были заняты невыносимо сухими статьями, представляющими кропотливыя ученыя изысканія на счетъ частныхъ вопросовъ по русской исторіи, такъ что, вмѣсто журнальныхъ книжекъ, подписчики получали спеціально-ученые сборники, которые, конечно, не разрѣзывали. Естественно, что ни одно изданіе въ такомъ видѣ не могло выдержать конкуренціи съ „Библіотекой для Чтенія“. Чтобы противопоставить этому пустому и бездѣльному журналу журналъ дѣльный и полезный, необходимо было, чтобы послѣдній издавался въ такомъ-же объемѣ книжекъ, былъ столь-же занимателенъ, разнообразенъ и такъ-же изященъ по своей внѣшности, и мы видимъ, что „Библіотека для Чтенія“ сдѣлала рѣшительный переворотъ, какъ въ наружной физіономіи журналовъ, такъ и въ расположеніи журнальныхъ отдѣловъ. Къ концу тридцатыхъ годовъ окончательно исчезли прежніе миніатюрые, карманные журнальцы на сѣренькой бумажкѣ въ восьмушку; а вновь возникавшія періодическія изданія печатались уже по образцу „Библіотеки для Чтенія“, въ такомъ-же форматѣ, объемѣ, съ такими-же разнообразными отдѣлами, однимъ словомъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ существуютъ журналы и въ наше время. Второю, немаловажною заслугой „Библіотеки для Чтенія“ или, сказать точнѣе, Смирдина, было то, что Смирдинъ первый увеличилъ плату за журнальныя статьи; онъ сдѣлалъ это, правда, не въ какихъ иныхъ видахъ, какъ чисто коммерческихъ, въ надеждѣ пріобрѣсти хорошихъ сотрудниковъ, но этимъ онъ безсознательно произвелъ реформу въ томъ отношеніи, что поставилъ литературный трудъ въ то положеніе, которое хоть сколько-нибудь соотвѣтствовало измѣненію литературныхъ нравовъ. Дѣло въ томъ, что прежде плата

за журнальный трудъ считалась дѣломъ не только пустымъ и маловажнымъ, но и въ нѣкоторомъ отношеніи унизительнымъ для писателя. Одни изъ писателей слишкомъ высоко стояли, чтобы унижаться до грошовыхъ разсчетовъ съ издателями журналовъ; другіе въ романтическомъ увлеченіи смотрѣли на творческій трудъ, какъ на трудъ неоцѣненный, и видѣли профанацію небеснаго акта творчества въ оцѣнкѣ его на прозаическія ассигнаціи, считая единственнымъ достойнымъ вознагражденіемъ поэта славу среди современниковъ и безсмертіе въ потомствѣ. Но какъ, впрочемъ, идеально ни объясняли писатели двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ свою безсребренность, главная и чисто реальная причина ея заключается въ томъ, что литературный трудъ не успѣлъ еще выдѣлиться, какъ особенный и самостоятельный промыселъ; большинство писателей основывали свое благосостояніе на различныхъ другихъ отрасляхъ промышленности: они были прежде всего помѣщиками, профессорами, чиновниками, военными, писателями-же были такъ только, между прочимъ, на досугѣ, и потому не особенно обращали вниманіе на финансовое положеніе литературнаго труда. Но въ серединѣ тридцатыхъ годовъ въ литературныхъ кругахъ все чаще и чаще начали встрѣчаться люди бѣдные, ничѣмъ не обезпеченные и въ то-же время стремившіеся всю свою дѣятельность посвятить литературѣ. Однимъ словомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ литература, освободившись отъ покровительства, встала на коммерческую почву, и литературный трудъ долженъ былъ придти въ ту-же норму; и въ особенности необходимость такого условія должна была ощущаться писателями съ мало-мальски независимыми мнѣніями: они не могли не убѣждаться горькими опытами, что хотя бы они избѣгали зависимости прямого покровительства, но служба и всякая другая профессія, отнимая время отъ ихъ литературнаго труда, въ то-же время грозитъ связать ихъ мысль и поставить ихъ въ зависимость отъ начальства, еще болѣе тяжелую и произвольную, чѣмъ зависимость отъ патрона. Въ этомъ отношеніи поднятіе цѣны литературнаго труда, совершенное по иниціативѣ Смирдина, было несомнѣнною заслугой для успѣха развитія литературы какъ, съ одной стороны, тѣмъ, что поставило литературу на болѣе самостоятельную почву, сдѣлавши возможнымъ существованіе литературнаго труда въ видѣ отдѣльной отрасли промышленности, такъ, съ другой стороны, тѣмъ, что облегчило приливъ новыхъ и свѣжихъ силъ на поприще литературы изъ тѣхъ слоевъ общества, въ

которыхъ наиболѣе развита энергія труда и борьбы. Казалось бы, что такое нововведеніе должно было обрадовать всѣхъ современниковъ, если не вслѣдствіе особенной ихъ проницательности относительно важности будущихъ послѣдствій его, то, по крайней-мѣрѣ, по тому простому и весьма не замысловатому чувству довольства, какое естественно ощущаетъ каждый человѣкъ, когда является возможность прибавленія въ его карманъ лишняго рубля; но такъ было сильно развитіе романтизма въ то время, такъ, съ другой стороны, были укоренившись прежніе барскіе порядки въ литературѣ, что нововведеніе Смирдина поразило многихъ непріятно и явились такіе безсребренные и близорукіе пессимисты, которые видѣли въ этомъ нововведеніи опасность, грозящую литературѣ окончательнымъ ея паденіемъ. По ихъ мнѣнію, печальное состояніе петербургской литературы отъ того собственно и зависѣло, что, съ поднятіемъ платы за литературный трудъ, писатели развратились и, вмѣсто того, чтобы безкорыстно бесѣдовать съ музами въ тиши кабинетовъ, не помышляя о земномъ и тлѣнномъ, только и заботятся о томъ, какъ бы побольше написать и побольше получить денегъ. Съ такими опасеніями за судьбу литературы выступилъ, въ 1836 году, пр. Шевыревъ въ своемъ „Московскомъ Наблюдателѣ“, посвятивши этому предмету цѣлую статью подъ заглавіемъ „Словесность и горговля“.

„Нашъ писатель — говоритъ Шевыревъ въ этой статьѣ — то, что̀ можно сказать однимъ словомъ, выражаетъ предложеніемъ, а предложеніе, достаточное для мысли, вытягиваетъ въ длинный-предлинный періодъ, въ убористую страницу, страницу—въ огромный листъ печатный... Его слогъ, какъ проволока, можетъ до безконечности вытягиваться. Но въ чемъ тайна всего этого? Въ томъ, что цѣна печатнаго листа есть двѣсти или триста рублей; что каждый эпитетъ въ статьѣ его цѣнится, можетъ быть, въ гривну, каждое предложеніе есть рубль; каждый періодъ, смотря по длинѣ, есть синяя или красная ассигнація!..

„На журналы — говоритъ ниже г. Шевыревъ — я смотрю, какъ на капиталистовъ. „Библіотека для Чтенія“ имѣетъ для меня пять тысячъ душъ подписчиковъ; „Сѣверная Пчела“, можетъ быть, вдвое. Замѣчательно, что эти журналы еще въ томъ сходятся съ богачами, что любятъ хвастаться всенародно своимъ богатствомъ. И эти души подписчиковъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ оброчныя: за ними никогда нѣтъ недоимки; онѣ платятъ впередъ,

и всегда чистыми деньгами, и всегда на ассигнаціи. Вотъ ѣдетъ литераторъ въ новыхъ саняхъ: ты думаешь, это сани. Нѣтъ, это статья „Библіотеки для Чтенія“, получившая видъ саней, покрытыхъ медвѣжьею полостью, съ богатыми серебряными кистями. Вся эта бронза, этотъ коверъ, этотъ лакъ, чистый и опрятный — все это листы этой дорого заплаченной статьи, принявшіе разные виды саннаго издѣлія. Литераторъ хочетъ дать обѣдъ, и жалуется, что у него нѣтъ денегъ. Ему говорятъ: напиши повѣсть и пошли въ „Библіотеку“, вотъ и обѣдъ.

„Вызови на страшный судъ того писателя, котораго первый романъ, внушенный вдохновеніемъ честнымъ и приготовленный долгимъ трудомъ, завоевалъ вниманіе публики! Спроси совѣсть его о второмъ, о третьемъ, о четвертомъ его романѣ! вслѣдствіе чего они явились? Не насильно-ли онъ выпросилъ ихъ у непокорнаго вдохновенія, у невнимательной исторіи? Не отразился-ли онъ всѣмъ напряженіемъ силъ своихъ противъ условій музы, чтобы только воспользоваться свѣжестью перваго успѣха? Его насильственное второе, болѣе насильственное третье и четвертое вдохновеніе не было-ли плодомъ того безотчетнаго, но сладкаго чувства, что романъ теперь самая вѣрная спекуляція?“

Противъ подобныхъ сѣтованій и опасеній выступилъ въ „Телескопѣ“ молодой, только-что начинавшій тогда писатель, студентъ, исключенный изъ университета за слабость способностей и нерадѣніе, и разбилъ ученаго профессора слѣдующими словами:

„Но что-же этимъ хотѣлъ сказать почтенный критикъ? Не противорѣчитъ-ли онъ самому себѣ? Теперь наши литераторы въ чести, живутъ своимъ ремесломъ, а не посторонними и чуждыми ихъ призванію трудами: это прекрасно, это должно радовать. Теперь талантъ есть богатое наслѣдство, онъ уже не ропщетъ на несправедливость судьбы, онъ уже не завидуетъ праву знатнаго происхожденія, доставляющаго всѣ выгоды, всѣ блага жизни: это утѣшительно, это отрадно! Но полно, правда-ли, что „наша литература даетъ обѣды, живетъ въ чертогахъ, ходитъ по коврамъ, ѣздитъ въ каретахъ, въ лаковыхъ саняхъ, кутается въ медвѣжью шубу, въ бекешъ съ бобровымъ воротникомъ, возвышаетъ голосъ на аукціонахъ опекунскаго совѣта, покупаетъ имѣнія... Нѣтъ-ли въ этихъ словахъ преувеличенія, гиперболъ? Не слишкомъ-ли далеко увлекся авторъ въ своемъ благородномъ негодованіи? Или

не смѣшиваетъ-ли онъ вещей, ложно принимая одну за другую? Правда, намъ извѣстны два или три романиста, которые обезпечили на всю жизнь свое состояніе своими первыми романами, но это было еще до основанія „Библіотеки“: за что-же взводить на нее небывалыя вины, когда у ней бывалыхъ много? „Иванъ Выжигинъ“ явился въ то время, когда еще наша литература не была торговлей, когда она была во всемъ цвѣту своемъ. Вслѣдъ за „Иваномъ Выжигинымъ“ появились „Юрій Милославскій“, „Дмитрій Самозванецъ“, „Рославлевъ“, „Послѣдній Новикъ“; „Библіотека“ явилась уже послѣ нихъ. Повѣстями-же и журнальными статьями, даже при усиленной дѣятельности, можно только жить кое-какъ, но объ обезпеченіи своего состоянія нельзя и думать. Спрашиваю г. Шевырева: изъ участвующихъ въ „Библіотекѣ“ помѣстилъ-ли хотя кто-нибудь болѣе двухъ или трехъ статей въ годъ?.. А на три статьи, какъ бы онѣ дороги ни были, право, не нажпвешь чертоговъ, не заведешь кареты, много-развѣ купишь сани, да безъ лошадей на нихъ далеко не уѣдешь... Гдѣ-жь логика, гдѣ справедливость? Странное дѣло, какъ сильно овладѣла г. Шевыревымъ ложная мысль, что въ нашъ вѣкъ поэты и литераторы превратились въ какихъ-то великихъ моголовъ!?. Нѣтъ, г. критикъ, будемъ радоваться отъ искренняго сердца тому, что теперь талантъ и трудолюбіе даютъ (хотя и не всѣмъ) честный кусокъ хлѣба!.. И въ этомъ отношеніи „Библіотека для Чтенія“ заслуживаетъ благодарность, а не упрекъ. Но вы видите въ этомъ вредъ для успѣховъ литературы; вы говорите, что наши вторые романы бываютъ какъ-то хуже первыхъ, третьи хуже вторыхъ, что наши повѣсти водяны, періоды длинны, обременены безъ нужды эпитетами, глаголами, дополненіями: все это правда, во всемъ этомъ я согласенъ съ вами, но вы ошибаетесь въ причинѣ этого явленія. Вспомните, что каждый стихъ Пушкина обходился книгопродавцамъ въ красненькую, если не больше, а вѣдь стихи Пушкина отъ этого нисколько не стало хуже; вспомните, что за „Пиковую даму“ и „Княжну Мими“ „Библіотека“ заплатила деньгами, ассигнаціями, а вы сами хвалите эти повѣсти. Вотъ вамъ самый простой и убѣдительный фактъ. Онъ доказываетъ, что истинный талантъ не убиваютъ деньги, что

Не продается сочиненье,
Но можно рукопись продать!“

Подобныя слова, исполненныя простого здраваго смысла, были не-

слыханнымъ явленіемъ въ то время. И замѣчательно, что эти слова высказалъ человѣкъ, принадлежащій еще въ то время самъ къ школѣ Шевырева, романтикъ, идеалистъ, эстетикъ. Что-же это былъ за человѣкъ, который, при всемъ своемъ романтизмѣ, такъ просто и здраво могъ глядѣть на вещи и такъ реально понимать ихъ значеніе? Это былъ Бѣлинскій. А въ чемъ заключались особенности этого человѣка, которыя во многихъ отношеніяхъ выдѣляли его надъ окружающими его людьми и сдѣлали его столь знаменитымъ въ исторіи нашей литературы — это мы увидимъ въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Преобладающіе типы молодежи тридцатыхъ годовъ и ихъ соотвѣтствіе со средой умственнаго движенія. — Карамзинская сентиментальность, воскресшая подъ видомъ романтическаго прекраснодушія. — Кружокъ Станкевича. — Прекраснодушіе его членовъ, элементы развитія и симпатіи кружка.—Дѣтство Бѣлинскаго.—Обстановка жизни его въ Москвѣ. — Его личныя особенности сравнительно съ прочими членами кружка. — Страсть Бѣлинскаго къ полемикѣ и недовольство этимъ Станкевича. — Взгляды Бѣлинскаго въ первый періодъ его дѣятельности (1834—1836). — Вліяніе на Бѣлинскаго шеллингистовъ и Н. А. Полеваго. — Свѣтлыя и темныя стороны литературной дѣятельности Бѣлинскаго въ этотъ періодъ.—Его общественные взгляды; французоѣдство и германофильство.—Теорія непроизвольнаго творчества и отличіе ея отъ теоріи чистаго искусства. — Мысли Бѣлинскаго о различіи поэзіи реальной отъ идеальной. — Еще нѣсколько словъ о спорѣ Бѣлинскаго съ Шевыревымъ по поводу статьи „Литературная торговля“. — Общія заключенія о первомъ періодѣ дѣятельности Бѣлинскаго.

Въ третьей главѣ мы имѣли случай замѣтить, что съ передвиженіемъ центра умственнаго движенія изъ великосвѣтскихъ круговъ въ среду несановитаго дворянства, должны были измѣниться и нравственные идеалы, которые зависятъ не отъ одного только чисто логическаго процесса умственнаго развитія, но имѣютъ глубокое соотвѣтствіе съ условіями быта среды, въ которой совершается умственное движеніе.

Казалось бы, что, слѣдуя хронологическому порядку, мы должны были бы отъ Евгенія Онѣгина перейти немедленно къ Печорину и начать разбирать его, какъ идеальный типъ, преобладавшій въ тридцатые годы на томъ основаніи, что Лермонтовъ назвалъ Пе-

чорина героемъ своего времени, современники-же его не возражали противъ этого и на Печорина смотрѣли, дѣйствительно, какъ на любимаго своего героя.

Но если мы будемъ анализировать минувшую жизнь не по однимъ поэтическимъ произведеніямъ, а обратимъ вниманіе на дѣйствительные факты разбираемой намъ эпохи, то при этомъ насъ должно поразить слѣдующее явленіе: мы увидимъ, что въ 30-ые и 40-ые годы дѣйствительно было не мало Печориныхъ. Но всѣ они и были явленіемъ далеко не новымъ, они повторяли зады, воплощая въ себѣ идеалъ, хорошо извѣстный русскому обществу уже въ двадцатые годы. Въ то-же самое время вовсе не они стояли во главѣ умственнаго движенія своей эпохи, не они двигали русскую мысль. Истинные-же герои своего времени, представители умственнаго движенія сороковыхъ годовъ, смотрѣли на Печориныхъ только со стороны; они по своему анализировали этотъ типъ, восхищались имъ, по свойственному романтикамъ обыкновенію любоваться всѣмъ картинно и эффектно выдающимся, но сами въ то-же время были представителями иного типа, нисколько не похожаго на печоринскій.

Причина такого явленія заключается въ томъ, что всякаго рода хищные типы производятся не иначе, какъ при слѣдующихъ двухъ условіяхъ жизни: или подъ условіемъ жизни, до послѣдней степени подавленной, лишенной всякихъ человѣческихъ правъ, ежеминутно оскорбляющей человѣка и доводящей его, наконецъ, до крайняго озлобленія и ожесточенія, или-же, напротивъ того, подъ условіемъ привычки къ необузданному произволу, сознанія безусловной высоты и силы надъ всѣмъ окружающимъ. Естественно, что въ то время, какъ хищные типы первой категоріи, т.-е. озлобленные, преобладаютъ въ низшихъ, угнетенныхъ слояхъ общества, типы второго разряда — избалованные и пресыщенные, напротивъ того, нигдѣ не встрѣчаютъ такой удобной почвы для своего развитія, какъ въ великосвѣтскомъ кругѣ, въ высшихъ, привилегированныхъ классахъ общества. Не даромъ пѣвецъ этихъ типовъ, лордъ Байронъ, былъ представителемъ самой могущественнѣйшей и богатѣйшей аристократіи въ Европѣ. Наше высшее дворянство хотя и никогда не соотвѣтствовало англійскому лордству, не имѣя ни той свободы, ни тѣхъ правъ и могущества, которыя придавали бы титаническій видъ самой ничтожной посредственности, а мало-мальски талантливой личности предоставляли неограниченный просторъ для какого хотите широкаго

разгула личной воли и фантазіи; но, во всякомъ случаѣ, оно было и свободнѣе, и независимѣе всѣхъ другихъ слоевъ общества. За неимѣніемъ могущества, основаннаго на правахъ, оно обладало могуществомъ привиллегій, богатствъ и связей, что ставило его во всякомъ случаѣ на неизмѣримую высоту передъ рабски приниженною, угнетенною, безсильною толпой. Присоедините къ тому обаянію, какое производитъ на неразвитыхъ людей богатство, соединенное съ титуломъ, еще бо̀льшее обаяніе свѣтскаго лоска и утонченности и прибавьте къ этому острый тонкій умъ, исполненный скептической ироніи подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка, то передъ вами самъ собою обрисуется всепобѣждающій, демоническій типъ, напоминающій байроновскихъ героевъ, властитель думъ и сердецъ нашихъ бабушекъ. Да и впослѣдствіи, въ 30-е, 40-е годы столичный высшій свѣтъ, нѣкогда представитель образованности въ Россіи, хотя и оскудѣлъ умственно, тѣмъ не менѣе продолжалъ еще по старой традиціи (для весьма многихъ и до сихъ поръ продолжаетъ) сохранять такое обаяніе, что стоило мало-мальски свѣтскому человѣку изъ столицы появиться въ провинціи, и онъ тотчасъ же дѣлался всеобщимъ кумиромъ провинціальнаго общества, предметомъ обожанія со стороны женщинъ и поневолѣ дѣлался всепобѣждающимъ героемъ, хотя бы по своей натурѣ не заключалъ въ себѣ ничего титаническаго и хищническаго. Вспомните только того весьма обыденнаго князя, который волей-неволей разыгралъ роль Печорина въ повѣсти г. Тургенева „Дневникъ лишняго человѣка“, отбивши у героя героиню ни чѣмъ инымъ, какъ только обаяніемъ своего титула, несмотря на всѣ усилія со стороны героя увлечь героиню чтеніемъ русскихъ поэтовъ и эстетикой.

Въ то время, какъ свѣтское общество создавало такимъ образомъ хищные типы въ силу одного уже того обаянія, какое оно производило на простыхъ смертныхъ, почва несановитаго, захолустнаго дворянства средней руки была самою неплодородною почвой для печоринства и производила типы совершенно инаго рода. Представьте себѣ жизнь обезпеченную, довольную, сытую до нельзя, и въ то-же время совершенно замкнутую въ узкомъ кругѣ семейно-патріархальныхъ отношеній и мелкихъ матеріальныхъ заботъ. Безмолвная тишина полей и лѣсовъ, мирные патріархальные уголки тѣнистыхъ усадебъ, спрятанныхъ какъ будто отъ всего міра и всѣми забытыхъ — все въ этой жизни располагало скорѣе къ лѣни, сну, маниловски-сладенькой мечтательности

и буколически-сентиментальной созерцательности, чѣмъ къ хищной печорпнской жаждѣ преобладанія и разрушенія. Юнымъ героемъ этого соннаго царства являлся до-нельзя откормленный Митрофанушка или Ильюша Обломовъ, счастливый, довольный баловень всѣхъ домочадцевъ, окруженный цѣлою толпой нянюшекъ, мамушекъ, дядекъ, лакеевъ, горничныхъ, которые безъ замедленія исполняютъ всѣ его прихоти, одѣваютъ, обуваютъ, кормятъ, поятъ и спать укладываютъ. Папенька прочитъ своего возлюбленнаго непремѣнно въ дипломаты, маменька мечтаетъ о гусарскомъ мундирѣ, гости наперерывъ предугадываютъ въ мальчикѣ будущаго генія, а Митрофанушка ни о чемъ не думаетъ, бѣгаетъ по лѣсамъ и лугамъ, охотится, удитъ и питается. Таково было дѣтство большинства передовыхъ людей сороковыхъ годовъ. Такъ, напримѣръ, въ біографіи Станкевича мы читаемъ: „это былъ мальчикъ веселый, здоровый и необычайно-рѣзвый; деревенскій просторъ и относительная свобода, данная ребенку отцомъ его, развили въ немъ рѣзвость до того, что онъ сдѣлался для своихъ нянюшекъ, дядекъ и даже для посѣтителей дома почти тѣмъ, что̀ французы называютъ „enfant terrible“. Далѣе біографъ разсказываетъ, какой характеръ имѣли шалости этого деревенскаго „enfant terrible: „разсказываютъ, что, стоя однажды на балконѣ деревенскаго дома, онъ увидалъ внизу отца, который разговаривалъ на крыльцѣ съ почтеннымъ купцомъ, обладавшимъ лысиной необыкновеннаго размѣра; лысина эта тотчасъ-же привлекла вниманіе молодаго Станкевича, и онъ никакъ не могъ воспротивиться искушенію плюнуть на нее сверху, что̀ и исполнилъ къ ужасу купца и къ совершенному недоумѣнію родныхъ. Въ другой разъ рѣзвость Станкевича была причиной пожара, истребившаго до тла отцовскую деревню, ту Удеревку, которая такъ часто приводится въ его перепискѣ. Будучи семи лѣтъ, онъ досталъ гдѣ-то ружье, пробрался на чердакъ дома и выстрѣлилъ въ кровлю. Кровля загорѣлась, и вскорѣ вѣтеръ разнесъ плямя по всей деревнѣ. Цѣлый день не могли отыскать мальчика: онъ убѣжалъ въ сосѣднюю рощу и собирался тамъ расположиться на житье, какъ дикій человѣкъ“.

Между тѣмъ какъ Станкевичъ, выкидывая такіе подвиги, проводилъ дни и недѣли на охотѣ и дома даже постоянно пребывалъ въ обществѣ лягавыхъ собакъ, другая знаменитость того времени — Грановскій „любилъ стропть и брать крѣпости, предводительствуя строемъ своихъ сверстниковъ, былъ охотникъ до-

бывать птицъ изъ гнѣздъ на высокихъ деревьяхъ, ловить голубей. Пѣтушій бой былъ зрѣлищемъ, за которымъ ребенокъ слѣдилъ съ страстнымъ увлеченіемъ". „Т. Н. Грановскій въ зрѣломъ возрастѣ любилъ припоминать тѣ обстоятельства, которыя высказывали некрасивыя черты его ребяческаго характера. Такъ онъ разсказывалъ, что у родителей его была служанка сварливая и часто бивавшая дочь свою Агашу, на куклы которой онъ посматривалъ не безъ зависти. Вотъ, баринъ, говорила ему Агаша, когда мать забьетъ меня до смерти, вамъ достанутся мои куклы, и онъ нетерпѣливо ждалъ и думалъ: когда-же мать забьетъ Агашу и когда достанутся ему ея куклы? Однажды съ толпой крестьянскихъ мальчиковъ онъ осаждалъ устроенную ими крѣпость. Онъ карабкался по лѣстницѣ, когда одинъ изъ мальчиковъ отдернулъ ее, и онъ, свалившись на землю, ушибся такъ, что болѣлъ довольно долго послѣ этой осады. Онъ никому не открывалъ причины своего ушиба, но умѣлъ извлекать для себя пользу изъ случившагося; онъ обращался къ виновнику своей болѣзни съ требованіями различныхъ услугъ, добывалъ черезъ него лакомства, заставлялъ его исполнять всѣ свои желанія, зная, что тотъ не могъ отказать ему ни въ чемъ изъ опасенія открытія его вины".

Мы представляемъ эти весьма непривлекательные факты дѣтства двухъ знаменитостей сороковыхъ годовъ вовсе не для того, чтобы унизить эти знаменитости и уменьшить ихъ достоинства и значеніе въ дѣлѣ нашего развитія; мы имѣемъ въ виду только наглядно показать читателю, каково было воспитаніе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ усадьбахъ нашихъ несановитыхъ помѣщиковъ. И мы видимъ, что воспитаніе это не подвинулось особенно далеко послѣ фонвизинскаго времени; по прежнему, оно лишено было всякихъ гуманныхъ началъ и ограничивалось однимъ кормленіемъ. Подъ вліяніемъ такого воспитанія, человѣкъ, вступая въ тотъ отроческій возрастъ, когда впервые пробуждается мысль когда чувство и воображеніе начинаютъ усиленно дѣйствовать, впадалъ въ такъ-называемое прекраснодушіе: все, что̀ окружало его, представлялось ему въ розовомъ цвѣтѣ, люди, все-таки, добрые, ласковые, любезные, природа такъ упоительна, все бы любовался ею; настоящее такъ весело и полно, будущее такъ свѣтло и радужно... „Гдѣ-же зло на землѣ?" думалъ юноша, и оно казалось ему гдѣ-то далеко за горами, въ видѣ чудовищъ, отъ которыхъ юношу тщательно охраняетъ мудрое и благомыслящее правительство и благоустройство образованнаго гражданскаго обще-

ства... Даже все то, что̀ вовсе не пахло такимъ благоустройствомъ, юноша умѣлъ обратить въ хорошую сторону и смотрѣлъ одинаково свѣтлымъ взглядомъ на самыя мрачныя черты окружавшей его жизни. Если онъ слышалъ вдали стоны и вопли наказываемыхъ въ конюшнѣ крестьянъ и дворовыхъ, ему тотчасъ-же представлялся образъ строгаго, но милостиваго до ангельской доброты родителя, который умѣетъ карать, но умѣетъ и миловать и который своею строгостью приноситъ пользу этимъ людямъ; иначе они погибли бы. Если родитель по цѣлымъ ночамъ игралъ въ карты, проигрывая деревню за деревней, то въ глазахъ юноши онъ развлекался на досугѣ отъ своихъ хозяйственныхъ заботъ и трудовъ въ потѣ лица... За этимъ первымъ періодомъ безусловнаго прекраснодушія, слѣдовалъ второй періодъ прекраснодушія сентиментально-эстетическаго. Въ этомъ періодѣ юноша представлялъ уже зло не за горами, а находилъ его вокругъ себя, но подъ вліяніемъ окружающей его среды и условій быта онъ составлялъ своеобразныя понятія о различіи добра отъ зла. Съ одной стороны, передъ нимъ былъ міръ изящно утонченныхъ манеръ, изысканной любезности, тонкаго эстетическаго вкуса и сентиментально-нѣжныхъ чувствъ, однимъ словомъ, ароматный міръ салоновъ, бальныхъ залъ и будуаровъ; съ другой стороны, грубый неотесанный, утопающій въ невѣжествѣ и буянствѣ міръ непросвѣщенной толпы и черни. Основывая все свое міросозерцаніе на развитіи чувства изящнаго въ отдѣльныхъ личностяхъ, юноша все подводилъ подъ эту формулу индивидуализма: если мужикъ пьянствовалъ и билъ жену, то это дѣлалъ онъ не потому, что былъ озлобленъ, раздраженъ, доведенъ до звѣрства, однимъ словомъ, испорченъ и искаженъ подъ вліяніемъ нищеты и угнетенія, какъ это можетъ случиться съ каждымъ человѣкомъ, подъ вліяніемъ дурныхъ обстоятельствъ на какой хотите высокой степени развитія, а отъ того, что въ мужикѣ не развито тѣхъ эстетическихъ и гуманныхъ чувствъ, которыми преисполненъ дядюшка Кузьма Андрепчъ; если-же этотъ гуманный дядюшка и заушалъ иногда своего лакея Прошку, то это онъ дѣлалъ только въ минуты вспыльчивости, какъ отступленіе отъ своихъ гуманныхъ правилъ; къ тому-же, Прошка хоть кого могъ вывести изъ терпѣнія и заставить забыть все на свѣтѣ. Если мелкій чиновникъ бралъ взятку, то, опять-таки, это происходило не отъ чего инаго, какъ отъ того, что у него недоставало эстетическаго развитія, что у него не было такихъ высокихъ, прекрасныхъ идеаловъ, которые

показали бы ему все нравственное ничтожество его поступковъ. Точно также и среди помѣщиковъ, конечно, вывелись бы звѣрскіе типы истязателей своихъ крѣпостныхъ, еслибы во всѣхъ равно было развито чувство изящнаго (но при этомъ, опять-таки, папенька и дяденька тщательно выгораживались и эстетическое чувство допускало имъ посѣкать иногда крестьянъ ради острастки или строгости, необходимой съ этими людьми, лишенными всякихъ человѣческихъ понятій).

Въ періодъ такого прекраснодушія, особенно подъ вліяніемъ всеобщаго удивленія относительно геніальности мальчика и возлаганія на него блестящихъ надеждъ, у юноши начинали уже въ головѣ мелькать неясныя, но грандіозныя мечтанія о томъ, какъ современемъ онъ сдѣлается великимъ человѣкомъ и всю свою жизнь посвятитъ на пользу отечества на военной, государственной службѣ или на поприщѣ науки, искусства. Но въ то время, какъ эти мечтанія въ самыхъ общихъ и весьма неопредѣленныхъ чертахъ рисовались въ воображеніи юноши, на первомъ планѣ стояла у него жизнь чисто внутренняя, созерцательная, жизнь, въ которой чувство и воображеніе не имѣли никакихъ предѣловъ и преобладали надо всѣмъ. Увлекаясь, по старой традиціи, идеалами Карамзина и Жуковскаго, а при знаніи нѣмецкаго языка, зачитываясь Шиллеромъ, юноша высшій нравственный идеалъ свой полагалъ въ развитіи той сентиментальной чувствительности, которая должна была непремѣнно возбуждаться при всякомъ маловажномъ случаѣ. Главными проявленіями такой чувствительности считались наслажденіе природой, дружба и любовь. Въ силу этого юноша старался непремѣнно проливать слезы, глядя на закатъ солнца или увяданіе листьевъ осенью; онъ выбиралъ себѣ среди своихъ товарищей и сверстниковъ особенное существо, такъ-называемаго *друга*, въ которомъ находилъ симпатію его души со своею, и окружалъ особеннымъ обожаніемъ, о которомъ въ наше прозаическое время трудно себѣ составить понятіе. „Я вызывалъ симпатію—говорилъ одинъ изъ передовыхъ людей сороковыхъ годовъ въ воспоминаніяхъ объ этомъ періодѣ своего развитія—потому что не было мѣста въ одной груди вмѣстить все, волновавшее ее. Мнѣ надобна была другая душа, которой я могъ бы высказать свою тайну; мнѣ надобны были глаза, полные любви и слезъ, которые были бы устремлены на меня; мнѣ надобенъ былъ другъ, къ которому я могъ бы броситься въ объятія и въ объятіяхъ котораго мнѣ было бы просторно, вольно...“ При такихъ представ-

леніяхъ дружбы, естественно, что стоило другу отлучиться на время въ сосѣдній городъ, и тотчасъ-же проливались горкія слезы разлуки, міръ пустѣлъ, жизнь становилась несносною, постылою и юноша бродилъ въ тоскѣ, уныло повѣся голову. Если-же другъ долго не писалъ, то начинались новыя мученія. „Другъ!—восклицаетъ Станкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Н—ву — благодарю Бога, который сохранилъ тебя мнѣ! О, еслибы ты зналъ, что̀ волновало меня! Получавши отъ тебя всегда письма почти каждую недѣлю, вдругъ не получать почти мѣсяцъ, знать, что болѣнъ, подозрѣвать Богъ знаетъ что̀! Я боялся писать къ тебѣ; боялся, что лицо, которому я повѣрю мои чувства... одинъ призракъ, одно имя! Ты можешь представить мое положеніе. Вчера приходилъ ко мнѣ твой Гаврило: я не могъ его видѣть; сказалъ ему: горе, готовъ былъ ревѣть. Послалъ Ивана къ Мел... не получалъ-ли онъ какого извѣстія? Нѣтъ“. Но еще болѣе занимали сердце юноши мечтанія о любви. Въ любви юноша полагалъ всю сущность своего существованія, альфу и омегу жизни, и любовь грезилась юношѣ не иначе, какъ въ раздирательномъ и ужасномъ видѣ. „Другъ!—восклицаетъ Станкевичъ въ одномъ изъ писемъ къ тому-же Н—ву—я хотѣлъ бы одной бури. Пусть я останусь въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ теперь, но я хотѣлъ бы перемѣны въ душѣ, хотѣлъ бы любви, любви грозной, палящей! Пускай бы опустошительный огонь ея прошелъ по всему ничтожному бытію моему, разрушилъ слабыя узы, которыми оно опутано, испепелилъ томительное горе и разсѣялъ безпокойные призраки, блуждающіе во мракѣ душевномъ! Я бы воскресъ, я бы ожилъ! Еслибы эта любовь была самая несчастная... Кажется, все я былъ бы лучше. Но да будетъ воля Божья! Можетъ быть, я не постигаю бѣдствій такой любви!“ Представляя себѣ любовь въ такомъ ужасномъ видѣ—чѣмъ-то въ родѣ губительной эпидеміи, готовой опустошительнымъ огнемъ разрушить слабыя узы бытія, юноша, между тѣмъ, только о томъ и думалъ, какъ бы поскорѣе испытать подобный всеразрушающій недугъ, ежедневно ожидая роковой встрѣчи: „Смѣшно, а правда — говоритъ Станкевичъ въ одномъ изъ писемъ — съ дѣтства привыкъ я на балѣ ожидать сверхъестественнаго, какой-то важной катастрофы въ жизни—думаешь случайно встрѣтиться съ единственнымъ созданіемъ, которое совершенно наполнитъ душу!“ Въ ожиданіи такой встрѣчи, юноша создавалъ въ головѣ своей идеалъ женщины, облекая его въ такія радужныя краски, что въ дѣйствительности, конечно, онъ ничего

не могъ найти подобнаго. „Но какой прекрасный призракъ въ душѣ!—восклицаетъ Станкевичъ—все, что міръ представлялъ мнѣ свѣтлаго, божественнаго, сосредоточилось въ этомъ призракѣ. Прототипъ женщины основался въ сердцѣ моемъ, идеалъ невольно составился, но я не думаю искать его; эта несчастная привычка фантазировать о совершенствѣ". При такомъ идеальномъ представленіи женщины, юноша или воплощалъ свой идеалъ въ первую встрѣчную женщину и потомъ горько разочаровывался, или-же пренебрегалъ сочувствіемъ дѣвушки, которая сама по себѣ была достойна глубокой и страстной любви, но имѣла только несчастіе не соотвѣтствовать вполнѣ слишкомъ ужь требовательному идеалу юноши.

Въ прекраснодушіи подобнаго рода у насъ привыкли многіе видѣть всю сущность романтизма и представляютъ себѣ романтика не иначе, какъ въ видѣ Александра Адуева гончаровскаго романа, этой пародіи на прекраснодушное юношество. Но, въ сущности, прекраснодушіе далеко не исчерпываетъ собою всего романтическаго развитія; оно составляетъ одну только фазу его, за которою слѣдуетъ тотъ періодъ борьбы и раздвоенности, въ которомъ заключается высшая точка развитія романтическаго броженія и начало исхода изъ него. Періодъ прекраснодушія начался въ нашемъ обществѣ со временъ Карамзина и Жуковскаго, которые до сѣдыхъ волосъ остались представителями плаксивой сентиментальности и ребяческой экзальтаціи. Лучшимъ представителямъ умственнаго движенія александровскаго періода удавалось выходить изъ прекраснодушія, и многіе въ 20-е годы находились уже въ періодѣ раздвоенности, хотя, при скудости умственныхъ средствъ, и не имѣли силы выбиться изъ этого періода, вращаясь, какъ бѣлки въ колесѣ, между скептицизмомъ и мистицизмомъ. Но огромная масса общества, особенно провинціальнаго, при всемъ преобладаніи въ 20-е годы байроновскихъ и оппозиціонныхъ идеаловъ, продолжала еще пребывать на степени прекраснодушія чисто карамзинскаго — вотъ почему, едва только передовое поколѣніе александровской эпохи сошло съ поприща, эта масса снова воскресила давно, повидимому, забытыя слезы, вздохи и ахи Карамзина. Различіе между сентиментализмомъ конца прошлаго столѣтія и 30-хъ годовъ заключалось только въ томъ, что, вмѣсто прежней безсодержательной сентиментальности Агатоновъ и Эрастовъ, не идущихъ далѣе самоуслажденія своею чувствительностью—подъ вліяніемъ эстетически-художественнаго развитія въ

періодъ Пушкина и романтическихъ идеаловъ на Западѣ явились новыя формы сентиментализма, въ видѣ прекраснодушныхъ художниковъ и поэтовъ, непонимаемыхъ толпой, прозрачно-свѣтлыхъ и чистыхъ натуръ не отъ міра сего, гибнущихъ отъ одного прикосновенія къ нимъ грязной и грубой прозы и всякаго рода небесныхъ созданій и оскорбленныхъ невинностей. Эти кроткіе, смиренно-плаксивые типы были совершенною противоположностью прежнимъ гордымъ и демоническимъ героямъ въ байроновскомъ духѣ и вполнѣ соотвѣтствовали захолустному патріархальному, идиллическому быту провинціальныхъ юношей, взлелѣянныхъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ нянюшками и мамушками на булочкахъ и сливочкахъ, въ тишинѣ лѣсовъ и полей. Еще бо́льшую противоположность свѣтскимъ героямъ представляли юноши, вышедшіе изъ бѣдныхъ слоевъ общества, изъ среды мелкаго чиновничества и духовенства. Они не успѣли еще выработать своихъ собственныхъ идеаловъ, соотвѣтствующихъ ихъ быту, но прекраснодушные идеалы усадебныхъ юношей, конечно, были гораздо ближе, сподручнѣе и доступнѣе имъ, чѣмъ свѣтскіе идеалы Лермонтова. Проживая на холодныхъ чердачкахъ грошовыми урочками, подъ вліяніемъ, а иногда и подъ покровительствомъ своихъ богатыхъ товарищей, скромные, робкіе, застѣнчиво-неловкіе, не только не спѣшили они увлекаться печоринствомъ, но, напротивъ того, поставляли своимъ идеаломъ — бѣжать отъ „хладныхъ объятій обманчиваго свѣта“, уединялись въ тѣсные студенческіе кружки такихъ-же мечтателей, какъ и они, и въ тиши уединенія сосредоточивались въ себя, то упиваясь художественною созерцательностью прекрасныхъ, возвышенныхъ идеаловъ, то терзаясь муками недостижимости послѣднихъ. Изъ такихъ провинціальныхъ элементовъ состоялъ въ началѣ 30-хъ годовъ небольшой кружокъ студентовъ филологическаго факультета въ Москвѣ, заключавшій въ себѣ Станкевича, Бѣлинскаго, Константина Аксакова, Г. Каткова, Клюшникова, Красова и др.

Чтобы болѣе наглядно и полно познакомить читателей съ духомъ и характеромъ этого кружка, мы приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ современниковъ относительно того крайняго прекраснодушія, которымъ былъ преисполненъ этотъ кружокъ.

Вотъ какъ характеризуетъ, напримѣръ, біографъ Станкевича, Красова, поэта, стихотворенія котораго пользовались извѣстностью въ 40-е годы:

„Жизнь этого человѣка могла бы составить содержаніе весьма

поучительнаго разсказа. Онъ весь былъ воодушевленіе, но, къ сожалѣнію, часто безъ дѣйствительныхъ серьёзныхъ поводовъ къ тому. Восторженное состояніе, въ которомъ онъ находился постоянно, принималось тогда за коренное свойство его поэтической натуры, хотя скорѣе это было дѣло фантазіи, болѣзненно развитой насчетъ всѣхъ другихъ душевныхъ силъ. Онъ поминутно встрѣчалъ необыкновенныя созданія. Не останавливаясь долго на разборѣ, въ каждомъ переулкѣ, гдѣ поселялся, встрѣчалъ онъ чудныя существа и необычайныя происшествія, о которыхъ потомъ и разсказывалъ со всѣми *невольными* прикрасами возбужденнаго воображенія. Самъ онъ объяснялся съ находками своими чрезвычайно восторженно, и одна *изъ тѣхъ глубокихъ натуръ, которыя все понимаютъ*, послѣ поэтическаго монолога Красова, съ недоумѣніемъ спрашивала Станкевича: почему нельзя понять ни одного слова въ разговорѣ его друга? Ко всему этому присоединялись у нашего поэта юношеская горячность въ привязанностяхъ, совершеннѣйшая безпечность въ жизни и неизмѣнная доброта сердца. По выходѣ изъ университета, онъ жилъ бѣдно, ничего не дѣлалъ для поправленія своего положенія, цѣлый день пребывалъ въ мечтахъ и зимой спасался отъ холода подъ одѣяломъ своей постели, гдѣ снова фантазировалъ и писалъ стихи. Подобныя искреннія, дѣтски-открытыя натуры всегда вызываютъ симпатіи окружающихъ, и Станкевичъ, часто дававшій волю юмору своему насчетъ пріятеля, любилъ его, однакожь, какъ любятъ существо, живущее по своимъ особеннымъ, почти исключительнымъ законамъ. Одно время онъ бралъ у него уроки въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, такъ-какъ Красовъ поступилъ въ университетъ изъ семинаріи и зналъ языки эти довольно основательно. Нѣсколько позднѣе, тщетныя усплія Станкевича вызвать пріятеля изъ праздности и обратить къ какому-либо труду, ослабили нѣсколько чувство, связывавшее ихъ, особенно когда Станкевичъ замѣтилъ еще и признаки нѣкоторой претензіи въ фантазіяхъ Красова, что̀ неминуемо должно было случиться рано или поздно. Воодушевленіе, какъ и все другое на свѣтѣ, имѣетъ свои предѣлы, за которыми уже является насилованіе его и ложная, непріятная подставка придуманнаго ощущенія. Чувство Станкевича, однакожь, не истребилось совсѣмъ, и мы знаемъ, что онъ еще съ любовью вспоминалъ о старомъ своемъ другѣ, въ Берлинѣ... По отъѣздѣ Станкевича въ Берлинъ, Красовъ получилъ мѣсто въ Кіевѣ, но не ужился тамъ и возвратился въ Москву съ какимъ-то обозомъ, въ одной

плохой шинелькѣ и питаясь чернымъ хлѣбомъ. Здѣсь получилъ онъ мѣсто преподавателя, безпрестанно отгадывая множество будущихъ талантовъ и геніевъ въ своихъ ученикахъ, наконецъ, женился, и недавно (г.-е. около 1857 года) умеръ въ больницѣ, оставивъ послѣ себя довольно многочисленное семейство".

Въ то время, какъ Красовъ олицетворялъ такимъ образомъ прекраснодушіе, возросшее на почвѣ пролетаріата, совершенно въ другомъ родѣ и духѣ представляется передъ нами прекраснодушіе его товарища, Константина Аксакова:

„Константинъ Аксаковъ — говоритъ И. Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ — въ житейскомъ, практическомъ смыслѣ оставался до сорока слишкомъ лѣтъ, то-есть, до самой смерти своей, совершеннымъ ребенкомъ. Онъ беззаботно всю жизнь провелъ подъ домашнимъ кровомъ и приросъ къ нему, какъ улитка къ раковинѣ, не понимая возможности самостоятельной, отдѣльной жизни, безъ подпоры семейства. Внѣ своихъ ученыхъ и литературныхъ занятій, онъ не имѣлъ никакого общественнаго положенія. Смерть отца вдругъ сломила его несокрушимое здоровье. Онъ не могъ пережить этой потери и перемѣны, и умеръ не только холостякомъ, даже дѣвственникомъ". К. Аксаковъ, въ то время, какъ принадлежалъ къ кружку Станкевича, не былъ еще такимъ крайнимъ славянофиломъ, какимъ онъ прославился впослѣдствіи, но и тогда уже въ немъ обнаруживалась наклонность къ славянофильству, которая, чуждая еще всякихъ философскихъ основаній, ограничивалась ребяческою привязанностью къ Москвѣ и столь-же ребяческою ненавистью къ Петербургу, причемъ и любовь и ненависть были основаны на художественной созерцательности вполнѣ прекраснодушнаго свойства. Вотъ какъ описываетъ И. Панаевъ одну свою прогулку съ К. Аксаковымъ по Москвѣ:

„Мы лежали на травѣ безъ сюртуковъ. Дневной жаръ начиналъ спадать понемногу. Легкій вечерній вѣтерокъ пріятно освѣжалъ насъ. Закатъ былъ великолѣпный.

„— Есть-ли на свѣтѣ другой городъ — говорилъ мнѣ Константинъ Аксаковъ — въ которомъ бы можно было расположиться такъ просто и свободно, какъ мы теперь?.. Далеко-ли мы отъ центра города, а между тѣмъ, мы здѣсь какъ будто въ деревнѣ. Посмотрите, какъ красиво разбросаны эти домики въ зелени на горѣ. Въ Москвѣ вы найдете множество такихъ уединенныхъ и живописныхъ уголковъ, даже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ центра го-

рода... Вотъ вѣдь чѣмъ хороша Москва! Я не понимаю, какъ можно жить въ вашемъ холодномъ, гранитномъ Петербургѣ, вытянутомъ въ струнку?.. Нѣтъ, оставайтесь у насъ; у васъ русское сердце, а русское сердце легко можетъ биться только здѣсь, среди этого простора, среди этихъ историческихъ памятниковъ на каждомъ шагу... Какъ не любить Москву!.. Сколько жертвъ принесла она для Россіи!..

„Аксаковъ постепенно одушевлялся, и заговоря объ этихъ жертвахъ, вскочилъ съ земли; глазки его сверкали, рука сжималась въ кулакъ, голосъ его дѣлался все звучнѣе...

„— Пора намъ сознать нашу національность, а сознать ее можно только здѣсь; пора сблизиться намъ съ нашимъ народомъ, а для этого надо сначала сбросить съ себя эти глупыя, кургузыя нѣмецкія платья, которыя раздѣляютъ насъ съ народомъ (и при этомъ Аксаковъ наклонился къ землѣ, поднялъ свой сюртукъ и презрительно отбросилъ его отъ себя). Петръ, отрывая насъ отъ нашей національности, заставлялъ брить бороды; мы должны теперь отпускать ихъ, возвращаясь къ ней... Такъ-то, Иванъ Ивановичъ! сказалъ Аксаковъ въ заключеніе, кладя свою широкую ладонь на плечо мое, когда я приподнялся съ травы: — бросьте Петербургъ, переселитесь къ намъ... Мы славно заживемъ здѣсь. Не шутя, подумайте объ этомъ...

„Онъ натянулъ на себя узкій нѣмецкій сюртукъ, который дѣйствительно какъ-то неловко сидѣлъ на его коренастой фигурѣ, и мы отправились домой, когда уже солнце совсѣмъ сѣло“.

Курьёзнѣе всего проявлялось прекраснодушіе К. Аксакова во время его поѣздки за границу. Вотъ какой анекдотъ весьма характеристическаго свойства разсказываетъ о немъ И. Папаевъ:

„На углу одной изъ берлинскихъ улицъ, Аксаковъ замѣтилъ дѣвочку лѣтъ 17-ти, продававшую что-то. Дѣвушка эта ему понравилась. Она всякій день являлась на свое привычное мѣсто и онъ нѣсколько разъ въ день проходилъ мимо нея, не рѣшаясь, однако, заговорить съ нею... Однажды (дней черезъ девять послѣ того, какъ онъ въ первый разъ замѣтилъ ее) онъ рѣшился заговорить съ нею.

„Послѣ нѣсколькихъ несвязныхъ словъ, произнесенныхъ дрожащимъ голосомъ, онъ спросилъ ее, знаетъ-ли она Шиллера, читала-ли она его? Дѣвушка очень удивилась этому вопросу.

„—Нѣтъ, отвѣчала она: — я не знаю, о чемъ вы говорите; а не угодно-ли вамъ чего-нибудь купить у меня?

„Аксаковъ купилъ какую-то бездѣлушку и началъ толковать ей что Шиллеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ германскихъ поэтовъ, и въ доказательство, съ жаромъ прочелъ ей нѣсколько стихотвореній.

„Дѣвушка выслушала его болѣе съ изумленіемъ, чѣмъ съ сочувствіемъ. Аксаковъ явился къ ней на другой день и принесъ ей въ подарокъ экземпляръ полныхъ сочиненій Шиллера.

„— Вотъ вамъ, сказалъ онъ: — читайте его... Это принесетъ вамъ пользу. Вы увидите, что, независимо отъ таланта, личность Шиллера самая чистая, самая идеальная, самая благородная...

„— Благодарю васъ, произнесла дѣвушка, дѣлая книксенъ: — а позвольте спросить, сколько стоитъ эта книжка?

„— Четыре талера.

„— Ахъ, Боже мой, сколько! наивно воскликнула дѣвушка. — Благодарю васъ... но ужь если вы такъ добры, такъ лучше бы вы мнѣ, вмѣсто книжекъ, деньгами дали...

„Аксаковъ поблѣднѣлъ, убѣжалъ отъ нея съ ужасомъ, и съ тѣхъ поръ избѣгалъ даже проходить мимо того угла, гдѣ она вела свою торговлю...“

Въ заключеніе считаю не лишнимъ привести еще одинъ анекдотъ касательно одного изъ знаменитыхъ членовъ кружка, К—ова.

„К—овъ былъ тогда очень молодъ — говоритъ И. Панаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ — и его молодость проявлялась въ немъ странными фантазіями. Разъ какъ-то захотѣлось ему идти непремѣнно въ погребокъ и провести тамъ вечеръ, какъ это дѣлывалъ въ Берлинѣ знаменитый Гофманъ, которымъ всѣ мы сильно увлекались въ то время.

„К—овъ предложилъ мнѣ.

„— Да вѣдь здѣсь нѣтъ такихъ погребковъ, какъ въ Германіи, возразилъ я: — здѣсь берутъ только вино въ погребкахъ, а не распиваютъ его тамъ... Если вы хотите, я пошлю за виномъ...

„— Нѣтъ, я хочу непремѣнно пить въ погребкѣ.

„— Да коли это здѣсь не водится?

„— Отчего не водится? — Это вздоръ! Если не водится, такъ мы введемъ это въ обычай... Я знаю, почему вамъ не хочется: вы боитесь унизить этимъ свое достоинство... и разгорячась болѣе и болѣе, К—овъ началъ нападать по этому поводу на различные ворянскіе предразсудки и нелѣпыя приличія, которыми я, по его мнѣнію, былъ зараженъ.

„— Такъ вы рѣшительно не хотите идти со мною? спросилъ онъ въ заключеніе, складывая торжественно руки и щуря глаза.

„— Рѣшительно нѣтъ.

„— Ну, такъ я пойду одинъ.

„К—онъ взялся-было уже за шляпу, но потомъ отложилъ свое намѣреніе. Дня два послѣ этого онъ дулся на меня...“

Главой всѣхъ этихъ прекраснодушныхъ юношей былъ Станкевичъ. Выше мы нѣсколько познакомили уже читателей съ характеромъ прекраснодушія этого человѣка. Во время своего студенчества, Станкевичъ не былъ еще знакомъ съ Гегелемъ и стоялъ въ общемъ уровнѣ развитія своихъ товарищей, но и тогда уже онъ былъ центромъ кружка и можно смѣло предположить, что вліяніемъ своимъ на товарищей и поклоненіемъ, которымъ онъ былъ окруженъ, онъ былъ обязанъ болѣе всего своей крайне нервной, болѣзненно-нѣжной натурѣ, въ которой чувствительность была доведена до послѣдней степени... Станкевичъ могъ казаться своимъ прекраснодушнымъ друзьямъ поистинѣ существомъ не отъ міра сего, воздушнымъ, безтѣлеснымъ геніемъ, исполненнымъ граціознаго, тонкаго изящества и нѣжнаго чувства... Недаромъ барышни называли Станкевича небеснымъ. Стоитъ взглянуть на его портретъ, чтобы убѣдиться, что это была натура, способная не столько подчинять энергіей воли, сколько влюблять въ себя своимъ изяществомъ... И мы видимъ, что во всѣхъ отзывахъ о Станкевичѣ современниковъ и людей близкихъ преобладаетъ восхищеніе сторонами характера его чисто женственными, изъ чего можно заключить, что онъ производилъ на своихъ товарищей совершенно такое-же смиряющее и гуманизирующее вліяніе, какое можетъ произвести умная, развитая, изящная дѣвушка въ кругу молодыхъ людей одного съ нею возраста. „Въ характерѣ Станкевича — говоритъ Анненковъ въ своей біографіи — не было нисколько элементовъ удали, которая такъ поэтически выражается у русскаго народа, а въ образованныхъ классахъ ограничивается трактирными и домашними кутежами, грубымъ посягательствомъ на права личности, иногда дикимъ произволомъ. Черта эта пріобрѣтаетъ важность, разумѣется, только съ той минуты, когда общество смотритъ на нее равнодушно, или даже съ примѣсью благосклонности, радуясь ей, какъ безвредному истоку юношескаго пыла. Мало того, что кругомъ Станкевича жизнь шла трезво и бодро, но *она, благодаря ему, носила рѣдкій оттѣнокъ скромности.* Несмотря на его природную веселость,

было что-то *умѣренное и деликатное въ его шуткѣ*, подобно тому, какъ *мысль его отличалась истиннымъ цѣломудріемъ, несмотря на страсть и увлеченія молодости. Все это, конечно, держало разнородныя личности, изъ которыхъ состоялъ кругъ его, въ одномъ общемъ настроеніи и на одной нравственной высотѣ*.

„Болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мечтатель—читаемъ мы въ другихъ „Воспоминаніяхъ"—Станкевичъ естественно долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто практическіе; его артистическій идеализмъ ему шелъ, это былъ „побѣдный вѣнокъ, выступавшій на блѣдномъ, предсмертномъ челѣ юноши".

Подъ кроткимъ и гуманнымъ вліяніемъ Станкевича кружокъ развивался, принимая въ себя всѣ элементы развитія, окружавшіе юношей. Друзья читали „Телеграфъ" Полевого, „Московскій Вѣстникъ" Погодина, „Телескопъ" Надеждина, увлекались сочиненіями кн. Одоевскаго, по цѣлымъ часамъ заслушивались краснорѣчивой импровизаціи любимаго своего профессора Надеждина, и, подъ вліяніемъ его пропаганды, все болѣе и болѣе проникались идеей важности и необходимости эстетическаго образованія. Изъ аудиторіи Надеждина они спускались внизъ въ аудиторію Павлова, и обоимъ этимъ профессорамъ они были обязаны тою страстью къ философіи, которая впослѣдствіи въ нихъ развилась... Уже въ университетѣ мысль ихъ начала работать въ духѣ шеллинговой философіи; это мы видимъ въ первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго и въ письмѣ Станкевича къ Невѣрову, въ которомъ онъ, подъ заглавіемъ „Моя метафизика", излагаетъ рядъ идей совершенно въ духѣ шеллинговой философіи. Но надо полагать, что московскіе профессора познакомили своихъ учениковъ только съ общими основаніями шеллинговой философіи; болѣе-же основательное и самостоятельное знакомство съ Шеллингомъ началось въ кружкѣ Станкевича послѣ уже университета въ 1835 году. По крайней мѣрѣ, Станкевичъ говоритъ въ письмѣ къ Грановскому, что, окончивши курсъ и послѣ различныхъ колебаній, сомнѣній относительно того, чѣмъ бы заняться, онъ *нечаянно напалъ* на философію Шеллинга.

Станкевичъ жилъ у Павлова; по вечерамъ друзья собирались въ скромной комнатѣ Станкевича и здѣсь велись оживленныя, юношескія бесѣды о чувствѣ изящнаго, о любви и дружбѣ и пр. Здѣсь Красовъ разсказывалъ свои встрѣчи съ неземными существами. Здѣсь Станкевичъ читалъ своимъ товарищамъ, не знав-

шимъ еще нѣмецкаго языка, какъ, напримѣръ, Бѣлинскому, своихъ любимыхъ нѣмецкихъ поэтовъ — Шиллера, Гёте, Гофмана. Изъ русскихъ-же писателей друзья зачитывались Пушкинымъ, Жуковскимъ, а впослѣдствіи Лермонтовымъ и Гоголемъ. Въ этотъ періодъ развитія въ кружкѣ Станкевича Шиллеръ преобладалъ еще надъ Гёте, но болѣе всего друзья увлекались Гофманомъ. Мечтатель-фантазеръ, который не могъ заговорить объ искусствѣ равнодушно и едва касался какого-либо предмета искусства, то не иначе изображалъ его, по выраженію біографа Станкевича, какъ въ огненномъ, нестерпимомъ блескѣ, въ сверхъестественныхъ фантастическихъ размѣрахъ; исполнивъ-же задачу, самъ падалъ ницъ передъ собственнымъ представленіемъ—такой писатель былъ какъ нельзя болѣе подъ стать юнымъ мечтателямъ и поклонникамъ искусства. Книжки „Московскаго Наблюдателя“ были впослѣдствіи наполнены повѣстями Гофмана. До какой степени доходило увлеченіе Гофманомъ въ кружкѣ Бѣлинскаго, это мы видимъ изъ того, что Бѣлинскій, еще въ 1839 году, выражалъ между разговорами свое недоумѣніе: отчего западная критика не ставитъ Гофмана наравнѣ со всѣми великими поэтами Европы, между тѣмъ, какъ онъ обладаетъ тою-же сущностью, тѣмъ-же разнообразіемъ и тою-же глубиной проникновенія въ жизнь? Но Бѣлинскій не ограничился однимъ недоумѣніемъ и не замедлилъ рѣшить его въ пользу Гофмана. Каждый разъ, какъ только ему приходилось въ своихъ критическихъ статьяхъ говорить о Гофманѣ, онъ не иначе отзывался о немъ, какъ о писателѣ великомъ, а въ своей статьѣ „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“, напечатанной въ „Отеч. Зап.“ 1841 года, въ № 3-мъ, онъ, между прочимъ, дѣлаетъ слѣдующую параллель: „Имена Ричардсоновъ, Фильдинговъ, Радклифъ, Левисовъ, Дюкро-де-Менилей, Лафонтеновъ, Шписовъ, Крамеровъ, Поль-де-Коковъ, Марретовъ, Диккенсовъ, Лесажей, Мачьюреновъ, Гюго, Де-Виньи, имѣютъ свою относительную важность, и пользуются, или пользовались, заслуженною извѣстностью; но ихъ отнюдь не должно смѣшивать съ именами Сервантеса, Вальтера-Скотта, Купера, Гофмана и Гёте, какъ романистовъ“. Вы видите, что въ то время, какъ Диккенсъ и Гюго стоятъ рядомъ съ Поль-де-Кокомъ, Гофманъ становится рядомъ съ Гёте, и Бѣлинскій убѣждаетъ читателей не смѣшивать отнюдь этихъ двухъ категорій.

Безъ сомнѣнія, Гофману, въ особенности его повѣсти „Seltsame Leiden eines Theater-Directors“ были обязаны друзья тѣмъ юно-

шескимъ энтузіазмомъ, съ какимъ они смотрѣли на театръ. Театръ былъ для нихъ не однимъ только развлеченіемъ въ часы досуга, но храмомъ искусства, къ которому они питали религіозное обожаніе и въ который входили съ благоговѣніемъ. „Театръ становится для меня атмосферой — говоритъ Станкевичъ въ одномъ изъ писемъ Н—ву — *прекрасное* моей жизни не отъ міра сего. Излить свои чувства нѣкому — тамъ, въ храмѣ искусства, какъ-то вольнѣе душѣ, множество народа не стѣсняетъ ее, ибо надъ этимъ множествомъ парятъ какая-то мысль, она закрываетъ отъ меня ничтожныхъ, не внемлющихъ голосу общественной любви въ искусствѣ... Наше искусство невысоко; но театръ и музыка располагаютъ душу мечтать о немъ, о его совершенствѣ, о прелести изящнаго, дѣлать планы эѳемерные, скоропреходящіе...“ Но еще рельефнѣе и пламеннѣе выражены эти самыя мысли въ первой статьѣ Бѣлинскаго „Литературныя мечтанія“. „Театръ! Любите-ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, то-есть, всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете-ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются-ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ?“ и т. д.

Вотъ въ какой средѣ протекли первые и самые роковые годы молодости Бѣлинскаго. Но Бѣлинскій, вполнѣ раздѣляя все прекраснодушіе своихъ юныхъ друзей, всѣ ихъ мечты и фантастическіе порывы, въ то-же время явился въ кружкѣ Станкевича съ особеннымъ своимъ элементомъ, котораго мы не видимъ ни въ комъ изъ друзей его. Этотъ элементъ проходитъ сквозь всю дѣятельность Бѣлинскаго, не смотря на всѣ усилія друзей смирить и уничтожить его, и можно положительно сказать, что элементу этому обязанъ былъ Бѣлинскій половиной своей литературной славы и вліянія на современниковъ.

О дѣтскихъ годахъ Бѣлинскаго мы имѣемъ мало свѣдѣній. Знаемъ только, что онъ родился въ 1811 году, былъ сынъ чембарскаго уѣзднаго штабъ-лекаря, провелъ дѣтство въ уѣздной глуши, въ средѣ мелкаго уѣзднаго чиновничества, и онъ самъ говорилъ впослѣдствіи, что изъ своей семьи не вынесъ ни одного привѣтнаго воспоминанія. Часто пьяный и грубый отецъ его привязывался къ нему иногда безъ всякаго повода; случалось, что и билъ его по чему попало. Въ гимназію онъ поступилъ 14-ти лѣтъ

изъ чембарскаго уѣзднаго училища. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, учитель пензенской гимназіи о гимназическихъ годахъ Бѣлинскаго:

„Въ гимназіи, по возрасту и возмужалости, онъ во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи, онъ и тогда былъ неуклюжь, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его, между хорошенькими личиками другихъ дѣтей, казались суровыми и старыми. На вакаціи онъ ѣздилъ въ Чембаръ, но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто-нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ, видимо, былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ и пошелъ въ могилу“.

Какъ всѣ натуры страстныя и глубокія, Бѣлинскій не могъ подчиниться школьной рутинѣ гимназическаго преподаванія, которое въ то время стояло еще на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ въ наше время, и въ которомъ долбня стояла на первомъ планѣ. Онъ учился, то-есть, долбилъ, весьма плохо, въ одномъ классѣ просидѣлъ два года, а въ 1829 году былъ окончательно исключенъ изъ гимназіи за нехожденіе въ классъ. Какіе-то вліятельные знакомые помогли ему, однакожь, въ 1829 году поступить въ московскій университетъ; но и тамъ онъ не могъ подчиниться школьной схоластикѣ записыванія часто весьма снотворныхъ лекцій и потомъ долбнѣ ихъ передъ экзаменомъ. Въ 1832 году, будучи уже на второмъ курсѣ, онъ оставилъ университетъ съ слѣдующею аттестаціей: „способностей слабыхъ и нерадивъ“.

Въ то время, какъ забивающая мертвечина школьной рутины возбуждала въ Бѣлинскомъ такое непреодолимое отвращеніе, все свое время посвящалъ онъ знакомству съ русскою литературой и чтенію всевозможныхъ книжекъ, какія только ему попадались подъ руку. Страсть къ чтенію развилась въ Бѣлинскомъ еще въ уѣздномъ училищѣ: уже тогда, по свидѣтельству смотрителя чембарскаго училища, Бѣлинскій гулялъ часто одинъ, не былъ сообщителенъ съ товарищами по училищу, не вмѣшивался въ ихъ игры и находилъ особенное удовольствіе за книжками, которыя доставалъ, гдѣ только могъ.

Особенно сильное вліяніе на развитіе и направленіе мыслей Бѣлинскаго имѣлъ учитель естественной исторіи М. М. П—въ, оставившій воспоминанія о своемъ питомцѣ. Но было бы совершенно ошибочно думать, чтобы вліяніе учителя естественныхъ наукъ было въ духѣ реальномъ и возбуждало въ ученикахъ страсть къ естествовѣдѣнію. Напротивъ того, питомецъ филологическаго факультета казанскаго университета, П—въ былъ страстный романтикъ и вотъ что говоритъ онъ о своемъ преподаваніи и вліяніи на Бѣлинскаго:

„Во время бытности Бѣлинскаго въ пензенской гимназіи, преподавалъ я естественную исторію, которая начиналась уже въ 3-мъ классѣ, (Тогдашній курсъ гимназическій состоялъ изъ четырехъ классовъ). Поэтому, онъ учился у меня только въ двухъ высшихъ классахъ. Но я зналъ его съ первыхъ, потому что онъ друженъ былъ съ соученикомъ своимъ, моимъ роднымъ племянникомъ, и иногда бывалъ въ нашемъ домѣ. Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ. Скоро я полюбилъ его. По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неравный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ.

„Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи, онъ, съ другими учениками, слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ, я шелъ по филологическому факультету и русская словесность всегда была моею исключительною страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время, учителемъ, сидѣлъ такой-же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или орикгогнозіи и старался держаться этого берега, но съ середины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня-ли, отъ Бѣлинскаго-ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюфона-натуралиста я переходилъ къ Бюфону-писателю, отъ гумбольдтовой географіи растеній къ его „картинамъ природы“, отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру — въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи—въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго... Бывало, когда

отправляюсь за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до засѣки, что позади городскаго гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій приставалъ ко мнѣ съ вопросами о Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца.

„Тогда Бѣлинскій, по лѣтамъ своимъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно онъ встрѣтилъ сцену: „Келья въ чудовомъ монастырѣ“. Онъ и въ то время не скоро поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: „дайте подумаю: дайте еще прочту“. Если-же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшною увѣренностью: „совершенно справедливо“.

Ниже П—въ говоритъ, что Бѣлинскій читалъ съ жадностью тогдашніе журналы и всасывалъ въ себя духъ Полеваго и Надеждина.

Знакомство съ литературой не замедлило впечатлительнаго юношу, преисполненнаго творческихъ силъ, натолкнуть на попытки къ самостоятельному творчеству, и во второмъ классѣ гимназіи, будучи 15-ти лѣтъ, онъ началъ писать стихи и повѣсти. Но уже въ 1830 году онъ смотрѣлъ на эти попытки критически, убѣдясь, что не рожденъ быть поэтомъ.

„Бывши во второмъ классѣ гимназіи — говоритъ онъ въ письмѣ къ своему бывшему наставнику — я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго; но времена перемѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣритъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти наперекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя; хочу ихъ выразить стихами и не могу! Тщетно трудясь, съ досадой бросаю перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выразить свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Рѳма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не укладываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу... Есть довольно много начатаго и ничего

оконченнаго и обработаннаго, даже такого, что̀ бы могло помѣститься не только въ альманахѣ, гдѣ собирается все отличное, но даже и въ „Дѣтскомъ журналѣ“. Въ первый еще разъ, я съ горестью проклинаю свою неспособность писать стихами и лѣность писать прозой“.

Но въ 1832 году неудачный опытъ написать драму, которая вышла блѣдна и безцвѣтна, окончательно убѣдилъ Бѣлинскаго, что онъ не рожденъ для поэтическаго творчества, хотя бы и прозой. Эта нсудача стоила Бѣлинскому тяжелаго унынія и паденія духа, тѣмъ болѣе, что обстоятельства его были со всѣхъ сторонъ плохи, почти безвыходны. Одинъ въ цѣломъ мірѣ, безсемейный голякъ, безъ всякихъ средствъ, безъ всякихъ связей, обладающій въ то-же время гордымъ, независимымъ характеромъ, для котораго, по собственнымъ-же словамъ его, не было ничего тягостнѣе, ужаснѣе, какъ быть обязаннымъ кому-либо, онъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу передъ страшнымъ вопросомъ: чѣмъ питаться и какъ существовать. Біографы и собиратели историческихъ матеріаловъ, подробно знакомящіе насъ съ тѣмъ, чѣмъ питался Грановскій во время своего пребыванія въ петербургскомъ университетѣ, какіе думы и восторги излагалъ Станкевичъ въ своихъ письмахъ къ Н—ву, какія наставленія читалъ матери въ своихъ письмахъ Гоголь—до сихъ поръ не подумали позаботиться собрать хоть сколько-нибудь достаточныя біографическія свѣдѣнія о такомъ замѣчательномъ человѣкѣ своего времени, каковъ былъ Бѣлинскій. До сихъ поръ не собрано переписки Бѣлинскаго; до сихъ поръ мы не можемъ дать себѣ отчета въ томъ, чѣмъ пробивался этотъ геніальный бѣднякъ со времени своего пріѣзда въ Москву въ 1829 году и до 1834 года, когда онъ началъ сотрудничать въ „Телескопѣ“. Намъ только извѣстно, что онъ во время уже сотрудничества въ журналѣ Надеждина, которое ему давало, повидимому, немного средствъ, жилъ между Трубой и Петровкой, въ какомъ-то переулкѣ — надъ кузницей и возлѣ прачешной въ ужасной обстановкѣ: „Каково-же было — говоритъ одинъ изъ его знакомыхъ, посѣтившій его въ такомъ жилищѣ — дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабою грудью. Каково было слышать за дверьми упоительную бесѣду прачекъ и подъ собою стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, незапертой (хоть я не засталъ хозяина дома), потому что въ ней нѣчего было украсть. Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то,

что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось кровью... Я спѣшилъ бѣжать отъ смраду испареній, обхватившихъ меня и пропитавшихъ въ нѣсколько минутъ мое платье, скорѣй, скорѣй на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я почувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи свое имя"...

Кромѣ этого печальнаго факта, извѣстенъ еще другой, относящійся къ этому періоду жизни Бѣлинскаго и то-же касающійся вопроса о существованіи. Между прочими мытарствами, удалось Бѣлинскому найти мѣсто домашняго секретаря у одного московскаго богача, любителя литературы, извѣстнаго въ ней подъ именемъ Прутикова. Должность Бѣлинскаго заключалась въ томъ, чтобы выглаживать и исправлять сочиненія этого квази-литератора. За такую должность назначалось большое жалованье, квартира, прислуга и столъ. Но Бѣлинскій недолго пробылъ на этомъ мѣстѣ; видно, ему такъ показалось солоно въ блестящихъ хоромахъ барина, что онъ, въ одинъ прекрасный день, бѣжалъ отъ него, завязавши въ носовой платокъ все свое имущество и оставивши своему патрону записку съ извиненіемъ въ томъ, что онъ не считаетъ себя способнымъ къ исполненію этой должности и снова переселился онъ въ свою конурку на Трубѣ.

Всѣ эти факты совершенно оттѣняютъ Бѣлинскаго отъ тѣхъ прекраснодушныхъ юношей, которые его окружали, которымъ было легко благодушествовать въ эстетическихъ созерцаніяхъ на паненькиныхъ хлѣбахъ; позади ихъ были сладкія воспоминанія дѣтства, впереди открытое поприще для какой угодно дѣятельности при протекціи вліятельныхъ дяденекъ, тетенекъ и богатыхъ друзей всякаго рода; на каникулахъ ждала ихъ родительская усадьба, со своими патріархальными объятіями, праздниками, гостями, охотами и прогулками... Подвернулся Грановскому случай поступить на университетское поприще, и онъ поѣхалъ на казенный счетъ за границу; захворалъ Станкевичъ, и тотчасъ-же родители послали его на кавказскія воды, а потомъ за границу. Самые московскіе профессора иначе относились къ баловнямъ судьбы, иначе къ пасынкамъ. Въ то время, какъ Бѣлинскій оставилъ университетъ съ аттестаціей слабыхъ способностей и нерадѣнія, въ то время, какъ Надеждинъ, журналъ котораго прославился именемъ Бѣлинскаго, съ брезгливостью щепетильнаго эстетика смотрѣлъ на убогое жилище знаменитаго критика и съ пренебреженіемъ отзывался о немъ, какъ о циникѣ, предполагая въ наивности сытаго чело-

вѣка, что Бѣлинскій живетъ убого изъ какой-то врожденной, будто бы, страсти къ цинизму и грязи, — Станкевичъ, живя у Павлова, не замедлилъ познакомиться съ Надеждинымъ, Шевыревымъ и другими профессорами московскаго университета, которые приняли его ласково, съ участіемъ, окружили совѣтами и вскорѣ встали съ нимъ даже на дружескую ногу. „Павловъ и Шевыревъ — говоритъ въ одномъ изъ писемъ Станкевичъ — познакомили меня съ кн. Т—ой и я плясалъ у нея и проч.“.

При такихъ условіяхъ жизни друзья Бѣлинскаго гораздо уже раньше были расположены къ примирительному взгляду на жизнь и людей и эстетическому квіэтизму, чѣмъ успѣли подвести свое отношеніе къ жизни подъ формулы гегелевской философіи... И въ первый періодъ своего развитія, когда они еще и не помышляли о Гегелѣ, они требовали отъ мыслящаго человѣка, чтобы онъ, во что бы то ни стало, былъ преисполненъ кроткаго гармоническаго настроенія, чтобъ онъ созерцалъ жизнь, анализировалъ ее, въ тоже время отнюдь не допуская вражды и ненависти въ отношеніи къ различнымъ ея проявленіямъ. Вражда и ненависть считались чѣмъ-то весьма негармоничнымъ, непзящнымъ, односторонпимъ, и потому вычеркивались изъ жизни... А между тѣмъ, всѣ обстоятельства жизни Бѣлинскаго съ дѣтскихъ лѣтъ къ тому и вели, чтобы озлобить и ожесточить его. Онъ не имѣлъ даже утѣшенія Красова, который, находясь въ такихъ-же бѣдственныхъ положеніяхъ, какъ и Бѣлинскій, построилъ себѣ свой собственный міръ иллюзій, и уходилъ въ него, забывая и холодъ, и голодъ дѣйствительности, и снисходительный юморъ своихъ богатыхъ друзей. Бѣлинскій не владѣлъ стихами, чтобы утѣшаться стихопзліяніями, и былъ слишкомъ уменъ, чтобы міръ иллюзій не разрушался ежеминутно передъ его глазами, какъ карточные домики. Вотъ подъ подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ въ ранней юности уже онъ сосредоточилъ въ себѣ столько озлобленія, что его могли заглушить только на время гармоническіе идеалы и увѣщанія друзей въ ихъ духѣ. Онъ былъ далекъ еще, по своему развитію, отъ сознанія основныхъ причинъ своего озлобленія, но, тѣмъ не менѣе, онъ его чувствовалъ; горечь, разъѣдавшая его сердце, искала выхода и, какъ это часто бываетъ съ людьми озлобленными, что они, не добираясь до главныхъ причинъ своего озлобленія, обрушиваютъ весь жаръ своего гнѣва на первыхъ подвернувшихся подъ руку предметахъ, такъ-какъ чувство ихъ ищетъ какого бы то ни было проявленія—такъ это было и съ Бѣлинскимъ: онъ вы-

шелъ на литературное поприще не отвлеченнымъ эстетикомъ, созерцателемъ и наблюдателемъ, въ какомъ видѣ представляли себѣ друзья его идеалъ критика, но съ горячею, страстною жаждой полемики, и хотя полемика эта вращалась исключительно въ предѣлахъ литературы, но, тѣмъ не менѣе, въ страстномъ саркастическомъ тонѣ ея, сладострастной жаждѣ нападать и разить—такъ и слышится озлобленіе человѣка, который чувствовалъ живую потребность хоть на что-нибудь излить горечь своей души... Вы посмотрите, какъ въ первой-же статьѣ своей Бѣлинскій самъ формулируетъ преобладающее настроеніе своего духа: „У насъ нападаютъ иногда на полемику, въ особенности журнальную. Это очень естественно. Люди хладнокровные къ умственной жизни, могутъли понять, какъ можно предпочитать истину приличіямъ и изъ любви къ ней навлекать на себя ненависть и гоненіе? О! имъ никогда не постичь, *что̀ за блаженство, что̀ за сладострастіе души*, сказать какому-нибудь генію въ отставкѣ безъ мундира, что онъ смѣшонъ и жалокъ съ своими дѣтскими претензіями на великость, растолковать ему, что онъ не себѣ, а крикуну журналисту обязанъ своею литературною значительностью; сказать какому-нибудь ветерану, что онъ пользуется своимъ авторитетомъ на кредитъ, по старымъ воспоминаніямъ или по старой привычкѣ; доказать какому-нибудь литературному учителю, что онъ близорукъ, что онъ отсталъ отъ вѣка и что ему надо переучиваться съ азбуки; сказать какому-нибудь выходцу Богъ-вѣсть откуда, какому-нибудь пройдохѣ и Видоку, какому-нибудь литературному шарлатану, что онъ оскорбляетъ собою и эту словесность, которою занимается, и этихъ добрыхъ людей, кредитомъ коихъ пользуется, что онъ наругался и надъ святостію истины и надъ святостію знанія, заклеймить его имя позоромъ отверженія, сорвать съ него маску, хотя бы она была и баронская, и показать его свѣту во всей его наготѣ!.. *Говорю вамъ, во всемъ этомъ есть блаженство неизъяснимое, сладострастіе безграничное!* Конечно, въ литературныхъ ошибкахъ иногда нарушаются законы приличія и общежительности, но умный и образованный читатель пропуститъ безъ вниманія пошлые намеки о желтякахъ, объ утиныхъ носахъ, семинаристахъ, гарѣ, полугарѣ, купцахъ и аршинникахъ; онъ всегда съумѣетъ отличить истину отъ лжи, человѣка отъ слабости, талантъ отъ заблужденія; читатели-же невѣжды не сдѣлаются отъ того ни тупѣе, ни умнѣе. Будь все тихо и чинно, будь вездѣ комплименты и вѣжливости—тогда какой просторъ для безсовѣст-

ности, шарлатанства, невѣжества: нѣкому обличить, нѣкому изречь грозное слово правды!“

А между тѣмъ, друзья Бѣлинскаго о томъ только и хлопотали, чтобы повсюду были комплименты и вѣжливости. Они смотрѣли на страсть къ полемикѣ въ Бѣлинскомъ, какъ на недостатокъ, хотя сами невольно подчинялись вліянію этой полемики. Такъ, напримѣръ, конечно, Бѣлинскому былъ обязанъ Станкевичъ разочарованіемъ въ Шевыревѣ, какъ въ человѣкѣ. По крайней мѣрѣ, при первомъ знакомствѣ съ Шевыревымъ, Станкевичъ былъ отъ него безъ ума и въ письмѣ къ Н—ву отзывался о немъ съ восторгомъ. Но первая-же статья Бѣлинскаго разрушила это очарованіе. Дѣло въ томъ, что, вмѣсто безусловныхъ похвалъ, Бѣлинскій отозвался о стихотвореніяхъ Шевырева критически, и Станкевичъ тотчасъ-же увидѣлъ, какое мелкое, напыщенное самолюбіе скрывалось въ ученомъ профессорѣ подъ всѣми его громкими фразами: „Бѣлинскій — пишетъ Станкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ — въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ (хорошая статья въ „Молвѣ“; Шевыревъ, говорятъ, хвалилъ ее, пока до него не дошло дѣло) сказалъ (хваля, впрочемъ, чрезвычайно Шевырева), что въ стихахъ его развивается мысль, а не излпвается чувство. Справедливое замѣчаніе! Шевыревъ, говорятъ, взбѣсился и кричитъ: „какъ смѣть такъ говорить? Это тонъ Полеваго. Да развѣ онъ власть какая-нибудь, что объ немъ судить нельзя? Досадно! Конечно, иные прибавятъ“.

Послѣ того, Станкевичъ въ своихъ письмахъ отзывался о Шевыревѣ не иначе уже, какъ о самолюбивомъ, ограниченномъ педантѣ; онъ даже восхищался, когда Бѣлинскій, впослѣдствіи, болѣе уже рѣшительно напалъ на Шевырева въ 9 № „Телескопа“ за 1835 годъ: „9-й № готовятъ — писалъ Станкевичъ въ письмѣ Н—ву — въ немъ осмѣлились пошутить надъ Шевыревымъ, который съ важностью говоритъ о реформѣ въ русской просодіи и хочетъ ввести итальянскую. Не говоря уже о нелѣпости этой мысли, подумай, какъ не стыдно въ нашъ вѣкъ, богатый человѣческими интересами, думать о перемѣнахъ въ просодіи? Талантъ самъ создаетъ ее“.

А между тѣмъ, такъ сильна была тяга къ прекраснодушному квіэтизму, что тотъ-же самый Станкевичъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражалъ въ письмахъ свое несочувствіе и неодобреніе къ полемическому тону Бѣлинскаго. Надо думать, что такое неодобреніе не ограничивалось однимп намеками въ письмахъ къ

Н—ву, а служило предметомъ неоднократныхъ споровъ между Бѣлинскимъ и его друзьями; очень можетъ быть, что и приведенныя патетическія строки о сладострастіи полемики были возбуждены въ Бѣлинскомъ этими спорами; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что Бѣлинскій имѣлъ обычай отвѣчать своимъ друзьямъ, въ разгарѣ спора, печатными статьями, какъ впослѣдствіи онъ отвѣчалъ Герцену „Менцелемъ“ и „Бородинскою годовщиной“. Такимъ образомъ, вотъ уже откуда ведетъ свое начало то пренебреженіе и отрицаніе всякаго живаго и полемическаго отношенія къ жизни и литературѣ во имя олимпійскаго спокойнаго созерцанія и безстрастнаго браминскаго квіэтизма—какое впослѣдствіи мы видимъ въ людяхъ сороковыхъ годовъ, въ ихъ, напримѣръ, нападкахъ на полемическій тонъ „Современника“ или „Русскаго Слова“. Но было бы совершенно ложно обвинять въ этомъ квіэтизмѣ всю эпоху сороковыхъ годовъ и думать, чтобы онъ всецѣло господствовалъ въ эту эпоху, будучи произведеніемъ духа этого времени: мы видимъ, что и въ сороковые годы онъ былъ произведеніемъ особенной среды, особенныхъ условій жизни, и далеко не господствовалъ безусловно, проявляясь только тамъ, гдѣ условія жизни вели къ его преобладанію. Что далеко не всѣ раздѣляли убѣжденія Станкевича относительно полемики, это мы видимъ изъ того, что слухи объ увѣщаніяхъ Станкевичемъ Бѣлинскаго достигли до Петербурга и тамъ они встрѣчены были не совсѣмъ благосклонно; по крайней мѣрѣ, они были формулированы въ томъ видѣ, что Станкевичъ цензируетъ статьи Бѣлинскаго, и Станкевичъ, въ письмѣ къ Невѣрову, вотъ какъ отозвался объ этихъ случаяхъ: „не знаю, откуда эти чудные слухи заходятъ въ Питеръ? Я — цензоръ Бѣлинскаго? Напротивъ, я самъ свои переводы, которыхъ два или три въ „Телескопѣ“, подвергалъ цензорству Бѣлинскаго, въ отношеніи русской грамоты, въ которой онъ знатокъ, а въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ посовѣтываться и очень часто послѣдовать его совѣтамъ. Конечно, его выходка неосторожна, но не болѣе; онъ хотѣлъ напасть на способъ составлять репутацію и окорбилъ человѣческую сторону Бенедиктова *). Я ему это скажу“.

*) Здѣсь дѣло идетъ о критикѣ Бѣлинскаго на стихотворенія Бенедиктова, помѣщенной въ „Телескопѣ“ 1835 г. Статья эта дѣйствительно отличается безпощадною рѣзкостью, но, при всемъ томъ, мы убѣждены, что эта имено рѣзкость болѣе всего дѣйствовала на современниковъ, заставляя глубоко врѣзываться въ ихъ умы высказываемые идеи и взгляды; къ тому-же, рѣзкость эта преисполнена глубокой, хотя и горькой правды.

Ужь одни эти факты показываютъ, что Бѣлинскій далеко не былъ исключительнымъ произведеніемъ кружка Станкевича, какимъ-то эхомъ или, лучше сказать, протоколистомъ, который въ своихъ статьяхъ сообщалъ разговоры, которые велись на дружескихъ собраніяхъ кружка, преимущественно-же мнѣнія Станкевича, систематизируя и обобщая ихъ, какъ многіе выставляютъ Бѣлинскаго, между прочимъ, и біографъ Станкевича, г. Анненковъ. Мы видимъ, что Бѣлинскій съ перваго своего шага является личностью, по характеру своему вполнѣ оригинальною и рѣзко отличающеюся отъ окружавшихъ его людей. Хотя онъ во многомъ подчинялся вліянію своего кружка, особенно впослѣдствіи, но не одно это вліяніе отражается на первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго. Пересматривая эти статьи и рядомъ съ ними письма Станкевича за эти-же годы, мы видимъ, что какъ Бѣлинскій, такъ и друзья его, равно находились подъ вліяніемъ литературы того времени и философскаго броженія въ духѣ Шеллинга, господствовавшаго въ Москвѣ. Такимъ образомъ, читая два первые тома Бѣлинскаго, мы встрѣчаемся тамъ со взглядами Полеваго, Одоевскаго, Надеждина, Веневитинова и Кирѣевскаго. Со всѣми-же этими писателями Бѣлинскій успѣлъ познакомиться уже на школьной скамьѣ гораздо ранѣе, чѣмъ вошелъ въ кружокъ Станкевича.

Самая первая статья Бѣлинскаго, „Литературныя мечтанія“, написана подъ сильнымъ вліяніемъ полемическихъ этюдовъ Надеждина въ „Вѣстника Европы“, хотя, конечно, отличается отъ нихъ, какъ небо отъ земли, по благородству тона и литературной честности. Самое заглавіе статьи „Литературныя мечтанія“ напоминаетъ заглавіе первой статьи Надеждина „Литературныя опасенія“. Главною мыслью въ статьѣ Бѣлинскаго, какъ и во всѣхъ статьяхъ Надеждина, является то положеніе, что у насъ нѣтъ литературы. Для доказательства этой мысли, Бѣлинскій излагаетъ основанія шеллинговой философіи, проникаясь при этомъ тѣмъ высокимъ паѳосомъ, который такъ часто встрѣчается въ его статьяхъ и который производилъ на современниковъ потрясающее впечатлѣніе. По мнѣнію Бѣлинскаго, „весь безпредѣльный, прекрасный Божій міръ есть ни что иное, какъ дыханіе единой, вѣчной идеи (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи“. Проявленіе этой идеи въ нравственномъ мірѣ есть—„борьба между добромъ и зломъ, любовію и эгоизмомъ, какъ въ жизни физической противоборство силы

сжимательной и расширительной"... „Цѣль искусства воспроизводить въ словѣ, въ звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы". „Доколѣ поэтъ слѣдуетъ безотчетно мгновенной вспышкѣ своего воображенія, дотолѣ онъ нравственъ, дотолѣ онъ и поэтъ; но какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тэму, онъ уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надо мною свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе и заставляетъ меня сожалѣть о себѣ, если, при истинномъ талантѣ, имѣетъ похвальную цѣль, и презирать себя, если сплится опутать мою душу тенетами вредныхъ мыслей"...

Изложивши общія понятія объ искусствѣ, Бѣлинскій переходитъ, затѣмъ, къ вопросу, что̀ такое наша литература: „выраженіе общества или духа народнаго?" „Каждый народъ — говоритъ Бѣлинскій совершенно согласно съ тѣмъ, что̀ говорили въ то время всѣ шеллингисты — вслѣдствіе непреложнаго закона провидѣнія, долженъ выражать своею жизнію одну какую-нибудь сторону жизни цѣлаго человѣчества; въ противномъ случаѣ, этотъ народъ не живетъ, а только прозябаетъ, и его существованіе ни къ чему не служитъ... Да—только идя по разнымъ дорогамъ, человѣчество можетъ достигнуть своей единой цѣли; только живя самобытною жизнію, можетъ каждый народъ принесть долю въ общую сокровищницу. Въ чемъ-же состоитъ самобытность каждаго народа? Въ особенномъ ему принадлежащемъ образѣ мыслей и взглядѣ на предметы, въ религіи, языкѣ, и болѣе всего въ обычаяхъ"... Далѣе затѣмъ, исходя изъ этихъ идей, Бѣлинскій подробно обозрѣваетъ весь ходъ нашей литературы, начиная съ Кантемира, и сообразно тому, насколько тотъ или другой писатель представляется самостоятельнымъ и народнымъ, Бѣлинскій приходитъ къ тому выводу, что вся наша литература сосредоточивается въ четырехъ именахъ: „Въ самомъ дѣлѣ, Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ— вотъ всѣ ея представители; другихъ покуда нѣтъ и не ищите ихъ. Но могутъ-ли составить цѣлую литературу четыре человѣка, являвшіеся не въ одно время? И притомъ, развѣ они были не случайными явленіями?.. Гдѣ-же, спрашиваю васъ, литература? У насъ было много талантовъ и талантиковъ, но мало, слишкомъ мало художниковъ по призванію, то-есть, такихъ людей, для которыхъ писать и жить, жить и писать, одно и то-же, которые уничтожаются внѣ искусства, которымъ ненужно протекцій, ненужно меценатовъ, или, лучше сказать, которые гибнутъ отъ меценатовъ, которыхъ не убиваютъ ни деньги, ни отличія, ни спра-

ведливости, которые до послѣдняго вздоха остаются вѣрными своему святому призванію. У насъ была эпоха схоластицизма, была эпоха плаксивости, была эпоха стихотворства, эпоха романовъ и повѣстей, теперь наступила эпоха драмы; но еще не было эпохи искусства, эпохи литературы. Стихотворство наше кончилось; мода на романы всюду проходитъ; теперь терзаемъ драму. И все это безъ причины, все это изъ подражательности: когда-же наступитъ у насъ истинная эпоха искусства? Она наступитъ, будьте въ томъ увѣрены! Но для этого надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, *въ которомъ бы выразилась физіономія могучаго русскаго народа; надобно, чтобы у насъ было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, возращенное на родной почвѣ*“...

Мы нарочно представили экстрактъ первой статьи Бѣлинскаго, потому что онъ можетъ служить для насъ какъ бы конспектомъ основныхъ взглядовъ, преобладающихъ въ первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго, въ его статьяхъ въ „Телескопѣ“ и „Молвѣ“. Взгляды эти могутъ быть формулированы въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) поэтическое творчество заключается въ стремленіи поэта воплощать идею въ образы искусства, и оно до тѣхъ только поръ можетъ быть названо поэтическимъ творчествомъ, пока оно свободно и непроизвольно, и 2) идеи, воспроизводимыя поэтомъ, суть тѣ, представителемъ которыхъ является народъ, которому принадлежитъ поэтъ и время, въ которое онъ живетъ. Этими двумя положеніями обусловливались многія симпатіи и антипатіи, въ которыхъ Бѣлинскій сходился съ большинствомъ шеллингистовъ, подвизавшихся въ то время въ Москвѣ. На основаніи этихъ положеній, онъ возставалъ, между прочимъ, на стремленіе поэтовъ поддѣлываться подъ народную поэзію, которое въ то время было распространено подъ вліяніемъ поднятаго въ литературѣ вопроса о народности. По мнѣнію Бѣлинскаго, Пушкинъ былъ болѣе народенъ, когда писалъ естественно и непроизвольно по внушенію вдохновенія, чѣмъ когда вздумалъ поддѣлываться подъ народныя сказки, потому что всякая поддѣлка или предвзятая мысль парализируетъ непосредственное творчество, а только оно и можетъ быть истинно народнымъ. На тѣхъ-же основаніяхъ напалъ Бѣлинскій и на Бенедиктова, въ каждомъ стихѣ котораго видѣлъ надуманную вычурность вмѣсто истиннаго, непосредственнаго творчества‘ и на Шевырева, за то, „что бо̀льшая часть оригинальныхъ произведеній г. Шевырева, за исключеніемъ весьма немногихъ, обнаруживающихъ неподдѣльное

чувство, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, часто обнаруживаютъ болѣе усилія ума, чѣмъ изліяніе горячаго вдохновенія".

Но было бы ложно думать, чтобы, исходя изъ этихъ основаній, Бѣлинскій всю свою критическую дѣятельность основывалъ на томъ, что подводилъ подъ нихъ факты литературы и педантически отрицалъ все, что̀ не согласовалось съ ними. Въ то время въ литературѣ было много явленій, производившихъ на общество и молодежь сильное вліяніе, но которыя не были плодами непосредственнаго творчества и не носили на себѣ и слѣда народности. Таковы были произведенія Одоевскаго и Полеваго. Бѣлинскій умѣлъ цѣнить всѣ литературныя явленія, которыя были прогрессивны для своего времени, хотя бы и не подходили подъ вышеизложенныя опредѣленія поэтическаго творчества. Такъ не иначе, какъ съ энтузіазмомъ отзывался Бѣлинскій о произведеніяхъ Одоевскаго и высоко цѣнилъ повѣсти Полеваго.

Вліяніе Одоевскаго и Полеваго на Бѣлинскаго было не менѣе вліянія университетскихъ шеллингистовъ и отражается весьма сильно на первыхъ статьяхъ его. Можно положительно сказать, что въ то время, какъ университетскимъ шеллингистамъ былъ обязанъ Бѣлинскій своими эстетическими взглядами, изъ нѣмецкихъ писателей Шиллеру и Гофману, а изъ русскихъ Одоевскому и Полевому былъ обязанъ онъ взглядами моральными, нравственными идеалами. Не иначе, какъ подъ этими вліяніями образовался у Бѣлинскаго идеалъ поэта и вообще писателя, въ видѣ мученика идеи, безкорыстно, до самоотверженія преданнаго ея служенію и стоящаго постоянно въ разладѣ съ пошлою толпой, непонимающей генія. По всей вѣроятности, этимъ-же вліяніямъ былъ обязанъ Бѣлинскій своею ненавистью къ людямъ большаго свѣта за то, какъ онъ патетически выражался, что они „потеряли образъ и подобіе Божіе, за то, что отреклись отъ Бога живаго и поклонились идолу суетъ, за то, что умъ, чувстка, совѣсть, честь замѣнили условными приличіями!" Понятна послѣ этого становится та жолчь, которую изливалъ Бѣлинскій при всякомъ удобномъ случаѣ на погоню за свѣтскостью въ литературѣ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ нападкахъ на Шевырева, въ статьѣ „О критикѣ „Наблюдателя" или въ рецензіяхъ о „Современникѣ", журналѣ, считавшемся тогда средоточіемъ свѣтской литературы и прибѣжищемъ великосвѣтскихъ писателей.

Въ этихъ нападкахъ на свѣтскую пустоту, „на молодчиковъ и денди, какъ выражался Бѣлинскій, непмѣющихъ никакихъ позна-

мій, кромѣ навыка легко болтать всякій вздоръ по-французски, становящихся смѣшными и жалкими анахронизмами", затѣмъ, въ злыхъ и мѣткихъ сарказмахъ, которыми осыпалъ Бѣлинскій всякое легкомысленное отношеніе къ дѣлу мысли, постыдный, шарлатанскій торгъ непереваренными словоизверженіями, низкое, наглo безсовѣстное отношеніе къ литературѣ разныхъ Гречей, Булгариныхъ и Сенковскихъ, съ другой стороны — въ возвеличеніи молодаго поколѣнія за то, что оно, „разочаровавшись въ геніальности и безсмертіи нашихъ литературныхъ произведеній, вмѣсто того, чтобы выдавать въ свѣтъ недозрѣлыя творенія, съ жадностью предается изученію наукъ и черпаетъ живую воду просвѣщенія въ самомъ источникѣ"—во всемъ этомъ мы видимъ живую, свѣтлую сторону пропаганды Бѣлинскаго въ этомъ періодѣ его дѣятельности. Эта сторона его пропаганды и производила именно то потрясающее впечатлѣніе на общество, которое заставило съ первыхъ-же статей Бѣлинскаго обратить на него всеобщее вниманіе. Этою своею пропагандой и заставлялъ Бѣлинскій молодежь изъ бальныхъ залъ бѣжать въ библіотеки и аудиторіи, отъ картъ бросаться за книги и отъ чтенія романовъ Поль-де-Кока, повѣстей Брамбеуса или Булгарина браться за Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте, Пушкина и Гоголя.

И вообще должно замѣтить, что какъ ни узокъ былъ еще умственный кругозоръ Бѣлинскаго въ этотъ первый періодъ его дѣятельности и какъ ни отвлеченна та почва, на которой стоялъ онъ, при всемъ томъ общее направленіе его мыслей было гораздо живѣе и прогрессивнѣе, чѣмъ въ послѣдующій періодъ его дѣятельности въ „Московскомъ Наблюдателѣ". Хотя вы и встрѣчаете въ концѣ первой статьи его (см. С. Б., т. I, стр. 128) нѣсколько мыслей, проникнутыхъ казеннымъ, пошлымъ патріотизмомъ въ родѣ того, что просвѣщеніе двигается въ Россіи быстрыми шагами, руководствуемое высокими меценатами, а „благородное дворянство, наконецъ, вполнѣ увѣрилось въ необходимости давать своимъ дѣтямъ образованіе прочное, основательное, въ духѣ вѣры" и пр. Но надо думать, что всѣ эти слова были умышленно вставлены въ статью, чтобы хоть какъ-нибудь загладить и затушевать рѣзкость нѣкоторыхъ мѣстъ ея и отрицательный характеръ общаго ея направленія. По крайней мѣрѣ, эти слова совершенно не гармонируютъ съ цѣлою статьей и являются въ ней какъ-то съ боку припеку. Но еще болѣе противорѣчатъ они со свидѣтельствомъ самого Бѣлинского объ этомъ періодѣ своей жизни. Вотъ что̀ пи-

салъ онъ, въ письмѣ своемъ къ Станкевичу, въ 1839 году, т.-е. во время самаго сильнаго увлеченія философіей Гегеля, о направленіи мыслей своихъ въ первый періодъ дѣятельности подъ непосредственнымъ вліяніемъ Шиллера:

„Его „Разбойники“, „Коварство и любовь“, вкупѣ съ „Фіэско“, этимъ произведеніемъ нѣмецкаго Гюго, наложили на меня дикую вражду съ общественнымъ порядкомъ во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ. Его „Донъ-Карлосъ“— эта блѣдная фантасмагорія образовъ безъ лицъ и риторическихъ олицетвореній, эта апотеоза абстрактной любви къ человѣчеству безъ всякаго содержанія бросила меня въ абстрактный героизмъ, внѣ котораго я все презиралъ, все ненавидѣлъ (и еслибъ ты зналъ, какъ дико и болѣзненно), и въ которомъ я очень хорошо, несмотря на свой неестественный и напряженный восторгъ, сознавалъ себя — нулемъ...“

Съ подобнымъ абстрактнымъ героизмомъ, какъ впослѣдствіи называлъ его Бѣлинскій, какъ нельзя болѣе гармонируютъ слѣдующія слова, которыя мы встрѣчаемъ въ той-же первой статьѣ Бѣлинскаго:

„И такъ вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжные пути: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами свое своекорыстное *я*, дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего *я*, въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства! Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ? Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь, онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды; не бойся зла, когда оно принесетъ тебѣ пользу. Помни это правило; съ нимъ тебѣ вездѣ будетъ тепло! Если ты рожденъ сильнымъ земли, гни твой хребетъ, ползи змѣей между тиграми, бросайся тигромъ между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми вѣнцами, рамена согни подъ грузомъ незаслуженныхъ почестей и титлъ. Весела и блестяща будетъ жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холодъ и голодъ, что такое угнетеніе и оскорбленіе, все будетъ трепетать тебя, вездѣ покорность и услужливость, отовсюду лесть и хваленіе, и поэтъ напишетъ тебѣ посланіе и оду, гдѣ сравнитъ

тебя съ полубогами, и журналистъ прокричитъ во всеуслышаніе, что ты покровитель слабыхъ и сирыхъ, столпъ и опора отечества, правая рука государя! Какая тебѣ нужда, что въ душѣ твоей каждую минуту будетъ слишкомъ жарко, а въ сердцѣ слишкомъ холодно, что вопли угнетенныхъ тобою будутъ преслѣдовать тебя и на свѣтскомъ пиру, и на мягкомъ ложѣ сна, что тѣни погубленныхъ тобою окружатъ твой болѣзненный одръ, составятъ около него адскую пляску и съ яростнымъ хохотомъ будутъ веселиться твоими послѣдними предсмертными страданіями, что передъ твоими взорами откроется ужасная картина нравственнаго уничтоженія за гробомъ, мукъ вѣчныхъ!.. Э, любезный мой, ты правъ: жизнь — сонъ, и не увидишь, какъ пройдетъ!.. За то весело поживешь, сладко поѣшь, мягко поспишь, повластвуешь надъ своими ближними, а вѣдь это чего-нибудь да стоитъ!..“ (см. С. Б., т. I, стр. 20, 21, 22).

При всей риторической стереотипности этихъ фразъ, стоящихъ всецѣло на почвѣ догматическаго дуализма, въ нихъ столько жизни, паѳоса и жолчи, что, безъ сомнѣнія, онѣ не были надуманы, а вылились всецѣло изъ переполненнаго чувствомъ сердца чистаго юноши, глубоко ненавидѣвшаго все гнусное, что̀ дѣлалось вокругъ него, и искренно готоваго пожертвовать жизнью за благо отечества, какъ бы отвлеченно онъ ни представлялъ себѣ это благо.

Правда, уже въ первый періодъ своей дѣятельности Бѣлинскій враждебно относился къ направленію во Франціи литературы и мысли, въ особенности въ XVIII столѣтіи, говоря, что факты должно объяснять мыслію, а не мысли выводить изъ фактовъ и что въ XVIII вѣкѣ опытъ привелъ ни къ чему иному, какъ къ скептицизму, матеріализму, безвѣрію, разврату и совершенному невѣдѣнію истины при обширныхъ познаніяхъ (см. С. Б., т. I, стр. 282); уже тогда онъ смѣялся надъ женщинами-писательницами, между прочимъ, и надъ Жоржъ-Зандомъ, всѣхъ приверженцевъ женской эмансипаціи безразлично считалъ сенъ-симонистами, всѣхъ ихъ одинаково обвинялъ въ отверженіи брака и говорилъ, что если дать право женщинѣ писать, то логика заставляетъ посвятить ее и во всѣ прочія занятія мужчинъ, не исключая и военнаго, а между тѣмъ, все имѣетъ свое назначеніе, все прекрасно въ предѣлахъ своего назначенія и дурно внѣ его, что поприще мужчины цѣлый міръ, женское-же поприще — возбуждать въ мужчинѣ энергію души, пылъ благородныхъ страстей, поддерживать

чувство долга и стремленіе къ высокому и великому..." (См. С. Б., т. I, стр. 400—407 и т. II, 145—147).

Всѣ подобныя мысли совершенно соотвѣтствовали той узкости умственнаго горизонта, какую вы встрѣтите въ каждомъ мало развитомъ человѣкѣ, и въ то-же время исходили изъ духа романтическаго движенія въ томъ направленіи, какое оно приняло въ Германіи и у насъ. Не забудьте, что романтизмъ былъ не однимъ только освобожденіемъ поэзіи отъ французскаго ложнаго классицизма, но и оппозиціей недозрѣлой мысли противъ философіи XVIII вѣка, слишкомъ опередившей своимъ реальнымъ направленіемъ міросозерцаніе образованныхъ массъ европейскаго общества. Германское философское движеніе, смѣнившее французское, съ того и началось, что возстало не только противъ слабыхъ сторонъ философіи XVIII вѣка, но и противъ живыхъ и свѣтлыхъ ея началъ — духа опыта, анализа, скептицизма. Всѣ германскіе философы до Гегеля включительно не видѣли никакого различія между опытомъ и эмпиризмомъ. По ихъ общему мнѣнію, опытъ ни къ чему не ведетъ, какъ въ религіи къ безбожію, въ нравственности — къ разврату, въ наукѣ — къ безцѣльному блужданію въ массѣ частныхъ, отрывочныхъ знаній — и всѣ они подъ рядъ проповѣдывали, что единственное спасеніе человѣчества — въ отвлеченномъ умозрѣніи, въ объясненіи всего сущаго абсолютною идеей, доходящей до самосознанія въ разумѣ человѣческомъ.

У насъ началось гоненіе противъ французскаго вліянія ранѣе еще увлеченія нѣмецкою философіей. Оно выразилось не только въ реакціонныхъ филиппикахъ писателей въ родѣ Греча противъ философіи XVIII вѣка, но и въ такихъ для своего времени весьма прогрессивныхъ произведеніяхъ, каково „Горе отъ ума", препсполненное, какъ извѣстно, жолчныхъ нападокъ на рабское подражаніе всему французскому и сожалѣющее, зачѣмъ мы не беремъ примѣръ съ Китая въ его незнаніи всего иноземнаго. Въ кружкахъ шеллингистовъ началось еще болѣе систематическое и философски сознательное гоненіе противъ французской философіи XVIII вѣка во имя философіи германской, противъ опытнаго метода первой во имя умозрительнаго метода послѣдней и, наконецъ, противъ политическаго романтизма французской литературы двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ во имя абстрактнаго романтизма германской литературы, на изученіе которой набросились съ увлеченіемъ всѣ шеллингисты. Это направленіе отражается и на первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго, но отражается еще въ самыхъ общихъ

и неопредѣленныхъ чертахъ, мелькомъ и кое-гдѣ. Бѣлинскій далекъ былъ еще отъ тѣхъ крайнихъ французоѣдства и германофильства, какія мы видимъ въ послѣдующій періодъ его дѣятельности. Хотя сочувствіе его видимо склонялось болѣе на сторону Германіи, но на томъ основаніи, что, по философіи Шеллинга, каждая народность, какъ носительница своей самостоятельной идеи, приноситъ свою долю пользы, онъ готовъ былъ признать долю пользы и за нелюбимыми французами, хотя и съуживалъ ихъ значеніе до того, что находилъ ихъ первыми только на паркетѣ, и ничего не видѣлъ во Франціи болѣе, какъ только законодательницу модъ, правилъ обхожденія, вѣжливости и хорошаго тона.

Точно также далекъ еще былъ Бѣлинскій въ этотъ періодъ своей дѣятельности отъ теоріи чистаго искусства. Хотя онъ и говорилъ, что творчество поэта есть великое таинство, что минута творчества есть минута великаго священнодѣйствія, что творчество безцѣльно съ цѣлію, безсознательно съ сознаніемъ, свободно съ зависимостью и т. д. (см. С. Б., т. I, стр. 209), что поэтъ только тогда можетъ создать истинно художественное произведеніе, когда творитъ непроизвольно, между тѣмъ, какъ всякая надуманность парализуетъ творчество; но, высказывая эти идеи, Бѣлинскій далекъ еще былъ отъ тѣхъ крайнихъ выводовъ изъ нихъ, какіе сдѣлалъ впослѣдствіи. Онъ не говорилъ еще, что такъ-какъ творчество есть не произвольное воплощеніе безотносительной идеи, то содержаніе истинной поэзіи — „не вопросы дня, а вопросы вѣковъ, не интересы страны, а интересы міра, не участь партій, а судьба человѣчества“. что „художникъ въ дивныхъ образахъ осуществляетъ божественную идею для нея самой, а не для какой-нибудь внѣшней и чуждой ей цѣли“ и т. д. Напротивъ того, подъ идеями поэтическаго творчества Бѣлинскій разумѣлъ еще не однѣ міровыя идеи, отвлеченныя отъ всего минутнаго, проходящаго, а прежде всего—идеи, господствующія въ народѣ въ данное время. Какой бы частный предметъ жизни ни вдохновлялъ художника, онъ не отрицалъ въ произведеніи его художественности, если видѣлъ, что чувство поэта искренно и непроизвольно вылилось изъ души его. „Если онъ поэтъ, поэтъ истинный — говорилъ Бѣлинскій (см. С. Б., т. I, стр. 35) — то не долженъ-ли сочувствовать своему отечеству, раздѣлять его надежды, болѣть его болѣзнями, радоваться его радостями?“

Высоко ставя идеальную поэзію, представителемъ которой Бѣлинскій считалъ Шиллера, онъ опредѣлялъ ее такъ, что она пере-

создаетъ жизнь по собственному идеалу, зависящему отъ образа воззрѣнія поэта на вещи, отъ его отношеній къ міру, къ вѣку, къ народу, въ которомъ онъ живетъ". (См. С. Бѣл., т. I, стр. 174). Въ то-же время безцѣльное созерцаніе изящнаго и безотчетное наслажденіе эстетическимъ чувствомъ онъ считалъ принадлежностью міра древняго, отжившаго: „для насъ — говоритъ онъ (см. С. Б. т. I, стр. 182) — внѣшняя природа, безъ отношенія къ идеѣ всеобщей жизни, не имѣетъ никакого смысла, никакого значенія, мы не столько наслаждаемся ею, сколько стремимся постигнуть ее; для насъ наша жизнь, сознаніе нашего бытія, есть болѣе задача, которую мы ищемъ рѣшить, нежели даръ, которымъ бы мы спѣшили воспользоваться. Мы приглядѣлись къ ней, мы свыклись съ нимъ; для насъ жизнь уже не веселое пиршество, не праздненственное ликованіе, но поприще труда, борьбы, лишеній и страданій. Отсюда проистекаетъ эта тоска, эта грусть, эта задумчивость и, вмѣстѣ съ ними, эта мыслительность, которыми проникнутъ нашъ лиризмъ. Лирическій поэтъ нашего времени болѣе грститъ и жалуется, нежели восхищается и радуется, болѣе спрашиваетъ и изслѣдуетъ, нежели безотчетно восклицаетъ. Его пѣсня — жалоба, его ода — вопросъ. Если его пѣсня обращена на внѣшнюю природу, онъ не удивляется ей, не хвалитъ ее, а ищетъ въ ней допытаться тайны своего бытія, своего назначенія, своихъ страданій. Для всего этого, ему кажутся тѣсны рамы древней оды, и онъ переноситъ свой лиризмъ въ эпопею и драму. Въ такомъ случаѣ, у него естественность, гармонія съ законами дѣйствительности — дѣло постороннее; въ такомъ случаѣ, онъ какъ бы заранѣе условливается, договаривается съ читателемъ, чтобы тотъ вѣрилъ ему на слово и искалъ въ созданіи не жизни, а мысли. Мысль — вотъ предметъ его вдохновенія..."

Не что иное, какъ подобное требованіе серьёзнаго, глубокаго содержанія отъ поэтическихъ произведеній заставило Бѣлинскаго въ концѣ первой-же статьи своей высказать неслыханно-смѣлый для того времени парадоксъ, что намъ и литературы пока вовсе ненужно, а прежде всего намъ нужно ученье, ученье, ученье, три раза повторилъ Бѣлинскій это слово. Если-же на 99-й стр. II тома мы и встрѣчаемъ мѣсто, повидимому, стоящее въ противорѣчіи съ этимъ требованіемъ: „вдохновенію ненужна наука, оно ученѣе науки, оно никогда не ошибается" и т. д., то здѣсь подъ словомъ „наука" разумѣется не наука вообще, а піитика, которую Бѣлинскій считалъ не только неспособною создавать поэ-

товъ, но гибельною для поэтическаго творчества и, какъ на примѣръ вреда такой науки, онъ показываетъ ниже на французскую классическую литературу прошлаго столѣтія. Въ этомъ мы видимъ не что иное, какъ продолженіе пропаганды Полеваго, точно также возстававшаго на классицизмъ во имя свободы фантазіи поэта, и самая теорія непроизвольности творчества Бѣлинскаго была въ сущности та-же романтическая теорія Полеваго, только болѣе развитая и основанная на болѣе твердыхъ и логичныхъ философскихъ принципахъ.

До какой степени, при всемъ идеализмѣ своихъ философскихъ началъ, Бѣлинскій умѣлъ приходить неожиданно къ взглядамъ, поражающимъ своею положительностью и стоящимъ въ разрѣзъ со всѣми его симпатіями, это мы видимъ во второй-же большой статьѣ его „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“. Въ этой статьѣ онъ впервые объявилъ на Руси, что, кромѣ идеальной поэзіи, можетъ быть еще иная *реальная*, поэзія *жизни*, поэзія *дѣйствительности*, которая не пересоздаетъ жизнь, но воспроизводитъ, воссоздаетъ ее, и, какъ выпуклое стекло, отражаетъ въ себѣ, подъ одною точкой зрѣнія, разнообразныя ея явленія, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя нужны для составленія полной, оживленной и единой картины. (См. С. Б., т. I, стр. 174, 181). И замѣчательно, что при всемъ поклоненіи своемъ идеальной поэзіи, Бѣлинскій чуялъ, что близки времена, когда реальная поэзія восторжествуетъ окончательно надъ идеальною. „Итакъ — говоритъ онъ (см. С. Б., т. I, стр. 186) — поэзію можно раздѣлить на идеальную и реальную. Трудно было бы рѣшить, которой изъ нихъ должно отдать преимущество. Можетъ быть, каждая изъ нихъ равна другой, когда удовлетворяетъ условіямъ творчества, т.-е. когда идеальная гармонируетъ съ чувствомъ, а реальная съ истиной представляемой ею жизни. Но, кажется, что послѣдняя, *родившаяся вслѣдствіе духа нашего положительнаго времени, болѣе удовлетворяетъ его господствующей потребности.* Впрочемъ, здѣсь много значитъ и индивидуальность вкуса. Но какъ бы то ни было, въ наше время, та и другая равно возможны, равно доступны и понятны всѣмъ; но со всѣмъ этимъ, *послѣдняя есть по преимуществу поэзія нашего времени, болѣе понятная и доступная для всѣхъ и каждаго, болѣе согласная съ духомъ и потребностію нашего времени.* Теперь „Мессинская Невѣста“ и „Жанна д'Аркъ“ Шиллера найдутъ сочувствіе и отзывъ; *но задушевными созданіями времени*

всегда останутся тѣ, въ коихъ жизнь и дѣйствительность отражаются вѣрно и истинно".

Подобныя идеи можно назвать по истинѣ пророческими, потому что, высказывая ихъ въ 1835 году, Бѣлинскій не только опереживалъ свой вѣкъ, но и самого себя, потому что онъ далекъ еще былъ отъ того, чтобы на нихъ утвердить оцѣнку Гоголя, а тѣмъ болѣе всю свою критическую дѣятельность. Онѣ какъ бы невольно сорвались съ его языка подъ вдохновеніемъ неожиданно налетѣвшей свѣтлой мысли; онъ высказалъ ихъ весьма колеблющимся, нетвердымъ голосомъ, то ставя идеальную поэзію рядомъ съ реальною, то послѣднюю выше первой, но съ робкими оговорками относительно индивидуальности вкуса. Далѣе, въ своей статьѣ, онъ оставилъ эти мысли совсѣмъ въ сторонѣ, какъ будто даже совсѣмъ забылъ про нихъ, и началъ развивать иныя основанія, на которыхъ и построилъ первую свою статью о Гоголѣ. Это были тѣ самыя основанія, которыя преобладали въ критической дѣятельности Бѣлинскаго въ этотъ періодъ, т.-е., что творчество поэта должно быть непроизвольно и что этою непроизвольностью обусловливается народность поэта. Гоголь, по мнѣнію Бѣлинскаго, оттого и оригиналенъ, и народенъ, что онъ поэтъ по преимуществу, непроизвольно выливающій свои произведенія изъ глубины своего духа. Но хотя и мимолетно высказанныя, вышеозначенныя идеи о реальной поэзіи показываютъ, куда стремились инстинктивныя симпатіи Бѣлинскаго.

Послѣ этого можно-ли удивляться тому здравому смыслу, который проявилъ Бѣлинскій въ полемикѣ съ Шевыревымъ о платѣ за литературный трудъ. Возраженія Бѣлинскаго имѣютъ для насъ тѣмъ бо̀льшую важность, что здѣсь, кромѣ голоса здравомыслящаго человѣка, мы видимъ впервые раздавшійся голосъ литературнаго пролетарія, принявшаго на себя защиту нравственнаго права существовать литературнымъ трудомъ. И нѣчего удивляться, что идеалистъ, романтикъ, ни о чемъ, повидимому, не думавшій, кромѣ непроизвольности творчества, спустился неожиданно съ облаковъ и явился приверженцемъ такого грубаго матеріализма, какимъ могъ казаться въ то время вопросъ о деньгахъ. Какъ будто на почвѣ не только идеализма въ духѣ шеллинговой философіи, но и самаго туманнаго, средневѣковаго мистицизма, не возникали подобные-же вопросы? Они обусловливаюся не точкой исхода изъ общаго міросозерцанія, а условіями жизни, и понятно, что въ то время, какъ высокомѣрно-черствыя слова ограниченнаго педанта

могли быть пропущены мимо ушей сытыми и обезпеченными людьми, такъ-какъ этимъ людямъ, съ одной стороны, было и легко и лестно похвастаться безкорыстностью своего вдохновенія, а съ другой стороны, эти люди привыкли издревле въ каждомъ бѣднякѣ видѣть продажную душу, готовую забыть совѣсть и честь изъза денегъ—эти-же самыя слова должны были глубоко оскорбить бѣдняка, жившаго въ мрачной конурѣ на Трубѣ, которому Шевыревъ объявилъ, что онъ не можетъ имѣть ни удобной, теплой квартиры, ни хоть сколько-нибудь здоровой питательной пищи, не сдѣлавшись продажнымъ, литературнымъ барышникомъ.

Я полагаю, все вышеизложенное достаточно опредѣленно и ясно показываетъ, какой характеръ имѣла дѣятельность Бѣлинскаго въ первый свой періодъ. Мы видимъ, что Бѣлинскій въ этотъ періодъ не имѣлъ еще никакого рѣзкаго, опредѣленнаго направленія и носилъ въ себѣ сѣмена и зародыши всевозможныхъ направленій, которыя впослѣдствіи развились въ нашей литературѣ. Онъ могъ сдѣлаться и славянофиломъ съ своею теоріей народной самобытности и народности творчества; могъ сдѣлаться западникомъ при исключительномъ увлеченіи нѣмецкимъ философскимъ движеніемъ; могъ сдѣлаться приверженцемъ чистаго искусства со своею теоріей непроизвольнаго творчества, но не чуждъ былъ склониться и на сторону полезнаго искусства, требуя, чтобы поэтъ радовался радостію отечества и скорбѣлъ его скорбію; могъ остаться съ гофмановскими и шиллеровскими идеалами, но могъ сдѣлаться приверженцемъ новаго реальнаго искусства, значеніе и важность котораго онъ уже предчувствовалъ. Подобное совпаденіе столь разнородныхъ элементовъ было не однимъ только броженіемъ юношескихъ силъ, неустановившихся и не нашедшихъ еще русла, по которому бы направиться въ одну опредѣленную сторону. Въ такомъ хаотическомъ состояніи находилась вся русская литература въ это время; весь періодъ шеллингистовъ, къ которому примыкаетъ Бѣлинскій началомъ своей дѣятельности, представляетъ въ себѣ такое-же броженіе различныхъ элементовъ, которымъ впослѣдствіи суждено было выдѣлиться изъ общаго хаоса и играть различную роль въ дальнѣйшемъ развитіи нашей мысли. То-же самое хаотическое совпаденіе различныхъ элементовъ мы видѣли у прочихъ шеллингистовъ, его-же мы встрѣчаемъ и у Бѣлинскаго, только гораздо рельефнѣе и многостороннѣе, что̀ зависѣло отъ бо̀льшей талантливости, глубины и многосторонности богатой натуры Бѣлинскаго.

Далѣе, затѣмъ, завпсѣло отъ обстоятельствъ жпзнп, которому пзъ всѣхъ отдѣльныхъ положеній, найденныхъ нами въ первыхъ статьяхъ Бѣлпнскаго, суждено было развпться въ цѣлую теорію п получпть преобладаніе въ послѣдующей его дѣятельности. Еслибы онъ жплъ въ странѣ, въ которой сильно былп бы развпты общественные вопросы, плп, по крайней мѣрѣ, попалъ бы въ такой кружокъ, гдѣ такіе вопросы преобладалп бы, то, безъ сомнѣнія, требованіе, чтобы поэтъ откликался на всѣ вопросы общественной жпзнп, не замедлпло бы получпть преобладаніе въ дальнѣйшей крптпческой дѣятельности Бѣлпнскаго, германофильство и французоѣдство былп бы немыслпмы прп такомъ направленіп и онъ скоро разстался бы съ нпмп. Попадп онъ въ кружокъ славянофпловъ, п онъ сталъ бы наппрать всего болѣе на пдею самостоятельности поэзіп п цпвплпзаціп, отрпцая все, что̀ къ этой пдеѣ такъ плп пначе не подходптъ. Но Бѣлпнскому суждено было въ самое глухое время всеобщей реакціп п полнаго отсутствія всякпхъ общественныхъ пнтересовъ попасть въ кружокъ, въ которомъ псключптельно преобладалп вопросы отвлеченно-фплософскіе п художественно-эстетическіе, въ которомъ всякій мало-мальски живой, общественный пнтересъ, выходящій за предѣлѣ пндпвпдуальнаго самосозерцанія, считался признакомъ суетности и призрачностп — п въ слѣдующей главѣ мы увпдпмъ, какое вліяніе пмѣлъ на Бѣлпнскаго духъ этого кружка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Начало увлеченія кружка Станкевича гегелевскою философіей. — Новый коноводъ за отсутствіемъ Станкевича — Ба—нинъ. — Двойственность выводовъ изъ гегелевской философіи и причина -ея. — Почему въ кружкѣ Станкевича утвердились выводы въ абстрактно-примирительномъ духѣ. — Соотвѣтствіе абстрактно-примирительнаго направленія съ характеромъ литературно-артистическихъ кружковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и ихъ соціальнымъ положеніемъ. — Почему Бѣлинскій подчинился этому направленію. — Характеристика увлеченія Гегелемъ кружка Станкевича. — „Московскій Наблюдатель“ подъ редакціей молодыхъ друзей. — Эстетическія воззрѣнія Бѣлинскаго подъ угломъ зрѣнія абстрактно-примирительныхъ теорій. — Мнѣнія Бѣлинскаго о Шиллерѣ, Гёте, Пушкинѣ, Полежаевѣ, Гоголѣ и Грибоѣдовѣ. — Филиппики противъ французовъ и юной Германіи. — Восхваленіе Греча. — Оппозиція Станкевича противъ увлеченій его московскихъ друзей. — Полнѣйшій разладъ Бѣлинскаго съ духомъ и настроеніемъ общества и паденіе „Московскаго Наблюдателя“. — Нѣсколько мыслей о томъ, почему факты такого-же рода повторялись неоднократно въ нашей литературѣ. — Матеріальное и нравственное положеніе Бѣлинскаго передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. — Его собственный взглядъ на гибельное вліяніе замкнутаго кружка.

Съ прекращеніемъ „Телескопа“ въ 1836 году кончается первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго. Затѣмъ, слѣдуетъ двухлѣтній перерывъ и мы, опять-таки, имѣемъ весьма смутныя свѣдѣнія о томъ, какъ жилъ и что̀ дѣлалъ Бѣлинскій въ эти два года. Знаемъ только, что онъ собирался ѣхать заграницу въ качествѣ домашняго учителя въ какомъ-то семействѣ и учился нѣмецкому языку. Знаемъ, что онъ отдыхалъ въ какой-то идиллической усадьбѣ, въ „чистой сферѣ кроткой, христіанской семейной жизни“, и

Станкевичъ возлагалъ на эту сферу большія и ненапрасныя надежды относительно укрощенія сумрачнаго нрава своего ожесточеннаго пріятеля. „Полный благородныхъ чувствъ, съ здравымъ, свободнымъ умомъ, добросовѣстный — писалъ Станкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ — онъ нуждается въ одномъ только: на опытѣ, не по однимъ понятіямъ, увидѣть *жизнь* въ благороднѣйшемъ ея смыслѣ; узнать нравственное счастіе, возможность гармоніи внутренняго міра съ внѣшнимъ, гармоніи, которая для него казалась недоступною до сихъ поръ, *но которой онъ теперь вѣритъ*. Какъ смягчаетъ душу эта чистая сфера кроткой, христіанской семейной жизни. Семейство Б—хъ, идеалъ семейства. Можешь себѣ представить, какъ оно должно дѣйствовать на душу, которая не чужда искры божіей! Намъ надобно туда ѣздить исправляться... но я — я боюсь испортиться. М. зоветъ меня съ своимъ обыкновеннымъ прямодушіемъ, добротой: не знаю, поѣду-ли? Во мнѣ другой недостатокъ, противоположный недостатку Бѣлинскаго: я слишкомъ вѣрю въ семейное счастіе, я иногда съ сердечною болью думаю, что это одно возможное... Мнѣ надо больше твердости, больше жесткости".

Изъ намековъ этого письма мы видимъ, что чистая сфера кроткой христіанской семейной жизни была не безъ вліянія на Бѣлинскаго и, по всей вѣроятности, не мало содѣйствовала отвлеченно-примирительному направленію, которое образовалось у Бѣлинскаго въ теченіе этихъ двухъ промежуточныхъ лѣтъ.

Между тѣмъ, увлеченіе философіей все болѣе и болѣе овладѣвало кружкомъ Станкевича. Мы видѣли въ предъидущей главѣ, что уже въ 1835 году Станкевичъ приступилъ къ самостоятельному изученію философіи Шеллинга. Отъ Шеллинга онъ тотчасъ-же перешелъ къ послѣдовательному изученію всѣхъ германскихъ философовъ, начиная съ Канта, и первое знакомство съ системой Гегеля тоже относится къ 1835 году. По крайней-мѣрѣ, въ этомъ году, въ декабрьской книжкѣ „Телескопа", является большая передовая статья Станкевича: „Опытъ о философіи Гегеля", соч. Вильмена. Въ томъ-же году помѣщенъ былъ въ „Телескопѣ" переводъ лекціи Фихте „О назначеніи ученыхъ" (см. „Телескопъ" 1835 г., ч. 29, № 17).

Но крайнее увлеченіе философіей Гегеля началось въ кружкѣ уже послѣ прекращенія „Телескопа" и отъѣзда Станкевича заграницу (въ 1837 г.), и за отсутствіемъ послѣдняго вожакомъ этого увлеченія сдѣлался Ба—нинъ.

Ба—нинъ кончилъ курсъ въ артиллерійскомъ корпусѣ и былъ выпущенъ въ гвардію офицеромъ. Его отецъ, говорятъ, сердясь на него, самъ просилъ, чтобы его перевели въ армію; брошенный въ какой-то потерянной бѣлорусской деревнѣ, съ своимъ паркомъ, Б—нинъ одичалъ, сдѣлался нелюдимымъ, не исполнялъ службы и дни цѣлые лежалъ въ тулупѣ на своей постели. Начальникъ парка жалѣлъ его, но дѣлать было нѣчего; онъ ему напомнилъ, что надобно или служить, или идти въ отставку. Б—нинъ не подразумѣвалъ, что онъ имѣетъ на это право, и тотчасъ попросилъ его уволить. Получивъ отставку, Б—нинъ пріѣхалъ въ Москву; съ этого времени (около 1836 г.) началась для Б—нина серьёзная жизнь. Онъ прежде ничѣмъ не занимался, ничего не читалъ и едва зналъ по-нѣмецки. Съ большими діалектическими способностями, съ упорнымъ, настойчивымъ даромъ мышленія, онъ блуждалъ, безъ плана и компаса, въ фантастическихъ построеніяхъ и ауто-дидактическихъ попыткахъ. Станкевичъ понялъ его таланты и засадилъ его за философію. Б—нинъ по Канту и Фихте выучился по-нѣмецки и потомъ принялся за Гегеля, котораго методу и логику онъ усвоилъ въ совершенствѣ, и кому не проповѣдывалъ ее потомъ? И Бѣлинскому, и дамамъ и Прудону.

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ характеристикѣ отвлеченно-примирительнаго направленія, которое развилось въ кружкѣ Бѣлинскаго, мы должны установить надлежащую точку зрѣнія на основныя причины всѣхъ крайностей этого увлеченія. На разсматриваемое нами явленіе, какъ и на всѣ факты жизни, могутъ быть. двѣ противоположныя точки зрѣнія—идеалистическая и реальная Идеалистическая точка зрѣнія отличается тѣмъ, что она всѣ направленія, стремленія и поступки людей, и всѣ историческія событія выводитъ непосредственно изъ идей. По ея мнѣнію, люди сами по себѣ ни добры, ни злы, ни прогрессивны, ни регрессивны, а представляются какими-то tabula rasa, а все зависитъ отъ того, что̀ будетъ написано на этихъ tabula rasa; если человѣкъ случайно увлечется добрыми и прогрессивными принципами, то изъ него выйдетъ прогрессистъ, а если злыми и регрессивными, то онъ сдѣлается обскурантомъ. Реальная-же точка зрѣнія предполагаетъ наоборотъ, что тѣ или другія направленія, стремленія и поступки людей происходятъ прежде всего отъ массы условій жизни, создающихъ въ человѣкѣ различныя симпатіи и антипатіи прежде еще ихъ разумнаго сознанія и формулированія, и что, затѣмъ, изъ образовавшагося уже направленія создаетъ человѣкъ рядъ соот-

вѣтствующихъ ему идей, принциповъ, создаетъ ихъ самъ, или-же принимаетъ готовые уже, если такіе существуютъ. Реализмъ не отвергаетъ возможности увлеченія такими принципами, которые не имѣютъ никакого соотвѣтствія съ реальными наклонностями и побужденіями, вырабатываемыми жизнію, но подобныя увлеченія могутъ быть только временныя, не глубокія, и человѣкъ скоро бросаетъ эти принципы, увлекаясь туда, куда тянетъ его жизнь.

До сихъ поръ относительно разсматриваемаго нами явленія преобладала въ литературѣ нашей идеалистическая точка зрѣнія. Исключительною виновницей отвлеченно-примирительнаго направленія въ кружкѣ Станкевича считалась философія Гегеля, въ особенности-же изъ всей этой системы пресловутая форма ея, *что дѣйствительно, то разумно и что разумно — то дѣйствительно.*

Но не стоитъ большого труда, чтобы разрушить такое заблужденіе. Дѣло въ томъ, что если всякая философская система, не исключая даже средневѣковаго мистицизма *), можетъ послужить для выводовъ, какъ въ духѣ квіэтизма, такъ и въ духѣ активнаго вмѣшательства въ жизненную борьбу, то философія Гегеля — въ особенности, потому что, заканчивая собою переходную эпоху романтическаго броженія, она заключила въ себѣ, какъ въ фокусѣ, ту раздвоенность, которая характеризуетъ собою эту эпоху. Философія Гегеля — это мостъ, одинъ конецъ котораго упирается въ средневѣковой мистицизмъ, другой — въ современный намъ реализмъ. Вотъ почему эта система представила зрѣлище, до того времени невиданное и неслыханное въ исторіи развитія различныхъ философскихъ системъ. Всѣ другія системы составляютъ замкнутый въ себѣ кругъ и отличаются тѣмъ, что разъ вы согласились съ представителемъ ихъ въ основныхъ принципахъ, вы должны согласиться, вмѣстѣ съ тѣмъ, и во всѣхъ выводахъ, вы можете даже сами придти къ тѣмъ-же выводамъ, безъ помощи учителя. На почвѣ-же философіи Гегеля ученики его изъ однихъ и тѣхъ-же основаній пришли къ выводамъ діаметрально-противо-

*) Приверженецъ квіэтизма въ духѣ средневѣковаго мистицизма можетъ опираться на то, что безъ воли божіей волосокъ не можетъ упасть съ головы человѣка, и что, слѣдовательно, нашъ удѣлъ — терпѣть, страдать и покоряться; на что приверженецъ активнаго вмѣшательства въ жизненную борьбу можетъ, на основаніи того-же міросозерцанія, возразить, что если все отъ Бога, то и стремленіе бороться со зломъ тоже можетъ быть внушаемо человѣку божіимъ вдохновеніемъ, при чемъ провидѣніе избираетъ человѣка орудіемъ для наказанія зла и водворенія правды на землѣ.

положнымъ, чѣмъ ихъ учитель. И это зависѣло не отъ чего иного, какъ отъ двойственности, скрытой въ самыхъ основаніяхъ этой системы, стоящей на распутьѣ двухъ вѣковъ.

Мы говорили уже выше, обозрѣвая ходъ романтическаго броженія, что философія Гегеля была первая на почвѣ романтизма, рѣшившаяся смѣло отрѣшиться отъ дуализма и признать единое начало всего сущаго, хотя бы на первый разъ начало духовное, и дуализмъ, т.-е. міросозерцаніе, основанное на представленіи борьбы между противоположными началами, явился въ философіи Гегеля не на первомъ планѣ, а на второмъ, какъ только переходное состояніе въ развитіи идеи, изъ котораго идея снова возвращается къ своему единству. Мы убѣждены, что въ такомъ понятіи, послужившимъ основнымъ началомъ всей философіи Гегеля, всецѣло отразился характеръ вѣка, въ который жилъ Гегель. Вспомните только, въ чемъ заключалась основная сущность романтическаго движенія: въ томъ, что мысль вышла изъ того дѣтски-непосредственнаго довѣрія, въ какомъ она находилась въ средніе вѣка, и для нея начались муки борьбы и раздвоенности, изъ которой, казалось, не было никакого выхода. Гегель возвелъ это переходное состояніе мысли въ общій принципъ всего сущаго и, сообразно этому, началъ учить, что идея существуетъ сначала въ состояніи безраздѣльнаго, непосредственнаго бытія, потомъ она разлагается на свои противорѣчія. А далѣе... далѣе Гегель предчувствовалъ уже выходъ изъ своего вѣка, хотя и не сознавалъ его вполнѣ ясно: „далѣе — училъ Гегель — противорѣчія должны быть сняты и идея должна явиться въ новомъ блескѣ, сознанная разумомъ, воплощенная въ жизни, въ единствѣ своего многоразличія. Въ этомъ ученіи примиренія противорѣчій и заключалась та обаятельность философіи Гегеля, какую естественно она должна была имѣть для умовъ, растерзанныхъ сомнѣніями и противорѣчіями и невидѣвшихъ никакого исхода изъ нихъ; поэтому, на нее и набросились всѣ съ жаждой найти въ ней конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ вѣка. Но, затѣмъ, сейчасъ-же и представляется вопросъ, въ чемъ-же должно заключаться это примиреніе противорѣчій, *синтезъ*, какъ называлъ его Гегель. Здѣсь-то именно и обнаружилась двойственность основаній гегелевской философіи, т.-е. возможность изъ однихъ и тѣхъ-же основаній сдѣлать выводы совершенно противоположные — въ духѣ среднихъ вѣковъ, или современнаго намъ мышленія. Люди, ближе стоявшіе къ среднимъ вѣкамъ, къ числу кото-

рыхъ принадлежалъ и самъ Гегель, приняли послѣднюю фазу развитія идеи — синтезъ исключительно въ смыслѣ абстрактнаго мышленія: по ихъ мнѣнію, сущее есть не что иное, какъ діалектическій процессъ развитія идеи, разлагающейся на свои противорѣчія. Поэтому, противорѣчія, которыми наполнена жизнь, суть явленія только кажущіяся, но не дѣйствительныя, точно также, какъ и все частное, единичное, есть призракъ: дѣйствительно только общее, т.-е. соединеніе противорѣчій въ сознаніи рефлектирующаго разума. Изъ этого выходитъ, что такъ-какъ міръ полонъ частностей и все въ мірѣ, если хотите, само по себѣ, частное, то истинная дѣйствительность возможна только въ разумѣ человѣка, высшая-же фаза возсоединенія абсолютной идеи во всѣхъ ея противорѣчіяхъ — есть философія Гегеля; въ ней абсолютная идея сказала свое послѣднее слово. Не напоминаетъ-ли вамъ подобное ученіе столь-же наивныя понятія о средоточіи всего вокругъ человѣка, господствовавшія въ средніе вѣка? Тогда точно также всѣ звѣзды небесныя вращались вокругъ земли и весь міръ былъ предоставленъ на служеніе человѣку, да и то не всѣмъ людямъ вообще, а только одному какому-нибудь избранному народу. На такой-же средневѣковой почвѣ стоялъ и Гегель, когда училъ, что абсолютная идея, пройдя въ своемъ процессѣ черезъ все мірозданіе, далѣе, затѣмъ, черезъ исторію Востока, Греціи, Рима, наконецъ, завершила собою всемірную исторію, дойдя до полнаго своего синтеза въ племени германскомъ, именно въ философіи Гегеля.

Но люди, стоявшіе уже въ дверяхъ новаго времени, сдѣлали изъ тѣхъ-же основаній совершенно иные выводы. Избавившись изъ узкой сферы индивидуализма и усвоивши себѣ идею всеобщаго, міроваго, безконечнаго развитія, подъ снятіемъ противорѣчій, они разумѣли единство идеи и бытія, осуществившееся не только въ мышленіи философа, но и въ самой жизни.

Поэтому, для нихъ недостаточно уже было снимать противорѣчія въ рефлектирующемъ разумѣ: въ стремленіи вносить въ жизнь сознанную ими идею и въ самой жизни снимать ея противорѣчія они и видѣли именно истинный процессъ осуществленія идеи въ единствѣ бытія и понятія.

Во всякомъ случаѣ, и въ томъ и другомъ выводахъ не было и тѣни оправданія всякихъ мерзостей во имя разумности дѣйствительности. О второмъ родѣ нѣчего и говорить: подъ истинно дѣйствительнымъ онъ понималъ только разумную дѣйствительность и въ формулѣ снятія противорѣчій объявлялъ войну всему, что̀ не

считалъ разумнымъ и совершеннымъ. Первый-же родъ выводовъ, если и велъ къ отрѣшенію отъ всякаго активнаго отношенія къ жизни и безстрастному квіэтизму, то вовсе, опять-таки, не вслѣдствіе оправданія всѣхъ гадостей разумностью дѣйствительнаго, а напротивъ того, признаніемъ всей реальной дѣйствительности за міръ случайности и призрачности и отрѣшеніемъ человѣка отъ этого міра въ отвлеченную сферу діалектики. Въ этомъ отношеніи гегелевская философія тѣсно сходилась съ средневѣковымъ аскетизмомъ, который точно также считалъ все относящееся къ внѣшней, окружающей насъ жизни—суетой суетъ и полагалъ, что истинная сфера жизни есть одна только сфера духовная, религіозно-созерцательная.

Но для того, чтобы признать такое ученіе аскетическаго отрѣшенія отъ жизни, для того, чтобы увѣровать въ него и увлечься имъ, нужно стоять на такой степени развитія, чтобы подобное ученіе было совершенно, что называется, по головѣ, да и этого еще мало: развѣ мы не видимъ множества людей, стоящихъ на очень низкой степени развитія, но которые, тѣмъ не менѣе, являются людьми вполнѣ живыми, готовыми откликаться такъ или иначе на всякій вопросъ жизни и которые никогда не предпочтутъ активному вмѣшательству въ дѣла жизни олимпійски-безстрастное, сухое, аскетическое созерцаніе ея или удаленіе отъ нея въ безвоздушное пространство какихъ-либо отвлеченныхъ умствованій. Для того, чтобы вступить на путь какого бы то ни было аскетизма, необходимы особенныя условія жизни, предрасполагающія къ такому направленію мысли. Такимъ образомъ, не въ одной философіи Гегеля должны мы искать источника заблужденій, развившихся въ кружкѣ Станкевича. Воспринятіе этой философіи въ томъ или другомъ видѣ прежде всего зависѣло отъ степени умственнаго развитія, на которой стоялъ кружокъ, но въ то-же время и отъ вліяній условій жизни, съ одной стороны общественныхъ, а съ другой — и частныхъ условій быта большинства членовъ кружка. И если мы обратимъ вниманіе на все это, мы увидимъ, что какою бы философскою системой ни увлекся Бѣлинскій со своими друзьями, во всякомъ случаѣ, они не замедлили бы придти къ выводамъ въ духѣ того-же квіэтизма и отвлеченной созерцательности.

Прежде всего надо обратить вниманіе на то, что кружокъ, по своему развитію, стоялъ на степени самаго узкаго индивидуализма. Хотя члены его и много толковали о цивилизаціи самостоятель-

ной и подражательной, всѣ эти, повидимому, широкія идеи примѣнялись не иначе, какъ къ вопросу о развитіи отдѣльной личности въ томъ или другомъ духѣ. Въ саморазвитіи или взаимномъ развитіи между членами кружка замыкались всѣ умственные интересы друзей. Къ тому-же и саморазвитіе это принималось въ тѣсномъ смыслѣ развитія изящно-эстетическаго и отвлеченно-философскаго. И это обусловливалось не одною только узостью умственнаго кругозора: самая жизнь вела къ этому.

Между тѣмъ, какъ старое поколѣніе сходило мало-по-малу съ поприща, унося съ собою свои неоправданныя мечты или въ настоящіе гробы, или въ гробы въ видѣ мистицизма, нѣмой апатіи въ какой-нибудь усадьбѣ, въ отдаленномъ захолустьѣ, молодое поколѣніе воспитывалось среди глухой, непробудной реакціи, среди массы общества, совершенно индиферентнаго ко всякимъ вопросамъ, превышавшимъ мелочную пошлую обыденность. Ни малѣйшаго живаго звука вокругъ, ни малѣйшаго проблеска гдѣ-либо какого-нибудь общественнаго движенія, которое могло бы обратить на себя вниманіе и заставить задуматься юношу: — глухое молчаніе вокругъ и утомительно скучная будничная канитель тянулась безъ конца мѣсяцы, годы... Среди такой пустоты и скуки вокругъ, можно себѣ представить, какъ сладка и упоительна могла казаться юношѣ внутренняя, отвлеченно-умственная жизнь въ стѣнахъ аудиторіи или въ тѣсномъ кружкѣ товарищей: тамъ была хоть какая-нибудь жизнь, движеніе, развитіе, горячіе споры и пренія, тамъ манила, увлекала и распаляла воображеніе философія своими бездонными пропастями отвлеченно-туманныхъ умствованій; тамъ лилась среди глубокой тишины, надъ притаившею дыханіе толпой, полная вдохновенія рѣчь любимаго профессора, который, казалось, такъ горячо, безкорыстно былъ преданъ своему дѣлу, и юношество поучалось у этого профессора тому, что на первомъ планѣ должно стоять въ жизни мыслящаго человѣка эстетическое развитіе, что тотъ никогда не сдѣлается истиннымъ человѣкомъ, въ комъ не развито чувство изящнаго, что только просвѣтленіе чувства художественною созерцательностью и мысли философскимъ анализомъ можетъ возвысить человѣка надъ массой грубаго эмпиризма и низкой чувственности. Подъ вліяніемъ этой пропаганды вчитывались, вдумывались, опять вчитывались, опять вдумывались юноши въ произведенія великихъ поэтовъ, путались въ философскихъ опредѣленіяхъ и категоріяхъ и аскетически удалялись въ эту отвлеченную сферу не только отъ грубой

чувственности, но и отъ всей внѣшней, окружавшей ихъ жизни, и не только отъ участія въ ней, но и отъ анализа ея. При всѣхъ своихъ философскихъ увлеченіяхъ, юноши оставались, по своимъ убѣжденіямъ, общественнымъ, нравственнымъ, семейнымъ, на степени тѣхъ-же патріархальныхъ, беззавѣтныхъ вѣрованій, какъ и любой простолюдинъ, незнавшій грамоты. Они сознавали, что общество тонетъ въ пошлости и грязи, но это сознаніе не шло у нихъ далѣе сожалѣнія, зачѣмъ толпа не увлекается такъ глубоко Шекспиромъ или Гёте, какъ они, и зачѣмъ не всѣ философы по Шеллингу и Гегелю. Такое прекраснодушіе, прямое слѣдствіе узкой замкнутой жизни, школы и тѣснаго кружка, могло разсѣеваться очень быстро, если человѣкъ по выходѣ изъ училища долженъ быть немедленно вступать въ близкое, непосредственное столкновеніе съ практическою жизнью. Въ такомъ случаѣ ему оставалось что-нибудь изъ двухъ: или погибнуть, если онъ по своей натурѣ не могъ поладить съ окружающею его пошлостью— такъ и погибали въ то время многія свѣжія, молодыя силы, погибали часто въ глухой безвѣстности, безъ малѣйшаго участія или сожалѣнія—или-же помириться съ дѣйствительностью въ такомъ видѣ, какова она есть, и махнувъ рукой на юныя мечты, на Шиллера и Гегеля, втянуться въ тину мелкой рутины... Но кромѣ этихъ двухъ, въ обоихъ случаяхъ печальныхъ исходовъ, былъ еще третій, возможный, конечно, не для всѣхъ, но для весьма значительнаго большинства юношей особенной среды. Это была та среда несановитаго дворянства, о которой мы говорили въ предъидущей главѣ. Это были юноши, составлявшіе въ то время большинство учащейся молодежи въ университетахъ. Они были не настолько знатны, чтобы, по выходѣ изъ университета, блистать въ большомъ свѣтѣ и втянуться по уши въ свѣтскую жизнь, и не на столько бѣдны, чтобы непремѣнно запрягаться въ служебную лямку. Многіе изъ нихъ, правда, удалялись и въ свѣтскіе, и въ служебные круги, но тѣ, въ которыхъ сильно были возбуждены умственные интересы, могли безъ всякихъ затрудненій избѣжать всякихъ столкновеній съ внѣшнею жизнью, и по выходѣ изъ университетовъ и училищъ оставаться все такими-же прекраснодушными мечтателями, хоть до сѣдыхъ волосъ. Многіе изъ нихъ до сѣдыхъ волосъ такими и остались. Изъ этихъ-то прекраснодушныхъ пропріетеровъ и составились въ сороковыхъ годахъ цѣлые кружки, группировавшіеся вокругъ какого-либо семейства, въ какой-нибудь упоительной усадьбѣ или гостепріимномъ домѣ Москвы,

Таковы, напримѣръ, были, по воспоминаніямъ Панаева, семейства Аксаковыхъ, Щепкиныхъ, М—хъ; такова была чистая сфера кроткой христіанской семейной жизни, которою такъ восхищался Станкевичъ. Очень часто кружки собирались и вокругъ женщинъ, особенно привлекавшихъ силой развитаго ума или граціи — такова, напримѣръ, была Елизавета Павловна Фролова, съ которою были дружны Станкевичъ, Грановскій и многіе другіе замѣчательные люди того времени и о которой всѣ современники отзываются не иначе, какъ съ увлеченіемъ. Всѣ эти кружки вели жизнь совершенно замкнутую въ своей сферѣ, и надо замѣтить, что врядъли когда повторится на Руси подобная-же жизнь до такой степени обаятельная, привольная, свѣтлая при всей тяжести общественной обстановки того времени, исполненная утонченнаго, изящнаго эпикуреизма чисто-классическаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, читая различныя воспоминанія и описанія жизни этихъ кружковъ, вы точно будто переноситесь въ древній міръ, въ среду какихъ-нибудь аѳинянъ, временъ Сократа, бесѣдующихъ въ тѣни прохладныхъ портиковъ о разныхъ философскихъ вопросахъ при дружескихъ и веселыхъ возліяніяхъ Вакху. Съ этимъ только и можно сравнить эти вѣчные разъѣзды то по усадьбамъ, то по заграничнымъ городамъ, этотъ обмѣнъ мысли и остроумія, философскихъ преній и эстетическихъ наслажденій, то въ какомъ-нибудь сельскомъ домикѣ за шипучимъ самоваромъ въ кругу изящныхъ женщинъ и такихъ-же изящныхъ юношей, то на дружеской пирушкѣ или гастрономически утонченномъ обѣдѣ, на которомъ шампанское лилось рѣкой, то въ дрезденской картинной галлереѣ, среди развалинъ Рима или въ аудиторіяхъ берлинскаго университета. Это былъ по истинѣ пиръ во время чумы. Я далекъ отъ утвержденія, чтобы веселіе этого пира ничѣмъ не помрачалось. Достаточно было мукъ непризнанной любви, или хотя и признанной, но быстро испарившейся и утратившей свѣжесть чувства вслѣдствіе преданія ея излишнимъ философскимъ рефлексіямъ; достаточно было преждевременной смерти какого-либо дорогаго гостя пиршества, напримѣръ, Станкевича, Фроловой или Бѣлинскаго, наконецъ, достаточно было, чтобы чума, зацѣпивши кого-либо изъ пирующихъ, неожиданно швырнула его куда-нибудь къ чорту на кулички—веселіе пирующихъ смолкало, омрачалось на нѣкоторое время — но общій характеръ жизни мыслящихъ и артистическихъ кружковъ сороковыхъ годовъ, все-таки, былъ пиръ, пиръ и пиръ.

Читатель можетъ изливать сколько угодно иронiи на эту среду

и на характеръ ея жизни, на почвѣ которой и развились тѣ утонченные эпикурейцы, праздные фразеры и щепетильные эстетики, которые были воспроизведены впослѣдствіи литературой въ типахъ Лаврецкаго, Райскаго, Бакланова и проч. Мнѣ-же, въ качествѣ безпристрастнаго историка, приходится спокойно обсудить значеніе этой среды въ развитіи нашего общества, ея долю пользы и долю вреда, которыми мы ей обязаны. Приступая къ такому обсужденію, прежде всего я долженъ замѣтить читателю, что, при всей его наклонности къ ироніи, онъ долженъ быть признателенъ этой средѣ за то, что только она и сохранила хоть какіе-либо свободные умственные интересы въ разбираемый нами періодъ, и не будь ея — всякіе умственные интересы надолго изсякли бы въ нашемъ обществѣ и Богъ-вѣсть въ какомъ положеніи находились бы мы въ настоящее время. Этою заслугой своей вышеупомянутая среда была обязана не чему иному, какъ своей обезпеченности, дающей ей возможность жить вполнѣ изолированною и въ своемъ родѣ независимою жизнью. Въ этомъ отношеніи философско-артистическіе кружки тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ миніатюрѣ исполнили роль, подобную средневѣковымъ монастырямъ, которые то-же при своей изолированности могли сохранить кой-какія струи древней цивилизаціи и не дали варварству окончательно стереть съ лица земли всякую ея традицію. Но такая изолированность отразилась также вредно на большинствѣ кружковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какъ и на средневѣковыхъ монастыряхъ. Подобно тому, какъ послѣдніе, замкнутые отъ столкновенія съ живымъ міромъ въ отвлеченную сферу аскетизма, исказили самое наслѣдіе, которое древніе вѣка завѣщали имъ, обративши его въ сухую и мертвую схоластику, то-же, въ другомъ только видѣ, случилось и съ артистически-философскими кружками, о которыхъ мы говорили. И здѣсь открывается передъ нами обратная, мрачная сторона вліянія этихъ кружковъ. Обезпеченные, на сколько было возможно, отъ непосредственныхъ столкновеній съ жизнью, наши философы и эстетики все болѣе и болѣе удалялись отъ того реальнаго ея анализа и пониманія, которое само собою возникаетъ путемъ опыта, когда жизнь начинаетъ тереть бока мало-мальски мыслящему человѣку. Вмѣсто такого анализа жизни явилось отвлеченно-схоластическое подведеніе подъ философскія категоріи ея общихъ схемъ въ родѣ религіи, власти, семьи, науки и искусства... Подобно тому, какъ средневѣковой отшельникъ требовалъ, чтобы всѣ люди были такіе-же аскеты, какими былъ онъ,

не думая вовсе о томъ, есть-ли какая-либо возможность и надобность заглушать въ себѣ всѣ человѣческія потребности и страсти, живя не въ безлюдной пустынѣ, но въ мірѣ, ежеминутно возбуждающемъ ихъ въ человѣкѣ — такъ и наши эстетики, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій своей эпикурейской жизни, составили себѣ въ своемъ родѣ аскетическій идеалъ гармонически-изящнаго уравновѣшенія всѣхъ чувствъ и страстей и олимпійски-спокойнаго и философскаго созерцанія, чуждаго всякой односторонней вражды и злобы партій и, подобно средневѣковымъ монахамъ, они совершенно забыли при этомъ, что такой браминскій квіэтизмъ трудно выполнимъ даже для нихъ, хотя сытая, обезпеченная жизнь болѣе всего могла способствовать успѣху подобнаго балансированія въ предѣлахъ гармоническаго спокойствія. Но что имъ было за дѣло до слезъ, стоновъ и проклятій ихъ ближнихъ... Ближніе должны были все это затаивать и глотать, если хотѣли возвыситься до ихъ олимпійски-величественнаго спокойствія, въ противномъ случаѣ они рисковали заслужить презрѣніе, какъ жалкія односторонности, неимѣющія силъ освободиться отъ узкой субъективности и возвыситься до истиннаго человѣческаго идеала—вѣчнаго сіянія Аполлона Бельведерскаго. Вотъ гдѣ настоящій, истинный источникъ того примиренія и оправданія, который развился въ кружкѣ Станкевича...

Иниціатива ея принадлежала не столько Гегелю, сколько людямъ въ родѣ Станкевича, Боткина и пр., которые проповѣдывали безпристрастно-объективное отношеніе къ жизни, потому что не замѣчали на себѣ ея шиповъ и терній, потому что жизнь гладила ихъ мягкою, бархатною лапкой, скрывая про другихъ свои когти. Мы видѣли въ прошлой главѣ, что раньше еще увлеченія Гегелемъ, Станкевичъ никакъ не могъ помириться съ полемическимъ задоромъ Бѣлинскаго, и не изъ чего инаго, какъ изъ того, что уже тогда Станкевичъ успѣлъ создать идеалъ олимпійски-безстрастнаго созерцанія жизни. Что въ этомъ человѣкѣ было развито не столько примиреніе съ разными соронами общественной жизни, сколько упорное отрѣшеніе отъ всякихъ живыхъ интересовъ ея и полный индиффентизмъ ко всему, что̀ лежало внѣ вопросовъ, эстетическихъ и философскихъ, это намъ весьма наглядно показываетъ одно изъ его заграничныхъ писемъ:

„Вотъ уже нѣсколько дней живу я въ Карлсбадѣ — пишетъ онъ 20-го сентября 1837 года къ Н—ву — началъ пить воды и началъ немножко скучать — не съ кѣмъ молвить слова: молчать

цѣлый день, право, непріятно... Вчера занимался я въ Lesesaal и пресерьёзно читаю „Journal de Débats“ и „Gazette de France“: хозяинъ думалъ, что я охотникъ до политики, и, отъ всей души принимая участіе въ моемъ положеніи, тотъ-же часъ далъ мнѣ два нумера „Débats“ на домъ, говоря: ohne Politik zu lesen ist war doch Todt — но я умираю отъ скуки — читая бо̀льшую часть этихъ политическихъ толковъ. Меня занимаетъ отчасти романъ Тика „Tischlermeister“, который я читаю въ свободные часы, больше по вечерамъ, потому что днемъ должно ходить и пр.“.

Вы видите здѣсь не человѣка, оправдывающаго данный порядокъ жизни, который, при всемъ этомъ оправданіи, можетъ быть, однакоже, очень глубоко заинтересованъ вопросами жизни, можетъ зачитываться газетой своей партіи и активно относиться къ политикѣ, хотя бы и въ духѣ своего оправданія. Напротивъ того, здѣсь передъ вами отвлеченный школяръ, который зѣваетъ надъ газетами и не можетъ понять, какъ это люди, вмѣсто высокихъ эстетическихъ наслажденій и философскихъ размышленій о началѣ всѣхъ началъ, могутъ заниматься такими мелочными дрязгами жизни, какъ различныя политическія пренія.

Но читатель при этомъ, конечно, сейчасъ-же спроситъ меня: если я считаю одною изъ главныхъ причинъ такого отрѣшенія отъ живыхъ вопросовъ изолированное положеніе людей отъ шиповъ и терній жизни вслѣдствіе тѣхъ благопріятныхъ условій, какія представляла для этого обезпеченная, независимая усадебная жизнь насчетъ труда другихъ, то какъ-же Бѣлинскаго я приравняю къ такимъ-же условіямъ. Не выгораживалъ-ли я его въ предъидущей главѣ отъ его прекраснодушныхъ товарищей, не объяснялъ-ли я его страстную наклонность къ полемикѣ, его ненависть ко всему гордому, надменно-возвышающемуся, его разочарованіе и ожесточеніе противъ условій современной ему жизни именно тѣмъ, что человѣкъ этотъ слишкомъ много изстрадался, чтобы быть въ состояніи относиться съ тою-же объективною безстрастностью, съ какою относились къ жизни счастливые его пріятели. Какъ-же теперь я объясню внезапный поворотъ Бѣлинскаго на путь того-же примирительнаго прекраснодушія, въ какомъ находились друзья его?..

Но мы видѣли уже въ предъидущей главѣ, что всѣ живыя стремленія Бѣлинскаго, всѣ симпатіи, выработанныя въ немъ жизнью, находились еще на степени неосмысленныхъ инстинктовъ далекія еще отъ глубокаго, яснаго сознанія ихъ и принципіаль-

наго опредѣленія. Мысли Бѣлинскаго находились еще въ томъ неопредѣленномъ хаосѣ, въ которомъ предчувствіе идей и стремленій, согласныхъ съ характеромъ его, выработаннымъ жизнью, смѣшивались безразлично съ различными внѣшними вліяніями. Онъ стоялъ на распутьи самыхъ разнообразныхъ направленій мысли. При такомъ дѣтствѣ мысли достаточно было первыхъ встрѣтившихся людей, которые приласкали бы бездомнаго, одинокаго бѣдняка, приняли бы нѣжное, дружеское участіе въ немъ и явились бы передъ нимъ съ выработаннымъ уже, систематическимъ міросозерцаніемъ, и ему тѣмъ естественнѣе было подчиниться вліянію этихъ людей, чѣмъ сами по себѣ умнѣе и цѣльнѣе были эти люди, чѣмъ образованнѣе и идеальнѣе казались ему они, чѣмъ, наконецъ, увлекательнѣе была всепобѣждающая сѣть ихъ философской діалектики. Разъ сѣвши за праздничный пиръ, Бѣлинскій волей-неволей втянулся въ общее похмѣлье, хотя бы это и было для него похмѣлье въ чужомъ пиру. Наконецъ, въ чемъ заключался для него жизненный опытъ? Пока только въ рядѣ гнетущихъ воспоминаній дѣтства. Но эти воспоминанія могли оттѣнять и представлять въ болѣе обаятельномъ свѣтѣ жизнь, исполненную тонкаго изящества, внѣшней гуманности, философскихъ преній и эстетическихъ наслажденій, которая представилась Бѣлинскому въ кружкѣ его пріятелей. Чѣмъ темнѣе было сзади, тѣмъ свѣтлѣе должно было казаться Бѣлинскому вокругъ въ новой обстановкѣ. Бѣлинскій былъ подобенъ полузамерзшему путнику, попавшему, послѣ всѣхъ неистовствъ вьюги, въ теплую избу; хотя въ избѣ и темно и чадно, клопы и тараканы, но путнику должно казаться, что лучше этой избы ничего не можетъ быть. Такъ и Бѣлинскому могло казаться, что онъ нашелъ такихъ людей, выше которыхъ не можетъ вырабатывать жизнь, такую среду, которая по истинѣ можетъ быть названа земнымъ раемъ, и что нѣтъ и не можетъ быть конца блаженству въ этомъ раю. Естественно было Бѣлинскому закупориться отъ всего міра въ этомъ раѣ. Въ особенности его иллюзіи должны были разцвѣсть, когда и самое матеріальное положеніе обѣщало устроиться къ лучшему. Въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, который издавался Степановымъ подъ редакціей Андросова и Шевырева, произошла перемѣна: Шевыревъ оставилъ редакцію въ 1838 году и на мѣсто его редакцію принялъ почти въ полное свое распоряженіе Бѣлинскій со своими друзьями. Это было выраженіемъ полнѣйшаго торжества Бѣлинскаго и его друзей надъ непріятелемъ въ лицѣ Шевырева.

Въ это время увлеченіе философіей дошло въ кружкѣ Станкевича до своего апогея. Толковали о феноменологіи и логикѣ Гегеля безпрестанно: нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа“, принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности, о ея *по себѣ бытіи*“. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней. Такъ, какъ Франкеръ въ Парижѣ плакалъ отъ умиленія, услышавъ, что въ Россіи его принимаютъ за великаго математика и что все юное поколѣніе разрѣшаетъ у насъ уравненія разныхъ степеней, употребляя тѣ-же буквы, какъ онъ—такъ заплакали бы всѣ эти забытые Вердеры, Маргейнеке, Михелеты, Отто, Вадке, Шиллеры, Розенкранцы и самъ Арнольдъ Руге, котораго Гейне такъ удивительно хорошо назвалъ „привратникомъ гегелевой философіи“ — еслибъ они знали, какія побоища и ратованія возбудили они въ Москвѣ между Маросейкой и Моховой, какъ ихъ читали и какъ ихъ покупали. Главное достоинство Павлова состояло въ необычайной ясности изложенія, нисколько нетерявшей всей глубины нѣмецкаго мышленія; молодые философы приняли, напротивъ, какой-то условный языкъ; они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для бо̀льшей легкости оставляя всѣ латинскія слова in crudo, давая имъ православныя окончанія и семь русскихъ падежей...

Рядомъ съ испорченнымъ языкомъ шла другая ошибка, болѣе глубокая. Молодые философы наши испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманье; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которыми такъ геніально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все въ *самомъ дѣлѣ* непосредственное, всякое пустое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи, и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаваться пантеистическому чувству своего единства

съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ, или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту“ или къ „трагическому въ сердцѣ“. Тоже въ искусствѣ. Знаніе Гёте, особенно второй части „Фауста“ (оттого-ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея) было столько-же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки была на первомъ планѣ. Разумѣется, о Россини и не говорили, къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ, и бѣднымъ, за то производили философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена и очень уважали Шуберта, не столько, думаю, за его превосходныя кантаты, сколько за то, что онъ бралъ философскія темы для нихъ: „Всемогущество Божіе“—„Атласъ“. Наравнѣ съ итальянскою музыкой дѣлила опалу французская литература и вообще все французское, а по дорогѣ и все политическое.

Подобное направленіе не замедлило, конечно, отразиться на характерѣ „Московскаго Наблюдателя“. Онъ началъ наполняться исключительно почти произведеніями нѣмецкихъ поэтовъ, и изъ поэтовъ Гёте, а изъ прозаиковъ Гофманъ стояли на первомъ планѣ; въ то-же время ни одного нумера не проходило безъ какихъ-либо философскихъ и эстетическихъ разсужденій: Такимъ образомъ, журналъ имѣлъ вовсе не такой энциклопедическій характеръ, какой мы привыкли себѣ представлять съ именемъ этого рода изданій у насъ, въ Россіи: это былъ журналъ спеціальный, философско-критическій исключительно. Рядомъ съ критическими статьями, построенными на основаніяхъ философіи Гегеля, тамъ встрѣчались статьи, посвященныя изложенію гегелевской философіи, наконецъ, выдержки изъ самого Гегеля. Таковы были, напримѣръ, „Гимназическія рѣчи Гегеля“, „О философской критикѣ художественнаго произведенія“ Ретшера. Читатели журнала, повидимому, не совсѣмъ были довольны крайнею сухостью многихъ статей журнала, въ особенности статьей Ретшера. По крайней-мѣрѣ, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство самого Бѣлинскаго: „Многіе читатели жаловались — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей (см. С. Б., т. II, стр. 314)—на помѣщеніе нами статьи Ретшера „О философской критикѣ художественнаго произведенія“, находя ее темною, недоступною для пониманія“. И при этомъ Бѣлинскій

обращается къ публикѣ съ наставительнымъ тономъ: „прежде всего мы скажемъ, что не всѣ статьи помѣщаются въ журналахъ только для удовольствія читателей; необходимы иногда и статьи ученаго содержанія, а такія статьи требуютъ труда и размышленія".

Подъ вліяніемъ новаго направленія, многіе прежніе взгляды Бѣлинскаго радикально измѣнились, другіе-же получили развитіе, котораго прежде не имѣли. Прежде Бѣлинскій, выходя изъ теоріи непроизвольности творчества, съ одинаковымъ сочувствіемъ относился къ каждому лирическому стихотворенію, если видѣлъ, что оно проникнуто естественнымъ, непроизвольнымъ чувствомъ. Теперь-же, создавши себѣ идеалъ объективно-спокойнаго созерцанія жизни, онъ подвелъ подъ этотъ идеалъ поэтическое творчество: истинно-художественнымъ, поэтическимъ произведеніемъ онъ сталъ теперь считать только такое, въ которомъ, при объективномъ созерцаніи жизни со стороны художника, онъ видѣлъ такое тѣсное, безразличное соединеніе идеи съ формой, чтобы идея совершенно поглощалась формой; всякое-же преобладаніе идеи или чувства надъ формой, по его мнѣнію, выдѣляло произведеніе изъ предѣловъ истинно-художественнаго творчества. „Въ творчествѣ сила не въ идеѣ — говоритъ онъ (см. т. II, стр. 386) — а въ формѣ, которая, само собою разумѣется, необходимо предполагаетъ и условливаетъ идею, и эта форма должна быть проникнута кроткимъ, благолѣпнымъ сіяніемъ эстетической красоты. Величіе содержанія (идеи) не только не есть ручательство эстетической красоты, но еще часто оподозрѣваетъ ее... Первый-же и высшій способъ непосредственнаго выраженія истины—говоритъ онъ ниже на 388 стр.—есть художественная поэзія, или поэзія формы; а поэзія содержанія, то-есть, такая поэзія, которой сила и могущество заключается въ глубокости и великости идеи, занимаетъ середину между этими двумя способами непосредственнаго способа выраженія истины. Она колеблется между краснорѣчіемъ и худождственностью, безпрестанно переходя то въ краснорѣчіе, что̀ вредитъ ей, то въ художественность, что̀ возвышаетъ ее. Въ этомъ смыслѣ она есть какой-то недоносокъ, и ея произведенія не могутъ надѣяться на долговѣчность". Отправляясь отъ такой узкой доктрины, Бѣлинскій началъ разить и отрицать все, что̀ не подходило къ ней, съ слѣпотой, поразительной для человѣка съ такимъ тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, какимъ былъ одаренъ Бѣлинскій. Такъ, напримѣръ, этого мало, что Гёте за его олимпійскую без-

страстность онъ поставилъ выше Шиллера, онъ началъ совершенно отрицать Шиллера и поставилъ его ниже Пушкина. „Шиллеръ — говоритъ онъ — въ которомъ философскій элементъ безпрестанно боролся съ художественнымъ элементомъ, и часто побѣждалъ его, Шиллеръ, едва-ли не въ бо̀льшей части своихъ произведеній, принадлежитъ къ числу этихъ полупоэтовъ (то-есть, вышеозначенныхъ недоносковъ, витающихъ между художественностью и краснорѣчіемъ). Гёте и нашъ Пушкинъ — вотъ чисто поэтическія натуры: одному довольно сорваннаго цвѣтка, а другому завядшаго цвѣтка, нечаянно найденнаго имъ въ книгѣ, чтобы рпнуть душу читателя въ міръ безконечнаго...“ Сравнивая при этомъ произведеніе Шиллера „Идеалы“ съ „Нереидой“ Пушкина, онъ ставитъ послѣднее на непзмѣримую высоту выше „Идеаловъ“, именно на томъ основаніи, что первое выражаетъ ясную и опредѣленную идею, которую вы можете формулировать, тогда какъ въ „Нереидѣ“ Пушкина есть идея; но она такъ конкретно слита съ формой, что вамъ, чтобы выговорить ее, надо оторвать ее отъ формы, а форма такъ прекрасна, что у васъ не подымается рука на такую операцію“. Изъ этого Бѣлинскій дѣлаетъ слѣдующаго рода заключеніе: „спросите всѣхъ, что лучше—„Идеалы“ или „Нереида“: большинство станетъ за „Идеалы“, но чьи глаза одарены ясновидѣніемъ вѣчной красоты, тѣ даже не станутъ и сравнивать этихъ двухъ произведеній...“ За что̀-же Пушкина-то Бѣлинскій началъ ставить такъ высоко послѣ того разочарованія, съ которымъ онъ относился къ нему въ первый періодъ своей дѣтельности?.. А именно за то самое, за что̀ прежде онъ не любилъ Пушкина, за отрѣшеніе отъ жизни въ олимпійскія сферы безстрастнаго гётевскаго созерцанія, которое было одновременно съ отрѣшеніемъ Пушкина отъ литературныхъ круговъ въ сферы высшаго свѣта. „Предметъ отрадный и грустный въ то-же время — говоритъ Бѣлинскій по поводу посмертныхъ произведеній Пушкина (см. С. Б., т. II, стр. 332) — съ одной стороны мысль, что эти посмертныя произведенія свидѣтельствуютъ о новомъ, просвѣщенномъ періодѣ художественной дѣятельности великаго поэта Россіи, объ эпохѣ высшаго и мужественнѣйшаго развитія его геніальнаго дарованія, а съ другой стороны, мысль о томъ жалкомъ воззрѣніи, съ какимъ смотрѣло на этотъ предметъ дѣтское прекраснодушіе, которое, выглядывая изъ узкаго окошечка своей ограниченной субъективности, мѣритъ дѣйствительность своимъ фальшивымъ аршиномъ, и, осудивши поэта на жизнь подъ соло-

менною кровлей, на берегу свѣтлаго ручейка, не хочетъ признавать его поэтомъ на всякомъ другомъ мѣстѣ: какое противорѣчіе, и сколько отраднаго и горькаго въ этомъ противорѣчіи...“ Изъ этой выдержки мы видимъ, что прежде Бѣлинскій нападалъ на Пушкина не за одну только искусственность творчества въ поддѣлываніи подъ народность, но и раздѣлялъ мнѣніе многихъ своихъ современниковъ, въ томъ числѣ и Полеваго, что Пушкинъ и въ самой жизни пошелъ по ложной дорогѣ, несвойственной поэту. Теперь-же, напротивъ того, онъ смѣялся надъ мнѣніемъ, что среда можетъ испортить поэта, считая такое мнѣніе дѣтскимъ прекраснодушіемъ; теперь для него не было среды, не было жизни съ различными ея вліяніями, дурными и хорошими, а существовала только отвлеченная сфера творчества, чуждая всякихъ отношеній къ жизни, существовала сама для себя, была возможна при какихъ угодно обстоятельствахъ, потому что зависѣла не отъ чего иного, какъ отъ возвышенія поэта надъ всѣмъ міромъ и безстрастнаго созерцанія людской жизни, кишащей гдѣ-то тамъ внизу... Извѣстныя произведенія Пушкина „Поднте прочь: какое дѣло“ и „Пока не требуетъ поэта“ сдѣлались любимыми произведеніями Бѣлинскаго, которыя онъ началъ приводить каждый разъ, для наглядnаго представленія своихъ идеаловъ поэта и художественнаго творчества.

Если Шиллеръ подвергся отрицанію съ точки зрѣнія этихъ идеаловъ, то можно себѣ представить, съ какимъ сожалѣніемъ долженъ былъ смотрѣть Бѣлинскій на такого extra-субъективнаго поэта, каковъ былъ Полежаевъ. Несмотря на то, что муза его не принадлежала къ числу первостепенныхъ, все-таки, она была живымъ отголоскомъ погубленнаго человѣка, который не занимался вычурными измышленіями страданій сердца послѣ сытнаго ужина и нѣсколькихъ бутылокъ шампанскаго, а выражалъ дѣйствительное отчаянье человѣка, котораго вся жизнь была попрана и раздавлена, который на самомъ дѣлѣ

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней.

И если взять въ соображеніе, что въ то время много было такихъ-же несчастныхъ, то понятнымъ представляется, что какъ ни скромна и ни бѣдна была сама по себѣ муза Полежаева, все-таки, она выражала собою одинъ изъ весьма немаловажныхъ мотивовъ жизни того времени; поэтому, она и находила сочувствіе въ каж-

домъ сердцѣ, мало-мальски не зачерствѣломъ и способномъ отзываться на всякіе естественные и живые мотивы поэзіи, какъ радостные, такъ и скорбные. Въ особенности-же муза Полежаева была дорога для людей, такъ или иначе пострадавшихъ отъ неправды жизни, потому что эти люди въ элегіяхъ Полежаева находили стоны и вопли своего собственнаго сердца. Но для Бѣлинскаго въ это время не существовало, какъ мы сказали, никакой связи между поэзіей и жизнью; онъ зналъ только свою доктрину, въ силу которой вычеркивалъ изъ области поэзіи половину всевозможныхъ явленій творчества. И вотъ какъ онъ отозвался о стихотвореніяхъ Полежаева согласно своей доктринѣ:

„Полежаевъ былъ рожденъ великимъ поэтомъ, но не былъ поэтомъ: его творенія — вопли души, терзающей самое себя, стонъ нестерпимой муки субъективнаго духа, а не пѣсни, не гимны, то веселые и радостные, то важные и торжественные, прекрасному бытію, объективно созерцаемому. Истинный поэтъ не есть ни горлица, тоскливо воркующая грустную пѣснь любви, ни кукушка, надрывающая душу однообразнымъ стономъ скорби, но звучный, -армоническій, разнообразный соловей, поющій пѣснь природѣ... Созданія истиннаго поэта суть гимнъ Богу, прославленіе его великаго творенія... Въ царствѣ божіемъ нѣтъ плача и скрежета зубовъ — въ немъ одна просвѣтленная радость, свѣтлое ликованіе, и самая печаль въ немъ есть грустная радость... Поэтъ есть гражданинъ этого безконечнаго и святаго царства: ему Богъ далъ плодотворную силу любви проникать въ таинства „полнаго славы творенья“, и потому онъ долженъ быть его органомъ... Вопли растерзаннаго духа, сосредоточеніе въ скорбяхъ и противорѣчіяхъ земной жизни, доказываютъ пребываніе на землѣ и только тщетное порываніе къ свѣтлому, голубому небу — подножію престола Вездѣсущаго... Вотъ почему мы не оставляемъ имени поэта за Полежаевымъ, и думаемъ, что его пѣсни, нашедшія отзывъ въ современникахъ, не перейдутъ въ потомство. Плачевныхъ и скорбящихъ поэтовъ великій поэтъ Гёте характеризовалъ эпитетомъ лазаретныхъ, и этимъ вполнѣ опредѣлилъ ихъ отрицательное значеніе въ области искусства“ (см. С. Б., т. III, стр. 29, 30).

„Почему-же — спрашиваетъ ниже Бѣлинскій — было такъ, а не иначе, почему поэту не суждено было прозрѣть и въ безконечномъ чувствѣ безконечной любви найти разрѣшеніе и примиреніе противорѣчій бытія?“ Вы думаете, что хоть на подобный вопросъ послѣдуетъ хоть сколько-нибудь прямой и вразумительный отвѣтъ?

„На это одинъ отвѣтъ—восклицаетъ Бѣлинскій—да будетъ благословенна воля Провидѣнія!..“

Впрочемъ, и въ Полежаевѣ открываетъ Бѣлинскій минутные проблески просвѣтленія и примиренія. „Характеръ мрачнаго отчаянья и тяжелой скорби—говоритъ онъ—лежитъ на бо̀льшей части сочиненій Полежаева, но съ его лиры срывались и торжественные звуки примиренія, и гармоническіе аккорды явленій жизни. Кому неизвѣстно его стихотвореніе „Провидѣніе“, въ которомъ, послѣ ужасовъ паденія, онъ такъ торжественно воспѣлъ свое мгновенное возстаніе“ и пр. (см. С. Б., т. III, стр. 31).

Къ числу явленій творчества, которыя Бѣлинскій отрицалъ вслѣдствіе ихъ субъективности, относятся и всѣ сатирическія произведенія, за которыми Бѣлинскій, въ свою очередь, не признавалъ никакого истинно-художественнаго значенія. Бѣлинскій признавалъ, что поэтъ имѣетъ право воспроизводить въ своихъ произведеніяхъ сферу пошлости жизни, отрицательный міръ призраковъ и случайностей, какъ онъ выражался на своемъ философскомъ языкѣ, но и въ такомъ случаѣ онъ требовалъ, чтобы поэтъ относился къ своимъ образамъ совершенно объективно, чтобы „поэтическимъ ясновидѣніемъ своимъ онъ провидѣлъ ихъ идею и, проведя ихъ черезъ свою творческую фантазію, просвѣтлялъ этою идеей ихъ естественную грубость и грязность“.

„Объективность — говоритъ онъ (см. С. Б., т. III, стр. 370) — какъ необходимое условіе творчества, отрицаетъ всякую моральную цѣль, всякое судопроизводство со стороны поэта. Изображая отрицательныя явленія жизни, поэтъ нисколько не думаетъ писать сатиры, потому что сатира не принадлежитъ къ области искусства и никогда не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. Рисуя нравственныхъ уродовъ, поэтъ дѣлаетъ это совсѣмъ не скрѣпя сердце, какъ думаютъ многіе: нельзя сердиться и творить въ одно и то-же время; досада портитъ желчь и отравляетъ наслажденіе, а минута творчества есть минута величайшаго наслажденія. Поэтъ не можетъ ненавидѣть свои изображенія, каковы бы они ни были; напротивъ, скорѣе онъ ихъ любитъ, потому что они представляются ему уже просвѣтленными идеей“.

Идеаломъ такого объективно-безпристрастнаго изображенія отрицательной стороны жизни Бѣлинскій съ большою натяжкой считалъ Гоголя. Мы говоримъ съ натяжкою, потому что считаемъ всѣ требованія Бѣлинскаго относительно безпристрастной объективности построенными на воздухѣ и неимѣющими оправданія ни

въ одномъ поэтическомъ произведеніи, когда-либо явившемся на свѣтъ. Субъективный элементъ присущъ въ такой-же мѣрѣ поэтическому творчеству, какъ и объективный, и какъ бы послѣдній ни преобладалъ надъ первымъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, во всякомъ случаѣ, и они не могутъ вполнѣ быть свободны отъ субъективности. Если вы возьмете творенія Гёте или Пушкина за послѣдній періодъ ихъ жизни, и въ нихъ, при всемъ кажущемся олимпійскомъ спокойствіи, вы найдете своего рода субъективность, потому что если въ нихъ нѣтъ какихъ-либо рѣзкихъ чувствъ радости, грусти, злобы, то неужели только одни рѣзкія чувства и составляютъ сферу субъективности; почему-же всякое спокойное, теплое чувство, „просвѣтленная радость, свѣтлое ликованье“, какъ выражается Бѣлинскій, исключать изъ сферы субъективности? Еслиже вы найдете субъективный элементъ даже въ самыхъ, повидимому, объективно-безстрастныхъ произведеніяхъ Гёте и Пушкина, то въ произведеніяхъ Гоголя субъективный элементъ преобладаетъ еще въ бо̀льшей степени; что-же иное, какъ не чисто субъективный элементъ представляетъ въ произведеніяхъ Гоголя тотъ смѣхъ, изъ-подъ котораго слышится такая надрывающая грусть. Совершенно вопреки разсужденіямъ Бѣлинскаго о томъ, что нельзя сердиться и творить въ одно и то-же время, что досада портитъ жолчь и отравляетъ наслажденіе, а минута творчества есть минута величайшаго наслажденія, Гоголь самъ признавался, что онъ садился писать въ самыя тяжелыя минуты своей жизни, что смѣхомъ надъ своими героями онъ старался заглушать тяжелую, гнетущую тоску, свинцомъ налегавшую на него временами.

Для того, чтобы наглядно показать нехудожественность сатиры, Бѣлинскій уже во время своей петербургской дѣятельности въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ статьѣ „Горе отъ ума“ (см. ч. III, стр. 357), представилъ параллельный разборъ „Ревизора“ Гоголя и „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. „Ревизоръ“ представляется въ разборѣ Бѣлинскаго, очевидно, идеаломъ художественной комедіи, по своей объективности, развитію дѣйствія, выдержанности характеровъ, между тѣмъ, „Горе отъ ума“ Бѣлинскій, съ своею смѣлою послѣдовательностью, совершенно исключаетъ изъ области художественныхъ произведеній на томъ основаніи, что въ комедіи этой почти нѣтъ никакого дѣйствія, характеры, вмѣсто того, чтобы выражаться въ поступкахъ, сами себя обличаютъ въ сатирическихъ монологахъ, субъективный, сатирическій элементъ преобладаетъ въ комедіи надъ всѣмъ и въ каждомъ стихѣ вы чувствуете

присутствіе самого Грибоѣдова. Оба эти образца комедіи подобраны весьма удачно и разборъ ихъ въ частностяхъ вышелъ блистателенъ, но выводы, тѣмъ не менѣе, оказываются совершенно ложными. Недостатки „Горе отъ ума“, весьма вѣрно указанные Бѣлинскимъ, происходятъ, въ сущности, вовсе не отъ того, чтобы сатира, преобладающая въ комедіи, сама по себѣ была элементомъ нехудожественнымъ и портила комедію въ той-же степени, какъ еслибы комедія была наполнена алгебрическими вычисленіями; недостатки комедіи зависятъ отъ несоблюденія такихъ художественныхъ условій, которыя составляютъ необходимость этого рода поэзіи—таковы быстрота и полнота дѣйствія, сила драматическаго эффекта, выдержанность характеровъ; будь эти условія соблюдены, и сатирическія тирады не только не уменьшили бы достоинства комедіи, а придавали бы еще болѣе опредѣленности и рельефности ея положеніямъ, подобно тому, какъ, напримѣръ, сатирическія тирады нисколько не уменьшаютъ достоинствъ трагедій Шекспира, хотя вы найдете ихъ въ каждомъ актѣ, и никому не придетъ въ голову пенять на Шекспира, зачѣмъ онъ допускаетъ ихъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, всѣ недостатки комедіи Грибоѣдова происходятъ всецѣло оттого, что сатира, преобладающая въ ней, есть элементъ нехудожественный. Выведемъ окончательный результатъ изъ всего сказаннаго нами о „Горе отъ ума“, какъ оцѣнку этого произведенія — говоритъ онъ въ заключеніе своего разбора (см. С. Б., т. III, стр. 432)—„Горе отъ ума“ не есть комедія, по отсутствію, или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное созданіе, по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно, и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. „Горе отъ ума“—сатира, а не комедія; сатира-же не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. И въ этомъ отношеніи „Горе отъ ума“ находится на неизмѣримо безконечномъ разстояніи ниже „Ревизора“, какъ вполнѣ художественнаго созданія, вполнѣ удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искусства и основнымъ законамъ творчества“.

Рядомъ съ развитіемъ этой противоестественной эстетической теоріи, задатки французоѣдства, которые мы видѣли въ первомъ періодѣ дѣятельности Бѣлинскаго, развились до послѣдней крайности. Въ первый періодъ, онъ хотя и низко ставилъ французовъ, но, все-таки, находилъ въ нихъ кой-какія преимущества; теперьже онъ началъ смотрѣть на весь французскій народъ, какъ на скопище развратныхъ изверговъ, неимѣющихъ ничего святого.

„Это народъ внѣшности — говоритъ онъ на 312 стр. т. II — онъ живетъ для внѣшности, для показу, и для него не столько важно быть великимъ, сколько казаться великимъ, быть счастливымъ, сколько казаться такимъ. Посмотрите, какъ слабы, ничтожны во Франціи узы семейственности, родства; въ ихъ домахъ внутренніе покои пристроиваются къ салону и домашняя жизнь есть только приготовленіе къ выходу въ салонъ, какъ закулисныя хлопоты и суетливость есть приготовленіе къ выходу на сцену. Французъ живетъ не для себя—для другихъ; для него не важно, что̀ онъ такое, а важно, что̀ о немъ говорятъ; онъ весь во внѣшности, и для нея жертвуетъ всѣмъ — и человѣческимъ достоинствомъ, и личнымъ своимъ счастіемъ. Самая высшая точка духовнаго развитія этой націи, цвѣтъ ея жизни — есть понятіе о чести... У французовъ — у нихъ во всемъ конечный, слѣпой разсудокъ, который хорошъ на своемъ мѣстѣ, т.-е. когда дѣло идетъ о уразумѣніи обыкновенныхъ житейскихъ вещей, но который становится буйствомъ передъ Господомъ, когда заходитъ въ высшія сферы знанія. Народъ безъ религіозныхъ убѣжденій, безъ вѣры въ таинство жизни — все святое оскверняется отъ его прикосновенія, жизнь мретъ отъ его взгляда. Такъ оскверняется для вкуса прекрасный плодъ, по которому проползла гадина...“

„Все, что̀ есть отвратительнаго въ человѣческой природѣ — говоритъ онъ въ то-же время о французскихъ писателяхъ (см. С. Б., т. II, стр. 396) — всѣ ея уклоненія, все, что̀ есть ужаснаго въ гражданскомъ обществѣ, всѣ его противорѣчія — все это они отвлекли отъ природы человѣка и отъ гражданскаго общества, и рядъ чудовищно-нелѣпыхъ романовъ, повѣстей и драмъ наводнилъ весь бѣлый свѣтъ. Евгеній Сю просто-на-просто объявилъ, что на этомъ свѣтѣ быть честнымъ и добрымъ, значитъ мѣтить прямо на висѣлицу или на колесо, а быть мерзавцемъ и извергомъ есть вѣрное средство наслаждаться всѣми благами міра сего. Гюго объявилъ себя защитникомъ всѣхъ гонимыхъ, т.-е. физическихъ и моральныхъ чудовищъ: по его теоріи, всѣ сосланные на галеры съ клеймомъ лиліи — люди добродѣтельные, невинно гонимые обществомъ. Бальзакъ проповѣдуетъ, что быть бѣднымъ — все равно, что заживо попасть въ адъ, и что быть счастливымъ и блаженнымъ, значитъ — имѣть кучу денегъ и право ставить передъ своею фамиліей частицу *de*. Дюма возвѣстилъ міру, что любить женщину, значитъ быть готовымъ каждую минуту задушить, зарѣзать ее; что сильно и глубоко чувствовать, значитъ быть тигромъ, гіенной.

Жоржъ-Зандъ приглашаетъ людей къ естественному состоянію, почитая гражданскія установленія, и особенно бракъ, главною причиной человѣческихъ бѣдствій. Развратъ, кровосмѣшеніе, разбой, отцеубійство, дѣтоубійство, братоубійство, предательство, казни, пытки, кровь, гной, рѣзня, тюрьмы, дома разврата—сдѣлались любимыми пружинами для возбужденія эффекта. И что̀-же? — вы думаете, что это люди съ сильными страстями, съ могучею волей, мученики жизни?—Ничего не бывало! это просто добрые ребята, краснощекіе, полные, здоровые, богатые, по модѣ одѣтые, роскошно живущіе. За вкуснымъ обѣдомъ и бутылкой шампанскаго они охотно забываютъ свое ожесточеніе противъ жизни, а за порядочную сумму денегъ готовы написать дивирамбъ въ честь ея. Они такъ писали только потому, что это было въ модѣ и товаръ хорошо съ рукъ шелъ. Дайте имъ денегъ — они обратятся къ религіи—и къ какой вамъ угодно: къ христіанской (даже къ католицизму), къ магометанской, къ жидовской; надбавьте цѣну—они поклонятся идоламъ. Это народъ сговорчивый, и если вы увидите у котораго-нибудь изъ нихъ на лбу морщины, а на устахъ злую усмѣшку, то смѣло можете сказать —

Какой сердитый видъ!
Не бойтесь — онъ на дождь сердитъ!"

Но и германофильство Бѣлинскаго не было безусловнымъ и простиралось далеко не на всѣ явленія нѣмецкой жизни. Дѣло въ томъ, что въ то время существовала уже юная Германія, имѣя Берне и Гейне своими представителями. Эта юная Германія не ограничивалась отвлеченными сферами мышленія: она увлекалась живыми общественными вопросами своего времени и требовала, чтобы поэзія отзывалась на эти вопросы. И этого было довольно, чтобы Бѣлинскій преисполнился и противъ юной Германіи такого-же негодованія, какъ и противъ ненавистныхъ французовъ:

„Да, эта юная Германія (см. С. Б., т. II, стр. 425)—великій и поучительный урокъ для юношества всѣхъ націй! Она лучше всего показываетъ, какъ безплодны и ничтожны покушенія индивидуальностей на участіе въ ходѣ міродержавныхъ судебъ. Конечно, общество живетъ, развивается, слѣдовательно, измѣняется, но черезъ кого?—черезъ геніевъ, избранниковъ судьбы, которые производятъ благодѣтельные перевороты, часто сами того не зная, единственно удовлетворяя безсознательному стремленію своего духа. Кто выходитъ на сцену и говоритъ: „я геній, я хочу измѣнить

къ лучшему общественныя начала", тотъ самозванецъ, который тотчасъ-же и дѣлается жертвой своего самозванства. Кто-же, не понимая жестокихъ уроковъ опыта и сознавши свое безсиліе перестроить дѣйствительность, живущую изъ самой себя, по непреложнымъ и вѣчнымъ законамъ разумной необходимости, будетъ тѣшить себя ребяческими выходками противъ нея, тотъ не перейдетъ въ потомство, но только заставитъ сказать о себѣ современниковъ —

Ай моська! — знать она сильна,
Коль лаетъ на слона!

Но мы несогласны съ мнѣніемъ г. Губера о Гейне (Бѣлинскій разбираетъ статью Губера „Взглядъ на нынѣшнюю литературу Германіи"): онъ слишкомъ несправедливъ къ нему. Въ Гейне надо различать двухъ человѣкъ. Одинъ прозаическій писатель съ политическимъ направленіемъ. Зараженный тлетворнымъ духомъ новѣйшей литературной школы Франціи, онъ занялъ у нея легкомысліе, поверхность въ сужденіи, безумство, которое для остраго словца искажаетъ святую истину. Живя въ Парижѣ, онъ изливаетъ свою жолчь на то, что зимой бываетъ холодно, а лѣтомъ жарко, что Китай въ Азіи, тогда какъ ему бы надобно быть въ Европѣ, и на подобныя несообразности сего несовершеннаго міра, который не хочетъ перевернуться вверхъ дномъ, повѣривши мудрости г. Гейне. Потомъ въ Гейне надо видѣть поэта съ огромнымъ дарованіемъ, уже не болтуна француза, но истиннаго нѣмца-художника, котораго лирическія стихотворенія отличаются непередаваемою простотой содержанія и прелестью художественной формы".

Наконецъ, не иначе, какъ увлеченіемъ французоѣдствомъ можно объяснить тотъ фактъ, что рядомъ съ неблагопріятными отзывами о Шиллерѣ, Гейне, Викторѣ Гюго, Жоржъ-Зандѣ и проч. онъ помѣстилъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ" весьма благопріятный отзывъ о Гречѣ, этомъ ветеранѣ французоѣдства у насъ, на Руси. Приступая къ оцѣнкѣ сочиненій Греча, Бѣлинскій какъ будто чувствовалъ, что онъ намѣренъ дѣлать большія натяжки, разсыпая похвалы Гречу, и что читатели ожидаютъ отъ него совсѣмъ не этого. „Нѣкоторые изъ читателей, опытныхъ въ дѣлѣ журналистики — говоритъ онъ въ началѣ статьи (см. С. Б., т. II, стр. 455) — часто заранѣе знаютъ, какой приговоръ послѣдуетъ въ томъ или другомъ журналѣ, той или другой книгѣ. Такъ, на-

примѣръ, мы увѣрены, что многіе изъ читателей, приступивъ къ чтенію нашей статьи, или еще только увидѣвъ въ ея началѣ титулъ сочиненій Греча, скажутъ — иные съ улыбкой удовольствія: „посмотримъ, какъ его тутъ отдѣлали!“, а иные съ улыбкой недовѣрчивости и презрѣнія: „посмотримъ, какъ тутъ грызутся“. Но мы очень рады обмануть ожиданіе тѣхъ и другихъ и доказать фактомъ, что не всѣ предсказанія сбываются, и что въ нашемъ журналѣ высказываются мнѣнія не о лицахъ, а о сочиненіяхъ“.

Мы уже видѣли выше, какую узкую мѣрку употреблялъ Бѣлинскій для опредѣленія того, художественно, или нѣтъ данное произведеніе, и какому грозному ауто-да-фе онъ подвергалъ всѣ такія произведенія, которыя не подходили къ его опредѣленію художественности, какъ бы они сами по себѣ ни были занимательны и полезны. Но для Греча онъ мало того, что дѣлаетъ изъятіе, оставляя въ сторонѣ свою мѣрку, но даже самъ нападаетъ на тѣ требованія, съ которыми онъ относился, напримѣръ, къ Шиллеру или Грибоѣдову. „Обыкновенно, прочтутъ романъ — говоритъ онъ (см. С. Б., т. II, стр. 436) — и не найдя въ немъ художественнаго произведенія, осуждаютъ его на ауто-да-фе, не подумавъ о томъ, что авторъ и не думалъ претендовать на титулъ поэта, а хотѣлъ просто написать быль или сказку, для удовольствія и пользы читателей, и совершенно достигъ своей цѣли, потому что нашелъ себѣ и многочисленныхъ читателей, и почитателей. Что нужды, если въ романѣ нѣтъ творчества, но есть вымыселъ, занимательность; нѣтъ фантазіи—есть воображеніе; нѣтъ глубокихъ идей—есть вѣрныя практическія замѣчанія о жизни, плодъ опытности и знакомства съ жизнью не по однимъ книгамъ; нѣтъ огня поэзіи—есть теплота чувства; нѣтъ вдохновенія — есть одушевленіе; нѣтъ образовъ — есть портреты; нѣтъ художественности въ обработкѣ — есть слогъ, языкъ? Что нужды, что это произведеніе не вѣковое, не безсмертное? Авторъ и не имѣлъ на это претензіи: онъ хотѣлъ доставить своимъ современникамъ средство къ благородному и полезному развлеченію — и достигъ своей цѣли. Отъ автора должно требовать ни больше, ни меньше того, что онъ обѣщалъ...“

Въ такомъ, явно пристрастномъ тонѣ, написанъ весь разборъ. Повсюду такія-же оговорки и рядомъ съ ними хвалебныя фразы. Грамматика Греча — драгоцѣнная сокровищница, неисчерпаемый рудникъ матеріаловъ для изученія русскаго языка и составленія грамматикъ; „Учебная книга русской словесности“, хотя и содер-

жить понятія не новыя, несообразныя съ современнымъ взглядомъ на искусство и литературу, не отличающіяся наукообразнымъ изложеніемъ и строгостью системы, но, тѣмъ не менѣе, книга заслуживаетъ вниманія уже по одному тому, что не похожа на всѣ бывшіе и до нея, и послѣ нея опыты въ этомъ родѣ. Успѣхъ романа Греча „Черная женщина“ говоритъ много въ пользу общества, какъ доказательство, что въ немъ есть живая потребность внутренней жизни и проч., и проч.

Такъ, подъ вліяніемъ ложныхъ теорій, не говоря уже о томъ, что общіе взгляды Бѣлинскаго, общественные и моральные, приняли крайне исключительное, узкое, уродливое направленіе, но и частные взгляды литературно-эстетическіе начали искажаться и перепутываться. Врожденное эстетическое чутье, составлявшее главную силу генія Бѣлинскаго, казалось, совершенно оставило его, притупилось, и мѣсто его заняло искусственное, схоластическое подведеніе фактовъ литературы подъ книжныя формулы ложно и узко понятой философской системы. Вмѣсто того здраваго смысла, который поражалъ васъ въ первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго, явился сухой, мертвый, отвлеченный выводъ, идущій иногда совершенно въ разрѣзъ съ фактами живой дѣйствительности. Наконецъ, какъ признакъ близкаго, окончательнаго паденія, въ отзывахъ Бѣлинскаго начало проскальзывать явное пристрастіе, начали попадаться фальшивыя фразы, повидимому, очень громкія, но въ то-же время чуждыя всякаго содержанія, малѣйшей тѣни истины—таково, напримѣръ, заключеніе о томъ, что въ обществѣ есть живая потребность внутренней жизни, выведенное изъ того, что общество зачитывается „Черною женщиной“ Греча.

Мы говорили выше, что инпціатива такого исключительнаго направленія принадлежала Станкевичу. Но здѣсь мы должны замѣтить, что при всемъ прекраснодушіи и отрѣшенности отъ дѣйствительности, Станкевичъ, все-таки, далекъ отъ такихъ печальныхъ крайностей, до какихъ дошли его московскіе друзья. По всей вѣроятности, еслибы Станкевичъ оставался въ Москвѣ, и онъ не замедлилъ придти къ тѣмъ-же результатамъ, но онъ былъ оторванъ отъ своего кружка заграничною поѣздкой и въ то-же время прожилъ нѣкоторое время въ Берлинѣ съ Грановскимъ, котораго одни занятія исторіей дѣлали человѣкомъ болѣе живымъ, невольно наталкивая его на современные вопросы. Грановскій былъ во многомъ обязанъ Станкевичу, и надо замѣтить, вліяніе Станкевича на Грановскаго было гораздо благодѣтельнѣе, чѣмъ на прочихъ

друзей его, потому что, при отсутствіи всякихъ реальныхъ или опредѣленныхъ научныхъ интересовъ, друзья прямо ринулись въ отвлеченныя сферы философіи, между тѣмъ, какъ Грановскаго философія только отвлекла отъ погруженія въ сухую, педантическую разработку мелочныхъ фактовъ, въ которую онъ рисковалъ погрязнуть, еслибы Станкевичъ не указалъ ему, хотя и не на лучшій, но, во всякомъ случаѣ, на болѣе благотворный для нашего общества путь обобщенія фактовъ исторіи философіей. Но и Станкевичъ, въ свою очередь, остался не безъ вліянія со стороны Грановскаго. Съ другой стороны, и заграничная обстановка дѣйствовала на Станкевича своими впечатлѣніями гораздо благотворнѣе, чѣмъ замкнутая жизнь въ Москвѣ въ тѣсномъ кружкѣ между Моховой и Маросейкой. Наконецъ, Станкевичъ черпалъ философію Гегеля изъ болѣе чистыхъ источниковъ, чѣмъ друзья его, и глубже вдумывался въ ея основанія. По крайней мѣрѣ, Станкевичъ, уже въ то время, когда друзья его по уши тонули въ отвлеченныхъ умствованіяхъ, началъ уже чувствовать скуку и отвращеніе отъ сухихъ и схоластическихъ занятій и инстинктивныя порыванія къ дѣйствительности жизни. „Какъ сухи и безполезны—говорилъ онъ уже 1839 г. — нелѣпыя, безпокойныя, отвлеченныя занятія!..“ и признается въ то-же время, что доселѣ былъ не въ состояніи прямо приступить къ пространной логикѣ Гегеля (въ 3 частяхъ) и познакомился съ нею по частямъ энциклопедіи, въ философіи права и въ лекціяхъ, что онъ не чувствуетъ въ себѣ довольно жизни, единства, полноты, чтобы броситься въ этотъ міръ скелетовъ, и что для сохраненія всей своей свѣжести мысль его постоянно должна набираться силъ въ наслажденіи искусствомъ, въ дѣйствительномъ мірѣ; въ письмѣ-же изъ Дрездена отъ 20-го мая 1838 г., онъ восклицаетъ въ отчаяніи, что одно спасеніе противъ сумасшествія — исторія. Увлеченія друзей его крайне огорчили его, и вотъ что пишетъ онъ къ Грановскому въ 1840 г. по поводу извѣстія о крайностяхъ этихъ увлеченій:

„Извѣстія о литературныхъ трудахъ и понятіяхъ нашихъ знакомыхъ неутѣшительны. Что имъ дался Шиллеръ? что за ненависть?.. Такъ-какъ они не понимаютъ, что такое дѣйствительность, то я думаю, что они уважаютъ слово, сказанное Гегелемъ. А если авторитетъ его силенъ у нихъ, то пусть прочтутъ, что онъ говорилъ о Шиллерѣ въ Эстетикѣ въ разныхъ мѣстахъ, также о „Валенштейнѣ“ въ мелкихъ сочиненіяхъ. А о дѣйствительности пусть прочтутъ въ Логикѣ, что дѣйствительность въ смыслѣ непо-

средственности, внѣшняго бытія — есть случайность; что дѣйствительность въ ея истинѣ есть *Разумъ*, *Духъ*. А если Шиллеръ, по ихъ мнѣнію, не есть поэтъ дѣйствительности, а туманный, то я предлагаю имъ въ поэты Свѣчина, который описываетъ, какъ въ сраженіи: *иному стегно раздвоило*. Но можешь сказать имъ только аргументы, безъ *яда насмѣшки* — это только ожесточаетъ, а они люди хорошіе и я съ ними ссориться не хочу".

Но если человѣкъ, и по своему характеру и по своему изолированному положенію въ жизни, болѣе наклонный къ отвлеченнымъ, философскимъ занятіямъ, все-таки, тяготился сухостью ихъ и чувствовалъ такіе-же порывы къ жизни, съ какими въ средніе вѣка тщетно боролись различные отшельники и монахи, то можно себѣ представить, что̀ долженъ былъ чувствовать Бѣлинскій, который былъ поставленъ, по своему положенію, прямо лицомъ къ лицу передъ обществомъ, для котораго общественное сочувствіе было важно не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ чисто матеріальномъ, такъ-какъ только это сочувствіе и могло дѣлать жизнь его хоть сколько-нибудь обезпеченною. Человѣкъ обезпеченный въ своей жизни помимо труда, можетъ выдумать какую угодно дикую теорію, и спокойно запереться съ нею отъ всего міра, бросивши на людей, съ высоты своего величія, улыбку гордаго презрѣнья; но совершенно въ иномъ положеніи находится бѣдный труженикъ, видящій все свое призваніе въ живой публицистикѣ, т.-е. въ прямомъ вмѣшательствѣ въ вопросы жизни; если онъ хочетъ, чтобы его слушали, онъ долженъ страстно отзываться на всѣ общественные интересы, да и этого еще мало: онъ долженъ предугадывать тѣ общественныя инстинктивныя стремленія, которыя вырабатываетъ жизнь, доводить ихъ до всеобщаго опредѣленнаго сознанія и указывать по возможности пути къ ихъ осуществленію. Если-же, вмѣсто того, чтобы жить со своимъ обществомъ и быть впереди его, онъ запрется отъ міра въ тѣсный кружокъ, выработаетъ въ этомъ кружкѣ какую-нибудь узенькую теорійку и выступитъ съ нею совершенно, можетъ быть, въ разрѣзъ съ общественными симпатіями и антипатіями, то нѣтъ ничего мудренаго, если проповѣдникъ встрѣтитъ всеобщее несочувствіе, насмѣшки, порицанія и, въ концѣ-концовъ, пропаганда его останется безъ слушателей, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Правда, что во время „Московскаго Наблюдателя" наше общество было въ такой степени еще не развито, что не чувствовало еще почти никакой потребности въ публицистахъ въ истинномъ

значеніи этого слова, т.-е. въ смыслѣ современныхъ западныхъ публицистовъ; оно не сознавало еще вполнѣ ясно и опредѣленно всей тягости своего положенія, но, тѣмъ не менѣе, оно, все-таки, инстинктивно чувствовало лежащій на немъ гнетъ: оно скучало, оно было недовольно жизнію, оно страдало. Чѣмъ-же, какъ не этимъ вы объясните, что оно съ жадностью набрасывалось на всякое поэтическое произведеніе, исполненное грусти, тоски, озлобленія, или смѣху, надъ окружающею дѣйствительностью. Не даромъ это общество холодно встрѣтило всѣ произведенія Пушкина послѣдняго періода, и въ то-же время съ жадностью зачитывалось Лермонтовымъ, въ которомъ воскресъ передъ нимъ Пушкинъ прежняго времени, только еще болѣе грустный, разочарованный, негодующій. Не даромъ это общество съ восторгомъ встрѣтило надрывающійся отъ грусти смѣхъ Гоголя. Теперь подумайте, какой критикъ могъ быть самымъ любимымъ и симпатичнымъ? Очевидно, такой, который еслибы не былъ въ состояніи разъяснить обществу вполнѣ до самыхъ основныхъ причинъ его недовольство жизнію и его пристрастіе къ отрицательной поэзіи, то, все-таки, на сколько возможно, постарался бы это сдѣлать; наконецъ, публика была бы довольна и тѣмъ, еслибы критикъ смѣялся бы вмѣстѣ съ Гоголемъ и плакалъ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ надъ окружающею дѣйствительностью, доказывая, что и смѣяться и плакать есть свои основательныя причины... Но могли ли общество сочувствовать критику, который началъ проповѣдывать обществу, что какъ ни гнусна дѣйствительность, а все-таки, она разумна, потому что она есть проявленіе вѣчнаго разума, что, поэтому, мы должны мириться съ дѣйствительностью, какова бы она ни была, а всякое выраженіе недовольства жизнью, или желаніе улучшить ее — есть самозванное поползновеніе вносить свою маленькую личную волю въ развитіе міровой, безусловной идеи, что, поэтому, всякій скорбящій или негодующій поэтъ вовсе не поэтъ, мы не должны ему сочувствовать, что Пушкинъ только тогда и достигъ до высшей поэтической зрѣлости, когда отрѣшился отъ лирической субъективности, что Гоголь не потому намъ нравится, что выводитъ на всеобщее посмѣшище пошлость жизни, а потому, что онъ художественно объективенъ и примиряетъ насъ съ отрицательными сторонами жизни, возводя ихъ въ перлъ созданія... Довольно сказать, что впродолженіе всего сотрудничества Бѣлинскаго въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ о Лермонтовѣ не было сказано почти ни слова. И знаете почему? По-

тому, что Лермонтовъ, съ своимъ демоническимъ и байроническимъ направленіемъ, никакъ не покорялся воззрѣнію друзей, и Бѣлинскаго, по свидѣтельству Панаева, ужасно это мучило... „Онъ видѣлъ — говоритъ Панаевъ — что начинающій поэтъ обнаруживаетъ громадныя поэтическія силы; каждое новое его стихотвореніе въ „Отеч. Записк." приводило Бѣлинскаго въ экстазъ, а между тѣмъ, въ этихъ стихотвореніяхъ *примиренія* не было и тѣни! Лермонтова оправдывали, впрочемъ, тѣмъ, что онъ молодъ, что онъ только что начинаетъ, нѣсколько успокоивались тѣмъ, что онъ владѣетъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлаться современемъ полнымъ, великимъ художникомъ и достигнуть вѣнца творчества — художественнаго спокойствія и объективности..." Нѣтъ ничего мудренаго послѣ всего этого, что какъ ни низко стояло общество наше въ своемъ общественномъ развитіи, но оно, все-таки, въ массѣ имѣло на столько живое чутье, что отвернулось отъ проповѣдниковъ, подобныхъ врачу, который, вмѣсто всякаго врачеванья или хотя бы теплаго слова участія, вздумалъ бы совѣтовать больному помириться съ своею болѣзнью, такъ-какъ болѣзнь его въ общемъ ходѣ жизни есть своего рода органическій процессъ, прерывать который мы не имѣемъ никакого права, потому что процессъ этотъ есть частичка общей работы мудрой природы, и что еще Богъ знаетъ: если, отрѣшась отъ субъективной точки зрѣнія, мы станемъ на объективно-міровую, то, быть можетъ, болѣзнь покажется намъ здоровьемъ, а здоровье болѣзнью и пр. Плодомъ подобной пропаганды было то, что „Московскій Наблюдатель" подъ новой редакціей пошелъ еще хуже, чѣмъ прежде, подписчиковъ сдѣлалось еще менѣе, и въ 1839 году, едва дойдя до 5-й книжки, онъ долженъ былъ прекратить свое существованіе... И можно-ли обвинять публику, что она предпочитала столь глубоко-философскому журналу—„Библіотеку для Чтенія", которая была въ это время въ апогеѣ своего успѣха. Какъ ни была безосновательна, иногда и прямо недобросовѣстна и пристрастна критика этого журнала, какъ ни была поверхностна и парадоксальна ученость его, какъ ни плоско и бѣдно было остроуміе его, но, все-таки, это былъ единственный хоть сколько-нибудь живой журналъ въ то время... Подсмѣиваясь надъ философскою отвлеченностью и туманнымъ языкомъ московскихъ писателей, журналъ этотъ легкимъ, популярнымъ языкомъ сообщалъ своимъ читателямъ всѣ новости и важныя открытія по части естествознанія и другихъ наукъ, и въ то время, какъ „Московскій

Наблюдатель", разражаясь грозными филиппиками противъ французской литературы, угощалъ публику повѣстями Гофмана, преклоняясь передъ его геніемъ, „Библіотека для Чтенія" переводила Бальзака, Жоржъ-Зандъ, Гюго, а впослѣдствіи знакомила русскую публику съ произведеніями англійской литературы—Диккенсомъ и Теккереемъ. И мы убѣждены, что знакомство публики со всѣми этими писателями было неизмѣримо важнѣе и цѣннѣе въ ходѣ развитія нашего общества, чѣмъ всѣ выдержки изъ Ретшера, стихотворенія Клюшникова или повѣсти Кудрявцева. За одно это можно простить „Библіотекѣ для Чтенія" многіе ея грѣхи.

Вся эта исторія съ „Московскимъ Наблюдателемъ" тѣмъ болѣе характеристична, что подобныя ей исторіи не разъ повторялись въ нашей литературѣ и каждый разъ оканчивались такими-же фіаско. Мы до такой степени еще люди средневѣковые, для насъ такъ еще непривычны сферы науки или философіи, что стоитъ только углубиться намъ въ какую бы то ни было спеціальную область, хотя бы даже и естествознанія, и мы тотчасъ-же готовы закупориться въ этой области отъ всего міра; мы теряемъ всякую связь между различными элементами жизни и начинаемъ думать, что единственное спасеніе людей и всего міра зависитъ отъ того, чтобы всѣ только и дѣлали, что проникались нашею спеціальностью и ни о чемъ больше не заботились. Вмѣстѣ съ этимъ мы исполняемся гордаго высокомѣрія средневѣковыхъ адептовъ и съ презрѣніемъ начинаемъ смотрѣть на все, что̀ не принадлежитъ къ узкой сферѣ нашей спеціальности... Мы совершенно забываемъ, что какъ ни важенъ въ области науки вопросъ о лабиринтахъ уха, но часто какой-нибудь романъ, даже не изъ первостепенныхъ, можетъ оказывать гораздо болѣе непосредственное, сильное, вліятельное дѣйствіе на настроеніе общества, на развитіе его сознанія и на ходъ его политической жизни, чѣмъ брошюрка о какихъ-нибудь инфузоріяхъ на рыбѣ, въ своемъ родѣ очень можетъ быть и почтенная. Въ нашемъ гордомъ увлеченіи мы готовы остановить весь ходъ развитія общественной мысли и общественныхъ интересовъ, потому что все это кажется намъ поверхностнымъ, ничтожнымъ, преисполненнымъ беллетристической легкости и лицемѣрнаго либерализма сравнительно съ важностью и глубокомысліемъ таинствъ нашей науки... Мы забываемъ при этомъ и о томъ, что самыя таинства науки не иначе могутъ быть проведены въ общество, какъ въ популярномъ, общедоступномъ изложеніи, и что чѣмъ въ болѣе беллетристическомъ видѣ передается истина, хотя

бы и самая глубокая, тѣмъ скорѣе она можетъ быть распространена и усвоена. И кончается эта исторія всегда тѣмъ, что коварная публика становится спиной къ глубокомысленнымъ спеціалистамъ и бросается на то, что̀ ей легко доступно, что̀ соотвѣтствуетъ степени ея развитія, что̀ отвѣчаетъ на ея вопросы, удовлетворяетъ ея интересамъ, оставляя въ то-же время глубокомысленныхъ спеціалистовъ или оплакивать свое увлеченіе, или кипѣть негодованіемъ на мнимое развращеніе и измельчаніе общества...

Печально отразилось на личности Бѣлинскаго подобное увлеченіе. Матеріальное положеніе его, по прекращеніи „Московскаго Наблюдателя“, сдѣлалось снова отчаянно. „При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ — говоритъ И. Панаевъ — Бѣлинскій задолжалъ въ лавочку. Въ долгъ ему не хотѣли ничего отпускать. Обѣдъ его, при которомъ я не разъ присутствовалъ, былъ и безъ того неприхотливъ: онъ состоялъ изъ дурно-свареннаго супа, который Бѣлинскій густо посыпалъ перцемъ, и куска говядины изъ этого супа...“

Нравственное-же состояніе Бѣлинскаго было еще хуже. Вмѣсто ожидаемаго примиренія, онъ обрелъ окончательный разладъ и съ самимъ собою, и съ окружающимъ его міромъ. Послѣднее время пребыванія своего въ Москвѣ онъ постоянно былъ въ раздражонномъ и взволнованномъ состояніи духа.

— Нѣтъ, сказалъ онъ однажды Панаеву: — мнѣ, во что бы то ни стало, надобно вонъ изъ Москвы... Мнѣ эта жизнь надоѣла и Москва опротивила мнѣ...

Въ то-же время со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ возраженія и порицанія относительно направленія его критическихъ статей. Незадолго затѣмъ онъ разошелся съ Герценомъ и всѣмъ кружкомъ его (объ этомъ рѣчь будетъ впереди), и надо думать, что изъ многихъ устъ онъ слышалъ одни и тѣ-же упреки. Это видно изъ намековъ и тона его-же собственныхъ нижеприведенныхъ словъ. Дѣло дошло впослѣдствіи даже до личнаго оскорбленія, до того, что когда Бѣлинскому, въ бытность его уже въ Петербургѣ, былъ представленъ какой-то артиллерійскій офицеръ, послѣдній, узнавъ, что передъ нимъ авторъ „Бородинской годовщины“, не хотѣлъ подать ему своей руки.

Вотъ что̀ разсказываетъ Панаевъ относительно того, какъ относился Бѣлинскій въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Москвѣ къ своимъ убѣжденіямъ и возраженіямъ противъ нихъ:

„Черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія изъ Москвы

Бѣлинскій принесъ мнѣ прочесть свою рецензію на книгу Ѳ. Глинки „Бородинская годовщина“, которую онъ отослалъ для напечатанія въ „Отечественныя Записки“.

„— Послушайте-ка, сказалъ онъ мнѣ: — кажется, мнѣ еще до сихъ поръ не удавалось ничего написать такъ горячо и такъ рѣшительно высказать наши убѣжденія. Я читалъ эту статейку Мишелю (Ба—ну), и онъ пришелъ отъ нея въ восторгъ — ну, а мнѣніе его чего-нибудь да стоитъ! Да, что̀ много говорить, я самъ чувствую, что статейка *вытанцовалась* ..

„И Бѣлинскій началъ мнѣ читать ее съ такимъ волненіемъ и жаромъ, съ какимъ онъ никогда ничего не читалъ ни прежде, ни послѣ.

„Лихорадочное увлеченіе, съ которымъ читалъ Бѣлинскій, языкъ этой статьи, исполненной странной торжественности и напряженнаго паѳоса, пропзвелъ во мнѣ нервное раздраженіе... Бѣлинскій самъ былъ явно раздраженъ нервически...

„— Удивительно! превосходно! повторялъ я во время чтенія и по окончаніи чтенія: — но я вамъ замѣчу одно...

„— Я знаю, знаю что — не договаривайте, перебилъ меня съ жаромъ Бѣлинскій:—меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями... Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убѣжденія, что̀ бы обо мнѣ ни думали...

„Онъ началъ ходить по комнатѣ въ волненіи...

„— Да! это мои убѣжденія! продолжалъ онъ, разгорячаясь болѣе и болѣе. — Я не стыжусь, а горжусь ими... И что̀ мнѣ дорожить мнѣніемъ и толками чортъ знаетъ кого? Я только дорожу мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ... Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости. Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ — вы вѣдь еще меня мало знаете...

„Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли.

„— Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ! Мнѣ легче умереть съ голода — я и безъ того рискую эдакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькою иронiей), чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было, или продать себя...

*

„Разговоръ этотъ со всѣми подробностями живо врѣзался въ мою память. Бѣлинскій какъ будто теперь передо мною...

„Онъ бросился на стулъ, запыхавшись... и отдохнувъ немного, продолжалъ съ ожесточеніемъ:

„— Эта статья рѣзка, я знаю — но у меня въ головѣ рядъ статей, еще больше рѣзкихъ... Ужь какъ-же я отхлещу этого негодяя Менцеля, который осмѣливается судить объ искусствѣ, ничего не смысля въ немъ!..“

Весь этотъ разговоръ съ Панаевымъ показываетъ, что Бѣлинскій и самъ чувствовалъ неправоту своихъ убѣжденій, иначе возраженія не дѣйствовали бы на него такъ болѣзненно, и вмѣсто наступательнаго тона, не принималъ бы онъ тона оправдательнаго и, притомъ, исполненнаго такой раздражительности, какъ будто кто затрогивалъ самую глубокую и болючую рану его.

Въ заключеніе мы считаемъ нелишнимъ привести мнѣніе самого Бѣлинскаго о вредномъ вліяніи на человѣка замкнутаго кружка, высказанное имъ въ 1845 г. въ статьѣ „Славянскій Сборникъ“ Н. В. Савельева-Ростиславича (см. VI т., ст. 433). Хотя мнѣніе это высказалъ Бѣлинскій, имѣя въ виду славянофиловъ, но, тѣмъ не менѣе, въ словахъ его такъ и слышится сознаніе личнаго опыта:

„Берегитесь, господа, обольщеній своего кружка: въ немъ какъ разъ увѣрятъ васъ, что вы гепій и что вы побѣдили всѣхъ вашихъ противниковъ, которые даже и не думали съ вами бороться, а просто или смѣялись надъ вами, или не обращали на ваше ратованіе никакого вниманія. Кружокъ — вещь опасная: онъ можетъ довести человѣка до жалкаго донъ-кихотства. Кружокъ и свѣтъ— двѣ вещи разныя; первый признаетъ за достовѣрное, доказанное и несомнѣнное то, надъ чѣмъ часто смѣется второй, какъ надъ нелѣпостью. Живите въ кружкѣ, который вамъ нравится; но заглядывайте и въ свѣтъ, прислушивайтесь и къ его сужденіямъ, чтобъ не впасть сперва въ односторонность и исключительность, а потомъ и просто въ нелѣпость. Исключительное и безвыходное пребываніе въ себѣ, или въ пріятельскомъ кружкѣ, или въ приходѣ своего журнала — гибельны для человѣка. Ограниченіе себя однимъ и тѣмъ-же, отчужденіе отъ всего, что̀ не мы и не наше, гибельно не только для частныхъ лицъ, но и для народовъ: вспомните Китай и Японію!“

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Три періода переходныхъ умственныхъ процессовъ. — Сороковые годы, представляющіе второй періодъ. — Западники и славянофилы; сущность ихъ вражды и многочисленныя точки соприкосновенія между ними. — Общее хаотическое состояніе мысли въ сороковые годы. — Гоголь — представитель средневѣковыхъ міровоззрѣній. — Грановскій — полное воплощеніе промежуточныхъ людей сороковыхъ годовъ. — Его воспитаніе; студенчество; любовныя интриги. — Вліяніе на него Станкевича и пр. Ганца. — Противорѣчія во всѣхъ его убѣжденіяхъ, политическихъ, философскихъ, педагогическихъ и пр. — Рефлексіи и humeur noire. — Ораторскій талантъ Грановскаго и вліяніе на современниковъ. — Овація публики въ честь его и значеніе ихъ. — Отношенія Грановскаго къ студентамъ и публикѣ. — Страсть его къ общественной жизни.

Покончивши съ тридцатыми годами и приступая къ сороковымъ, для болѣе яснаго и опредѣленнаго различія между первыми и послѣдними, равно какъ и послѣдующею эпохой, я считаю нелишнимъ напомнить читателямъ о томъ законѣ всякаго переходнаго умственнаго процесса, о которомъ я намекалъ уже въ первой главѣ своего обозрѣнія. Законъ этотъ предугадывался уже гегельянцами. Очищенный отъ всѣхъ ихъ трансцендентальныхъ умствованій, онъ представляется въ слѣдующемъ простомъ и естественномъ видѣ.

Всякій умственный процессъ имѣетъ три необходимые періода въ своемъ развитіи. Во время перваго періода, хотя мысль является уже возбужденною и приведенною въ движеніе, но старыя убѣжденія до такой степени тяготѣютъ еще надъ умами вслѣдствіе глубоко вкоренившейся привычки къ нимъ, что людямъ ка-

жется, что съ поколебаніемъ ихъ все должно придти въ хаосъ и разрушеніе. Поэтому, человѣкъ ограничивается только созерцаніемъ своихъ нравственныхъ убѣжденій, анализируетъ ихъ, не имѣя въ виду ничего инаго, какъ только проникнуть въ нихъ какъ можно глубже и довести себя до разумнаго сознанія ихъ. Но такой анализъ прямо ведетъ къ тому, что старое міровоззрѣніе оказывается исполненнымъ неразрѣшимыхъ противорѣчій и внутри себя, и въ своихъ приложеніяхъ къ жизни. Въ то-же время въ области мысли все болѣе и болѣе выясняются новыя идеи, идущія совершенно въ разрѣзъ господствующему міровоззрѣнію, и начинаютъ все назойливѣе и назойливѣе заявлять свое превосходство сравнительно съ отжившими идеями. Тогда начинается второй періодъ процесса — періодъ борьбы, раздвоенности и мучительнаго скептицизма въ области мысли и въ жизни. Какъ старое міровоззрѣніе, такъ и новое заявляютъ равныя права гражданства и въ то-же время взаимно другъ друга уничтожаютъ. Мозгъ человѣка дѣлается ареной противоположныхъ идей. Человѣкъ самъ сознаетъ въ это время, что въ немъ идетъ борьба свѣта и тьмы, жизни и смерти и тѣмъ тревожнѣе, мучительнѣе бываетъ его настроеніе, что онъ самъ не знаетъ, гдѣ жизнь, гдѣ смерть. Наконецъ, наступаетъ третій періодъ, но онъ заключается не въ примиреніи и не въ снятіи противорѣчій, какъ учила гегелевская философія, а въ рѣшительной побѣдѣ новаго міровоззрѣнія надъ старымъ. Въ этомъ періодѣ старое міровоззрѣніе окончательно рушится и производится та страшная ломка его, вслѣдствіе которой приверженцы старыхъ идей видятъ въ этомъ періодѣ одно безусловное отрицаніе, разрушеніе, нигилизмъ, не замѣчая въ своей близорукости, что рядомъ съ разрушеніемъ и отрицаніемъ стараго повсюду возникаетъ и развивается новое, красуется и ликуетъ, исполненное свѣжей, весенней жизни на развалинахъ отжившаго.

До сихъ поръ въ разсматриваемомъ нами умственномъ процессѣ мы имѣли дѣло почти исключительно съ явленіями перваго періода его. Всѣ вопросы и сомнѣнія, волновавшіе людей тридцатыхъ годовъ, разрѣшались постоянно въ духѣ старыхъ міровоззрѣній. Отжившія преданія были такъ еще дороги, что малѣйшій разладъ съ ними болѣзненно отзывался въ сердцахъ, и мыслители пзощрялись въ схоластической діалектикѣ, чтобы натянуть какое бы то ни было примиреніе съ тѣмъ, что̀ безвозвратно отжило и испускало послѣднее дыханіе. Это были бальзамировщики, тщетно

старавшіеся предохранить отъ тлѣнія разлагавшійся трупъ посредствомъ различныхъ втираній и умащиваній. Это были жены Лота, готовыя обратиться въ соляные столбы, лишь бы не выпускать изъ глазъ роднаго пепелища. Но на такомъ распутьи могли остаться только такія личности, которыя были или слишкомъ стары, чтобы мозгъ ихъ могъ энергически продолжать процессъ развитія, или были окончательно растлѣны условіями быта той размягчающей и притупляющей сферы усадебной жизни, которая во всѣ времена была особенно урожайна на всякаго рода философовъ-примирителей, поверхностныхъ созерцателей и артистовъ эпикурейцевъ. Всѣ-же люди, одаренные хоть малѣйшею энергіей мысли, пошли впередъ и вступили во второй періодъ умственнаго процесса, въ періодъ скептицизма и раздвоенности. Сороковые годы и представляютъ собою этотъ второй періодъ.

Съ самаго начала сороковыхъ годовъ картина умственной жизни совершенно измѣняется. Дѣленіе людей прогресса и застоя на классиковъ и романтиковъ окончательно исчезаетъ къ этому времени. Вмѣсто этихъ узкихъ рамокъ, основанныхъ исключительно на художественныхъ интересахъ, принимаются болѣе широкія рамки вопросовъ о направленіи въ Россіи образованности вообще, выработанныя московскимъ философскимъ движеніемъ въ духѣ Шеллинга. Между тѣмъ, какъ люди, приверженные къ старымъ міровоззрѣніямъ, основаннымъ на преданіяхъ до-петровской Руси, сосредоточиваются въ Москвѣ подъ знаменемъ славянофильства, люди движенія впередъ отъ средневѣковыхъ міровоззрѣній и формъ сосредоточиваются въ Петербургѣ подъ общимъ названіемъ западниковъ. Такимъ образомъ, умственный антагонизмъ между двумя столицами принимаетъ такой-же видъ, какъ это было при Петрѣ I и при Екатеринѣ II. Едва только мысль двинулась съ новою энергіей и смѣлостью отъ до-петровскихъ преданій, тотчасъ-же всѣ мало-мальски талантливые представители движенія покинули Москву, совершенно подобно тому, какъ нѣкогда покинулъ ее знаменитый основатель Петербурга, и Москва, съ оставленіемъ ее западниками, еще болѣе утвердилась въ своемъ консерватизмѣ всякаго рода. Замѣчательно, что въ сороковые годы, когда западники начали сосредоточиваться въ Петербургѣ, въ большую моду вошли въ литературѣ сравненія обѣихъ столицъ относительно различныхъ ихъ особенностей, достоинствъ и недостатковъ. Кто только ни упражнялся въ то время въ этихъ сравненіяхъ, начиная съ Бѣлинскаго и Герцена и кончая К. Аксаковымъ; послѣдній довелъ

это сопоставленіе Москвы съ Петербургомъ даже до сцены, напи-савшіи водевиль, въ которомъ москвичъ встрѣчается съ петер-буржцемъ на станціи среди московскаго шоссе и начинаютъ пѣть куплеты о взаимныхъ преимуществахъ и недостаткахъ обѣихъ столицъ.

При всемъ томъ, что раздѣленіе мыслящихъ людей на славяно-филовъ и западниковъ стояло на первомъ планѣ въ сороковые годы, и при всей ожесточенной борьбѣ этихъ партій, замѣчатель-но, что онѣ въ томъ видѣ, какъ существовали въ сороковые годы, имѣли гораздо болѣе точекъ соприкосновенія, чѣмъ раздѣленія. Это не была борьба двухъ философскихъ системъ, такъ-какъ слав-янофилы опирались на тѣ-же философскія ученія, какъ и запад-ники; не была, съ другой стороны, борьба двухъ политическихъ партій, такъ-какъ славянофилы, со своимъ отрицаніемъ петров-скаго періода, представляли такую-же оппозицію противъ господ-ствовавшей въ то время реакціи, какъ и западники. Не менѣе за-падниковъ желали они освобожденія крестьянъ, улучшенія су-довъ и администраціи; что-же касается общихъ идеаловъ обще-ственной жизни, то западники представляли столь-же смутныя и неопредѣленныя идеи, какъ и славянофилы. Что касается до со-словныхъ принциповъ, то на нихъ тѣмъ не менѣе можно основы-вать раздѣленіе этихъ партій, потому что славянофилы принадле-жали къ той-же средѣ, какъ и западники, выработывавшей въ обоихъ лагеряхъ одинаковые типы диллетантовъ фразеровъ, эсте-тиковъ эпикурейцевъ и діалектиковъ, исполненныхъ мрачной, разъ-ѣдающей рефлексіи. Но что-же могло раздѣлять славянофиловъ отъ западниковъ, если они сходились въ такихъ трехъ принци-пахъ, какъ философскій, политическій и сословный — принципахъ, на которыхъ съ испоконъ вѣковъ основывались всѣ партіи? Осно-вой дѣленія было именно съ одной стороны стремленіе во что бы то ни стало удержаться на до-петровскихъ средневѣковыхъ прин-ципахъ мысли и жизни — въ то время, какъ съ другой стороны была постоянная тяга отрѣшаться отъ нихъ все болѣе и болѣе. Мы нарочно употребляемъ здѣсь такія неопредѣленныя слова, какъ стремленіе и тяга, потому что только такія слова и могутъ соотвѣтствовать столь неопредѣленнымъ отношеніямъ, какія суще-ствовали между славянофилами и западниками въ сороковые годы. Въ самомъ дѣлѣ: при всемъ томъ, что славянофилы основывали всѣ свои ученія на слѣпой и часто фанатической вѣрѣ, въ то вре-мя, какъ западники все болѣе и болѣе проникались скептицизмомъ,

при всемъ этомъ, отрѣшеніе западниковъ отъ средневѣковыхъ преданій было дѣломъ не одной минуты, не какимъ-нибудь отважнымъ скачкомъ, послѣ котораго западники вдругъ начали отрицать все и вся, что̀ ихъ связывало съ стариной. Это былъ весьма медленный, постепенный, трудный процессъ, который шелъ шагъ за шагомъ, все болѣе и болѣе отдаляя людей прогресса отъ средневѣковыхъ преданій. Сороковые годы, какъ мы уже сказали, представляютъ именно тотъ второй періодъ переходнаго процесса, въ который новыя начала мысли вступили въ рѣшительную борьбу со старыми, но старыя начала все еще заявляли свое существованіе на каждомъ шагу и не съ разу уступали свое мѣсто. Поэтому, при всѣхъ насмѣшкахъ надъ юродствами славянофиловъ, у большинства западниковъ было такъ много еще непоколебленныхъ предразсудковъ, преданій и слѣпыхъ упованій, что сами они на половину были такіе-же славянофилы. Мы встрѣтимъ въ нашемъ обозрѣніи неоднократные примѣры чисто-славянофильскихъ тенденцій въ сочиненіяхъ писателей, игравшихъ роль представителей западничества. Теперь-же достаточно указать хоть на беллетристовъ сороковыхъ годовъ — Тургенева, Писемскаго, Л. Толстаго и пр. Подумайте, къ какой категоріи можно ихъ причислить — къ западникамъ или славянофиламъ? Всѣ они воспитались подъ вліяніемъ западническихъ кружковъ, всѣ они ставятъ во главѣ своей Бѣлинскаго, этого самаго рьянаго гонителя славянофиловъ. Но тотъ-же самый г. Тургеневъ, который въ „Дымѣ“ смѣется надъ славянофильствомъ, прославляя западную цивилизацію, въ „Рудинѣ“, напротивъ того, выставляетъ нѣсколько идей вполнѣ славянофильскихъ, въ родѣ того, что внѣ народности нѣтъ спасенія, что космополитизмъ — нуль и пр. А кто такой Г. Л. Толстой — западникъ онъ или славянофилъ? То-же самое и г. Писемскій въ своемъ „Взбаламученномъ морѣ“. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, что едва отрѣшеніе отъ средневѣковыхъ преданій приняло въ кружкахъ западниковъ болѣе широкіе размѣры, весьма многіе изъ западниковъ сороковыхъ годовъ увидѣли въ себѣ гораздо болѣе солидарности съ славянофилами, чѣмъ съ своими-же послѣдователями, и примкнули къ славянофиламъ.

По этому всему, одною борьбой славянофиловъ съ западниками далеко не исчерпывается характеръ и духъ движенія сороковыхъ годовъ; не въ ней одной заключалась сущность прогресса въ сороковые годы, а въ томъ движеніи, которое совершалось въ самыхъ кружкахъ западниковъ, въ тѣхъ развѣтвленіяхъ, которыя

повели къ тому, что къ концу сороковыхъ годовъ одинъ западникъ отличался отъ другого въ большей степени, чѣмъ иной западникъ отъ славянофила. Это движеніе, дробленіе людей на различные оттѣнки мыслей, постоянные переходы отъ однѣхъ системъ къ другимъ, смѣшеніе различныхъ взглядовъ и ученій, множество точекъ соприкосновенія между самыми, повидимому, противоположными воззрѣніями, наконецъ, взаимное вліяніе и полировка между людьми, отставшими въ одномъ и опередившими другъ друга въ другомъ — все это вмѣстѣ представляетъ такой пестрый хаосъ въ эпоху сороковыхъ годовъ, что изслѣдованіе этой эпохи дѣлается крайне затруднительнымъ. Если въ каждый вѣкъ люди перерастаютъ другъ друга, какъ деревья въ лѣсу, то можно себѣ представить, до чего доходитъ такое перерастаніе въ такія переходныя эпохи, къ какимъ принадлежатъ сороковые годы. Въ подобныя эпохи нѣтъ никакой возможности провести особенно рѣзкихъ граней между людьми отсталыми и передовыми, такъ-какъ въ каждомъ человѣкѣ вы найдете два враждующіе лагеря, изъ которыхъ одинъ тянетъ въ одну сторону, другой — въ другую. Вы можете встрѣтить во главѣ движенія людей, опередившихъ своихъ современниковъ въ одномъ отношеніи на цѣлое поколѣніе; зато въ другомъ отставшихъ отъ нихъ на нѣсколько поколѣній; люди, едва начинающіе умственное развитіе, ни къ чему не пришедшіе, ничего нерѣшившіе, становятся вдругъ во главѣ движенія и ведутъ за собою свое поколѣніе, въ то-же время сами идя за другими людьми, которые, въ свою очередь, учатся у третьихъ. Люди, вчера еще отставшіе и заблуждавшіеся, сегодня становятся вдругъ впереди тѣхъ, которые вчера еще ихъ укоряли въ отсталости и заблужденіи; наконецъ, при постоянномъ теченіи развитія, вы встрѣчаете въ каждомъ пунктѣ его своихъ утопленниковъ, людей, которые вчера еще плыли впереди другихъ, а сегодня уже лежатъ на днѣ трупами и задніе пловцы переплываютъ ихъ.

Чтобы не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ переходнаго процесса, я считаю необходимымъ прервать на время характеристику дѣятельности Бѣлинскаго, что̀ сдѣлать тѣмъ легче, что въ сороковые годы Бѣлинскій явится передъ нами совершенно въ иномъ видѣ, какъ бы другимъ совсѣмъ лицомъ, чѣмъ онъ былъ въ тридцатые годы; къ тому-же, дѣятельность этого человѣка, при всей ея талантливости и громадномъ вліяніи на толпу, постоянно совершалась подъ вліяніемъ личностей, которыя внушали ему свои идеи и измѣняли направленіе этого человѣка, чрезвычайно впеча-

тлительнаго и чуткаго ко всему, въ чемъ онъ замѣчалъ новый шагъ впередъ; поэтому, передъ характеристикой каждаго періода его дѣятельности необходимо прежде всего вводить читателей въ тотъ кругъ идей и вліяній, которымъ подчинялся Бѣлинскій. Но, прежде чѣмъ я введу читателей въ кругъ идей и вліяній, которымъ подчинился Бѣлинскій въ сороковые годы, я считаю необходимымъ, чтобы имѣть постоянно въ рукахъ аріаднину нить изъ лабиринта сороковыхъ годовъ, представить рядомъ характеристику трехъ дѣятелей этой эпохи, которые всѣ трое являются вождями своего вѣка и оказываютъ на свое поколѣніе громадное вліяніе, а между тѣмъ, одинъ отстаетъ отъ своихъ современниковъ на нѣсколько столѣтій; другой стоитъ въ общемъ уровнѣ эпохи, а третій во многихъ отношеніяхъ опережаетъ своихъ современниковъ. Эти три человѣка суть: Н. В. Гоголь, Т. Н. Грановскій и А. И. Герценъ. Они могутъ служить намъ тремя путеводительными маяками, которые покажутъ намъ начало, средину и выходъ изъ хаоса сороковыхъ годовъ. Въ то-же время они послужатъ намъ масштабомъ для измѣренія различныхъ дѣятелей того времени.

Итакъ, начнемъ съ Гоголя. Вліяніе его на развитіе художественной литературы признается столь сильнымъ, что весь періодъ литературы сороковыхъ годовъ называется гоголевскимъ. Переворотъ, который Гоголь совершилъ въ нашей литературѣ, заключается, какъ всѣмъ извѣстно, въ томъ, что онъ первый рѣшился радикально обратиться въ своемъ творчествѣ отъ разныхъ романтическихъ красотъ и эксцентричностей, къ простой и обыденной дѣйствительности и изображать ее во всей ея непривлекательной грязи, не идеализируя и не выбирая изъ нея одни художественные перлы. Были и до него художники, которые изображали грязь и пошлость дѣйствительности (фонъ-Визинъ, Капнистъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ), но они не имѣли такой силы, чтобы всю литературу обратить на этотъ путь и создать цѣлую школу, идущую совершенно въ разрѣзъ со всѣми прежними художественными традиціями. Но въ то-же самое время тотъ-же Гоголь, опередившій, въ художественномъ отношеніи, многихъ, даже послѣдующихъ, дѣятелей литературы, не только что не былъ человѣкомъ сороковыхъ годовъ — не принадлежалъ даже и къ XIX столѣтію, и можно даже сказать, что этимъ онъ и обязанъ былъ тою легкостью, съ которою онъ отрѣшился отъ всѣхъ художественныхъ традицій, въ духѣ которыхъ были воспитаны его современники. Онъ

былъ выходецъ изъ страны, отдаленной отъ центровъ московско-петербургскаго умственнаго движенія, которая едва покончила свою самобытную жизнь, дико-воинственную, вполнѣ средневѣковую, и была еще преисполнена пѣсень, легендъ и преданій этой жизни, сохранявшихъ еще свѣжее обаяніе только-что минувшаго вчерашняго дня. Идеалы этой среды были еще вполнѣ средневѣковые. Съ одной стороны, это былъ рыцарскій идеалъ удалаго казака Запорожской сѣчи, съ другой — мрачнаго, набожнаго аскета, отшельника Кіево-печерской лавры. Степь или монастырь—таковы были два единственныя убѣжища въ средневѣковой Руси для людей, не ладящихъ съ дѣйствительностью; съ уничтоженіемъ казачества, остался одинъ монастырь.

Съ міросозерцаніемъ непосредственно средневѣковымъ, религіозно-набожнымъ пріѣхалъ Гоголь въ Петербургъ въ такое время, когда послѣдній представлялъ полное запустѣніе и отсутствіе всякаго умственнаго движенія. Здѣсь онъ замкнулся въ тѣсный кружокъ своихъ товарищей земляковъ, стоявшихъ на той-же степени развитія, какъ и онъ. Сѣренькое петербургское небо и такая-же сѣренькая жизнь, полная лишеній, нужды и заботъ о существованіи, тяжелымъ свинцомъ налегли на молодого человѣка и вся эта обстановка должна была показаться ему вдвое бѣднѣе, жальче и пошлѣе сравнительно съ яркими цвѣтами малороссійской природы и преданіями отжившей старины, исполненными обаятельной, свѣжей поэзіи. Малороссы, заѣхавшіе въ Петербургъ, обыкновенно долго носятся съ пѣснями и преданіями своей родины и приходятъ въ слезливое умиленіе отъ одного запаха малороссійскаго сала. Такъ точно и Гоголь, при своемъ пламенномъ воображеніи, весь унесся въ воспоминаніе о своей родинѣ, въ ея поэтическія преданія и плодомъ этого явились „Вечера на хуторѣ“ и „Тарасъ Бульба“. Если хотите, эти произведенія можно причислить къ романтическимъ—но это былъ вовсе не тотъ романтизмъ, который господствовалъ въ Европѣ и у насъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, который проникался образами и мотивами среднихъ вѣковъ, искусственно, съ задними мыслями и по бо̀льшей части одѣвалъ въ рыцарскія латы своихъ-же современниковъ, исполненныхъ внутренняго разлада, скептицизма или туманной мечтательности. Романтизмъ Гоголя въ „Вечерахъ на хуторѣ“ является передъ нами вполнѣ средневѣковымъ; отношеніе Гоголя къ природѣ, жизни и преданіямъ своей родины преисполнено той наивной непосредственности, той дѣтской простоты, вслѣдствіе которыхъ „Вечера на ху-

торѣ“ являются передъ нами словно какими-то средневѣковыми новеллами. Самый юморъ, которымъ преисполнены „Вечера“ — безхитростный, добродушный, вполнѣ народный, малороссійскій юморъ.

Появленіе „Вечеровъ“ сблизило Гоголя съ литературнымъ міромъ — онъ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Вяземскимъ, впослѣдствіи съ Шевыревымъ и Погодинымъ; все это были люди отжившіе или остановившіеся. Лучшій изъ нихъ былъ безспорно Пушкинъ, но это былъ Пушкинъ послѣдняго періода своей дѣятельности. Онъ могъ быть полезенъ Гоголю своими совѣтами по художественной части; что-же касается обще-развивательнаго вліянія, то въ этомъ отношеніи онъ могъ быть болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ.

Такимъ образомъ, Гоголь остался совершенно внѣ умственнаго движенія своего времени. Въ юности его занимали вопросы исключительно художественные, литературные, причемъ для него вовсе не существовало тѣхъ мучительныхъ вопросовъ о судьбѣ, духѣ и направленіи русской образованности, надъ разрѣшеніемъ которыхъ мучилось поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Онъ не сдѣлался ни западникомъ, ни славянофиломъ. Западникомъ онъ не могъ сдѣлаться потому, что имѣлъ весьма смутныя понятія о духѣ и направленіи западной образованности и никакое ученіе Запада не увлекало его; что-же касается славянофильства, то Гоголь, хотя и стоялъ на почвѣ того-же до-петровскаго міросозерцанія, на которомъ славянофилы основывали все спасеніе міра, но онъ отличался, все-таки, отъ нихъ тѣмъ, что славянофилы были люди тронутые, раздвоенные, сами находились уже внѣ до-петровскаго міросозерцанія и только натягивали во что бы то ни стало возвращеніе къ нему и примиреніе съ нимъ посредствомъ различныхъ хитросплетеній гегелевской діалектики, заразившись ею отъ того-же растлѣннаго Запада, который такъ проклинали. Между тѣмъ, на Гоголѣ не было и слѣда никакой подобной западной проказы: до-петровское міросозерцаніе было предметомъ такой-же непосредственной, наивной вѣры для него, какъ и для любаго простолюдина, и ему не для чего было стремиться къ возвращенію къ тому, въ сферѣ чего онъ и безъ того всецѣло находился.

Одно время, впрочемъ, и онъ подчинился нѣсколько духу своего времени. Послѣ наивной фантастичности народныхъ преданій, какую мы видимъ въ „Вечерахъ“, онъ обратился въ „Портретѣ“ къ

искусственной фантастичности въ гофмановскомъ родѣ, съ другой стороны началъ выводить въ своихъ произведеніяхъ романтическихъ художниковъ совершенно въ духѣ прекраснодушныхъ идеаловъ того времени. Но это вѣяніе вѣка было мимолетнымъ; какъ у человѣка, вполнѣ средневѣковаго—у Гоголя преобладало то непосредственное, эмпирическое воззрѣніе на жизнь, которое ведетъ въ творчествѣ къ преобладанію внѣшняго пластицизма; фантастическіе образы его явились слишкомъ преисполненными плоти и крови, и гофмановская туманная, мистическая фантастичность была совершенно не по плечу Гоголя, чтобы онъ могъ проникнуться ею и остановиться на ней. Съ другой стороны, и прекраснодушный художникъ не могъ сдѣлаться его идеаломъ при томъ религіозномъ настроеніи, которымъ Гоголь былъ проникнутъ съ самой ранней юности и которое отзывается во всей его перепискѣ уже со скамьи Нѣжинскаго лицея. Такъ, уже въ „Портретѣ“ вы видите, что прекраснодушная, исключительная преданность искусству ведетъ, по мнѣнію Гоголя, къ тому, что художникъ творитъ чуть не антихриста; высшимъ-же идеаломъ человѣка уже въ этой повѣсти является передъ вами аскетъ, замаливающій въ монастырѣ грѣхъ своей молодости.

Съ точки зрѣнія этого средневѣковаго идеала, осмѣивалъ Гоголь и окружающую его типу мелочей и дрязгъ. Было бы совершенно ложно думать, что міръ Собакевичей, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Коробочекъ можетъ казаться пошлымъ и лишеннымъ всякаго образа и подобія человѣческаго только съ высоты чайльдъ-гарольдовскихъ или бельтовскихъ идеаловъ. Отъ него съ ужасомъ отшатнулся бы и любой средневѣковой аскетъ въ родѣ Савонароллы. Гоголь-же обладалъ именно тою сильною, нетерпимою натурой, которыя обыкновенно глубоко возмущаетъ разладъ дѣйствительности съ ихъ идеаломъ, къ какому бы вѣку ни принадлежалъ этотъ идеалъ, и обладая геніальнымъ юморомъ, Гоголь принялся осмѣивать окружающую его жизнь изъ чистой потребности своего духа, внѣ всякихъ вѣяній какихъ-либо идей философскихъ или политическихъ, внѣ всякихъ художественныхъ традицій. Поэтому, вы не найдете и тѣни какихъ-либо сознательныхъ гражданскихъ тенденцій въ сатирѣ Гоголя. Гоголь и не воображалъ, что, смѣясь надъ пошлостью жизни, онъ смѣется и надъ тѣмъ общественнымъ строемъ, который порождаетъ эту пошлость, а когда этотъ выводъ былъ сдѣланъ изъ его произведеній другими, онъ съ ужасомъ отъ него отшатнулся. Онъ воображалъ въ своей средневѣкой наивно-

сти, что общественный бытъ въ иномъ видѣ, чѣмъ въ томъ, въ какомъ существовалъ при немъ, есть нѣчто такое-же незыблемое, утвержденное съ испоконъ-вѣковъ, какъ перемѣны временъ года, и что допущеніе малѣйшаго серьёзнаго измѣненія въ немъ—есть нѣчто въ родѣ святотатства; что-же касается Ноздревыхъ, Плюшкиныхъ, Хлестаковыхъ, то онъ объяснялъ ихъ пошлость тѣмъ, что они не просвѣщены свѣтомъ его аскетическихъ, средневѣковыхъ идеаловъ. Недаромъ онъ обѣщалъ, что въ третьей части изъ устъ Плюшкина польются иныя рѣчи. Изъ этого міровоззрѣнія прямо и естественно вышелъ переходъ къ послѣднему періоду дѣятельности Гоголя, ознаменовавшейся „Перепискою съ друзьями“ На это произведеніе Гоголя многіе смотрятъ, какъ на паденіе его таланта, какъ на окончательное растлѣніе его подъ гнетомъ обстоятельствъ, болѣзни и пр. и пр. Кто не знакомъ съ тѣми ожесточенными нападками, которыя посыпались на Гоголя со всѣхъ сторонъ послѣ появленія „Переписки съ друзьями“; кто изъ современниковъ не читалъ грозныхъ писемъ Бѣлинскаго къ Гоголю и писемъ Павлова, которыя были перепечатаны во многихъ газетахъ и журналахъ при своемъ появленіи... Но, въ сущности, по отношенію къ самому Гоголю послѣдній періодъ его дѣятельности не только не былъ паденіемъ и растлѣніемъ, а напротивъ, шагомъ впередъ... Весь этотъ переломъ произошелъ оттого, что Гоголь вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ созерцательныхъ натуръ, которыя могутъ ограничиться однимъ художественнымъ творчествомъ; въ немъ была слишкомъ сильна жилка пропаганды, что̀ ясно видно изъ всей переписки его съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Кого только онъ ни назидалъ, начиная съ матери и сестры и кончая Погодинымъ и Шевыревымъ... Что-же мудренаго, если ему показалось недостаточнымъ осмѣивать пошлыхъ людей, а захотѣлось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и внушить имъ тѣ самые идеалы и принципы, на основаніи которыхъ онъ ихъ осмѣивалъ. Это побужденіе усиливалось въ немъ по мѣрѣ того, какъ и самъ онъ все глубже и глубже проникался этими принципами по мѣрѣ своей зрѣлости, и, наконецъ, дошелъ до того изступленнаго экстаза, въ которомъ ему начали грезиться видѣнія, дѣйствительный и фактическій міръ перемѣшались въ его глазахъ и онъ вообразилъ себя чѣмъ-то въ родѣ пророка. Это было сумасшествіе, если хотите, но то самое, съ какимъ въ средніе вѣка совершали религіозные перевороты люди въ родѣ Магомета, Гусса, Лютера и прочихъ реформаторовъ. Гоголя ,обвиняли при этомъ въ страшномъ высокомѣріи, скрывающемся

подъ напускнымъ смиреніемъ; но спрашивается, какой-же фанатикъ, увлекшійся до энтузіазма своею идеей, не воображаетъ, что онъ пришелъ обновить міръ и что міръ долженъ внимать ему и идти за нимъ, иначе всѣ погибнутъ? Да и возможно-ли увлеченіе пропагандой безъ того качества, которое обыкновенно, когда пропаганда намъ нравится, называютъ величіемъ, возвышеннымъ энтузіазмомъ и пр., а когда не нравится, то высокомѣріемъ. Единственнымъ промахомъ Гоголя было развѣ то, что пропаганда его явилась не во время. Явись она не только въ средніе вѣка, а лѣтъ сорокъ назадъ, и никого бы она не удивила. Живи Гоголь во времена Новикова, онъ, конечно, сначала участвовалъ бы въ новиковскихъ сатирическихъ журналахъ, а потомъ сдѣлался бы ревностнымъ массономъ, и это казалось бы столь-же естественнымъ, какъ это намъ представляется въ Новиковѣ; никто не находилъ бы въ „Перепискѣ съ друзьями“ никакого высокомѣрія или помѣшательства, и тотъ-же Бѣлинскій или Павловъ съ уваженіемъ отзывались бы о „Перепискѣ съ друзьями“, какъ о памятникѣ успѣховъ въ свое время русскаго просвѣщенія. Но и отъ того времени, въ которое появилась, „Переписка съ друзьями“ была явленіемъ не слишкомъ уже отсталымъ. Подумайте только о томъ, многимъ-ли отличаются разобранные въ предъидущей главѣ принципы самого Бѣлинскаго отъ принциповъ „Переписки съ друзьями“? Развѣ только тѣмъ, что первые были замаскированы гегелевскою діалектикой, привлекавшей своею замысловатостью и новизной, и потому казались передовымъ, новымъ словомъ, тогда какъ въ „Перепискѣ“ тѣ-же принципы были высказаны съ ничѣмъ неприкрытою наготой, съ наивнымъ энтузіазмомъ изувѣра. Но въ этомъ отношеніи „Переписка“ была полезнѣе „Менцеля“ или „Бородинской годовщины“. Появившись въ такое время (1849 г.), когда средневѣковое міросозерцаніе находилось въ самой упорной борьбѣ съ новыми идеями, „Переписка“ оказала своимъ принципамъ самую медвѣжью услугу, выразивши ихъ во всемъ ихъ умственномъ убожествѣ, со всѣми внутренними противорѣчіями. Этимъ Гоголь, какъ будто нарочно, напоказъ выставилъ всю ихъ несостоятельность и заставилъ людей мало-мальски свѣжихъ съ бо̀льшею рѣшимостью отшатнуться отъ нихъ и поспѣшить отъ нихъ избавиться. Между тѣмъ, какъ тѣ-же самые принципы, выраженные въ статьяхъ Бѣлинскаго московскаго періода, подъ прикрытіемъ гегелевской діалектики, могли многихъ сбить съ толку и остановить навсегда на степени того двухсмысленнаго прогресса,

который, оставаясь на одномъ и томъ-же мѣстѣ, воображаетъ, что онъ идетъ впередъ, перемалывая старое на новый ладъ.

Средневѣковой человѣкъ по своимъ міровоззрѣніямъ, такой-же былъ Гоголь и по всѣмъ своимъ привычкамъ. До него вовсе не коснулась господствовавшая въ то время идея независимости литературы и онъ всецѣло принадлежалъ еще къ тѣмъ минувшимъ вѣкамъ, въ которые писатели въ запуски добивались покровительства; ему и въ голову не приходило считать унизительнымъ хлопоты о различныхъ вспомоществованіяхъ. Но рядомъ съ этимъ вы видите въ немъ также отсутствіе особенной искательности, лести, желанія пробиться вверхъ или составить состояніе. Это былъ вѣчно скитающійся, безсемейный казакъ въ личинѣ писателя, перевозившій все свое добро въ небольшомъ чемоданчикѣ. Большія суммы денегъ, получаемыя имъ отъ продажи своихъ сочиненій, или-же въ видѣ вспомоществованій свыше, онъ употреблялъ на стипендіи въ пользу бѣдныхъ московскихъ студентовъ, или-же скупалъ дорогія картины, для того, чтобы выручить изъ нужды бѣдныхъ художниковъ, и въ то-же время терпѣлъ иногда нужду и не зналъ, какъ перебиться. Самое то чудное, прекрасное далеко, куда онъ такъ часто удалялся, чтобы оттуда созерцать Россію, вполнѣ соотвѣтствовало его міровоззрѣніямъ. Это былъ Римъ, въ которомъ средніе вѣка процвѣтали еще во всей своей красѣ, и тамъ Гоголь бродилъ воплощеннымъ анахронизмомъ XIX столѣтія среди величавыхъ памятниковъ отжившей старины, мечтая о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда, подъ покровительствомъ владѣтельныхъ особъ, великіе художники, исполненные религіознаго энтузіазма, цѣлые годы проводили надъ какою-нибудь мадонной или роспысываньемъ церковнаго плафона. Живымъ напоминаніемъ этого давноминувшаго времени служилъ для Гоголя Ивановъ, проведшій полжизни надъ своею знаменитою картиной, такой-же средневѣковой аскетъ, какимъ былъ и Гоголь.

Въ то время, какъ Гоголь можетъ служить для насъ представителемъ средневѣковыхъ принциповъ въ ихъ чистомъ и непосредственномъ видѣ — современникъ его, Тимофей Николаевичъ Грановскій является вполнѣ человѣкомъ сороковыхъ годовъ, живымъ, воплощеннымъ типомъ тѣхъ промежуточныхъ людей, въ которыхъ старыя идеи упорно боролись съ новыми и которые въ изнеможеніи останавливались на этой борьбѣ, не въ силахъ найти никакого исхода изъ нея и не смѣя рѣшиться смѣло пойти въ одну какую-нибудь сторону.

Какъ по своему характеру, по своимъ убѣжденіямъ, такъ и по всему складу и ходу жизни, Грановскій является преисполненнымъ тѣхъ непримиримыхъ противорѣчій, которыми обыкновенно всегда отличаются люди промежуточные, стоящіе на рубежѣ двухъ противоположныхъ міровоззрѣній. Родясь въ богатомъ помѣщичьемъ семействѣ, онъ провелъ свое дѣтство подъ вліяніемъ такихъ размягчающихъ условій усадебной жизни, что изъ него обѣщалъ выйти или праздный, безвольный эпикуреецъ, или отвлеченный эстетикъ-созерцатель, въ родѣ массы людей его поколѣнія, не пошедшихъ далѣе этого тепличнаго склада ума и характера. Довольно того, что родители только тогда вздумали отвезти мальчика въ Москву и помѣстить его въ частный пансіонъ Кистера, когда мальчику исполнилось уже 13 лѣтъ. Но и выборъ заведенія былъ сдѣланъ зря, чтобы только какъ-нибудь отдѣлаться, хотя для виду, отъ обязанности воспитанія сына. Грановскій учился въ пансіонѣ всего два года, оставаясь въ теченіи этого времени очень долго дома всякій разъ, какъ пріѣзжалъ въ семью свою на вакацію, и не научился въ пансіонѣ этомъ ничему — даже нѣмецкому языку, несмотря на то, что заведеніе содержалось нѣмцемъ. Отправившись домой на вакаціонные мѣсяцы послѣ двухлѣтняго ученія въ пансіонѣ, Грановскій уже не возвращался туда—и три года провелъ онъ въ родительскомъ Погорѣльцѣ въ мучительной скукѣ праздности, бродя по цѣлымъ днямъ съ ружьемъ въ рукахъ по лѣсамъ и болотамъ. Единственное живое вліяніе, какое испыталъ на себѣ въ эти потерянные годы Грановскій, было вліяніе француза Жаньо, съ которымъ онъ познакомился въ Орлѣ. Замѣчательно, что рѣдкій изъ передовыхъ дѣятелей нашего стараго времени обошелся безъ благотворнаго вліянія тѣхъ выходцевъ изъ Франціи, которыхъ нѣкогда такъ преслѣдовала наша отечественная сатира. Безъ такого вліянія не обошелся и Грановскій. „Устами француза—говоритъ біографъ Грановскаго — произносились рѣчи и понятія цивилизованной націи, и мальчикъ, которому былъ уже шестнадцатый годъ, почувствовалъ различіе ихъ отъ того, что̀ слышалось вокругъ него, среди полуобразованнаго общества, среди сосѣдей и помѣщиковъ, посѣщавшихъ Погорѣлецъ“. До 18-ти почти лѣтъ Грановскій проживалъ недорослемъ въ родительской усадьбѣ, съ увлеченіемъ предаваясь танцамъ и безпечному веселью и рѣдко ложась спать ранѣе пяти часовъ утра. Наконецъ, отецъ Грановскаго, человѣкъ до крайности безпечный, праздный игрокъ и мотъ, приведшій свое семейство къ окончательному разоренію — рѣ-

шился отправить сына въ Петербургъ на службу. Какъ истый питомецъ усадебной теплицы, сынъ, конечно, ни о чемъ болѣе не мечталъ, какъ объ эполетахъ, и только просьбы матери, которая, изъ всѣхъ домашнихъ, одна оказывала на сына благотворное нравственное вліяніе, склонили его на гражданское поприще и весной 1831 года, съ помощью какого-то друга матери, Грановскій опредѣлился на службу въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Впечатлѣніе столицы, чтеніе (къ которому Грановскій успѣлъ уже пристраститься еще во время своей усадебной праздности), новыя встрѣчи съ людьми не остались безъ вліянія на даровитаго юношу. Онъ скоро и мучительно началъ чувствовать недостаточность своего образованія и своихъ познаній—говоритъ біографъ Грановскаго—и слѣдствіемъ этого было то, что Грановскій, несмотря на неодобреніе отца, въ іюлѣ 1831 года вышелъ въ отставку и началъ готовиться къ вступительному университетскому экзамену. Надо было случиться, что въ это самое время умерла мать Грановскаго, и всѣ обстоятельства жизни его радикально измѣнились. Наслѣдникъ богатаго имущества вдругъ очутился въ положеніи бѣдняка, который принужденъ собственными усиліями пробивать дорогу среди нужды и лишеній. Онъ, конечно, тотчасъ-же понялъ, что со смертью матери нѣчего надѣяться на родовыя имѣнія, что если онъ не обезпечитъ себя самостоятельнымъ трудомъ, то и самого его, и сестеръ ждетъ неминуемая нищета, такъ-какъ отъ управленія имѣніями отцомъ ничего нельзя было ожидать, кромѣ неминуемаго разоренія. Поэтому, съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся Грановскій за приготовленіе къ экзамену. Въ тоже время отецъ его, среди своихъ оргій, часто забывалъ о сынѣ и не высылалъ ему денегъ или-же высылалъ такія ничтожныя суммы, что избалованный питомецъ роскоши и нѣги долженъ былъ нерѣдко голодать по нѣскольку дней, питаясь чаемъ съ картофелемъ, впадать въ долги, пробиваться уроками, а впослѣдствіи переводными и компилятивными статейками въ „Библіотекѣ для Чтенія“ Сенковскаго.

Такимъ образомъ, самими обстоятельствами жизни Грановскій былъ поставленъ такъ, что среда, къ которой онъ принадлежалъ, была обращена къ нему не одною сферой „кроткой, христіанской семейной жизни“, какую созерцали знакомые намъ московскіе мыслители, а и своею обратною стороной дикой, варварской грязи, соединенной съ печальнымъ нравственнымъ растлѣніемъ. Это заставило юношу на университетской скамьѣ уже обратить внима-

ніе на мрачныя стороны нашей жизни. Рядомъ съ этимъ Грановскій зачитывался „Телеграфомъ“, и уже въ университетѣ, пристрастившись къ исторіи, познакомился съ сочиненіями Гизо, Баранта, Сисмонди, Тьера, Вильмена и пр. Все это вмѣстѣ внушило юношѣ то живое расположеніе къ общественнымъ вопросамъ, котораго были такъ чужды московскіе мыслители кружка Станкевича съ ихъ отвлеченно-эстетическими умозрѣніями.

Но рядомъ съ этою несомнѣнною энергіей, которую обнаружилъ Грановскій во время своего студенчества, васъ поражаютъ первые шаги его въ жизни за университетомъ, представляющіе радикальную противоположность съ тѣмъ отважнымъ скачкомъ, которымъ шагнулъ Грановскій изъ канцеляріи въ университетъ.

Пройдя въ какія-нибудь пять лѣтъ, среди нужды и всякаго рода лишеній, два курса, которые, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, проходятся обыкновенно лѣтъ въ десять, Грановскій успѣлъ при этомъ обратить на себя вниманіе профессоровъ и его хотѣли послать заграницу для занятія впослѣдствіи каѳедры. Въ то-же самое время Грановскій любилъ дочь сосѣда по имѣніямъ отца, дѣвушку, по словамъ біографа Грановскаго, весьма пріятной наружности, сосредоточеннаго, сдержаннаго нрава и одаренную замѣтнымъ умомъ. Казалось бы, что для человѣка, закаленнаго въ трудѣ и борьбѣ съ жизнью, успѣвшаго пристраститься къ наукѣ и для котораго планъ жизни представлялся уже опредѣленнымъ, поѣздка заграницу не только-что не могла стоять поперегъ вопроса о любви, напротивъ того, должна была способствовать благополучному разрѣшенію его, хотя бы и отсрочивала на время это разрѣшеніе. Немного нужно было имѣть здраваго смысла и твердости характера, чтобы разсудить, что долгъ и призваніе должны стоять на первомъ планѣ, особенно-же, если раньше устройства положенія невозможно и думать о женитьбѣ. Но Грановскому вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вздумалось розыграть роль Митрофанушки комедіи фонъ-Визина — не хочу, молъ, учиться, хочу жениться—и онъ отклонилъ отъ себя поѣздку заграницу на томъ основаніи, по словамъ біографа, что не желалъ на долгое время разставаться *съ нею*.

Но и въ любви Грановскій не нашелъ тѣхъ удовольствій, которыхъ, вѣроятно, ожидалъ, отказавшись ѣхать заграницу. Начались различныя ревности, упреки, рефлексіи, и привели къ тому, что довѣріе къ Е. П. ослабѣло въ сердцѣ Грановскаго и порой онъ началъ подумывать уже о томъ, что бракъ съ иной женщиной,

которую онъ менѣе бы любилъ, но болѣе довѣрялъ бы, обѣщалъ бы ему болѣе счастія. Казалось бы, чего еще дожидать отъ любви послѣ подобныхъ рефлексій? Но въ 1835 году снова было сдѣлано предложеніе Грановскому ѣхать за границу для приготовленія къ профессурѣ — теперь уже отъ московскаго университета черезъ П. К. Ржевскаго, служившаго при московскомъ попечителѣ графѣ С. Г. Строгановѣ. И вдругъ что-же: послѣ всѣхъ рефлексій, Грановскій снова спѣшитъ къ Е. П. рѣшить: ѣхать ему или остаться, готовый покориться ея рѣшенію, каково бы оно ни было. Дѣвушка' однакоже, оказалась съ характеромъ болѣе серьёзнымъ и самоотверженнымъ, чѣмъ ея возлюбленный. При всемъ томъ, что, по словамъ біографа, она рисковала потерять, вслѣдствіе поѣздки Грановскаго, гораздо болѣе, чѣмъ онъ, она не замедлила выговорить свое разрѣшающее partez, и Грановскій уѣхалъ, съ умиленіемъ всю жизнь вспоминая потомъ объ этомъ великодушномъ отвѣтѣ. Послѣ такого умиленія чего, казалось, было ждать, какъ не бо̀льшей еще привязанности къ дѣвушкѣ отъ истинно и горячо любящаго человѣка. И что̀-же вдругъ вышло: Грановскій уговорился съ своею возлюбленною не переписываться во время его отсутствія для избѣжанія толковъ, любопытства и опасеній, возбужденныхъ отношеніемъ молодыхъ людей въ кругу родныхъ и въ обществѣ, среди котораго осталась Е. П., а получать извѣстіе черезъ общую пріятельницу М. А. С., которая часто видѣлась съ Е. П-ой и вела переписку съ Грановскимъ. Но эта пріятельница, одна изъ тѣхъ старыхъ, перезрѣлыхъ дѣвъ, которыя среди провинціальнаго бездѣлья отъ скуки бываютъ часто такія любительницы и искусницы сводить и разводить влюбленныхъ, оказалась коварнѣйшимъ другомъ. Она оклеветала передъ Грановскимъ его возлюбленную, а передъ послѣдней его; вслѣдствіе этого произошла ссора, и любовь Грановскаго, на карту которой онъ ставилъ всего себя, разсѣялась, какъ дымъ. Позже Грановскій убѣдился въ коварствѣ злой женщины; узналъ онъ также, что дѣвушка и тутъ оказалась выше его: она не разлюбила его при всѣхъ наущеніяхъ пріятельницы; пять лѣтъ послѣ того провела она въ нѣмой тоскѣ, въ полномъ уединеніи... Можно себѣ представить, сколько стыда, нравственнаго униженія и раскаяній оставила въ сердцѣ Грановскаго подобная развязка. „Его мучила мысль—говоритъ біографъ—что эта третья сестра, какъ онъ началъ называть ее, можетъ презирать его, въ ея глазахъ онъ можетъ казаться пустымъ и бездушнымъ человѣкомъ. Онъ рѣшился объяснить ей въ короткомъ

письмѣ все дѣло, какъ оно было, и сказать, какъ мучительна для него мысль о возможности презрѣнія съ ея стороны. Отъ нея онъ получилъ отвѣтъ, въ короткихъ и простыхъ словахъ: она благодарила его за письмо и признавалась, что *оно утѣшило ее во многомъ*. Такъ кончились навсегда личныя сношенія Грановскаго съ дѣвушкой, которую онъ любилъ въ первой юности. Они никогда не встрѣчались болѣе, но до кончины, постигшей ее за годъ до смерти Грановскаго, онъ сохранилъ горячее участіе къ третьей сестрѣ своей. Незамѣтно и тайно для нея онъ постоянно слѣдилъ за ея судьбой, освѣдомлялся обо всемъ, что̀ имѣло отношеніе къ ней и ея семейству, доставлялъ ей книги руками другихъ лицъ, радовался, когда представился ему случай принять на свое попеченіе воспитаніе маленькой сестры ея. Съ глубокою грустью и вѣчнымъ упрекомъ самому себѣ вспоминалъ онъ ее въ лучшіе, счастливѣйшіе часы своей жизни. Когда для него настало время новой счастливой любви, онъ вспоминаетъ въ письмахъ сестрамъ свою прежнюю невѣсту: „Боже мой, Боже мой! Я жестоко наказанъ за ошибки моей юности. Покуда будетъ живо это воспоминаніе, я не могу быть вполнѣ счастливымъ, а воспоминаніе это не умретъ никогда“. Онъ признается въ другомъ письмѣ: „Признаться-ли вамъ? Это воспоминаніе преслѣдуетъ меня даже когда сижу возлѣ Лизы. Чѣмъ могу я искупить мою вину?“

Когда вы читаете всю эту исторію въ біографіи Грановскаго, то вамъ постоянно чудится, что передъ вами одна изъ повѣстей г. Тургенева, нѣчто въ родѣ „Рудина“ или „Аси“ съ однимъ изъ тѣхъ Гамлетовъ сороковыхъ годовъ, которые, по своимъ идеямъ, стояли выше всей окружающей ихъ толпы, а по своимъ отношеніямъ къ жизни являлись несостоятельнѣе самыхъ посредственныхъ практиковъ, съ одной стороны выказывали удивительную силу характера, рѣшаясь въ одиночку, и часто безъ всякой поддержки и сочувствія, бороться противъ тьмы темъ и освѣщать собою эту мрачную бѣздну, и въ то-же время у нихъ на столько недоставало энергіи, воли и здраваго смысла, чтобы рѣшить какой-нибудь маленькій вопросикъ въ ихъ частной жизни; они рефлектировали, путались въ безплодныхъ сомнѣніяхъ и сожалѣніяхъ тамъ, гдѣ дѣло было ясно, какъ день, и кончалось тѣмъ, что какая-нибудь старая дѣва могла помыкать ими, какъ тряпкой.

Что касается до своей второй привязанности, то хотя она и увѣнчалась законнымъ бракомъ, Грановскій и тутъ успѣлъ розыграть еще болѣе близко и совершенно роль Рудина, и этотъ фактъ

имѣетъ для насъ особенную важность, потому что здѣсь замѣшиваются въ дѣло уже и принципы, и фактъ этотъ можетъ служить для насъ переходомъ къ характеристикѣ убѣжденій и взглядовъ Грановскаго.

Мы уже говорили о томъ, что первымъ и самымъ главнымъ источникомъ всѣхъ золъ, всѣхъ лишеній, непріятностей и горестей въ жизни Грановскаго былъ его отецъ, который своею безпечностью чуть не погубилъ всю жизнь его въ дѣтствѣ, съ расточительностью котораго потомъ всю жизнь свою Грановскій боролся, спасая кое-какъ своихъ сестеръ отъ окончательнаго разоренія, платя за старика долги и проч. Мы уже говорили, что ненадежность эта человѣка была главною двигательною силой энергіи Грановскаго: она-то и побудила его стремиться встать на самостоятельную ногу. Но разъ человѣкъ выработалъ себѣ самостоятельность и вступилъ на свой собственный путь, казалось бы, какое дѣло кому бы то ни было до того, какое рѣшеніе приму я въ томъ или другомъ своемъ дѣлѣ, касающемся лично меня, особенно, если самому мнѣ лѣтъ уже подъ 30-ть. Тѣмъ болѣе, казалось бы, что въ такомъ дѣлѣ, какъ женитьба, гдѣ идетъ вопросъ о судьбѣ не одного человѣка, а и той особы, съ которою онъ вступаетъ въ бракъ, мыслимое-ли дѣло, будучи уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, отказываться отъ инициативы рѣшенія такого вопроса и возлагать его всецѣло на рѣшеніе папеньки. И вдругъ что̀-же мы видимъ: въ 1840 году Грановскій влюбился въ молодую дѣвушку Мюльгаузенъ, полюбила и она его. Въ то время Грановскій успѣлъ уже занять каѳедру и имя его съ каждымъ днемъ пріобрѣтало болѣе и болѣе знаменитости. Родители невѣсты были рады этому браку. Передъ тѣмъ, какъ дѣлать имъ предложеніе, Грановскій, по обыкновенію, написалъ отцу, прося его родительскаго благословенія на женитьбу. Казалось, что это письмо не имѣло никакого инаго значенія, кромѣ обычнаго соблюденія приличій и сыновняго почтенія къ престарѣлому родителю. Но Грановскій сдѣлалъ изъ него тотчасъ-же драму и всталъ въ трагикомическую позу роли Кабанова въ „Грозѣ“. Почтенный профессоръ, герой дня, стоявшій уже во главѣ умственнаго движенія Россіи въ то время, надежда всѣхъ друзей прогресса—какъ молоденькая, только-что выпущенная, институточка со страхомъ и трепетомъ началъ ожидать, что̀ скажетъ папенька и ка̀къ рѣшитъ его участь. „Я не женюсь безъ его согласія—писалъ онъ къ своей сестрѣ съ сентиментальностью 17-ти-лѣтней пансіонерки — браки безъ согласія

родителей приносятъ несчастіе...“ Къ довершенію комизма, родитель и не думалъ спѣшить отвѣтомъ на просьбу сына. По всей вѣроятности, онъ увлекся какими-нибудь обѣдами, попойками, картежными турнирами и, забывши о письмѣ сына, откладывалъ день за день отвѣтъ, предполагая, что не къ спѣху... Прошла недѣля, другая, третья, и только черезъ шесть недѣль, родитель, наконецъ, собрался и прислалъ сыну свое благословеніе. Грановскій чуть не сходилъ съ ума въ это время. „Лѣнь-ли, равнодушіе ближе искренняя забота о моемъ будущемъ препятствуютъ ему писать мнѣ? Боже мой, какъ дорого бы я далъ за то, чтобъ быть неправымъ противъ него, чтобы послѣднее изъ трехъ предположеній было справедливо“, писалъ онъ къ своей сестрѣ.. Въ другомъ письмѣ онъ писалъ, что не женится безъ согласія отца, но уже не пріѣдетъ въ его семью; что онъ не сталъ бы упрекать отца ни въ чемъ, но ему было бы трудно быть съ нимъ такимъ, какимъ сынъ долженъ быть для отца. Въ этихъ словахъ выразилась вся бездна противорѣчій, которая сидѣла въ Грановскомъ. Казалось бы, что ужь если стоять на кабановской точкѣ зрѣнія святости отеческаго veto, то проводить этотъ взглядъ послѣдовательно до конца, такъ-какъ онъ требуетъ не одного только повиновенія скрѣпя зубы, но почтительнаго, соединеннаго съ искреннею готовностью безропотно одобрять всякое родительское распоряженіе съ вами. Между тѣмъ, вы видите здѣсь, съ одной стороны—желаніе подчиниться отеческой власти, соединенное съ мистическимъ страхомъ, какъ бы въ противномъ случаѣ бракъ не вышелъ несчастнымъ, съ другой-же стороны—протестъ, и какой еще протестъ! сынъ объявляетъ отцу: я послушаюсь твоей волѣ, но за то потомъ ты мнѣ не отецъ и я тебя и знать не хочу! Или иначе: я сначала почту твою власть, а потомъ попру ее ногами. Въ результатѣ отъ такого абсурда вышло бы, что всѣ остались бы въ накладѣ: отецъ потерялъ бы навсегда сына, сынъ потерялъ бы и отца, и невѣсту, но за какую-же вину пострадала бы здѣсь дѣвушка изъ-за того, что въ ней возбудилъ чувство такой безвольный человѣкъ, который могъ рѣшиться бросить ее по приказанію папеньки послѣ всѣхъ нѣжныхъ чувствопзліяній? Къ довершенію всѣхъ противорѣчій, слѣдуетъ еще замѣтить, что Грановскій далеко не во всѣхъ случаяхъ жизни слѣдовалъ тому-же самому принципу, который вдругъ вздумалось ему примѣнить къ женитьбѣ своей на Мюльгаузенъ. Такъ, напримѣръ, неодобреніе отца нисколько не помѣшало ему поступить въ университетъ, и онъ не

думалъ о томъ, что его ждетъ несчастіе на новомъ поприщѣ, на которое онъ выступилъ вопреки родительской воли. Въ то-же время, будучи еще студентомъ, онъ поспѣшилъ изъ Петербурга въ Погорѣлецъ, узнавши, что отецъ выдаетъ сестру его замужъ насильно за немилаго человѣка, и Грановскій разстроилъ этотъ бракъ, конечно, вопреки воли родителя, нисколько не помышляя, что власть родителя такъ-же священна въ положительныхъ отправленіяхъ, какъ и въ своихъ veto.

Подобныя нравственныя противорѣчія только и можно объяснить себѣ тѣмъ, что въ Грановскомъ сидѣли двѣ противоположныя системы міровоззрѣній: одна — до-петровская, архаическая, вся основанная на средневѣковыхъ преданіяхъ, другая — новая, система XIX столѣтія, основанная на идеяхъ свободы разума, чувства и воли личности отъ всѣхъ стѣсняющихъ оковъ обветшалаго родоваго быта.

Таковъ былъ Грановскій и во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ.

Едва только уѣхалъ онъ за границу, какъ тотчасъ-же предался горькимъ, мучительнымъ рефлексіямъ и сомнѣніямъ, касательно того, правильно-ли избралъ онъ путь, рѣшившись посвятить себя изученію исторіи. Съ одной стороны, на него нашли сомнѣнія въ собственной своей личности, онъ ужаснулся громадности труда при видѣ той колоссальной литературы, какая существовала въ то время уже въ Германіи по части разработки исторической науки; ему показалось, что онъ совсѣмъ не подготовленъ къ такому труду и взялся не за свое дѣло; съ другой стороны, онъ впалъ въ общій въ то время всѣмъ романтикамъ скептицизмъ относительно безсилія науки вообще достигнуть какихъ-нибудь основательныхъ знаній. Изъ этого состоянія его вывелъ, какъ уже мы говорили объ этомъ, Станкевичъ, указавши ему на гегелевскую философію, какъ на цѣлительный бальзамъ отъ всѣхъ его мукъ сомнѣнія. „Мужество, твердость, Грановскій! — писалъ онъ ему — не бойся этихъ формулъ, этихъ костей, которыя облекутся плотію и возродятся духомъ по глаголу Божію, по глаголу души твоей. Твой предметъ — жизнь человѣчества: ищи-же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія; но прежде приготовься трудными испытаніями—займись философіей. Занимайся тѣмъ и другимъ, эти переходы изъ отвлеченной къ конкретной жизни и слова, углубленіе въ себя—наслажденіе! тысячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова исполнишься надежды; но вѣрь, вѣрь — и идн

путемъ своимъ... Теперь ты занимаешься исторіей: люби-же ее, какъ поэзію, прежде нежели ты свяжешь ее съ идеей, какъ картину разнообразной и причудливой жизни человѣчества, какъ задачу, которой рѣшеніе не въ ней, а въ тебѣ, и которое вызовется строгимъ мышленіемъ, приведеннымъ въ науку. Поэзія и философія — вотъ душа сущаго. Это жизнь, любовь; внѣ ихъ все мертво. Ты скорбишь о томъ, что едва знаешь имена тѣхъ людей, которыхъ Миллеръ называлъ великими. Не говоря о томъ, что на счетъ величія людей можно имѣть разныя понятія съ Миллеромъ, я скажу одно: что̀ за потребность узнать и того, и другаго, и третьяго? Ты узнаешь ихъ тогда, когда въ тебѣ будетъ вопросъ, котораго рѣшенію они могутъ способствовать. Всякое чтеніе полезно только тогда, когда къ нему приступаешь съ опредѣленною цѣлью, съ вопросомъ. Работай, усиливай свою дѣятельность, но не отчаявайся въ томъ, что ты не узнаешь тысячи фактовъ, которые зналъ другой. Конечно, твое будущее назначеніе обязываетъ тебя имѣть понятіе обо всемъ, что̀ сдѣлано для твоей науки до тебя; но это пріобрѣтается легко, когда ты положишь главное основаніе своему знанію, а это основаніе скрѣпишь идеей...“

Плодомъ такихъ совѣтовъ было то, что Грановскій занялся философіей Гегеля, и въ ней онъ дѣйствительно нашелъ успокоеніе отъ многихъ сомнѣній, съ какими онъ приступилъ къ своимъ трудамъ. Въ это время послѣдователи гегелевской философіи успѣли уже раздѣлиться на два лагеря. Между тѣмъ, какъ строгіе послѣдователи Гегеля отстаивали въ своемъ журналѣ „Berliner Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik“ систему своего учителя противъ критики новыхъ гегеліанцевъ, послѣдніе сгруппировались вокругъ, основаннаго въ 1838 году, изданія „Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst“, и главнымъ стремленіемъ ихъ было приложеніе общихъ принциповъ гегелевской философіи къ различнымъ вопросамъ общественной жизни, религіи, политики и литературы. Къ числу этихъ новыхъ гегеліанцевъ принадлежалъ и философъ Ганцъ, лекціи котораго оказали большое вліяніе на Грановскаго и, по всей вѣроятности, имъ онъ былъ обязанъ не мало тому живому, страстному интересу, какой онъ принималъ во всѣхъ общественныхъ вопросахъ своего времени.

Такъ, бывши еще за границей, Грановскій, на обѣдѣ у одного богатаго вѣнскаго банкира, Вальтера, явился горячимъ защитникомъ освобожденія крестьянъ противъ росказней какой-то русской дамы, утверждавшей, что крестьяне не желаютъ измѣненія своей

участи. Въ то-же время въ историческихъ трудахъ его болѣе всего занимали вопросы общественные. Одно время онъ увлекся-было изученіемъ славянскихъ языковъ, но рвеніе его къ филологическимъ занятіямъ скоро охладѣло. „Они могутъ быть полезны для филологическихъ изслѣдованій — писалъ онъ о славянскихъ языкахъ — а слѣдовательно, и для исторіи, но я совсѣмъ другаго ищу въ этой наукѣ. Меня почти исключительно занимаетъ развитіе политическихъ формъ и учрежденій. Это одностороннее направленіе, но я не могу изъ него вырваться". „Болѣе всего меня занимаетъ пока исторія Испаніи — писалъ онъ въ то-же время къ Фролову— я много перечиталъ и любопытство мое усилилось. У этого народа были въ XIV вѣкѣ конституціонныя формы и понятія о свободѣ, до какихъ дай Богъ нѣмцамъ дойти черезъ сто лѣтъ. Предметомъ для моей диссертаціи я выбралъ: объ образованіи и упадкѣ вольныхъ городскихъ общинъ въ среднихъ вѣкахъ. Надѣюсь, что мнѣ позволятъ".

Такимъ образомъ, Грановскій явился въ Москву изъ-за границы стоящимъ значительно впереди въ своемъ развитіи сравнительно съ московскими друзьями кружка Станкевича. Отвлеченно-примирительное направленіе ихъ тяжело поразило Грановскаго и онъ горько жаловался на понятія Бѣлинскаго и близкихъ ему людей въ письмѣ къ Станкевичу.

Но тотъ-же самый Грановскій, который представлялъ высшую фазу развитія сравнительно съ кружкомъ Станкевича, остановился на этой фазѣ и не пошелъ далѣе, и тѣ-же самые дѣятели мысли (Бѣлинскій, Б—нъ), которые стояли сзади него въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ концѣ того-же десятилѣтія оказались значительно впереди его. Все это произошло оттого, что Грановскій остановился на полдорогѣ, сочувствуя новымъ идеямъ вполовину, и въ то-же время не въ силахъ будучи отдѣлаться отъ тѣхъ старыхъ преданій, въ духѣ которыхъ онъ былъ воспитанъ, и привыкъ къ нимъ до такой степени, что внѣ ихъ ему было страшно и жутко.

Такъ, напримѣръ, съ одной стороны, онъ съ живымъ и страстнымъ интересомъ слѣдилъ за событіями, разыгравшимися во Франціи въ 1848 году. Онъ былъ, повидимому, на сторонѣ народныхъ массъ, впервые громко заявившихъ свои естественныя, человѣческія требованія на улучшеніе своей участи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Грановскій впадалъ въ раздумье: „торжество массъ не будетъ-ли гибелью лучшихъ плодовъ цивилизаціи, доступныхъ покуда мень-

шинству. Побѣда пролетаріевъ не сгубитъ-ли современную цивилизацію, какъ вторженіе варваровъ сгубило древнюю", и хотя при этомъ біографъ Грановскаго замѣчаетъ, что просвѣщеніе было въ глазахъ послѣдняго не роскошью, не утонченнымъ наслажденіемъ аристократическаго меньшинства, но необходимая, высокая цѣль жизни человѣчества, тѣмъ не менѣе вышеупомянутыя раздумья и сомнѣнія именно подтверждаютъ совершенно противное: вы видите, что въ головѣ человѣка сидитъ удивительный абсурдъ: онъ желаетъ, чтобы плоды цивилизаціи были доступны всему человѣчеству, а не одному привиллегированному меньшинству, и въ то-же время боится, чтобы отъ этого распространенія плодовъ цивилизаціи въ массахъ не произошло варварство, иначе говоря, онъ боится, чтобы не сгибла такая высокая цивилизація, при которой на одного грамотнаго приходится 1,000 неграмотныхъ, и не настало такого дикаго варварства, при которомъ, наоборотъ, на 1,000 грамотныхъ приходился бы одинъ неграмотный! Но мнѣ возразятъ, что Грановскій боялся не того, что всѣ будутъ образованы; онъ этого искренно желалъ, онъ боялся только внезапнаго торжества массъ, еще не успѣвшихъ цивилизоваться, и отъ этого порядка вещей ожидалъ варварства... Но въ этомъ еще болѣе противорѣчій: вы подумайте только о томъ, подвинулась-ли бы впередъ цивилизація человѣчества, еслибы древняя цивилизація сохранялась бы до сего дня, и въ то-же время бо̀льшая часть Европы была наполнена такими-же дикими варварами, какъ это было въ какомъ-нибудь III столѣтіи. Варвары восторжествовали, Римъ палъ, наступили, правда, вѣка мрака и невѣжества, но погибла-ли черезъ это цивилизація человѣчества? Нѣтъ, тѣ-же варвары воспользовались плодами древней образованности, просвѣтились ею и повели ее дальше къ такимъ результатамъ, о которыхъ въ древности и не мечтали. Такимъ образомъ, если мы даже согласимся съ Грановскимъ, что торжество необразованныхъ массъ должно повести къ новому варварству, то на какомъ-же основаніи предполагать, что новые варвары неспособны будутъ поступить такъже, какъ и прежніе, почему они не воспользуются плодами нынѣшней цивилизаціи и не поведутъ ее къ такому развитію, о которомъ въ наше время и не снится?.. Въ этомъ отношеніи плакать о гибели цивилизаціи можно только въ томъ случаѣ, еслибы вы предположили, что новые варвары неспособны вкушать плоды цивилизаціи... Въ такомъ случаѣ вы стояли бы на твердой почвѣ и ваши сѣтованія были бы основательны. Но какое значеніе имѣетъ

такое предположеніе? Это предположеніе Собакевича или Ноздрева, воображавшихъ, что только съ чиновниковъ 14-го класса начинаются люди, а ниже слѣдуютъ не люди, а звѣри, которыхъ ежеминутно нужно держать въ крѣпкой уздѣ и укрощать, иначе они тотчасъ-же все сожгутъ и истребятъ, а потомъ разлѣнятся и поѣдятъ сами себя. Грановскій, конечно, былъ далекъ отъ такого непосредственно-варварскаго взгляда на вещи, онъ былъ гуманистъ, онъ сознавалъ свою человѣческую солидарность съ низшимъ братомъ, въ силу чего становился на его сторону, но въ то-же самое время, незамѣтно для него самого, логика его продолжала работать въ духѣ Простаковой; этимъ только и можно объяснить себѣ, почему человѣкъ желалъ всеобщаго просвѣщенія, и въ то-же время въ массахъ ему такъ и грезилось все только одни варвары и варвары безъ конца.

Таковъ-же является передъ нами Грановскій и относительно женскаго вопроса. „Грановскій всегда вѣрилъ — говоритъ біографъ — въ возможность высокаго умственнаго и нравственнаго развитія женщины, всегда радовался, когда встрѣчалъ его. Онъ не любилъ и не желалъ того, что̀ многіе разумѣютъ подъ словомъ *эмансипація женщины*, уравненія во всемъ ея общественнаго положенія съ положеніемъ мужчины, уравненія ея съ послѣднимъ въ задачахъ жизни, въ практической дѣятельности, но онъ желалъ, чтобы женщина равнялась мужчинѣ въ участіи ума и сердца къ общечеловѣческимъ интересамъ. Женщина-дѣлецъ, женщина-торгашъ, женщина-юристъ, наводила на него смущеніе. „Не люблю женщинъ, знающихъ законы“, говорилъ онъ по поводу дѣловыхъ способностей дамы, съ успѣхомъ занимавшейся своими процессами. За то съ уваженіемъ и живымъ участіемъ видѣлъ онъ женщину, воспитывающую и обучающую дѣтей, женщину, посвящающую себя попеченіямъ о больныхъ и страждущихъ. Съ уваженіемъ и благоговѣніемъ смотрѣлъ онъ и на ту, которая подъ гнетомъ исключительнаго положенія не падала духомъ, и изъ любви къ дорогимъ ей лицамъ принимала на себя даже такіе заботы и труды, которые обыкновенно долженъ нести мужчина. Въ такомъ исключительномъ явленіи онъ узнавалъ торжество сильной любви, и это глубоко трогало его“.

Здѣсь вы видите, опять-таки, порядочный сумбуръ совершенно двухъ противоположныхъ міровоззрѣній. Съ одной стороны, подъ вліяніемъ новыхъ идей, Грановскій радовался, когда встрѣчалъ женщину развитую и равняющуюся мужчинѣ въ участіи ума и

сердца къ общечеловѣческимъ интересамъ, но въ то-же время никакъ не могъ отдѣлаться отъ той старой традиціи, которая требуетъ, чтобы кругъ занятій женщины не выходилъ изъ кухни и дѣтской, и его коробило, когда онъ видѣлъ женщину за какимъ-нибудь непривычнымъ занятіемъ, подобно тому, какъ прадѣдушку его коробило, если онъ видѣлъ женщину за книжкой. Онъ допускалъ, чтобы женщина принимала иногда на себя заботы и труды, которые обыкновенно долженъ нести мужчина, но дѣлалъ такую уступку только ради любви къ дорогимъ ей лицамъ; при чемъ логика его до такой степени была забита еще старыми предразсудками, что онъ никакъ не могъ сдѣлать того простаго и естественнаго вывода, что если разъ будетъ допущено, чтобы женщина принималась за мужскія дѣла изъ-за высокой любви къ родителямъ, мужу, дѣтямъ, то на какомъ-же основаніи отвергать, чтобы она сдѣлала то-же самое изъ-за болѣе еще высокой любви къ отечеству и человѣчеству?

То-же самое мы видимъ и относительно общихъ міровоззрѣній Грановскаго. Когда, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, начали все чаще и чаще появляться люди, перешедшіе по своему міросозерцанію въ третій періодъ умственнаго процесса, и особенно такихъ людей было много въ младшемъ поколѣніи въ то время еще университетской молодёжи, Грановскій несочувственно встрѣтилъ это новое направленіе мысли. „Въ 1845 году — говоритъ біографъ Грановскаго — авторъ „Писемъ объ изученіи природы“ слушалъ въ Москвѣ лекціи сравнительной анатоміи и ему казалось, что онъ познакомился въ аудиторіи и анатомическомъ театрѣ съ новымъ, сильнымъ поколѣніемъ юношей съ направленіемъ реалистическимъ, т.-е. положительно научнымъ. Эта молодёжь разглядѣла, въ чемъ онъ расходился съ Грановскимъ и хотѣла, чтобы онъ непремѣнно склонилъ его на сторону ихъ, будто бы, философскихъ мнѣній. Все это опять приводило къ спорамъ между друзьями. Философскія мнѣнія и примѣръ юношей не могли увлекать Грановскаго. Положительно научное направленіе понималъ онъ не менѣе и не хуже, чѣмъ они. Не положительное научное направленіе, не пріемы и способы естествовѣдѣнія осуждалъ Грановскій, а легкомысліе, въ началѣ изученія и труда уже смѣло провозглашающее послѣдніе результаты науки, возводящее въ догматы свои догадки, свои шаткія соображенія“.

Здѣсь дѣло идетъ именно о тѣхъ средневѣковыхъ преданіяхъ, въ которыя Грановскій глубоко вѣрилъ, по словамъ біографа, и въ

скептическомъ отношеніи къ нимъ онъ видѣлъ легкомысліе, въ началѣ изученія и труда провозглашающее послѣдніе результаты науки... Но это показываетъ, что при всемъ своемъ уваженіи къ положительному направленію, онъ, съ одной стороны, не понималъ его истиннаго духа, съ другой стороны, проникался имъ, какъ и во всемъ, только на половину. Основная формула, опредѣляющая все положительное направленіе, заключается въ томъ, чтобы ничего не принимать и не отрицать голословно на вѣру, не провѣренное опытомъ и анализомъ разума. Разъ вы утвердились въ этой формулѣ, то вы можете, пожалуй, какъ большинство позитивистовъ, сказать: далѣе предѣловъ опытнаго знанія для меня мракъ и я не имѣю основанія ни утверждать, ни отрицать чего-либо за этими предѣлами. Но разъ вы перешли за эти предѣлы и сказали, что хотя тамъ и мракъ, но я вѣрю, что тамъ и то, и другое, и третье, и вѣрю не на какомъ иномъ основаніи, какъ на томъ, что мнѣ такъ кажется и, затѣмъ, никакихъ доказательствъ не захотите представлять съ своей стороны, никакихъ возраженій слушать отъ другихъ, однимъ словомъ, *кажется*, *вѣрю* — и все тутъ... то, конечно, при такомъ способѣ мышленія нѣчего будетъ и говорить о положительномъ методѣ; вы выходите изъ него и изъ Контиста дѣлаетесь Кантистомъ. Такимъ былъ Грановскій: онъ слѣдовалъ положительному методу только до извѣстныхъ предѣловъ, а за этими предѣлами для него начинался міръ завѣтныхъ преданій и милыхъ призраковъ, которые онъ лелѣялъ слѣпо, по привычкѣ, не допуская ни малѣйшей критики, ни малѣйшихъ возраженій, съ тѣмъ самымъ легкомысленнымъ догматизмомъ, который онъ подозрѣвалъ въ своихъ противникахъ. Наглядным образцомъ слѣпого, не терпящаго возраженій догматизма Грановскаго можетъ служить то знаменитое окончаніе споровъ его съ друзьями, которое повело за собою прямой разрывъ съ ними. Послѣ цѣлаго ряда діалектическихъ преній по поводу различныхъ вопросовъ, касающихся средневѣковыхъ преданій, Грановскій, измѣнившись въ лицѣ, объявилъ, что для него *лично* необходимы эти преданія на томъ основаніи, что онъ много схоронилъ, и, затѣмъ, блѣдный, придавая себѣ видъ посторонняго, онъ обратился къ друзьямъ съ просьбой — никогда не говорить съ нимъ объ этихъ предметахъ. Послѣ этого споръ былъ, конечно, прекращенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и отношенія Грановскаго къ друзьямъ сдѣлались крайне натянутыми, и эта натянутость дошла до того, что впослѣдствіи лучшаго друга своей юности Грановскій поста-

вилъ на одну доску съ г. Погодинымъ. Далѣе затѣмъ должны были слѣдовать открытый разрывъ и вражда, и только смерть избавила Грановскаго отъ этихъ печальныхъ послѣдствій...

Враждебное отношеніе къ новому реальному направленію и къ естественнымъ наукамъ выразплось еще рельефнѣе въ запискѣ „Объ ослабленіи классическаго преподаванія въ гимназіяхъ", которую Грановскій представилъ въ 1855 году министру народнаго просвѣщенія Норову,

Надо замѣтить, что въ то время вопросъ о классическомъ образованіи стоялъ совершенно въ обратномъ отношеніи, чѣмъ въ наше время. Реакціонеры того времени были преисполнены еще преданій временъ первой французской революціи и въ классицизмѣ подозрѣвали алгебру революцій, предполагая, что всѣ онѣ произошли не отъ чего инаго, какъ отъ увлеченія исторіей древняго міра съ его знаменитыми республиками. На этомъ основаніи, во время самаго сильнаго разгара реакціи, со вступленіемъ въ должность министра народнаго просвѣщенія Шпрянскаго-Шихматова, обученіе классическимъ языкамъ было почти совсѣмъ прекращено и былъ даже вопросъ объ исключеніи изъ исторіи всего періода греческой и римской исторіи до Августа.

Въ оппозицію такого направленія реакціи, начиная съ двадцатыхъ годовъ, было не мало приверженцевъ классическаго образованія. Такого приверженца мы видѣли уже въ Веневитиновѣ. Но Веневитиновъ проповѣдывалъ классицизмъ, вовсе не думая противопоставлять его какой-нибудь иной системѣ образованія: онъ видѣлъ вокругъ себя одно голое невѣжество при полномъ отсутствіи какой бы то ни было системы образованія, и проповѣдывалъ классицизмъ потому, что онъ одинъ былъ передъ его глазами, отчасти и въ тѣхъ-же, можетъ быть, видахъ, въ какихъ другіе его такъ боялись. Что касается до реакціи 1849 года, то она, возведя гоненіе на классицизмъ, въ свою очередь, вовсе не думала противопоставлять ему реализма. Хотя насчетъ уменьшенія уроковъ греческаго и латинскаго языковъ и была введена такъ-называемая естественная исторія, но она была вставлена въ такія узенькія рамочки и преподавалась въ такомъ жалкомъ видѣ, что здѣсь, очевидно, дѣло шло вовсе не о реальномъ образованіи и не о преобладаніи естественныхъ наукъ, а просто о томъ, что, съ одной стороны, надо было чѣмъ-нибудь заштопать пробѣлъ, сдѣланный въ гимназическомъ преподаваніи уменьшеніемъ уроковъ древнихъ языковъ, а съ другой — принизить общій уровень преподаванія

всѣхъ предметовъ, заглушая одинъ другимъ и не давая ни одному широкаго простора — и то и другое, какъ извѣстно, въ скоромъ времени было достигнуто болѣе практическимъ путемъ — введеніемъ въ рядъ предметовъ гимназическаго преподаванія маршировки...

Въ виду такихъ обстоятельствъ становится просто непонятнымъ, какимъ образомъ Грановскій могъ подозрѣвать въ тѣхъ жалкихъ курсахъ естественной исторіи, какіе существовали въ гимназіяхъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, преобладаніе естественныхъ наукъ и реальнаго образованія, и бить тревогу по этому поводу? Или естественныя науки даже въ такомъ жалкомъ видѣ казались Грановскому ненавистными и опасными? Въ этомъ отношеніи записку Грановскаго недостаточно объяснить одною оппозиціей либеральнаго приверженца классицизма противъ мѣръ реакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вы видите въ запискѣ и крайнее ослѣпленіе со стороны Грановскаго враждой противъ новаго, реальнаго направленія, которое начинало господствовать среди молодёжи. Реакція, живя старыми традиціями, и не подозрѣвала еще объ этомъ направленіи, но Грановскій оказался подозрительнѣе самой реакціи: онъ ее самое заподозрилъ въ стремленіяхъ къ реализму, и нашелъ необходимымъ предварить ее противъ такого опаснаго заблужденія. Съ одной стороны, въ запискѣ своей Грановскій выступаетъ въ защиту классицизма противъ обвиненій, къ которымъ подали поводъ революціонныя движенія въ Европѣ, и старается доказать, что такія движенія возникаютъ не изъ школъ, а изъ различныхъ историческихъ причинъ. Но когда онъ начинаетъ говорить о вредѣ естественныхъ наукъ, онъ оставляетъ въ сторонѣ историческія причины, какъ основные факторы нравственности общественной и частной, и приписываетъ недостатки современной эпохи прямо и непосредственно естественнымъ наукамъ и школамъ, въ которыхъ онѣ преподаются. „Знакомя юношу только съ внѣшнею природой и съ ея механическими и химическими законами — говоритъ онъ — естествознаніе, отрѣшенное отъ ученій, имѣющихъ предметомъ духовныя стороны бытія, неминуемо приводитъ къ матеріализму... Оно много содѣйствовало къ развитію безотрадной и безсильной на великіе нравственные подвиги положительности, которая принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ явленій нашей жизни“. Въ сущности, если хотите, и въ этихъ словахъ вы можете отыскать блѣдный призракъ истины. Грановскій былъ бы вполнѣ справедливъ, еслибы дѣло шло дѣйствительно объ устройствѣ

такой системы образованія, при которой только и дѣлали бы, что учили однѣ естественныя науки. Такое образованіе было бы, конечно, крайне односторонне; это было бы полуобразованіе, способное притуплять способности дѣтей, не менѣе исключительнаго долбленія греческихъ и латинскихъ вокабулъ. Но, вѣдь, никто въ то время и не думалъ о такой нелѣпости. Грановскій подавалъ свою записку такимъ людямъ, которые питали страхъ ко всѣмъ наукамъ, безъ исключенія. И этимъ людямъ онъ вздумалъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, нашептывать соображенія слѣдующаго рода: „вы, молъ, гоните классицизмъ, заподозрѣвая въ немъ зародыши всѣхъ революціонныхъ тенденцій; но классицизмъ ни въ чемъ этомъ не виноватъ, онъ готовъ быть вашимъ другомъ и пріятелемъ; но вы и не подозрѣваете, что у васъ есть настоящій врагъ — это естествознаніе; въ своемъ невѣдѣніи вы, пожалуй, предадитесь ему въ руки, но его-то вамъ и слѣдуетъ болѣе всего бояться, потому что онъ прямо ведетъ къ матеріализму, къ печальной положительности, чуждой нравственныхъ подвиговъ и проч. и проч.“. Мнѣ возразятъ, что Грановскій подразумѣвалъ здѣсь подъ матеріализмомъ, конечно, ту узкую, эгоистическую практичность наполненія своего кармана при полномъ отсутствіи всякаго чувства самоотверженія ради общественнаго блага, что̀ въ то время было не въ рѣдкость встрѣтить въ людяхъ, получившихъ исключительно техническое спеціальное воспитаніе и чуждыхъ вліянія гуманныхъ наукъ. Но мы не видимъ въ запискѣ Грановскаго разъясненія употребляемыхъ имъ выраженій въ эту сторону. Онъ въ самомъ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ употребляетъ выраженія „матеріализмъ, печальная положительность, ведущая къ отсутствію нравственныхъ подвиговъ“, давая возможность толковать ихъ, какъ кому угодно. А между тѣмъ, онъ имѣлъ въ виду именно такихъ людей, которые подъ матеріализмомъ готовы были понять опасный и дерзкій вольтеріанизмъ, а подъ отсутствіемъ нравственныхъ подвиговъ — покушеніе на всѣ нравственныя основы семейной и общественной жизни.

Что касается до того общаго представленія пути прогресса человѣчества, которое служило для Грановскаго точкой откровенія для всѣхъ его историческихъ разсмотрѣній, то нигдѣ это представленіе не выражается такъ ясно, какъ въ слѣдующихъ словахъ его, приводимыхъ въ біографіи: „Разсматривая съ вершины настоящее погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ осо-

бенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ-называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены гордою, самонадѣянною силой. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былого. За то за ними право побѣды, право историческаго успѣха. *Большее право на личное сочувствіе историка* имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота, все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники... Но ни тѣмъ, ни другимъ, ни поборникамъ старыхъ, ни водворителямъ новыхъ началъ, не дано совершить ихъ подвига во всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности. Изъ ихъ совокупной дѣятельности Провидѣніе слагаетъ нежданный и невѣданный имъ выводъ".

Подобное построеніе въ основаніяхъ своихъ коренится всецѣло на гегелевской философіи. Поборники старины являются здѣсь тезомъ, поборники новизны — антитезомъ, нежданный-же и невѣдомый выводъ Провидѣнія — это синтезъ. Но Грановскій не ограничился однимъ подведеніемъ историческаго процесса подъ формулы гегелевской философіи; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы съ одинаковымъ безпристрастіемъ отнестись, какъ къ тезу, такъ и къ антитезу. Но, между тѣмъ, вы видите, что представители отжившаго, по его мнѣнію, почему-то болѣе заслуживаютъ право на личное сочувствіе историка. Эта точка зрѣнія чисто-субъективная и подъ историкомъ нужно разумѣть здѣсь не историка вообще, а лично Грановскаго, который естественно долженъ былъ питать болѣе сочувствія къ представителямъ отжившаго, такъ-какъ онъ самъ былъ отчасти такимъ представителемъ, выдерживавшимъ напоръ новыхъ идей своего вѣка.

Этимъ стояніемъ между двумя міровоззрѣніями, отжившимъ и нарождавшимся, можно легко объяснить себѣ и то свойство его характера, на которое современники Грановскаго смотрѣли, какъ на особенное достоинство его: именно, что въ немъ была та мягкая елейность, вслѣдствіе которой онъ вносилъ миръ и гармонію въ среду людей, ни въ чемъ не сходящихся другъ съ другомъ, будучи посредникомъ между самыми противными воззрѣніями. Подобное свойство характера Грановскаго зависѣло прямо изъ его положенія на распутьѣ міровоззрѣній: въ каждомъ онъ находилъ симпатичныя стороны, точки соприкосновенія съ своими воззрѣ-

ніями и старался всячески примирять противорѣчія, находя, что каждая спорящая сторона имѣетъ свою долю правды. Но, къ довершенію всѣхъ противорѣчій, рядомъ съ этимъ качествомъ мы видимъ въ Грановскомъ совершенно противоположное, исходящее изъ того-же самаго источника. То-же самое стояніе на распутьѣ, которое вело его къ посредничеству и примиренію между спорящими сторонами, въ то-же время, съ другой стороны, располагало его враждебно ко всѣмъ направленіямъ, существовавшимъ въ его время. При этомъ елейность и враждебность постоянно боролись въ Грановскомъ и изъ этого выходилъ порядочный сумбуръ. Такъ, напримѣръ, принимая въ соображеніе вышеприведенную тираду Грановскаго относительно большаго права на сочувствіе отходящаго времени, можно было бы предположить, что Грановскій долженъ былъ бы питать самое сильное сочувствіе изъ всѣхъ своихъ современниковъ именно къ славянофиламъ, потому что какихъ-же вы найдете въ сороковые годы болѣе *лучшихъ и доблестныхъ защитниковъ отходящаго времени*, по выраженію Грановскаго, какъ не въ людяхъ этого ученія. Но, между тѣмъ, Грановскій вотъ какъ отзывается о славянофилахъ на смертномъ одрѣ за два дня до смерти: „эти люди противны мнѣ, какъ гробы, отъ нихъ пахнетъ мертвечиной. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ безплодна, потому что основана на одномъ отрицаніи того, что̀ сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія“. И можно-ли повѣрить, что подобные отзывы о славянофилахъ, неоднократно срывавшіеся съ языка Грановскаго, нисколько не мѣшали ему брататься и цаловаться съ ними послѣ застольныхъ рѣчей и тостовъ. Столь-же неопредѣленны были и отношенія Грановскаго къ своимъ друзьямъ послѣ вышеписанной размолвки изъ-за убѣжденій. „Полный, безвозвратный разрывъ съ друзьями былъ для Грановскаго невозможенъ—говоритъ біографъ—онъ плакалъ и обвинялъ себя въ безсиліи разорвать дружескую связь, которая, повидимому, не могла продолжаться. Съ отчаяніемъ замѣчалъ онъ, что друзья прикрѣплены къ душѣ его такими нитями, которыхъ нельзя перерѣзать, не захвативъ живаго мяса. До конца своей жизни онъ не отказался отъ тѣхъ вѣрованій, которыя возбуждали его споры съ друзьями, но порой, подъ вліяніемъ тоски по нимъ, готовъ былъ обвинять себя въ романтизмѣ, лишь бы уменьшить ту пропасть, которая раздѣляла его отъ нихъ. Онъ понималъ ошибки и заблужденія Герцена, сожалѣлъ о безплодной тратѣ его таланта, нерѣдко негодовалъ на его мнѣнія, хотѣлъ

печатно возражать имъ, но и на одрѣ смерти думалъ и болѣлъ душей о своемъ далекомъ, заблудившемся на чужбинѣ другѣ".

Это вѣчное присутствіе двухъ враговъ въ мозгу человѣка, эти противорѣчія, колебанія, желаніе отдаться прогрессивному напору и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устоять на одномъ мѣстѣ, было причиной безъисходно-дурнаго настроенія духа, humeur noire, какъ называлъ его Грановскій, вѣчныхъ рефлексій и того безплоднаго, мучительнаго копанья внутри себя, которое составляетъ извѣстную всѣмъ характеристическую особенность людей сороковыхъ годовъ. „Я думалъ, что счастіе отъучитъ меня—писалъ Грановскій В. П. Б—ну—отъ глупой привычки сверлить себя (по выраженію Станкевича) и подсматривать что̀ тамъ внутри дѣлается. Но я остался вѣренъ этой привычкѣ. За то какъ я высмотрѣлъ себя! Кажется, нѣтъ ни одного закоулка въ сердцѣ моемъ, въ которомъ бы я не побывалъ и не посмотрѣлъ, какъ тамъ все обстоитъ. Разумѣется, что эта работа теперь стала пріятнѣе и виды лучше. Но сколько грусти примѣшивается къ моему счастію! Въ самыя лучшія мгновенія меня охватываетъ чувство странной тоски и невольно приходятъ въ голову стихи Гёте, не помню изъ какой пьесы:

Besser durch Leiden
Will ich mich schlagen,
Als so viel Freuden
Des Lebens ertragen.

Это мрачное настроеніе духа еще болѣе усилилось въ Грановскомъ въ послѣдніе годы жизни, когда усилившаяся реакція тяжелымъ свинцовымъ гнетомъ налегла на все, когда Грановскій, подозрѣваемый свыше за либерализмъ и ожидая ежеминутно кары, въ то-же время расходился съ лучшими своими друзьями въ основныхъ убѣжденіяхъ. Преслѣдуемый мучительною тоской, онъ маялся, стремясь заглушить ее, то усиленнымъ трудомъ, то въ вихрѣ свѣтскихъ развлеченій. Наконецъ, онъ пристрастился къ игрѣ, ища въ ней забвенія — но игра, разстроивши его состояніе, впутавши въ неоплатные долги, вмѣсто забвенія, еще болѣе увеличила его хандру, прибавивши къ ней мучительное чувство нравственнаго униженія. Много разъ въ жизни приходила Грановскому мысль о самоубійствѣ; въ послѣдніе-же годы мысль эта особенно часто посѣщала его. „Съ каждымъ днемъ чувствую болѣе и болѣе необходимость труда—писалъ онъ Фролову въ августѣ 1848 года.—Жизнь становится тяжела безъ него. Сердце блѣднѣетъ, вѣ-

рованія и надежды уходятъ. Подчасъ глубоко завидую Бѣлинскому, во время ушедшему отсюда. Скучно жить, Фроловъ! Еслибъ не жена...“

Говоря о недостаткахъ, слабостяхъ и всѣхъ противорѣчіяхъ Грановскаго, я дѣлалъ это вовсе не съ тѣмъ, чтобы унизить историческое значеніе этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго человѣка своего времени. У насъ такъ привыкли въ мало-мальски чтимой исторической знаменитости предполагать непремѣнно воплощеніе безусловныхъ нравственныхъ идеаловъ, что всякій недостатокъ, замѣчаемый въ этой личности, стараются подвести подъ нѣчто идеальное; въ малѣйшемъ-же выставленіи недостатковъ великаго человѣка такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, сейчасъ-же готовы заподозрить злостное стремленіе снять съ пьедестала авторитетъ, развѣнчать знаменитость и показать, что она не заслуживаетъ никакого вниманія. Но читателей, которые были бы способны заподозрить меня въ подобныхъ ехидныхъ поползновеніяхъ, я спѣшу предупредить, что выставленіе на видъ всѣхъ вышеозначенныхъ недостатковъ Грановскаго нисколько не можетъ помѣшать цѣнить значеніе этого человѣка не меньше, чѣмъ его цѣнятъ истые поклонники Грановскаго, которые никакихъ недостатковъ за нимъ признать не согласны. Я уже говорилъ, что большинство недостатковъ Грановскаго происходило не отъ какихъ-либо органическихъ пороковъ, принадлежавшихъ лично Грановскому, а отъ характера того момента въ процессѣ развитія мысли, представителемъ котораго былъ Грановскій. Этотъ моментъ былъ столько-же необходимъ, какъ и всѣ другіе. Не переживя его, нельзя было идти далѣе, и чтобы понять значеніе Грановскаго въ свое время, нужно разсматривать его вліяніе на современниковъ, именно въ предѣлахъ этого момента, внѣ котораго онъ былъ слабъ и несостоятеленъ, но въ которомъ личность его выростаетъ во всей колоссальности. Мы не даромъ и не ради одного униженія сравнили Грановскаго съ Рудинымъ. Дѣйствительно, ни одинъ изъ дѣятелей сороковыхъ годовъ не подходилъ такъ близко къ типу Рудина, какъ Грановскій, и подходилъ не одними своими недостатками, но и достоинствами. Подобно, какъ у Рудина, у Грановскаго всѣ силы души вылились и сосредоточились въ живомъ, изустномъ словѣ. Онъ не былъ ни спеціалистомъ-изслѣдователемъ въ области своей науки, ни философомъ, глубоко и послѣдовательно проводившимъ какую-либо философскую теорію, ни общественнымъ дѣятелемъ, твердо державшимся какихъ-либо выработанныхъ принци-

повъ — онъ былъ ораторомъ-проповѣдникомъ, и только тогда, когда начиналъ говорить передъ толпой, онъ дѣлался тѣмъ Грановскимъ, слава котораго перешла въ потомство. Поэтому самому осязательно представить силу и вліяніе Грановскаго на своихъ современниковъ такъ-же трудно, какъ на основаніи однихъ воспоминаній современниковъ составить понятіе о талантѣ давно сошедшаго со сцены актера. Здѣсь мнѣ можетъ быть сдѣлано такое возраженіе, что предполагая въ Грановскомъ отсутствіе послѣдовательныхъ и систематическихъ убѣжденій, этимъ самымъ уже мы отвергаемъ и всякое вліяніе Грановскаго на современниковъ, какъ оратора, потому что вліяніе ораторской рѣчи зависитъ, конечно, не отъ одного искусства говорить, а прежде всего отъ самаго содержанія рѣчи. Но къ чему-же могъ привести Грановскій своихъ слушателей, когда самъ онъ колебался между непримиримыми противорѣчіями, не въ силахъ будучи привести свои взгляды въ какую-нибудь стройную систему?

Если мы будемъ брать во вниманіе только такихъ людей, которые сами находились въ томъ-же періодѣ развитія, какой переживалъ Грановскій, то, конечно, мы должны будемъ признать, что у Грановскаго не было никакихъ данныхъ вести этихъ людей дальше, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ не пошелъ дальше этого періода. Но не забудьте, что передъ Грановскимъ стояла цѣлая толпа, которая не доросла еще и до развитія Грановскаго. Своими горячими, вдохновенными импровизаціями Грановскій производилъ на эту толпу именно то благотворное вліяніе, что будилъ въ ней умственные интересы и подымалъ ее до себя, предоставляя другимъ послѣдующимъ дѣятелямъ мысли вести эту толпу далѣе. Вы не забудьте, что до появленія Грановскаго на каѳедрѣ, всѣ умственные интересы этой толпы сосредоточивались въ узкой сферѣ эстетическихъ вопросовъ и двухъ-трехъ романтическихъ идеальчиковъ. Грановскій сразу раздвинулъ передъ этою толпой умственную перспективу, начавши развивать передъ нею картины историческаго развитія человѣчества и введя ее въ область вопросовъ общественныхъ и политическихъ. Если онъ въ этой области является не столько проводникомъ какихъ-нибудь глубокихъ истинъ или новыхъ идей, сколько художникомъ-созерцателемъ, стремящимся воскресить передъ слушателями историческія событія въ видѣ изящныхъ картинъ, исполненныхъ живыхъ красокъ, то для толпы его слушателей это еще увеличивало его популярность и вліяніе. Для людей, привыкшихъ до того времени вращаться почти исклю-

чительно въ области поэзіи и беллетристики, созерцательно-художественный способъ изложенія исторіи былъ какъ нельзя болѣе послѣдовательнымъ переходомъ изъ области эстетики въ область соціологіи. До какой степени сильно было вліяніе импровизацій Грановскаго, это мы видимъ изъ того, что едва онъ началъ свои лекціи — все общество обратило на него вліяніе; вскорѣ повсюду въ Москвѣ даже салонныя дамы заговорили объ исторіи и философіи съ цитатами. Всѣмъ, конечно, извѣстны, какими шумными овиціями ознаменовались публичныя лекціи Грановскаго въ Москвѣ. Послѣ заключительныхъ словъ Грановскаго на послѣдней лекціи, вся аудиторія поднялась съ восторженными рукоплесканіями, раздались крики: браво! прекрасно! трескъ, шумъ; дамы махали платками, другія бросились къ каѳедрѣ, жали руки преподавателя, требовали его портрета. Онъ хотѣлъ уйти изъ аудиторіи, но толпа преграждала путь ему. Онъ стоялъ блѣдный, сложа руки и склоня голову, хотѣлъ произнести нѣсколько словъ и не могъ. Шумъ одобренія поднялся съ новою силой, росъ и длился. Студенты толпой заняли лѣстницу, по которой, при тѣхъ-же выраженіяхъ восторга, Грановскій, изнемогавшій отъ волненія, едва могъ пробраться въ залы университета.

— Лекціи Грановскаго, сказалъ Чадаевъ, выходя изъ одной изъ нихъ: — имѣютъ историческое значеніе.

Дѣйствительно, лекціи Грановскаго имѣютъ свое историческое значеніе, независимо даже отъ личности профессора, просто потому уже, что въ нихъ впервые на Руси публично передъ толпой началъ проповѣдываться прогрессъ не въ видѣ одного только частнаго процвѣтанія наукъ или искусствъ, но въ связи съ общимъ развитіемъ жизни общественной и политической. Не забудетъ исторія и тѣхъ овацій со стороны толпы, которыя мы только-что припомнили читателямъ. Историческое значеніе этихъ овацій, выдѣляющее ихъ изъ ряда тѣхъ заурядныхъ аплодисментовъ, которые толпа щедро разсыпаетъ ежедневно, заключается въ томъ, что здѣсь толпа аплодировала не одной виртуозности исполненія, не изъ-за одного удовлетворенія жажды минутнаго наслажденія: впервые она привѣтствовала здѣсь мысль, въ которой смутно чуяла что-то новое, рѣзко выдѣляющееся изъ мрака, окружающаго ее. Это были аплодисменты свѣту, разуму, прогрессу въ оппозицію всему, что̀ только было темнаго, безсмысленнаго, давящаго въ то время... Однимъ словомъ, это были первые аплодисменты на Руси, имѣвшіе чисто демонстративный характеръ. Но несомнѣнно еще

болѣе сильное и благотворное вліяніе имѣлъ Грановскій на толпу своихъ юныхъ слушателей — учащейся молодёжи. Въ этомъ отношеніи мы должны отдать справедливость Грановскому, что, несмотря на то, что лекціи его оказывали на студентовъ вліяніе, конечно, неизмѣримо болѣе благотворное, чѣмъ лекціи многихъ другихъ профессоровъ, читавшихъ въ то время въ московскомъ университетѣ, онъ не думалъ, что однимъ чтеніемъ казенныхъ лекцій всѣ обязанности его въ отношеніи къ студентамъ исполнены и всѣ счеты покончены. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ профессоровъ, которые смотрятъ на свою профессію съ чисто чиновничьей точки зрѣнія, какъ на казенную службу изъ-за куска хлѣба, отбылъ ее и съ колокольни долой, которые отдѣляютъ непроницаемою стѣной себя отъ студентовъ и до такой степени позволяютъ себѣ забываться въ своей профессорской важности, что начинаютъ смотрѣть на студентовъ, какъ въ старину важные бары смотрѣли на своихъ крестьянъ, то-есть, что студентовъ слѣдуетъ держать отъ себя въ почтительномъ отдаленіи и не спускаться до разговоровъ съ ними, иначе они могутъ забыться. Грановскій съ самаго поступленія своего въ университетъ поставилъ себя совершенно на иную ногу. „Случалось—говоритъ біографъ— что утомленный посѣтителями, онъ спасался бѣгствомъ изъ дома, но студентовъ онъ принималъ ежедневно. Его совѣты, участіе, книги были всегда къ ихъ услугамъ“. „Мнѣ, по пріѣздѣ сюда, совѣтовали держать себя подалѣе отъ студентовъ, потому что они легко забываются — писалъ онъ къ Станкевичу еще вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву (25-го ноября 1839 года).—Я не послушался и хорошо сдѣлалъ. Въ исполненіи моихъ обязанностей я не сдѣлаю никакой уступки, но внѣ этихъ обязанностей мнѣ нельзя запретить быть пріятелемъ со студентами. Примѣромъ мнѣ служитъ въ этомъ отношеніи Р., который давно ординарный, хорошо знаетъ нравы студентовъ, и позволяетъ имъ обращаться съ собою, какъ съ товарищемъ: они говорятъ ему, когда онъ дурно читалъ и т. д. Это не мѣшаетъ ему на экзаменѣ ставить пріятелямъ своимъ нули и единицы, за что они вовсе не сердятся, потому что привыкли. Каждый знаетъ, чего онъ стоитъ, и не требуетъ болѣе... Разумѣется, что иногда случается ошибаться — приходитъ студентъ, показываетъ большое участіе къ наукѣ, проситъ совѣтовъ и книгъ, а оказывается, что это эта тонкая политика; но, вѣдь, безъ этого нигдѣ нельзя обойтись“.

Но Грановскій не ограничивался одними совѣтами и рекоменда-

ціями книгъ. Очень часто собиралъ онъ къ себѣ лучшихъ студентовъ и читалъ домашнія лекціи, которыя, будучи свободны отъ всякихъ цензурныхъ стѣсненій, по всей вѣроятности, еще благотворнѣе вліяли на молодыхъ людей, чѣмъ чтенія въ стѣнахъ университета. Подобныя отношенія къ студентамъ, которыхъ такъ опасались нѣкоторые профессора, не только-что не повели Грановскаго къ какимъ-нибудь непріятнымъ столкновеніямъ со своими слушателями, но, напротивъ того, при своемъ вліяніи на молодёжь, онъ имѣлъ возможность одною силою убѣжденія и теплой, дружеской рѣчи сдерживать въ границахъ молодые, горячіе порывы, которые въ то время наказывались иногда на ряду съ самыми тяжкими уголовными преступленіями. Такъ, напримѣръ, защищеніе диссертаціи Грановскимъ 21-го февраля 1845 года сопровождалось такими-же шумными овиціями, какъ и окончаніе чтенія публичныхъ лекцій въ 1843 г., при чемъ студенты и слушатели не ограничились уже одними одобреніями любимому диспутанту, но присоединили къ нимъ шиканья и свистки нѣкоторымъ изъ его противниковъ. Друзья послѣднихъ не замедлили распустить по Москвѣ слухъ, что въ университетѣ былъ бунтъ. Такая молва въ то время могла привести Богъ-вѣсть къ какимъ послѣдствіямъ. Желая прекратить на будущее время повтореніе подобныхъ овацій съ цѣлію избѣжанія излишныхъ непріятностей, которымъ могли бы подвергнуться юноши, Грановскій, въ одной изъ первыхъ лекцій послѣ диспута, обратился къ своимъ слушателямъ съ замѣчательною рѣчью. Рѣчь эта можетъ служить образцомъ того, какъ можетъ и долженъ говорить профессоръ со студентами. Тутъ вы не видите и тѣни какого-либо надменнаго начальническаго тона укоризнъ, распеканья, застращиванья; тутъ профессоръ не становится во враждебный лагерь относительно студента, не видитъ въ немъ непремѣнно крамольника, который готовъ низвергнуть всѣ существующіе порядки изъ одной любви къ разрушенію, и не считаетъ необходимымъ обѣщать какъ можно болѣе строгихъ мѣръ взысканій, чтобы остановить и обуздать этого крамольника. Мы нарочно приводимъ всю эту рѣчь цѣликомъ, потому что она представляетъ Грановскаго съ самой свѣтлой его стороны.

„Милостивые государи!

„Благодарю васъ за тотъ пріемъ, которымъ вы почтили меня 21-го февраля. Онъ меня еще болѣе привязалъ къ университету и къ вамъ, мм. гг. Въ этотъ день я получилъ самую благородную и самую драгоцѣнную награду, какую только могъ ожидать пре-

подаватель. Теперь отношенія наши уяснились; поэтому, я думаю, мм. гг., что впередъ внѣшнія изліянія вашихъ чувствъ будутъ излишни, точно такъ, какъ между двумя старинными, испытанными друзьями излишни новыя увѣренія въ дружбѣ. Теперь эти рукоплесканія могутъ только обратить на насъ вниманіе. Я прошу васъ, мм. гг., не перетолковывайте этихъ словъ въ дурную сторону. Я говорю не изъ страха за себя, даже не изъ страха за васъ, мм. гг.—я знаю, что страхомъ васъ нельзя остановить. Меня заставляютъ говорить причины болѣе разумныя, болѣе достойныя меня и васъ. Мы, равно и вы и я, принадлежимъ къ молодому поколѣнію — тому поколѣнію, въ рукахъ котораго жизнь и будущность. И вамъ и мнѣ предстоитъ благородное и, надѣюсь, долгое служеніе нашей великой Россіи, Россіи, преобразованной Петромъ, Россіи, идущей впередъ, и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ, которые видятъ въ насъ только легкомысленныхъ подражателей западнымъ формамъ, безъ всякаго собственнаго содержанія, и историческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую Русь, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестно преклоняются предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ праднымъ воображеніемъ. Побережемъ-же себя на великое служеніе. Въ заключеніе скажу вамъ, мм. гг., что гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, если кто-нибудь изъ васъ придетъ ко мнѣ во имя 21-го февраля, тотъ найдетъ во мнѣ признательнаго и благороднаго брата“.

Замѣчательно, что какъ держалъ себя Грановскій по отношенію къ студентамъ, такъ-же относился онъ и ко всему обществу. Такъже двери его его были открыты для всѣхъ. „Онъ никогда не скупился — говоритъ біографъ — своимъ временемъ и участіемъ; онъ готовъ былъ дѣлиться со всѣми и каждымъ своими талантами, занятіями, способностями, всѣмъ и каждому онъ готовъ былъ дарить свои совѣты, указанія, помощь. Мать, незнающая, что̀ дѣлать со своимъ сыномъ, какъ его воспитывать, гдѣ учить, обращалась къ Грановскому. Онъ принималъ ее у себя, ѣхалъ къ ней, говорилъ съ ней и сыномъ, давалъ совѣты и наставленія, и исполнялъ это будто по обязанности. Учитель, ищущій мѣста, педагогъ или гувернеръ-иностранецъ, литераторъ или молодой ученый, къ немуже обращались за совѣтомъ, рекомендаціей, нужною книгой, часто за однимъ сочувствіемъ или одобреніемъ своимъ намѣреніямъ и предпріятіямъ. Много расточалъ Грановскій на все это своихъ

силъ и способностей; сколько добра было посѣяно такою щедростью — кто это знаетъ, кто скажетъ?“

Какъ относительно студентовъ Грановскій не ограничивался однѣми университетскими лекціями, такъ и для публики онъ не ограничивался одними публичными чтеніями. Онъ нерѣдко читалъ домашнія лекціи своимъ друзьямъ въ Москвѣ и въ провинціи. Такъ, лѣтомъ въ 1849 году, въ Порѣчьѣ, имѣніи бывшаго министра просвѣщенія графа С. С. Уварова, онъ читалъ „о переходныхъ эпохахъ въ исторіи человѣчества“. Все это ясно показываетъ, что живое слово передъ толпой было не одною только профессіей Грановскаго, но его насущною потребностью, его жизнью. Да и по всѣмъ своимъ привычкамъ—это былъ человѣкъ отнюдь не кабинетный, напротивъ того, вполнѣ общественный. Его постоянно влекли къ себѣ большія собранія, балы, клубы, обѣды; онъ всегда былъ тамъ, гдѣ много народу, шуму и свѣту. Ему бы слѣдовало жить совсѣмъ не среди нашего общества, которое въ своей крайней пустотѣ и ничтожествѣ только и могло предоставить Грановскому, что ухаживаніе за пошлыми свѣтскими львицами, пикники, танцы да карты. Его могла бы удовлетворить только жизнь, полная одушевленнаго, разумнаго общественнаго движенія. Только среди общества политически зрѣлаго талантъ его могъ бы вполнѣ развернуться; конечно, и убѣжденія его могли бы выработаться и сдѣлаться болѣе твердыми и систематическими. Но и при данной обстановкѣ жизни, какъ человѣкъ общественный, Грановскій рѣзко отличался этимъ отъ весьма многихъ изъ своихъ друзей, которые, напротивъ того, въ презрительномъ взглядѣ на толпу, въ удаленіи отъ свѣта и замыканіи въ тѣсные кружки видѣли всю сущность своей оппозиціи и главное условіе осуществленія своихъ идеаловъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Особенность развитія Герцена сравнительно съ современниками и его эклектизмъ. — Дѣтство Герцена. — Домашняя обстановка и вліяніе окружающихъ его лицъ. — Типъ Базарова тридцатыхъ годовъ. — Университетскій періодъ. — Сенъ-симонизмъ и переходъ его въ мистицизмъ. — Разрывъ съ Полевымъ. — Герценъ и Огаревъ — мистики. — Женитьба Герцена. — Столкновеніе съ Бѣлинскимъ и обоюдное вліяніе. — Герценъ—гегеліанецъ. — Періодъ рефлексій и выходъ изъ него въ фейербахизмъ. — Общій взглядъ на элементы развитія Герцена. — Статья о Гофманѣ. — „Записки одного молодаго человѣка“ и выраженный въ нихъ протестъ противъ направленія „Московскаго Наблюдателя“.

На личность Герцена у насъ привыкли смотрѣть, какъ на демона отрицанія и сомнѣнія, который чуть не съ колыбели отвергъ все святое, всю жизнь только и дѣлалъ, что отрицалъ и разрушалъ, заразилъ этимъ цѣлое поколѣніе и покончилъ тѣмъ, что оторвался отъ родной почвы, разрушилъ всякія связи съ своею родиной и былъ, въ свою очередь, забытъ ею. Такой стереотипно-мелодраматическій взглядъ дѣлаетъ личность Герцена совершенно какою-то загадкой, случайнымъ, безсвязнымъ явленіемъ, баснословнымъ минотавромъ, который Богъ-вѣсть изъ какихъ странъ и зачѣмъ приплылъ къ морскому берегу, поѣлъ всѣхъ дѣтей въ прибрежномъ городѣ и уплылъ обратно въ море. Не ищите здѣсь какой-либо органической связи личности Герцена съ эпохой, въ которую онъ жилъ, не ищите обоюднаго вліянія его на эпоху и эпохи на него. Людямъ подобнаго взгляда кажется, что не явись Герценъ—и весь ходъ нашего развитія былъ бы иной. Но поче-

му-же вдругъ, ни съ того, ни съ сего, явился онъ и развился въ такую экстраординарную форму? Да такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пришла человѣку такая блажь въ голову, онъ и сдѣлался русскимъ Мефистофелемъ.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, оставляя въ сторонѣ его политическія увлеченія и заграничную дѣятельность, такъ-какъ, безъ сомнѣнія, не настало еще время судить объ этомъ, беря въ разсчетъ только его литературную дѣятельность въ Россіи, періодъ, въ который онъ еще развивался вмѣстѣ и рука объ руку съ развитіемъ его вѣка, въ который слагалось его міросозерцаніе, устанавливались взгляды на жизнь и людей, мы не только не видимъ, чтобы Герценъ стоялъ особнякомъ и былъ исключительнымъ выродкомъ изъ массы своихъ современниковъ; напротивъ того, мы можемъ назвать его вполнѣ произведеніемъ своего вѣка, потому что ни на одномъ изъ дѣятелей разбираемой нами эпохи не отразился вѣкъ такъ полно и всесторонне, во всѣхъ своихъ переходахъ, какъ на личности Герцена. Всѣ прочіе передовые дѣятели выражаютъ собою тотъ или другой моментъ переходнаго процесса, выражаютъ часто весьма рѣзко и опредѣленно, но въ то-же время вполнѣ исчерпываются этимъ моментомъ. Въ личности-же Герцена вы видите наслоеніе всѣхъ прогрессивныхъ направленій, господствовавшихъ въ нашей литературѣ начиная съ двадцатыхъ годовъ и до 60-го. Такимъ образомъ, Полевой, Одоевскій, Чадаевъ, Веневитиновъ, Баратынскій всецѣло принадлежатъ къ 20-мъ годамъ. Бѣлинскій, какъ ни водоизмѣнялись его взгляды, въ основѣ своей остался эстетикомъ надеждинской школы. Грановскій является вполнѣ произведеніемъ сороковыхъ годовъ. У всѣхъ этихъ дѣятелей преобладающій складъ мысли остался тотъ, который они пріобрѣли подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ въ наукѣ и литературѣ въ цвѣтущее время ихъ жизни, отъ 20-ти до 25-ти лѣтъ, много до 30-ти. Всѣ они или кончаютъ 30-ми годами, очень смутно понимая дальнѣйшее движеніе, или, напротивъ того, начинаютъ ими, вынося изъ прежней эпохи весьма неопредѣленныя и блѣдныя традиціи. Между тѣмъ, Герцена вы можете отнести къ каждому изъ моментовъ развитія, пережитаго нашимъ обществомъ съ двадцатыхъ годовъ, и въ то-же время ни къ одному исключительно. Такъ, напримѣръ, онъ является передъ нами вполнѣ человѣкомъ двадцатыхъ годовъ, такъ-какъ духъ этой эпохи, дѣйствуя на него въ дѣтствѣ, опредѣлилъ характеръ всей его жизни; въ такой-же степени онъ и шеллингистъ тридцатыхъ годовъ; осо-

бенно въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ, основные взгляды которыхъ напоминаютъ вамъ кн. Одоевскаго. Не менѣе того онъ и гегеліанецъ-западникъ петербургскаго кружка Бѣлинскаго; затѣмъ, фейербахистъ пятидесятыхъ годовъ. Всѣ эти направленія съ одинакою рѣзкостью отразились въ Герценѣ, и очень можетъ быть, въ этомъ характерѣ развитія заключается секретъ его вліянія на эпоху: почему онъ, не проповѣдуя никакого опредѣленнаго ученія философскаго, политическаго или литературнаго, въ то-же время вліялъ на людей самыхъ разнородныхъ взглядовъ, будучи способенъ въ каждомъ задѣть чувствительную струнку.

Этимъ своимъ эклектизмомъ Герценъ былъ обязанъ, какъ особенности своего общественнаго положенія, такъ и всему складу жизни. Онъ очень рано началъ развиваться и могъ, такимъ образомъ, напитаться духомъ эпохи, о которой большинство его современниковъ получило одни блѣдныя преданія. А въ юности онъ постоянно вращался среди самыхъ разнообразныхъ сферъ общества, не принадлежа всецѣло ни къ одной средѣ, и ни одинъ литературный кружокъ не завладѣлъ имъ вполнѣ, хотя въ то-же время ни одинъ не остался ему чуждымъ.

Отецъ его, И. Яковлевъ, былъ одинъ изъ крупныхъ московскихъ богачей, окруженный знатною родней. Если по своему положенію, характеру и складу жизни, Яковлевъ и не стоялъ въ средѣ передовой оппозиціи двадцатыхъ годовъ, во всякомъ случаѣ, принадлежалъ еще къ числу тѣхъ гордыхъ и независимыхъ баръ, типъ которыхъ исчезъ впослѣдствіи. Воспитанный французскимъ гувернеромъ въ домѣ набожной тетки, онъ 16-ти лѣтъ поступилъ въ Измайловскій полкъ сержантомъ, послужилъ до павловскаго воцаренія и вышелъ въ отставку гвардіи капитаномъ; въ 1801 году онъ уѣхалъ за границу и прожилъ, скитаясь изъ страны въ страну, до конца 1811 года. Въ это время онъ сошелся съ матерью Герцена, семнадцатилѣтнею нѣмкой, которая, увлекшись русскимъ баріномъ, оставила родительскій домъ, была спрятана въ русскомъ посольствѣ въ Касселѣ и, затѣмъ, въ мужскомъ платьѣ переѣхала русскую границу.

Отъ этой-то романической четы родился въ Москвѣ, въ 1812 году, Александръ Ивановичъ, прозванный по матери Герценъ. Еслибы изъ Герцена вышелъ знаменитый полководецъ, то біографы, конечно, не замедлили бы найти много знаменательнаго какъ въ самомъ годѣ рожденія Герцена, такъ и въ первыхъ происшествіяхъ его жизни тотчасъ-же послѣ рожденія. Отецъ Герцена, по

своей барской безпечности, откладывалъ день за день отъѣздъ изъ Москвы во время нашествія французовъ и не успѣлъ позавтракать передъ отъѣздомъ, какъ Москва была уже занята непріятелемъ. За тѣмъ пожаръ выгналъ все семейство изъ дома. Они очутились безъ крова, окруженные горящими домами и французскими войсками. На нихъ напали пьяные солдаты, при чемъ дядя Герцена, Н. И. Голохвастовъ, былъ раненъ по лицу тесакомъ, а маленькаго Герцена, еще груднаго младенца, солдатъ вырвалъ у кормилицы, развернулъ пеленки, обыскалъ ихъ, надѣясь найти въ нихъ завернутыя драгоцѣнности, затѣмъ, разодралъ ихъ и бросилъ. Завернутый въ кусокъ равендука, схваченнаго кормилицей съ билліарда въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, въ которыхъ бѣглецы тщетно думали пріютиться, младенецъ кричалъ благимъ матомъ, такъ-какъ у кормилицы его пропало молоко, и какой-то французскій солдатъ сжалился надъ нимъ, давши малюткѣ кусокъ хлѣбнаго мякиша, размоченнаго водой. Вся эта исторія кончилась тѣмъ, что всѣхъ ихъ забрали въ плѣнъ и потомъ отца Герцена выпустили изъ Москвы съ семействомъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ отвезъ къ императору Александру письмо отъ Наполеона.

Разсказы о пожарѣ Москвы, о Бородинскомъ сраженіи, о Березинѣ, о взятіи Парижа были колыбельною пѣснью Герцена. Мать его и прислуга, отецъ и Вѣра Артамоновна (няня Герцена) безпрестанно возвращались къ грозному времени, поразившему ихъ такъ недавно, такъ близко и круто. Потомъ возвратившіеся генералы и офицеры стали наѣзжать въ Москву. Старые сослуживцы отца Герцена по Измайловскому полку, теперь участники, покрытые славой, едва окончившейся, кровавой борьбы, часто бывали у него. Они отдыхали отъ своихъ трудовъ и дѣлъ, разсказывая ихъ. Это было дѣйствительно самое блестящее время петербургскаго періода; сознаніе силы давало новую жизнь; дѣла и заботы, казалось, были отложены на завтра, теперь хотѣлось попировать на радостяхъ побѣды. Тутъ Герценъ еще больше наслушался о войнѣ, чѣмъ отъ Вѣры Артамоновны. Онъ очень любилъ разсказы графа Милорадовича, который говорилъ съ чрезвычайною живостью, съ громкимъ смѣхомъ, и Герценъ не разъ засыпалъ подъ нихъ на диванѣ за его спиной. Разумѣется, при такой обстановкѣ, Герценъ былъ отчаянный патріотъ и собрался въ полкъ...

Послѣ нашествія французовъ, отецъ Герцена снова поселился въ Москвѣ и зажилъ тамъ въ затворничествѣ, представляя изъ себя одного изъ тѣхъ недовольныхъ и презирающихъ всѣхъ и

все, кромѣ себя, баръ, которые во множествѣ проживали въ Москвѣ въ то время, засѣдая въ своихъ домахъ, какъ медвѣди въ берлогахъ. Считая каждое чувство сентиментальностью, малѣйшую откровенность фамильярностью, старикъ вѣчно былъ сдержанъ и сосредоточенъ, не допуская къ себѣ ни одного человѣка далѣе предѣловъ холодной, свѣтской учтивости. Разумѣется, онъ не былъ счастливъ; всегда на сторожѣ, всѣмъ недовольный, онъ видѣлъ съ стѣсненнымъ сердцемъ непріязненныя чувства, вызванныя имъ у всѣхъ домашнихъ; онъ видѣлъ, какъ улыбка пропадала съ лица, какъ останавливалась рѣчь, когда онъ входилъ; онъ говорилъ объ этомъ съ насмѣшкой, съ досадой, но не дѣлалъ ни одной уступки и шелъ съ величайшею настойчивостью своею дорогой. Насмѣшка, иронія, холодная, язвительная и полная презрѣнія, было орудіе, которымъ онъ владѣлъ артистически, онъ его равно употреблялъ противъ всѣхъ. Въ первую юность многое можно скорѣе вынести, нежели *шпыняньe*, и Герценъ, въ самомъ дѣлѣ, до тюрьмы удалялся отъ отца и велъ противъ него маленькую войну, соединяясь съ слугами и служанками.

Ко всему остальному онъ увѣрилъ себя, что онъ опасно болѣнъ и безпрестанно лечился; сверхъ домоваго лекаря, къ нему ѣздили два или три доктора и онъ дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, три консиліума въ годъ. Гости, видя постоянно непріязненный видъ его и слушая однѣ жалобы на здоровье, которое далеко не было такъ дурно, рѣдѣли. Онъ сердился на это, но ни одного человѣка не упрекнулъ, не пригласилъ. Страшная скука царила въ домѣ, особенно въ безконечные зимніе вечера—двѣ лампы освѣщали цѣлую анфиладу комнатъ; сгорбившись и заложивъ руки на спину, въ суконныхъ или поярковыхъ сапогахъ (въ родѣ валенокъ), въ бархатной шапочкѣ и въ тулупѣ изъ бѣлыхъ мерлушекъ ходилъ старикъ взадъ и впередъ, не говоря ни слова, въ сопровожденіи двухъ-трехъ корпчневыхъ собакъ... Стѣны, мебель, слуги, все смотрѣло съ неудовольствіемъ, изподлобья; само собою разумѣется, всѣхъ недовольнѣе былъ самъ хозяинъ. Искусственная тишина, шопотъ, осторожные шаги прислуги выражали не вниманіе, а подавленность и страхъ. Въ комнатахъ все было неподвижно, пять-шесть лѣтъ однѣ и тѣ-же книги лежали на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ и въ нихъ тѣ-же замѣтки. Въ спальной и кабинетѣ годы цѣлые не передвигалась мебель, не отворялись окна. Уѣзжая въ деревню, онъ бралъ ключъ изъ своей комнаты въ карманъ, чтобъ безъ него не вздумали вымыть половъ или почистить стѣнъ.

Вотъ подъ гнетомъ какой суровой, давящей, однообразной обстановки провелъ Герценъ свое дѣтство. Не умиротворяющее и разсѣевающее вліяніе имѣла на нравъ ребенка роскошная обстановка богатаго дома, а напротивъ, сосредоточивающее въ себя и ожесточающее. Вся атмосфера этого дома была тяжела для живаго мальчика. Строптивая и ненужная заботливость о физическомъ здоровьѣ, рядомъ съ полнымъ равнодушіемъ къ нравственному, страшно надоѣла ему. Предостереженія отъ простуды, отъ вредной пищи, хлопоты при малѣйшемъ насморкѣ, кашлѣ. Зимой мальчикъ по недѣлямъ сидѣлъ дома, а когда позволялось проѣхаться, то въ теплыхъ сапогахъ, шарфахъ и пр. Дома былъ постоянно нестерпимый жаръ отъ печей; все это должно было сдѣлать изъ Герцена хилаго и изнѣженнаго ребенка, еслибъ онъ не наслѣдовалъ отъ матери непреодолимаго здоровья. Она, съ своей стороны, вовсе не дѣлила этихъ предразсудковъ и на своей половинѣ позволяла Герцену все то, что запрещалось на половинѣ отца. Ученье шло плохо, безъ соревнованія, безъ поощреній и одобреній, безъ системы и надзора; мальчикъ занимался спустя рукава и думалъ памятью и живымъ соображеніемъ замѣнить трудъ. Разумѣется, что и за учителями не было никакого присмотра; однажды условившись въ цѣнѣ—лишь бы они приходили въ свое время и сидѣли свой часъ—они могли продолжать годы, не отдавая никакого отчета въ томъ, что̀ дѣлали.

Десяти лѣтъ ребенокъ узналъ уже особенность своего положенія, семейнаго и общественнаго, въ качествѣ незаконнаго сына. Это еще болѣе отдалило его отъ отца и внушило ему въ то-же время мысль, что онъ гораздо менѣе зависитъ отъ отца, чѣмъ другія дѣти. Эта самобытность очень нравилась ребенку.

Такимъ образомъ, Герценъ, воспитанный въ богатомъ домѣ, не только-что не втянулся въ окружающую его жизнь, но, напротивъ того, съ 10-ти лѣтъ уже почувствовалъ полное отчужденіе свое отъ нея. Онъ весь углубился въ себя, сосредоточился, началъ вести жизнь исключительно воображенія. Вскорѣ онъ пристрастился къ чтенію. У отца его и дяди была довольно большая библіотека, составленная изъ французскихъ книгъ прошлаго столѣтія. Съ жадностью началъ онъ пожирать романы Лафонтена, комедіи Коцебу. Но болѣе всего произвели на мальчика впечатлѣніе Вертеръ, „Свадьба Фигаро“. Онъ былъ влюбленъ въ Херубима и Графиню, и, сверхъ того, самъ себя воображалъ Херубимомъ; у него замирало сердце при чтеніи, и не давая себѣ никакого отчета, онъ

чувствовалъ какое-то новое смущеніе. Особенно упоительна казалась ему сцена, гдѣ Пажа одѣваютъ въ женское платье; Герцену страшно хотѣлось спрятать на груди чью-нибудь ленту и тайкомъ поцаловать ее. На дѣлѣ, мальчикъ былъ далекъ отъ всякаго женскаго общества.

Но одна мечтательность въ карамзинскомъ духѣ не исчерпывала всего умственнаго кругозора дѣтскихъ лѣтъ Герцена. На впечатлительнаго и воспріимчиваго юношу не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія масса слуховъ, которые ежедневно начали доноситься до его ушей въ половинѣ двадцатыхъ годовъ. Ему было тогда уже 13 лѣтъ. Какъ всѣ дѣти, воспитанные подъ какимъ-нибудь тяжелымъ гнетомъ, онъ естественно болѣе симпатизировалъ сторонѣ лѣвой, чѣмъ правой, и хотя и самъ ясно не понималъ, что̀ такое дѣлается вокругъ него, тѣмъ не менѣе, воображалъ себя злоумышленникомъ.

Свои тринадцатилѣтнія злоумышленія онъ не замедлилъ сообщить учителю русской словесности И. Е. Протопопову, который былъ типомъ того благороднаго и ноопредѣленнаго либерализма, который часто проходитъ съ первымъ сѣдымъ волосомъ, съ женитьбой и мѣстомъ, но, все-таки, облагораживаетъ человѣка. Протопоповъ былъ тронутъ и, уходя, обнялъ мальчика со словами: „дай Богъ, чтобы эти чувства созрѣли въ васъ и укрѣпились“. Послѣ этого онъ носилъ своему ученику мелко переписанныя и очень затертыя тетрадки стиховъ Пушкина „Оду на свободу“, „Кинжалъ“, „Думы“ Рылѣева, и мальчикъ переписывалъ ихъ тайкомъ. Подъ вліяніемъ такого настроенія перемѣнился и кругъ чтенія Герцена. Въ подвальной библіотекѣ отца онъ отрылъ какую-то исторію французской революціи, написанную роялистомъ, и съ жадностью принялся читать ее.

Здѣсь мы опять натыкаемся на вліяніе французскихъ выходцевъ на нашу молодежь стараго времени. Между тѣмъ, какъ гувернантка Герцена, m-me Прово, очень часто разсказывала ему эпизоды изъ французской революціи и особенно любила останавливаться на фактахъ эпохи Робеспьера, передъ глазами мальчика, въ лицѣ французскаго учителя Бушо, было живое олицетвореніе этой эпохи: Бушо находился въ Парижѣ во время революціи и былъ неисправимый якобинецъ. Человѣкъ суровый, угрюмый, съ огромнымъ носомъ и очками, онъ долгое время не пускался ни въ какіе разговоры, спрягалъ глаголы, диктовалъ примѣры, бранилъ своего ученика и уходилъ, опираясь на толстую сучковатую палку. Онъ смо-

трѣлъ, съ своей демократической точки зрѣнія, съ презрѣніемъ на барченка и часто говаривалъ: „изъ васъ ничего не выйдетъ“.

Но вотъ однажды этотъ барченокъ обратился къ нему съ вопросомъ объ одномъ изъ эпизодовъ французской революціи.

Послѣ этого Бушо измѣнилъ свой взглядъ на мальчика, смѣнилъ гнѣвъ на милость, прощалъ ошибки и разсказывалъ эпизоды 93-го года, и какъ онъ уѣхалъ изъ Франціи, „когда развратные и плуты“ взяли верхъ. Онъ съ тою-же важностью, не улыбаясь, оканчивалъ урокъ, но уже снисходительно говорилъ: „я, право, думалъ, что изъ васъ ничего не выйдетъ, но ваши благородныя чувства спасутъ васъ“.

Между тѣмъ учитель русской словесности не ограничился однимъ поощреніемъ либеральныхъ чувствъ въ своемъ ученикѣ. Рьяный романтикъ двадцатыхъ годовъ, онъ не замедлилъ, конечно, внушить ученику своему страсть къ современной литературѣ, къ Жуковскому, Пушкину, Грибоѣдову и отрицаніе всей старой литературы до Жуковскаго. Подъ такимъ вліяніемъ кругъ чтенія мальчика совершенно измѣнился: Лафонтенъ, Коцебу и пр. были брошены; онъ началъ читать съ разборомъ. Прежде, онъ читалъ съ одинаковымъ удовольствіемъ все, что̀ попадалось: трагедіи Сумарокова, сквернѣйшіе переводы восьмидесятыхъ годовъ разныхъ комедій и романовъ: теперь сталъ выбирать, цѣнить; бравши книгу, справлялся тотчасъ, въ которомъ году печатана, и бросалъ ее, ежели она была печатана больше пяти лѣтъ тому назадъ, хотя бы имя Державина или Карамзина предохраняло ее отъ такой дерзости.

Подъ вліяніемъ такого воспитанія, въ 15 лѣтъ изъ Герцена образовался романтикъ двадцатыхъ годовъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ увлекался порой вольтеріанизмомъ, любилъ иронію и насмѣшку — и рядомъ съ этимъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ читалъ библію по-славянски и въ Лютеровомъ переводѣ. Онъ увлекался до энтузіазма Пушкинымъ, два мѣсяца носилъ въ карманѣ первую главу „Онѣгина“, пока не вытвердилъ ее наизусть, но выше всего ставилъ Шиллера, унеся изъ первой юности въ болѣе зрѣлыя лѣта поклоненіе этому поэту. Чтеніе Шиллера рядомъ съ Плутархомъ настроили юношу на героическій ладъ и онъ постоянно предугадывалъ въ себѣ будущаго „Брута или Фабриція“. Въ то-же время онъ питалъ романтическую страсть къ одной своей кузинѣ, которая была старше его годами, разыгрывала изъ себя роль сентиментальной героини въ карамзинскомъ

духѣ, требовала, чтобы ее называли Темирой, при каждой встрѣчѣ съ блѣдною подругой земнаго шара дѣлала къ ней лирическое воззваніе и сравнивала свою жизнь съ цвѣтками, брошенными въ „буйныя волны“. Герценъ открывалъ своей возлюбленной всѣ тайны своего сердца, рисовался передъ нею будущимъ „Брутомъ или Фабриціемъ“, а она, какъ свойственно всѣмъ барышнямъ, въ которыхъ имѣютъ несчастіе влюбляться несовершеннолтніе юноши, вертѣла будущимъ „Брутомъ или Фабриціемъ“ по своему произволу. Былъ у Герцена, конечно, и романтическій другъ, мальчикъ почти однихъ съ нимъ лѣтъ (впослѣдствіи извѣстный русскій поэтъ и публицистъ Огаревъ), который въ глазахъ Герцена разыгрывалъ роль маркиза Позы; юноши дѣлили вмѣстѣ всѣ свои мечты и думы, проливали горькія слезы, когда находились въ разлукѣ другъ съ другомъ, и на Воробьевыхъ горахъ торжественно клялись въ виду всей Москвы пожертвовать жизнью на избранную борьбу

Но воспитаніе Герцена не ограничилось одними романтическими и политическими вліяніями, о которыхъ мы сообщили на этихъ страницахъ. Судьба какъ будто нарочно хотѣла создать изъ Герцена человѣка съ самымъ разностороннимъ образованіемъ и подсунула ему родственника, котораго можно назвать по истинѣ небывалымъ, чудеснымъ явленіемъ средн общества двадцатыхъ годовъ. Это былъ реалистъ шестидесятыхъ годовъ, типъ вполнѣ въ базаровскомъ духѣ, преждевременно развившійся въ двадцатые годы. Въ жизни встрѣчаются иногда подобнаго рода застрѣльщики, забѣжавшіе слишкомъ впередъ и перешедшіе далеко за черту своего вѣка. Современники смотрятъ на нихъ обыкновенно, какъ на какихъ-то выродковъ и полуумныхъ чудаковъ, и никто не подозрѣваетъ въ нихъ предтечей грядущаго времени. Таковъ былъ родственникъ Герцена, котораго онъ выставляетъ подъ именемъ Химика. Это тотъ самый Химикъ, о которомъ въ комедіи Грибоѣдова сказано

— Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, нашъ племянникъ,
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня.

Мы не можемъ удержаться и не познакомить читателей съ этимъ поразительнымъ типомъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ на Герцена огромное вліяніе.

Отецъ химика былъ старый деспотъ и развратникъ, окруженный гаремомъ изъ своихъ крѣпостныхъ. Онъ страшно тѣснилъ сына и

даже ревновалъ его къ своей серали. Химикъ хотѣлъ разъ отдѣлаться отъ этой неблагородной жизни лауданумомъ; его спасъ случайно товарищъ, съ которымъ онъ занимался химіей. Отецъ перепугался и передъ смертію сталъ смирнѣе съ сыномъ. По смерти отца химикъ далъ отпускную несчастнымъ одалискамъ, уменьшилъ на половину тяжелый оброкъ, наложенный отцомъ на крестьянъ, простилъ недоимки и даромъ отдалъ рекрутскія квитанціи, которыя продавалъ имъ старикъ, отдавая дворовыхъ въ солдаты.

Жилъ онъ чрезвычайно своеобычно; въ большомъ домѣ своемъ на Тверскомъ бульварѣ занималъ одну крошечную комнату для себя и одну для лабораторіи. Старуха, мать его, жила черезъ коридоръ въ другой комнаткѣ, остальное было запущено и оставалось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при отъѣздѣ его отца въ Петербургъ. Почернѣйшія канделябры, необыкновенная мебель, всякія рѣдкости, стѣнные часы, *будто бы*, купленные Петромъ I въ Амстердамѣ, кресла, будто бы, изъ дома Станислава Лещинскаго, рамы безъ картинъ, картины, обороченныя къ стѣнѣ – все это, поставленное кое-какъ, наполняло три большія залы, нетопленныя и неосвѣщенныя. Въ передней люди играли обыкновенно на торбанѣ и курили (въ той самой, въ которой прежде едва смѣли дышать и молиться). Человѣкъ зажигалъ свѣчку и провожалъ этою оружейною палатой, замѣчая всякій разъ, что плаща снимать не надобно, что въ залахъ очень холодно; густые слои пыли покрывали рогатыя и курьёзныя вещи, отражавшіяся и двигавшіяся вмѣстѣ со свѣчей въ вычурныхъ зеркалахъ; солома, оставшаяся отъ укладки, спокойно лежала тамъ-сямъ вмѣстѣ съ стриженной бумагой и бичевками. Рядомъ этихъ комнатъ достигалась, наконецъ, дверь, завѣшанная ковромъ, которая вела въ страшно натопленный кабинетъ. Въ немъ химикъ, въ замаранномъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху, сидѣлъ безвыходно, обложенный книгами, обставленный стклянками, ретортами, тигелями, снарядами... Хозяйство химика было еще менѣе сложно, особенно когда мать его уѣзжала на лѣто въ подмосковную, а съ нею и поваръ. Камердинеръ его являлся часа въ четыре съ кофейникомъ, распускалъ въ него немного крѣпкаго бульону и, пользуясь химическимъ горномъ, ставилъ его къ огню вмѣстѣ съ всякими ядами. Потомъ онъ приносилъ изъ трактира полрябчика и хлѣбъ — въ этомъ состоялъ весь обѣдъ. По окончаніи его, камердинеръ мылъ кофейникъ и онъ входилъ въ свои естественныя права. Вече-

черомъ снова являлся камердинеръ, снималъ съ дивана тигровую шкуру, доставшуюся по наслѣдству отъ отца, и груду книгъ, стлалъ простыню, приносилъ подушки и одѣяло, и кабинетъ такъ-же легко превращался въ спальню, какъ въ кухню и столовую.

Поверхностный и со страхомъ пополамъ вольтеріанизмъ нашихъ отцовъ нисколько не былъ похожъ на убѣжденія химика. Его взглядъ былъ спокойный, послѣдовательный, оконченный... Онъ считалъ Жофруа Сент-Илера мистикомъ, а Окена просто поврежденнымъ. Онъ съ пренебреженіемъ закрылъ сочиненія натуръ философовъ... Сами выдумали первыя причины, духовныя силы, да и удивляются потомъ, что ихъ ни найти, ни понять нельзя... Взглядъ его становился еще безотраднѣе во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ Онъ находилъ, что на человѣкѣ такъ же мало лежитъ отвѣтственности за добро и зло, какъ на звѣрѣ; что все дѣло организаціи, обстоятельствъ и вообще устройства нервной системы, отъ которой *больше требуютъ, нежели она въ состояніи дать*. Семейную жизнь онъ не любилъ, говорилъ съ ужасомъ о бракѣ и наивно признавался, что онъ порежилъ тридцать лѣтъ, не любя ни одной женщины.

Впрочемъ, одна теплая струйка въ этомъ охлажденномъ человѣкѣ оставалась, она была видна въ его отношеніяхъ къ старушкѣ матери; они много страдали вмѣстѣ отъ отца, бѣдствія сильно сплавили ихъ; онъ трогательно окружалъ одинокую и болѣзненную старость ея, насколько умѣлъ, покоемъ и вниманіемъ.

Совершенно въ pendant Базарову, Химикъ относился къ изящнымъ искусствамъ совершенно въ разрѣзъ со своимъ эстетическимъ вѣкомъ. Въ 1846 году, когда Герценъ началъ входить въ моду послѣ первой части „Кто виноватъ?“, Химикъ написалъ ему письмо, въ которомъ выразилъ, что онъ съ грустью видитъ, что Герценъ употребляетъ на пустыя занятія свой талантъ. „Я съ вами помирился за ваши письма объ изученіи природы; въ нихъ я понялъ (на сколько человѣческому уму можно понимать) нѣмецкую философію — зачѣмъ-же, вмѣсто продолженія серьёзнаго труда, вы пишете сказки?“

Впрочемъ, теорій своихъ, кромѣ химическихъ, Химикъ никогда не проповѣдывалъ: онѣ высказывались случайно, вызывались споромъ. Онъ даже нехотя отвѣчалъ на романтическія и философскія возраженія Герцена. Но за то на своей почвѣ отъ камней до орангутанга его все занимало, здѣсь онъ былъ занимателенъ, чрезвычайно ученъ, остеръ и даже любезенъ... Съ самаго начала

знакомства съ Герценомъ, онъ началъ убѣждать его бросить „пустыя“ занятія литературой и „опасныя безъ всякой пользы“ политикой—и приняться за естественныя науки. Онъ далъ мальчику рѣчь Кювье о геологическихъ переворотахъ и Декандолеву растительную органографію. Видя, что чтеніе идетъ на пользу, онъ предложилъ свои превосходныя собранія, снаряды, гербаріи и даже свое руководство. И хотя Герценъ, по своему развитію, не могъ согласиться съ выводами Химика и горячо отстаивалъ свои романтическія мечтанія, но это не помѣшало ему пристраститься къ естественнымъ наукамъ и поступить въ университетъ на математическій факультетъ, чему онъ прямо былъ, по собственному сознанію, обязанъ Химику. Такая реальная струя, которая пахнула на Герцена въ первыхъ юношескихъ лѣтахъ, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовала, какъ ускоренію переходнаго умственнаго состоянія, которое переживалъ Герценъ вмѣстѣ со своими современниками, такъ и тому, что онъ гораздо ближе стоялъ къ поколѣнію пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, чѣмъ всѣ его современники, воспитанные исключительно на гегелевской философіи и въ духѣ художественной созерцательности.

Въ университетѣ развитіе Герцена продолжало въ духѣ все тѣхъ-же элементовъ: тотъ-же сентиментальный романтизмъ въ шиллеровскомъ духѣ, рядомъ съ нимъ дѣтское либеральничанье, состоящее въ чтеніи запрещенныхъ стишковъ и распѣваніи недозволенныхъ пѣсенокъ, и въ то-же время занятія естественными науками (Герценъ по окончаніи курса получилъ даже серебряную медаль за астрономическую диссертацію). Домашній гнетъ тоже мало измѣнился въ годы университетской жизни Герцена: молодаго либерала, воображавшаго себя шиллеровскимъ героемъ, продолжали держать на помочахъ: за нимъ посылали въ университетъ слугу, который долженъ былъ провожать его домой, какъ 17-тилѣтнюю барышню, и до 21 года ему не позволялось возвращаться домой послѣ половины одиннадцатаго. Разница заключалась только въ томъ, что прежде Герценъ развивался одинокo, теперь-же вокругъ него составился кружокъ. Это былъ одинъ изъ очень немногочисленныхъ въ то время кружковъ, который средн молодежи, усиленно долбящей ради полученія чина коллежскаго регистратора или изнывающей въ томномъ сентиментализмѣ, интересовался, хотя и по-дѣтски, вопросами общественной жизни.

Послѣ 1830 года началась, какъ извѣстно, всеобщая реакція въ Европѣ, которая отразилась, какъ мы уже видѣли, и у насъ...

Реакція, какъ смерть, не разбираетъ никого, ни старыхъ, ни молодыхъ; но иначе дѣйствуетъ она на послѣднихъ, чѣмъ на первыхъ: въ то время, какъ людей зрѣлыхъ и пожилыхъ она обезкураживаетъ, разочаровываетъ или окончательно растлѣваетъ, молодежь она углубляетъ въ книги, сосредоточиваетъ въ заботы о собственномъ развитіи и побуждаетъ искать новыхъ путей мысли и жизни. Такъ случилось и съ нашимъ университетскимъ кружкомъ послѣ 1830 года, послѣ французской революціи, польскаго погрома и холеры. Застольный беранжеровскій либерализмъ пересталъ удовлетворять молодыхъ людей, потерялъ для нихъ всю свою чарующую силу. Тогда одни изъ нихъ бросились на изученіе русской исторіи; другіе углубились въ нѣмецкую философію; третьи, успѣвшіе слишкомъ уже глубоко проникнуться общественными интересами, въ томъ числѣ Герценъ и Огаревъ, увлеклись сенъ-симонизмомъ. Подобное увлеченіе было совершенно въ духѣ того времени, не только потому, что сенъ-симонизмъ подвизался въ то время на сценѣ европейской жизни и о немъ кричали во всѣхъ газетахъ; но и потому, что онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ степени развитія молодыхъ людей. На половину соціальное ученіе, на половину религіозныя секта, сенъ-симонизма одною ногой стоялъ на средневѣковой почвѣ, а другою на почвѣ XIX столѣтія; проповѣдуя равенство и братство, общность труда и достоянія, въ то-же время онъ увлекался іерархіей и централизаціей философовъ-правителей вполнѣ въ духѣ средневѣковаго католичества. Такое ученіе совершенно соотвѣтствовало настроенію нашихъ юныхъ романтиковъ, которые поклонялись всякому генію, всякой силѣ, выдающейся впередъ надъ пошлою рутиной жизни... Къ этому чисто-романтическому настроенію присоединялись и представленія чисто-религіозныя. Въ это время мысли о томъ, что Западъ не въ силахъ переварить прогрессивное движеніе, что старыя условія жизни слишкомъ вкоренились въ его бытъ и онъ не можетъ избавиться отъ нихъ и перестроить жизнь на новыхъ началахъ, что въ немъ началось разложеніе, подобное послѣднимъ вѣкамъ древней цивилизаціи, уже развивались въ кружкахъ московскихъ шеллингистовъ и отражались въ литературѣ въ сочиненіяхъ кн. Одоевскаго, которыми молодежь зачитывалась именно въ это самое время. Подъ вліяніемъ этихъ идей, сенъ-симонизмъ представлялся молодымъ людямъ не простою соціальною мечтой въ родѣ республики Платона или утопіи Томаса-Мура, но новою религіей, которая явилась среди разлагающагося міра для того, чтобы обно-

вить его, подобно тому, какъ нѣкогда христіанство явилось среди разлагавшихся древнихъ обществъ... Отъ подобной исторической аналогіи для молодыхъ умовъ, находившихся всецѣло на почвѣ дѣтскихъ преданій, достаточно было одного незначительнаго шага, чтобы перейти къ полному сближенію христіанства и сенъ-симонизма, и они начали смотрѣть на христіанство и сенъ-симонизмъ, какъ на первое и послѣднее слово одного и того-же ученія... Такимъ образомъ, сенъ-симонизмъ сдѣлался для нихъ откровеніемъ, религіей, которая была для нихъ безраздѣльна съ ихъ дѣтскими вѣрованіями.

Какъ всѣ неофиты, молодые люди съ восторгомъ и жаромъ начали проповѣдывать свое ученіе направо и налѣво, не разбирая долго, какое дѣйствіе можетъ произвести ихъ проповѣдь на того или другаго, и вскорѣ они вооружили противъ себя, какъ реакціонеровъ, такъ и либераловъ. Такъ, къ этому времени относится разрывъ Герцена съ Полевымъ, съ которымъ онъ познакомился въ концѣ университетскаго курса и бывалъ иногда у него и у брата его Ксенофонта. Это было время пущей славы Полеваго, предшествовавшее запрещенію „Телеграфа“.

Въ сущности, молодые люди, какими бы они себя ни воображали прогрессистами по отношенію къ прежнимъ дѣятелямъ литературы, стояли еще на весьма неопредѣленной и сомнительной почвѣ. Они находились еще всецѣло въ томъ первомъ періодѣ умственнаго движенія, въ которомъ старыя міровоззрѣнія остаются еще нетронутыми и только пріурочиваются къ двумъ-тремъ новымъ идейкамъ. Сенъ-симонистическая религія ихъ, безраздѣльно связанная съ дѣтскими вѣрованіями, была еще не Богъ-вѣсть какимъ шагомъ впередъ: она заключала въ себѣ обильные задатки мистицизма и молодые люди, оставленные на свободѣ въ Москвѣ, предоставленные самимъ себѣ, могли въ дальнемъ развитіи своемъ свернуть на путь Кирѣевскаго и Хомякова. Но реакція, изгнавши нашихъ сенъ-симонистовъ изъ Москвы, разославши ихъ по городамъ и весямъ (1834 г.), изъ безвредныхъ мечтателей сдѣлала мучениковъ идеи. Вслѣдствіе этого толчка сенъ-симонистическая религія ихъ перестала ограничиваться однѣми историческими гипотезами объ обновленіи міра; изъ фантазіи она перешла въ кровь и нервы, приняла характеръ ожесточенія и въ то-же время развилась въ пламенный мистицизмъ. У насъ такъ привыкли съ именемъ мистика соединять непремѣнно представленіе о человѣкѣ, въ высшей степени преданномъ чиноначалію, и съ другой сто-

роны, представлять себѣ либерала, и особенно пострадавшаго, непремѣнно отчаяннымъ атеистомъ, матеріалистомъ, для котораго ничего нѣтъ святаго, что многимъ покажется просто чѣмъ-то баснословнымъ, что Герценъ, находясь въ Вяткѣ, былъ набожнымъ и горячимъ мистикомъ. Но это было дѣйствительно такъ, и мы имѣемъ на это нѣсколько фактическихъ доказательствъ. Здѣсь мы видимъ еще одно ясное подтвержденіе того закона развитія, что политическія убѣжденія и увлеченія нисколько не зависятъ отъ степени умственнаго развитія, и каковы бы они ни были, развитіе это, во всякомъ случаѣ, идетъ своимъ путемъ, переходя черезъ свои неизбѣжныя фазы.

Къ этому времени относится знакомство Герцена съ извѣстнымъ архитекторомъ Витбергомъ. Благочестивый художникъ, преисполненный религіознаго энтузіазма, Витбергъ былъ глубокимъ мистикомъ. Послѣ того, какъ постройка его знаменитаго храма на Воробьевыхъ горахъ не удалась, онъ былъ запутанъ строительною коммисіей, и сосланъ въ Вятку. Дѣля одну общую участь, Герценъ сошелся съ Витбергомъ, и послѣдній содѣйствовалъ къ окончательному развитію тѣхъ задатковъ мистицизма, которые, какъ мы сказали, находились уже въ Герценѣ.

Близость съ Витбергомъ была большимъ облегченіемъ въ Вяткѣ для Герцена. Серьёзная ясность и нѣкоторая торжественность въ манерахъ придавали ему что-то духовное. Онъ былъ очень чистыхъ нравовъ и вообще скорѣе склонялся къ аскетизму, чѣмъ къ наслажденіямъ; но его строгость ничего не отнимала отъ роскоши и богатства его артистической натуры. Онъ умѣлъ своему мистицизму придавать такую пластичность и такой изящный колоритъ, что возраженіе замирало на губахъ, жаль было анализировать, разлагать мерцающіе образы и туманныя картины его фантазіи. Мистицизъ Витберга лежалъ долей въ его скандинавской крови; это та самая, холодно обдуманная мечтательность, которую мы видимъ въ Сведенборгѣ, похожая, въ свою очередь, на огненное отраженіе солнечныхъ лучей, падающихъ на ледяныя горы и снѣга Норвегіи.

Вліяніе Витберга поколебало Герцена... Именно въ эту эпоху, когда Герценъ жилъ съ Витбергомъ, онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь былъ расположенъ къ мистицизму... Разлука, ссылка, религіозная экзальтація писемъ, получаемыхъ имъ, любовь — все это помогало Витбергу. И еще года два послѣ Герценъ былъ подъ вліяніемъ идей мистически-соціальныхъ, взятыхъ изъ евангелія и

Жанъ-Жака, на манеръ французскихъ мыслителей въ родѣ Пьера Леру. Въ этомъ духѣ, въ 1838 году, Герценъ написалъ историческія сцены, которыя тогда принималъ за драмы. Въ однѣхъ онъ представилъ борьбу древняго міра съ христіанскимъ; тутъ Павелъ, входя въ Римъ, воскрешалъ мертваго юношу къ новой жизни. Въ другихъ, борьбу оффиціальной церкви съ квакерами и отъѣздъ Уильяма Питта въ Америку, въ новый свѣтъ. Между прочимъ, отъ этого періода сохранился рядъ писемъ Герцена къ Витбергу, драгоцѣнныхъ въ томъ отношеніи, что представляютъ самое наглядное и непосредственное свидѣтельство о томъ настроеніи, въ которомъ находился Герценъ во время своей ссылки. Всѣ они преисполнены набожнаго благочестія: Герценъ смиренно предается въ нихъ волѣ Всеблагого Провидѣнія и описываетъ свои религіозныя чувства и думы, которыя онъ ощущалъ въ себѣ при слушаніи божественныхъ службъ во время страстной недѣли и пасхи. Замѣчательно, что въ то-же самое время Огаревъ, будучи брошенъ на Кавказъ и отдаленъ отъ своего друга нѣсколькими тысячами верстъ, переживалъ самостоятельно періодъ такого-же мистицизма. Онъ писалъ текстъ для Гебелевой ораторіи „Потерянный рай“, предполагая, что въ идеѣ потеряннаго рая заключается вся исторія человѣчества.

Въ 1838 году, Герценъ былъ переведенъ изъ Вятки во Владиміръ и въ этомъ-же году онъ женился. Хотя, конечно, любовь и женитьба каждаго человѣка обусловливаются многими частными и случайными обстоятельствами, тѣмъ не менѣе, въ нихъ выражается часто весьма рельефно личность человѣка, весь складъ его характера. Такимъ образомъ, сравнивая между собою любовныя интриги нѣкоторыхъ передовыхъ личностей сороковыхъ годовъ, мы такъ и видимъ въ нихъ характеръ тѣхъ слоевъ нашей интеллигенціи, которые вырабатывала жизнь въ разбираемую нами эпоху. Гоголь въ первой своей любви выразилъ вполнѣ средневѣковаго художника въ родѣ Торквато-Тасса: подобно какому-нибудь бѣдному пажу Вальтеръ-Скотовскаго романа, онъ исполнился безмолвнаго и отдаленнаго обожанія къ какой-то столь-высокопоставленной особѣ, что онъ самъ не рѣшился въ своихъ письмахъ назвать ее, ограничиваясь одними намеками; такъ и унесъ тайну своей любви въ могилу, предоставивши біографамъ строить какія-угодно догадки. Станкевичъ, болѣзненный, сентиментальный мечтатель, зафилософствовавшійся идеалистъ, подводившій все и вся въ жизни подъ свои книжныя формулы, таковъ-же оказался и въ

своей любви: полюбивши дѣвушку, которую самъ-же расхваливалъ до небесъ, онъ вдругъ предался мучительнымъ рефлексіямъ насчетъ того, дѣйствительно-ли эта дѣвушка такова, какою онъ себѣ ее представлялъ, или, говоря философскимъ языкомъ, соотвѣтствуетъ-ли объектъ взгляду на него подъ угломъ зрѣнія субъективнаго настроенія, гемута созерцателя и дѣйствительно-ли любитъ Станкевичъ ее или только воображаетъ, что любитъ, т.-е. если это чувство разумное истинное осуществленіе идеи любви, или это явленіе призрачное. Подъ гнетомъ такихъ рефлексій, Станкевичъ замучилъ и себя, и дѣвушку, и свелъ ее, наконецъ, въ могилу; а когда она умерла, вмѣсто всякихъ сожалѣній объ умершей или угрызеній совѣсти, Станкевичъ, какъ истинный Донъ-Кихотъ своего философскаго увлеченія, нашелъ въ ея смерти утѣшеніе и разрѣшеніе своихъ рефлексій, гегелевское примиреніе противорѣчій въ лонѣ вѣчнаго бытія. Мы уже видѣли, какимъ Рудинымъ проявился Грановскій въ своихъ двухъ любовныхъ исторіяхъ. Что касается женитьбы Герцена, то въ ней такъ и видится передъ вами протестантъ, объявившій рѣшительную борьбу противъ узъ, которыя угнетали его съ самаго дѣтства. Вмѣсто всякихъ эстетическихъ созерцаній, рефлексій и сомнѣній, вы видите здѣсь протестъ и борьбу съ перваго шага и до послѣдняго. Самый предметъ любви былъ избранъ Герценомъ не столько вслѣдствіе того, чтобы въ немъ воплощались какіе-либо романтическіе или художественные идеалы, сколько изъ-за общихъ страданій, которыя сблизили молодыхъ людей. Герценъ полюбилъ одну свою дальнюю родственницу, съ которою былъ знакомъ съ дѣтства; вмѣстѣ они терпѣли семейный гнетъ почти отъ однихъ и тѣхъ-же родственниковъ. Любовь ихъ проявилась не вдругъ, а медленно развивалась годами, и они дошли до ея сознанія уже тогда, когда Герценъ былъ въ Вяткѣ. Между тѣмъ, какъ Герценъ былъ переведенъ во Владиміръ, гнетъ, который терпѣла дѣвушка, сдѣлался невыносимымъ... Родственники, у которыхъ она жила, знали о ея любви къ Герцену и нарочно въ ея присутствіи старались всячески чернить ея возлюбленнаго. Наконецъ, ей стали сватать жениховъ, намѣреваясь выдать ее замужъ насильно. Тогда Герценъ рѣшился на отчаянный поступокъ: онъ тайкомъ уѣхалъ изъ Владиміра, явился внезапно въ Москву, похитилъ свою невѣсту и, воротясь во Владиміръ, женился на ней, объявивши, конечно, въ городѣ, что къ нему невѣста пріѣхала сама.

Въ 1840 году Герценъ былъ освобожденъ отъ ссылки и, пріі-

ѣхавши въ Москву, впервые сошелся здѣсь съ кружкомъ Станкевича. Какъ мы уже видѣли въ 7-й главѣ, это было время самаго сильнаго увлеченія гегелевскою философіей въ этомъ кружкѣ и примирительнаго взгляда на вещи. Новые знакомые приняли Герцена такъ, какъ принимаютъ эмигрантовъ и старыхъ бойцовъ, людей, выходящихъ изъ тюремъ, возвращающихся изъ плѣна или ссылки, съ почетнымъ снисхожденіемъ, съ готовностью принять въ свой союзъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, не уступая ничего, а намекая на то, что они—сегодня, а Герценъ съ друзьями уже—вчера, и требуя безусловнаго принятія феноменологіи Гегеля и, притомъ, по ихъ толкованію.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма рѣзкимъ и бросающимся въ глаза фактомъ, свидѣтельствующимъ, до какой степени были перепутаны въ сороковые годы отношенія между передовыми людьми по ихъ развитію, и какъ трудно провести какую-либо черту въ эту эпоху между отсталостью и прогрессивностью. Съ одной стороны, Герценъ стоялъ, конечно, впереди кружка Станкевича, смотря на многія вещи гораздо свѣтлѣе и реальнѣе, чѣмъ Бѣлинскій и друзья его съ ихъ схоластическими, книжными примиреніями. Но за то, съ другой стороны, и кружокъ Станкевича опережилъ Герцена въ томъ отношеніи, что Герценъ дѣйствительно былъ еще вчера, т.-е. принадлежалъ еще къ эпохѣ двадцатыхъ годовъ, въ то время, какъ кружокъ Станкевича—былъ сегодня, исповѣдуя философскую систему, бывшую въ то время послѣднимъ словомъ человѣческаго разума. Вслѣдствіе такихъ взаимныхъ преимуществъ, обѣ стороны должны были повліять другъ на друга. Такъ и случилось. Несмотря на то, что послѣ спора о статьѣ Бѣлинскаго „Бородинская годовщина“, Герценъ и Бѣлинскій разошлись озлобленными другъ на друга врагами — оба противника почувствовали себя пораженными въ самыхъ существенныхъ сторонахъ своихъ убѣжденій. Мы видѣли уже, какой сильный нравственный толчокъ произвело на Бѣлинскаго столкновеніе съ Герценомъ; съ этого спора начался въ немъ быстрый, но рѣшительный переломъ. Что касается Герцена, то и для него началась новая эпоха. Среди этой междоусобицы, онъ увидѣлъ необходимость ex ipsa fonte bibere и серьёзно занялся Гегелемъ. Въ тоже время онъ, очевидно, изъ перваго періода своего развитія перешелъ во второй: онъ потерялъ прежнюю цѣльность дѣтской непосредственности, всѣ его юныя вѣрованія и радужныя мечты начали колебаться въ своихъ основаніяхъ; онъ исполнился тѣхъ вну-

тренних противорѣчій, которыя, какъ мы уже говорили, характеризуютъ собою второй періодъ переходнаго умственнаго процесса. Такимъ образомъ, и онъ не избѣжалъ общей участи своихъ современниковъ: и онъ предался мрачнымъ рефлексіямъ, копаньямъ къ своемъ сердцѣ и пр. Въ такой внутренней работѣ прошли два года въ жизни Герцена—1841 и 1842 года. Это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ его жизни. По крайней мѣрѣ, воспоминанія его о пребываніи въ Новгородѣ исполнены мрачной и давящей грусти. Видно, что нелегко давалась ему борьба и много мучительныхъ минутъ пережилъ онъ въ ней. Но та реальная подкладка, которая была подложена въ его университетскомъ образованіи, съ другой стороны и тотъ личный опытъ, который съ дѣтскихъ лѣтъ щупалъ его бока и не давалъ ему ни минуты забыться и потеряться въ книжныхъ, отвлеченныхъ формулахъ — все это помогало процессу, ускоряло его и Герценъ имѣлъ возможность не закиснуть на немъ, подобно многимъ своимъ современникамъ. Ускоренію выхода изъ этихъ сумерекъ много содѣйствовало Герцену, между прочимъ, столкновеніе въ Новгородѣ съ одною простарѣлою генеральшей, Л. Д., повидимому, женщиной не дюжиннаго ума. Женщина эта схоронила дѣтей, и такъ какъ жизнь ея послѣ этой утраты потеряла всякое содержаніе, въ отчаяньи она кинулась въ мрачный мистицизмъ. У Л. Д. все было кончено; тутъ не было сомнѣній, шаткости, теоретической слабости; врядъ были-ли іезуиты или кальвинисты такъ стройно послѣдовательны своему ученію, какъ она. Вмѣсто того, чтобы ненавидѣть смерть, она, лишившись своихъ малютокъ, возненавидѣла жизнь. Это-то и надобно для мистицизма, для этой апотеозы смерти; пренебреженіе земли, пренебреженіе тѣла не имѣетъ другого смысла. И такъ, гоненіе на все жизненное, реалистическое, гоненіе на наслажденіе, на здоровье, на веселость, на привольное чувство существованія. И Л. Д. дошла до того, что не любила ни Гёте, ни Пушкина. Нападки ея на философію шли совсѣмъ съ другой стороны. Она иронически увѣряла, что всѣ діалектическія подмостки и тонкости—барабанный бой, шумъ, которымъ трусы заглушаютъ страхъ своей совѣсти. Вы никогда не дойдете, говорила она, до основъ міра никакою философіей, а храбрости отвергнуть эти основы у васъ у всѣхъ нѣтъ. Вы слишкомъ люди, чтобы не ужаснуться этихъ послѣдствій, внутреннее отвращеніе отталкиваетъ ихъ; вотъ вы и выдумываете ваши логическія чудеса, чтобы отвести глаза, чтобы дойти до того, что просто и дѣтски дано религіей. Герценъ воз-

ражалъ, спорилъ, но внутри чувствовалъ, что полныхъ доказательствъ у него нѣтъ, и что она тверже стоитъ на своей почвѣ, нежели онъ на своей. Надобно было, чтобы, къ тому-же, для довершенія бѣды, подвернулся тутъ инспекторъ врачебной управы, добрый человѣкъ, но одинъ изъ самыхъ смѣшныхъ нѣмцевъ, отчаянный поклонникъ Окэна и Каруса; онъ разсуждалъ цитатами, имѣлъ на все готовый отвѣтъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвался, и воображалъ, что совершенно согласенъ съ Герценомъ. Докторъ выходилъ изъ себя, бѣсился, тѣмъ больше, что другими средствами не могъ взять, находилъ воззрѣнія Л. Д. женскими капризами, ссылался на шеллинговы чтенія объ академическомъ ученіи и читалъ самъ отрывки изъ Бухардовой физіологіи для доказательства, что въ человѣкѣ есть начало вѣчное и духовное, а внутри природы спрятана какая-то личность. Л. Д., давно прошедшая этими „задами“ пантеизма, сбивала его и, улыбаясь, показывала на него глазами. Споры эти занимали Герцена до того, что онъ съ новымъ ожесточеніемъ принялся за Гегеля. Мученіе неувѣренности недолго продолжалось, истина вдругъ мелькнула передъ глазами и стала становиться яснѣе и яснѣе; Герценъ склонился на сторону противницы, но не такъ, какъ она хотѣла.

Ее смутило это, но она скоро оправилась и сказала: „Жаль мнѣ васъ, а можетъ, оно и къ лучшему; вы въ этомъ направленіи долго не останетесь, въ немъ слишкомъ пусто и тяжело. А вотъ, прибавила она, улыбаясь, нашъ докторъ, тотъ непзлѣчимъ; ему не страшно, онъ въ такомъ туманѣ, что не видитъ ни на шагъ впередъ...“ Однако, лицо ея было блѣднѣе настоящаго.

Изъ этого всего мы видимъ, что споры и пренія о началахъ міра, абсолютахъ и философскихъ тонкостяхъ не ограничивались Москвой, Петербургомъ и учено-литературными кружками, но повсемѣстно были распространены по всей Россіи, отъ Новгорода до Вятки и отъ Владиміра до Кавказа, по разнымъ захолустьямъ, уѣзднымъ городкамъ и помѣщичьимъ усадьбамъ; въ нихъ принимали участіе ученые и литераторы, студенты и семинаристы, инспектора врачебной управы и салонныя дамы. Въ наше время трудно себѣ представить, чтобы люди даже весьма молодые очень долго спорили о такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о безсмертіи души или отношеніи безотносительнаго къ относительному. Но въ то время люди пожилые и много пережившіе до того увлекались подобными спорами, что забывали о питьѣ и ѣдѣ и цѣлые дни и ночи проводили въ жаркихъ преніяхъ. Закадычные друзья дѣла-

лись заклятыми врагами, не согласясь въ какомъ-нибудь пунктѣ гегелевской философіи; мужья расходились съ женами и считали свой бракъ несчастнѣйшимъ, если жены, сами по себѣ прекраснѣйшія женщины и во всемъ другомъ гармонирующія съ мужьями, не соглашались мыслить по Гегелу и Фейербаху. Наконецъ, молодые люди съ того начинали свои ухаживанья за предметами любви, что посвящали ихъ въ таинства германской философіи, и Рудинъ, ораторствовавшій гдѣ-нибудь въ захолустьи на непонятномъ никому языкѣ, среди Ноздревыхъ и Коробочекъ, сдѣлался героемъ дня, новымъ свѣтиломъ, кумиромъ скучающихъ дамъ, барышень, ожидающихъ чего-то необыкновеннаго, и вытѣснилъ собою прежнихъ героевъ въ печоринскомъ духѣ. Такъ было спльно философское броженіе, овладѣвшее положительно всѣмъ образованнымъ обществомъ. Къ концу сороковыхъ годовъ оно шло все crescendo, захватывая собою новые и новые круги общества, спускаясь все ниже и ниже и вмѣстѣ съ тѣмъ становясь съ каждымъ годомъ реальнѣе, переходя изъ отвлеченныхъ вопросовъ къ вопросамъ семейнымъ и общественнымъ. Но возвратимся къ Герцену. Рядомъ съ этимъ внутреннимъ переворотомъ началось и его знакомство съ Фейербахомъ, который соотвѣтствовалъ этой новой фазѣ его развитія.

Но мы говорили уже, что всякое новое направленіе не смывало безслѣдно все старое въ Герценѣ и не овладѣвало имъ безусловно. Такъ, напримѣръ, сдѣлавшись мистикомъ, онъ не закрылъ уши для всего иного, не прервалъ всякой связи со всѣмъ прошлымъ и не сдѣлался фанатикомъ мистицизма, подобно Гоголю; увлекшись Гегелемъ, онъ не закопался, подобно друзьямъ Станкевича, въ отвлеченныя умствованія и, наконецъ, сдѣлавшись послѣдователемъ Фейербаха, онъ не увлекся исключительною пропагандой ученія этой школы. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ оставилъ въ немъ свой глубокій слѣдъ въ томъ отношеніи, что онъ на всю жизнь остался ненавистникомъ всего пошлаго, посредственно-рутиннаго, пресмыкающагося, въ то время, какъ все выдающееся изъ общаго уровня обыденности, все дерзающее идти не по торнымъ тропинкамъ, постоянно возбуждало въ немъ симпатію. Въ свою очередь, и мистицизмъ въ той соціальной формѣ, въ какой развился онъ у Герцена, навсегда избавилъ его отъ того поверхностнаго и формальнаго либерализма, на которомъ остановились многіе изъ его современниковъ, и заставилъ его глубоко вникать въ основы общественныхъ отношеній. Точно также и гегелизмъ прошелъ не без-

слѣдно, развившп въ Герценѣ діалектическія способности. Въ тоже время, начиная съ первой фазы своего развитія и до послѣдней, мы видимъ постоянное преобладаніе въ Герценѣ одного — именно глубокаго интереса къ вопросамъ общественной жизни: каждое направленіе, которое только онъ по очереди переживалъ, онъ постоянно пріурочивалъ къ этимъ вопросамъ. Наконецъ, подъ всѣми періодами его жизни и литературной дѣятельности вы видите подкладку того реальнаго образованія, которое онъ пріобрѣлъ на физико-математическомъ факультетѣ и впослѣдствіи опытами самой жизни. Романтикъ, мистикъ, гегеліанецъ, фейербахистъ въ общихъ идеяхъ, онъ становился на строго-реальную, положительную почву, едва только переходилъ къ анализу частныхъ фактовъ.

Но этими философскими элементами не ограничилось литературное воспитаніе Герцена. Обладая сильнымъ художественнымъ талантомъ и природнымъ остроуміемъ, онъ воспринялъ вмѣстѣ со своими современниками то эстетическое развитіе, которое въ сороковые годы стояло, какъ извѣстно, на первомъ планѣ и часто доходило даже до крайней односторонности. Не заглушивъ, однако, всѣхъ другихъ интересовъ, эстетическое развитіе даровало Герцену могущественное орудіе художественности, нелишнее для всякаго писателя. Впродолженіи всей своей жизни, не покидалъ онъ великихъ европейскихъ поэтовъ — Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера, Гейне, а изъ русскихъ — Пушкинъ и Гоголь были постоянными его любимцами. Но, повидимому, изъ всѣхъ европейскихъ писателей болѣе всего вліянія оказали на него два писателя: Жанъ-Поль-Рихтеръ и Бёрне, очень, можетъ быть, потому, что оба эти писателя все ближе подходили по своему положенію среди своихъ современниковъ и вліянію къ тому, что̀ былъ Герценъ среди нашего общества. Вліяніе Жанъ-Поль-Рихтера замѣтно не на одномъ Герценѣ, а на многихъ писателяхъ тридцатыхъ годовъ, въ особенности на Одоевскомъ. Разница только въ томъ, что жанъ-полевская философская иронія, витающая между мистицизмомъ и скептицизмомъ, у Одоевскаго склонялась болѣе къ мистицизму, у Герцена, напротивъ того, къ скептицизму. Бёрне напоминаетъ Герценъ во многихъ своихъ политическихъ фельетонахъ, блещущихъ столь-же убійственнымъ остроуміемъ и такою-же ѣдкою ироніей.

Со всѣми этими элементами литературнаго таланта Герцена мы наглядно познакомимся при разборѣ его сочиненій.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, когда и гдѣ началъ Герценъ печататься. Знаемъ только, что первая статья Герцена, появившаяся подъ псевдонимомъ Искандера, была напечатана въ послѣднемъ, 33-мъ томѣ „Телескопа“ въ 1836 году, когда Герценъ былъ уже въ Вяткѣ. Статья эта, подъ заглавіемъ „Гофманъ“, напечатана въ особенномъ отдѣлѣ „Телескопа“, носившемъ названіе „Знаменитые современники“. Статья была отдана Полевому, а попала по ошибкѣ въ „Телескопъ“, при чемъ пріятель Герцена К., считая неосторожнымъ оставить подъ нею настоящую фамилію Герцена, впервые поставилъ Искандеръ — подпись, которую Герценъ шутя употребилъ въ одной статьѣ, назначенной не для печати. Мы не знаемъ, когда Герценъ написалъ статью о Гофманѣ, но, по содержанію и характеру, она, повидимому, всецѣло принадлежитъ еще къ первому періоду его развитія—къ эпохѣ юнаго сентиментальнаго романтизма. Онъ вполнѣ заплатилъ въ этой статьѣ дань своему времени, явившись такимъ-же горячимъ поклонникомъ Гофмана, какими были всѣ юноши тридцатыхъ годовъ. Въ статьѣ вы встрѣчаете цѣлый рядъ восторженныхъ восклицаній.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Герценъ является крайне субъективенъ, какъ всѣ слишкомъ юные писатели. Онъ иногда совершенно сливаетъ личность Гофмана со своею, и вамъ кажется, что, говоря о Гофманѣ, подъ нимъ онъ разумѣетъ самого себя. Таково, напримѣръ, описаніе воспитанія Гофмана.

Но и въ этой юной статьѣ Герценъ не ограничивается одними романтическими пареніями и восклицаніями. Среди разныхъ превыспреннихъ сентиментальностей, вы натыкаетесь на мысли совершенно инаго склада и видите въ нихъ задатки будущаго Герцена. Такъ, напримѣръ, на одной страницѣ онъ объясняетъ фантастичность Гофмана совершенно въ романтическомъ духѣ тѣмъ, что Гофманъ становится мраченъ, ибо начинаетъ разглядывать дѣйствительный міръ во всей его прозѣ, во всѣхъ его мелочахъ, что это простуда отъ міра реальнаго, холодъ и ужасъ, навѣваемый дыханіемъ людей на грудь чистаго юноши, что вслѣдствіе этого-то рождается въ Гофманѣ потребность сорваться съ пути битаго, обыкновеннаго, пыльнаго, которую мы равно видимъ во всѣхъ истинныхъ художникахъ и пр. Но переверните страницу, и вы увидите совершенно иное объясненіе той-же фантастичности и отрѣшенности отъ дѣйствительности Гофмана. Оказывается, что Гофманъ не потому отвернулся отъ дѣйствительнаго міра, что

разглядѣлъ его во всѣхъ мелочахъ, во всей его прозѣ, а потому, что онъ вовсе его не зналъ; онъ былъ занятъ до того концертами, что не замѣтилъ приближенія Наполеона. Герценъ видитъ въ этомъ тѣнь прошедшаго, сверхземнаго направленія литературы германской, въ противоположность земнаго, общественнаго направленія французской литературы. По мнѣнію его, сочинители, жившіе до 1813 года, воображали, что все земное слишкомъ низко для нихъ, и жили въ облакахъ; но это имъ не прошло даромъ. Когда-же Германія проснулась при громѣ лейпцигской битвы, явилось новое поколѣніе, болѣе земное, болѣе національное. Гейне бичевалъ своимъ ядовитымъ перомъ направо и налѣво старое поколѣніе, которое разобщило себя съ родиной, прошлую эпоху, которая такъ колоссально, такъ величественно окончилась въ Веймарѣ 22-го марта 1832 года.

Подобныя мысли, сказанныя въ 1836 году, когда ничего не признавали выше германской философіи и романтической поэзіи, когда во Франціи видѣли только законодательницу модъ и свѣтскихъ приличій, когда литературу ея ставили ниже всѣхъ другихъ литературъ, могли казаться безумною ересью. Особенно, если взять во вниманіе, что Герценъ еще болѣе превознесъ французскую литературу въ другомъ мѣстѣ статьи, сказавши, что Франція столь-же мало могла симпатизировать съ Вальтеръ-Скоттомъ, сколько съ Веллингтономъ и со всѣмъ торизмомъ, что французы замѣнили это направленіе другимъ, болѣе глубокимъ, принялись за анатомическія разъятія души человѣческой, стали раскрывать всѣ раны тѣла общественнаго и пр. Рядомъ съ этимъ, васъ поражаетъ и самая постройка статьи: историческій методъ преобладаетъ въ ней надъ философскимъ, который начиналъ въ то время входить въ особенную моду. Тогда статьи начинались обыкновенно съизложенія общихъ филофскихъ основаній, послѣ чего писатель приступалъ уже къ частнымъ фактамъ, которые онъ и подводилъ подъ изложенныя основанія. Такой методъ господствуетъ во всѣхъ статьяхъ Бѣлинскаго. Между тѣмъ, Герценъ построилъ свою статью совершенно иначе: онъ началъ съ частныхъ фактовъ, съ біографіи Гофмана, желая объяснить направленіе Гофмана его жизнію. Затѣмъ, онъ приступилъ къ общимъ историческимъ даннымъ эпохи Гофмана, причемъ онъ постоянно указываетъ на тѣсную зависимость того или другаго литературнаго направленія отъ обстоятельствъ жизни и исторіи того или другаго народа. Нако-

нецъ, онъ приступаетъ къ разбору сочиненій Гофмана, какъ общему выводу изъ всѣхъ данныхъ.

Періодъ мистицизма Герцена опредѣленно выражается только въ тѣхъ сценаріяхъ, о которыхъ мы выше упоминали. Къ этому-же времени (1838 г.) относятся „Записки одного молодаго человѣка“ и „Еще изъ записокъ молодаго человѣка“. Обѣ статьи написаны во Владимірѣ и напечатаны въ № 12-мъ 1840 г. и № 1-мъ 1841 г. „Отеч. Записокъ“. Посвященныя личнымъ воспоминаніямъ, статьи эти не отражаютъ въ себѣ и тѣни того мистическаго настроенія, которое переживалъ Герценъ. Мы уже говорили, что мистицизмъ, какъ необходимая фаза развитія, прошелъ черезъ Герцена, не завладѣвши имъ всецѣло, и вопросы общественной жизни, все-таки, стояли на первомъ планѣ. Это мы видимъ въ обѣихъ вышеупомянутыхъ статьяхъ. При этомъ весьма замѣчательно то, что хотя обѣ статьи относятся къ одному году, но между ними находится такая разница въ тонѣ, духѣ и содержаніи, словно какъ будто между ними годы разстоянія и первую статью писалъ все тотъ-же юноша, который намъ знакомъ въ статьѣ о Гофманѣ, между тѣмъ, вторая написана человѣкомъ зрѣлымъ, много испытавшимъ и на многое озлобленнымъ. Очень можетъ быть, что это рѣзко бросающееся въ глаза различіе зависитъ отъ различія предметовъ въ обѣихъ статьяхъ. Первая статья посвящена воспоминаніямъ дѣтства и юности. Сентиментально-романтическій періодъ этого времени хотя и миновалъ для Герцена, но былъ такъ еще близокъ и свѣжъ въ его памяти, что, увлекшись воспоминаніями о немъ, онъ весь ушелъ въ него, снова, такъ-сказать, пережилъ его и заговорилъ даже его языкомъ. По крайней мѣрѣ, вся статья исполнена свѣтлаго, радужнаго настроенія; это гимнъ юности, дружбѣ, любви, написанный столь-же высокопарнымъ слогомъ, съ обильными восклицательными знаками и многоточіями, какой мы видѣли въ статьѣ о Гофманѣ. Другая статья („Еще изъ зап. молод. чел.“) посвящена воспоминаніямъ о Вяткѣ, т.-е. именно самому тяжелому времени въ жизни Герцена — времени, которое быстро и радикально восторженнаго мечтателя сдѣлало человѣкомъ холоднаго и горькаго опыта, чуть не доведя его до спитія подъ тяжелымъ, давящимъ гнетомъ тюфяевской канцеляріи. Понятно, что тонъ воспоминаній объ этомъ періодѣ совершенно иной. Здѣсь и тѣни вы не увидите прежней восторженности. Напротивъ того, здѣсь впервые встрѣчаетесь вы съ тою безпощадною, ѣдкою ироніей, которая составляла отличительную черту многихъ произведеній Герцена.

Вся первая половина статьи, представляющая описаніе нравовъ и жизни жителей Малинова, исполнена этой ѣдкой, чисто-бёрневской, ироніи. Во второй половинѣ статьи Герценъ какъ будто хочетъ отвести душу, остановившись, послѣ цѣлаго ряда свинообразныхъ личностей, на необыкновенномъ типѣ, рѣзко оттѣняющемъ собою всю окружающую его пошлость. Онъ изображаетъ передъ нами глубокомыслящаго, развитаго и много испытавшаго на своемъ вѣку Трензинскаго, случайно попавшаго въ окрестности Малинова устраивать имѣніе и улучшать бытъ крестьянъ, которыхъ онъ выигралъ у одного русскаго князя во время своего скитанія за границей. Да не подумаетъ читатель, чтобы личность эта была, дѣйствительно, встрѣчена Герценомъ въ окрестностяхъ Вятки. Типъ этотъ былъ внушенъ Герцену воспоминаніемъ о Чадаевѣ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ воспоминаній, что онъ наклепалъ на Малиновъ Трензинскаго, и, не думая, не гадая, сдѣлалъ портретъ Чадаева, даже наружность взята съ него: „нѣжное, бѣлое, какъ мраморъ, лицо, сѣроголубоватые глаза, холодная улыбка, чело, какъ черепъ голый“. Личность Трензинскаго, дѣйствительно, вышла въ статьѣ Герцена полусочиненною, полуисторическою. Все присочиненное въ ней авторомъ крайне неестественно и ходульно. Вы видите передъ собою небывалаго героя, который, выигравши огромное имѣніе въ окрестностяхъ Вятки, сдѣлался однимъ изъ тѣхъ добродѣтельныхъ помѣщиковъ, въ родѣ Костанжогло, типъ которыхъ нерѣдко впослѣдствіи появлялся въ нашей литературѣ съ легкой руки Гоголя. Но изъ-подъ этого Костанжогло передъ вами мелькаетъ иная личность, болѣе напоминающая вамъ что-то живое, хотя и прошлое; вы видите передъ собою типъ мыслящаго человѣка тридцатыхъ годовъ, и этотъ типъ, дѣйствительно, можетъ быть, напоминаетъ собою Чадаева, хотя рѣчи, которыя говоритъ Трензинскій, очевидно, принадлежатъ не Чадаеву, а самому Герцену. Въ этихъ рѣчахъ вы опять встрѣчаетесь съ тѣми мыслями объ отвлеченности и отсутствіи живыхъ интересовъ у германскихъ писателей, которыя мы видѣли въ статьѣ о Гофманѣ. Разница только въ томъ, что въ статьѣ о Гофманѣ мысли эти высказаны вскользь и мимоходомъ, здѣсь-же, напротивъ того, онѣ стоятъ на первомъ планѣ, выражаются въ живыхъ образахъ, съ дагеротипною рѣзкостью и обрушиваются безъ церемоніи на главнаго представителя германскаго парнаса — Гёте.

Надо полагать, что недаромъ Герценъ такъ неожиданно обру-

шился въ концѣ статьи о Малиновѣ на германскихъ поэтовъ и на Гёте въ особенности. Въ это время кружокъ Станкевича развилъ до послѣдней крайности свои идеи въ духѣ гармоническаго примиренія и объективнаго созерцанія. „Московскій Наблюдатель“ именно съ 1838 года поступилъ въ руки кружка, и Бѣлинскій въ томъ-же году, въ цѣломъ рядѣ статей, разразился громами противъ французовъ, противъ Шиллера и возвеличеніями гётевской объективности и олимпійскаго безстрастія. Безъ сомнѣнія, нумера „Наблюдателя“ попадали въ руки Герцена и, подъ впечатлѣніями статей Бѣлинскаго, онъ написалъ окончаніе своего разсказа. По крайней мѣрѣ, въ разговорахъ автора съ Трензинскимъ вы такъ и видите вліяніе духа, господствовавшаго въ статьяхъ Бѣлинскаго въ это время. Причемъ Герценъ сдѣлалъ здѣсь перемѣщеніе, самъ перескочивши въ Трензинскаго, а въ своемъ лицѣ, отъ котораго ведется весь разсказъ, изобразивши послѣдователя идей Бѣлинскаго.

Такимъ образомъ, когда авторъ замѣчаетъ Трензинскому, что вся задача жизни заключается въ томъ, чтобы стоять выше всѣхъ обстоятельствъ и ихъ покорить, чтобы внутренній міръ сдѣлать независимымъ отъ наружнаго, Трензинскій отвѣчаетъ ему на это, что это хорошо въ стихахъ и въ трактатахъ, а не на самомъ дѣлѣ и не для всѣхъ, что внутренняя полнота, особенно при экзальтаціи воображенія, можетъ сдѣлать человѣка совершенно независимымъ отъ всего внѣшняго, но это не для всѣхъ: для этого надобно имѣть, можетъ быть, слабонервныхъ родителей, вообще склонность къ сумасшествію, такъ-какъ и сумасшествіе есть независимость отъ внѣшняго міра.

Но Герцену мало показалось сравнить доктрину кружка Станкевича съ сумасшествіемъ. Онъ захотѣлъ поразить московскихъ философовъ въ самое сердце, показавши все безобразіе олимпійской объективности въ лицѣ кумира ихъ, Гёте. Далѣе Трензинскій разсказываетъ свою встрѣчу съ Гете. Ему было 18 лѣтъ, когда онъ съ отцомъ путешествовалъ за границей и имъ пришлось выѣхать изъ Парижа въ самый разгаръ первой революціи. Съ трудомъ добрались они до границы и здѣсь, среди войскъ коалиціи, гибнущихъ отъ голода и грязи, на вечерѣ у владѣтельнаго князя, они встрѣтили Гёте. Довольно поздно онъ явился во фракѣ, съ гордымъ, важнымъ видомъ. Всѣ привѣтствовали его съ величайшимъ почтеніемъ, но его взоръ не былъ привѣтливъ, не вызывалъ дружбы, а благосклонно принималъ привычную дань вас-

сальства. Каждый могъ чувствовать, что онъ не товарищъ ему. Князь предложилъ кресло возлѣ себя; онъ сѣлъ, сохраняя ту особенную Steifheit, которая въ крови у нѣмецкихъ аристократовъ. Послѣ важнаго разсказа Гёте о случайной встрѣчѣ съ королемъ, который принялъ его за герцога, потому что Гёте былъ въ герцогской каретѣ, *какъ всегда*—прибавилъ къ тому Гёте—заговорили о политикѣ, и изъ устъ поэта полились высокомѣрныя, хвастливыя рѣчи, причемъ Гёте сравнивалъ революцію съ ордою гунновъ и высказалъ увѣренность, что нашъ Готфридъ образумитъ скоро ихъ, да и сами французы ему помогутъ. Но противъ Гёте выступилъ сѣдой полковникъ, который 10 лѣтъ провелъ на бивуакахъ и въ лагеряхъ и зналъ политическія дѣла, конечно, ближе и лучше величественнаго олимпійца. Онъ сдѣлалъ ему цѣлый рядъ возраженій въ томъ родѣ, что неужели поэтъ думаетъ, что французы примутъ австрійцевъ съ распростертыми объятіями, когда всякій день показываетъ, какой свирѣпо-народный характеръ принимаетъ эта война, когда поселяне жгутъ свой хлѣбъ и свои дома для того, чтобы затруднить непріятеля? Возраженія свои полковникъ заключилъ энергически, сказавши, что онъ женѣ, матери, сестрѣ, еслибы онѣ у него были, не сказалъ бы ни слова объ этой кампаніи, изъ которой нѣмцы принесутъ грязь на ногахъ и раны на спинѣ.

Гёте понялъ, что ему не совладать съ такимъ соперникомъ и почотно отступилъ, заявивши, что міръ политики ему совершенно чуждъ, что ему скучно, когда онъ слушалъ о маршахъ и эволюціяхъ, о преніяхъ и мѣрахъ государственныхъ, что онъ не могъ никогда безъ скуки читать газетъ; все это что-то такое преходящее, временное, да и вовсе чуждое по самой сущности намъ, что есть другія области, въ которыхъ онъ себя понимаетъ царемъ: зачѣмъ-же онъ пойдетъ безъ призыва, дюжиннымъ резонеромъ, вмѣшиваться въ дѣла, возложенныя Провидѣніемъ на избранныхъ имъ нести бремя управленія? И что̀ ему за дѣло до того, что̀ дѣлается въ этой сферѣ.

Слово „дюжинный резонеръ“ попало въ цѣль: полковникъ сжалъ сигару такъ, что дымъ у нея пошелъ изъ двадцати мѣстъ, а впрочемъ, довольно спокойно, но съ огненными глазами, сказалъ, что онъ простой человѣкъ, нигдѣ себя не чувствуетъ ни царемъ, ни геніемъ, а вездѣ остается человѣкомъ, съ дѣтства затвердя пословицу: „homo sum et nihil humanis a me alienum puto“, что, наконецъ, двѣ пули, пролетѣвшія сквозь его тѣло, подтверждаютъ

его право вмѣшиваться въ тѣ дѣла, за которыя онъ платитъ своею кровію.

Гёте сдѣлалъ видъ, что не слышитъ словъ полковника и, обращаясь къ сосѣдямъ, заявилъ, что и среди военнаго стана онъ такъ же далекъ отъ политики, какъ въ веймарскомъ кабинетѣ, и что онъ занимается теоріей цвѣтовъ.

Но прошло нѣсколько лѣтъ. Трензинскій вмѣстѣ съ полковникомъ встрѣтили въ веймарскомъ театрѣ Гёте, который присутствовалъ на дебютѣ своей пьесы, какого-то политическаго фарса, и выслушалъ недовольство публики своей пьесой. Оказалось, что Гёте, толковавшій, что политика ниже его, самъ пустился въ памфлеты.

Этотъ разсказъ показываетъ намъ огромную начитанность Герцена и силу фантазіи, дававшую ему возможность, не бывши за границей, не видавши жизни и нравовъ Европы своими собственными глазами, изображать съ такою живостью и дагеротипною полнотой сцены, подобныя вышеприведенной. Читая анекдотъ о Гёте, вы точно будто слушаете разсказъ очевидца этой сцены.

Тирады Трензинскаго замѣчательны еще тѣмъ, что онѣ могутъ дать хотя блѣдное представленіе о характерѣ споровъ, которые велъ Герценъ съ Бѣлинскимъ въ 1840 году. И въ томъ видѣ, въ какомъ являются передъ читателями возраженія Герцена въ устахъ Трензинскаго, въ нихъ достаточно соли. Но если взять во вниманіе, что въ живой, устной бесѣдѣ, нестѣсняемой никакими условіями печати, возраженія Герцена были вдесятеро прямѣе, рѣзче и безпощаднѣе, то понятно становится, что Бѣлинскій могъ быть доведенъ до такого крайняго нервнаго потрясенія, ярости и изнеможенія, которыя онъ обнаружилъ въ своемъ разговорѣ съ Панаевымъ.

Статья „Еще изъ записокъ молодаго человѣка“ была какъ бы перчаткой, которую Герценъ намѣревался бросить друзьямъ Станкевича изъ своего далека. Напечатана эта статья была въ „Отечественныхъ Запискахъ“, правда, уже тогда, когда Бѣлинскій самъ началъ уже колебаться въ своихъ московскихъ мнѣніяхъ, и, такимъ образомъ, она немного опоздала своимъ появленіемъ, явившись бомбою, упавшей на поле, очищенное непріятелемъ. Но, тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ, она замѣчательна, какъ противоположный полюсъ, противовѣсъ относительно статей Бѣлин-

скаго въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, какъ первое заявленіе въ печати о выходѣ изъ мрака среднихъ вѣковъ, отвлеченной схоластики и примирительнаго квіэтизма — на свѣжій воздухъ и свѣтъ.

Таковы были первые шаги Герцена на литературномъ поприщѣ. Въ слѣдующей главѣ мы сдѣлаемъ обзоръ его послѣдующей литературной дѣятельности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Характеръ жизни Герцена отъ 1842 до 1847 года. — Литературная плодовитость въ это время и ея причины. — Три категоріи сочиненій Герцена: сочиненія философскія, рефлективно-моральныя, нравописательныя. — Отъѣздъ за границу. — Письма изъ Франціи и Италіи. — Послѣдній умственный переворотъ Герцена. — „Съ того берега". — Взгляды Герцена на будущность Европы и Россіи и различіе его отъ славянофиловъ. — Его мнѣнія объ этомъ ученіи. — Характеръ анализа Герцена. — Жизнь Герцена отъ 1852 по 1855 годъ. — Умѣренность политическихъ убѣжденій въ послѣдующій періодъ его жизни.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что 1841 и 42 годы были въ жизни Герцена періодомъ умственнаго переворота, въ который поколебались всѣ его философскія и моральныя убѣжденія. Можно себѣ представить, какая страшная ломка должна была произойти въ мозгу человѣка, который въ теченіи двухъ лѣтъ изъ мистика преобразовался въ фейербахиста, пройдя черезъ всѣ лабиринты гегелевской философіи. Понятно, что этотъ быстрый внутреній переворотъ, потрясши всѣ умственныя силы Герцена, послужилъ для нихъ освѣжительною грозой и произвелъ въ нихъ такое сильное возбужденіе, какого онѣ до того времени не имѣли. Это и было причиной, что послѣ 1842 года началось дѣятельное участіе Герцена въ литературѣ. Прежде онъ писалъ мало и появленіе его статей въ журналахъ было рѣдкою случайностью. Мы не знаемъ даже, писалъ-ли что-либо Герценъ съ 1839 года по 42-й. Если что-либо и писалъ, то, во всякомъ случаѣ, не нашелъ годнымъ къ печати. Между тѣмъ, послѣ 1842 года, Герценъ разражается

цѣлымъ рядомъ статей, непрерывно печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а потомъ въ „Современникѣ“ до 1847 года включительно. Кромѣ возбужденія, бывшаго слѣдствіемъ вышеописаннаго переворота, плодовитости литературной дѣятельности Герцена въ эти 5 лѣтъ много способствовали и внѣшнія обстоятельства. Это было самое безоблачное время въ жизни Герцена. Онъ былъ свободенъ и спокоенъ. Жизнь его, устроившаяся въ Москвѣ, въ концѣ 1842 года, и продолжавшаяся пять лѣтъ, была очень изящна и носила особый характеръ новаго, дѣятельнаго совершеннолѣтія, характеръ возмужалости и силы. Судорожно натянутые нервы въ Петербургѣ и Новгородѣ отдали, и Герценъ снова былъ на болѣе русской почвѣ и въ кругу совершенно сочувствующемъ.

Между тѣмъ, кружокъ Герцена вполнѣ слился съ кружкомъ Бѣлинскаго, который, какъ мы увидимъ ниже, успѣлъ уже избавиться отъ своихъ теоретическихъ увлеченій и вступилъ въ самый цвѣтущій и благотворный періодъ своей дѣятельности. Къ соединившимся кружкамъ примкнулъ Грановскій и многіе другіе, болѣе юные, тогда только-что начинавшіе литературные дѣятели. Такимъ образомъ, составился умственно-нравственный союзъ, который всталъ во главѣ нашей образованности того времени. Въ этомъ союзѣ вы не найдете особенно глубокой и строгой солидарности въ убѣжденіяхъ; одни опереживали другихъ въ этомъ отношеніи; у него не было никакой опредѣленной, реальной цѣли, которая связывала бы членовъ въ стремленіе къ осуществленію какого-нибудь задуманнаго предпріятія. Всѣхъ ихъ связывало одно: общая любовь къ наукѣ, къ эстетическимъ наслажденіямъ, общее стремленіе къ прогрессу и гуманности. Но болѣе всего смыкала ихъ въ тѣсный, дружный кружокъ та противоположность, какую представлялъ каждый изъ нихъ сравнительно съ тѣмъ глубокимъ мракомъ невѣжества, пошлости и рабства, какой царствовалъ повсюду вокругъ ихъ.

Въ этомъ-то кругѣ и въ эти пять лѣтъ и было сосредоточіе той завидной жизни, полной эстетическихъ наслажденій, философскихъ преній и утонченнаго, изящнаго эпикуреизма, жизни, о которой я говорилъ уже въ одной изъ предъидущихъ главъ, сравнивая ее съ возлежаніями древнихъ эпикурейскихъ философовъ въ прохладѣ тѣнистыхъ садовъ и съ пиромъ во время чумы. Какъ Герценъ, такъ и Панаевъ, съ особенною любовью останавливаются на этомъ времени въ своихъ воспоминаніяхъ, подробно описывая разныя

встрѣчи, проводы, дачные farniente въ роскошныхъ, живописныхъ подмосковныхъ, какъ, напримѣръ, въ Соколовѣ, гдѣ и произошелъ разрывъ Герцена съ Грановскимъ, во время лѣтняго обѣда въ саду, совершенно въ духѣ аттическихъ философовъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что этотъ постоянный обмѣнъ мыслей, чувствъ и наслажденій не мало способствовалъ плодовитости литературной дѣятельности Герцена въ этотъ періодъ.

Всѣ сочиненія, написанныя Герценомъ съ 1842 до 1847 г., то-есть, до времени отъѣзда его за границу, можно раздѣлить на три разряда по своему содержанію. Одни посвящены разсмотрѣнію умственной дѣятельности человѣка, области знанія; таковы „Диллетантизмъ въ наукѣ“, „Диллетанты-романтики“, „Цехъ ученыхъ“, „Буддизмъ въ наукѣ“, „Письма объ изученіи природы“. Другія имѣютъ своимъ предметомъ область практической жизни, касаются вопросовъ морали, таковы: „По поводу одной драмы“, „По разнымъ поводамъ“, „Новыя варіаціи на старыя тэмы“ (всѣ три статьи извѣстны подъ общимъ названіемъ „Капризы и раздумье“), „Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести“, „Изъ сочиненій доктора Крупова“. Наконецъ, въ третьихъ преобладаетъ элементъ нравоописательный, анализъ общественныхъ отношеній, таковы: „Кто виноватъ“, „Сорока-воровка“ „Москва и Петербургъ“, „Новгородъ и Владиміръ“, „Станція Едрово“, „Прерванные разсказы“. Обо всѣхъ трехъ разрядахъ мы скажемъ по нѣскольку словъ о каждомъ въ отдѣльности.

Сочиненія первыхъ двухъ категорій въ особенности отражаютъ въ себѣ переходный процессъ развитія, который Герценъ переживалъ со всѣми своими современниками. Они вполнѣ вызваны тѣми двумя годами, въ которые пережилъ Герценъ философскій переворотъ. Въ самомъ началѣ первой своей статьи, посвященной вопросу о знаніи, „Диллетантизмъ въ наукѣ“, Герценъ дѣлаетъ характеристику своей эпохи; характеристика эта тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны, что въ ней въ каждой строкѣ слышится вамъ вопль человѣка, который самъ лично пережилъ то, о чемъ онъ говоритъ. По мнѣнію Герцена, эпоха его есть рубежъ двухъ міровъ, оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящихъ людей. Старыя убѣжденія, все прошедшее міросозерцаніе потрясены, но они дороги сердцу. Новыя убѣжденія, многообъемлющія и великія, не успѣли еще принести плоды; первые листы, почки пророчатъ могучіе цвѣты, но этихъ цвѣтовъ нѣтъ, и они чужды сердцу. Множество людей осталось безъ прошедшихъ убѣжденій и безъ настоящихъ

Другіе механически спутали дѣло того и другого и погрузились въ печальные сумерки. Люди внѣшніе предаются, въ такомъ случаѣ, ежедневной суетѣ; люди созерцательные — страдаютъ; во что̀ бы ни стало ищутъ примиренія, потому что съ внутреннимъ раздоромъ, безъ краеугольнаго камня нравственному бытію, человѣкъ не можетъ жить.

Сдѣлавши такое вступленіе, Герценъ приступаетъ къ своему философскому анализу, причемъ всѣ статьи первой категоріи представляются однимъ общимъ трактатомъ, въ которомъ онѣ играютъ роль отдѣльныхъ главъ, и хотя въ каждой говорится о какомъ-либо отдѣльномъ предметѣ, но всѣ онѣ имѣютъ тѣсную связь между собою и для лучшаго уразумѣнія, ихъ слѣдуетъ читать вмѣстѣ, одна за другою, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ появлялись въ печати. Общій вопросъ, который Герценъ разработываетъ въ этомъ философскомъ трактатѣ, заключается въ анализѣ отношеній современниковъ Герцена къ наукѣ. Герценъ держится въ своемъ анализѣ гегелевской діалектики, но въ то-же время онъ гегеліанецъ-фейербахистъ, то-есть, онъ принадлежитъ къ тому моменту гегелевской философіи, когда она, почти отрѣшившись отъ дуализма, пришла ко многимъ выводамъ, хотя и гадательнымъ, гипотетическимъ, но, все-таки, стоящимъ почти на реальной уже почвѣ.

Гегеліанцы-дуалисты и мистики, мирившіе философію съ преданіями, представляли себѣ возможность существованія безусловной идеи въ себѣ, прежде обнаруженія ея во внѣшнемъ мірѣ. Затѣмъ — учили они — явился внѣшній міръ, вслѣдствіе стремленія безусловной идеи опредѣлиться внѣ себя. Такимъ образомъ, внѣшній міръ явился—антитезомъ безусловной идеи онъ во всемъ противоположенъ ей: безусловная идея—безотносительна, безгранична, разумна; во внѣшнемъ мірѣ, наоборотъ, все случайно, относительно, ограничено, неразумно.

Слѣдуя философіи Фейербаха, Герценъ рѣшительно отвергъ возможность существованія идеи, внѣ ея проявленія, предположивши, что такое раздѣленіе, невзможное въ дѣйствительности, имѣетъ мѣсто только въ человѣческомъ мышленіи. Диллетанты часто предлагаютъ въ различныхъ видахъ вопросъ: „какъ безвидное внутреннее превратилось въ видимое, внѣшнее, а что оно было прежде существованія внѣшняго?“ Но, по мнѣнію Герцена, наука потому не обязана на это отвѣчать, что она и не говорила, что два момента, существующіе, какъ внутреннее и внѣшнее, можно разъять

такъ, чтобы одинъ моментъ имѣлъ дѣйствительность безъ другого. Въ абстракціи, разумѣется, мы можемъ отдѣлить причину отъ дѣйствія, силу отъ проявленія, субстанцію отъ наружнаго. Но диллетантамъ не того хочется: имъ хочется *освободить* сущность, внутреннее такъ, чтобы можно было посмотрѣть на него; они хотятъ какого-то предметнаго существованія его, забывая, что предметное существованіе внутренняго есть именно внѣшнее; внутреннее, не имѣющее внѣшняго, просто — безразличное ничто. Жизнь жива, какъ все органическое живое, только какъ цѣлостность. При разъятіи на части, душа ея отлетаетъ и остаются мертвыя абстракціи съ запахомъ трупа. Если хотите, и здѣсь есть еще слѣды дуализма въ томъ отношеніи, что, все-таки, допускается внѣшнее и внутреннее, не по отношенію только къ субъекту, наблюдающему міръ, но какъ нѣчто дѣйствительно существующее на вещахъ, то-есть, какъ будто вещи сами по себѣ имѣютъ наружную форму и внутреннее содержаніе, которое выражается въ этой внѣшней формѣ, но, во всякомъ случаѣ, и въ томъ былъ большой уже шагъ впередъ, что внутреннее и внѣшнее представляются здѣсь связанными въ одно безраздѣльное цѣлое. Такое представленіе возвышаетъ внѣшній міръ въ глазахъ мыслителя, вопреки всѣмъ ученіямъ, основаннымъ на преданіи: внѣшній міръ съ этой точки зрѣнія представляется уже не рядомъ относительныхъ, преходящихъ, неразумныхъ случайностей, служащихъ только для противопоставленія безусловной идеѣ, въ которой будто кроется вся сущность бытія. Напротивъ того, связанный безраздѣльно съ своимъ внутреннимъ содержаніемъ, онъ самъ въ себѣ представляется исполненнымъ творческихъ силъ, обусловливающихъ бытіе, жизнь, прогрессъ. Прямой выводъ изъ такого представленія — апоѳеозъ природы и вѣнца ея творчества — человѣка.

По мнѣнію Герцена, человѣкъ не внѣ природы и только относительно противоположенъ ей, а не въ самомъ дѣлѣ; еслибы природа дѣйствительно противорѣчила разуму, все матеріальное было бы нелѣпо, не цѣлесообразно. Мы привыкли человѣческій міръ отдѣлять каменною стѣной отъ міра природы — это несправедливо; въ дѣйствительности вообще нѣтъ никакихъ строго-проведенныхъ межей и граней, къ великой горести всѣхъ систематиковъ; но въ этомъ случаѣ, сверхъ того, упускаютъ изъ виду, что человѣкъ имѣетъ свое міровое призваніе въ той-же самой природѣ, доканчиваетъ ее возведеніемъ въ мысль; они противоположны такъ, какъ полюсы магнита, или, лучше, какъ цвѣтокъ противоположенъ

стеблю, какъ солома ребенку. Все то, что неразвито, чего недостаетъ природѣ, то-есть, то развивается въ человѣкѣ: на чемъ-же можетъ основаться дѣйствительная противоположность ихъ? Это былъ бы бой неравный и невозможный. Природа не имѣетъ силы надъ мыслію, а мысль есть сила человѣка — природа, какъ греческая статуя: вся внутренняя мощь ея, вся мысль ея—ея наружность; все, что она могла собою выразить, выразила, предоставляя человѣку обнаружить то, чего она не могла; она относится къ нему, какъ необходимое предшествующее, какъ предположеніе (Voraussetzung); человѣкъ относится къ ней, какъ необходимое послѣдующее, какъ заключеніе (Sluss). Жизнь природы — безпрерывное развитіе, развитіе отвлеченнаго простого, наполнаго, стихійнаго — въ конкретное, полное, сложное, развитіе зародыша разчлененіемъ всего заключающагося въ его понятіи, и всегдашнее домогательство вести это развитіе до возможно-полнаго соотвѣтствія формы содержанію — это діалектика физическаго міра. Всѣ стремленія и усилія природы завершаются человѣкомъ; къ нему они стремятся, въ него впадаютъ они, какъ въ океанъ.

Съ этой точки зрѣнія, гегелевская діалектика служила Герцену вовсе не для того, чтобы мирить философію съ преданіемъ и не для того, чтобы, созерцая дисгармонію различныхъ противорѣчій въ жизни, находить ихъ примиреніе въ абстрактномъ мышленіи. Для него недостаточно было снятія этихъ противорѣчій въ умѣ философа: онъ вѣрилъ, что сама жизнь, независимо отъ мышленія, миритъ противорѣчія и снимаетъ ихъ въ своемъ прогрессивномъ процессѣ: въ этомъ онъ видѣлъ всю ея сущность, все то, что онъ называлъ цѣлесообразностью природы. Это была его вѣра, тотъ рай, въ который онъ уповалъ, въ которомъ видѣлъ выходъ изъ того мрака безъисходности противорѣчій и рефлексій, въ которыхъ путались всѣ его современники, и который именно онъ и называлъ сумерками, Grübeln.

На этой вѣрѣ въ снятіе противорѣчій процессомъ самой жизни и основывается весь философскій анализъ Герцена. Люди не понимаютъ науки, относятся къ ней ложно, не находятъ въ ней примиренія, какое она можетъ дать, потому что они раздвоились, по мнѣнію Герцена: съ одной стороны, ему представляется масса диллетантовъ и романтиковъ, съ другой — цехъ записныхъ спеціалистовъ и буддистовъ въ наукѣ. По этимъ четыремъ категоріямъ расположены и статьи Герцена, причемъ каждой категоріи посвящается особенная статья. Диллетанты и романтики не находятъ

примиренія въ наукѣ, проклинаютъ ее; спеціалисты и буддисты, напротивъ того, находятъ ложное примиреніе въ ея буквѣ, не проникая въ ея сущность, не внося ея въ жизнь.

Диллетанты смотрятъ въ телескопъ: отъ того видятъ только тѣ предметы, которые, по мѣньшей мѣрѣ, далеки, какъ луна отъ земли, а земнаго и близкаго ничего не видятъ. Ученые смотрятъ въ микроскопъ и потому не могутъ видѣть ничего большого; для того, чтобы быть ими замѣченнымъ, надобно быть незамѣтнымъ человѣческому глазу; для нихъ существуетъ не кристальный ручей, а капля, наполненная гомеопатическими гадами. Диллетантъ занимается всѣмъ scibala, да еще, сверхъ того, тѣмъ, чего знать нельзя, т.-е. мистицизмомъ, магнитизмомъ, физіогномикой, гомеопатіей, гидропатіей и пр. Ученый, наоборотъ, посвящаетъ себя одной главѣ, отдѣльной вѣтви какой-нибудь спеціальной науки и, кромѣ ея, ничего не знаетъ и знать не хочетъ. Расплываясь въ морѣ частностей и остальныхъ крупицъ знанія, цеховые ученые въ то-же время валомъ отдѣлены отъ жизни. Между тѣмъ, какъ массы дѣйствуютъ, проливаютъ кровь и потъ — ученые являются послѣ разсуждать о происшествіи.

Изливши цѣлый потокъ ироніи на диллетантовъ и цеховыхъ спеціалистовъ, Герценъ, вѣрный гегелевской методѣ, въ заключеніи приступаетъ къ вопросу о томъ, когда-же будетъ конецъ этому раздвоенію и въ чемъ онъ будетъ заключаться. Главное, что дѣлаетъ науку *ученыхъ* трудною и запутанною, это метафизическія бредни и тьма-тьмущая спеціальностей, на изученіе которыхъ посвящается цѣлая жизнь и схоластическій видъ которыхъ отталкиваетъ многихъ. Но въ истинной наукѣ необходимо улетучивается то и другое, и остается стройный организмъ разумный и оттого *просто понятный*. Всегда и вѣчно будетъ техническая часть отдѣльныхъ отраслей науки, которая очень справедливо останется въ рукахъ спеціалистовъ, но не въ ней дѣло. Наука въ высшемъ смыслѣ своемъ сдѣлается доступна людямъ, и тогда только она можетъ потребовать голоса во всѣхъ дѣлахъ жизни. Нѣтъ мысли, которую нельзя было бы высказать просто и ясно, особенно въ ея діалектическомъ развитіи.

Въ статьѣ „Буддизмъ въ наукѣ“ Герценъ изливаетъ свою иронію на ученыхъ формалистовъ, въ родѣ того доктора, вмѣстѣ съ которымъ онъ велъ философскія пренія въ Новгородѣ съ мистической генеральшей, какъ мы видѣли въ прошлой главѣ, съ другой стороны, на отвлеченныхъ философовъ-примирителей въ родѣ

мостовскаго кружка Бѣлинскаго. Буддисты науки, по мнѣнію Герцена — это люди, которые, такъ или сякъ поднявшись въ сферу всеобщаго—изъ нея не выходятъ. Ихъ калачомъ не заманишь въ міръ дѣйствительности и жизни. Кто имъ велитъ промѣнять обширную храмину, въ которой дѣлать нѣчего, а почетно, на нашу жизнь съ ея бушующими страстями, гдѣ надобно работать, а иногда погибнуть. Вина буддистовъ состоитъ въ томъ, что они не чувствуютъ потребности этого выхода въ жизнь—дѣйствительнаго осуществленія идеи. Они примиреніе науки принимаютъ за *всяческое* примиреніе; не за поводъ къ дѣйствованію, а за совершенное, замкнутое удовлетвореніе. А тамъ хоть трава не расти за переплетомъ книги. Они все снесутъ за пустоту всеобщности... Имъ удивительно, о чемъ люди хлопочутъ, когда все объяснено, сознано и человѣчество достигло *абсолютной* формы бытія, что доказано ясно тѣмъ, что современная философія есть абсолютная философія, а наука всегда является тождественною эпохѣ, но какъ ея результатъ, то-есть, по совершеніи бытія. Для нихъ такое доказательство неопровержимо. Фактами ихъ не смутишь, они пренебрегаютъ ими. Спросите ихъ, отчего при этой абсолютной формѣ бытія въ Манчестерѣ и Бирмингамѣ работники мрутъ съ голоду и прокармливаются настолько, насколько нужно, чтобы они не потеряли силъ. Они скажутъ, это — случайность.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Герцена, вся односторонность подобнаго рода буддистовъ науки заключается въ томъ, что они ограничиваются примиреніемъ въ отвлеченной сферѣ мышленія, не внося его въ жизнь, тогда какъ истинный процессъ идеи есть въ то-же время процессъ жизни, а не одной мысли. Изъ такого положенія самъ собою слѣдуетъ выходъ изъ односторонности буддистовъ — это выходъ въ жизнь, въ дѣятельность.

Въ то время, какъ всѣ разобранныя нами статьи разсматриваютъ различныя отношенія людей къ наукѣ, „Письма объ изученіи природы“ имѣютъ дѣло съ самою наукой; здѣсь Герценъ предаетъ такому-же философскому анализу различныя методы знанія. Онъ видитъ здѣсь такое-же раздвоеніе, ведущее къ односторонности и сбивающее ученыхъ и философовъ съ пути истиннаго знанія. Раздвоеніе это заключается, по мнѣнію Герцена, въ томъ непримиримомъ антагонизмѣ, который нѣсколько столѣтій уже продолжается между естествовѣдѣніемъ и философіей, эмпириками и идеалистами. Философія съ своей стороны и естествознаніе съ своей, обѣ заявляютъ странное притязаніе на обладаніе, если не

всею истиной, то единственно истиннымъ путемъ къ ней. Одна прорицала тайны съ какой-то недосягаемой высоты, другое смиренно покорялось опыту и не шло далѣе; другъ къ другу они питали ненависть, они выросли на взаимномъ недовѣріи; много предразсудковъ укоренилось съ той и съ другой стороны; столько горькихъ словъ пало, что, при всемъ желаніи, онѣ не могутъ примириться до сихъ поръ. Философія и естествовѣдѣніе отстращиваютъ другъ друга тѣнями и привидѣніями, наводящими въ самомъ дѣлѣ страхъ и уныніе. Давно-ли философія перестала увѣрять, что она какими-то заклинаніями можетъ вызвать сущность, отрѣшенную отъ бытія? всеобщее, существующее безъ частнаго? безконечное, предшествующее конечному? и проч. Положительныя науки имѣютъ свои маленькія привидѣньица: это силы, отвлеченныя отъ дѣйствія, свойства, принятыя за самый предметъ, и вообще, разные кумиры, сотворенные изъ всякаго понятія, которое еще не понято: exempli gratia — жизненная сила, эфиръ, теплотворъ, электрическая матерія и проч. Все было сдѣлано, чтобы не понять другъ друга, и они вполнѣ достигли этого. Выходъ изъ этой раздвоенности, по мнѣнію Герцена, представляется естественно самъ собою: такъ какъ эмпирія и спекуляція несостоятельны именно вслѣдствіе своей разъединенности, то въ соединеніи ихъ и заключается истинный методъ знанія. Безъ эмпиріи нѣтъ науки, такъ какъ нѣтъ ея и въ одностороннемъ эмпиризмѣ. Опытъ и умозрѣніе — двѣ необходимыя, истинныя, дѣйствительныя степени одного и того-же знанія; спекуляція—больше ничего, какъ высшее развитіе эмпиріи; взятыя въ противоположности исключительно и отвлеченно, онѣ также не приведутъ къ дѣлу, какъ анализъ безъ синтеза, или синтезъ безъ анализа. Правильно развиваясь, эмпирія непремѣнно должна перейти въ спекуляцію, и только то умозрѣніе не будетъ пустымъ идеализмомъ, которое основано на опытѣ. Опытъ есть хронологически первое въ дѣлѣ знанія, но онъ имѣетъ свои предѣлы, далѣе которыхъ онъ или сбивается съ дороги, или переходитъ въ умозрѣніе. Это два магдебургскія полушарія, которыя ищутъ другъ друга и которыхъ, послѣ встрѣчи, лошадьми не разорвешь.

Вотъ идеи, которыя Герценъ положилъ въ основаніе своихъ „Писемъ“, и для подтвержденія этихъ идей, онъ изложилъ цѣлую исторію философіи, начиная съ древней и кончая новѣйшей. Всѣ эти идеи, равно какъ и тѣ, которыя мы привели въ нашихъ извлеченіяхъ изъ другихъ философскихъ статей Герцена, конечно,

покажутся читателямъ не новыми, давно уже вошедшими во всеобщее употребленіе, и неподлежащими никакому спору. Но пусть вспомнятъ только читатели, какія душевныя муки испытывалъ Грановскій, приступая къ изученію исторіи и не зная, по какому пути ему идти: сдѣлаться-ли цеховымъ спеціалистомъ, потонуть въ морѣ мелочныхъ фактовъ, при страшномъ обиліи матеріаловъ, разработанныхъ нѣмецкою наукой, или, наоборотъ, расплыться въ облакахъ общихъ отвлеченныхъ умозрѣній и сдѣлаться диллетантомъ науки. Вспомните, съ другой стороны, въ какой печальный буддизмъ ударился Бѣлинскій, вспомните, наконецъ, о томъ, что уже въ пятидесятыхъ годахъ Грановскій продолжалъ лелѣять милые призраки, и сѣтовалъ о печальной положительности XIX вѣка, въ которой ему мерещилось паденіе нравственности, прекращеніе великихъ подвиговъ, самоотверженія и пр. Читатели поймутъ, что всѣ эти статьи Герцена въ свое время были откровеніями, которыя переворачивали все въ головѣ каждаго, мало-мальски свѣжаго человѣка и освѣщали ему новый путь—путь положительнаго знанія. Для отвлеченныхъ философовъ-примирителей, формалистовъ и диллетантовъ, останавливавшихся на полдорогѣ со своими вопросами о началѣ началъ и сѣтованіями на науку, что она не можетъ отвѣчать на подобные вопросы, каждая статья Герцена была тѣмъ чувствительнѣйшимъ ударомъ, что онъ билъ ихъ на основаніи того-же самаго Гегеля, изъ котораго всѣ эти люди выводили свои односторонніе доктрины. Можно даже сказать, что гегелевскую діалектику Герценъ нарочно примѣнилъ съ возможною строгостью въ видѣ оружія, чтобы бить отвлеченныхъ мыслителей, романтиковъ и диллетантовъ ихъ-же любимою системой. Особенное-же значеніе въ развитіи русской мысли, безспорно, занимаютъ „Письма объ изученіи природы“. Съ появленіемъ этихъ писемъ и начало развиваться въ нашемъ обществѣ то стремленіе къ изученію естественныхъ наукъ, которое съ шестидесятыхъ годовъ сдѣлалось, какъ извѣстно, такою-же всеобщею модой, какою было увлеченіе философіей въ сороковые годы.

Ко второй категоріи относятся сочиненія, имѣющія предметомъ область практической дѣятельности человѣка — морали. Въ этихъ сочиненіяхъ еще болѣе отражаются тѣ муки сомнѣній и рефлексій, которыя пережилъ Герценъ во время своего переходнаго состоянія. Въ началѣ перваго сочиненія этой категоріи, Герценъ дѣлаетъ характеристику своей эпохи, подобную той, какую онъ сдѣлалъ въ началѣ своихъ сочиненій первой категоріи; только

тамъ онъ говоритъ объ отношеніяхъ своихъ современниковъ къ наукѣ, здѣсь онъ имѣетъ дѣло съ отношеніемъ ихъ къ нравственности, практической дѣятельности. Отличительная черта эпохи, по мнѣнію Герцена, есть Grübeln. Мы не хотимъ шага сдѣлать, не выразумѣвъ его, мы безпрестанно останавливаемся, какъ Гамлетъ, и думаемъ, думаемъ. Нѣкогда дѣйствовать; мы пережовываемъ безпрерывно прошедшее и настоящее, все случившееся съ нами и съ другими—ищемъ оправданій, объясненій, доискиваемся мысли, истины. Все окружающее насъ подверглось пытующему взгляду критики. Это болѣзнь промежуточныхъ эпохъ. Встарь было не такъ: всѣ отношенія, близкія и дальнія, семейныя и общественныя—были опредѣлены. Оттого много думать было нѣчего: стоило сообразоваться съ положительнымъ закономъ, и совѣсть удовлетворялась... На всѣхъ перепутьяхъ жизни стояли тогда разныя неподвижныя, грозныя привидѣнія для указанія дороги, и люди покорно шли по ихъ указанію... Ко всему привязывающійся, сварливый вѣкъ нашъ, шатая и раскачивая все, что̀ попадалось подъ руку, добрался, наконецъ, и до этихъ призраковъ, подточилъ ихъ основаніе, сжегъ огнемъ критики и они улетучились, исчезли. Стало просторно; но просторъ даромъ не достается; люди увидѣли, что вся отвѣтственность, падавшая *внѣ ихъ*, падаетъ *на нихъ;* имъ самимъ пришлось смотрѣть за всѣмъ и занять мѣста привидѣній; упреки стали злѣе грызть совѣсть. Сдѣлалось тоскливо и страшно, пришлось проводить сквозь горнило сознанія статью за статьей прежняго кодекса; а пока этого не сдѣлано — начались Grübeln. Ясное, какъ дважды два — четыре дѣтямъ, исполнилось мучительной трудности для современниковъ Герцена. Въ событіяхъ жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ насъ преслѣдуютъ неразрѣшимые вопросы, и, вмѣсто того, чтобъ наслаждаться жизнію — мы мучаемся.

Подобныя идеи показываютъ ясно предметъ анализа сочиненій этой категоріи. Здѣсь Герценъ имѣетъ дѣло съ несостоятельностью рутинной морали, основанной на преданіяхъ, предразсудкахъ привычкахъ, укоренившихся вѣками, стоящей въ совершенномъ противорѣчіи съ практикой жизни. Въ практической дѣятельности людей Герценъ видитъ тотъ-же неизмѣнный процессъ діалектическаго развитія идей, какой онъ замѣчаетъ повсюду. Люди дѣлаютъ ошибки, промахи, впадаютъ въ пороки и преступленія, или, напротивъ, совершаютъ подвиги добродѣтели и геройства, не вслѣдствіе какихъ-либо постороннихъ предписаній, которымъ они слѣ-

дуютъ или не слѣдуютъ по своей волѣ, а по независящимъ отъ нихъ законамъ діалектическаго развитія жизни. Поэтому, вмѣсто того, чтобы приступать къ анализу дѣятельности людей съ судейскою мѣркой, т.-е. съ цѣлію обвинять или оправдывать, гораздо благоразумнѣе изслѣдовать причины паденій и несчастій людей, лежащія въ общихъ законахъ жизни.

Такъ Герценъ и дѣлаетъ въ своей статьѣ „По поводу одной драмы". Статья эта замѣчательна тѣмъ, что она служитъ основой, такъ сказать, тэмой извѣстнаго романа Герцена „Кто виноватъ?". Романъ представляетъ болѣе полное развитіе и художественное воспроизведеніе тѣхъ самыхъ идей, которыя мы встрѣчаемъ въ этой статьѣ. Разница между статьей и романомъ заключается въ томъ, что въ романѣ на первомъ планѣ стоитъ женщина, Круциферская, которой пришлось выйти замужъ за одного, а потомъ полюбить другаго, въ статьѣ такую роль играетъ мужчина, Эмиль.

Послѣ романа „Кто виноватъ?" наша литература неоднократно прибѣгала къ подобному сюжету. Не говоря уже о романахъ г. Авдѣева, которые всѣ построены на немъ, о Полинькѣ Саксъ Дружинина, во многихъ романахъ Тургенева, Гончарова, Писемскаго этотъ сюжетъ повторяется въ томъ или другомъ видѣ. При всемъ этомъ надо различать два рода отношеній къ подобному сюжету, не имѣющія между собою ничего общаго. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ новѣйшихъ и наиболѣе выдающихся романовъ съ подобнымъ сюжетомъ, авторъ на первый планъ ставитъ эмансипацію женщины по отношенію къ свободѣ чувства; онъ заранѣе предполагаетъ, что брачныя оковы, если только это не оковы взаимнаго чувства, безсмысленны, что женщина имѣетъ такія-же права на свободу чувства, какъ и мужчина, что, поэтому, заставлять женщину насильно исполнять супружескія обязанности, подавлять свои чувства, быть вѣрною изъ-подъ палки, ревновать ее, дико, негуманно и ни къ чему не ведетъ, а что лучше всего полюбовно разойтись и предоставить дѣло развитію обстоятельствъ и свободному проявленію чувствъ. Совершенно инаго рода представляется отношеніе къ тому-же вопросу въ романѣ „Кто виноватъ?", и смѣшивать его съ вышеприведеннымъ современнымъ романомъ съ такимъ-же сюжетомъ отнюдь не слѣдуетъ. Самое заглавіе романа показываетъ, что это вовсе не пропаганда сознанныхъ убѣжденій, а вопросъ, рефлексія. Романъ вовсе не имѣетъ цѣлію показать вамъ, какъ нужно поступать въ случаѣ, если ваша жена полюбитъ

другаго или сами вы ей измѣните: цѣль его—изслѣдовать причины, вслѣдствіе которыхъ происходятъ подобныя явленія, и показать вамъ, что какъ бы мораль ни относилась къ этимъ измѣнамъ и сколько бы мученій они ни причиняли людямъ, они неизбѣжны въ томъ случаѣ, если нарушается правильный ходъ діалектическаго развитія жизни. Такая постановка вопроса прямо зависитъ отъ того рефлективнаго переходнаго періода, въ который написанъ романъ. Въ этотъ періодъ людей занималъ не столько вопросъ о томъ, какъ устроивать жизнь на какихъ-нибудь новыхъ основаніяхъ, сколько разочарованіе во всѣхъ старыхъ основахъ, убійственная, разлагающая критика всѣхъ противорѣчій, которыя впервые представлялись людямъ въ ихъ жизненныхъ отношеніяхъ.

Съ цѣлію этой критики, какъ въ статьѣ, такъ и въ романѣ Герценъ выставляетъ на сцену людей, изъ которыхъ ни къ одному вы не придеретесь: всѣ они одинаково добрые, гуманные, всѣ они любятъ другъ друга и искренно желаютъ осчастливить одинъ другаго. А между тѣмъ, въ концѣ-концовъ, всѣ они дѣлаютъ другъ друга несчастными. Кто-же изъ нихъ виноватъ въ этомъ? Пошлая мораль, конечно, не замедлитъ обвинить ихъ: зачѣмъ они отдались своимъ страстямъ, зачѣмъ они не вооружились сентенціей, что долгъ прежде всего и не подавили своихъ чувствъ! Но развѣ они не дѣлали этого? развѣ они напрашивались на чувства? Мы видимъ, что въ обоихъ случаяхъ они только тогда сознали свои взаимныя отношенія, когда зло совершилось и воротить прежняго уже было нельзя; чувства не вычеркнешь изъ сердца однимъ взмахомъ пера, а подавленіе его, когда оно уже развилось, не могло загладить несчастія: для Круциферскаго и для Генріэты счастіе жизни заключалось въ безраздѣльной любви къ нимъ дорогихъ существъ; но разъ они сознали возможность со стороны этихъ существъ посторонней любви, жизнь ихъ отравлена во всякомъ случаѣ, какъ бы дорогія имъ существа ни поступили... Такимъ образомъ, ни пошлая ходячая мораль, ни схоластическій формализмъ, видящій въ бракѣ мертвую форму, осуществленіе идеи брака ради самого брака, что̀ бы ни скрывалось подъ этою формой, не въ состояніи ничего подѣлать въ подобнаго рода происшествіяхъ и оказываются одинаково несостоятельны въ своихъ приговорахъ. А между тѣмъ, вина, произведшая катастрофу, существуетъ, только искать ее слѣдуетъ не въ личностяхъ, не въ ихъ произволѣ, а въ тѣхъ діалектическихъ противорѣчіяхъ жизни

въ снятіи и примиреніи которыхъ только и заключается разумное и прочное счастіе людей. Дѣло въ томъ, что человѣческая жизнь слагается изъ двухъ противоположныхъ элементовъ — частнаго и общественнаго. Общество и семья, по мнѣнію Герцена, это—тезъ и антитезъ и только при соединеніи этихъ элементовъ въ разумный синтезъ возможно счастіе, независимое ни отъ какихъ случайностей. Не отвергнуться влеченій сердца, не отречься отъ своей индивидуальности и всего частнаго, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности, работать столько-же для рода, сколько для себя — словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхъскорбящее, обобщить его разумомъ, и, въ свою очередь, оживить имъ разумъ... Человѣкъ безъ сердца — какая-то безстрастная машина мышленія, неимѣющая ни семьи, ни друга, ни родства; сердце составляетъ прекрасную и неотъемлемую основу духовнаго развитія, изъ него пробѣгаетъ по жиламъ струя огня всесогрѣвающаго и живительнаго; имъ живое сотрясается въ наслажденіи, радо себѣ. Поднимаясь въ сферу всеобщаго, страстность не утрачивается, но преображается, теряя свою дикую, судорожную сторону; предметъ ея выше, святѣе; по мѣрѣ расширенія интересовъ, уменьшается сосредоточенность около своей личности, а съ нею и ядовитая жгучесть страстей. Въ самомъ колебаніи между двумя мірами — личности и всеобщаго, есть непреодолимая прелесть; человѣкъ чувствуетъ себя живою, сознательною связью этихъ міровъ, и теряясь, такъ сказать, въ свѣтломъ эѳирѣ одного, онъ хранитъ себя и слезами, и восторгами, и всею страстностью другаго. Человѣческая жизнь — трудная статистическая задача; безчисленныя противоположности, множество борющихся элементовъ ринуты въ одну точку и сняты ею. Природа, развиваясь, безпрестанно усложняется; проще всего камень, за то и жизнь его состоитъ въ одномъ мертвомъ, косномъ покоѣ. Человѣкъ не можетъ отказаться безнаказанно отъ участія во всѣхъ обителяхъ, въ которыя онъ призванъ своимъ временемъ. Человѣкъ развившійся равно не можетъ ни исключительно жить семейною жизнію, ни отказаться отъ нея въ пользу всеобщихъ интересовъ...

Если при подобномъ синтезѣ семейной и общественной жизни только и возможно истинное, разумное счастіе человѣка, то, съ другой стороны, отсутствіе этого совпаденія, исключительный перевѣсъ одного элемента, дѣлаетъ жизнь односторонней, исполнен-

ною всевозможныхъ колебаній, случайностей, построенною на огнедышащей горѣ. Въ этомъ и надо искать главную причину катастрофы, случившейся съ героями драмы.

Закулисная вина несчастія этихъ людей, по мнѣнію Герцена—тѣснота и неестественная для человѣка жизнь праздности; преступное отчужденіе отъ интересовъ всеобщихъ, преступный холодъ ко всему человѣческому внѣ ихъ тѣснаго круга, исключительное занятіе собою, взаимное обоготвореніе. Другихъ винъ не ищите, вотъ больное мѣсто! Еслибъ нихъ было развито *живое* религіозное чувство, еслибъ *человѣчность* ихъ не ограничивалась первою ступенью, т. е. семейною жизнью—катастрофы этой, конечно, не было бы. Еслибъ Эмиль, сверхъ своихъ личныхъ привязанностей, имѣлъ симпатію къ современности, любовь къ родинѣ, къ искусству, къ наукѣ, остался-ли бы онъ сложа руки, въ ничтожной праздности, истощая силы души на противодѣйствіе несчастной любви? Можетъ быть, эта любовь и посѣтила бы его сердце, какъ мимолетная гостья, но она не стащила бы его въ преисподнюю, не нарушила бы мира съ женой, потому что онъ былъ бы сильнѣе ея тою стороной бытія, которой онъ не развилъ. Еще разъ, ихъ жизнь была бѣдная жизнь въ сферѣ частной любви, выхода не имѣла и при неудачѣ лопнула.

Подобное поставленіе необходимости совпаденія семейнаго и общественнаго элемента для прочности счастія логически приводитъ Герцена къ женскому вопросу, только здѣсь вопросъ этотъ является вовсе не по отношенію къ свободѣ чувства отъ брачныхъ узъ, а въ болѣе общей, философской сферѣ. Герцену представляется здѣсь то противорѣчіе, что въ дѣйствительности міръ всеобщихъ интересовъ, жизнь общественная, художественная, сціентифическая существуетъ только для мужчины; а у бѣдной женщины ничего нѣтъ, кромѣ ея семейной жизни. Она должна жить исключительно сердцемъ; ея міръ ограниченъ спальней и кухней... Но, по мнѣнію Герцена, на женщинѣ лежатъ великія семейныя обязанности относительно мужа—тѣ-же самыя, которыя мужъ имѣетъ къ ней, а званіе матери поднимаетъ ее надъ мужемъ, и тутъ-то женщина во всемъ ея торжествѣ: женщина больше мать, чѣмъ мужчина отецъ; дѣло начальнаго воспитанія есть дѣло общественное, дѣло величайшей важности, а оно принадлежитъ матери. Можетъ-ли это воспитаніе быть полезно, если жизнь женщины ограничить спальней и кухней? Почему римляне такъ уважали Корнелію, мать Гракховъ?.. Вовторыхъ, ея семейное при-

званіе никоимъ образомъ не мѣшаетъ ея общественному призванію. Міръ религіи, искусства, всеобщаго — точно также раскрытъ женщинѣ, какъ намъ, съ тою разницей, что она во все вноситъ свою грацію, непреодолимую прелесть кротости и любви. Вся исторія Италіи не совершилась-ли подъ безпрерывнымъ вліяніемъ женщинъ? Не доказали-ли онѣ мощь геніальности своей на престолѣ, какъ Екатерина II, и на плахѣ, какъ Роланъ? Нужны-ли доказательства людямъ, которые своими глазами видѣли Сталь, Рахель, Беттину и теперь еще видятъ исполинскій талантъ геніальной женщины?

Такая постановка женскаго вопроса значительно отличается отъ постановки того-же вопроса въ наше время. Здѣсь вы не найдете того анализа экономическаго, гражданскаго и политическаго положенія женщины, который стоитъ въ настоящее время на первомъ планѣ. Вопросъ ставится здѣсь на философскую почву и не идетъ далѣе теоретическихъ доказательствъ равенства женщины съ мужчиной. Это, такъ сказать, азбука женскаго вопроса. Но и подобная азбука была новизной для современниковъ Герцена, особенно если мы вспомнимъ, что̀ говорили по поводу этого вопроса такіе передовые дѣятели, какъ Бѣлинскій и Грановскій.

Въ романѣ Герцена „Кто виноватъ“ основная идея, какъ я сказалъ уже выше, та-же, что и въ статьѣ „По поводу одной драмы“, но въ романѣ эта идея выражена гораздо полнѣе и всестороннѣе. Въ статьѣ всѣ дѣйствующія лица драмы развиты въ одну сторону—исключительно семейнаго элемента; въ романѣ Герценъ сдѣлалъ попытку представить рядомъ двѣ противоположности: Бельтовъ и Круциферскій — это тезъ и антитезъ. Въ то время, какъ Круциферскій весь ушелъ въ семейную жизнь, въ Бельтовѣ вы видите, напротивъ того, полнѣйшій выходъ изъ этой жизни въ сферу общественную, всеобщую. На типъ Бельтова многіе смотрѣли прежде, смотрятъ и теперь, какъ на типъ неудавшійся, невыдержанный. Бѣлинскій ставитъ на первый планъ эту невыдержанность. Въ первой части онъ видитъ въ Бельтовѣ лишеннаго всякой практичности, испорченнаго богатствомъ барича, богатая, многосторонняя натура котораго не имѣла никакого корня, который скользилъ по всему, не имѣя ни къ чему особеннаго призванія, не въ силахъ будучи ни въ чемъ сосредоточить своихъ силъ. „Но въ послѣдней части романа — говоритъ Бѣлинскій — Бельтовъ вдругъ является передъ нами какою-то высшею, геніальною натурой, для дѣятельности которой дѣйствительность не пред-

ставляетъ достойнаго поприща. Это уже совсѣмъ не тотъ человѣкъ, съ которымъ мы такъ хорошо познакомились прежде; это уже совсѣмъ не Бельтовъ, а что-то въ родѣ Печорина. Разумѣется, прежній Бельтовъ былъ гораздо лучше, какъ всякій человѣкъ, играющій свою собственную роль. Сходство съ Печоринымъ для него крайне невыгодно. Не понимаемъ, зачѣмъ автору нужно было съ своей дороги сойти на чужую!..“

Если смотрѣть на романъ съ исключительно художественной стороны, то, дѣйствительно, типъ Бельтова является невыдержаннымъ: инымъ во второй части, чѣмъ въ первой, и въ первой естественнѣе, чѣмъ въ послѣдней. Но это зависитъ оттого, что самъ Герценъ во второй части является совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ первой. Въ первой части онъ художникъ-нравописатель, онъ рисуетъ вамъ жизнь, окружающую его, въ такомъ видѣ, какъ она представлялась его глазамъ, и Бельтовъ является передъ вами однимъ изъ типовъ этой жизни, однимъ изъ тѣхъ Бельтовыхъ, которыхъ не было числа въ сороковые года. Во второй-же части изъ простого разсказчика Герценъ дѣлается философомъ. Ко всѣмъ своимъ типамъ онъ подходитъ съ отвлеченной точки зрѣнія; изъ живыхъ людей онъ преображаетъ ихъ въ философскія категоріи. Поэтому, и Круциферскій, и Бельтовъ являются совершенно иными. Подобное превращеніе является искусственнымъ и условнымъ въ той-же степени, какъ условны выраженія различныхъ реальныхъ величинъ алгебраическими буквами X или Y. Реальный Круциферскій самъ по себѣ представляется вовсе не исключительнымъ самцомъ, для котораго ничего не существуетъ, кромѣ семьи: учительство вовсе не семейное, а чисто общественное дѣло; Круциферскій-же является передъ нами хорошимъ учителемъ, увлеченнымъ своимъ призваніемъ. Бельтовъ, въ свою очередь, вовсе не человѣкъ исключительно ушедшій въ сферу всеобщаго; онъ просто праздношатающійся хлыщъ, и ужь если сравнивать, кто живѣе, положительнѣе и съ болѣе полезными результатами увлекается общественнымъ дѣломъ, то преимущество вы отдадите скорѣе Круциферскому, чѣмъ Бельтову. Это была ошибка Герцена, что онъ для своихъ философскихъ категорій взялъ изъ дѣйствительности не вполнѣ соотвѣтствующіе типы. Но если вы оставите въ сторонѣ анализъ этихъ типовъ со стороны реальнаго соотвѣтствія ихъ выражаемымъ категоріямъ; если вы скажете: каковы бы ни были Бельтовъ и Круциферскій передъ нами, но, положимъ, что Бельтовъ служитъ намъ выраженіемъ человѣка безъ семейнаго

элемента, а Круциферскій — олицетвореніемъ самца (вѣдь вы-же дѣлаете иногда подобныя превращенія, говоря, напримѣръ, что, положимъ, книга эта будетъ означать французскую армію, другая книга — нѣмецкую, вотъ эта песочница будетъ Седаномъ, чернилица — Парижемъ и пр.), въ такомъ случаѣ, останется передъ вами философское развитіе сюжета, которое и составляетъ сущность романа, его силу, его главное достоинство. Имѣя въ виду эту философскую сторону романа, мы и замѣтили, что, совпадая со статьей „По поводу одной драмы", романъ гораздо шире развилъ ту-же философскую идею. Это философское развитіе идеи, такъ сказать, спасло романъ, выручило всѣ его художественные недостатки, заставило забыть о нихъ. Читающая публика была глубоко потрясена новою постановкой семейной морали въ этомъ романѣ. Можно сказать, что съ него начался тотъ анализъ семейныхъ отношеній, который мы видимъ во всѣхъ романахъ и повѣстяхъ, которые печатались въ пятидесятыхъ годахъ въ нашихъ журналахъ. Безъ сомнѣнія, не малое вліяніе оказывала здѣсь Жоржъ-Зандъ, которая была любимѣйшею писательницей людей 40-хъ годовъ.

За статьей „По поводу одной драмы", слѣдуетъ во второй категоріи цѣлый рядъ мелкихъ статей, связанныхъ двумя общими заглавіями: „По разнымъ поводамъ" и „Новыя варіаціи на старыя тэмы". Статьи эти не имѣютъ такого систематическаго философскаго развитія, какъ всѣ выше разобранныя; это рядъ отдѣльныхъ мыслей, замѣчаній, рефлексій, совершенно справедливо названныхъ: „Капризы и раздумье". Вся общепринятая, рутинная мораль представляется вамъ въ этихъ „Капризахъ" наизнанку, и Герценъ разбиваетъ положеніе за положеніемъ этой морали, показывая всю пропасть противорѣчій, которыми полна жизнь и понятія людей. Люди, напримѣръ, съ троянской войны толкуютъ о нравственной независимости, о стремленіи къ ней, о ея достоинствахъ и прелестяхъ, между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается несравненно болѣе привязанными къ авторитетамъ, внѣшнимъ велѣніямъ, къ указаніямъ, нежели къ нравственной свободѣ. И очень понятно, почему это происходитъ: внѣшній авторитетъ несравненно удобнѣе: человѣкъ сдѣлалъ скверный поступокъ — его пожурили, наказали, и онъ какъ будто и не дѣлалъ своего поступка; онъ бросился на колѣни, попросилъ прощенія, его, можетъ, и простятъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда человѣкъ оставленъ на самого себя: его мучитъ униженіе, что онъ отрекся отъ разума, что онъ

сталъ ниже своего сознанія, ему предстоитъ трудъ примириться съ собою не слезливымъ раскаяніемъ, а мужественною побѣдой надъ слабостью... Моралисты часто умилительно говорятъ о гибельномъ порокѣ властолюбія; властолюбіе, какъ и всѣ прочія страсти, доведенное до крайности, можетъ быть смѣшнымъ, печальнымъ, вреднымъ, смотря по кругу дѣйствія; но властолюбіе само по себѣ вытекаетъ изъ хорошаго источника — изъ сознанія своего личнаго достоинства; основываясь на немъ, человѣкъ такъ бодро, такъ смѣло вступалъ вездѣ въ борьбу съ природой и развилъ въ себѣ ту гордую несгнетаемость, которая насъ поражаетъ въ англичанахъ. Къ тому-же, въ нѣсколько устроенномъ обществѣ, властолюбіе, какъ дикая страсть, является такъ рѣдко, что едва-ли стоитъ о немъ говорить. Совсѣмъ иное дѣло умалчиваемая моралистами любовь въ подвластности, къ авторитетамъ, основанная на самопрезрѣніи, на уничтоженіи своего достоинства — она такъ обща, такъ эпидемически поражаетъ цѣлыя поколѣнія и цѣлые народы, что о ней стоило бы поговорить; но они молчатъ!

Что̀ такое эгоизмъ? сознаніе личности, ея замкнутости, ея права? Или что-нибудь другое? Гдѣ оканчивается эгоизмъ и начинается любовь? Да и дѣйствительно-ли эгоизмъ и любовь противоположны; могутъ-ли они быть другъ безъ друга? Могу-ли я любить кого-нибудь не для себя; могу-ли я любить, если это не доставляетъ *мнѣ*, именно *мнѣ* удовольствія? Не есть-ли эгоизмъ одно и то-же съ индивидуализаціей, съ этимъ сосредоточиваніемъ и обособленіемъ, къ которому стремится все сущее, какъ къ послѣдней цѣли? Всего меньше эгоизма въ камнѣ, у звѣря эгоизмъ сверкаетъ въ глазахъ; онъ дикъ и исключителенъ у дикаго человѣка; не сливается-ли онъ съ высшею гуманностью у образованнаго? Вы думаете, что моралисты разрѣшали эти вопросы; нѣтъ, они отдѣлываются доблестнымъ негодованіемъ противъ всего эгоистическаго; они знаютъ, что эгоизмъ значительный порокъ; имъ этого довольно; ихъ безпорочная натура мещетъ громы на него и не унижается до его пониманія. Странные люди! вмѣсто того, чтобы именно на эгоизмѣ, на этомъ въ глаза бросающемся грунтѣ всего человѣчества, создать житейскую мудрость и разумныя отношенія людей, они стараются всѣми силами уничтожить, замарать эгоизмъ, т.-е. срыть die feste Burg человѣческаго достоинства и сдѣлать изъ человѣка слезливаго, сантиментальнаго, прѣснаго добряка, напрашивающагося на добровольное рабство... Что̀ мы ска-

зали объ эгоизмѣ, то-же должно сказать о своеволіи. Мининъ началъ своевольно великое дѣло возстанія противъ чужеземнаго порабощенія. Неужели его своеволіе похоже на своеволіе пьяницы, придпрающагося къ прохожимъ? Я полагаю, что разумное признаніе своеволія есть высшее нравственное признаніе человѣческаго достоинства, что до него и домогаются всѣ... Точно въ такомъ-же отношеніи находится и пристрастіе къ справедливости. Здѣсь опять не можетъ быть и рѣчи о томъ, что всякое пристрастіе выше всякой справедливости—главное дѣло въ томъ, *во имя чего* человѣкъ пристрастенъ... Справедливость въ человѣкѣ, увлеченномъ страстью, ничего не значитъ, довольно безразличное свойство лица, подтверждающаго, что днемъ — день, а ночью — ночь. Въ основѣ всѣхъ отвлеченныхъ, безличныхъ сужденій нашихъ (математическихъ, химическихъ, физическихъ) лежитъ справедливость; но въ основѣ всего личнаго, любви, дружбы лежитъ пристрастіе. Бракъ основанъ на пристрастномъ предпочтеніи одной женщины всѣмъ остальнымъ, одного мужчины — всѣмъ прочимъ. Предпочтеніе, которое мать оказываетъ своему ребенку, вопіющее пристрастіе; мать, которая была бы только справедлива къ дѣтямъ, могла бы служить образцомъ сухаго и бездушнаго существа. Семейная любовь — такое-же пристрастіе, невыдерживающее критики, какъ любовь къ отечеству. Строго справедливъ космополитъ. Справедливъ человѣкъ, ничего не любящій особенно. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ и выходитъ, что добродѣтели моралистовъ оказываются часто въ жизни гнусными пороками, а пороки, казнимые ими — высокими добродѣтелями.

Анализъ всѣхъ подобныхъ противорѣчій, которыми преисполнена жизнь и умы людей, изъ-за которыхъ льются ежедневно, совершенно напрасно горячая кровь и горькія слезы, привелъ Герцена послѣдовательно къ злому, ироническому парадоксу: да, полно, въ здравомъ-ли умѣ находится человѣческій родъ? Если возможны частные случаи умопомѣшательства, то почему-же невозможно гуртовое сумасшествіе? Не справедливѣе-ли поэтому, вмѣсто всякихъ моральныхъ, судейскихъ, оправдывающихъ, карающихъ взглядовъ, глядѣть на жизнь людей и на ихъ дѣла съ чисто-медицинской, патологической точки зрѣнія? Не есть-ли вся исторія человѣчества—болѣзненный процессъ сумасшествія и медленное выздоровленіе изъ этой болѣзни? Такимъ образомъ, вѣнцомъ всѣхъ этихъ рефлективныхъ статей, явились „Записки доктора Крупова“. Здѣсь философская иронія Герцена разыгрывается до полнаго crescendo

встаетъ во всей своей высотѣ. Всеобъемлемость, смѣлость и глубина этой иронiи по истинѣ поразительна. „Записки доктора Крупова“, по всей справедливости, можно поставить рядомъ съ похвалой глупости Эразма Роттердамскаго и съ сатирами Свифта. Здѣсь подъ одинъ иронический парадоксъ подведены безсмысленная, пошлая, сонная жизнь уѣзднаго русскаго городка и вся исторiя человѣчества. Замѣчательно при этомъ то, что при всей кажущейся безотрадности подобной иронiи, въ ней вы вовсе не слышите того мрачнаго, потерявшаго всякую надежду отчаянiя, которое вы видите, напримѣръ, въ сатирѣ Ювенала; напротивъ того, отъ нея отзывается чѣмъ-то свѣжимъ, полнымъ силъ и жизни, вызывающимъ и возбуждающимъ. Это не стоны разочарованной старости, а отчаянный прыжокъ молодости, удалой размахъ смѣлаго ума. Таково и дѣйствiе ея: она нисколько не наводитъ на васъ того разлагающаго унынiя, какое, казалось бы, было свойственно подобной сатирѣ: напротивъ того, она только рушитъ въ васъ всѣ тѣ общепринятые, рутинные предразсудки, узенькiя понятiица, рубрики, параграфы, построенные наукой, и глубокомысленныя подведенiя историками подъ высшiя цѣли прогресса различныхъ историческихъ глупостей. Она подчеркиваетъ, такъ сказать, всѣ рефлективныя статьи Герцена, составляетъ ихъ заключительный залпъ. И дѣйствительно, усомнившись въ границахъ ума и безумiя, предположивши, что официальные, патентованные сумасшедшiе, въ сущности, и не глупѣе и не поврежденнѣе всѣхъ остальныхъ, но только самобытнѣе, сосредоточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе, даже, можно сказать, геніальнѣе, далѣе этого въ рефлексiи пойти трудно, хотя, впрочемъ, впослѣдствiи Герценъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ. Въ „Запискахъ доктора Крупова“ проведена та мысль, что исторiя есть процессъ выздоровленiя человѣчества отъ его болѣзни; такимъ образомъ, вамъ остается надежда, что когда-нибудь человѣчество выйдетъ изъ своего сумасшествiя. Впослѣдствiи, подъ гнетомъ иныхъ обстоятельствъ, иныхъ думъ, во многомъ разочарованный и обезкураженный, Герценъ написалъ дополненiе къ „Запискамъ доктора Крупова“, или, лучше сказать, возраженiе противъ нихъ. Здѣсь онъ опровергаетъ надежду на выздоровленiе, какъ иллюзiю, не имѣющую никакихъ реальныхъ основанiй. Онъ смѣется здѣсь надъ самимъ докторомъ Круповымъ, подобно тому, какъ докторъ Круповъ прежде смѣялся надъ историками, видящими въ каждомъ историческомъ фактѣ разумную цѣлесообразность. Но это уже не прежняя иронiя, полная

молодыхъ силъ, жизни, надеждъ. Въ ней слышится уже вамъ горечь обманутыхъ упованій, безотрадное отчаянье. (См. П. Зв. Aphorismata, по поводу психической теоріи д-ра Крупова. Сочиненіе Тита Литіафанскаго. Изд. 1838 г.).

Къ третьей категоріи относятся нравоописательныя сочиненія Герцена, въ которыхъ анализъ общественной жизни, общественныхъ отношеній стоитъ на первомъ планѣ.

Преобладающій характеръ этого рода сочиненій—простой, безъискусственный разсказъ, исполненный мѣстами злой ироніи, мѣстами неподражаемаго остроумія и художественной пластичности. Это цѣлый рядъ характеристикъ помѣщичьихъ гнѣздъ, типовъ, замѣчательныхъ современниковъ, отдѣльныхъ эпизодовъ современной и прошлой жизни, написанныхъ частію по личнымъ воспоминаніямъ, частію по разсказамъ очевидцевъ. Даже первая часть „Кто виноватъ“, этого художественно-философскаго произведенія, представляетъ собою рядъ характеристикъ и біографій изъ помѣщичьей жизни, очевидно, не придуманныхъ, а взятыхъ цѣликомъ изъ жизни. Въ прерванномъ разсказѣ „Долгъ прежде всего“, Герценъ, безъ сомнѣнія, представляетъ въ лицѣ Анатоля своего современника Печерина, кончившаго, какъ извѣстно, переходомъ въ католичество и поступленіемъ въ іезуитскій орденъ. Повѣсть „Сорока-воровка“ написана по разсказу извѣстнаго московскаго актёра М. С. Щепкина. Дальнѣйшимъ продолженіемъ подобнаго рода очерковъ современной жизни представляются „Былое и думы“, это въ одно и то-же время автобіографія и мемуары.

Главное содержаніе всѣхъ этихъ характеристикъ — анализъ семейной жизни помѣщиковъ въ связи съ отношеніями ихъ къ крестьянамъ. Здѣсь вы находите мрачную картину того нравственнаго разложенія, какое крѣпостное право оказывало на господъ и крѣпостныхъ. „Сорока-воровка“ и „Поврежденный“ въ особенности посвящены этому анализу крѣпостнаго права. Всѣ эти характеристики, вмѣстѣ съ „Записками охотника“ Тургенева, положили начало новой школѣ литературы. Это былъ дальнѣйшій шагъ впередъ послѣ гоголевской натуральной школы. Послѣдняя процвѣтала всецѣло на почвѣ чистаго искусства. Она изображала обыденную жизнь съ чисто-художественными цѣлями, чтобы изобразить ее такъ, какъ она представляется въ дѣйствительности, безъ всякихъ покушеній къ анализу печальныхъ явленій русской жизни, предоставляя читателямъ выводить самимъ какія угодно соображенія. Совершенно иное отношеніе къ изображаемой пошлости мы

видимъ въ очеркахъ Герцена и Тургенева. Здѣсь представляется намъ на первомъ планѣ анализъ общественныхъ отношеній. Мрачныя стороны жизни являются не одними произвольными отклоненіями отдѣльныхъ личностей отъ личныхъ моральныхъ идеаловъ, существующихъ съ испоконъ вѣковъ, а слѣдствіемъ ненормальныхъ общественныхъ отношеній. При этомъ у Тургенева, у Григоровича, Писемскаго, Гончарова — подобный анализъ ограничивается крѣпостнымъ правомъ. У Герцена-же, кромѣ анализа крѣпостнаго права, мы повсюду встрѣчаемъ намеки на отсутствіе общественной дѣятельности, инициативы, всеобщее безправіе, дикость произвола, тупость бюрократіи, въ особенности провинціальной... Такимъ образомъ, въ то время, какъ философскія и моральныя сочиненія Герцена содѣйствовали къ ускоренію умственнаго переходнаго процесса своей эпохи, разрушая старые предразсудки, установившіеся по преданію кумиры и призраки, заслонявшіе людямъ свѣтъ истины—въ это время художественные характеристики и очерки Герцена будили общественное сознаніе, направляли его отъ различныхъ романтическихъ идеаловъ, заоблачныхъ мареній, къ анализу окружающей общественной жизни.

Въ 1846 году умеръ отецъ Герцена. Сдѣлавшись наслѣдникомъ богатаго имущества и человѣкомъ вполнѣ самостоятельнымъ, Герценъ тотчасъ-же началъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ и въ 1847 году имѣлъ уже возможность уѣхать за границу. Онъ поѣхалъ безъ всякихъ опредѣленныхъ плановъ, не зная, сколько пробудетъ онъ за границей и что̀ тамъ будетъ дѣлать. По всей вѣроятности, когда онъ переѣзжалъ русскую границу, ему и въ голову не приходило, что онъ переѣзжаетъ ее не только въ первый, но и въ послѣдній разъ, и что ему не придется воротится болѣе на родину. Мы отчасти познакомились съ міросозерцаніемъ Герцена, и можемъ себѣ представить, съ какими идеями оставилъ онъ Россію. Это былъ рьяный западникъ, для котораго въ европейской образованности представлялся не одинъ только рядъ роковыхъ, мучительныхъ вопросовъ, волновавшихъ его: онъ не сомнѣвался, что эта-же образованность и разрѣшитъ эти вопросы, и, быть можетъ, въ скоромъ будущемъ. Какъ гегеліанецъ, онъ вѣритъ, что какъ бы ни казались непримиримы противорѣчія, встрѣчаемыя повсюду, жизнь и не что другое, какъ сама жизнь, въ своемъ неизбѣжномъ процессѣ, не замедлитъ помирить и снять ихъ. Масса впечатлѣній европейской жизни не замедлила подѣйствовать на живой, воспріимчивый умъ, а солидная подкладка обра-

зованности и развитія мысли помогли осилить эту массу впечатлѣній, уложить ее въ порядокъ, взвѣсить и предать надлежащему анализу. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что, по отъѣздѣ за границу, горизонтъ зрѣнія Герцена сразу расширился. Изъ философа-моралиста, рефлектировавшаго по Гегелю, изъ нравописателя помѣщичьяго и чиновнаго быта своей родины, онъ сразу становится на высоту европейскаго публициста и пишетъ въ „Современникъ“ письма изъ Парижа (Письма изъ Avenue Marigny), подъ которыми, не задумавшись, подписался бы любой изъ лучшихъ европейскихъ публицистовъ того времени.

Письма изъ Avenue Marigny, напечатанныя въ „Современникѣ“ 1847 года, составляютъ первыя четыре изъ четырнадцати политическихъ писемъ, изданныхъ впослѣдствіи (въ 1855 году), подъ общимъ заглавіемъ: „Письма изъ Франціи и Италіи“. Письма эти составляютъ какъ бы дневникъ всего видѣннаго, слышаннаго, перечувствованнаго и пережитаго въ теченіи бурнаго періода европейской жизни отъ 1847 г. по 1852 годъ. Здѣсь вы найдете анализъ всего, что волновало въ то время Италію и Францію, разъясненіе многихъ внутреннихъ пружинъ событій, духа партій, ихъ недостатковъ и промаховъ.

Но, что̀ для насъ всего дороже въ этихъ письмахъ, такъ это то, что они могутъ служить для насъ отличнымъ матеріаломъ для анализа самого ихъ автора. Они показываютъ почти день за день, какъ измѣнялись взгляды Герцена подъ вліяніемъ хода событій, и какъ онъ пережилъ новый переломъ въ своей жизни, сдѣлавшій изъ юнаго мечтателя, полнаго надеждъ, мечтаній и энтузіазма, мрачнаго пессимиста, разочаровавшагося окончательно въ томъ самомъ европейскомъ прогрессѣ, который при отъѣздѣ его за границу представлялся ему въ самомъ розовомъ цвѣтѣ.

Въ первыхъ письмахъ Герценъ излагаетъ свои впечатлѣнія и наблюденія, вынесенныя имъ изъ парижской жизни. Онъ раздѣляетъ Парижъ на два разряда: на Парижъ въ предѣлахъ ценза и Парижъ, стоящій за цензомъ. Къ послѣднему онъ относится съ глубокимъ сочувствіемъ. На балахъ блузниковъ онъ видитъ полное отсутствіе канкана; онъ удивляется уваженію къ женщинѣ, трогательному вниманію къ дѣтямъ въ низшихъ классахъ населенія. Въ то-же время онъ пораженъ развратомъ буржуазіи, господствовавшей во Франціи, и разложеніе нравовъ въ этомъ сословіи кажется ему тѣмъ болѣе безнадежнымъ, чѣмъ мельче, бездушнѣе и скареднѣе этотъ развратъ.

Герценъ является въ первыхъ письмахъ все еще во многомъ очарованнымъ Европой. Онъ не прочь иногда и поучить соотечественниковъ парижскими нравами: такъ, онъ подробно описываетъ, какъ парижане могутъ обходиться совсѣмъ почти безъ прислуги, въ противоположность нашимъ барамъ того времени, которые имѣли по слугѣ при каждомъ чубукѣ. Онъ все еще надѣется, что новыя экономическія начала побѣдятъ буржуазію въ пользу народныхъ массъ, и что для буржуазіи скоро наступитъ свой 1789 годъ, въ который царство ея падетъ, какъ нѣкогда пало во Франціи царство дворянства.

Но при всѣхъ этихъ надеждахъ, послѣ перваго-же обаянія парижской жизни, когда Герценъ приглядѣлся собственными глазами и близко къ положенію Франціи передъ 1848 годомъ, въ него тогда уже закрались первые зародыши разочарованія. Къ осени сдѣлалось ему невыносимо тяжело въ Парижѣ, онъ не могъ сладить съ безобразнымъ нравственнымъ паденіемъ, которое его окружало; онъ чувствовалъ, что въ душу его забирается то самоотверженіе, тотъ холодъ и то „все равно“, которое вносится утраченными надеждами, разрывомъ съ дѣйствительностью, презрѣніемъ къ настоящему, и только иногда по негодованію чувствовалъ онъ молодость силъ и прежнее одушевленіе.

Онъ все еще вѣрилъ, что Франція выздоровѣетъ безъ радикальныхъ средствъ, небеснаго огня и морской воды; но ему не хотѣлось быть сидѣлкой у ея изголовья, пока она ломается въ припадкѣ безумія, сдерживаемая грязными и циническими руками цирюльниковъ и больничныхъ сидѣлокъ. Ему захотѣлось ѣхать въ Италію, отдохнуть, захотѣлось моря, теплаго воздуха, пышной зелени и людей — не такъ истасканныхъ, не такъ выжившихъ изъ сердца. И онъ рѣшился ѣхать въ половинѣ октября.

Кромѣ моря, теплаго воздуха и пышной зелени, тянули Герцена въ Италію и тѣ политическія движенія, которыя начались тамъ, какъ предвѣстіе наступавшей всеевропейской революціи. Вотъ онъ и въ Италіи, онъ ходитъ по римскимъ площадямъ, слѣдя за народными движеніями по поводу реформъ Пія IX и восхищается всѣмъ итальянскимъ, но болѣе всего самими итальянцами. Между тѣмъ, событія разыгрываются съ страшною быстротой; изъ Франціи долетаютъ вѣсть за вѣстью, одна другой поразительнѣе. Вихрь поднимающейся бури увлекаетъ нашего путника и онъ не слышитъ земли подъ собою.

Герценъ, безъ сомнѣнія, въ развивающейся революціи видѣлъ

начало воплощенія идеи въ жизнь, діалектическаго снятія противорѣчій, конецъ царства буржуазіи и начало новой эры исторіи человѣчества. Но съ какою скоростью очаровали его событія, съ такою-же не замедлили они его и разочаровать. Онъ поспѣшилъ изъ Италіи въ Парижъ, но не для того, чтобы ликовать на праздникѣ возрожденія человѣчества, а для того, чтобы съ каждымъ днемъ хоронить надежду за надеждой и мечту за мечтой. Какъ утопающій за соломенку, онъ все еще схватывался за надежду, что сколько бы ни пришлось ждать парижскому народу, рано или поздно онъ отомститъ за іюльскіе дни, за апрѣльскую измѣну, за обманъ въ ратушѣ, за ложное воззваніе Кавеньяка, что войну, начатую іюльскими днями, остановить невозможно, что вся Европа вовлечена въ нее. Но рядомъ съ этими надеждами на французскій народъ, вы читаете горькія сѣтованія на него. Герцена поражала странная судьба Франціи быть великой въ болѣзни и пошлой въ здоровьѣ, быть великой одинъ день и ничтожной на другой день. Конечно, важно и то, что она обладаетъ этою силой стряхивать время отъ времени съ себя грязь, что она не можетъ долго оставаться въ покоѣ, что ей необходимо новое, перемѣна, движеніе; но, тѣмъ не меньше, ея невыдержка поразительна. Французскій народъ внезапно возстаетъ; неотразимый и грозный, вступаетъ въ отчаянный бой съ общественнымъ зломъ; противостоять ему въ эти минуты невозможно, онъ беретъ Бастилью, онъ беретъ Тюльери, онъ отражаетъ цѣлую армію — ихъ надо переждать. По мѣрѣ того, какъ онъ одолѣваетъ врага, силы его слабѣютъ, умъ тускнѣетъ, энергія исчезаетъ, онъ дѣлается равнодушнымъ къ тому, за что проливалъ кровь... Народы, по мнѣнію Герцена, поднявшіе голову послѣ революціи 1830 года, уже громко негодовали на французскую реакцію; они отпрянули съ досадой отъ Франціи послѣ 24-го февраля, которое такъ много обѣщало и такъ ничего не сдѣлало. Еще подобный взрывъ и такое паденіе, и вы увидите, европейскіе народы отвернутся отъ Франціи и позволятъ ей безплодно рѣзаться сколько угодно, не удостоивая ее ни симпатіей, ни участіемъ. Это старая басня волка и мальчика, дѣлавшаго напрасную тревогу; возмужалое человѣчество не позволитъ себя безпрерывно надувать и станетъ равнодушно смотрѣть на страну, которая, какъ русскіе крестьяне до Годунова, имѣетъ одинъ день свободы въ году, а триста шестьдесятъ четыре дня рабства.

Но подобныя сомнѣнія были цвѣточками сравнительно съ тѣми мрачными, какъ ночь, мыслями, полными разочарованія и отчаянья,

которыя проскальзываютъ въ послѣднихъ письмахъ и систематически развиваются въ трактатѣ, извѣстномъ подъ заглавіемъ „Съ того берега“.

Сочиненіе это представляетъ результатъ послѣдняго умственнаго переворота, пережитаго Герценомъ въ эпоху отъ 1848 по 1851 годъ. Это заключительный выводъ изъ цѣлой жизни человѣка. До появленія этого сочиненія, Герценъ, въ различные эпохи, представлялся намъ различно мыслящимъ человѣкомъ, но, съ появленіемъ „Съ того берега“, міровоззрѣніе его установилось окончательно и всѣ дальнѣйшія его сочиненія суть только различныя варіаціи на одну тэму, развитіе идей, которыя высказаны въ этой брошюрѣ. Этотъ послѣдній переворотъ, опредѣлившій все дальнѣйшее міровоззрѣніе Герцена, не коснулся основныхъ философскихъ и моральныхъ взглядовъ его. Въ 35 лѣтъ такіе взгляды рѣдко мѣняются; развитіе, полученное въ молодости, начинаетъ уже тяготѣть надъ человѣкомъ, и мозгъ не съ такою уже легкостью отдѣлывается отъ привычныхъ идей, какъ въ 20, въ 25 лѣтъ. Такъ было и съ Герценомъ. Онъ представляется намъ въ своемъ сочиненіи „Съ того берега“ съ философской точки зрѣнія тѣмъ-же полуметафизикомъ, полуреалистомъ, какимъ онъ былъ и прежде. Онъ не держится, правда, съ такою послѣдовательностью гегелевской методы, какъ въ своихъ прежнихъ статьяхъ, и старается свои доказательства основывать на реальной почвѣ, на фактахъ, наблюденіяхъ, аналогіяхъ жизни человѣка съ жизнью растеній или животныхъ и пр.; но всѣ эти доказательства онъ употребляетъ для подтвержденія идей, въ сущности вполнѣ гипотетическихъ и неимѣющихъ никакихъ точныхъ, не подлежащихъ критикѣ основаній. Разница между Герценомъ 1847 и 1851 года заключается только въ томъ, что, оставаясь на той-же метафизической почвѣ, онъ перешелъ изъ одной крайности въ другую: подобно тому, какъ прежде онъ былъ метафизически и страстно очарованъ Европой, такъ теперь онъ впалъ въ столь-же метафизическое и страстное разочарованіе къ ней. Прежде онъ ожидалъ, что Европа не замедлитъ блистательно осуществить его любимыя идеи; теперь-же онъ началъ отвергать всякую возможность дальнѣйшаго прогресса въ Европѣ. Словомъ, онъ возвратился къ тридцатымъ годамъ, къ своей первой юности, когда онъ знакомился съ различными московскими шеллингистами, читалъ Одоевскаго, по всей вѣроятности, и лично съ нимъ бесѣдовалъ, увлекался сенсимонизмомъ, и въ головѣ его носились идеи о близкой кончинѣ

западной цивилизаціи. Эти идеи всплыли теперь въ головѣ его съ новою силой, страстностью и аргументаціей.

Эта новая аргументація невольно подкупаетъ васъ. Формы европейской гражданственности, по мнѣнію Герцена, ея цивилизація, ея добро и зло разочтены по другой сущности, развились изъ иныхъ понятій, сложились по инымъ потребностямъ. До нѣкоторой степени формы эти, какъ все живое, были измѣняемы; но какъ все живое, измѣняемы до нѣкоторой степени, организмъ можетъ воспитываться, отклоняться отъ назначенія, приlаживаться къ вліяніямъ до тѣхъ поръ, пока отклоненія не отрицаютъ его особности, его индивидуальности, то, что̀ составляетъ его личность; какъ скоро организмъ встрѣчаетъ такого рода вліянія, дѣлается борьба, и организмъ побѣждаетъ или гибнетъ. Явленіе смерти въ томъ и состоитъ, что составныя части организма получаютъ иную цѣль; онѣ не пропадаютъ; пропадаетъ личность, а онѣ вступаютъ въ рядъ совсѣмъ другихъ отношеній, явленій.

Подобнаго рода сравненія, на первый взглядъ, представляются остроумны и заманчивы. Но начните вдумываться въ нихъ, и вы увидите, что, съ одной стороны, здѣсь смѣшиваются понятія народнаго организма, формъ общественныхъ отношеній и цивилизаціи; съ другой стороны, въ основѣ лежитъ гипотеза весьма шаткая и до сихъ поръ недоказанная, именно та, что будто общественные организмы совершенно аналогичны съ животными и подчинены тѣмъ-же законамъ жизни и смерти. Еслибы даже подобная гипотеза и была доказана, то и въ такомъ случаѣ мы не имѣли бы права судить о томъ, разлагается европейская цивилизація, или нѣтъ, имѣя въ рукахъ такое неопредѣленное мѣрило, какъ отношеніе сложившихся исторически формъ жизни къ пережитымъ идеямъ. Какъ ни худы эти формы, но люди къ нимъ привыкли, обжились въ нихъ; новыя-же идеи такъ недавно появились, что большинство даже и не знаетъ о ихъ существованіи; другіе такъ мало еще вникли въ нихъ, что скользятъ по нимъ поверхностно, весьма смутно сознавая ихъ. Мы не знаемъ поэтому, что̀ будетъ, когда люди такъ-же глубоко сознаютъ новыя идеи и такъ-же привыкнутъ къ нимъ, какъ они знаютъ и привыкли къ своимъ старымъ идеямъ. Если и тогда отжившія формы окажутся непоколебимы, дѣло другое; тогда, дѣйствительно, можно будетъ предвидѣть, что европейская цивилизація дальше не пойдетъ. Но до тѣхъ поръ всякое сужденіе объ этомъ будетъ крайне опрометчиво и фантастично. Съ другой стороны, тутъ надо взять и то во вни-

маніе, что новыя идеи, можетъ быть, не потому не находятъ немедленнаго осуществленія, что общественные организмы Европы дряхлы, а потому, что сами онѣ, эти идеи, находятся еще въ хаотическомъ броженіи, въ смутныхъ, гипотетическихъ гаданіяхъ и требуютъ огромной выработки, развитости, зрѣлости для того, чтобы имѣть возможность хоть какого-нибудь практическаго примѣненія къ жизни. Истинный скептикъ, стоящій вполнѣ на реальной почвѣ, непремѣнно долженъ принять все это въ соображеніе и воздержаться отъ преждевременныхъ гадательныхъ силлогизмовъ. Но идеалисты сороковыхъ годовъ поступали не такъ: хотя многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и Герценъ, возвысились до такой уже степени реализма, что отвергали цѣлесообразность, смотрѣли на жизнь, какъ на процессъ развитія, опредѣляющагося не цѣлью, къ которой это развитіе идетъ, а даннымъ моментомъ его, въ совокупности со всѣми предшествовавшими причинами, вызвавшими этотъ моментъ; но рядомъ съ этимъ они требовали немедленнаго осуществленія своихъ высокихъ идеаловъ: природа должна была сойти, въ угоду имъ, со своего историческаго пути причинъ и слѣдствій и сейчасъ-же сдѣлаться храмомъ для ихъ возвышенныхъ идеаловъ; если она этого не дѣлала, идеалистъ тотчасъ-же выходилъ изъ терпѣнія и разражался проклятіями или противъ природы, или противъ самихъ идеаловъ. Если въ головѣ идеалиста разыгрывались великолѣпныя симфоніи, а на скрипкѣ онъ могъ производить одни только нестройные звуки, ему и въ голову не приходило, что ему надо было научиться играть: виновата оказывалась скрипка и онъ разбивалъ ее въ дребезги.

Естественно, что вполнѣ на почву фантазіи становится Герценъ, когда онъ переходитъ къ предсказаніямъ будущаго. По его мнѣнію, одно утѣшеніе и остается, что будущія поколѣнія выродятся еще больше, еще больше обмелѣютъ, обнищаютъ умомъ и сердцемъ, имъ уже и наши дѣла будутъ недоступны и наши мысли будутъ непонятны. Народы передъ паденіемъ тупѣютъ, ихъ пониманіе помрачается, они выживаютъ изъ ума, какъ эти Меровинги, зачинавшіеся въ развратѣ и кровосмѣшеніяхъ и умиравшіе въ какомъ-то чаду, ни разу не пришедшіе въ себя; какъ аристократія, выродившаяся до болѣзненныхъ кретиновъ, измельчавшая въ ростѣ, исказившаяся въ чертахъ... и мѣщанская Европа изживетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ тупоумія, въ вялыхъ чувствахъ безъ убѣжденій, безъ изящныхъ искусствъ, безъ мощной поэзіи. Слабыя, хилыя, глупыя поколѣнія протянутся какъ-нибудь

до взрыва, до той или другой лавы, которая ихъ покроетъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію лѣтописей. А тамъ? А тамъ настанетъ весна, молодая жизнь закипитъ на ихъ гробовой доскѣ; варварство младенчества, полное неустроенныхъ, но здоровыхъ силъ, замѣнитъ старческое варварство; дикая, свѣжая мощь распахнется въ молодой груди новыхъ народовъ и начнется новый кругъ событій и третій томъ всеобщей исторіи. Основной тонъ его мы можемъ понять теперь. Онъ будетъ принадлежать соціальнымъ идеямъ. Соціализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой соціализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма и будетъ побѣжденъ грядущею, неизвѣстною намъ революціей... Вѣчная игра жизни, безжалостная смерть, неотразимая, какъ рожденіе, corsi e ricorsi исторіи, perpetuum mobile жизни.

Подобнаго роды гипотезы тѣмъ обольстительнѣе, что опровергнуть ихъ такъ-же невозможно, какъ и доказать. Происхожденіе ихъ совершенно аналогично съ образованіемъ всякаго рода суевѣрій. Случится, напримѣръ, съ вами неудача въ пятницу; приходитъ опять пятница и, вслѣдствіе ассоціаціи идей, вы ждете опять неудачи. Какъ докажу я вамъ, что предположеніе ваше вздоръ, что никакой неудачи не случится: вѣдь, положа руку на сердце, я и самъ не знаю, удачно-ли выйдетъ ваше предпріятіе; я могу только сказать, что если оно не удастся, то, конечно, не пятница будетъ въ этомъ виновата, но отъ тѣхъ или другихъ причинъ неудача, все-таки, возможна. Такъ и въ этомъ случаѣ: пришлось человѣчеству испытать однажды колоссальную неудачу: палъ Римъ, погибла цѣлая цивилизація и смѣнилась варварствомъ. Подходитъ новая пятница, въ видѣ возникновенія новой цивилизаціи: люди и начинаютъ думать, по чистой ассоціаціи идей, что и съ новою цивилизаціей случится то-же: и она должна пасть и смѣниться новымъ варварствомъ. Вставши на почву реальнаго скептицизма, вы можете только пожать плечами на такое предположеніе: законы соціальной жизни такъ мало еще изслѣдованы, что не только-что гадать о томъ, какой путь изберетъ жизнь въ будущемъ, невозможно, трудно предсказать, что̀ будетъ завтра. Очень можетъ быть, что и новая цивилизація погибнетъ; погибнетъ не потому, чтобы таковъ былъ удѣлъ всякой цивилизаціи, а по какимъ-нибудь своимъ, непредвидимымъ причинамъ, совершенно

нымъ, неимѣющимъ ничего общаго съ причинами паденія древней цивилизаціи, а можетъ быть, и не погибнетъ; можетъ быть, самое понятіе о цивилизаціи сдѣлается совершенно инымъ, и та цивилизація, о паденіи которой мы трепещемъ, покажется нашимъ предкамъ дикимъ варварствомъ; будетъ, можетъ быть, и такое время, когда не только древняя, наша, но и цивилизація многихъ будущихъ вѣковъ сольется въ глазахъ будущихъ потомковъ въ одно темное пятно доисторическихъ временъ. Все это одни пустыя гаданья, неимѣющія тѣни положительности и совершенно равносильныя вопросу о томъ, можетъ-ли стукнуться о землю комета или не можетъ и что̀ произойдетъ въ такомъ случаѣ. И въ наше время подобныя гаданія возможны, но мы не придаемъ имъ никакого значенія и допускаемъ ихъ, какъ игру ума послѣ сытнаго обѣда для легкаго пищеваренія. Но люди сороковыхъ годовъ ставили подобные вопросы на первый планъ; они мучили ихъ и отравляли ихъ жизнь. Герценъ серьёзно спорилъ съ Грановскимъ о томъ, можетъ-ли идея, въ своемъ развитіи въ общечеловѣческой цивилизаціи, вдругъ быть отодвинута назадъ геологическимъ переворотомъ, хвостомъ кометы, и начать развитіе съ начала, съ плѣсени на камняхъ. Герценъ доказывалъ, что это возможно; Грановскій и слышать не хотѣлъ о такой возможности; по его мнѣнію, еслибы и случилось кометѣ смести родъ человѣческій съ лица земли или раздробить землю на кусочки, идея продолжала бы развиваться на другихъ планетахъ. Подобныя гаданія, въ свое время, были, если хотите, не безъ пользы, имѣли свое значеніе: они составляли противовѣсъ инымъ гипотезамъ, еще болѣе нелѣпымъ. Мысль наша пріучалась, посредствомъ нихъ, къ самостоятельности, независимости отъ космическихъ представленій отцовъ и дѣдовъ. Но эта польза простиралась только до тѣхъ предѣловъ, до какихъ предположенія оставались предположеніями; но разъ они принимали догматическій характеръ утвержденія, они становились столь-же вредны, какъ и тѣ преданія, въ противовѣсъ которыхъ они шли. Герценъ могъ сколько угодно гадать о паденіи европейской цивилизаціи, оставаясь на степени парадоксальной проніи, подобной той, которую мы видѣли въ „Запискахъ доктора Крупова“. Но онъ серьёзно проникся этою гипотезой, увѣровалъ въ нее, какъ въ нѣчто положительное, началъ пріурочивать къ ней каждый фактъ европейской жизни — изъ публициста сдѣлался пророкомъ-фаталистомъ. Такое превращеніе, которое только и можно себѣ объяснить вліяніемъ реакціи, не только отодвинуло Гер-

цена назадъ отъ автора „Писемъ о природѣ“ къ автору писемъ къ Витбергу и сценаріямъ, но еще дальше—къ квіэтизму кружка Станкевича. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдовательный выводъ изъ гипотезы паденія цивилизаціи есть отрѣшеніе отъ всякихъ интересовъ жизни. Если вы разъ убѣждены, что міръ, окружающій васъ, гніетъ, рушится, мельчаютъ интересы, люди, а высокія стремленія, сохранившіяся отъ прежнихъ лѣтъ, остаются безплодными среди всеобщаго разложенія, то, конечно, вамъ только и остается, что или бѣжать изъ этого чада, или, сложивши руки, безстрастно наблюдать процессъ гніенія. Герценъ, по крайней мѣрѣ теоретически, къ такому результату и приходитъ. По его мнѣнію, слѣдуетъ выйти вонъ изъ душной комнаты, гдѣ оканчивается длинная, бурная жизнь, выйти на чистый воздухъ изъ тяжелой, заразительной атмосферы, на поле изъ больничной палаты. Много найдется мастеровъ бальзамировать покойника; еще больше червей, которые поживутъ на счетъ гнили. Слѣдуетъ оставить имъ трупъ не потому, что они хуже или лучше насъ, а потому, что они этого хотятъ; а Герценъ не хочетъ, потому что они въ этомъ живутъ, а онъ страдаетъ.

Такъ и мудрѣйшіе изъ римлянъ сошли совсѣмъ со сцены, и превосходно сдѣлали. Они разсѣялись по берегамъ Средиземнаго моря, пропали для другихъ въ безмолвномъ величіи скорби, но не пропали для себя, и черезъ пятнадцать столѣтій мы должны сознаться, что собственно они были побѣдители—они, единственные, свободные и мощные представители независимой личности человѣка, его достоинства. Они были люди, ихъ нельзя было считать поголовно, они не принадлежали къ стаду и не хотѣли лгать, а не имѣя съ нимъ ничего общаго, отошли и пр.

Подобнаго рода квіэтизмъ, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ квіэтизма тѣхъ московскихъ философовъ, противъ которыхъ Герценъ нѣкогда возсталъ съ такою энергіей. Въ самомъ дѣлѣ, не все-ли равно, во имя чего складывать на груди руки: во имя-ли примиренія противорѣчій жизни въ отвлеченномъ мышленіи, или во имя сознанія непримиримости ихъ вслѣдствіе гнилости окружающаго насъ міра.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что подобнаго рода квіэтизмъ оставался у Герцена всегда только въ теоріи; это былъ слишкомъ живой, увлекающійся и энергическій человѣкъ, чтобы оставаться, сложа руки, въ безстрастномъ созерцаніи и холодныхъ резонерствахъ тамъ, гдѣ жизнь слишкомъ громко заявляла себя: онъ

откладывалъ, въ такомъ случаѣ, въ сторону свои теоріи о мудрѣйшихъ римлянахъ съ ихъ безмолвнымъ величіемъ скорби и вмѣшивался въ толпу, проникаясь ея реальными, насущными интересами, хотя самъ онъ, высоко цѣня свои рефлексіи, смотрѣлъ, какъ на слабость характера, на такія жизненныя отступленія отъ своихъ теорій. Впрочемъ, и въ теоріи онъ не могъ долго оставаться въ торричелевой пустотѣ мудрѣйшихъ римлянъ. Это былъ только первый ударъ реакціи, отъ котораго въ глазахъ его все потемнѣло. Но вскорѣ потомъ онъ очнулся отъ этого удара, горизонтъ его мысли освѣтился новыми вѣрованіями и упованіями. Не найдя осуществленія своихъ идеаловъ въ Европѣ, онъ началъ ожидать этого отъ Россіи. Въ Россіи онъ началъ видѣть тѣхъ варваровъ, которые идутъ на смѣну падающей цивилизаціи. Здѣсь опять, по всей вѣроятности, вспомнились ему тридцатые годы, Одоевскій, споры съ славянофилами... Но было бы совершенно неосновательно въ подобныхъ теоріяхъ Герцена видѣть его полную солидарность съ славянофилами и думать, что Герценъ послѣ 1848 года сдѣлался вполнѣ приверженцемъ этого ученія. Герценъ сходился съ славянофилами только въ томъ, что Европа гніетъ и будущее принадлежитъ Россіи, но за этими общими основаніями Герценъ и славянофилы расходились совершенно въ двѣ противоположныя стороны: славянофилы опирались, въ доказательствахъ своей теоріи, на сравненіи исторически выработанныхъ формъ общественнаго быта на Западѣ и у насъ. Они находили, что формы до-петровской Россіи гораздо лучше формъ западной жизни. Поэтому, они и убѣждали перестать пересаживать съ Запада на нашу почву вредныя формы, а обратиться къ началамъ до-петровской жизни. При этомъ они не ограничивались отрицаніемъ формъ западной жизни; они шли далѣе: въ самыхъ философскихъ и соціальныхъ ученіяхъ Запада, во всѣхъ послѣднихъ выводахъ европейской мысли они не находили ничего творческаго, благотворнаго, ничего не видѣли, какъ только старческое отрицаніе всѣхъ старыхъ формъ и вѣрованій западной жизни, ведущее къ разочарованности, душевной пустотѣ и отсутствію всякой энергіи въ жизни. На этомъ основаніи они отвергали и всѣ результаты западной мысли; по ихъ мнѣнію, всякое увлеченіе какимъ-нибудь западнымъ ученіемъ есть уже зараза, такое-же растлѣніе, какъ принятіе въ здоровый организмъ матеріи гніющаго трупа Такимъ образомъ, не только формы общественной жизни, но и самая мысль Россіи должна быть совершенно самостоятельна и, опять-таки, основана на нача-

лахъ чисто-народной стихіи до-петровской Руси. Такимъ образомъ, славянофилы проповѣдывали вовсе не преемственность цивилизаціи, а созданіе Россіи новой цивилизаціи, нисколько не похожей на европейскую: та не удалась, растлѣвается, зачѣмъ, что-нибудь перенимать — давайте строить снова по своему, пользуясь европейскимъ опытомъ только отрицательно, т.-е. избѣгая ошибокъ, которыя привели Европу къ гибели. Герценъ-же стоялъ на точкѣ зрѣнія именно преемственности: славянофилы смотрѣли назадъ, а онъ впередъ; они требовали возвращенія къ старымъ формамъ русской жизни. Герценъ-же отрицалъ ихъ, и не только-что за ихъ негодностью, отрицалъ самое ихъ существованіе, такъ что, по его мнѣнію, возвращаться-то совершенно не къ чему. Россія, по его мнѣнію, является совсѣмъ особеннымъ міромъ, съ своимъ естественнымъ бытомъ, съ своимъ физіологическимъ характеромъ —не европейскимъ, не азіатскимъ, а славянскимъ. Она участвуетъ въ судьбахъ Европы, не имѣя ея историческихъ преданій, свободная отъ ея обязательствъ прошедшему. Какое счастіе, сказалъ Бентамъ Александру I-му, когда онъ былъ въ Лондонѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ, что русскому законодателю не приходится бороться на каждомъ шагу съ римскимъ правомъ; къ этому слѣдуетъ прибавить: ни съ феодализмомъ, ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ. Кормчая книга и уложеніе не захватываютъ всѣ проявленія жизни, не заправляютъ всякимъ дѣйствіемъ, остальныя учрежденія введены насиліемъ и держатся насиліемъ. У насъ нигдѣ нѣтъ этихъ наглухо заколоченныхъ предразсудковъ, которые у западнаго человѣка какъ параличомъ отбиваютъ половину органовъ. Въ основѣ народной жизни лежитъ сельская община — съ раздѣленіемъ полей, съ коммунистическимъ владѣніемъ землей, съ выборнымъ управленіемъ, съ правомѣрностью каждаго работника (тягла). Все это находится въ состояніи подавленномъ, искаженномъ, но все это живо и пережило худшую эпоху. Въ то время, какъ славянофилы ничего не видѣли въ результатахъ европейской мысли, кромѣ признака растлѣнія западной цивилизаціи, Герценъ, наоборотъ, въ нихъ-то именно и видѣлъ все будущее. По его мнѣнію, Европа не оттого гніетъ, что пришла къ подобнымъ результатамъ, а потому, что безсильна воплотить ихъ въ жизнь, что Россіи очень легко исполнить, несвязанной ничѣмъ съ прошедшимъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Герцена, все несчастіе Европы заключается именно въ томъ самомъ упорномъ консерватизмѣ всѣхъ европейскихъ партій отно-

сительно сохраненія во что бы ни стало старыхъ формъ жизни, за который стоятъ славянофилы, который они желали бы утвердить и въ Россіи.

Герценъ, впрочемъ, самъ нерѣдко входилъ въ опроверженія славянофильскихъ теорій. По его мнѣнію, ошибка славянъ состоитъ въ томъ, что имъ кажется, что Россія имѣла когда-то свойственное ей развитіе, затемненное разными событіями и, наконецъ, петербургскимъ періодомъ. Россія никогда не имѣла этого развитія и не могла имѣть. То, что приходитъ теперь къ сознанію у насъ, то, что начинаетъ мерцать въ мысли, въ предчувствіи, то, что существовало безсознательно въ крестьянской избѣ и на полѣ — то теперь только всходитъ на пажитяхъ исторіи, утученныхъ кровью, слезами и потомъ двадцати поколѣній. Эти основы нашего народнаго быта — не воспоминанія, а живыя стихіи, существующія не въ лѣтописяхъ, а въ настоящемъ; но онѣ только уцѣлѣли подъ труднымъ историческимъ выработываніемъ государственнаго существа и подъ государственнымъ гнетомъ потомъ сохранились, но не развились. Сомнительно, нашлись-ли бы внутреннія силы для ихъ развитія безъ петровскаго періода, безъ періода европейскаго образованія. Непосредственныхъ основъ было недостаточно. Въ Индіи до сихъ поръ и споконъ вѣка существуетъ сельская община, очень сходная съ нашею и основанная на раздѣлѣ полей; однако, индійцы съ нею недалеко ушли. Одна мощная мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ патріархальномъ быту славянскомъ. Артель и сельская община, раздѣлъ прибытка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости, управляющіяся сами собой — все это краеугольные камни, все-же камни... и безъ западной мысли нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ.

Бо́льшая часть сочиненій Герцена, слѣдующихъ за брошюрой „Съ того берега“, представляетъ развитіе этихъ основныхъ идей, на которыхъ Герценъ остановился, какъ мы сказали выше, послѣ 1848 года. Таковы „Старый міръ и Россія“, „Le developpement des idées révolutonnaires en Russie“, „Peuple Russe et le socialilsme“. Концы и начала и пр. При этомъ надо отдать справедливость всѣмъ этимъ сочиненіямъ, что хотя бы вы и были несогласны съ основными идеями ихъ, хотя бы вы ихъ считали вполнѣ гадательными и метафизическими, тѣмъ не менѣе, сочиненія эти имѣютъ и свои неотъемлемыя достоинства. Анализъ европейской жизни

который Герценъ дѣлаетъ для подтвержденія своихъ гадательныхъ выводовъ, самъ по себѣ, во всякомъ случаѣ, поражаетъ васъ своею мѣткостью, проницательностью и глубиной, хотя бы вы и не соглашались съ выводами этого анализа. Это чисто прудоновскій анализъ, основанный на томъ-же самомъ методѣ раскрытія противорѣчій. Онъ имѣетъ и значеніе совершенно аналогичное съ анализомъ Прудона: сила того и другаго чисто отрицательная. Какъ Прудонъ, такъ и Герценъ до тѣхъ поръ только на своей почвѣ, пока они, раскрывая противорѣчія во всѣхъ существующихъ формахъ жизни, убѣждаютъ васъ въ ихъ несостоятельности. Положительная-же сторона анализа, выводы изъ него у обоихъ одинаково слабы, метафизичны, гадательны. Вставши на такую точку зрѣнія на сочиненія Герцена, вы можете согласиться во многомъ съ Герценомъ, но, вмѣсто того, чтобы выводить изъ его анализа заключеніе о паденіи всей цивилизаціи, полномъ разложеніи европейскаго міра, вамъ слѣдуетъ остановиться на томъ предположеніи, что современная исторія Европы представляетъ такое-же разложеніе формъ старой жизни, какое было въ XV вѣкѣ въ той-же Европѣ, не предрекая преждевременно, что выйдетъ изъ этого разложенія. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи Герценъ предупреждаетъ васъ. Онъ не всегда въ своихъ гаданіяхъ о кончинѣ европейскаго міра держится того историческаго тона, какой преобладаетъ въ брошюрѣ „Съ того берега“. Иногда на него находили минуты просвѣтлѣнія и изъ утвердительнаго тона онъ переходилъ въ предположительный, допускалъ частицу *если*. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ самъ называетъ взглядъ брошюры „Съ того берега“ болѣзненнымъ, страстнымъ, личнымъ.

Подобная болѣзненность объясняется вполнѣ печальнымъ положеніемъ, въ которомъ находился Герценъ, начиная съ 1848 года и до 1856 г. Это положеніе сдѣлалось еще печальнѣе, когда онъ, потерявши въ одинъ годъ мать, сына, наконецъ, жену—поселился, въ 1852 году, въ Лондонѣ на долгое житье.

Онъ былъ униженъ, по его собственнымъ словамъ. Самолюбіе его было оскорблено, онъ сердился на самого себя. Совѣсть угрызала за святотатственную порчу горести, за годъ суеты и онъ чувствовалъ страшную, невыносимую усталь... Ему была нужна тогда грудь друга, которая приняла бы безъ суда и осужденія его исповѣдь, была бы несчастна его несчастіемъ; но кругомъ стлалась больше и больше пустыня, никого близкаго... ни одного человѣка... Онъ не думалъ прожить въ Лондонѣ дольше мѣсяца, но,

мало-по-малу, сталъ разглядывать, что ему рѣшительно нѣкуда ѣхать и незачѣмъ. Такого отшельничества онъ нигдѣ не могъ найти, какъ въ Лондонѣ...

Вотъ онъ и зажилъ въ Лондонѣ, въ печальномъ уединеніи, чужой и ненужный никому среди лондонской суеты, отрѣзанный непроходимою стѣной отъ родины. Съ ужасомъ глядѣлъ онъ на успѣвавшуюся реакцію въ Европѣ, на дошедшую до геркулесовыхъ столбовъ реакцію въ Россіи. Началась крымская война. Повсюду кругомъ начали раздаваться воинственные крики. И между тѣмъ, какъ европейскіе публицисты наперерывъ другъ передъ другомъ проповѣдывали крестовый походъ противъ новыхъ варваровъ, грозящихъ завоевать Европу, Герценъ какъ будто нарочно, въ разрѣзъ господствующему настроенію европейской публицистики, въ это-то самое время началъ печатать въ „The English Republic“ свои письма къ редактору этого обозрѣнія В. Линтону о преимуществахъ Россіи передъ Европой, о ея призваніи смѣнить на пути цивилизаціи дряхлѣющій міръ („Старый міръ и Россія“). Брань и насмѣшки посыпались тогда со всѣхъ сторонъ на Герцена отъ нѣмецкихъ и англійскихъ публицистовъ. Одни говорили, что въ этихъ письмахъ Герценъ ставитъ въ образецъ и идеалъ—крѣпостное состояніе; другіе обвиняли Герцена въ предположеніи завоевать не только Константинополь, но и Вѣну; третьи считали ложью и выдумкой все сказанное Герценомъ о сельской общинѣ. „Онъ дошелъ до того—восклицаетъ одинъ изъ публицистовъ—что даже въ устройствѣ украинскихъ казаковъ старается показать начала демократическія, почти республиканскія“.

Такъ тянулась жизнь Герцена до 1855 года, когда рядъ вѣстей, внезапно нахлынувшихъ изъ Россіи, одна другой свѣтлѣе и радостнѣе, возбудили въ Герценѣ новый энтузіазмъ, удесятерили, какъ онъ выражается, надежды и силы. Здѣсь начинается новый и послѣдній періодъ дѣятельности Герцена. Подробное разсмотрѣніе этого періода не входитъ въ наше обозрѣніе, имѣющее дѣло съ картиной чисто-умственнаго развитія нашего общества съ видоизмѣненіями міросозерцанія въ различные періоды разбираемой нами эпохи. Мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями касательно общаго характера убѣжденій Герцена въ этотъ послѣдній періодъ его жизни.

Этотъ періодъ ознаменовался, какъ извѣстно, изданіемъ „Колокола“. Изданіе „Колокола“ навлекло на Герцена всего болѣе обвиненій въ безплодномъ агитаторствѣ, въ растлѣніи цѣлаго поколѣ-

нія. О немъ составилось понятіе, какъ о революціонерѣ, который ни о чемъ болѣе не мечтаетъ, какъ о разрушеніи всякаго порядка, семьи, собственности, о пролитіи морей крови и пр....

Я не буду входить въ разбирательство причинъ составленія о Герценѣ подобнаго мнѣнія, предоставляя это дѣло исторіи. Я ограничиваюсь только указаніемъ читателямъ на то бьющее въ глаза противорѣчіе, что именно въ то время, когда о Герценѣ составлялось подобное мнѣніе, онъ высказывалъ самыя умѣренныя убѣжденія. Для примѣра достаточно представить отношеніе Герцена къ тремъ слѣдующимъ другъ за другомъ фазамъ броженія 60-хъ годовъ.

Въ первый періодъ броженія на главномъ планѣ стоялъ крестьянскій вопросъ. Общество было исполнено смутныхъ тревогъ. Люди самыхъ противоположныхъ партій ждали, что этотъ вопросъ разрѣшится потрясеніемъ всего общественнаго строя. Между тѣмъ, Герценъ въ это время съ свѣтлымъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ въ своемъ „Колоколѣ“ начинанія правительства. Онъ доказывалъ, что разрѣшеніе этого вопроса правильно, т.-е. съ надѣломъ землей, не только не можетъ повести къ революціи, а еще болѣе привяжетъ народъ къ правительству. Со всѣхъ сторонъ сыпались къ нему письма, обвинявшія его въ умѣренности. Отъ него ждали какой-нибудь революціонной программы. Но Герценъ отвѣчалъ на всѣ эти обвиненія и ожиданія, что увидѣвши, что на знаменіи новаго движенія въ Россіи стоитъ не конституція, не республика, не парламентъ, не муниципальная свобода, не война съ Австріей, не завоеваніе Турціи, а освобожденіе крестьянъ съ землей — онъ бросилъ все и прилѣпился къ этому жизненному вопросу для Россіи, что въ этомъ причина всего успѣха „Колокола“. Если-же среди распрей, споровъ и общественной борьбы изъ-за крестьянскаго вопроса, „Колоколъ“ сталъ бы звонить всемірной республикѣ о солидарности народовъ, то читатели „Колокола“ не замедлили бы сказать: что вы намъ толкуете о всемірной республикѣ, которой нигдѣ нѣтъ, о братствѣ народовъ, которые вездѣ рѣжутся; мы все это читали въ Руссо и Вольтерѣ, въ исторіи первой революціи и газетахъ 1848 года. У насъ теперь забота растолковать, что̀ такое усадебная земля и сколько десятинъ пашни дать крестьянину — ну, гдѣ-же читать ваши декламаціи?

Послѣ того началась эпоха прокламацій и красныхъ призраковъ. Герценъ не замедлилъ осмѣять составителей прокламацій. Онъ сравнилъ ихъ съ дѣтьми, которыхъ восхищаетъ терроръ ре-

волюцій, какъ дѣтей — терроръ сказокъ съ своими чародѣями и чудовищами. При этомъ онъ категорически объявилъ, что онъ давно разлюбилъ обѣ чаши, полныя крови, статскую и военную, и равно не хочетъ пить изъ черепа боевыхъ враговъ, ни видѣть голову герцогини Ломбаль на пикѣ, что какая бы кровь ни текла, гдѣ-нибудь текутъ слезы, что французскій терроръ всего менѣе возможенъ у насъ, такъ-какъ у насъ нѣтъ ни новыхъ догматовъ, ни кровавыхъ катехизисовъ для оглашенія; нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному благу, къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ. Закрѣпляя право каждаго на землю, т.-е. объявляя землю тѣмъ, чѣмъ она есть—*неотъемлемою стихіей*, мы только подтверждаемъ и обобщаемъ народное понятіе объ отношеніи человѣка къ землѣ. Отрекаясь отъ формъ, чуждыхъ народу, втѣсненныхъ ему полтора вѣка назадъ, мы продолжаемъ прерванное и отклоненное развитіе, вводя въ него новую силу мысли, науки. Наконецъ, пока фактически земля подъ нимъ, народъ не подымется. Для народа подняться трудно; это не рискъ своимъ лицомъ, не каторга, не палачи, а полное разореніе семьи, не вспаханное поле, голодныя дѣти, саранча постоя...

Совершенно на такихъ-же основаніяхъ возсталъ впослѣдствіи Герценъ и противъ крайнихъ западныхъ коммунистовъ въ своихъ „Письмахъ къ старому товарищу“, напечатанныхъ въ сборникѣ посмертныхъ статей А. И. Герцена. По мнѣнію Герцена, если понятія государства, суда, сильны и крѣпки, то еще крѣпче укоренены понятія о семьѣ, о собственности, о наслѣдствѣ. Отрицаніе собственности само по себѣ безсмысленица; видоизмѣненіе ея въ родѣ перехода изъ личной въ коллективную, неясно и неопредѣленно. Крестьянину на Западѣ такъ же необходимо привилась его любовь къ своей землѣ, какъ въ Россіи легко понимается крестьянствомъ общинное владѣніе. Собственность, и особенно поземельная, для западнаго человѣка представлялась освобожденіемъ, его самобытностью, его достоинствомъ и величайшимъ гражданскимъ значеніемъ. Можетъ быть, онъ убѣдится въ невыгодѣ безпрестанно крошащихся и дробныхъ участковъ и въ выгодѣ свободнаго хозяйства, общинныхъ запашекъ полей; но какъ-же его „безъ пристрастія“ уломать, чтобъ онъ спервоначала отказался отъ вѣками взлелѣянной мечты, которою онъ жилъ и тѣшился и которая дѣйствительно поставила его на ноги, прикрѣпила къ нему землю, къ которой онъ былъ прежде крѣпокъ. Вопросъ о наслѣдствѣ, по мнѣ-

нію Герцена, еще труднѣе. Кромѣ холостыхъ фанатиковъ, въ родѣ монаховъ, раскольниковъ, пкаріанъ и пр., никакая масса не согласится на безусловное отрѣченіе отъ права завѣщать какую-нибудь часть достоянія своимъ наслѣдникамъ. Въ худшемъ человѣческомъ положеніи, у дворовыхъ крѣпостныхъ людей, были кое-какія тряпки, которыя они оставляли своими и которыя почти никогда не отбирались помѣщиками. Отымите у самаго бѣднаго мужика право завѣщать—и онъ возьметъ колъ въ руки и пойдетъ защищать своихъ, свою семью и свою волю... Въ заключеніе Герценъ выражаетъ то мнѣніе, что дикіе призывы къ тому, чтобы закрыть книги, оставить науку и идти на какой-то безсмысленный бой разрушенія, принадлежитъ къ самой неистовой демагогіи и къ самой вредной, что за ними такъ и слѣдуетъ разнузданіе дикихъ страстей, le dechainement des mauvaises passions, что этими словами мы шутимъ, нисколько не считая, насколько они вредны для дѣла, для слушающихъ.

Всѣ подобныя мнѣнія какъ-то весьма трудно вяжутся съ понятіемъ о Герценѣ, какъ объ агитаторѣ-революціонерѣ, жаждущемъ взрывовъ и насильственныхъ переворотовъ. Намъ кажется, что Герценъ былъ чистѣйшій идеалистъ сороковыхъ годовъ, который половину жизни провелъ въ рефлексіяхъ, главная сила котораго заключалась въ разлагающей критикѣ, которою онъ перемалывалъ все, подвергавшееся его наблюденіямъ, не щадя ни друзей, ни враговъ, ни старыя, ни новыя явленія жизни.

Въ то-же время и мысль, что онъ сдѣлался такимъ только подъ конецъ жизни, при чемъ, по мнѣнію однихъ, онъ отрезвѣлъ и исправился, а по мнѣнію другихъ, отсталъ подъ гнетомъ старости—такая мысль, въ свою очередь, лишена основанія. Онъ былъ почти однимъ и тѣмъ-же, начиная съ 1848 года. Для примѣра, достаточно сравнить его характеристику русскихъ эмигрантовъ, писанную подъ конецъ жизни, съ тѣмъ, что онъ писалъ въ пятидесятыхъ еще годахъ объ эмигрантахъ сороковыхъ годовъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ (Сазоновѣ, Энгельгардтѣ). Не мѣшаетъ также сравнить его полунасмѣшливую характеристику современныхъ развитыхъ женщинъ, помѣщенную имъ въ „Полярной Звѣздѣ“ за 1869 г., съ тѣмъ, что онъ писалъ о разныхъ женщинахъ сороковыхъ годовъ во 2-й части „Былое и Думы“. Герценъ самъ о себѣ сказалъ совершенно справедливо, что съ іюньскихъ дней (1848) началась послѣдняя часть его жизни.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вліяніе на Бѣлинскаго переѣзда въ Петербургъ. — Начало въ Бѣлинскомъ переходнаго процесса. — Свидѣтельство объ этомъ Тургенева. — Новый взглядъ на романтизмъ. — Статья о Лермонтовѣ. — Рефлексіи и отрицаніе рутинной морали. — Примиреніе съ французскою литературой и увлеченіе романами Жоржъ-Зандъ. — Новые взгляды философскіе и эстетическіе. — Оцѣнка Пушкина и Ап. Майкова.

Столкновеніе Бѣлинскаго съ Герценомъ, пріѣздъ въ Петербургъ и начало сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — эти три событія, случившіяся почти одновременно, въ 1839 году, послужили, какъ мы уже говорили объ этомъ въ 7-й главѣ, толчками, возбудившими въ Бѣлинскомъ умственный и нравственный переломъ.

Не говоря о томъ вліяніи, какое необходимо производитъ появленіе новыхъ, разномыслящихъ людей на членовъ замкнутаго кружка, увлекшагося какою-нибудь узенькою, одностороннею доктриной, немалое освѣжающее и отрезвляющее дѣйствіе оказываетъ въ этомъ случаѣ всякое удаленіе отъ кружка въ видѣ путешествія, переселенія въ другой городъ, перемѣны занятій. Мы видѣли, что даже представитель кружка, Станкевичъ, сдѣлался уже не тотъ, что̀ былъ въ Москвѣ, съ переселеніемъ за границу: его начало тяготить то самое углубленіе въ отвлеченныя сферы гегелевской философіи, въ которомъ онъ прежде видѣлъ высокую задачу жизни. То-же самое случилось и съ Бѣлинскимъ по переѣздѣ его въ Петербургъ.

„Хотя москвичъ вообще оригинальнѣе и какъ будто самобытнѣе петербуржца, однако, тѣмъ не менѣе, онъ очень скоро свыкается съ Петербургомъ, если переѣдетъ въ него жить — говоритъ Бѣлинскій въ своей статьѣ „Москва и Петербургъ“ (см. Соч. Бѣл., т. XII, стр. 229). — Куда дѣваются высокопарныя мечты, идеалы, теоріи, фантазіи! Петербургъ, въ этомъ отношеніи, пробный камень человѣка: кто, живя въ немъ, не увлекся водоворотомъ призрачной жизни, умѣлъ сберечь и душу и сердце насчетъ здраваго смысла, сохранить свое человѣческое достоинство, не предаваясь донкихотству, тому смѣло можете вы протянуть руку, какъ человѣку... Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство; сначала, кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности, и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, человѣческаго... Что мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоютъ въ глазахъ дѣльнаго (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что счастіе глупца есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина, и, притомъ, плодотворная въ будущемъ...“

Но было бы ошибочно думать, чтобы прежнія теоріи и фантазіи Бѣлинскаго спали съ него дѣйствительно съ легкостью осеннихъ листьевъ и чтобы переворотъ совершился въ немъ съ быстротой балетныхъ превращеній. Напротивъ того, цѣлые годы тянулось переходное состояніе въ умственномъ мірѣ Бѣлинскаго; въ эти годы Бѣлинскій переживалъ тотъ-же самый періодъ рефлексій и сомнѣній, какой въ то время переживали всѣ его современники, начиная съ Герцена и кончая Грановскимъ. Всѣ эти рефлексіи и сомнѣнія, всѣ эти блужданія въ потемкахъ различныхъ противорѣчій — были столь-же и мучительны для Бѣлинскаго, какъ и для всѣхъ его современниковъ. Вотъ что свидѣтельствуетъ объ этомъ г. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ:

„Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ (1843 г.), его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философическіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п. Не будучи зна-

комъ ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ (онъ даже по-французски читалъ съ большимъ трудомъ) и не находя въ русскихъ книгахъ ничего, что̀ могло бы удовлетворить его пытливость, Бѣлинскій поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ разговорамъ съ друзьями, къ продолжительнымъ толкамъ, сужденіямъ и разспросамъ; и онъ отдавался имъ со всѣмъ лихорадочнымъ жаромъ своей жаждавшей правды души... И такъ, когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ употреблялъ не однажды; но въ дѣйствительности и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучили, лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его, онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала, но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла, и мужа, и меня, хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. „Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога—сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ—а вы хотите ѣсть!“

Это переходное состояніе отражается и въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ, эпохи сотрудничества его въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Перебирая статьи его этой эпохи, одна за другою, вы встрѣтите, какъ постепенно Бѣлинскій переходитъ изъ праваго лагеря гегеліанцевъ въ лѣвый и дѣлается, наконецъ, фейербахистомъ; отрѣшаясь отъ идеализма, все болѣе становится на реальную почву, наконецъ, изъ поклонника чистаго искусства превращается въ проповѣдника искусства для жизни.

По пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1839 году, Бѣлинскій въ теченіе перваго года все еще носился со своими московскими идеями. Первымъ дѣломъ онъ напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ двѣ свои знаменитыя статьи, написанныя имъ еще въ Москвѣ и

выражающія апогей его московскихъ увлеченій: „Очерки Бородинскаго сраженія“ и „Менцель, критикъ Гёте“. Затѣмъ, въ 1840 году была напечатана имъ критическая статья, посвященная разбору „Горя отъ ума“ Грибоѣдова рядомъ съ „Ревизоромъ“ Гоголя. Мы разсматривали эту статью въ 7-й главѣ и видѣли въ ней преобладаніе идей московскаго періода: комедія Гоголя въ этой статьѣ превозносится, какъ идеалъ комедіи, вслѣдствіе своей объективности, а „Горе отъ ума“ выключается изъ ряда художественныхъ произведеній за преобладаніе въ ней сатиры.

Но уже и въ этой статьѣ, несмотря на преобладаніе въ ней все еще московскихъ теорій, вы видите вѣяніе новаго духа. Вы замѣчаете, что Бѣлинскій гораздо глубже усвоилъ гегелевскую философію и пришелъ къ болѣе правильному пониманію ея. Онъ уже не считаетъ все дѣйствительное разумнымъ и не проповѣдуетъ примиреніе съ мрачными сторонами жизни въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Напротивъ того, дѣйствительнымъ онъ признаетъ только разумное въ жизни, все-же остальное относитъ къ категоріи призрачнаго. „Дѣйствительстность — говоритъ онъ (см. Соч. Б., т. III, стр. 364) — есть во всемъ, въ чемъ только есть движеніе, жизнь, любовь; все мертвое, холодное, неразумное, эгоистическое— есть призрачность“. Сообразно этимъ двумъ категоріямъ, онъ дѣлитъ и поэзію на положительную — поэзію разумной дѣйствительности, и отрицательную — поэзію неразумной призрачности.

Но особенно замѣчательна эта статья тѣмъ, что въ ней Бѣлинскій впервые рѣшился признать романтизмъ явленіемъ вполнѣ отжившимъ и неимѣющимъ никакого значенія въ современной жизни. Онъ провелъ на отношеніе романтизма къ классицизму взглядъ, основанный вполнѣ на гегелевской философіи. По его мнѣнію, древній классицизмъ и средневѣковой романтизмъ суть двѣ противоположности, тезъ и антитезъ. Въ одной крайности, именно въ классицизмѣ, Бѣлинскій видитъ преобладаніе формы надъ идеей, чувственной красоты надъ духомъ; въ романтизмѣ—наоборотъ: преобладаніе духа надъ формой. Искать идеала поэзіи въ одной изъ этихъ крайностей, по мнѣнію Бѣлинскаго, крайне нелѣпо, такъкакъ прогрессъ заключается не въ установленіи той или другой крайности, а въ примиреніи ихъ, синтезѣ. „Наше новѣйшее искусство — говоритъ онъ (см. Соч. Б., т. I, стр. 349) — начатое Шекспиромъ и Сервантесомъ, не есть ни классическое, потому что „мы не греки и не римляне“, и не романтическое, потому что мы не рыцари и не трубадуры среднихъ вѣковъ. Какъ-же его на-

звать? Новѣйшимъ. Въ чемъ его характеръ? Въ примиреніи классическаго и романтическаго, въ тождествѣ, а слѣдовательно, и въ различіи отъ того и другаго, какъ двухъ крайностей. Происходя исторически, непосредственно отъ втораго, изслѣдовавъ всю глубину и обширность его безконечнаго содержанія и обогатя его дальнѣйшимъ развитіемъ христіанской жизни и пріобрѣтеніемъ новаго знанія, оно примирило богатство своего романтическаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы".

Мы не будемъ распространяться объ искусственности подобнаго метафизическаго взгляда на исторію искусства — взгляда, который господствовалъ въ 40-е годы. Если вы вооружитесь подобнымъ взглядомъ на развитіе искусства, то, конечно, вы должны будете безпрестанно становиться въ тупикъ при анализѣ различныхъ произведеній древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ: такъ, напримѣръ, на какомъ основаніи вы отвергнете преобладаніе внутренняго содержанія, идеи въ такихъ произведеніяхъ древности, какъ Прометей Эсхила, комедіи Аристофана, сатиры Ювенала, а съ другой стороны, Divina comedia Данте, несмотря на то, что появилась въ самой глубинѣ среднихъ вѣковъ, представляетъ вовсе не преобладаніе идеи, содержанія надъ формой, а напротивъ того, вы видите въ ней представленіе сверхчувственныхъ вещей, до такой степени чувственное и пластичное, что, читая комедію, вы забываете о духовности этихъ вещей. Но для насъ взглядъ Бѣлинскаго важенъ не по отношенію къ его вѣрности, а по значенію въ свое время. Статья Бѣлинскаго, проведшая подобный взглядъ, и напечатанная въ 1840 году, представляется какъ бы сигнальнымъ выстрѣломъ, возвѣстившимъ переходъ отъ 30-хъ годовъ къ 40-мъ. Этотъ выстрѣлъ возвѣстилъ, что близокъ конецъ царству романтизма, что романтизмъ утратилъ свое значеніе передоваго знамени вѣка. Правда, тотъ-же самый взглядъ провелъ еще ранѣе Бѣлинскаго Н. Надеждинъ въ своей диссертаціи о романтизмѣ. Но Надеждинъ не могъ имѣть такого вліянія, какъ по своей уклончивости, непрямотѣ, вилянію хвостикомъ передъ классицизмомъ, такъ и потому, что въ 20-е годы взглядъ, высказанный Надеждинымъ, былъ слишкомъ преждевременъ. Правда, что Бѣлинскій, возвѣстившій конецъ романтизма, тѣмъ не менѣе, оставался до могилы во многихъ отношеніяхъ истымъ романтикомъ, подобно многимъ его современникамъ, но это показываетъ только, что умственные перевороты совершаются не по мановенію волшебнаго жезла, а имѣютъ свой неизбѣжный процессъ, который можно предвидѣть,

можно сознавать, но перешагнуть черезъ который такъ-же невозможно, какъ сразу отростить бороду или вырости на вершокъ. Статья Бѣлинскаго въ этомъ отношеніи возвѣстила не конецъ романтизма, а начало выхода изъ него, наступленіе эпохи броженія и борьбы идей, характеризующихъ собою 40-е годы. Послѣ статьи Бѣлинскаго крики противъ романтизма начинаютъ раздаваться въ литературѣ чаще, рѣшительнѣе и громче, и въ концѣ 40-хъ годовъ, какъ мы вскорѣ увидимъ, романтизмъ сдѣлался браннымъ прозвищемъ для всего отсталаго и отжившаго.

И надо отдать справедливость Бѣлинскому, что въ синтезѣ классицизма и романтизма, который онъ проповѣдывалъ, онъ предвидѣлъ именно то, къ чему стремилось человѣчество въ его время. Въ той-же статьѣ о „Горе отъ ума“ вы читаете слѣдующія многознаменательныя строки (см. С. Б., т. III, стр. 355, 357):

„Мечтательность въ XIX вѣкѣ такъ же смѣшна, пошла и притворна, какъ и сантиментальность. Дѣйствительность — вотъ пароль и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могучій мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное... Мечтательность была высшею дѣйствительностью только въ періодѣ юношества человѣческаго рода; тогда и формы поэзіи улетучивались въ өиміамъ молитвы, во вздохъ блаженствующей любви или тоскующей разлуки. Поэзія-же мужественнаго возраста человѣчества, наша новѣйшая поэзія осязаетъ изящную форму, просвѣтляетъ эѳиромъ мысли, и на яву дѣйствительности, а не во снѣ мечтаній отворяетъ таинственныя врата священнаго храма духа. Короче, какъ романтическая поэзія была поэзіей мечты и безотчетнымъ порывомъ въ область идеаловъ, такъ новѣйшая поэзія есть поэзія дѣйствительности, поэзія жизни...“

Въ томъ-же году, въ статьѣ по поводу сочиненій Марлинскаго, Бѣлинскій еще болѣе развилъ эту идею о поэзіи дѣйствительности, жизни. „Истинно-художественное произведеніе всегда поражаетъ читателя — говоритъ онъ (Соч. Б., т. III, стр. 458 и 459) — своею истиной, естественностью, вѣрностью, дѣйствительностью, до того, что, читая его, вы безсознательно, но глубоко убѣждены, что все разсказываемое или представляемое въ немъ, происходило именно такъ, и совершиться иначе не могло. Когда вы его окончите, изображенныя въ немъ лица стоятъ передъ вами, какъ живыя, во весь ростъ, со всѣми малѣйшими своими особенностями—

съ лицемъ, съ голосомъ, съ поступью, со своимъ образомъ мышленія; они навсегда и неизгладимо впечатлѣваются въ вашей памяти, такъ что вы никогда уже не забудете ихъ. Цѣлое піэсы обхватываетъ все существо ваше, проникаетъ его насквозь, а частности ея памятны и живы для васъ только по отношенію къ цѣлому. И чѣмъ больше читаете вы такое художественное созданіе, тѣмъ глубже, ближе и неразрывнѣе совершается въ васъ внутреннее и задушевное освоеніе и сдруженіе съ нимъ. Простота есть необходимое условіе художественнаго произведенія, по своей сущности отрицающее всякое внѣшнее украшеніе, всякую изысканность. Простота есть красота истины, и художественныя произведенія сильны ею, тогда какъ мнимо-художественныя часто гибнутъ отъ нея, и потому по необходимости прибѣгаютъ къ изысканности, запутанности и необыкновенности... Въ искусствѣ, все невѣрное дѣйствительности есть ложь и обличаетъ не талантъ, а бездарность. Искусство есть выраженіе истины, и только одна дѣйствительность есть высочайшая истина, а все внѣ ея, т.-е. всякая выдуманная какимъ-нибудь „сочинителемъ“ дѣйствительность есть ложь и клевета на истину...“

Подобныя идеи, сдѣлавшіяся въ настоящее время азбучными истинами, были великими открытіями для русской публики въ то время, какъ писалъ эти строки Бѣлинскій. Публика эта продолжала еще въ то время зачитываться Марлинскимъ; на Гоголя смотрѣли, какъ на комическаго балагура или грязнаго пасквилянта, и въ поэзіи видѣли не болѣе, какъ праздный вымыселъ, сказку. Понятно, что прежде чѣмъ дойти до идеи полезнаго искусства, совершенно послѣдовательно было со стороны Бѣлинскаго установить истинный взглядъ на искусство вообще, какое бы ни было, чистое или полезное, убѣдить публику, что истинное искусство высоко не вымысломъ, а правдой, вѣрнымъ воспроизведеніемъ жизни. Изъ этой-же идеи самъ собою слѣдовалъ прямой выводъ, что искусство, цѣнное правдой жизни, этимъ уже самымъ есть искусство полезное; если ставить искусство, воспроизводящее дѣйствительность, выше искусства вымысла, отрѣшеннаго отъ жизни, то во имя чего-же другаго, какъ не во имя насущной, жизненной полезности подобнаго искусства. Мы увидимъ вскорѣ, что Бѣлинскій не замедлилъ придти къ подобному выводу.

Въ томъ-же 1840 году была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ“ статья Бѣлинскаго о „Героѣ нашего времени“ Лермантова. Статья эта замѣчательна прежде всего тѣмъ, что Бѣлинскій

рѣшился, наконецъ, заговорить о Лермантовѣ, не пугаясь его субъективности; это былъ въ своемъ родѣ прогрессъ для него и большой шагъ отъ московскихъ теорій. Съ другой стороны, статья замѣчательна тѣмъ, что она посвящаетъ васъ въ ту внутреннюю борьбу, которую началъ переживать Бѣлинскій съ своего пріѣзда въ Петербургъ. Анализъ знаменитаго романа Лермантова, проведенный въ статьѣ, отличается именно тѣмъ, что это не историческій анализъ, не общественно-физіологическій, не эстетическій, наконецъ, а чисто-субъективный, отражающій внутренній міръ критика. Оставляя въ сторонѣ вліяніе Байрона на Лермантова и общественную среду, создавшую Печорина, и къ которой онъ исключительно принадлежитъ, Бѣлинскій приравниваетъ героя романа Лермантова къ своему вѣку вообще и къ самому себѣ въ частности; онъ видитъ въ немъ олицетвореніе того духа сомнѣній и рефлексій, который терзалъ въ это время всѣхъ мыслящихъ современниковъ Бѣлинскаго, въ томъ числѣ и его.

„Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и думъ — говоритъ Бѣлинскій о Печоринѣ, подразумѣвая въ этихъ словахъ свой вѣкъ и самого себя — сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность* — вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и презирая старые, онъ, все-таки, по нимъ-же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптическій обманъ, то безсмысленное мелканіе китайскихъ тѣней. Это — переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ, и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и „хандрой“, и „ипохондріей“, и „мнительностью“, и „сомнѣньемъ“, и другими словами, далеко невыражающими сущности явленія, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексіей*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго, ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи, человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самомъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализи-

руетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна-ли, истинна-ли эта мысль, дѣйствительно-ли чувство, законно-ли намѣреніе, и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ—и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ, рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ, и не ударяетъ... Ужасное состояніе! Даже въ объятіяхъ любви, среди блаженнѣйшаго упоенія и полноты жизни, возстаетъ этотъ враждебный внутренній голосъ, чтобы заставить человѣка думать въ такое время, когда не думаетъ никто, и, вырвавъ изъ его рукъ очаровательный образъ, замѣнить его отвратительнымъ скелетомъ.

„Но это состояніе сколько ужасно, столь-же и необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя ступень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ, человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности есть — мысль. Въ мысли независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего — онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ—онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто-практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа и которыхъ жизнь — апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостью соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если онѣ не лишены глубокости“...

Эта характеристика вѣка живо напоминаетъ намъ подобныя-же характеристики, которыми начинаются статьи Герцена „Диллетанты-романтики“ и „По поводу одной драмы“. Въ разбираемой нами

статьѣ Бѣлинскаго можно найти и другое сходство съ рефлективными статьями Герцена; именно въ статьѣ Бѣлинскаго вы видите такое-же ироническое отношеніе къ установленнымъ правиламъ ходячей, рутинной морали, какое мы видимъ въ „Капризахъ и раздумьяхъ“... Подобное отношеніе представляется однимъ изъ неизмѣнныхъ симптомовъ, сопровождавшихъ рефлективный періодъ 40-хъ годовъ. Образцомъ иронiи, съ которой Бѣлинскій обращается къ пошлымъ моралистамъ, могутъ служить слѣдующія строки, встрѣчаемыя намп въ статьѣ (см. С. Б., т. III, стр. 601):

„Какой странный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому, что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка! Эгоистъ злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!..“ хоромъ закричатъ, можетъ быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете, за что̀ сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѳемѣ не за пороки—въ васъ ихъ больше, и въ васъ они черпѣе и позорпѣе—но за ту смѣлую свободу, за ту жолчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ. Вы позволяете человѣку дѣлать все, что̀ ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ; но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ дѣлѣ и не думаетъ, и не дѣйствуетъ... И за то, ваше инквизиторское ауто-да-фе готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ разсчетѣ съ своею совѣстію... И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ неглиже, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ и общество отвергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нѣчего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что

онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти — бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни странны они— острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморой, которыми вы, бѣдные, такъ безплодно страдаете... Пусть онъ клевещетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастіе въ насыщенной гордости; пусть онъ клевещетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клевещетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая юность съ возмужалостью — пусть!.. Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!..“

Во всемъ этомъ, если хотите, много романтическаго и даже риторическаго. Типъ Печорина былъ разобранъ впослѣдствіи на иныхъ основаніяхъ, болѣе реальныхъ и объективныхъ, и въ глазахъ публики всталъ на одну доску съ Обломовымъ. Но вы не забудьте, что когда Бѣлинскій впервые разбиралъ Печорина, этихъ новыхъ и реальныхъ основаній еще не существовало; повсюду господствовала одна только рутинная, пошлая мораль. Въ это время сочувственное отношеніе ко всему, выходящему такъ или иначе изъ предѣловъ этой морали, было въ высшей степени полезно въ томъ отношеніи, что подкапывалось подъ гнилую, отжившую мораль и расшатывало ея господство. Еслибы въ то время могъ появиться критикъ, который взглянулъ бы на Печорина глазами Добролюбова или Писарева, его анализъ былъ бы не понятъ современниками Бѣлинскаго, недоразвившимися до реальныхъ основаній этого анализа, и послужилъ бы только орудіемъ въ нападкахъ на Печорина различныхъ святошъ и лицемѣровъ того времени. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, что преждевременные проблески идей будущаго вѣка бываютъ обыкновенно въ той-же мѣрѣ вредны для прогресса, какъ и упорство старыхъ идей. Пока передовая мысль вѣка не совершила своего дѣла, нападки на нее, хотя бы и съ точки зрѣнія будущихъ и самыхъ зрѣлыхъ поколѣній, каждый разъ ставятъ полемизатора въ лагерь обскурантовъ, и дѣлаютъ его

ревностнымъ ихъ помощникомъ. Мы уже видѣли одинъ разительный примѣръ подобнаго явленія: такъ Надеждинъ, со своими идеями сороковыхъ годовъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ сдѣлался-было союзникомъ приверженцевъ ложно-классическихъ тенденцій.

Впродолженіе 1841 и 42 годовъ, Бѣлинскій писалъ свои статьи все еще подъ преобладающимъ вліяніемъ московскихъ теорій, хотя и значительно поколебленныхъ уже новымъ движеніемъ его мысли. Такъ онъ отрѣшается мало-по-малу отъ своего французоѣдства и начинаетъ ставить французскую литературу рядомъ съ нѣмецкою, какъ ея антитезъ, имѣющій свое значеніе. „Для нѣмца—говоритъ онъ — наука и искусство—сами себѣ цѣль и высшая жизнь, абсолютное бытіе; для француза, наука и искусство — средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія, моментальнаго опредѣленія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. Вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные народы; вотъ почему ея летучія произведенія пользуются такою всеобщностью, такою извѣстностью; вотъ почему они такъ и недолговѣчны, такъ эфемерны...“ Въ Англіи онъ видитъ примиреніе этихъ двухъ крайностей. Въ то-же время въ рецензіи на романъ Жоржъ Занда „Бернаръ-Мопра“ (1841 г.), Бѣлинскій впервые является горячимъ поклонникомъ этой писательницы, которая въ послѣдующій періодъ его жизни сдѣлалась для него столь-же любимымъ поэтомъ, какими были Гёте и Гофманъ въ лѣта его юности. „Этъ не г. де-Бальзакъ — восклицаетъ въ восторгѣ Бѣлинскій — съ своими герцогами, герцогинями, графами, графинями и маркизами, которые столько-же похожи на истинныхъ, сколько самъ г. де-Бальзакъ похожъ на великаго писателя, или геніальнаго человѣка. У Жоржъ-Занда нѣтъ ни любви, ни ненависти къ привиллегированнымъ сословіямъ, нѣтъ ни благоговѣнія, ни презрѣнія къ низшимъ слоямъ общества; для нея не существуютъ ни аристократы, ни плебеи; для нея существуетъ только человѣкъ, и она находитъ человѣка во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, любитъ его, сострадаетъ ему, гордится имъ и плачетъ о немъ. Но женщина и ея отношенія къ обществу, столь мало оправдываемыя разумомъ, столь много основывающіяся на преданіи, предразсудкахъ, эгоизмѣ мужчинъ—эта женщина наиболѣе вдохновляетъ поэтическую фантазію Жоржъ-Занда, и возвышаетъ до паѳоса благородную энергію ея негодованія къ легитимированной насиліемъ невѣже-

ства ея живую симпатію съ угнетенной предразсудками истинѣ. Жоржъ-Зандъ есть адвокатъ женщины, какъ Шиллеръ былъ адвокатъ человѣчества. Мудрено-ли послѣ этого, что г-жа Дюдеванъ ославлена слѣпою чернью, дикою, невѣжественною толпой, какъ писательница безнравственная! Кто открываетъ людямъ новыя истины, тому люди не дадутъ спокойно кончить вѣка; за то, когда сведутъ въ раннюю могилу, то непремѣнно воздвигнутъ великолѣпный памятникъ, и какъ на святотатца будутъ смотрѣть на того, кто бы дерзнулъ сказать хоть одно слово противъ предмета ихъ прежней остервенѣлой ненависти... Вѣдь и Шиллеръ, при жизни своей, слылъ писателемъ безнравственнымъ и развратнымъ...“

Какая очевидная разница и въ идеяхъ, и въ симпатіяхъ, и въ тонѣ между Бѣлинскимъ 1839 года и 41-го! Тотъ-ли это Бѣлинскій, который смотрѣлъ на произведенія Шиллера, какъ на уродливые ублюдки, смѣсь краснорѣчія и поэзіи, въ женскомъ вопросѣ видѣлъ одни бредни сенъ-симонистовъ, а Жоржъ-Зандъ самъ считалъ, подобно невѣжественной толпѣ, писательницей безнравственною.

Въ 1843 году Бѣлинскій окончательно переходитъ въ лѣвый лагерь гегеліанцевъ, такъ что послѣдніе слѣды московскихъ увлеченій исчезаютъ. Гегелевскую діалектику онъ начинаетъ употреблять уже не въ видѣ одного усматриванія въ жизни различныхъ противорѣчій и искусственнаго сведенія ихъ въ примиряющіе синтезы, а съ цѣлію проповѣди вѣчнаго и неусыпнаго прогресса. „До постиженія идеи — говоритъ Бѣлинскій въ обозрѣніи литературы за 1842 г. (см. С. Б., т. VII, стр. 56) — мы доходимъ искусственнымъ путемъ отвлеченія: слѣдовательно, идея сама по себѣ есть только одна сторона предмета, искусственно отдѣляемая нами отъ живой всецѣлости предмета, для того, чтобъ намъ можно было отрѣшиться отъ непосредственнаго, эмпирическаго способа понимать этотъ предметъ. И потому нѣтъ идей, которыя и оставались бы идеями; но всякая идея осуществляется какъ фактъ — какъ предметъ или какъ дѣйствіе. Осуществленіе идеи въ фактѣ имѣетъ свои непреложные законы, изъ которыхъ главнѣйшій — послѣдовательность и постепенность. Ничто не является вдругъ, ничто не рождается готовымъ; но все, имѣющее идеи своимъ исходнымъ пунктомъ, развивается по моментамъ, движется діалектически, изъ низшей ступени переходя на высшую. Этотъ непреложный законъ мы видимъ и въ природѣ,

и въ человѣкѣ, и въ человѣчествѣ. Прпрода явилась не вдругъ, готовая, но имѣла свои дни, или свои моменты творенія. Царство ископаемое предшествовало въ ней царству прозябаемому, прозябаемое — животному. Каждая былинка проходитъ черезъ нѣсколько фазисовъ развитія, и стебель, листъ, цвѣтъ, зерно, суть не что иное, какъ непреложные послѣдовательные моменты въ жизни растенія. Человѣкъ проходитъ черезъ физическіе моменты младенчества, отрочества, юношества, возмужалости и старости, которымъ соотвѣтствуютъ нравственные моменты, выражающіеся въ глубинѣ, объемѣ и характерѣ его сознанія. Тотъ-же законъ существуетъ и для обществъ, и для человѣчества...“

Сознаніе этого закона заставляетъ Бѣлинскаго смѣло смотрѣть на будущее, не обращая вниманія на всѣ ужасы настоящаго. Такъ, въ своей статьѣ о сочиненіяхъ Баратынскаго (см. С. Б., т. VI, стр. 311) онъ смѣется надъ людьми, „которыхъ разложеніе и гніеніе элементовъ старой общественности, продажность, нравственный развратъ и оскудѣніе жизни и доблести въ современномъ — заставляютъ отчаяваться за будущую участь человѣчества...“ „Здѣсь, очевидно, демонъ губитъ ихъ на фактѣ — говоритъ Бѣлинскій объ этихъ людяхъ — за которымъ они не видятъ идеи, не понимая, что умираетъ и гніетъ только отжившее, чтобы уступить мѣсто новому и живому. Еслибъ вмѣсто того, чтобъ испугаться демона, они испытали его — онъ указалъ бы имъ на послѣднее время умиравшей древности, которая въ амфитеатрахъ своихъ тѣшилась кровавымъ зрѣлищемъ, какъ звѣри терзаютъ христіанъ, и которая, въ слѣпотѣ своей, не подозрѣвала, что этою побѣдой надъ мучениками она сама была побѣждена, съ своими уже опошлившимися богами... Тогда они поняли бы, что смерть старой истины еще не означаетъ смерти истины вообще...“

Этотъ законъ прогресса Бѣлинскій примѣняетъ и къ искусству. Если развивается въ мірѣ все сущее, то и искусство, въ свою очередь, подлежитъ развитію, и къ тому-же развитіе его, по мнѣнію Бѣлинскаго, всегда бываетъ связано съ другими сферами сознанія. „Въ эпоху младенчества и юношества народовъ, искусство всегда болѣе или менѣе — выраженіе религіозныхъ идей, а въ эпоху возмужалости — философскихъ понятій“. Кромѣ этого, Бѣлинскій признаетъ на развитіе и характеръ искусства вліяніе природы, мѣстности, страны, климата, наконецъ, политическихъ

обстоятельствъ. Всѣ эти соображенія приводятъ Бѣлинскаго къ слѣдующему выводу:

„Изъ этого видно — говоритъ онъ — какъ жестоко ошибаются тѣ умозрительные судіи изящнаго, которые хотятъ видѣть въ искусствѣ совершенно отдѣльный міръ, существующій независимо отъ другихъ сферъ сознанія и отъ исторіи. Основываясь на томъ, что предметъ искусства не временное, и относительное, а вѣчное и безусловное, они думаютъ, что искусство унижаетъ себя, если подчиняется какимъ бы то ни было историческимъ и временнымъ вліяніемъ. Но это значитъ смотрѣть на „вѣчное“ и „безусловное“, какъ на отвлеченныя понятія, чуждыя всякаго содержанія, какъ на логическія построенія, лишенныя всякой жизненности; ибо „вѣчное“ выражается во времени, „безусловное“ ограничивается формой проявленія, „безконечное“ дѣлается доступнымъ созерцанію въ конечномъ“. „Байронъ, Шиллеръ и Гёте — говоритъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ (см. Соч. Б., т. VI, стр. 208) — это философы и критики въ поэтической формѣ. О нихъ всего менѣе можно сказать, что они поэты, и больше ничего. Правда, Гёте, вслѣдствіе своей уже слишкомъ нѣмецкой натуры и аскетическаго образа воззрѣнія на міръ, Гёте еще могъ бы подходить подъ идеалъ поэта, который поетъ, какъ птица, для себя, не требуя ничьего вниманія (лишь печатаетъ свои пѣснопѣнія для людей); но и онъ не могъ не заплатить дани духу времени: его „Вертеръ“ есть не что иное, какъ вопль эпохи; въ его „Фаустѣ“ заключены всѣ нравственные вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ груди внутренняго человѣка нашего времени; его „Прометей“ дышетъ преобладающимъ духомъ вѣка; многія изъ его мелкихъ лирическихъ піэсъ суть не что иное, какъ выраженіе философскихъ идей... Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится „птичьимъ пѣніемъ“, создастъ себѣ свой міръ, неимѣющій ничего общаго съ исторической и философскою дѣйствительностью современности, если она вообразитъ, что земля не достойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ ясновидѣній и поэтическихъ созерцаній. Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была она, не войдутъ въ жизнь, не возбудятъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ... Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого

не нужно принуждать себя писать на тэмы, насиловать фантазію; для это нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что̀ вошло, глубоко запало въ душу, то само собою проявится во внѣ...“

Сообразно съ этими новыми воззрѣніями Бѣлинскаго на искусство, измѣнилась и оцѣнка его поэтическихъ произведеній. Онъ началъ смотрѣть на нихъ не съ одной только эстетической точки зрѣнія, началъ искать въ нихъ не одного только соотвѣтствія идеи и формы, а между прочимъ, обращать вниманіе и на то, на сколько произведеніе выражаетъ духъ современности и удовлетворяетъ интересамъ общества. Такъ, напримѣръ, взглядъ его на Пушкина совершенно измѣнился сравнительно съ тѣмъ, какой онъ высказывалъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“. Въ рядѣ статей, посвященныхъ разбору стихотвореній Пушкина, онъ ставитъ на видъ историческое значеніе Пушкина, какъ поэта, отдаетъ ему въ этомъ отношеніи полную справедливость, но въ то-же время смотритъ, какъ на большой недостатокъ Пушкина, на его стремленіе къ чистому искусству и отрѣшеніе отъ современности, и вслѣдствіе этого отрицаетъ значеніе Пушкина для 40-хъ годовъ. „Какъ бы то ни было — говоритъ Бѣлинскій (см. Соч. Б., т. VIII, стр. 398) — но по своему воззрѣнію, Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и бо̀льшую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возникаетъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные болѣзненные вопросы настоящаго...“ Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія, тѣмъ не менѣе, были причиной постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили первыя его произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя, въ художественномъ отношеніи, піэсы; но въ нихъ видна

была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она вправѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина)...

Рядомъ съ этимъ новымъ взглядомъ Бѣлинскаго на Пушкина, мы можемъ поставить приговоръ его относительно таланта Ап. Майкова — приговоръ, показывающій наглядно его требованія отъ современной поэзіи и нелишенный нѣкотораго пророческаго предвидѣнія. Бѣлинскій встрѣтилъ появленіе Ап. Майкова на литературномъ поприщѣ съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ онъ встрѣчалъ всѣ молодыя дарованія. Но, превознеся антологическія произведенія Майкова, поставивши ихъ даже выше подобныхъ-же произведеній Пушкина, Бѣлинскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ опасеніе, чтобы Майковъ не ограничился однѣми антологіями. „Но жаль было бы — говоритъ онъ въ „Обозрѣніи Русской Литературы за 1842 г.“ (см. Соч. Б., т. VII, стр. 32) — еслибы только на этомъ остановился г. Майковъ. Антологическія стихотворенія, какъ бы ни были хороши — не болѣе, какъ пробный камень артистическаго элемента въ поэтѣ. Ихъ можно сравнить съ ножкой Психеи, рукой Венеры, головой Фавна, превосходно высѣченными изъ мрамора. Конечно, превосходно сдѣланная ножка, ручка, грудь, или голова, каждая изъ этихъ деталей можетъ служить доказательствомъ необыкновенныхъ скульптурныхъ дарованій, чувства пластики, изученія древняго искусства, но еще не составляетъ скульптуры, какъ искусства, и превосходно сдѣлать ножку, ручку, грудь, или головку далеко не то, что создать цѣлую статую. Сверхъ того, исключительная преданность древнему міру (и, притомъ, далеко не вполнѣ понятому), безъ всякаго живаго, кровнаго сочувствія къ современному міру, не можетъ сдѣлать великимъ или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени. Къ этому еще должно присовокупить, что одно да одно, теряя прелесть новости, теряетъ и свою цѣну. И такъ, мы желали бы, чтобъ г. Майковъ или предавался основательному и обширному изученію древности и передавалъ на русскій языкъ, своимъ дивнымъ стихомъ, вѣчныя,

неумирающія созданія эллинскаго искусства, или обрѣлъ въ тайникѣ духа своего тѣ сердечныя, задушевныя вдохновенія, на которыя радостно и привѣтливо отзывается поэту современность. Покоряясь требованіямъ справедливости, мы не можемъ не повторить здѣсь уже сказаннаго нами въ статьѣ о стихотвореніяхъ г. Майкова, что почти всѣ его не антологическія стихотворенія пока не обѣщаютъ въ будущемъ ничего особеннаго".

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Двѣ струи въ движеніи мысли сороковыхъ годовъ: струя зрѣлаго и молодаго поколѣнія. — Причины преобладанія отрицанія въ зрѣлыхъ дѣятеляхъ сороковыхъ годовъ. — Отрицательный характеръ сочиненій Бѣлинскаго съ 1843 года и недостатокъ опредѣленныхъ взглядовъ на положительность, натуральную школу и женскій вопросъ. — Направленіе молодежи сороковыхъ годовъ. — Первые проблески реальной мысли. — В. Н. Майковъ и его эстетическая теорія. — Критика метафизической эстетики.

Мы уже сказали въ предъидущей главѣ, что окончательный переходъ Бѣлинскаго въ лагерь лѣвыхъ гегеліанцевъ совершился въ 1843 году. Годъ этотъ во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ въ ходѣ развитія нашей мысли. Къ этому году успѣлъ и Герценъ обратиться въ фейербахиста; въ этомъ году Грановскій началъ читать публичныя лекціи; съ этого года „Отечественныя Записки“ окончательно дѣлаются органомъ передовой партіи западниковъ, группирующихся въ тѣсный союзъ вокругъ Герцена, Бѣлинскаго и Грановскаго. Этотъ годъ можетъ считаться рубежомъ въ переходномъ процессѣ нашей мысли: до него мы видимъ все еще преобладаніе метафизики и мистицизма, послѣ него мысль начинаетъ съ бо́льшею и бо́льшею смѣлостью стремиться на почву реализма. До него передовые люди находились подъ сильнымъ вліяніемъ германской философіи; послѣ него начинаетъ преобладать вліяніе политическаго и соціальнаго движенія, господствовавшаго въ то время во Франціи.

При этомъ новомъ движеніи нашей мысли надо тщательно различать двѣ струи, которыя особенно рѣзко выступаютъ къ концу сороковыхъ годовъ — струю зрѣлаго и молодаго поколѣнія. Грановскій, Герценъ, Бѣлинскій, Гоголь и др. называются обыкновенно людьми сороковыхъ годовъ, потому только, что въ эти годы совершилось главное развитіе ихъ дѣятельности. Но въ то-же время они уже не были въ сороковые годы тѣмъ, что̀ обыкновенно называется у насъ молодымъ поколѣніемъ. Это было молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Изъ тридцатыхъ годовъ вынесли они свои преданія; тридцатые годы воспитали ихъ и направили. Въ сороковые-же годы они были уже людьми зрѣлыми и во многихъ отношеніяхъ установившимися. Это не мѣшало имъ переживать переходный процессъ развитія сороковыхъ годовъ. Но мы видѣли, какъ трудно давался имъ этотъ процессъ. И это очень понятно: въ 30 и 35 лѣтъ переходные процессы мысли не могутъ уже совершаться съ такою быстротой, какъ въ 20 и 25 лѣтъ; мозгъ человѣка такъ привыкаетъ мыслить въ извѣстномъ направленіи и системѣ, что словно окостенѣваетъ въ томъ видѣ, какъ онъ устроился въ молодые годы. Вотъ почему даже на самыхъ даровитыхъ и сильныхъ умахъ людей сороковыхъ годовъ, наиболѣе освободившихся отъ метафизическихъ принциповъ, нѣтъ, нѣтъ, да и отзывались тридцатые годы. Вся сила и слабость ихъ пропаганды вполнѣ обусловливается тѣмъ моментомъ въ переходномъ процессѣ развитія, когда мысль едва только сбрасываетъ иго отжившихъ принциповъ. Такая мысль всегда бываетъ болѣе критическая, отрицательная, чѣмъ положительная. Новаго еще нѣтъ; оно только-что строится, предвидится и смутно мелькаетъ передъ сознаніемъ въ блѣдныхъ и туманныхъ очеркахъ, между тѣмъ, все старое и пережитое такъ еще свѣжо въ памяти, такъ глубоко врѣзалось у всѣхъ въ нравы и привычки, такъ наболѣло на сердцахъ всѣхъ и каждаго, что мысль невольно обращается ко всему этому, она чувствуетъ свою силу, мощь въ отрицаніи этого стараго, она находитъ въ этомъ отрицаніи невыразимое сладострастіе; но въ то-же время, когда ей приходится давать отчетъ, во имя чего-же она отрицаетъ, тутъ открывается передъ вами вся ея немощность и бѣдность: за неимѣніемъ ничего новаго, она ограничивается общими, неопредѣленными фразами, темными гаданіями, или-же, по привычкѣ, вертится въ очарованномъ кругу того-же стараго міросозерцанія, ограничиваясь только тѣмъ, что называетъ бѣлымъ то, что̀, съ точки зрѣнія стараго міросозерцанія,

считалось черным, и наоборот, хотя въ сущности и черное, и бѣлое стараго міросозерцанія одинаково подлежитъ скептицизму. Бѣлинскій съ поразительною глубиной опредѣлилъ свой вѣкъ въ этомъ отношеніи, сказавши о Печоринѣ, что онъ готовъ для всего новаго, но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и, презирая старые, онъ, все-таки, по нимъ-же судитъ о жизни.

Эти слова Бѣлинскаго о Печоринѣ вполнѣ примѣнительны къ нему самому. Въ самомъ дѣлѣ, самыя сильныя, патетическія и наиболѣе вліятельныя статьи или отдѣльныя мѣста изъ статей Бѣлинскаго послѣ 1843 года суть именно тѣ, въ которыхъ онъ отрицаетъ отжившіе принципы, формы и явленія жизни, окружавшей его; но если вы захотите отдать себѣ отчетъ, что̀-же онъ ставитъ вмѣсто всего этого, сколько ни перечитывайте статьи Бѣлинскаго, вы не въ состояніи будете составить хоть сколько-нибудь опредѣлительныхъ представленій о его положительныхъ идеалахъ и стремленіяхъ, и придете только къ тому заключенію, что онъ держится въ какомъ-то очарованномъ кругу. Такъ, напримѣръ, при каждомъ удобномъ случаѣ Бѣлинскій нападаетъ на романтизмъ. Въ романтизмѣ онъ преслѣдуетъ фантастичность, мечтательность, стремленіе жить мимо жизни.

„Разладъ съ дѣйствительностью — говоритъ онъ о романтикахъ (см. С. Б., т. X, стр. 269) — болѣзнь этихъ людей. Въ дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо спѣшить жить, они, вмѣсто этого, только разсуждаютъ о жизни. Нѣкоторые изъ нихъ спохватываются, но поздно: именно въ то время, когда человѣкъ не годится уже ни на что лучшее; развѣ это не такая-же, или даже еще не бо̀льшая уродливость? Но теперь всѣ заговорили о дѣйствительности. У всѣхъ на языкѣ одна и та-же фраза: „надо дѣлать!“ А между тѣмъ, все-таки, никто ничего не дѣлаетъ! Это показываетъ, что во что бы ни нарядился романтикъ, онъ все останется романтикомъ...“

Все это совершенно справедливо... но справедливо только въ отрицательномъ смыслѣ, въ приложеніи къ романтикамъ. Затѣмъ, является немедленно неотвязный вопросъ: какъ-же нужно жить и что-же дѣлать, чтобы не быть романтикомъ и не быть въ то-же время въ ряду пошлой толпы, которая живетъ не мысля? На это отвѣчаетъ вамъ Бѣлинскій слѣдующею отвлеченною, философскою формой:

„Человѣкъ долженъ сознавать жизнь, и разумъ долженъ вести человѣка по пути жизни — тѣмъ и отличается человѣкъ отъ жи

вотныхъ безсловесныхъ; но основой жизни долженъ быть инстинктъ, непосредственное чувство. Безъ нихъ жизнь есть пустое, холодное и, къ довершенію, преглупое умничанье; такъ-же какъ безъ мыслительности, непосредственное существованіе есть животное состояніе..."

Все это очень красиво, какъ правильно-построенная, логическая формула, но формула слишкомъ общая, чтобы служить отвѣтомъ на вопросъ. По своей отвлеченности, она ничѣмъ не отличается отъ азбучныхъ аксіомъ, въ родѣ праздность есть мать всѣхъ пороковъ, наука отворяетъ врата въ царство разума и пр., которыя, оставаясь вполнѣ истинными и непреложными аксіомами, тѣмъ не менѣе, представляются какими-то засушеными остовами мысли, поражающими васъ своею мертвенностью и ничего не говорящими вашему уму.

Но когда изъ этихъ отвлеченныхъ аксіомъ Бѣлинскому приходилось спускаться въ міръ живой дѣйствительности и анализировать факты жизни, тогда оказывалось, что онъ ничего не былъ въ состояніи противопоставить романтизму, какъ тотъ-же слѣпой, практическій эмпиризмъ пошлой толпы.

Въ 1847 году появился на литературное поприще г. Гончаровъ со своею „Обыкновенною исторіей". Бѣлинскій оцѣнилъ весьма вѣрно вновь появившійся талантъ, объявивши, что Гончаровъ поэтъ, художникъ и больше ничего, мыслитель-же изъ него плохой, что Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностью рисовать; говорить-же, судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателемъ.

Но въ чемъ выражается слабость мысли Гончарова, этого Бѣлинскій не могъ уяснить себѣ ясно и опредѣленно. Недостатокъ мыслительности Гончарова заключается именно въ томъ, что, отнесшись отрицательно къ романтизму и осмѣявъ его въ лицѣ Александра Адуева, Гончаровъ, въ то-же время, въ противовѣсъ этому отжившему типу, поставилъ, какъ идеалъ положительности, типъ еще болѣе отжившій. Если романтизмъ имѣетъ какое-либо значеніе въ исторіи нашего развитія, то именно то, что онъ первый напалъ на эмпиризмъ пошлой толпы. Романтики стоятъ вовсе не рядомъ съ Фамусовыми и Молчалиными, а непзмѣримо впереди нихъ. Но что̀ такое дядюшка Петръ Ивановичъ Адуевъ, какъ не тотъ-же Фамусовъ, идеализированный Гончаровымъ, какъ типъ со-

временной положительности. Ставить въ противовѣсъ мечтательности—эмпиризмъ, въ противовѣсъ романтика—Фамусова, это, значитъ, идти не впередъ, а назадъ, становиться на точку зрѣнія беззавѣтной пошлости филистерства, не помышляющаго ни о чемъ болѣе, какъ о нарощеніи брюшка и капитальца и считающаго все остальное праздною мечтательностью.

Между тѣмъ, Бѣлинскій слѣпо слѣдуетъ за Гончаровымъ. Осыпавъ всевозможными насмѣшками Александра Адуева, онъ въ тоже время совершенно доволенъ дядюшкой. „Петръ Ивановичъ — говоритъ онъ — по своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому, что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презиралъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понималъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобы было больше...“

Что Гончаровъ выставилъ идеаломъ положительности отъѣвшагося филистера, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что Бѣлинскій могъ увлечься этимъ господиномъ, это можетъ представляться съ перваго взгляда рѣшительно непонятнымъ, если вы не примете въ соображеніе, что Бѣлинскій просто-на-просто увлекся до такой степени отрицаніемъ романтизма, что ему было рѣшительно все равно, чѣмъ не быть ненавистный ему романтизмъ, и далѣе этого отрицанія онъ не отдавалъ себѣ ни въ чемъ отчета.

Но если Бѣлинскій оказывается согласнымъ съ Гончаровымъ въ главныхъ мотивахъ романа, то почему, спросите вы, онъ считаетъ Гончарова плохимъ мыслителемъ? Бѣлинскій даетъ вамъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ своемъ разборѣ „Обыкновенной исторіи“, но разъ не попавши въ цѣль, не уловивши сущности недостатковъ романа, Бѣлинскій остается на ложномъ пути и во всѣхъ своихъ выводахъ. По его мнѣнію, недостатокъ мыслительности Гончарова заключается въ томъ, что онъ не выдержалъ характера Ал. Адуева,

зачѣмъ онъ заставилъ его отрезвѣть и склониться на дорогу дядюшки; романтикъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, долженъ до сѣдыхъ волосъ оставаться романтикомъ, и Гончаровъ поступилъ бы справедливѣе, еслибы обратилъ Александра Ивановича въ славянофила. „Тутъ Адуевъ — говоритъ Бѣлинскій — остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь, и между тѣмъ, думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы мечтать о народахъ и племенахъ, о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ — вражда, о томъ, что во времена Гостомысла „славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію“ и пр.

Основная ошибка во всемъ этомъ сужденіи о развязкѣ „Обыкновенной исторіи“ заключается въ томъ, что Бѣлинскій почему-то романтизмъ считаетъ не преходящею фазой развитія, съ которой человѣкъ можетъ двигаться назадъ и впередъ, а какою-то врожденною болѣзнью, какъ будто извѣстный процентъ народонаселенія родится въ видѣ романтиковъ, и ужь разъ кому на долю выпало это несчастіе, тотъ такъ и остается на всю жизнь до гробовой доски романтикомъ. Между тѣмъ, въ вѣкъ Бѣлинскаго превращеніе романтиковъ въ филистеры было явленіемъ весьма заурядным, особенно если взять во вниманіе, что, при всеобщемъ стремленіи къ положительности, даже такіе передовые и глубокіе мыслители, какъ Бѣлинскій, не могли себѣ представить иной положительности, какъ въ видѣ Петра Ивановича Адуева. Такимъ образомъ, Гончаровъ совершенно справедливъ въ развязкѣ романа. Для подобной развязки онъ вовсе не нуждался даже быть особенно глубокимъ мыслителемъ: ему нужно было только вооружиться хорошимъ художественнымъ чутьемъ, чтобы перенесть въ свое произведеніе всецѣло фактъ, который, безъ сомнѣнія, примелькался въ глазахъ его въ обыденной жизни. Но какъ-же это Бѣлинскій не понялъ всей этой естественности развязки романа и почему захотѣлось ему непремѣнно, чтобы Адуевъ до конца жизни оставался романтикомъ? И, опять-таки, по нашему мнѣнію, это произошло отъ увлеченія отрицаніемъ. Осмѣявши романтиковъ, Бѣлинскій не могъ не прихватить по дорогѣ и славянофиловъ. Вообще, въ его полемикѣ всегда были гдѣ романтики, тамъ непремѣнно и славянофилы и наоборотъ, а между тѣмъ, г. Гончаровъ о славя-

нофилахъ, какъ нарочно, не говоритъ въ своемъ романѣ ни полсловечка. У Бѣлинскаго и мелькнула въ головѣ соблазнительная идейка, какъ бы хорошо обратить Адуева въ заключеніе въ славянофилы, и зачѣмъ это Гончаровъ опустилъ это изъ виду... Вслѣдствіе этого онъ и призналъ въ Гончаровѣ слабаго мыслителя и, такимъ образомъ, исходя изъ ложнаго основанія, нечаянно высказалъ правду.

Рядомъ съ пропагандой положительности мы видимъ въ Бѣлинскомъ проповѣдника искусства дѣйствительности, правды, почитателя Гоголя и защитника натуральной школы. Эта школа, ведя свое начало отъ Гоголя, на первыхъ шагахъ далеко опередила своего основателя. Она заимствовала отъ него одну только внѣшнюю форму; между тѣмъ, духъ, господствовавшій въ ней, идеи, лежавшія въ ея произведеніяхъ, не имѣли ничего общаго съ мистическими, средневѣковыми тенденціями Гоголя. По своему внутреннему содержанію, натуральная школа была отголоскомъ того соціальнаго движенія, которое въ то время господствовало во Франціи. Защита раба отъ произвола господина, женщины отъ родоваго ига, осмѣяніе апатіи и рутины, грубаго невѣжества, отсутствія честности, гуманности и гражданскаго чувства — вотъ мотивы натуральной школы.

Вслѣдствіе этого, натуральная школа по самому существу своему была поэзіей тенденціозною. Писатели, принадлежавшіе къ этой школѣ, изображали жизнь не ради одной чистой художественности, а съ цѣлью анализа этой жизни, выраженія своихъ общественныхъ симпатій и антипатій. Этотъ анализъ былъ часто весьма не глубокій, узкій и поверхностный, завися отъ степени развитія большинства писателей того времени; нерѣдко писатели опускали совершенно изъ виду всякій анализъ и увлекались художественнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности безъ всякой цѣли, совершенно въ духѣ чистаго искусства; но, во всякомъ случаѣ, общее направленіе натуральной школы было, все-таки, тенденціозное, аналитическое и отрицательное по преимуществу. Въ концѣ сороковыхъ годовъ школа эта окончательно утвердилась въ нашей литературѣ. Въ это время въ ней подвизались уже Искандеръ, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій, Н. Некрасовъ, И. Панаевъ и пр.

Бѣлинскій глубоко понималъ значеніе и сущность этой новой школы. Съ энтузіазмомъ встрѣчалъ онъ каждый начинающій талантъ, идущій по этому направленію. Онъ не упускалъ случая

чтобы не распространиться по поводу значенія въ его времени натуральной школы, и значенія не одного только художественнаго, но преимущественно общественнаго, гражданскаго. При этомъ онъ постоянно ратовалъ противъ чистаго искусства и доказывалъ, что служеніе общественнымъ интересамъ не только не унижаетъ искусства, но, напротивъ того, возвышаетъ его, расширяетъ сферу его содержанія. Но всѣ эти ратованія и доказательства были хороши только до той поры, пока Бѣлинскій оставался въ сферѣ общихъ философскихъ положеній, но едва спускался онъ къ анализу и оцѣнкѣ различныхъ литературныхъ произведеній своего времени, онъ снова сбивался на старую эстетику и путался въ неисходныхъ противорѣчіяхъ, стремясь къ новому, а судя, все-таки, по старому.

Такъ, напримѣръ, въ 1847 году начали печататься въ „Современникѣ“ „Записки охотника“ — г. Тургенева. Первые разсказы этого сборника были помѣщены въ самомъ концѣ книги, въ отдѣлѣ смѣси. Но, при всемъ томъ, публика обратила вниманіе на эти разсказы и оцѣнила ихъ съ перваго-же появленія лучше многихъ повѣстей и романовъ, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ того-же журнала. Въ обозрѣніи русской литературы за 1847 годъ мы читаемъ слѣдующій отзывъ Бѣлинскаго о „Запискахъ охотника“ Тургенева:

„Наконецъ, въ первой книгѣ „Современника“ за прошлый годъ былъ напечатанъ его разсказъ „Хорь и Калинычъ“. Успѣхъ въ публикѣ этого небольшаго разсказа, помѣщеннаго въ смѣси, былъ неожиданъ для автора и заставилъ его продолжать разсказы охотника. Здѣсь талантъ его обозначился вполнѣ. Очевидно, что у него нѣтъ таланта чистаго творчества, что онъ не можетъ создавать характеровъ, ставить ихъ въ такія отношенія между собою, изъ какихъ образуются сами собою романы и повѣсти. Онъ можетъ изображать дѣйствительность видѣнную и изученную имъ, если угодно—творить, но изъ готоваго даннаго, дѣйствительнаго матеріала. Это не простое списываньe съ дѣйствительности, она не даетъ автору идей, но наводитъ, наталкиваетъ, такъ сказать, на нихъ. Онъ переработываетъ взятое имъ готовое содержаніе по своему идеалу, и отъ этого у него выходитъ картина, болѣе живая, говорящая и полная мысли, нежели дѣйствительный случай, подавшій ему поводъ написать картину; и для этого необходимъ, въ извѣстной мѣрѣ, поэтическій талантъ. Правда, иногда все умѣнье его заключается въ томъ, чтобы только вѣрно передать знакомое

ему лицо, или событіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, потому что въ дѣйствительности бываютъ иногда явленія, которыя стоитъ только вѣрно переложить на бумагу, чтобъ они имѣли всѣ признаки художественнаго вымысла. Но и для этого необходимъ талантъ, и таланты такого рода имѣютъ свои степени. Въ обоихъ этихъ случахъ г. Тургеневъ обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ. Главная характеристическая черта его таланта заключается въ томъ, что ему едва-ли бы удалось создать вѣрно такой характеръ, подобнаго которому онъ не встрѣтилъ въ дѣйствительности. Для такого рода искусства ему даны отъ природы богатыя средства: даръ наблюдательности, способность вѣрно и быстро понять и оцѣнить всякое явленіе, инстинктомъ разгадать его причины и слѣдствія, и, такимъ образомъ, догадкой и соображеніемъ дополнить необходимый ему запасъ свѣдѣній, когда разспросы мало объясняютъ".

Прочитавши это опредѣленіе таланта Тургенева, вы сразу запутываетесь въ лабиринтѣ поразительныхъ противорѣчій. Съ одной стороны, казалось бы, что, по теоріи Бѣлинскаго, у Тургенева есть всѣ данныя для истиннаго художественнаго таланта, такъ-какъ онъ не просто списываетъ съ натуры, а „переработываетъ взятое имъ готовое содержаніе по своему идеалу, и отъ этого у него выходитъ картина, болѣе живая, говорящая и полная мысли, нежели дѣйствительный случай, подавшій ему поводъ написать картину..." Казалось бы, что подъ такое опредѣленіе, по теоріи же Бѣлинскаго, подходитъ не одинъ только родъ поэзіи, и притомъ какой-то самый низшій родъ, а поэзія вообще? Не самъ-же ли Бѣлинскій такъ часто проповѣдывалъ въ своихъ статьяхъ, что поэтъ не можетъ творить изъ себя, выдумывать дѣйствительность, что онъ только преображаетъ то, что видѣлъ и слышалъ, въ свои поэтическіе образы? И вдругъ оказывается, что Тургеневъ, который дѣлаетъ, по словамъ Бѣлинскаго, именно это самое, не имѣетъ таланта чистаго творчества, и потому не имѣетъ, что не можетъ создать характера, „подобнаго которому онъ не встрѣтилъ въ дѣйствительности", потому что „онъ всегда долженъ держаться почвы дѣйствительности..." Такимъ образомъ, и оказывается въ концѣ-концовъ, что истинное творчество есть вовсе не преображеніе дѣйствительности въ поэтическіе образы, а все тотъ-же метафизическій даръ поэта создавать свой собственный міръ; слѣдовательно, и всѣ произведенія натуральной школы, главное достоинство которыхъ въ томъ именно и заключалось, что они твердо

держались почвы дѣйствительности, слѣдуетъ отнести не къ истинно-художественнымъ произведеніямъ, а къ тому-же низшему роду поэзіи, какъ и „Записки охотника“ Тургенева. А между тѣмъ, тотъ-же Бѣлинскій постоянно восхвалялъ натуральную школу именно за то, что она держится на почвѣ дѣйствительности.

Это подведеніе подъ метафизическій принципъ произведеній натуральной школы, совершенно не подходящихъ подъ этотъ принципъ, и было причиной, что Бѣлинскій не имѣлъ никакого истиннаго критеріума для опредѣленія относительнаго достоинства этихъ произведеній.

Такъ, напримѣръ, и Григоровича, и Тургенева онъ ставилъ совершенно рядомъ съ Далемъ, чуждымъ поэтическаго творчества, съ точки зрѣнія какого угодно принципа, метафизическаго или реальнаго. И очень понятно послѣ всего сказаннаго, почему Даль въ глазахъ Бѣлинскаго долженъ былъ стоять на одной доскѣ съ Тургеневымъ: Тургеневъ точно такъ-же не творилъ своего особеннаго міра, какъ и Даль, а такъ-какъ Григоровичъ творилъ своихъ особенныхъ крестьянъ, не похожихъ на дѣйствительныхъ, и слѣдовательно, совершенно подходилъ подъ метафизическій принципъ Бѣлинскаго, то Бѣлинскій и не замедлилъ признать его истиннымъ художникомъ. Только первые его опыты онъ сравниваетъ съ очерками Даля. „Но его два послѣдніе опыта: „Деревня“ и въ особенности „Антонъ Горемыка“ — замѣчаетъ Бѣлинскій — идутъ гораздо дальше физіологическихъ очерковъ. „Антонъ Горемыка“ больше, чѣмъ повѣсть; это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходятъ изъ самой сущности дѣла. Несмотря на то, что внѣшняя сторона разсказа вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антонъ — мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ, онъ лицо трагическое, въ полномъ значеніи этого слова. Это повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ идти по этой дорогѣ, *на которой отъ его таланта можно ожидать такъ многаго...*“

Мы знаемъ въ настоящее время, на сколько Григоровичъ оправдалъ эти ожиданія Бѣлинскаго; мы знаемъ, какъ отнеслась въ его произведеніямъ новая, реальная критика, и видимъ, наконецъ, что въ то время, какъ произведенія Григоровича давно всѣ забыты, несмотря даже на то, что авторъ ихъ еще живъ, „Запи-

ски-же охотника" и до сихъ поръ читаются всѣми и каждымъ съ наслажденіемъ, и именно вслѣдствіе своей художественности, такъ-какъ общественные интересы, проводимые въ нихъ, принадлежатъ уже къ исторіи.

Дальше вышеупомянутаго метафизическаго принципа Бѣлинскій не пошелъ. Это былъ предѣлъ его развитія или, лучше сказать, его привычки, пріобрѣтенной имъ долгими годами увлеченія метафизическими идеями. Онъ привыкъ думать, что главная цѣль критики заключается въ опредѣленіи, на сколько поэтъ обладаетъ даромъ чистаго творчества, создающаго свой особенный міръ просвѣтленной дѣйствительности — и съ этой точки зрѣнія до конца своего литературнаго поприща, занимался подведеніемъ поэтовъ подъ искуственно-составленную метафизиками іерархію, во главѣ которой царилъ геній, затѣмъ слѣдовалъ геніальный талантъ и, наконецъ, просто талантъ, граничащій съ бездарностью. Мы увидимъ ниже, съ какимъ успѣхомъ молодая мысль разбила эту поэтическую табель о рангахъ Бѣлинскаго.

Мы уже видѣли выше, что Бѣлинскій уже въ 1841 г. сдѣлался поклонникомъ Жоржъ-Занда и приверженцемъ женскаго вопроса. Послѣ того онъ неоднократно возвращался къ этому вопросу и каждый разъ его рѣчи въ защиту угнетенной женщины были преисполнены искренней, задушевной теплоты и глубокаго сознанія ненормальности положенія женщины въ обществѣ. Но и здѣсь, опять-таки, главная сила пропаганды Бѣлинскаго заключалась въ отрицаніи. Все то, что̀ говорилъ Бѣлинскій о торговлѣ невѣстами, объ исключительномъ посвященіи жизни женщины кухнѣ и дѣтской, о положеніи женщины въ гостиной, о женщинахъ-писательницахъ—все это дышетъ поразительно глубокою правдой и мѣткостью, все это не потеряетъ значеніе неоспоримой, хотя и грустной истины, пока не измѣнится положеніе женщинъ. Анализъ Татьяны и Ольги при разборѣ „Евгенія Онѣгина" надолго еще останется лучшимъ изъ всего, что̀ писано у насъ о положеніи женщины въ Россіи.

Но если вы, опять-таки, захотите отдать себѣ отчетъ, во имя чего-же отрицалъ Бѣлинскій современное положеніе женщины, какой лучшій идеалъ этого положенія носился въ его воображеніи и какихъ требовалъ онъ измѣненій въ бытѣ женщинъ — вы, опять-таки, не въ состояніи будете, перечитывая статьи Бѣлинскаго, составить объ этомъ ясное понятіе.

Сначала вамъ можетъ показаться, что Бѣлинскій требовалъ пол-

наго равенства женщинъ и мужчинъ и допущенія женщинъ ко всѣмъ занятіямъ, исполняемымъ нынѣ одними мужчинами.

„Мы охотно соглашаемся — говоритъ онъ (см. С. Б., т. VII, стр. 146) — въ томъ, что сама природа создала женщину преимущественно для любви; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы женщина только на одно то и родилась, чтобы любить; напротивъ, изъ этого слѣдуетъ, что женщина, подъ преимущественнымъ преобладаніемъ характера любви и чувства, *создана дѣйствовать въ тѣхъ-же самыхъ сферахъ и на тѣхъ-же самыхъ поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина*, подъ преимущественнымъ преобладаніемъ ума и характера. А между тѣмъ, общественный порядокъ обрекъ женщину на исключительное служеніе любви и преградилъ ей пути *во всѣ другія сферы человѣческаго существованія*. Гаремы только фактически принадлежатъ Востоку: въ идеѣ они принадлежатъ и просвѣщенной Европѣ, и всему міру“.

Такъ писалъ Бѣлинскій въ 1843 году по поводу сочиненія Зенаиды Р—вой. Въ слѣдующемъ году, въ 1844, въ одной изъ статей о сочиненіяхъ Пушкина онъ посвятилъ еще нѣсколько строкъ положенію женщины, но изъ этихъ строкъ оказывается, что подъ сферами и поприщами, въ которыя должна быть допущена женщина наравнѣ съ мужчиной, Бѣлинскій подразумѣваетъ вовсе не тѣ или другія реальныя сферы дѣятельности, а философское раздѣленіе жизни на двѣ сферы: частную и общую, разумѣя подъ частной семейные интересы, а подъ общей — интересы человѣческіе. Такимъ образомъ, и выходитъ, по теоріи Бѣлинскаго, что до сихъ поръ женщина жила въ одной семейной сферѣ, а отнынѣ должна быть посвящена и въ общечеловѣческую, но, все-таки, не иначе, какъ въ виду своего спеціальнаго, предназначеннаго природой призванія—быть хорошею женой и матерью.

„Но, скажутъ намъ: женщина — мать, а назначеніе матери свято и высоко — она воспитательница дѣтей своихъ. Прекрасно! — говоритъ Бѣлинскій по этому поводу (см. Соч. Б., т. VIII, стр. 172) — Но вѣдь воспитывать не значитъ только выкармливать, выпяньчивать (первое можетъ сдѣлать корова или коза, а второе—нянька), но и дать направленіе сердцу и уму, а для этого развѣ не нужно, со стороны матери, характера, науки, развитія, доступности ко всѣмъ человѣческимъ интересамъ? Нѣтъ, міръ знанія, искусства, словомъ, міръ общаго долженъ быть столько-же открытъ женщинѣ, какъ и мужчинѣ, на томъ основаніи, что и она, какъ и онъ, прежде всего — человѣкъ, а потомъ уже любовница,

жена, мать, хозяйка и проч.". И здѣсь мы видимъ тотъ-же очарованный кругъ, въ которомъ вертится Бѣлинскій. Онъ отрицаетъ положеніе женщины, какъ самки, а самъ, все-таки, продолжаетъ смотрѣть на женщину, какъ на самку преимущественно, и скромныя желанія его не простираются далѣе того, чтобы эта самка интересовалась науками, искусствами, общественными вопросами для того, чтобы могла исполнять свои обязанности самки сознательно и разумно, не только выкармливала бы своихъ дѣтей, но и воспитывала бы ихъ, такъ-какъ она не простая самка, а самка-человѣкъ. Если мы рядомъ съ этими взглядами Бѣлинскаго на женщину вспомнимъ, какія мнѣнія высказывали о томъ-же предметѣ Грановскій, Герценъ, или хотя бы и Гончаровъ (въ своемъ романѣ „Обрывъ"), то для насъ станетъ ясенъ тотъ предѣлъ, далѣе котораго люди сороковыхъ годовъ въ женскомъ вопросѣ не пошли. Этотъ предѣлъ обусловливается вполнѣ метафизическою системой ихъ міровоззрѣнія. Вмѣсто того, чтобы анализировать различіе женщинъ отъ мужчинъ, въ его историческомъ теченіи, какъ явленіе измѣняющееся, преходящее, они брали современное имъ различіе, какъ нѣчто субстанціальное, т.-е. неизмѣнное, предуставленное природой, подводили его подъ тезы и антитезы и различныя философскія категоріи, и выходила изъ этого удивительная мѣшанина консервативнаго взгляда съ прогрессивными: смотря на современное имъ различіе женщинъ отъ мужчинъ, какъ на нѣчто предуставленное природой, неизмѣнное, они, въ то-же время, проповѣдывали измѣненіе въ положеніи женщинъ, но такое измѣненіе, чтобы оно, все-таки, не выходило за предѣлы предуставленной неизмѣнности.

Намъ остается разсмотрѣть общественныя убѣжденія Бѣлинскаго. Но это мы оставимъ на слѣдующую главу, такъ-какъ роковой предѣлъ Бѣлинскаго въ этой сферѣ болѣе всего выясняется въ его столкновеніи съ первыми проблесками въ концѣ сороковыхъ годовъ новой и реальной мысли.

Эти проблески новой и реальной мысли принадлежали молодому поколѣнію сороковыхъ годовъ, и составляли ту другую струю въ движеніи въ сороковые годы, о которой мы упомянули въ началѣ этой главы.

Молодое поколѣніе сороковыхъ годовъ училось подъ сильнымъ вліяніемъ стараго. Оно начинало съ тѣхъ-же метафизическихъ принциповъ, но гораздо скорѣе своихъ учителей переживало переходный процессъ и рѣшительнѣе свергало съ себя отжившія си-

стемы. Достигать этого ему было тѣмъ легче, чѣмъ энергичнѣе свѣжѣе была молодая мысль, и чѣмъ меньше было въ ней старыхъ привычекъ. При этомъ многіе изъ лучшихъ молодыхъ людей сороковыхъ годовъ не ограничивались однимъ отрицаніемъ, и шли далѣе; мысль ихъ начинала работать въ новомъ, чисто-реальномъ направленіи, безъ малѣйшихъ уже метафизическихъ отзывовъ, и это вступленіе на реальный путь совершалось тѣмъ быстрѣе, что обновленная мысль находила готовый и богатый матеріалъ на Западѣ, и ей оставалось только усвоивать и переработывать его сообразно потребностямъ русской жизни.

Такимъ образомъ, къ концу сороковыхъ годовъ составилось нѣсколько новыхъ и молодыхъ кружковъ, которые не довольствовались уже одними отвлеченно-философскими и эстетическими вопросами. Вниманіе ихъ было жадно приковано къ той драмѣ, которая разъигрывалась въ то время въ Европѣ. Не ограничиваясь однимъ поверхностными разсужденіями о мотивахъ этой драмы, они глубоко изучали соціальные вопросы того времени, прочитывая цѣлые томы политико-экономическихъ и соціологическихъ трактатовъ. Но не менѣе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ занимали ихъ и всѣ прочія отрасли человѣческихъ знаній. Это новое движеніе не замедлило отразиться и въ литературѣ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ начали появляться въ петербургскихъ журналахъ политико-экономическіе этюды, естественно-научныя обозрѣнія, новыя эстетическія теоріи, и въ то-же время была впервые проповѣдана русской публикѣ позитивная философія Конта — мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, съ какимъ блистательнымъ талантомъ.

Между прочимъ, въ 1846 году, когда Бѣлинскій, со всѣми своими друзьями, удалился въ обновленный „Современникъ“, въ покинутыхъ „Отечественныхъ Запискахъ“ появился новый молодой критикъ — Валеріанъ Николаевичъ Майковъ. Онъ былъ младшимъ братомъ извѣстнаго поэта Ап. Майкова, учился въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ въ 1842 году. Слѣдовательно, онъ былъ еще мальчикомъ, когда Бѣлинскій началъ свою литературную дѣятельность, и выступилъ на литературное поприще, когда Бѣлинскій кончалъ уже его. Впрочемъ, В. Майковъ кончилъ свое поприще еще раньше Бѣлинскаго, едва начавши его. Лѣтомъ, въ 1847 году, онъ утонулъ, купаясь въ прудѣ, въ одной изъ окрестностей Петербурга Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько статей въ „Отечественныхъ

Записках", изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны статьи о стихотвореніяхъ Кольцова („От. Зап." 1846 г.. т. 49), и о романахъ Вальтеръ-Скотта („От. Зап." 1847 г., т. 51). Мы обратимъ вниманіе на статью его о Кольцовѣ, такъ-какъ въ статьѣ этой наиболѣе полно выражаются воззрѣнія В. Майкова, и притомъ она послужила полемическимъ столкновеніемъ съ новымъ критикомъ со стороны Бѣлинскаго.

Такъ-какъ мы имѣемъ дѣло съ критикомъ, то мы начнемъ съ изложенія эстетическихъ воззрѣній В. Майкова. Онъ начинаетъ свою статью о Кольцовѣ прямо съ того, что нападаетъ на самую слабую сторону критики Бѣлинскаго, на отсутствіе систематической и послѣдовательной теоретической подкладки подъ его литературными симпатіями и антипатіями. Онъ отдаетъ полную справедливость этой критикѣ. „Она оказала — говоритъ онъ — русской литературѣ разнообразныя заслуги. Главное, она служила до сихъ поръ энергическимъ выраженіемъ симпатіи къ новой школѣ искусства..."

„Но — говоритъ онъ далѣе — выражать симпатію и анализировать ее — двѣ вещи разныя и по сущности, и по результатамъ. Само собою разумѣется, что ваша страсть укрѣпляется, если узнаетъ себя въ выраженіи страсти другого, но укрѣпляется она безсознательно, безотчетно: кто выразилъ ее сильнѣе, чѣмъ бы вы сами могли выразить, тотъ еще не оправдалъ, не осмыслилъ ее въ глазахъ людей съ совершенно иными потребностями и даже въ собственныхъ вашихъ глазахъ. Справедливо и то, что *сильное* выраженіе всякой мысли и всякаго чувства озадачиваетъ людей, неимѣющихъ возможности противопоставить ему такого-же обнаруженія своей мысли и своего чувства, особенно если первое имѣетъ на своей сторонѣ большинство и моду. Но разсчитывать на такой успѣхъ своей рѣчи все равно, что полагаться на силу легкихъ и на крѣпость груди. Мы даже готовы жалѣть о томъ, чья недоказанная мысль нашла себѣ поддержку въ модѣ. Что будетъ съ этою мыслью? Пускай бы каждый понималъ ее по своему, обрѣзывалъ или раздувалъ по своему разумѣнію, прицѣплялъ къ такимъ идеямъ, какихъ и не подозрѣвалъ творецъ ея, однимъ словомъ, пускай бы каждый претворялъ ее такъ органически, чтобы не оставалось отъ нея и тѣни того смысла, какой онъ хотѣлъ ей дать. Въ этомъ больше хорошаго, чѣмъ дурнаго: бросая, такимъ образомъ, свою мысль въ круговоротъ всѣхъ идей, вращающихся въ обществѣ, вы подмазываете колеса этой машинѣ, давая ей

пищу, работу, и тѣмъ самымъ поддерживаете ея движеніе. Но горе вамъ, если слово ваше разыгрываетъ въ публикѣ роль людской новинки, если оно, неоправданное собственными вашими доказательствами, пріобрѣтетъ въ публикѣ силу авторитета! Выразить свое мнѣніе публично и не подкрѣпить его доводами, которые самъ находишь убѣдительными, уже значитъ выразить свое неуваженіе къ свободѣ мнѣнія и претензію на диктаторство. Но за это-то, рано или поздно, всегда и приходится поплатиться горькимъ чувствомъ разочарованія. Прежде всего увидитъ диктаторъ, что идеи его не сливаются съ другими идеями его публики и находятся съ ними въ самой нелогической противоположности: доказать одну истину нельзя безъ того, чтобъ не доказать и цѣлаго ряда истинъ, изъ которыхъ она взята, или, лучше сказать, объясненіе частнаго предполагаетъ объясненіе общаго. Чтобъ доказать, напримѣръ, что Ломоносовъ не былъ поэтомъ, надо доказать, что дидактика не поэзія, а чтобъ успѣть въ этомъ, надо объяснить сущность того и другого, и т. д. Представимъ-же себѣ, что намъ навязано безъ всякихъ доказательствъ нѣсколько мыслей, которыя мы имѣли слабость принять на слово—случай, болѣе чѣмъ не исключительный. Намъ неизвѣстно ихъ основаніе, слѣдовательно, неизвѣстны и тѣ истины, которыя находятся съ ними въ связи—или какъ понятія однородныя, или какъ предшествующія посылки силлогизмовъ. Что̀ изъ этого должно выйти? То, что мы не будемъ имѣть никакого понятія о вопросѣ, рѣшенномъ нашимъ диктаторомъ, а будемъ только опасаться проговориться по этому поводу въ чемъ-нибудь такомъ, что̀ противорѣчитъ его приговору. Въ то-же время мы не перестанемъ рѣшать по старому всѣ тѣ вопросы, которыхъ онъ не коснулся, но которые объяснились бы намъ сами собою, какъ однородные съ рѣшеннымъ, или какъ обусловливающіе его, еслибъ только онъ, диктаторъ, снизошелъ на доказательное изложеніе своей идеи. Больно, должно быть, ему видѣть въ цѣломъ обществѣ такіе тощіе плоды своего слова, особенно если онъ не только не добивался диктатуры, но даже, какъ часто бываетъ, отвергалъ благороднымъ сердцемъ всякій помыселъ на завоеваніе умовъ силой своего личнаго вліянія. Еще больнѣе должно быть ему встрѣчать на каждомъ шагу безобразныя доктрины, развитыя изъ его-же мыслей, его-же поклонниками — а все потому, что мысли эти оставлены имъ самимъ безъ развитія“.

„Довольно — говоритъ В. Майковъ въ заключеніе — если изъ

всего сказаннаго убѣдятся читатели, что теперь только-что пришла пора толковать о законахъ изящнаго, и что приняться за этотъ трудъ нельзя иначе, какъ правильнымъ вчинаніемъ иска на такія эстетическія ученія, которыя считаются опровергнутыми".

Далѣе затѣмъ, В. Майковъ приступаетъ къ разбору нѣсколькихъ стихотвореній Кольцова, выставляя на видъ тѣ сѣтованья, то негодованіе и ужасъ, какіе должны возбудить эти стихотворенія въ людяхъ отжившихъ эстетическихъ ученій, именно романтикахъ.

„Въ самомъ дѣлѣ — говоритъ В. Майковъ — какъ не негодовать господамъ романтикамъ на бѣднаго Кольцова, когда, вмѣсто того, чтобъ гнушаться такими вещами, каковы, напримѣръ, физическій трудъ, любовь къ полезной работѣ, деньги, выручаемыя потомъ и терпѣніемъ, онъ совершенно преданъ земледѣльческому промыслу, совершенно сочувствуетъ пахарю, заботливо и любовно входитъ въ его тяжкія нужды, радуется его *прозаической* радости при видѣ урожая, слѣдуетъ за нимъ на пашнѣ" и пр. „Чтобъ сочувствовать такимъ стихамъ, чтобъ проникнуться ихъ основною идеей, чтобъ понимать сладость труда, исполняемаго съ любовью, нѣжность человѣка къ животному, раздѣляющему съ нимъ тягость работы, неравнодушіе его даже къ механическимъ орудіямъ промысла и, наконецъ, вдохновительность мысли о плодахъ труда, о какихъ-нибудь *снопахъ тяжелыхъ*—для всего этого надо быть самому человѣкомъ трудящимся съ любовью, съ терпѣніемъ и безъ презрѣнія къ заработку. Можно-ли-же требовать этихъ условій отъ романтика, отъ человѣка, гнушающагося всякимъ трудомъ, всякими матеріальными выгодами (послѣднее, разумѣется, только въ стихахъ)?"

Далѣе затѣмъ, естественно слѣдуетъ вопросъ, чѣмъ-же оправдывается допущеніе въ область поэзіи изображеніе простаго крестьянскаго быта съ его практическими интересами рядомъ съ различными, такъ-называемыми, „поэтическими" сторонами жизни? Почему романтики, исключающіе изъ поэзіи изображеніе обыденной жизни, не правы, и чѣмъ объясняется симпатія новаго времени къ натуральной школѣ?

„Кто-жь правъ — Кольцовъ или романтики? говоритъ В. Майковъ: — здѣсь частный вопросъ долженъ перейти въ общій: спрашивается, въ чемъ сущность поэтическаго и непоэтическаго содержанія — ни болѣе, ни менѣе".

Для рѣшенія этого вопроса В. Майковъ и излагаетъ новую эстетическую теорію, которая должна оправдать существованіе натуральной школы и поэзіи Кольцова не голословно, не диктаторски, а на основаніи общихъ законовъ искусства.

Теорію свою В. Майковъ выводитъ изъ слѣдующаго закона нашего психическаго міра: „каждый изъ насъ познаетъ и объясняетъ себѣ все единственно по сравненіи съ самимъ собою".

„Съ перваго взгляда — говоритъ В. Майковъ — кажется, что мы болѣе всего сочувствуемъ тому, что̀ отъ насъ отдаленно, что̀ намъ ново, чуждо, однимъ словомъ, *занимательно*. По крайней мѣрѣ, все отдаленное, новое, чуждое влечетъ насъ къ себѣ съ неотразимымъ могуществомъ, между тѣмъ, какъ все близкое, все старое, все *свое* съ каждою минутой теряетъ для насъ всю прелесть... Но если всмотрѣться въ этотъ фактъ поглубже, нельзя не увидѣть, что причина его заключается въ способности и склонности человѣка объяснять все по сравненію съ самимъ собою и въ происходящей оттуда страсти усвоивать своею мыслію все, что̀ встрѣчаетъ онъ посторонняго, непохожаго на него самого. Эта сила усвоенія, при встрѣчѣ съ предметомъ новымъ, оказывающимъ ей энергическое сопротивленіе, напрягается со всею данною ей мощью, до тѣхъ поръ, пока не покоритъ себѣ познаваемаго, или, лучше сказать, усвоиваемаго предмета. Такъ, напримѣръ, описаніе быта дикарей Тихаго Океана *занимательнѣе* для европейцевъ самой лучшей статистики какого угодно просвѣщеннаго государства стараго свѣта. Почему? Потому, что жизнь образованныхъ народовъ намъ уже извѣстна, мы ее уже усвоили себѣ, сравнили съ собственною жизнью и успокоились. Напротивъ, дикіе народы представляются намъ чѣмъ-то совершенно непохожимъ на насъ, и потому-то нами овладѣваетъ тревожное желаніе усвоить себѣ этотъ предметъ, сравнить его съ тѣмъ, что̀ знаемъ мы о самихъ себѣ. И мы успокоиваемъ свою любознательность, унимаемъ свою тревогу только тогда, когда, наконецъ, и въ дикихъ народахъ узнаемъ людей, т.-е. существа, подобныя намъ по натурѣ, хотя и совершенно различныя отъ насъ по развитію..."

„Таково свойство занимательности: предметъ занимателенъ, любопытенъ для насъ до тѣхъ поръ, пока мы не сравнили его съ собственною природой. Но это-то и доказываетъ, что влеченіе наше ко всему новому, непонятному, обманчиво: еслибъ мы дѣйствительно стремились къ нему, а не къ чему-нибудь другому, то

мы и успокоивались бы въ немъ. Напротивъ, оно насъ мучитъ и манитъ вдаль, и это мученіе продолжается до тѣхъ поръ, пока непонятное не сдѣлается понятнымъ, чужое — своимъ, постороннее — тождественнымъ съ нами. И такъ, истинное стремленіе наше въ томъ, чтобъ во всемъ найти самихъ себя. Изъ этого слѣдуетъ, что занимательность и симпатичность предмета — два свойства совершенно различныя: насъ занимаетъ то, что̀ кажется намъ новымъ, неизвѣстнымъ, непонятнымъ; сочувствовать-же можемъ мы только тому, въ чемъ мы уже дали себѣ отчетъ и въ чемъ нашли самихъ себя. Поэтому, каждый предметъ, доступный нашему познанію, необходимо раздѣляется нами на двѣ половины: къ первой относимъ мы все то, что̀ нисколько не напоминаетъ намъ о собственной нашей природѣ — это сторона любопытная, подстрекающая одну любознательность; ко второй — все то, что̀ въ немъ есть общаго съ нами, человѣкомъ — это сторона *симпатическая*, возбуждающая въ насъ *любовь*, сердечное кровное сочувствіе. Количественное различіе впечатлѣній, произведенныхъ на насъ тою и другою, заключается въ томъ, что любопытное владѣетъ нами только въ силу своей новости и дѣлается безразличнымъ тотчасъ-же по усвоеніи, между тѣмъ, какъ симпатическое (назовите его какъ угодно) вѣчно будетъ имѣть для насъ интересъ, если мы только сами не теряемъ способности чувствовать и сочувствовать".

Далѣе Майковъ объясняетъ, почему мы любуемся какимъ-нибудь ландшафтомъ. „Отчего можетъ нравиться намъ ландшафтъ — говоритъ онъ — вовсе не поражающій красотой линій изображаемой мѣстности? Какое-нибудь плоское захолустье, двѣ-три кривыя березки, да сѣренькія тучи на горизонтѣ, напоминающемъ своими колерами цвѣтъ синяго молока, что̀ въ нихъ такого, что̀ могло бы приковать къ себѣ наше вниманіе, заставить насъ прочувствовать и полюбить картину? Не отворачиваемся-ли мы на самомъ дѣлѣ отъ этой голой плоскости и отъ этихъ хворыхъ березокъ? Не ворчимъ-ли мы на эти грязныя тучки по десяти разъ въ часъ? Такъ; но это-то и влечетъ насъ къ картинѣ: во всѣхъ ея печальныхъ подробностяхъ человѣкъ находитъ частичку самого себя — узнаетъ плоскость, которая ему такъ надоѣла въ дѣйствительности, узнаетъ березки, которыя всегда казались жалкими усиліями бѣдной, но, все-таки, заботливой природы — скрасить безотрадную гладь поляны; узнаетъ дождевыя тучки, отъ которыхъ онъ кутался обвѣянное вѣтромъ лицо свое

въ высокій воротникъ пальто, когда возвращался изъ департамента на дачу — и эта странная встрѣча съ самимъ собою проливаетъ для него непзъяснимую прелесть на какой-нибудь ландшафтъ петербургскаго художника, потому что онъ не можетъ не любить самого себя, не интересоваться и не любоваться собою, какъ бы онъ ни былъ плохъ для другихъ... Ужь такъ онъ устроенъ, что всюду онъ себя отыщетъ и обрадуется находкѣ и полюбитъ ее. Положимъ даже, что на ландшафтѣ изображена не наша блѣдная сѣверная природа, а какія-нибудь окрестности Неаполя. Пусть посмотритъ на нихъ петербургскій автохтонъ, который никогда не видалъ природы роскошнѣе парголовской: что-жь? это не помѣшаетъ ему симпатизировать и синему небу, и кремнистымъ холмамъ, которые одѣты ползучимъ плющемъ и цѣпкимъ виноградомъ съ баснословно-огромными кистями голубыхъ и лиловыхъ ягодъ, покрытыхъ матовою влагой — и темнокожему лѣнтяю, валяющемуся на солнцѣ въ ожиданіи карлина, который удастся вымозжить ему у англичанина, когда этотъ прямолинейный и никогда не улыбающійся туристъ пройдетъ мимо его въ сопровожденіи плута чичероне, съ цѣлью помучить нѣсколько живыхъ тварей въ *Собачьемъ гротѣ*. Разумѣется, для этого надобно имѣть нѣсколько искоръ воображенія; но дѣло въ томъ, что воображеніе явится къ услугамъ нашего автохтона не для чего иного, какъ для того, чтобъ перенести подъ неаполитанское небо собственную его особу, чтобъ самого его пожарить на сорока градусахъ тепла, чтобъ понѣжить его языкъ, привыкшій къ впечатлѣніямъ товара милютиныхъ лавокъ, невыразимонѣжнымъ и гастрономически-сложнымъ вкусомъ южнаго винограда. Иначе — что ему въ картинѣ неаполитанской природы? Легкость и незамѣтная правильность линій не объясняютъ вопроса; остается неразгаданною прелесть густой синевы неба, роскошной растительности, изнѣженности людей и животныхъ, развивающихся подъ вліяніемъ мѣстности. Пожалуй, можно дать другой видъ объясненію, но сущность его останется все та-же. Можно сказать, что мы вообще симпатизируемъ природѣ, хотя бы она и не напоминала намъ человѣка. Такъ, напримѣръ, дѣвственный лѣсъ, незнакомый съ топоромъ, непроходимая пустыня, въ которую никогда не пускался ни одинъ отважный искатель приключеній, жерло вулкана, отъ котораго удалялись люди — развѣ изображенія такихъ предметовъ не могутъ произвести впечатлѣнія на душу зрителя? Конечно, могутъ; но всмотритесь внима-

тельнѣе, и рѣшите, даютъ-ли и они возможность человѣку уйти отъ самого себя, плѣниться чѣмъ-нибудь такимъ, въ чемъ нѣтъ ничего ему родственнаго, соприсущаго? Нѣтъ, мы всюду сами съ собою; ибо, вмѣстѣ съ природой, мы составляемъ одно цѣлое, гармоническое произведеніе одной животворной силы; какъ часть этого цѣлаго, имѣющая свой частный организмъ, мы можемъ забывать о своемъ съ нимъ единствѣ, можемъ не замѣчать его, увлекаясь тяготѣніемъ собственнаго частнаго (индивидуальнаго) содержанія, но не можемъ не чувствовать его непосредственно, *безсознательно*. Пусть каждый изъ читателей повѣритъ эти слова собственными впечатлѣніями. Кто можетъ анализировать свои ощущенія — разумѣется, не во время самаго образованія ихъ въ душѣ, а съ помощію воспоминанія и размышленія—тотъ, навѣрное, согласится съ нами, что природа производитъ на насъ разомъ два впечатлѣнія — и пріятное, и горькое, и что источникъ этой двойственности заключается въ нашемъ родствѣ, или, лучше сказать, въ существенномъ тождествѣ съ нею. Предаваясь простому, непосредственному созерцанію ея нерукотворной жизни, мы невольно настраиваемся на одинъ ладъ съ ея гармоніей, сливаемся съ ея жизнію, какъ часть съ цѣлымъ, и чувство этого сліянія невыразимо сладко: чувствуешь, что безсознательно попалъ въ колею своихъ настоящихъ, непреклонныхъ законовъ, чувствуешь, что находишься въ своей сферѣ, или, лучше сказать, чувствуешь, что возвращаешься въ свою сферу. Въ то-же время, этотъ внезапный приливъ гармоніи, этотъ быстрый переходъ отъ нашей обыкновенной, искусственной жизни къ бытію нормальному, естественному, сообразному съ нашею сущностью, дѣйствуетъ на насъ и болѣзненно, рождаетъ грусть, слѣдствіе сравненія того и другого порядка вещей. Тяжело созерцаніе этой гармоніи при свѣжести воспоминанія о хаосѣ, изъ котораго вырвался на время; многіе не въ силахъ перенести ея впечатлѣнія безъ боли, точно также, какъ человѣкъ, изуродованный болѣзнію, не въ силахъ смотрѣть безъ грустнаго сожалѣнія о самомъ себѣ на розовыя лица, цвѣтущія жизнію и здоровьемъ...

„Теперь, соображая все сказанное, спрашиваемъ: что̀ плѣняетъ насъ въ дѣйствительности и искусствѣ? Отвѣтъ будетъ такой: во всемъ мы плѣняемся собою. *И такъ, нѣтъ на свѣтѣ предмета неизящнаго, непривлекательнаго, если только художникъ, изображающій его, можетъ отдѣлять безразличное отъ симпати-*

ческаго и не смѣшивать симпатическаго съ занимательнымъ *). Этимъ объясняется ложность не только неестественности, но и всякой эксцентричности содержанія изящнаго произведенія. Изобразить несуществующую жизнь и людей несуществующихъ — значитъ, стремиться къ тому, чтобъ изображеніе не возбудило въ людяхъ никакой симпатіи, чтобъ они не поняли его, не могли объяснить себѣ, по сравненію, изображеннаго съ собственною ихъ жизнью и собственною ихъ натурой. Равнымъ образомъ, изображеніе существъ и явленій, выступающихъ изъ круга обыкновенныхъ людей и обыкновенныхъ событій, тогда только можетъ служить содержаніемъ изящному произведенію, когда художникъ умѣетъ представить ихъ, какъ результаты причинъ самыхъ понятныхъ и обыкновенныхъ; иначе, они останутся любопытными загадками, а любопытному, какъ уже сказано, никто не можетъ сочувствовать. Другими словами: эксцентрическое явленіе тогда только дѣлается изящнымъ или симпатическимъ, когда художникъ съумѣетъ угадать и выразить его понятную, обыкновенную сторону. Принципы эти заключаютъ въ себѣ осужденіе классицизма и романтизма. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобъ они оправдывали все, что̀ современная литература выдаетъ намъ за натуральность и неизысканность?“

Далѣе слѣдуетъ оборотная сторона медали. Майковъ обращается къ дагеротипистамъ и копистамъ живой дѣйствительности, и старается, въ свою очередь, и ихъ опровергнуть на основаніи своихъ принциповъ. Эстетики старой школы возставали на безцѣльное списываніе съ дѣйствительности обыкновенно во имя того, что цѣль искусства не одно только подражаніе природѣ, а выраженіе идей въ формѣ. Майковъ отвергаетъ этотъ метафизическій принципъ. По его мнѣнію, подъ него можно подвести все, что̀ угодно. Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію самихъ-же метафизиковъ, весь міръ есть не что иное, какъ выраженіе идеи въ формѣ, затѣмъ, и каждую человѣческую дѣятельность можно подвести подъ эту-же формулу. Чтобы разграничить искусство отъ прочихъ сферъ дѣятельности человѣка, метафизики къ слову форма прибавляютъ художественная. „Но такъ-какъ — говоритъ Майковъ — этотъ эпитетъ и остается эпитетомъ, свидѣтельствующимъ только о темномъ предчувствіи *какого-то* отличія художественной дѣйствительности отъ дѣйствительности

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

простой, непосредственной, то вопросъ и возвращается въ самого себя. Мы полагаемъ, что до тѣхъ поръ и останется онъ сфинксовою загадкой, пока эстетика будетъ ограничиваться толкованіемъ о различіи формъ художественной и дѣйствительной... Художественныя формы всегда останутся тождественными съ формами дѣйствительности, такъ, какъ это было до сихъ поръ, и не выдумалъ ничего лучшаго цѣлому легіону прометеевъ-эстетиковъ даже при помощи такого-же легіона риѳмоплетовъ и сказочниковъ..."

„Другое дѣло — продолжаетъ Майковъ — писать и спорить о *художественной идеѣ*. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, есть о чемъ подумать: здѣсь опытъ, факты наводятъ на существованіе различія... Голая мысль ученаго и живая мысль художника — двѣ силы существенно различныя..."

Оставивъ въ сторонѣ анализъ различныхъ фактовъ художественной дѣятельности, къ которой Майковъ приступаетъ далѣе, мы замѣтимъ только, что различіе мысли художественной отъ ученой заключается уже всецѣло въ самыхъ основныхъ принципахъ теоріи Майкова. Разграничивъ познаваніе предметовъ на занимательное и симпатическое, этимъ самымъ уже Майковъ положилъ и основаніе различія науки отъ искусства. Все то, что̀ для насъ только занимательно, все это входитъ въ область науки, а съ другой стороны, все симпатическое, все, въ чемъ мы находимъ хотя частичку самихъ себя, все, что̀ напоминаетъ намъ о насъ — все это входитъ въ область поэзіи именно своею этою симпатическою стороной. Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ о сущности поэтическаго творчества: „Художественная мысль — говоритъ Майковъ — зарождается въ формѣ любви или негодованія, и *тайна творчества—съ способности вѣрно изображать дѣйствительность съ ея симпатической стороны*. Иными словами, *художественное творчество есть пересозданіе дѣйствительности, совершаемое не измѣненіемъ ея формъ, а возведеніемъ ихъ въ міръ человѣческихъ интересовъ (въ поэзію)*".

Само собою разумѣется, что послѣ такого опредѣленія поэзіи нѣчего и говорить о безцѣльномъ списываніи съ дѣйствительности. Такое списываніе могло бы быть оправдано скорѣе съ точки зрѣнія метафизики. На ея положеніе о томъ, что поэзія есть выраженіе идеи въ формѣ, копіистъ дѣйствительности могъ бы смѣло возразить, что списывая дѣйствительность такъ, какъ она есть, онъ нисколько не отступаетъ отъ этого требованія: если

дѣйствительность сама по себѣ есть уже выраженіе идеи въ формахъ, то и въ простыхъ снимкахъ она останется тѣмъ-же самымъ, т.-е. и снимки эти будутъ выражать идею въ формѣ... Но совершенно иначе представляется дѣло съ точки зрѣнія теоріи, развитой Майковымъ: по этой теоріи безцѣльное списыванье дѣйствительности безъ возведенія ея въ сферы человѣческихъ интересовъ, совершенно выпадаетъ изъ области поэзіи и дѣлается безсмысліцей, если только такое списыванье не служитъ для какихъ-нибудь ученыхъ цѣлей.

Вотъ первая положительная, эстетическая теорія, съ которою выступила молодая мысль, освободившаяся отъ метафизическихъ принциповъ. Надо-ли прибавлять, что эта теорія стоитъ уже на реальной почвѣ. Она намѣчена только общими чертами, требуетъ разработки, уясненій и подтвержденій фактами художественной дѣятельности и физіологическихъ изслѣдованій. Такъ, напримѣръ, тайна вліянія на насъ красотъ природы значительно уяснилась въ нашихъ глазахъ послѣ В. Майкова, и мы уже не будемъ говорить, что природа дѣйствуетъ на насъ, потому что мы безсознательно чувствуемъ свое единство съ нею и сравниваемъ ея гармонію съ хаосомъ нашей жизни. Но подобныя мысли, высказанныя Майковымъ, выходятъ не изъ ложной основной теоріи, а отъ безсилія объяснить тѣ или другіе факты нашей психической жизни, безсилія, зависящаго отъ недостатка физіологическихъ и психическихъ изысканій, которыя могли бы пролить свѣтъ на эти факты. Эти промахи не мѣшаютъ теоріи оставаться самой по себѣ истинною и всѣ позднѣйшія открытія не только не опровергаютъ, а только больше подтверждаютъ и уясняютъ ее.

Въ слѣдующей главѣ мы разсмотримъ воззрѣнія Майкова на другіе предметы, при чемъ обратимъ особенное вниманіе на тѣ воззрѣнія, на которыя наиболѣе напалъ Бѣлинскій. Теперь-же, въ заключеніе этой главы, считаемъ нелишнимъ, чтобы познакомить читателей нашихъ вполнѣ съ развитіемъ новыхъ эстетическихъ идей въ концѣ сороковыхъ годовъ, привести еще небольшую выдержку изъ одной критической статьи, напечатанной въ 53-мъ томѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1847 годъ. Эта критическая статья посвящена разбору перевода В. Модестова курса эстетики Гегеля. Статья, надо замѣтить, написана чрезвычайно тяжелымъ языкомъ; не говоря уже о массѣ философскихъ терминовъ, испещряющихъ статью, самый слогъ отличается крайнею

темнотой и сбивчивостью изложенія. Во многихъ мѣстахъ вы не разберете даже, говоритъ-ли авторъ отъ себя или онъ приводитъ слова какого-либо нѣмецкаго эстетика, гдѣ онъ кончаетъ цитату и гдѣ начинаетъ свои собственныя сужденія. Авторъ старается опровергнуть метафизическую эстетику, но самъ во многихъ мѣстахъ своей статьи путается въ метафизическихъ тонкостяхъ. Но въ то-же время вы часто натыкаетесь, какъ на оазисы въ степи, на рядъ мыслей, поражающихъ васъ своею реальностью, свѣжестью и глубиной. Такъ, напримѣръ, вотъ что̀ читаете вы на одной изъ страницъ критики:

„Точка зрѣнія умозрительной эстетики по преимуществу практическая: искусство существуетъ только потому, что въ природѣ нѣтъ истинно-прекраснаго. Капитолійская и Медичейская Венеры должны быть идеалами женской красоты; ландшафтная живопись должна очистить ландшафтъ отъ всего случайнаго. Между тѣмъ, искусство далеко не превосходитъ природу; вездѣ уступаетъ оно ей въ свѣжести и полнотѣ жизни. Въ этомъ-то смыслѣ говоритъ Гёте, что всѣ формы искусства имѣютъ въ себѣ нѣчто ложное, даже самыя вѣрныя, самыя прочувствованныя. Пусть спроситъ себя каждый, не обращались-ли невольно его глаза въ трибунѣ во Флоренціи отъ Венеры Медичейской на живыя, одушевленныя формы прекрасныхъ женщинъ, разсматривавшихъ статую, на ихъ прелестно-застѣнчивую улыбку; или, если это кажется слишкомъ грѣшнымъ для нѣкоторыхъ набожныхъ душъ, спрашиваю, не лучше-ли во сто разъ, не гармоничнѣе-ли всякой прекраснѣйшей картины отзывается въ нашей душѣ Неаполитанскій заливъ въ своей очаровательной дѣйствительности? Но цѣль искусства и не заключается совсѣмъ въ такомъ неровномъ соперничествѣ. *Оно есть языкъ, ничто болѣе, какъ языкъ, чувственное выраженіе нашихъ чувственныхъ мыслей, ощущеній и созерцаній* *). И только по той причинѣ, что это индивидуально-чувственное содержаніе не можетъ быть выражено никакимъ другимъ способомъ, какъ въ этихъ чувственныхъ формахъ природы и жизни, только потому и говоритъ ими искусство“.

Такимъ образомъ, уже въ 1847 году были высказаны тѣ идеи о преимуществѣ дѣйствительности передъ образами искусства — идеи, которыя, нѣсколько лѣтъ спустя, высказанныя въ болѣе систематичномъ, полномъ, ясномъ изложеніи съ увлекательнымъ та-

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

лантомъ—возбудили порядочную бурю въ наукѣ и литературѣ. Въ 1847-же году мысли эти остались почти незамѣченными. Я полагаю, что рѣдко кто и прочелъ статью, въ которой онѣ изложены. Но надо полагать, онѣ глубоко запали въ душу одного даровитаго студента, бывшаго въ то время на 2-мъ курсѣ филологическаго факультета санктпетербургскаго университета. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ самый студентъ, къ ужасу устарѣлыхъ метафизиковъ и приверженцевъ чистаго искусства, предложилъ эти самыя мысли на соисканіе степени магистра.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Идеи В. Майкова объ отношеніи народности къ общечеловѣческой цивилизаціи и значеніе этихъ идей. — Общность основныхъ принциповъ западниковъ и славянофиловъ 40-хъ годовъ и противоположность идей В. Майкова съ этими принципами. — Полемика Бѣлинскаго съ славянофилами и внезапное смягченіе полемическаго тона со стороны Бѣлинскаго при появленіи статьи В. Майкова. — Опроверженіе Бѣлинскимъ идей В. Майкова. — Мнѣніе Бѣлинскаго о томъ, какъ слѣдуетъ относиться намъ къ современнымъ вопросамъ Запада.

Въ то время, какъ первая статья В. Майкова о Кольцовѣ посвящена изложенію новой эстетической теоріи, во второй статьѣ на первый планъ В. Майковъ выдвинулъ животрепещущій въ то время вопросъ объ отношеніи народности къ общечеловѣческой цивилизаціи — вопросъ, какъ намъ извѣстно, сильно занимавшій всѣхъ мыслящихъ людей сороковыхъ годовъ, какъ славянофиловъ, такъ и западниковъ. По этому поводу, какъ мы сейчасъ увидимъ, В. Майковъ высказалъ нѣсколько идей, въ свою очередь, совершенно новыхъ для сороковыхъ годовъ.

Статья эта начинается прямо съ опроверженія тѣхъ панегиристовъ Кольцова, которые называютъ его *типомъ русской натуры*. По мнѣнію В. Майкова, человѣкъ, котораго можно назвать типомъ какой бы то ни было націи, никакъ не можетъ быть не только великимъ, но даже и необыкновеннымъ. Далѣе слѣдуетъ изложеніе цѣлой теоріи для доказательства этого мнѣнія.

„Увлекаясь одностороннимъ изученіемъ человѣка, какъ члена общежитія — говоритъ В. Майковъ — мы легко доходимъ до того,

что онъ представляется намъ не иначе, какъ французомъ или нѣмцемъ, англичаниномъ, прусакомъ, испанцемъ и пр. При такомъ взглядѣ мы убѣждаемся, что только тотъ и имѣетъ физіономію, чью національность можно узнать среди другихъ національностей; идеальный, ничѣмъ неизмѣненный человѣкъ начинаетъ представляться намъ существомъ безкровнымъ, отрѣшеннымъ отъ органическихъ условій жизни, и потому самому чѣмъ-то крайне-уродливымъ, ненормальнымъ. Продолжая, такимъ образомъ, изучать человѣка въ народахъ, мы открываемъ, наконецъ, что каждый народъ отличается отъ другихъ не однѣми только слабостями, но и добродѣтелями; это открытіе приводитъ насъ къ заключенію, что національность есть совокупность условій, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ проявлять той или другой свѣтлой стороны своей натуры..."

Противъ подобныхъ положеній, по мнѣнію В. Майкова, представляются слѣдующія соображенія: „Вспомнимъ только — говоритъ онъ — что человѣкъ, къ какой бы націи ни принадлежалъ и какимъ бы обстоятельствамъ ни подвергался въ своемъ зачатіи, рожденіи и развитіи, все-таки, принадлежалъ, по натурѣ своей, къ разряду существъ однородныхъ, называемыхъ *людьми*, а не французами, не нѣмцами, не русскими, не англичанами. Въ безконечномъ множествѣ органическихъ типовъ есть типъ человѣка, который не смѣшивается ни съ типомъ минерала, ни съ типомъ растенія, ни съ типомъ животнаго. Какое-же право имѣемъ мы смотрѣть на хорошія стороны народа, какъ на его особенность, какъ на исключительную принадлежность его національности? Не правильнѣе-ли было бы видѣть въ нихъ черты общей человѣческой натуры, черты, которыя могутъ быть пощажены одною національностью и заглушены другою? Приписывая честность нѣмцамъ, энтузіазмъ французамъ, практическій смыслъ англичанамъ, смѣлость русскимъ и т. д., мы какъ будто признаемъ, что въ типъ человѣка не входитъ ни одно изъ этихъ прекрасныхъ свойствъ. А такъ-какъ вообще всѣ добродѣтели, сколько ихъ есть въ руководствахъ нравственной философіи, давно уже розданы въ вѣчное и потомственное владѣніе каждая одному какому-нибудь племени или народу, то идеалъ человѣка, при такомъ взглядѣ на вещи, выходитъ какое-то совершенно-отрицательное, нулевое существо! Между тѣмъ, если мы хвалимъ честность нѣмца, энтузіазмъ француза, практицизмъ англичанина, честность русскаго, то гдѣ-же источникъ и основаніе нашей похвалы, какъ не въ сознаніи того,

что человѣкъ вообще, къ какому бы племени ни принадлежалъ, подъ какимъ бы градусомъ ни родился, долженъ быть и честенъ, и великодушенъ, и уменъ, и смѣлъ? Однимъ словомъ, общій всѣмъ людямъ идеалъ человѣка составленъ изъ свойствъ положительныхъ, которыя обыкновенно называются добродѣтелями, и которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ одно свойство — *жизненность*, т.-е. гармоническое развитіе всѣхъ человѣческихъ потребностей и соотвѣтствующихъ имъ способностей. Пороковъ въ этомъ идеалѣ нѣтъ ни одного".

Далѣе Майковъ, развивая эти идеи, выставляетъ въ основу своихъ доказательствъ то положеніе реальной философіи, что добродѣтели прирождены человѣческой природѣ, какъ силы, составляющія ея сущность; внѣшнія обстоятельства не создаютъ ихъ, а только вызываютъ изъ бездѣйствія, укрѣпляютъ и направляютъ, однимъ словомъ, *упражняютъ*, по собственному выраженію В. Майкова. Пороки-же, наоборотъ, вовсе не принадлежатъ человѣческой природѣ; они-то и суть созданія внѣшнихъ обстоятельствъ: всѣ пороки, по словамъ В. Майкова, не что иное, какъ добрыя наклонности, или сбитыя съ прямого пути, или вовсе неуваженныя *внѣшними обстоятельствами*.

Подобное положеніе реальной философіи прямо ведетъ В. Майкова къ тому выводу, что если особенности каждаго народа создаются внѣшними обстоятельствами, то само собою разумѣется, что рядъ этихъ особенностей — есть рядъ не добродѣтелей, а пороковъ: внѣшнія обстоятельства, вліяя на народъ, искажаютъ такъ или иначе основныя свойства человѣческой природы и искажаютъ естественно тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе народъ является подъ властію этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ болѣе онъ въ силу этого отличается отъ другихъ народовъ.

Но далѣе слѣдуетъ естественный вопросъ: если это такъ, т.-е. если признаками отличительныхъ свойствъ народовъ служатъ не добродѣтели, а пороки, то откуда-же является противоположная привычка отличать народы по добродѣтелямъ (практичности, энтузіазмѣ, смѣлости и пр.)? Подобная ложная привычка, по мнѣнію Майкова, происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ того, что, при перечисленіи народныхъ добродѣтелей, вниманіе обращается обыкновенно не на большинство народа, а на его выдающееся меньшинство. Это-же меньшинство бываетъ обыкновенно діаметрально противоположно большинству народа по слѣдующей причинѣ: естественно, что чѣмъ сильнѣе личность, тѣмъ болѣе она имѣетъ воз-

можности удовлетворять своимъ человѣческимъ потребностямъ и бороться съ внѣшними обстоятельствами, препятствующими этому удовлетворенію и искажающими этимъ самымъ человѣческую природу. Поэтому, чѣмъ сильнѣе личность, тѣмъ болѣе отрѣшается она отъ особенностей своего племени и тѣмъ болѣе приближается къ общечеловѣческому типу. Наиболѣе удается это тѣмъ личностямъ, которыхъ мы называемъ великими, геніальными, и въ которыхъ мы дѣйствительно находимъ менѣе всего народныхъ особенностей. По бо̀льшей-же части меньшинство, стремясь выдѣлиться изъ-подъ гнета обстоятельствъ, въ борьбѣ своею средой, ударяется въ противоположную крайность и въ оппозицію этой средѣ развиваетъ въ себѣ наиболѣе такое свойство характера, которое въ этой средѣ развито всего менѣе. Подобное явленіе Майковъ формируетъ въ видѣ слѣдующаго закона:

Каждый народъ имѣетъ двѣ физіономіи; одна изъ нихъ діаметрально противоположна другой; одна принадлежитъ большинству, другая меньшинству (миноритету). Большинство народа всегда представляетъ собою механическую подчиненность вліяніямъ климата, мѣстности, племени и судьбы. Меньшинство-же впадаетъ въ крайность отрицанія этихъ явленій.

Далѣе въ статьѣ слѣдуетъ анализъ характера французской, нѣмецкой и русской народностей сообразно этому закону. Мы обратимъ вниманіе на то, какъ анализируетъ Майковъ русскую народность, причемъ читателю, безъ сомнѣнія, броситься въ глаза сходство идей Майкова съ идеями Бокля.

„Національныя особенности русскихъ — говоритъ В. Майковъ — совпадаютъ съ особенностями всѣхъ сѣверныхъ народовъ. Этимъ одолжены мы климату. Но, изучая самихъ себя, мы не можемъ не признать въ своей оригинальности столь-же сильныхъ вліяній *почвы и судьбы*. Необозримая плоскость земли, которую мы населяемъ, и татарское иго, которое перенесли мы впродолженіи двухъ съ половиною вѣковъ, вотъ двѣ силы — одна постоянная, другая преходящая, которыхъ дѣйствіе отзывается въ оттѣнкахъ нашей особенности. Равнина безжизненна, а особенно, если она двѣ трети года покрыта снѣгомъ. Безпрестанное созерцаніе ея содѣйствуетъ къ усыпленію потребностей и силъ, спокойствію. Житель равнины, настроиваясь на одинъ ладъ съ природой, которая его окружаетъ, находитъ столько-же наслажденія въ дремотѣ жизненности, сколько житель горъ въ безпрерывномъ ея обнаруженіи. Дѣятельность его поддерживается или безплодіемъ этой равнины,

или излишнею ея населенностью. Люди, поселившіеся на безплодномъ или слишкомъ маломъ участкѣ земли, поневолѣ дѣлаются трудолюбивы и предпріимчивы: въ нихъ развивается даже потребность оживить искусствомъ безжизненную мѣстность, которая имъ досталась на долю. Если-же она и плодородна, и обширна, тогда отъ нея нѣчего ждать никакого вліянія на человѣка, кромѣ постоянной дремы и страстной привязанности къ покою. Противоположность сѣверной и южной Россіи оправдываетъ эту истину. Въ странѣ болотъ, песку и глины возникла новгородская держава; развилось племя живое, бойкое, предпріимчивое. До сихъ поръ новгородскіе выселенцы отличаются отъ большинства русскаго народонаселенія своею жизненностью, любовью къ движенію и къ усовершенствованію своего быта. Напротивъ того, на хлѣбородныхъ земляхъ средней и южной Россіи живетъ народъ тяжелый, привязанный болѣе всего къ покою. Сверхъ того, судьба наслала на Россію татарское иго, со всѣми его послѣдствіями, и болѣе четырехсотъ лѣтъ, именно отъ батыева нашествія до единодержавія Петра Великаго, дѣйствовала на насъ заодно съ природой. Петръ явилъ собою геніальную противоположность свойствамъ русскаго большинства и всутпилъ съ нимъ въ борьбу, которая длится до сихъ поръ.

„Но законъ двойственности народныхъ физіономій такъ-же ясно проявляется между нами, какъ и въ другихъ націяхъ. Удальство, свойственное всѣмъ сѣвернымъ народамъ, такъ часто и сильно выражается въ русской жизни, что многіе принимаютъ его даже за черту нашей національности — одна изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя такъ легко впасть всякому наблюдателю народныхъ нравовъ, незнакомому съ закономъ двойственности.

„Но объяснивъ себѣ тайну отношеній національности къ человѣчности, легко понять всѣ противоположности явленій русскаго міра: уразумѣніе закона борьбы человѣческой натуры съ внѣшними вліяніями устраняетъ всякую сбивчивость въ объясненіи самыхъ противоположныхъ фактовъ. Чѣмъ инымъ объясните вы себѣ въ русскомъ народѣ, съ одной стороны, его привязанность къ покою, съ другой — его-же склонность къ удальству и его-же раздражительность?..“

Примѣняя далѣе всѣ эти идеи къ Кольцову, Майковъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе, что Кольцовъ былъ народный поэтъ, какъ представитель народнаго типа. По его мнѣнію, Кольцовъ былъ равно далекъ отъ обѣихъ противоположностей народнаго характера.

Онъ былъ одною изъ тѣхъ рѣдкихъ личностей, которымъ удается наиболѣе подойти къ общечеловѣческому типу. „Вся поэзія Кольцова — по мнѣнію В. Майкова — есть художественное выраженіе того всеобъемлющаго ученія любви къ жизни, до котораго человѣчество только-что доходитъ путемъ идей и опытовъ, совершенно неизвѣстныхъ нашему поэту. Ясно, что въ такомъ человѣкѣ не могло быть никакой болѣзненной односторонности, сколько-нибудь напоминающей собою народное удальство. Самая жизнь его представляетъ собою удивительный образецъ гармоніи между стремленіемъ къ лучшему и разумнымъ уваженіемъ къ дѣйствительности".

Но въ то-же время Майковъ признаетъ Кольцова народнымъ поэтомъ, въ смыслѣ *вѣрности* въ изображеніи народныхъ особенностей, русской дѣйствительности, жизни.

Въ заключеніе статьи, Майковъ опровергаетъ искусственную табель о рангахъ, по которой Бѣлинскій пытался распредѣлять поэтовъ въ своей статьѣ о Кольцовѣ, по степенямъ ихъ творчества, предполагая, что поэты бываютъ геніи, геніальные таланты и просто таланты. „Нѣтъ никакого сомнѣнія — говоритъ онъ — что творческая сила вообще имѣетъ множество степеней, какъ и всякая человѣческая способность. Но можно-ли сосчитать степени развитія и напряженія той или другой, можно-ли сказать опредѣлительно, что ихъ всего на все три или четыре, десять или двѣнадцать? Нашлись люди, которые приписали Бѣлинскому именно эту претензію; изъ *таковыхъ* одни обрадовались случаю перетолковать его идею, а другіе остались ею очень довольны, ни мало не разобравъ, въ чемъ дѣло. Г. Бѣлинскій говоритъ на стр. XLVIII: „толпа подражателей доказываетъ только то, что *и талантъ имѣетъ степени*, и *менѣе* талантливые подражаютъ *болѣе* талантливому". Не очевидно-ли послѣ этого, что, говоря о различныхъ степеняхъ творческой силы, онъ хотѣлъ только назвать тѣ изъ нихъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ быть уловлены въ свойственныхъ имъ оттѣнкахъ? Но мы убѣждены съ своей стороны, что умножать число терминовъ для опредѣленія степеней какой бы то ни было силы, неподлежащей количественному измѣренію, значитъ, не болѣе, какъ увеличивать сбивчивость языка, ничего не прибавляя къ объясненію самаго дѣла. Всякая попытка на этомъ мелочномъ поприщѣ ведетъ только къ тому, что опредѣляющій все болѣе и болѣе забываетъ простую истину, что умъ — великъ онъ или малъ — все-таки, умъ; воображеніе — сильно оно или слабо — все-таки, воображеніе и т. п.

„Но главное, на что, по нашему мнѣнію, стоитъ обращать вниманіе при оцѣнкѣ степени какой бы то ни было способности человѣка, заключается въ анализѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, содѣйствующихъ или препятствующихъ ея развитію. Можно даже сказать, что и нѣтъ иныхъ средствъ къ разрѣшенію вопросовъ о могуществѣ той или другой личности, потому что наши психологическія свѣдѣнія, въ свою очередь, ограничиваются знаніемъ *условій* развитія, дѣятельности и ослабленія психологическихъ потребностей и способностей. Если біографія человѣка не показываетъ намъ, какія противодѣйствія внѣшности преодолѣла его личность, мы не можемъ имѣть и масштаба для опредѣленія ея могущества. И наоборотъ: соображая плоды его дѣятельности съ силой встрѣченныхъ имъ противодѣйствій, мы идемъ по единственно-вѣрному пути къ разрѣшенію вопроса...“

Въ заключеніе статьи, В. Майковъ дѣлаетъ слѣдующій приговоръ относительно стихотвореній Кольцова, какъ окончательный выводъ изъ всей статьи:

„По недостатку образованія, Кольцовъ не могъ своими произведеніями попасть въ колею современнаго ему движенія общества и литературы. Въ то-же время, могучая личность ставила его выше времени. Его произведенія положительно выразили собою тотъ идеалъ, на который остальные поэты наши указываютъ путемъ отрицанія. Онъ былъ болѣе поэтомъ возможнаго и будущаго, чѣмъ поэтомъ дѣйствительнаго и настоящаго. Его поэзія прямо призываетъ къ полнотѣ наслажденія тою жизнію, которой простые законы стремится опредѣлить и современная мудрость путемъ критики и утопіи. *Страсть и трудъ, въ ихъ естественномъ благоустройствѣ* — вотъ простыя начала, изъ которыхъ сложился яркій идеалъ жизни, проникшій восторгомъ здоровую натуру поэта-мѣщанина!!.“

Мы не будемъ оспаривать Майкова, насколько Кольцовъ дѣйствительно былъ поэтомъ возможнаго будущаго въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ это Майковъ, т.-е. въ смыслѣ воспѣванія страсти и труда въ ихъ естественномъ благоустройствѣ; замѣтимъ только, что это мнѣніе не было исключительною принадлежностью одного Майкова. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, вся мыслящая молодежь, мало-мальски знакомая съ соціальными идеями, двигавшими западное общество въ то время, смотрѣла на Кольцова такимъ образомъ. Кольцовъ былъ любимѣйшимъ поэтомъ молодежи именно, какъ поэтъ труда, наслажденія жизнью и тѣхъ могучихъ

страстей цѣльныхъ, глубокихъ, чуждыхъ растлѣвающихъ рефлексій или экзальтацій — страстей простаго естественнаго человѣка свободнаго труда.

Для насъ статья Майкова о Кольцовѣ важнѣе всего, какъ новый моментъ въ развитіи нашей мысли, обусловливающій собою всю послѣдующую эпоху. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой статьѣ мы видимъ впервые смѣлое и радикальное отрицаніе узкихъ принциповъ народности и предпочтеніе имъ общечеловѣческихъ принциповъ. Послѣ того, какъ разъ народность была признана искаженіемъ человѣческой природы, признакомъ-же прогресса поставлена бо̀льшая или мѐньшая степень выдѣленія изъ узкой колеи народности и приближеніе къ общечеловѣческому типу — послѣ этого никакія уступки, никакія соглашенія съ приверженцами принциповъ народности сдѣлались немыслимы. Можно смѣло сказать, что только со статьи В. Майкова началась настоящая оппозиція славянофильству. Въ этой оппозиціи противъ славянофиловъ встали уже не западники, не защитники усвоенія западной цивилизаціи, а проповѣдники той новой будущей цивилизаціи, которая должна явиться не въ западномъ или восточномъ, а въ общечеловѣческомъ духѣ, которая должна въ своемъ результатѣ сломать всѣ ихъ китайскія стѣны различныхъ народностей, уничтожить ихъ вѣчное соперничество о нравственныхъ преимуществахъ и матеріальныхъ выгодахъ, и сдѣлать изъ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, русскихъ — людей, которые жили бы въ единеніи любви и братства. Надо-ли говорить, что таковъ былъ духъ всей послѣдующей эпохи движенія мысли нашей въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ. Передовые люди этой эпохи твердо стояли на общечеловѣческой почвѣ, были чужды всякихъ народныхъ пристрастій, и ихъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ западниками сороковыхъ годовъ.

Западники, какими бы они ни представлялись намъ антагонистами славянофиловъ, недалеко шли въ отрицаніи славянофильскихъ тенденцій и робко останавливались на полдорогѣ. Мы уже говорили выше, что нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ былъ конецъ славянофильства и начало западничества въ сороковые годы; теперь мы можемъ освѣтить яснѣе эту путаницу принциповъ. Дѣло въ томъ, что западники и славянофилы, равно основываясь на идеяхъ гегелевской философіи, совершенно сходились въ основныхъ взглядахъ на цивилизацію вообще и будущую цивилизацію Россіи. Какъ тѣ, такъ и другіе одинаково думали, что цивили-

зація не иначе можетъ выразиться, какъ въ духѣ народности, и исторія цивилизаціи есть исторія смѣны народностей по мѣрѣ того, какъ историческая народность выразитъ собою то, что̀ ей предопредѣлено выразить. Какъ славянофилы, такъ и западники одинаково вѣрили, на всѣхъ этихъ основаніяхъ, что будущее принадлежитъ Россіи, которой суждено сказать новое слово цивилизаціи послѣ Европы, но сказать его не иначе, какъ въ духѣсвоей народности.

Такимъ образомъ, въ главныхъ основаніяхъ славянофилы и западники совершенно сходились, представляя собою одинъ и тотъ-же результатъ гегелевской философіи. Пунктъ-же ихъ раздѣленія начинался съ опредѣленія путей, по которымъ Россія должна идти для выполненія своего историческаго назначенія. По мнѣнію славянофиловъ, Россія, чтобы сказать свое новое слово, должна создать свою самостоятельную цивилизацію на народныхъ началахъ, отстранившись отъ всякаго вліянія Запада; западники-же думали, что европейская цивилизація не только не помѣшаетъ созданію въ Россіи самобытной цивилизаціи, не только не убьетъ въ насъ нашей народности, но что, напротивъ того, только съ усвоеніемъ ея наши народныя начала дойдутъ до своей сознательности и полнаго развитія.

Послѣ этого понятно становится, что, расходясь другъ съ другомъ во взглядахъ не о цѣляхъ, а только о средствахъ нашего развитія, славянофилы и западники, при всей своей ожесточенной полемикѣ, часто совершенно сходились и говорили одно и то-же, когда дѣло касалось не пунктовъ ихъ спора, а тѣхъ основаній, которыя у нихъ были общія. Тогда они становились въ рѣшительное недоумѣніе, изъ-за чего они спорятъ, начинались отданія относительныхъ справедливостей, дѣлались примирительные обѣды съ поцѣлуями, послѣ которыхъ снова начинался разладъ и споры.

Такъ продолжалось дѣло именно до тѣхъ поръ, пока не выдѣлились изъ кружка западниковъ люди, которые рѣшились предать новой реальной критикѣ не одни взгляды о путяхъ и средствахъ, а и о самыхъ цѣляхъ; они рѣшились заявить, что не только славянофилы, но и западники заблуждаются, мечтая о какой-то цивилизаціи въ народномъ духѣ, что смѣшно и ставить вопросъ о томъ, повредитъ или не повредитъ цивилизація духу народности, когда цивилизація именно есть нѣчто противоположное этому духу, такъкакъ основная цѣль ея—вывести человѣка изъ узкой колеи народности на степень общечеловѣчности. Эти новые люди полагали, что западники робки и уклончивы въ своихъ спорахъ съ славяно-

филами, позволяя себѣ подобострастно раскланиваться передъ ихъ народными началами и разсыпаться въ увѣреніяхъ, чтобъ тѣ не боялись западной цивилизаціи, что она и не дотронется до ихъ народныхъ началъ, а напротивъ того, послѣдніе еще болѣе процвѣтутъ. Такое лицемѣріе, по мнѣнію новыхъ людей, кромѣ униженія, не могло имѣть никакихъ благихъ результатовъ: не въ примѣръ честнѣе было снять маску и заявить прямо: да, господа славянофилы, цивилизація затѣмъ и явилась къ намъ, чтобы бороться съ вашими пресловутыми народными началами, и слава ей, если она будетъ побѣдительницей въ этой борьбѣ.

Вотъ смыслъ статьи Майкова. Послѣ этой статьи и вообще послѣ появленія людей съ отрицаніемъ принциповъ народности, западники сороковыхъ годовъ должны были почувствовать, что они болѣе солидарны съ славянофилами, чѣмъ они думали, и что они стоятъ въ такой-же оппозиціи противъ новыхъ мыслителей, какъ и ихъ прежніе противники, славянофилы. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что по мѣрѣ того, какъ новые мыслители начали въ концѣ пятидесятыхъ годовъ получать все бо̀льшую и бо̀льшую силу въ литературѣ, прежніе западники, одинъ за другимъ, начали переходить въ лагерь славянофиловъ.

Но этотъ переходъ старыхъ западниковъ въ славянофильскій лагерь имѣетъ мѣсто не только въ шестидесятые годы. Мы видимъ, что тотчасъ-же по появленіи статьи Майкова, западники забили тревогу и почувствовали побужденіе попятиться назадъ, въ окрестности московскаго Кремля, въ лицѣ главнаго представителя своего — Бѣлинскаго.

О Бѣлинскомъ сохранились воспоминанія у всѣхъ знавшихъ его лично, какъ о наиболѣе ожесточенномъ противникѣ славянофиловъ. Какъ примѣръ его непримиримаго антагонизма съ московскими мыслителями, приводятъ его письма, въ которыхъ онъ упрекаетъ своихъ московскихъ сторонниковъ (Грановскаго, Герцена) за ихъ попытки къ примиренію и лобзанія съ противниками западной цивилизаціи. Въ послѣдніе годы литературной дѣятельности Бѣлинскаго вы не найдете ни одной статьи, въ которой онъ не нападалъ бы на славянофиловъ, не осыпалъ ихъ злыми и ожесточенными сарказмами.

Но за что̀ собственно онъ нападалъ на славянофиловъ? Онъ нападалъ на нихъ только за смѣшныя и доходящія до абсурда крайности ихъ увлеченій. Онъ видѣлъ въ нихъ мистиковъ и романтиковъ, которые, увлеченные патріотическимъ пристрастіемъ

ко всему русскому, отрицали все хорошее на Западѣ, и преклонялись передъ всѣмъ русскимъ, не разбирая, хорошо оно или дурно, возводили все русское народное въ идеалъ, доходя до слѣпаго обожанія даже разныхъ устарѣлыхъ народныхъ обычаевъ, нравовъ, костюмовъ и пр. Онъ нападалъ на нихъ за отрицаніе петровской реформы, за порицаніе натуральной школы и вообще всякаго произведенія искусства, въ которомъ имъ не нравилось критическое отношеніе къ русской жизни.

Но вотъ появилась статья Майкова, и дѣло коснулось не однихъ уже только заблужденій и крайностей славянофиловъ, а самыхъ основаній ученій ихъ. И Бѣлинскій не замедлилъ обнаружить и по отношенію къ славянофильскому ученію тотъ-же роковой предѣлъ, который мы видѣли въ немъ и по другимъ вопросамъ жизни. Статья Майкова открыла, такъ сказать, глаза Бѣлинскаго, ослѣпленнаго ожесточенною полемикой съ славянофилами, и онъ, внезапно прозрѣвши, увидѣлъ, что онъ далеко не такъ расходится съ ними, какъ думалъ, что въ виду новыхъ, болѣе смѣлыхъ противниковъ, славянофилы являются скорѣе союзниками, чѣмъ врагами, и Бѣлинскій внезапно дѣлаетъ отбой отъ своихъ нападеній на славянофиловъ, протягиваетъ имъ руку въ знакъ примиренія, говоритъ о безполезности вражды, и въ заключеніе набрасывается на новыхъ противниковъ, открыто высказывая, что лучше быть славянофиломъ, чѣмъ имп.

Все это мы находимъ въ статьѣ Бѣлинскаго „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“ (см. С. Б., т. II). Въ самомъ дѣлѣ, на самыхъ первыхъ страницахъ статьи, васъ сразу поражаетъ радикальное измѣненіе въ отношеніи Бѣлинскаго къ славянофиламъ; словно это совершенно не тотъ Бѣлинскій, какимъ мы его знаемъ въ полемикѣ съ московскими мыслителями.

„Такъ-называемое славянофильство — говоритъ онъ на 20-й страницѣ статьи — безъ всякаго сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно къ нимъ относится—это другое дѣло. Но прежде всего, славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе несогласны. Славянофиловъ у насъ много, и число ихъ все увеличивается: фактъ, который тоже говоритъ въ пользу славянофильства. Можно сказать, что вся наша литература, а съ нею и часть публики, если не вся публика, раздѣлились на двѣ стороны — славянофиловъ и неславянофиловъ.

Много можно сказать въ пользу славянофильства, говоря о причинахъ, вызвавшихъ его явленіе; но разсмотрѣвши его ближе, нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной котеріи чисто-отрицательныя, что она вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которой обрекла себя. Поэтому, нѣтъ никакого интереса говорить съ славянофилами о томъ, чего они хотятъ, да и сами они неохотно говорятъ и пишутъ объ этомъ, хотя и не дѣлаютъ изъ этого никакой тайны. Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то туманныхъ мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается фактами дѣйствительности, всѣми вмѣстѣ и каждымъ порознь. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что она говоритъ противъ гніющаго, будто бы, Запада (Запада славянофилы рѣшительно не понимаютъ, потому что мѣряютъ его на восточный аршинъ), но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя на половину, какъ, напримѣръ, что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ, къ чести ихъ, отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить пофранцузски, понѣмецки и поанглійски, но никакъ не умѣютъ мыслить порусски, и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо до извѣстной степени. Но нельзя остановаться на признаніи справедливости какого бы то ни было факта, а должно изслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ злѣ найти и средства къ выходу изъ него. Этого славянофилы не дѣлали и не сдѣлали; но за то они заставили если не сдѣлать, то дѣлать это своихъ противниковъ. И вотъ гдѣ ихъ истинная заслуга".

Уже въ этихъ строкахъ Бѣлинскій сильно сбивается на славянофильскую почву и во многомъ вторитъ имъ. Далѣе онъ еще рѣзче выставляетъ точки соприкосновенія своихъ взглядовъ съ славянофильскими.

„Повторяемъ, славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ — говоритъ онъ на 24-й страницѣ — но, тѣмъ не менѣе, ихъ роль чисто-отрицательная, хотя и полезная на время. *Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произволь-*

но упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ, хотятъ видѣть плодъ прежде цвѣта, и находя листья безвкусными, объявляютъ плодъ гнилымъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, перссадить на другое мѣсто и приложить къ нему другаго рода уходъ. По ихъ мнѣнію, это не легко, но возможно! Они забыли, что новая Петровская Россія такъ-же молода, какъ и Сѣверная Америка, что въ будущемъ ей представляется гораздо больше, чѣмъ въ прошедшемъ. Они забыли, *что въ разгарѣ процесса часто особенно бросаются въ глаза именно тѣ основанія, которыя по окончаніи процесса должны исчезнуть, и часто не видно именно того, что̀ впослѣдствіи должно явиться результатомъ процесса!!*“

Этими словами Бѣлинскій высказываетъ всю свою солидарность съ славянофилами: онъ не доволенъ на нихъ только за то, зачѣмъ они слишкомъ мрачно смотрятъ на подражательность нашего общества европейцамъ. Онъ соглашается съ ними, что эта подражательность прискорбна, но, смотря на нее, какъ на временное зло, утѣшаетъ славянофиловъ, что это зло преходяще и въ результатѣ славянофилы, все-таки, восторжествуютъ: не они, такъ внуки ихъ дождутся русской цивилизаціи совершенно въ народномъ духѣ.

„Да, въ насъ есть національная жизнь — восклицаетъ онъ на 26-й страницѣ—мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль—объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Наши внуки и правнуки узнаютъ это безъ всякихъ усилій напряженнаго разгадыванья, потому что это слово, эта мысль будетъ сказана ими...“

Теперь вы и подумайте, велико-ли разстояніе всѣхъ этихъ мыслей отъ славянофильскихъ тенденцій? Сколько здѣсь точекъ совпаденія въ существенныхъ вопросахъ и какъ частны разнорѣчія. При такомъ углѣ зрѣнія одинъ шагъ—и вы славянофилъ. Не понравится вамъ какая-либо реформа, перенятая съ Запада, не согласитесь вы съ ученіемъ, заимствованнымъ изъ Европы, и въ вашемъ голосѣ тотчасъ-же зазвучатъ славянофильскія нотки о прискорбности подражательности, о необходимости самостоятельности жизни и мысли о народныхъ началахъ, о здравомъ инстинктѣ народныхъ массъ и пр. И при всемъ при томъ, вы, все-таки, будете считать себя западникомъ, преклоняясь передъ реформами Петра, предпочитая фракъ зипуну или лимонадъ-газесъ — квасу...

На слѣдующей страницѣ Бѣлинскій уже не ограничивается одними комплиментами и отданіями долговъ справедливости славя-

нофиламъ; онъ доходитъ даже до почтительныхъ извиненій передъ ними.

„Просимъ извиненія у гг. славянофиловъ — говоритъ онъ—если мы приписали имъ что-нибудь такое, чего они и не думали или не говорили: еслибъ они могли упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь подобномъ, пусть примутъ это за простую и неумышленную ошибку съ нашей стороны. Каковы бы ни были ихъ понятія, или, по нашему, ошибки и заблужденія, мы уважаемъ ихъ источникъ. Мы можемъ сочувствовать всякому искреннему, независимому и благородному, въ его началѣ, убѣжденію, не только не раздѣляя его, но и видя въ немъ діаметральную противоположность нашему убѣжденію. На чьей сторонѣ истина—разсудитъ время—великій и непогрѣшительный судья всѣхъ умственныхъ и теоретическихъ тяжбъ. Журналъ, который теперь одинъ остался органомъ славянофильскаго направленія, объявилъ нѣкогда „непримиримую вражду“ всякому противоположному направленію. Что касается до насъ, имѣя свое опредѣленное направленіе, свои горячія убѣжденія, которыя намъ дороже всего на свѣтѣ, мы тоже готовы защищать ихъ всѣми силами нашими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противоборствовать всякому противоположному направленію и убѣжденію; но мы хотѣли бы защитить наши мнѣнія съ достоинствомъ, а противоположнымъ противоборствовать съ твердостью и спокойствіемъ, безъ всякой вражды. Къ чему вражда? Кто враждуетъ, тотъ сердится, а кто сердится, тотъ чувствуетъ, что онъ не правъ. Мы имѣемъ самолюбіе до того считать себя правыми въ главныхъ основаніяхъ нашихъ убѣжденій, что не имѣемъ никакой нужды враждовать и сердиться; смѣшивать идеи съ лицами и, вмѣсто благородной и позволенной борьбы мнѣній, заводитъ безполезную и неприличную борьбу личностей и самолюбій...“

Все это, если вы хотите, очень благородно, возвышенно и великодушно со стороны Бѣлинскаго, но вы не поймете, съ какой эстати вздумалось ему, ни съ того, ни съ сего, великодушничать, протягивать руку заклятымъ врагамъ и даже на половину соглашаться съ ними, если не примете въ разсчетъ появленія новыхъ непріятелей, съ которыми Бѣлинскій находилъ гораздо болѣе разнорѣчій съ его идеями, чѣмъ въ славянофилахъ, которые съ одинаковымъ отрицаніемъ отнеслись какъ къ славянофиламъ, такъ и къ западникамъ съ Бѣлинскимъ во главѣ.

На слѣдующихъ-же страницахъ Бѣлинскій дѣлаетъ натискъ на этихъ новыхъ враговъ.

Сначала онъ пускаетъ въ дѣло діалектику Гегеля; въ майковскихъ идеяхъ видитъ антитезъ славянофильству, въ своихъ-же убѣжденіяхъ, конечно — возсоединяющій синтезъ.

„Естественно — говоритъ онъ на 32-й страницѣ — что подобныя (т.-е. славянофильскія) крайности вызываютъ такія-же противоположныя крайности. Одни бросились въ фантастическую народность, другіе — въ фантастическій космополитизмъ, во имя человѣчества. По мнѣнію послѣднихъ, національность происходитъ отъ чисто-внѣшнихъ вліяній, выражаетъ собою все, что̀ есть въ народѣ неподвижнаго, грубаго, ограниченнаго, неразумнаго, и діаметрально противополагается всему человѣческому. Чувствуя-же, что нельзя отрицать въ народѣ и человѣческаго, противоположнаго, по ихъ мнѣнію, національному, они раздѣляютъ недѣлимую личность народа на большинство и меньшинство, приписывая послѣднему качества, діаметрально противоположныя качествамъ перваго. Такимъ образомъ, безпрестанно нападая на какой-то дуализмъ, который они видятъ всюду, даже тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, они сами впадаютъ въ крайность самаго отвлеченнаго дуализма. Великіе люди, по ихъ понятію, стоятъ внѣ своей національности, и вся заслуга, все величіе ихъ въ томъ и заключается, что они идутъ прямо противъ своей національности, борятся съ нею и побѣждаютъ ее. Вотъ истинно русское и, въ этомъ отношеніи, рѣзко-національное мнѣніе, которое не могло бы придти въ голову европейцу! Это мнѣніе вытекло прямо изъ ложнаго взгляда на реформу Петра Великаго, который, по общему въ Россіи мнѣнію, будто бы уничтожилъ русскую народность. Это мнѣніе тѣхъ, которые народность видятъ въ обычаяхъ и предразсудкахъ, не понимая, что въ нихъ дѣйствительно отражается народность, но что они отнюдь еще не составляютъ народности. Раздѣлить народное и человѣческое на два совершенно чуждыя, даже враждебныя одно другому начала, значитъ впасть въ самый абстрактный, въ самый книжный дуализмъ“.

Но Бѣлинскій не останавливается на безпристрастномъ равновѣсіи гегелевскаго синтеза и не одинаково относится къ обѣимъ выставленнымъ имъ крайностямъ: къ славянофильству и космополитизму; вѣсы его синтеза тотчасъ-же склоняются на сторону славянофильства и онъ отдаетъ послѣднему преимущество передъ космополитизмомъ.

Далѣе онъ входитъ въ длинныя разсужденія въ духѣ гегелевской философіи объ отношеніи личности къ идеѣ человѣка. Изъ этого разсужденія онъ выводитъ слѣдующія положенія:

„Что личность въ отношеніи къ идеѣ человѣка, то народность въ отношеніи къ идеѣ человѣчества. Другими словами: народности суть личности человѣчества. Безъ національностей, человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. *Въ отношеніи къ этому вопросу, я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ, какъ такое-то изданіе такой-то логики...* Но, къ счастію, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ чему...“

Уже во всѣхъ этихъ выдержкахъ вы видите нѣкоторое искаженіе и представленіе въ ложномъ свѣтѣ идей Майкова. Такъ, напримѣръ, Майковъ нигдѣ не говорилъ, чтобы великіе люди уничтожали народность, а говорилъ только о ихъ личномъ выдѣленіи изъ узкой колеи народности и борьбѣ съ узкими національными элементами во имя общечеловѣческихъ идеаловъ; что-же касается до уничтоженія народныхъ перегородокъ, то, съ точки зрѣнія Майкова, оно имѣетъ мѣсто не въ настоящемъ, а въ будущемъ; это — результатъ современной цивилизаціи, къ которому стремится она, но до котораго она далеко еще не достигла. Къ тому-же, мнѣніе Майкова вовсе не исключительно самодѣльное русское и насмѣшливыя слова Бѣлинскаго, что будто оно не могло бы придти въ голову европейцу — лишены всякаго основанія. Напротивъ того, въ сочиненіяхъ многихъ современныхъ, передовыхъ европейскихъ мыслителей вы найдете часто встрѣчаемое мнѣніе, что уже и въ настоящее время образованный англичанинъ гораздо болѣе имѣетъ общаго въ своемъ типѣ съ образованными-же людьми всѣхъ странъ, чѣмъ съ своимъ необразованнымъ землякомъ.

Но далѣе вы встрѣчаете еще бо̀льшее искаженіе мнѣній Майкова. Такъ, напримѣръ, говоря о противоположности меньшинства и большинства народа, Майковъ и не думалъ подъ меньшинствомъ разумѣть какое-либо привиллегированное, сословное меньшинство, не думалъ даже и объ образованномъ меньшинствѣ. Подъ меньшинствомъ онъ разумѣетъ рядъ личностей, развивающихъ въ себѣ, вслѣдствіе избытка своихъ физическихъ или умственныхъ силъ, качества, противоположныя общимъ качествамъ среды. При этомъ Майкову рѣшительно все равно, къ какимъ бы слоямъ общества эти личности ни принадлежали. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ своихъ людей покоя и удальцевъ — и среди западниковъ, и среди

славянофиловъ. Различные выходцы изъ народа, самоуки, удальцы разбойники — совершенно подходятъ подъ этотъ-же типъ. Между тѣмъ, Бѣлинскій заставляетъ Майкова подъ меньшинствомъ подразумѣвать непремѣнно привиллегированные классы и дѣлаетъ ему слѣдующее возраженіе:

„Раздѣленіе народа на противоположныя, враждебныя, будто бы, другъ другу большинство и меньшинство, можетъ быть, и справедливо со стороны логики, но рѣшительно ложно со стороны здраваго смысла. Меньшинство всегда выражаетъ собою большинство, въ хорошемъ или въ дурномъ смыслѣ. Еще страннѣе приписать большинству народа только дурныя качества, а меньшинству одни хорошія. Хороша была бы французская нація, еслибы о ней стали судить по развратному дворянству временъ Людовика XV. Этотъ примѣръ указываетъ, что меньшинство скорѣе можетъ выражать собою болѣе дурныя, нежели хорошія стороны національности народа, потому что оно живетъ искусственною жизнію, когда противополагаетъ себя большинству, какъ что-то отдѣльное отъ него и чуждое ему. Это мы видимъ и въ современной намъ Франціи, въ лицѣ bourgeoisie, господствующаго теперь въ ней сословія“. (См. стр. 40, 41).

Когда вы читаете эти строки, соображая, въ то-же время, идеи Майкова, то вы рѣшительно недоумѣваете, что̀ это сдѣлалось съ Бѣлинскимъ! Невозможно представить себѣ, чтобы такой безукоризненно-благородный человѣкъ, какъ Бѣлинскій, умышленно исказилъ идеи своего противника для удобствъ полемики; невозможно и подумать, съ другой стороны, чтобы такой добросовѣстный человѣкъ, какъ Бѣлинскій, ограничился поверхностнымъ перелистываніемъ статьи Майкова и не вдумался въ суть его идей. Остается предположить, что Бѣлинскій просто не понялъ этихъ идей, потому что онѣ выходили изъ круга его міросозерцанія, стѣсненнаго принципами гегелевской діалектики. Остается и здѣсь предположить предѣлъ, далѣе котораго не шелъ Бѣлинскій, не шли и всѣ его сверстники сороковыхъ годовъ.

Вообще статья Бѣлинскаго, которую мы разсматриваемъ, особенно дорога тѣмъ, что она проливаетъ большой свѣтъ на характеръ тѣхъ реакціонныхъ пріемовъ, съ какими сверстники Бѣлинскаго явились впослѣдствіи въ противодѣйствіе движенію шестидесятыхъ годовъ. Зачатки этихъ пріемовъ такъ и выглядываютъ во многихъ мѣстахъ статьи. Такъ, напримѣръ, посмотрите, что̀ говоритъ Бѣлинскій о великихъ людяхъ:

„Что-же касается до великихъ людей, они по преимуществу дѣти своей страны. Великій человѣкъ всегда національнъ, какъ его народъ, ибо онъ потому и великъ, что представляетъ собою свой народъ. Борьба генія съ народомъ не есть борьба человѣческаго съ національнымъ, а просто-на-просто новаго съ старымъ, идеи съ эмпиризмомъ, разума съ предразсудкомъ. Масса всегда живетъ привычкой, и разумнымъ, истиннымъ, полезнымъ считаетъ только то, къ чему привыкла. Она защищаетъ съ остервененіемъ то старое, противъ котораго, вѣкомъ или менѣе назадъ, съ остервененіемъ-же боролась она, какъ противъ новаго. *Противодѣйствіе массы генію необходимо: это съ ея стороны экзаменъ генію: если онъ возьметъ свое, ни на что несмотря, значитъ, онъ точно геній, т.-е. въ самомъ себѣ носитъ свое право дѣйствовать на судьбы своего отечества. Иначе всякій резонеръ, всякій мечтатель, всякій философъ, всякій маленькій великій человѣкъ сталъ бы обходиться съ народомъ, какъ съ лошадью, направляя его по волѣ своихъ прихотей и фантазій то въ ту, то въ другую сторону...*“

Въ первой половинѣ этой тирады вы ничего не находите, кромѣ ряда противорѣчій. Оказывается, что геній, въ одно и то-же время, является и представителемъ народной массы, и ея антагонистомъ, защищающимъ новое противъ того стараго, къ которому масса привыкла. Но мы просимъ обратить особенное вниманіе нашихъ читателей на послѣднія строки тирады, напечатанныя курсивомъ. Вотъ они гдѣ, задатки тѣхъ ядовитыхъ насмѣшекъ, которыми осыпали впослѣдствіи сверстники Бѣлинскаго людей шестидесятыхъ годовъ. Резонеры, мечтатели, маленькіе великіе люди, думающіе обходиться съ народомъ, какъ съ лошадью, направляя его по волѣ своихъ прихотей и фантазій!—только и слышалось впослѣдствіи со стороны людей сороковыхъ годовъ. Такова именно софистика гегелевской діалектики, что подводя вещи подъ обширныя отвлеченныя категоріи и избѣгая точнаго опредѣленія ихъ, она даетъ мѣсто какимъ угодно толкованіямъ фактовъ. Понравится вамъ какое-нибудь ученіе, стоящее въ уровнѣ вашего міросозерцанія, вы готовы навязывать это ученіе всѣмъ и каждому, стремиться всѣми правдами и неправдами къ господству его, топтать противниковъ въ грязь, не думая о томъ, что вы относитесь къ ближнимъ, какъ къ лошадямъ, которыхъ стараетесь направить въ ту сторону, въ какую вамъ угодно. Нѣтъ, ваше поведеніе представляется вамъ борьбой геніальной мысли съ непониманіемъ толпы. А чуть вамъ не понравилось ученіе, можетъ быть, просто

потому, что оно стоитъ выше вашего пониманія, и тотчасъ-же выступаютъ на сцену резонеры, мечтатели, маленькіе великіе люди, фантастическіе космополиты и пр.

Но отношеніемъ къ новымъ людямъ, какъ резонерамъ, мечтателямъ и пр., не исчерпываются реакціонные пріемы сверстниковъ Бѣлинскаго. Рядомъ съ этимъ вы встрѣчаете еще одинъ общеупотребительный пріемъ, въ которомъ, впрочемъ, люди сороковыхъ годовъ сходятся съ реакціонерами всѣхъ вѣковъ. Этотъ пріемъ заключается въ томъ, что, выражая полное сочувствіе къ тому или другому ученію, къ той или другой реформѣ, реакціонеры, въ то же время, употребляютъ рядъ всевозможныхъ доводовъ для того, чтобы доказать, что данная реформа преждевременна, ученіе, при всей своей несомнѣнной истинности, безплодно, потому что предвосхищаетъ будущее, что мы можемъ любоваться сколько угодно на тѣ блага, какими пользуются люди на Западѣ, но сами до этихъ благъ еще не доросли, не созрѣли и, какъ дѣти, должны облизывать губки, смотря издали, какъ пируютъ большіе. Задатки такого пріема мы, въ свою очередь, встрѣчаемъ уже у Бѣлинскаго.

Ненавистные для него космополиты, какъ извѣстно, не ограничивались однимъ противопоставленіемъ принципамъ народности общечеловѣческой цивилизаціи. Изучая соціологію и политическую экономію и усвоивая послѣднія истины, добытыя этою наукой, они не думали, чтобы истины эти могли быть годны для одной страны и негодны для другой, или чтобы примѣненіе ихъ могло помѣшать рѣшенію вопросовъ жизни, стоящихъ позади этихъ истинъ; напротивъ того, они полагали, подобно многимъ современнымъ европейскимъ публицистамъ, что, безъ примѣненія этихъ истинъ къ жизни, всѣ другіе вопросы, стоящіе позади ихъ, не могутъ никогда быть рѣшены правильно и что всякое рѣшеніе этихъ вопросовъ безъ примѣненія новыхъ истинъ всегда будетъ равняться постройкѣ зданія на пескѣ.

Бѣлинскій, въ свою очередь, страстно проникался современными ему вопросами. Въ своей рецензіи на „Парижскія тайны“, Евгенія Сю (см. С. Б., т. IX, стр. 1), онъ посвятилъ нѣсколько страницъ политическому движенію Франціи, и читая эти страницы, вы видите, какъ глубоко понималъ Бѣлинскій современное ему положеніе Франціи, съ какимъ неподдѣльнымъ пафосомъ и съ какою геніальною мѣткостью рисуетъ онъ отношеніе народа къ буржуазіи.

Но вышеупомянутая нами статья Бѣлинскаго („Обозр. р. лит.

за 1846 г.“) показываетъ намъ, что и для этихъ вопросовъ у Бѣлинскаго былъ свой роковой предѣлъ, далѣе котораго онъ не шелъ. Сочувствіе его къ новымъ истинамъ политической экономіи было чисто внѣшнее, какъ къ чему-то способному возбуждать въ насъ извѣстныя симпатіи и антипатіи, но при всемъ томъ совершенно чуждому намъ и неимѣющему никакого отношенія къ нашей жизни.

„Теперь Европу занимаютъ новые великіе вопросы — говоритъ онъ на 43-й страницѣ — и интересоваться ими, слѣдить за ними намъ можно и должно, ибо ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми. Но въ то-же время для насъ было бы вовсе безплодно принимать эти вопросы, какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что̀ примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ, и мы стали бы играть роль Донъ-Кихотовъ, горячась изъ ничего. Этимъ мы заслужили бы скорѣе насмѣшки европейцевъ, нежели ихъ уваженіе. У себя, въ себѣ, вокругъ себя, вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ, и ихъ рѣшенія. Это направленіе будетъ плодотворно, если не будетъ блестяще...“

Дѣйствительно, если вы начнете смотрѣть съ чисто внѣшней, поверхностной стороны на новыя истины политической экономіи, то, конечно, вы не увидите ничего общаго между этими истинами и вопросами нашей жизни. Такъ, напримѣръ, что̀, повидимому, общаго между вопросомъ объ отношеніи рабочихъ къ фабрикантамъ во Франціи и вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, который стоялъ на первомъ планѣ въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей въ сороковые годы? Съ одной стороны, шелъ споръ между людьми, одинаково свободными и гражданскими равноправными о барышахъ, съ другой—дѣло шло о дарованіи элементарныхъ гражданскихъ правъ рабамъ, неимѣвшимъ не только движимой или недвижимой собственности, но о которыхъ нельзя было сказать даже, чтобы они были владѣльцами своего собственнаго тѣла. Естественно, что послѣдній вопросъ представлялся на нѣсколько вѣковъ стоявшимъ сзади перваго. Но еслибы Бѣлинскій усвоилъ себѣ всю суть новыхъ политико-экономическихъ истинъ, онъ увидѣлъ бы, что онѣ касаются не однихъ только отношеній рабочихъ къ фабрикантамъ, а относятся къ какимъ угодно вопросамъ жизни, и относятся не частію, а всецѣло составляютъ существенное основаніе правильности рѣшенія всякаго вопроса жизни, не исключая и вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Люди-же сороковыхъ го-

довъ смотрѣли на это не такъ: имъ казалось, что если есть что-либо общее между политико-экономическими вопросами Запада и элементарными вопросами нашей жизни, то развѣ только одно общее чувство гуманности, изъ которой исходятъ тѣ и другіе. Имъ казалось, что сначала слѣдуетъ рѣшить какъ бы то ни было крестьянскій вопросъ, два, три другіе столь-же элементарные вопроса нашей жизни; затѣмъ, лѣтъ черезъ 60, черезъ 100 и болѣе, когда у насъ явится промышленный пролетаріатъ, тогда только политико-экономическіе вопросы Европы будутъ у насъ современны и мы получимъ право горячиться за нихъ. А до тѣхъ поръ мы можемъ слѣдить за развитіемъ этихъ вопросовъ на Западѣ, сочувствовать имъ, но проникаться ими и считать ихъ своими не должны, иначе мы прослывемъ за Донъ-Кихотовъ и надъ нами посмѣется Европа.

Вотъ вамъ и еще одинъ изъ ключей къ реакціоннымъ принципамъ людей сороковыхъ годовъ. Когда появились люди, которые не довольствовались однимъ созерцаніемъ и сочувствіемъ и глубоко проникались новыми политико-экономическими истинами, проникались не отчасти, а всецѣло и безраздѣльно, съ точки зрѣнія этихъ истинъ начали смотрѣть и на всѣ событія Европы, и на всѣ вопросы нашей жизни, въ глазахъ людей сороковыхъ годовъ они не переставали слыть Донъ-Кихотами, предвосхищающими будущее, посмѣшищами и т. п. При этомъ люди сороковыхъ годовъ, привыкшіе къ своей раздвоенности, упустили изъ виду тотъ естественный законъ нашей психической жизни, что здоровый и цѣльный умъ не можетъ довольствоваться истиной отчасти, на половину, а тѣмъ менѣе судить о вещахъ иначе, какъ онѣ ему представляются съ точки зрѣнія этой истины. Такъ, напримѣръ, здоровый, сильный умъ не можетъ составить о Кавурѣ одинъ взглядъ, а высказывать публикѣ другой на томъ основаніи, вотъ видите, что мы, въ развитіи нашей общественной жизни, не доросли еще и до Кавура. Вспомните, что въ этой послѣдовательности своимъ идеямъ именно и обвиняетъ Добролюбова г. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ.

Болѣе намъ не придется бесѣдовать въ этихъ очеркахъ о Бѣлинскомъ. Въ заключеніе считаю нелишнимъ сдѣлать такую-же оговорку и относительно Бѣлинскаго, какую мнѣ пришлось сдѣлать относительно Грановскаго, для читателя, стоящаго на степени безусловнаго отрицанія или безусловнаго обожанія. Да не подумаетъ такой читатель, чтобы, выставляя различныя противорѣчія и предѣлы во взглядахъ Бѣлинскаго, я желалъ бы, не говоря уже объ

отрицаніи значенія этого геніальнаго представителя нашей литературы ,хоть на одну іоту уменьшить въ глазахъ публики это значеніе. Я имѣлъ въ виду только обозначить этотъ предѣлъ міросозерцанія Бѣлинскаго, оставаясь въ которомъ, Бѣлинскій представляется вполнѣ сыномъ своего вѣка и далѣе котораго начинается развитіе новой мысли, начало новой фазы нашего развитія. Какъ бы продолжалъ Бѣлинскій относиться къ этой новой фазѣ, еслибы жизнь и дѣятельность его продолжались, усвоилъ-ли бы онъ новыя идеи, или онъ все болѣе и болѣе расходился бы съ ними вмѣстѣ со всѣми другими своими сверстниками—объ этомъ нѣтъ возможности судить, не входя въ область произвольныхъ фантазій и догадокъ. Впрочемъ, судя по живой, страстной, впечатлительной натурѣ Бѣлинскаго, по его чутью, крайнему ожесточенію, которое онъ вынесъ изъ всей своей жизни, наконецъ, по его литературному положенію въ журналѣ, которому впослѣдствіи пришлось стоять впереди движенія новой мысли, судя по всему этому, можно предположить, что Бѣлинскій, по всей вѣроятности, скорѣе разошелся бы со своими сверстниками, чѣмъ не сошелся бы съ новыми литературными дѣятелями. Замѣтьте, что, не понявъ идей Майкова, онъ обвинилъ его не въ излишнемъ демократизмѣ, а напротивъ того, въ мнимомъ аристократизмѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ. — Краткія біографическія свѣдѣнія о его жизни. — Первая статья его „Пролетаріи и пауперизмъ“. — Статья о книгѣ Бутовскаго въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“. — Изложеніе идей позитивной философіи. — Взгляды на политическую экономію и ея школы съ точки зрѣнія этихъ идей. — Передовая статья въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ началѣ 1848 года. — Общій характеръ умственнаго движенія въ концѣ сороковыхъ годовъ и нѣкоторое сходство его съ движеніемъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. — Внезапный перерывъ этого движенія.

Однѣми статьями В. Майкова не ограничивались проблески новой реальной мысли въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ то время, какъ Майковъ явился представителемъ молодой критики, вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на поприще литературы новый талантливый публицистъ — Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ. Настоящая глава будетъ посвящена ознакомленію читателей съ идеями этого писателя. Читатели найдутъ въ нихъ передовыя идеи нашего времени и увидятъ, съ какою силой таланта изложены эти идеи въ статьяхъ Милютина.

Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ родился 16-го декабря 1826 года. Поступивши въ московскій университетъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ перешелъ потомъ въ петербургскій, гдѣ и кончилъ курсъ по юридическому факультету со степенью кандидата въ 1847 году. Въ 1849 году онъ защищалъ диссертацію на званіе магистра „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи“; въ 1850 году былъ опредѣленъ въ петербургскій универси-

тетъ адъюнктомъ русскаго государственнаго права, а съ 1853 года читалъ полицейское право. Какъ профессоръ, онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей петербургскаго университета; его аудиторія была постоянно полна слушателей изъ всѣхъ факультетовъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Милютинъ трудился надъ своею докторскою диссертаціей „О Дьякахъ", посвящая ежедневно своимъ трудамъ до десяти часовъ. Въ то-же время онъ былъ съ 1848 года членомъ географическаго общества, состоя производителемъ дѣлъ въ отдѣленіи статистики, а съ 1849 года секретаремъ общества. Разнообразныя и усидчивыя занятія не замедлили подѣйствовать на слабое здоровье Милютина. Въ 1854 году онъ долженъ былъ ѣхать за границу лечиться. Но болѣзнь оказалась неизлечимая и грозила Милютину близкою кончиною, исполненною мученій. Къ этому подвернулись нѣкоторыя сердечныя обстоятельства. Все это ввергло Милютина въ мрачную хандру, разрѣшившуюся самоубійствомъ. Въ 1855 году, 5-го августа, Милютина не стало. Онъ умеръ на 29-мъ году своей жизни, оставивши послѣ себя самыя блистательныя надежды.

Спеціальныя ученыя занятія по университету и въ географическомъ обществѣ не мѣшали Милютину удѣлять время для литературныхъ занятій. Онъ весьма часто помѣщалъ публицистическія и критическія статьи въ „Современникѣ" и „Отечественныхъ Запискахъ". Началъ онъ свою литературную дѣятельность очень рано, 20-ти лѣтъ, будучи еще на 4-мъ курсѣ университета, и въ первыхъ статьяхъ успѣлъ уже обратить на себя всеобщее вниманіе. Статьи эти дѣйствительно открывали русской публикѣ совершенно новый міръ. Съ одной стороны, публика познакомилась въ нихъ впервые съ основными началами позитивной философіи Огюста Конта, съ другой стороны—съ развитіемъ политико-экономическихъ школъ на Западѣ, ихъ борьбой и отношеніемъ къ передовымъ идеямъ современной жизни.

Первый его литературный трудъ появился въ 1846 году, въ видѣ ряда статей подъ заглавіемъ „Пролетаріи и пауперизмъ", которыя печатались въ „Отечественныхъ Запискахъ", начиная съ 50-го тома этого журнала. Въ этихъ статьяхъ вы находите весьма полное и обстоятельное изложеніе развитія пролетаріата на Западѣ, его причинъ и слѣдствій и отношенія къ этому явленію различныхъ политико-экономическихъ школъ.

Въ началѣ своего трактата Милютинъ выставляетъ на видъ то впечатлѣніе, которое производитъ развитіе пролетаріата на

людей различнаго сорта, и говоритъ о томъ, какъ обязана смотрѣть на то-же самое явленіе наука.

„Въ настоящее время — говоритъ онъ — есть много людей, въ которыхъ эта мрачная сторона дѣйствительности производитъ недоумѣніе, страхъ и даже отчаяніе. Твердо вѣруя въ высокое значеніе промышленности и въ необходимость прогресса, они не знаютъ, какъ оправдать такую цивилизацію, среди которой встрѣчаются факты столь горестные. Для того, чтобы избавиться отъ этого неразрѣшимаго для нихъ противорѣчія, одни малодушно останавливаются только при свѣтлой сторонѣ жизни, закрывая глаза при видѣ бѣдствій, страданій и язвъ человѣчества; другіе, въ противность истинѣ и дѣйствительности, упорно отрицаютъ самое существованіе зла, или, по крайней мѣрѣ, стараются уменьшить его значеніе, стараются скрыть его страшныя послѣдствія. Но наука, въ своемъ постоянномъ стремленіи къ истинѣ, не можетъ допускать ни такого равнодушія, ни такого антагонизма. Съ одной стороны, слѣдуя за успѣхами и за развитіемъ человѣчества, она не можетъ не сочувствовать его страданіямъ, потому что это сочувствіе составляетъ священную ея обязанность. Съ другой стороны, для нея истина должна быть и святою, и неприкосновенною, и какъ бы истина эта ни была мрачна, наука не должна прятаться отъ ея свѣта, потому что иначе она отказалась бы отъ своего назначенія.

„Но если въ настоящее время есть люди, которые готовы жертвовать истиной изъ любви къ прогрессу и цивилизаціи, то, съ другой стороны, есть также люди, которые, по ненависти къ тому-же прогрессу, или по какой-нибудь другой, непзвѣстной намъ причинѣ, доходятъ до самаго несправедливаго воззрѣнія на этотъ предметъ. Бѣдственное состояніе рабочихъ классовъ подаетъ имъ поводъ къ самымъ несправедливымъ нападкамъ на Западъ. Въ его настоящей организаціи они видятъ только неустройство, разладъ какъ мнѣній, такъ и интересовъ: изъ этого они глубокомысленно заключаютъ, что Западъ устарѣлъ, что онъ уже растратилъ всѣ жизненныя свои силы, что онъ гніетъ, что государствамъ его остается только рухнуться, и уступить свое поприще новымъ племенамъ. Но такіе взгляды, изъ какого бы источника ни проистекали они, не заслуживаютъ даже и опроверженія. Близорукимъ судьямъ Запада можно сказать, что они смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ. Они не понимаютъ, что эта борьба интересовъ есть признакъ не распаденія, а жизни, что она показы-

ваетъ не гнилость общества, а напротивъ, его зрѣлость, его свѣжесть, его силу. Они не видятъ, что надъ этимъ противорѣчіемъ мысли и убѣжденій возвышается стремленіе къ добру. И можно-ли назвать устарѣлымъ то общество, которое сознаетъ въ себѣ несправедливость и силится побѣдить ее? Можно-ли находить признаки упадка тамъ, гдѣ все дышетъ свѣжестью юности, гдѣ всѣ взоры и всѣ умы съ надеждой обращены на будущее, гдѣ все движется, все развивается!

„Нѣтъ! не гніютъ тѣ общества, которыя рождаютъ изъ себя безпрестанно и послѣдовательно новые элементы жизни — не гніютъ, а успѣваются и созрѣваютъ, переходя черезъ различные моменты и фазы къ совершенству. Гнилъ только тотъ, кто вовсе не примѣчаетъ своей гнилости. Тотъ только малодушенъ, кто, отгадывая у себя зло и неправду, предпочитаетъ спокойно лежать въ грязи, вмѣсто того, чтобы трудомъ и пожертвованіями стремиться къ благородной цѣли“.

Послѣ такого вступленія, Милютинъ приступаетъ къ предмету своего трактата, который раздѣляется у него на два существенные отдѣла. Въ первомъ онъ излагаетъ причины пролетаріата, во второмъ — его слѣдствія.

Къ причинамъ пролетаріата онъ относитъ анархію конкурренціи, неправильное распредѣленіе поземельной собственности, тяжесть налоговъ прямыхъ и косвенныхъ и финансовые законы Каждую изъ этихъ причинъ онъ разсматриваетъ съ полною обстоятельностью, не упуская ни одного изъ выводовъ современной политико-экономической науки.

Въ заключеніе этого отдѣла Милютинъ говоритъ нѣсколько словъ и о той мнимой причинѣ пролетаріата, въ которой рутинеры видятъ обыкновенно существенную причину бѣдности.

„Что касается — говоритъ онъ — до причинъ бѣдности, зависящихъ отъ вины самихъ людей, то на нихъ до сихъ поръ обращали слишкомъ много вниманія и приписывали имъ слишкомъ много важности, преимущественно потому, что для нѣкоторыхъ людей весьма выгодно и удобно возлагать на самыхъ бѣдныхъ отвѣтственность за тѣ несчастія, въ которыхъ виновно одно только общество... Но въ настоящее время, когда понятіе о правдѣ и справедливости распространяетъ съ каждымъ днемъ свое господство надъ сферой общественныхъ явленій, такой своекорыстный и жестокій взглядъ на эту важную и мрачную сторону народной жизни сдѣлался уже невозможенъ. Теперь въ государствахъ за-

падной Европы всѣ тѣ, которые не ослѣплены предразсудками и преданіями прошлаго, ясно понимаютъ, что бѣдность низшихъ классовъ проистекаетъ не отъ нихъ самихъ, а отъ другихъ, болѣе глубокихъ, болѣе существенныхъ причинъ, и что въ высшей степени было бы жестоко и несправедливо вмѣнять людямъ такія несчастія, въ которыхъ они вовсе не виноваты...“

Во второмъ отдѣлѣ, какъ ми сказали выше, Милютинъ разсматриваетъ послѣдствія пролетаріата, которыя онъ видитъ въ уменьшеніи нравственныхъ и физическихъ силъ рабочаго сословія, уменьшеніи производительности, увеличеніи числа преступленій, въ вырожденіи такого обширнаго класса общества, который составляетъ большинство населенія Европы, и опасности окончательнаго уничтоженія этого большинства.

Въ заключеніе трактата Милютинъ вооружается противъ тѣхъ экономистовъ, которые, по его словамъ, „думаютъ только объ усиленіи производительности, видятъ въ этомъ единственное средство для улучшенія участи рабочаго класса, и увѣряютъ, что о справедливомъ распредѣленіи богатствъ заботиться не нужно, что оно сдѣлается само собою вмѣстѣ съ постепеннымъ увеличеніемъ числа продуктовъ и пониженіемъ ихъ цѣны...“

Противъ этихъ экономистовъ Милютинъ выставляетъ представителей новой школы, которые, по его словамъ, оставивъ тотъ безплодный путь, по которому шли доселѣ ихъ предшественники, устремили все свое вниманіе на изученіе недостатковъ современнаго экономическаго устройства и на пріисканіе способовъ къ исправленію этихъ недостатковъ и къ усовершенствованію этого устройства. Твердо убѣжденные въ томъ, что свобода промышленности въ настоящую минуту недостаточна для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, вызываемыхъ бѣдствіями рабочаго класса, что принципъ laissez faire, laissez passer тяготѣетъ только надъ рабочими, потворствуя капиталистамъ, они поставили себѣ задачей утвердить политическую экономію на новыхъ, болѣе разумныхъ и болѣе сообразныхъ съ требованіями настоящаго времени основаніяхъ. „Надо—говорятъ они—чтобы работа была организована и чтобы наука, изучивъ законы производительности, опредѣлила законы отношенія труда къ капиталу, отношенія раціональнаго, а не на слѣпомъ случаѣ основаннаго“.

Относясь, затѣмъ, критически къ различнымъ направленіямъ этой новой школы экономистовъ, Милютинъ находитъ, что она не рѣшила еще той задачи, которую предстоитъ разрѣшить современ-

ной наукѣ, что по вопросу, какъ о тѣхъ главныхъ началахъ, на которыхъ должно быть основано отношеніе капитала къ труду, такъ и о средствахъ для замѣны того или другаго устройства экономическаго устройствомъ болѣе разумнымъ и справедливымъ, экономисты новой школы не успѣли еще дойти до единогласнаго, утвердительнаго и вполнѣ формулированнаго рѣшенія. И на этомъ пути, какъ и между приверженцами промышленной анархіи, Милютинъ находитъ множество самыхъ разнородныхъ мнѣній, самыхъ противоположныхъ теорій. Но это не мѣшаетъ ему цѣнить всю важность и все великое значеніе новой школы экономистовъ.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія — говоритъ онъ — что многія изъ современныхъ ученій носятъ на себѣ явную печать мечтательности и невозможности; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что надо презирать тѣхъ, которые впадаютъ въ такія заблужденія и вѣруютъ въ такіе призраки? Развѣ человѣчество доходило когда-нибудь до сознанія истины внезапно и съ одного раза? Развѣ всѣ тѣ истины, которыя принимаются теперь за неопровержимыя аксіомы, не выработались постепенно и въ теченіе столѣтій, развиваясь изъ борьбы односторонних, исключительныхъ и ошибочныхъ мнѣній? Развѣ, наконецъ, мы не знаемъ, что множество новыхъ идей, при первомъ появленіи своемъ возбудившихъ смѣхъ и недовѣрчивость, впослѣдствіи приняты и осуществлены человѣчествомъ во всемъ ихъ объемѣ и во всей полнотѣ? Не будемъ-же отвѣчать насмѣшкой на усилія людей, которыхъ неограниченная любовь къ своимъ собратіямъ доводитъ часто до крайностей, до преувеличенія, до смѣшныхъ, можетъ быть, взглядовъ и ученій? Станемъ, напротивъ, поощрять эти усилія, потому что въ нихъ заключается вѣрный залогъ для будущаго усовершенствованія науки и для исцѣленія тѣхъ язвъ, отъ которыхъ страдаютъ современныя общества на Западѣ. Станемъ сочувствовать этимъ благороднымъ стремленіямъ, и, твердо вѣруя въ обѣтованія божественнаго Спасителя, съ любовью ожидая пришествія того времени, когда воля Божія осуществится на землѣ, эту живую вѣру, эту твердую надежду, эту возвышенную любовь противопоставимъ и гордой недовѣрчивости, и преступному равнодушію, и безплодному оптимизму...“

Въ 1847 году вышла книга А. Бутовскаго „Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи“. Въ этой книгѣ А. Бутовскій является приверженцемъ экономистовъ школы неограниченной свободы промышленности, при чемъ авторъ придерживается идей Се и повторяетъ всѣ тѣ нападки, которыми осы-

пала эта школа новѣйшихъ экономистовъ. Книга Бутовскаго послужила для Милютина такимъ-же прекраснымъ предлогомъ для проведенія своихъ идей, какую услугу оказало впослѣдствіи для другаго писателя руководство Горлова. Милютинъ написалъ по поводу этой книги сразу двѣ критическія статьи, изъ которыхъ одну помѣстилъ въ „Современникѣ“ (см. „Совр.“ 1847 г. т. V и VI), а другую въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (см. „От. Зап.“ 1847 г., т. 55).

Въ „Современникѣ“ Милютинъ изложилъ цѣлую исторію политической экономіи, разсмотрѣвши весьма обстоятельно и подробно всѣ школы этой науки, начиная съ меркантилистовъ и физіократовъ, перейдя, затѣмъ, къ смитовской школѣ и заканчивая теоріями соціалистовъ. Мы не имѣемъ ни возможности, ни цѣли подробно излагать всѣ взгляды Милютина; желая ознакомить читателей нашихъ только съ основными идеями этого писателя, мы опускаемъ эту статью въ „Современникѣ“, равно какъ и другую прекрасную монографію Милютина, напечатанную тоже въ „Современникѣ“, „Мальтусъ и его противники“ (см. „Совр.“ 1847 г., т. IV и V), и обращаемся къ статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“, въ которой наиболѣе развиты именно тѣ общія основанія, изъ которыхъ исходилъ Милютинъ въ своихъ взглядахъ на различныя политико-экономическія школы.

Статья о книгѣ Бутовскаго, напечатанная въ „Отечественныхъ Запискахъ“, дорога для насъ именно тѣмъ, что въ ней Милютинъ высказываетъ основы своего міросозерцанія, и вы видите, что передъ вами стоитъ уже не гегеліанецъ, не фейербахистъ, а строгій и послѣдовательный позитивистъ. Онъ начинаетъ свою статью прямо съ изложенія основаній позитивной философіи Ог. Конта. На первой-же страницѣ онъ говоритъ о трехъ періодахъ умственнаго развитія: миѳологическомъ, метафизическомъ и положительномъ. Представляя характеристику каждаго изъ этихъ періодовъ и въ заключеніе заявляя, что настоящая цѣль умственной дѣятельности человѣка состоитъ въ томъ, чтобы возвести каждую отрасль познаній на степень науки положительной, т.-е. науки въ истинномъ смыслѣ, Милютинъ находитъ, что хотя многія науки достигли этого, но рядомъ съ ними мы находимъ множество и такихъ наукъ, которыя не вышли еще изъ періода миѳологически-метафизическаго направленія. Сюда Милютинъ вмѣстѣ съ Контомъ причисляетъ всю отрасль знаній, извѣстныхъ подъ названіемъ общественныхъ наукъ.

Далѣе затѣмъ, Милютинъ приступаетъ къ изъясненію причинъ

подобной отсталости общественныхъ наукъ, что̀ даетъ ему поводъ къ изложенію извѣстной іерархіи наукъ Ог. Конта. „Въ категорію положительныхъ наукъ — говоритъ онъ — вошли прежде всего математика и астрономія, потомъ химія и, наконецъ, физіологія“. Если послѣдняя опоздала, вслѣдствіе многосложности, спеціальности ея феноменовъ и зависимости отъ другихъ явленій, то общественная наука уступаетъ въ этомъ отношеніи даже самой физіологіи. „Явленія общественныя — говоритъ Милютинъ — несравненно сложнѣе и спеціальнѣе всѣхъ другихъ, имѣютъ въ себѣ гораздо менѣе самостоятельности, находясь въ самой тѣсной зависимости отъ всѣхъ другихъ явленій и въ самой близкой связи съ интересами и страстями человѣка...“

Затѣмъ, второю и не менѣе важною причиной отсутствія положительности въ общественныхъ наукахъ Милютинъ полагаетъ недостатокъ разнообразія въ матеріалахъ для наблюденій, на которыхъ должна строиться каждая наука. „Общественная жизнь—говоритъ онъ — развивается медленно и постепенно; въ первое время она такъ проста и однообразна, что не представляетъ собою достаточной пищи для умственной дѣятельности. И не въ одни первыя времена общественной жизни этотъ недостатокъ матеріаловъ для наблюденія составляетъ препятствіе къ образованію положительной науки: препятствіе это сохраняется весьма долго во всей своей силѣ и изглаживается только постепенно, мало-по-малу. Можно даже сказать безъ преувеличенія, что только въ наше время сфера общественныхъ явленій достигла, наконецъ, той степени обилія и разнообразія, при которой является уже возможность построить общественную науку на положительныхъ основаніяхъ“. Съ другой стороны, по словамъ Милютина, не изучивъ природы человѣка индивидуальнаго, невозможно было приступить къ изученію человѣка общественнаго. Но физіологическое изученіе человѣка достигло надлежащей степени совершенства только весьма недавно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Ниже онъ излагаетъ тѣ условія, какія необходимы, чтобы общественныя науки достигли степени положительныхъ знаній. Первое условіе, по его мнѣнію, заключается въ очищеніи этихъ наукъ отъ произвольныхъ фантазій, преобладанія воображенія, идеализма, въ подчиненіи воображенія господству методы наблюдательной и опытной; затѣмъ, онъ требуетъ превращенія абсолютныхъ понятій въ относительныя; наконецъ, говоритъ о необходимости отказаться навсегда отъ господствующаго стремленія къ безграничному и

произвольному вліянію на общественные факты. „То-же самое стремленіе — говоритъ онъ — руководило прежде и всѣми другими науками въ ихъ практическихъ приложеніяхъ. Но относительно явленій астрономическихъ, физическихъ, химическихъ, даже физіологическихъ, это самообольщеніе человѣка, естественное въ первое время, мало-по-малу исчезло вслѣдствіе успѣховъ положительной методы, раскрывшей существованіе естественныхъ и необходимыхъ законовъ, которымъ подчиняются всѣ явленія и которые не могутъ быть отмѣнены нашимъ произволомъ. Но въ сферѣ общественной эти несбыточныя надежды, къ сожалѣнію, сохраняются до сихъ поръ во всей своей силѣ. Всѣ политическія и соціальныя школы постоянно приписываютъ человѣку власть измѣнять по произволу устройство общественныхъ отношеній и навязывать свои личныя стремленія цѣлымъ народамъ или даже цѣлому роду человѣческому. Онѣ всегда позабываютъ, что въ этой сферѣ, точно такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ, существуетъ извѣстный порядокъ вещей, неизмѣнный и необходимый, который ограничиваетъ дѣятельность человѣка точными, постоянными предѣлами...“

Далѣе Милютинъ приступаетъ къ изложенію положеній въ пользу возможности примѣненія метода положительныхъ наукъ къ общественнымъ наукамъ. Сначала онъ говоритъ о необходимости такого-же раздѣленія общественныхъ наукъ на статику и динамику, какое существуетъ въ наукахъ естественныхъ; далѣе онъ трактуетъ о возможности приложенія къ общественнымъ наукамъ различныхъ средствъ наукъ положительныхъ, какъ-то: наблюденія, опыта, сравненія, историческаго способа изслѣдованія. Рядомъ съ этими прямыми средствами онъ указываетъ и на косвенныя, вытекающія изъ соотношеній науки общественной съ другими науками положительными. „Въ настоящее время — говоритъ онъ — по бо̀льшей части или не знаютъ этихъ соотношеній, или пренебрегаютъ ими: общественная наука изучается и обработывается обыкновенно какъ наука отдѣльная, независимая, занимающая совершенно-самостоятельное мѣсто въ энциклопедіи человѣческихъ познаній. Это стремленіе къ изолированію общественной науки чрезвычайно вредно, потому что выражаетъ въ себѣ отсутствіе одного изъ важнѣйшихъ условій положительности и доставляетъ самое значительное пособіе господству метафизическаго направленія“.

Исходя изъ этихъ основаній, Милютинъ отвергаетъ за политическою экономіей всякую положительность. Можно-ли назвать политическую экономію наукой, когда она не опредѣлила даже обла-

сти и цѣли своего изученія? По мнѣнію Милютина, истинная наука имѣетъ цѣлію не одно изученіе фактовъ и не одно практическое приложеніе добытыхъ истинъ къ жизни, а изученіе законовъ природы. Описаніе фактовъ есть не болѣе, какъ средство, а приложеніе открытыхъ истинъ къ дѣйствительности жизни не болѣе, какъ внѣшняя цѣль. Политическая-же экономія раздѣляется на два противоположные лагеря, которые ведутъ ожесточенные споры о самыхъ цѣляхъ своей науки. Съ одной стороны, экономисты считаютъ обыкновенно простое описаніе экономическихъ фактовъ нашего времени единственнымъ назначеніемъ науки. „Вся дѣятельность экономистовъ — говоритъ Милютинъ — ограничивается обыкновенно описаніемъ и объясненіемъ существующаго порядка вещей; они собираютъ отовсюду и разлагаютъ на составныя части современныя явленія экономическаго міра, выводятъ изъ этого анализа познаніе экономическихъ законовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время и при нынѣшнихъ условіяхъ общественной жизни, и потомъ, не дѣлая никакого различія между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, выдаютъ всѣ открытыя ими правила, по бо̀льшей части временныя, случайныя, за законы общіе, постоянные, одинаково дѣйствующіе во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ развитія. Нѣкоторые даже не употребляютъ и этой уловки, а объявляютъ прямо, что политическая экономія должна быть наукою чисто-описательною, показывающею порядокъ производства, распредѣленія и потребленія богатствъ въ современныхъ обществахъ: отказываясь, такимъ образомъ, отъ обязанности восходить отъ наблюденія надъ фактами къ сознанію ихъ законовъ, или употребляя для исполненія этой обязанности совершенно ложную методу, состоящую въ произвольномъ смѣшеніи частныхъ и временныхъ законовъ съ законами общими и необходимыми, экономисты искажаютъ, кромѣ того, понятіе о своей наукѣ и другимъ образомъ, исключая изъ ея сферы всѣ практическіе вопросы и не обращая никакого вниманія на приложеніе ея истинъ къ усовершенствованію экономическаго быта. Соціалисты, съ своей стороны, вдаются въ противоположную крайность, и, пренебрегая изученіемъ дѣйствительнаго, существующаго, занимаются единственно изслѣдованіями о будущемъ и возможномъ. Политическая экономія въ ихъ глазахъ есть наука чисто-юридическая, опредѣляющая взаимныя права и обязанности общества и его членовъ въ отношеніи къ ихъ матеріальнымъ интересамъ. Основная идея ея—идея права, изъ которой должны быть выведены, по ихъ мнѣнію, рѣ-

шенія всѣхъ общественныхъ и экономическихъ вопросовъ. Однимъ словомъ, политическая экономія, какъ понимаютъ ее соціалисты, принимающіе въ этомъ случаѣ опредѣленіе физіократовъ, есть не болѣе, какъ искусство дѣлать людей богатыми и счастливыми; ея призваніе будетъ достигнуто, если она придумаетъ такой способъ устройства общественныхъ отношеній, который обезпечитъ каждому пользованіе всѣми возможными благами и который будетъ сообразенъ съ требованіями разума и справедливости. Возможно-ли такое идеальное устройство? Можетъ-ли оно быть согласовано съ существованіемъ тѣхъ непзмѣнныхъ законовъ, которымъ безусловно подчиняется дѣятельность отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ обществъ? Объ этомъ соціалпсты заботятся весьма мало, потому что, наперекоръ экономистамъ, признающимъ все существующее разумнымъ, принимаютъ обыкновенно справедливое за единственный критеріумъ возможнаго".

Относясь, такимъ образомъ, критически, какъ къ экономистамъ, такъ и соціалистамъ, Милютинъ не отрицаетъ, впрочемъ, ни тѣхъ, ни другихъ безусловно, а указываетъ только односторонности обѣихъ партій, мѣшающія политической экономіи встать на положительную почву. Съ одной стороны, и описательный методъ экономистовъ имѣетъ свое значеніе въ наукѣ, съ другой — и приложеніе открытыхъ истинъ къ жизни, чего добиваются соціалисты, имѣютъ безспорную важность, но ни то, ни другое не исчерпываетъ цѣли политической экономіи: первое есть только—средство науки, второе—ея внѣшняя цѣль; истинная-же, существенная цѣль политической экономіи заключается въ открытіи тѣхъ общихъ, постоянныхъ *законовъ*, по которымъ совершается матеріальное развитіе обществъ, и только установившись въ преслѣдованіи этой цѣли, политическая экономія можетъ сдѣлаться положительною наукой.

Вотъ основные взгляды Милютина, исходя изъ которыхъ онъ анализируетъ всѣ политико-экономическія школы. Не вдаваясь въ подробности этого анализа, мы только замѣтимъ, что, по глубинѣ и мѣткости многихъ его замѣчаній, по ясности и силѣ изложенія, статьи его представляютъ замѣчательнѣйшее литературное явленіе своего времени. Онѣ и теперь могутъ читаться съ большимъ интересомъ и пользой, и весьма жалко, что онѣ не собраны и не изданы отдѣльно. Въ то-же время, читая ихъ, приходишь въ невольное удивленіе, что юноша, едва достигнувъ 20-ти лѣтъ, успѣлъ уже запастись такою массой знаній самыхъ разнообразныхъ и выступилъ на литературное поприще съ такими зрѣлыми, положитель-

ными и глубокими идеями. При этомъ сознаешь всю великость преждевременной утраты нашею литературой и наукой такой по истинѣ колоссальной силы, обѣщавшей огромные результаты въ своемъ развитіи. Въ то-же время нельзя не подивиться всей забывчивости нашей литературной критики, которая до сихъ поръ игнорировала этого, можно сказать, перваго вполнѣ сформировавшагося и опредѣлившагося представителя новой эпохи, новаго міросозерцанія и новаго направленія въ нашей литературѣ. И нельзя сказать, чтобъ статьи его были преждевременны, чтобъ онѣ прошли безслѣдно въ свое время. Напротивъ того, онѣ произвели сильное впечатлѣніе въ литературѣ и публикѣ. Въ журналахъ, враждебныхъ „Современнику“ и „Отечественнымъ Запискамъ“, онѣ возбудили полемику, въ которую вмѣшался и самъ Бутовскій, защищая свою книгу и свои идеи; въ то-же время многіе второстепенные журналы („Финскій Вѣстникъ“, „Литературная Газета“, „Сынъ Отечества“), въ своихъ рецензіяхъ на книгу Бутовскаго, цѣликомъ повторили взгляды Милютина, ссылаясь на статьи его. На среду университетской молодежи, какъ статьи, такъ тѣмъ болѣе лекціи Милютина, безъ сомнѣнія, остались не безъ благодѣтельнаго вліянія.

Вообще нужно замѣтить, что, начиная съ 42-го и по 47-й годъ, журналистика наша представляетъ одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ своихъ періодовъ, мало чѣмъ уступающихъ послѣдующему такому-же періоду отъ 58-го по 63-й годъ. Особенно если вы примите во вниманіе стѣснительность цензурныхъ условій того времени, то приходится еще болѣе удивляться, какъ при всей этой стѣснительности—литература могла, однако-же, высказывать такъ много. Это можно объяснить себѣ только рядомъ блестящихъ талантовъ, которые стояли въ то время во главѣ журналистики. Въ концѣ-же этого періода литература наша совершенно начала принимать тотъ характеръ, который развился въ ней впослѣдствіи, въ концѣ 50-хъ годовъ. Читая „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“ за 1846 и 1847 годы, вы совершенно иногда забываете, что передъ вами нумера, вышедшіе 25-ть, а не 10-ть лѣтъ тому назадъ. Развертываете вы журналъ, передъ вами политико-экономическое обозрѣніе совершенно въ духѣ 60-хъ годовъ, естественно-научная статья, новая эстетическая теорія, изложеніе позитивной философіи. Переглядываете вы хотя бы передовую критическую статью въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ первомъ нумерѣ 1848 года, „Русская литература въ 1848 году“, и вы глазамъ своимъ не вѣрите:

„Самое важное, характеристическое явленіе современной жизни — читаете вы — заключается въ сильномъ стремленіи общества къ матеріальнымъ интересамъ. Вещественное благосостояніе человѣка занимаетъ умы всѣхъ сословій. Удобство земнаго существованія, повсюдное довольство — вотъ главный вопросъ, вопіющая забота нашего вѣка“.

„Давно-ли Германія погружена была въ умозрѣнія? — читаете вы далѣе — Теперь иное время. Метафизическая эпоха германской жизни кончилась. Путешественники, посѣщавшіе Берлинъ, нашли опустѣлыми аудиторіи философскихъ наукъ. Публика охладѣла къ лекціямъ pro и contra Гегеля. Предложеніе Фихте учредить съѣзды философовъ, по образцу другихъ ученыхъ съѣздовъ, осталось предложеніемъ. Вниманіе и надежды обратились къ требованіямъ общественной жизни, которой нѣчего дѣлать въ холодной отвлеченности философскихъ системъ. Какимъ-же наукамъ принадлежитъ теперь первенство и сила развитія? Наукамъ общественнымъ. Какъ земное благосостояніе человѣка замѣнило собою его идеальное, фантастическое, отвлеченное отъ земли блаженство, такъ политическая экономія изгнала философію. Но интересы дѣйствительности должны быть разлиты по всему обществу и застрахованы обществомъ: поэтому, другая характеристическая черта нашего времени — соціальность предлагаетъ господствующей наукѣ главную задачу: показать законы равномѣрнаго распредѣленія блага по всѣмъ класамъ, опредѣлить разумныя начала, постоянныя правила общественнаго богатства“.

„Другая наука — читаете вы, перевернувъ страницу, двѣ—получившая въ послѣднее время сильное развитіе, есть физіологія. Такъ и быть долженствовало! Ея быстрые успѣхи и обширное приложеніе совпадаютъ съ осѣдлостью той мысли, что человѣкъ, призванный на землю, не долженъ упускать изъ виду своего призванія, если онъ хочетъ произвести что-нибудь прочное. Вмѣсто вражды съ живымъ организмомъ, современность начала изучать его строеніе и отправленіе. Бросивъ ипотезы, она избрала методу положительныхъ изслѣдованій и при помощи ихъ увидѣла, въ чемъ истинная сила людей. Успѣхи физіологіи (и естественныхъ наукъ вообще) приводятъ къ сознанію началъ и законовъ общественной жизни: другихъ путей къ этому не существуетъ...“

„Что дѣлаетъ критика при такомъ движеніи ума? Конечно, не остается праздною и неподвижною. Она измѣняетъ свою точку врѣнія сообразно общему повороту, объясняетъ новые поводы къ

своему расположенію или непріязни. Замѣчательно, что послѣдній періодъ нашей литературы, извѣстный подъ именемъ „пушкинскаго“, отличается двумя характеристическими чертами: сильнымъ развитіемъ поэзіи и сильнымъ развитіемъ критики, особенно въ послѣдніе годы. Но въ этой быстро поднявшейся, хотя и молодой по времени критикѣ, легко уже подмѣтить періоды возрастанія, степени успѣха. Теперь съ чисто-эстетической арены она ступила на другія пространства, не стѣсняясь одною сферой художественнаго творчества, но имѣя дѣло съ цѣлымъ твореніемъ жизни. Она вмѣнила себѣ въ обязанность смотрѣть на произведенія словесныя съ той стороны, которою они соприкасаются съ общественнымъ бытомъ. Ея цѣль — оцѣнить литературную дѣятельность въ отношеніи къ общественнымъ вопросамъ“.

Не правда-ли, что если я не предупредилъ бы читателя, что все это находится въ первомъ нумерѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1848 годъ, онъ подумалъ бы навѣрное, что я сдѣлалъ извлеченіе изъ какой-нибудь статьи „Современника“ за 59-й или 60-й годъ? Но еще болѣе приходите вы въ удивленіе, когда среди всѣхъ этихъ привѣтствій новому времени и новымъ идеямъ, вы внезапно встрѣчаете въ статьѣ прямой намекъ на вопросъ объ освобожденіи крестьянъ: „Постановить нормальныя отношенія — читаете вы — опредѣлить, гдѣ больше обоюдной пользы, въ барщинной обработкѣ, или въ отдачѣ земли въ наемъ — такова настоящая задача землевладѣльцевъ! Нѣкоторыя книги и журнальныя статьи показали, что люди, принимающіе участіе въ устройствѣ сказанныхъ нормальныхъ отношеній, находятъ только тѣ привилегіи важными, отъ которыхъ есть существенный интересъ“.

Не трудно объяснить себѣ такое оживленіе журналистики въ концѣ 40-хъ годовъ, если мы примемъ въ разсчетъ, что и передовое, образованное общество въ это время, при всей косности массъ, при всемъ страшномъ застоѣ во всѣхъ элементахъ общественной жизни, находилось въ состояніи сильнаго броженія умовъ при переходѣ въ новую фазу своего развитія. Политическое движеніе на Западѣ и въ особенности во Франціи еще болѣе увеличивало напряженность этого броженія. Можно положительно сказать, что въ концѣ 40-хъ годовъ общество наше было уже вполнѣ готово вступить на путь движенія 60-хъ годовъ: были уже подняты многіе изъ тѣхъ философскихъ и общественныхъ вопросовъ, которые впослѣдствіи волновали умы людей 60-хъ годовъ, явились уже нѣкоторые симптомы предстоящаго раскола стараго поколѣнія и

молодаго, метафизиковъ и реалистовъ, людей слова и людей дѣла. Мы видѣли уже и первые приступы къ литературной полемикѣ между старою метафизическою школой и новою реальной. Но движеніе это было быстро и радикально остановлено тою паникой, какую произвела французская революція. Не прошло и 3-хъ, 4-хъ мѣсяцевъ послѣ появленія вышеупомянутой статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — и всего этого новаго движенія, которое такъ радостно привѣтствовала статья, какъ бы и не существовало. Оно было отодвинуто на цѣлыя 10 лѣтъ впередъ. Въ прогрессивномъ лагерѣ литературы положительно остались одни беллетристы и поэты, да и то не всѣ. Герценъ былъ уже за границей, Бѣлинскій и В. Майковъ въ могилахъ, Грановскій хандрилъ, игралъ въ карты и, входя въ различные компромиссы во внѣшней жизни, во внутренней—путался въ туманномъ мистицизмѣ и метафизическихъ рефлексіяхъ; Милютинъ все болѣе и болѣе уходилъ въ сферу науки, и если не покидалъ литературы, то говорилъ преимущественно о вопросахъ частныхъ, научно-спеціальныхъ. Начался самый безцвѣтный періодъ въ русской журналистикѣ и одинъ изъ самыхъ мрачныхъ періодовъ русской жизни. Произошелъ одинъ изъ тѣхъ болѣзненныхъ перерывовъ, которые столь обыкновенны въ развитіи нашего русскаго общества.

*

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Нѣсколько словъ объ отношеніи качественнаго развитія мысли къ количественному и о вліяніи этого отношенія на основной законъ развитія мысли. — Состояніе общественнаго развитія въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. — Реакція сверху и снизу. — Возвращеніе къ теоріи чистаго искусства. — Безцвѣтность и произвольность критики пятидесятыхъ годовъ.—Беллетристика пятидесятыхъ годовъ. — Возвращеніе къ теоріи чистой науки. — Ученость среди молодежи и наплывъ ея въ журналистику. — Общее заключеніе о состояніи общественной мысли въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Еслибы мы имѣли дѣло съ областью чистой мысли и цѣль нашего обозрѣнія ограничивалась бы тѣмъ, чтобы показать только, какъ живая человѣческая мысль, развиваясь на нашей русской почвѣ, перешла отъ мистицизма къ метафизикѣ, а потомъ отъ метафизики къ реализму, не касаясь при этомъ вопроса о томъ, какой кругъ общества обнималъ этотъ умственный процессъ, то мы могли бы считать трудъ нашъ покончennымъ предъидущею главой. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что къ концу сороковыхъ годовъ весь этотъ процессъ мысли былъ уже совершенъ: передовая мысль наша, хотя бы въ кругу трехъ, четырехъ человѣкъ, рѣшительно встала на почву реализма, отвергла всѣ метафизическія бредни, теорію чистаго искусства замѣнила теоріей искусства для жизни; наконецъ, отъ задачъ индивидуально-нравственныхъ перешла къ вопросамъ общественнымъ и политическимъ. Мы видѣли, что въ концѣ сороковыхъ годовъ были подняты уже многіе

изъ тѣхъ вопросовъ общественныхъ и философскихъ, съ которыхъ началось впослѣдствіи движеніе шестидесятыхъ годовъ. Но мы намекали уже въ вступленіи къ нашему труду, что обозрѣніе одного только процесса чистой мысли не можетъ дать никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о ходѣ развитія общества... Процессъ развитія чистой мысли несомнѣнно совершается по той формулѣ, которую установилъ и достаточно уяснилъ Ог. Контъ въ своей позитивной философіи. Формулу эту, заключающуюся въ переходѣ мысли отъ ѳеократизма къ метафизикѣ и изъ метафизики къ положительности можно считать основнымъ закономъ развитія человѣческой мысли. Но при этомъ не надо забывать, что законъ этотъ касается только качественнаго развитія мысли, то-есть, измѣненія мысли въ ея содержаніи. Между тѣмъ, мысль развивается въ обществѣ не только качественно, но и количественно: рядомъ съ измѣненіемъ ея содержанія идетъ распространеніе ея въ обществѣ. Это количественное развитіе мысли имѣетъ свои условія и законы и, притомъ, такого рода, что въ ходѣ развитія общества основной контовскій законъ развитія мысли можетъ быть не только парализованъ, но и обращенъ вспять. И въ этомъ явленіи не будетъ ничего неестественнаго. Въ природѣ нѣтъ ни одного закона, дѣйствіе котораго не могло бы быть на время парализовано и совершенно искажено другими законами, дѣйствующими въ одно съ ними время. Такъ, напримѣръ, законы паденія тѣлъ нисколько не мѣшаютъ воздушному шару подниматься въ высшіе слои атмосферы, вмѣсто того, чтобы падать на землю съ вычисленною наукой скоростью, и въ то-же время подобное нарушеніе воздушнымъ шаромъ этихъ законовъ ни мало не скандализуетъ ихъ; они остаются тѣми-же законами и тотчасъ-же начинаютъ свое дѣйствіе надъ воздушнымъ шаромъ, едва только прекратится вліяніе причинъ, по которымъ шаръ подымался вверхъ. Такъ точно и въ развитіи общества мысль, вмѣсто того, чтобы повиноваться контовскому закону, можетъ идти совершенно обратно: отъ реализма къ ѳеократизму; контовскій законъ нисколько не теряетъ вслѣдствіе этого своего значенія и не перестаетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ему не мѣшаютъ постороннія вліянія. Но вы подумайте, на какую шаткую и неопредѣленную почву всталъ бы обозрѣватель развитія общества, еслибы, ограничившись однимъ контовскимъ закономъ развитія чистой мысли, онъ не принялъ бы въ соображеніе тѣхъ постороннихъ вліяній, которыя дѣйствуютъ на этотъ законъ, ускоряютъ его или замедляютъ и совсѣмъ парали-

зуютъ. Подобный изслѣдователь былъ бы подобенъ физику, который вздумалъ бы всѣ физическія явленія на землѣ подводить подъ законы паденія тѣлъ.

Въ области физики вы не найдете ни одного подобнаго безумца; между тѣмъ, въ соціологіи заблужденія такого рода встрѣчаются на каждомъ шагу. Едва открывается одинъ какой-нибудь законъ общественной жизни, и тотчасъ вы встрѣчаете массу трактатовъ, брошюръ и статей, которыя весь сложный механизмъ развитія общества стараются подвести подъ этотъ законъ и объяснить имъ. Увлечется какой-нибудь мыслитель теоріей Спенсера и ужь онъ ничего не видитъ въ человѣческой жизни, кромѣ одного безконечнаго диференцированья. Другой всю исторію подводитъ подъ дарвиновскій законъ борьбы за существованіе и половаго подбора, третій все и вся объясняетъ вліяніемъ природы на человѣка, четвертый весь прогрессъ обусловливаетъ однимъ расширеніемъ знаній, пятый все основываетъ на смѣнѣ сословій, шестой, наконецъ, на все смотритъ подъ угломъ контовскихъ періодовъ развитія мысли. Результатомъ такой односторонности въ изслѣдованіяхъ и выходитъ то, что сами по себѣ всѣ эти законы человѣческаго развитія несомнѣнны, но, тѣмъ не менѣе, разсматриваемые отдѣльно, безъ всякой связи другъ съ другомъ, да къ тому еще при попыткахъ объяснить все и вся однимъ изъ нихъ, они не оправдываются фактами жизни и въ концѣ-концовъ приводятъ изслѣдователя къ неизбѣжнымъ противорѣчіямъ.

Чтобы показать наглядно, какъ односторонне разсматривать развитіе общества, принимая во вниманіе одинъ какой-нибудь законъ этого развитія, мы возвратимся къ закону Конта и постараемся наглядно показать, какъ ходъ общественной жизни можетъ жестоко обмануть изслѣдователя и поставить его втупикъ съ его тремя контовскими періодами. Это прямо относится къ нашему трактату, такъ какъ мы имѣемъ дѣло именно съ переходомъ передовой мысли нашего общества изъ мистицизма черезъ метафизику къ реализму.

И такъ, представьте себѣ общество, состоящее изъ тысячи человѣкъ, пребывающихъ на степени перваго теократическаго періода развитія. Изъ этого общества выдѣляется, мало-по-малу, сто человѣкъ, переходящихъ во второй періодъ—метафизическій; затѣмъ, изъ этихъ 100 человѣкъ 10 человѣкъ доходятъ до третьяго періода и становятся реалистами. Для изслѣдователя, имѣющаго дѣло съ областью чистой мысли, этихъ явленій совершенно достаточно,

чтобы сказать вамъ, что мысль свое дѣло сдѣлала, совершила свой неизбѣжный процессъ, дошла до геркулесовыхъ столбовъ позитивизма и, затѣмъ, остается только славить нашъ смѣлый вѣкъ, въ который разсѣянъ мистическій и метафизическій туманъ, повалено столько устарѣлыхъ кумировъ, сдѣлано такъ много открытій, изобрѣтеній и пр. и пр. Многіе историки и публицисты такъ обыкновенно и поступаютъ. XIX вѣкъ получилъ даже названіе *положительнаго*, вѣка паденія теократизма и метафизики, господства точныхъ наукъ и пр. и пр. Однимъ словомъ, человѣчество дошло до третьяго періода контовской философіи и ему остается только торжественно шествовать по пути реализма, дѣлать новыя открытія, примѣнять ихъ къ усовершенствованію человѣческой жизни, прилагать положительный методъ къ изученію законовъ соціологіи, и такъ далѣе, до безконечности. Но исторія жестоко можетъ разрушить всѣ иллюзіи оптимистовъ, какъ она не разъ уже это дѣлала.

Возвратимся къ нашему примѣрному обществу: 10 реалистовъ, 90 метафизиковъ и 900 полудикарей, изъ которыхъ 800 только-что не приносятъ жертвы пнямъ и камнямъ на распутьяхъ. Подумаешь, какой прогрессъ, какое торжество реализма! И не забудьте при этомъ, что численный перевѣсъ, большинство, слѣдовательно, и матеріальная сила на сторонѣ такихъ принциповъ, которые не очень-то допускаютъ мыслить несогласно съ ними и на всякое противорѣчіе знаютъ одно возраженіе — показаніе кулака. При такихъ условіяхъ десятокъ нашихъ реалистовъ завтраже можетъ исчезнуть безслѣдно съ лица земли. Останутся одни метафизики; а метафизики, по самому существу своему, народъ шаткій; сегодня они строютъ смѣлую метафизическую систему, идущую въ разрѣзъ со всѣми господствовавшими до нихъ бреднями; завтра-же они эту-же самую систему могутъ подвести подъ тѣ-же бредни или подъ новыя въ ихъ духѣ; для фантазіи законовъ не писано и нѣтъ ничего легче слѣдовать по теченію вѣтра, обитая въ метафизическихъ высотахъ и не чувствуя твердой почвы подъ ногами. При такихъ условіяхъ изслѣдователю можетъ представиться совершенно обратный путь мысли, вопреки всѣмъ законамъ позитивной философіи. Сегодня въ передовыхъ журналахъ и газетахъ кричатъ еще о торжествѣ реализма, о положительныхъ знаніяхъ, а завтра какая-нибудь метафизическая теорія будетъ считаться вдругъ знаменемъ прогресса; на реализмъ прошлаго вѣка начнутъ смотрѣть, какъ на заблужденіе умовъ, укло-

нившихся отъ истиннаго пути, впавшихъ въ односторонность; а послѣ завтра и метафизическая теорія покажется ничѣмъ болѣе, какъ кичливостью гордаго ума, дерзнувшаго и т. д., и начнется мрачное царство какого-нибудь безумнаго спиритизма. Развѣ въ исторіи не бывало подобныхъ обратныхъ шествій? Развѣ Беконъ, Локкъ, Кабанисъ не были почти совсѣмъ въ дверяхъ позитивизма, и это нисколько не помѣшало много времени послѣ нихъ господствовать неограниченно надъ всею Европой метафизикѣ Гегеля. Средневѣковой ѳеократизмъ, этотъ первый періодъ европейской мысли, развился изъ втораго періода—метафизическаго древняго міра. Древніе пошли-было по пути, начертанному Контомъ, дошли до метафизики, да потомъ взяли вдругъ, да и свернули назадъ. Этотъ печальный фактъ объясняютъ обыкновенно недостаткомъ положительныхъ знаній въ древней цивилизаціи люди, которые обусловливаютъ прогрессъ исключительно количествомъ знаній. Положимъ, что у древнихъ не было на столько знаній, чтобы они могли вступить въ третій положительный періодъ развитія, однакоже, столько-же знаній они имѣли, чтобы дойти до метафизики; почему-же они не удержались въ своемъ метафизическомъ періодѣ, а обратились вспять — или они какъ-нибудь растеряли всѣ свои знанія, забыли ихъ? Но тогда, значитъ, исторія идетъ по пути не одного только накопленія знаній, случаются въ ней, наоборотъ, и растерянія, и что-же обезпечиваетъ человѣчество впредь отъ подобныхъ случайностей? Особенно если принять во вниманіе, что наша пропорція реализма—1%—взята самая преувеличенная и завидная. О, еслибы въ европейскомъ народонаселеніи былъ 1 реалистъ на 100 человѣкъ населенія, какъ бы тогда кричали наши оптимисты о торжествѣ положительности... А вѣдь въ дѣйствительности весь нашъ пресловутый реализмъ—капля въ морѣ всеобщаго варварства и дикости человѣческаго рода...

Надо-ли ко всему этому прибавлять, что возможность всякихъ пертурбацій и обратныхъ шествій, нисколько не опровергая контовскаго закона трехъ періодовъ, прямо зависитъ отъ количества распространенія идей въ обществѣ, чѣмъ только и обусловливается дѣйствительное торжество этихъ идей. Что толку, что древніе дошли до метафизики, когда метафизиковъ была среди нихъ ничтожная горсть, потонувшая въ массахъ, коснѣвшихъ въ политеизмѣ. Поэтому, мы не имѣемъ никакого права впадать въ розовый оптимизмъ, мѣряя развитіе общества и человѣчества на нашъ субъективный аршинчикъ и предполагая, что если въ нашемъ умѣ

восторжествовали какія-нибудь начала, то это значитъ, что начала эти восторжествовали повсюду и человѣчество до нихъ дожило. Подобное заблужденіе свойственно только метафизикамъ, которые подъ человѣчествомъ разумѣютъ отвлеченную идею, одинаково осуществляющуюся въ массѣ населенія земнаго шара и въ одномъ человѣкѣ. Такъ, Гегель полагалъ, что безусловная идея, создавши всю вселенную, дошла до апогея своего развитія въ лицѣ его — Гегеля, додумавшагося до своей философіи.

На Западѣ, впрочемъ, очень простительно ученымъ и публицистамъ кичиться торжествомъ прогресса и новыхъ идей, такъ-какъ обратныя шествія тамъ рѣдки, медленны, совершаются въ теченіи иногда цѣлыхъ столѣтій; и легко ихъ совсѣмъ не замѣчать. Къ тому-же, большинство писателей, принадлежа къ привиллегированнымъ классамъ, носителямъ европейской образованности, съ давнихъ временъ привыкли считать прогрессъ своего меньшинства прогрессомъ всего человѣчества и рѣдкіе изъ нихъ замѣчаютъ, на какой вулканической почвѣ воздвигнутъ весь этотъ призрачный прогрессъ.

Но у насъ подобныя заблужденія крайне непростительны, такъ-какъ у насъ передовые кружки, носители новыхъ идей, обыкновенно состоятъ изъ нѣсколькихъ добрыхъ пріятелей, которые составляютъ обыкновенно контрастъ не только съ необразованными массами, но даже и съ меньшинствомъ, имѣющимъ претензію считаться образованнымъ. Чуть не каждыя десять лѣтъ эти добрые пріятели ступевываются со всѣми своими прогрессивными успѣхами подъ напоромъ всеобщаго невѣжества и развитіе общественной мысли начинается сызнова чуть-что не съ ѳеократическаго періода.

Такъ, мы уже видѣли, что въ то время, когда передовые кружки въ двадцатые годы интересовались различными общественными вопросами, для образованныхъ массъ не существовало никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ эстетическихъ. Высшимъ словомъ прогресса для этой массы были стихотворенія Пушкина; единственнымъ существеннымъ вопросомъ — вопросъ о томъ, какой школѣ поэзіи слѣдуетъ существовать: классической или романтической? Сошли съ поприща жизни люди двадцатыхъ годовъ, общество такъ и осталось со своимъ романтизмомъ и Пушкинымъ, при чемъ развитіе началось снова съ мистицизма, при чемъ передовые мыслители тридцатыхъ годовъ, стоя на почвѣ авторитета и преданія, начали толковать о тщетѣ призрачныхъ вопросовъ для

и о неприличіи непосвященнымъ людямъ ниспускаться въ область публицистики.

Нѣчто подобное повторилось въ концѣ сороковыхъ годовъ. Между тѣмъ, какъ въ нѣсколькихъ передовыхъ кружкахъ совершился переворотъ отъ метафизики къ реализму и отъ вопросовъ индивидуально-нравственныхъ къ общественнымъ, въ обществѣ, подъ вліяніемъ этихъ кружковъ, только-что началось философское и нравственное броженіе въ самомъ первомъ его періодѣ. Въ то время, какъ передовое слово изъ устъ Бѣлинскаго громило Гоголя за его „Переписку съ друзьями“, эта самая „Переписка“ была еще тревожнымъ вопросомъ для огромнаго большинства общества. Суровый аскетизмъ въ видѣ подавленія грѣховной плоти или мучительныя рефлексіи, эти первые проблески сомнѣнія, были заурядnымъ явленіемъ въ обществѣ впродолженіи почти всѣхъ пятидесятыхъ годовъ. Типъ Лизы, героини повѣсти Тургенева „Дворянское гнѣздо“, былъ современнымъ женскимъ типомъ даже во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Рядомъ съ аскетизмомъ другимъ передовымъ словомъ въ обществѣ была *гуманность* — понятіе, принадлежащее къ области чисто индивидуально-нравственной. Носясь съ вопросами о гуманности, общество показывало этимъ, что оно только-что додумалось до основныхъ началъ гражданственности, только-что дошло до отрицанія грубаго, азіатскаго варварства, въ которомъ до того времени утопало. Чтобы понять всю элементарность этого слова, которое такъ гремѣло въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, надо только принять въ соображеніе, что въ понятіи гуманность на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о томъ, бить или не бить, при чемъ только весьма немногіе смѣльчаки рѣшили этотъ вопросъ полнымъ отрицаніемъ битья, и считались вслѣдствіе этого крайними радикалами, большинство-же благонамѣренныхъ гражданъ сводило вопросъ на то, чтобы бить, но только съ приличною просвѣщенному человѣку кротостью, вѣжливостью и умѣренностью. Это и считалось гуманностью на обыденномъ языкѣ.

Рука объ руку съ гуманностью шелъ столь-же элементарный вопросъ о честности. Вѣдь если подумать, что вопросъ о честности, занимавшій человѣчество еще во времена Моисея, могъ быть вопросомъ у насъ въ пятидесятыхъ годахъ, то сами по себѣ разсѣеваются всѣ иллюзіи о гигантскихъ шагахъ нашего прогресса. При чемъ даже и въ этомъ отношеніи люди, которые подъ чест-

ностью разумѣли вѣрность своимъ убѣжденіямъ и готовность поплатиться кое-какими матеріальными благами, не говоря уже о чемъ другомъ—такіе люди считались крайними радикалами. Большинство-же ограничивалось болѣе скромнымъ вопросомъ: грабить или не грабить, причемъ пускались въ тончайшія разграниченія доходовъ грѣшныхъ отъ безгрѣшныхъ и задавались рѣшеніемъ глубочайшихъ нравственно-философскихъ вопросовъ въ томъ родѣ, что можно-ли считать безчестнымъ поступкомъ, если судья, рѣшая ваше дѣло правильно и по закону, принимаетъ отъ васъ вознагражденіе за то, что, приступая къ вашему дѣлу не въ очередь, онъ этимъ ускоряетъ его ходъ, или преступаетъ-ли законы честности штабсъ-капитанъ, если солдаты у него сыты и одѣты, а у него, все-таки, остается сверхъ всего экономія, которую куда-же дѣть?—не въ казну-же представлять обратно...

При такой всеобщей неразвитости умовъ большинства образованнаго общества нѣтъ ничего мудренаго, что первые проблески реальной мысли, въ видѣ статей В. Майкова и Милютина, остались совершенно незамѣченными и непонятыми обществомъ, которое выносило крайне смутныя и неопредѣленныя понятія даже изъ статей Бѣлинскаго или лекцій Грановскаго, стоявшихъ гораздо ближе къ развитію большивства.

Если даже такой могучій умъ, какъ умъ Бѣлинскаго, не могъ осилить вопроса о томъ, въ чемъ заключается истинная положительность мысли, явившаяся на смѣну метафизики и романтизма, и смѣшалъ положительность съ мѣщанскою узкою практичностью Петра Ивановича Адуева, то чего-же было ожидать отъ его читателей? Въ образованной средѣ всѣ эти толки литературы о положительности ограничились насмѣшками надъ романтиками, восклицавшими нѣкогда, что деньги — тлѣнъ, да прославленіемъ комфорта и энергическаго наживанія капиталовъ. Идеаломъ подобной положительности явился практическій дѣятель, заводящій фабрики, выписывающій изъ Англіи машины, обработывающій поля по всѣмъ правиламъ агрономіи съ Либихомъ въ рукахъ, ворочающій милліонами—однимъ словомъ, Штольцъ въ романѣ г. Гончарова. Изъ послѣдователей подобнаго идеала вышли впослѣдствіи учредители безчисленныхъ акціонерныхъ обществъ, возникавшихъ и лопавшихся, какъ мыльные пузыри, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, концессіонеры, биржевые игроки и всякаго рода аферисты, о которыхъ и понятія не имѣли патріархальные сороковые годы.

Если даже для Бѣлинскаго экономическіе вопросы, волновавшіе Западную Европу, представлялись хотя и интересными съ научной точки зрѣнія, но въ то-же время чѣмъ-то совершенно чуждымъ нашей жизни въ такой-же степени, будто какой-нибудь китайскій вопросъ объ отношеніи буддизма къ конфуціеву ученію, то можно себѣ представить, какъ должна была относиться ко всѣмъ этимъ толкамъ о пролетаріатѣ, Мальтусѣ, Адамѣ Смитѣ и Луи-Бланѣ образованная среда, тѣмъ болѣе, что среда эта состояла почти сплошь изъ людей обезпеченныхъ, сытыхъ. По одному этому для людей этихъ были совершенно чужды и непонятны стремленія западноевропейскихъ массъ. Къ тому-же люди эти привыкли у себя дома смотрѣть на эти массы, какъ на безсловесныя, вьючныя животныя. Мы видѣли, что даже такой гуманный мыслитель, какъ Грановскій, и тотъ въ торжествѣ массъ не предвидѣлъ ничего лучшаго, какъ гибель цивилизаціи. Правда, образованнѣйшіе люди въ душѣ не прочь были отъ освобожденія крестьянъ. Но это были тайныя желанія совершенно платоническаго свойства, исполненіе которыхъ пугало опасеніемъ всякихъ ужасовъ анархіи и представлялось въ отдаленномъ будущемъ. Къ тому-же, эти платоническія желанія нисколько не мѣшали образованнѣйшимъ людямъ не только пользоваться всѣми своими правами надъ крестьянами, но и злоупотреблять ими...

Литературные толки о недостаточности однихъ личныхъ, узкоэгоистическихъ интересовъ, о необходимости жизни общественной, исполненной гражданскихъ доблестей, отражались въ образованной средѣ смутными мечтами, что какъ бы это хорошо было говорить цицероновскую рѣчь передъ какимъ-нибудь многочисленнымъ собраніемъ и быть прерываему громкими аплодисментами. О содержаніи цицероновской рѣчи просвѣщеннымъ Маниловымъ не приходило и въ голову. А такъ какъ мечты оставались мечтами, не представляя въ дѣйствительности ни малѣйшаго осуществленія, то вся гражданская доблесть просвѣщенныхъ Маниловыхъ сводилась на административную карьеру, причемъ Маниловъ или втягивался въ рутину чиновничьей жизни и обращался въ обыденнаго чиновника, или-же, не поладивъ на службѣ, гордо выходилъ въ отставку и вступалъ въ рядъ унылыхъ Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, заваливался на обломовскій диванъ и ворчалъ про себя, такъ чтобы этого никто не услышалъ, на судебныя и административныя неправды, соображая при этомъ, что законы святы, но исполнители лихіе супостаты, и что стопитъ только на тѣ-же мѣста,

при всѣхъ тѣхъ-же порядкахъ, поставить людей европейски-образованныхъ, въ родѣ ихъ, просвѣщенныхъ Маниловыхъ, то, безъ сомнѣнія, они не замедлятъ искоренить всяческое зло и водворить повсюду правду, законъ и порядокъ.

Ко всему этому надо присовокупить еще то важное соображеніе, что, при общей неразвитости образованной среды, самыя условія жизни ея не очень-то благопріятствовали къ тому, чтобы новыя идеи особенно глубоко проникали въ нее, утверждались въ ней и развивали ее. Здѣсь невольно припоминается всѣмъ извѣстная притча о сѣятелѣ и о различныхъ почвахъ, на которыя попадало сѣмя его. Надо признаться, что почва, на которую по преимуществу падали сѣмена литературной мысли въ сороковые года, была самая неблагопріятная. Это была такая среда, которая, по свойству своего быта и по всѣмъ наслѣдственнымъ качествамъ, должна была отнестись къ новымъ идеямъ враждебно, потому что эти идеи, въ концѣ концовъ, сводились къ отрицанію самого ея существованія. Если-же она и увлекалась этими идеями, то увлекалась легкомысленно, поверхностно, ради забавы, такъ какъ вся жизнь ея была рядомъ забавъ и развлеченій отъ скуки и бездѣлья. Все это увлеченіе сводилось на то, чтобы въ сумерки, между обѣдомъ и картами, потолковать о Мальтусѣ и о матеріяхъ важныхъ. А чуть встрѣчался мало-мальски серьёзный человѣкъ, видѣвшій въ литературныхъ идеяхъ вопросы жизни, а не праздной забавы, среда эта тотчасъ-же начинала открещиваться отъ этихъ идей и оказывалось тогда, что единственные вопросы, которые могутъ ее серьёзно занимать — это вопросы объ итальянской оперѣ, преимуществахъ французской кухни передъ англійскою и о томъ, что предпочтительнѣе — страстность брюнетки или нѣжность блондинки.

При всѣхъ этихъ условіяхъ понятно, что едва сошли съ литературнаго поприща передовые и лучшіе дѣятели сороковыхъ годовъ, и отъ всего того движенія идей, которое мы разсматривали въ цѣломъ рядѣ предшествовавшихъ главъ, не осталось, повидимому, и слѣда. Этого мало сказать, что движеніе было остановлено, парализовано; нѣтъ: оно было словно отброшено назадъ къ концу тридцатыхъ и началу сороковыхъ годовъ.

Когда въ нашей литературѣ говорятъ о тѣхъ мрачныхъ и глухихъ годахъ, которые послѣдовали за 1848 годомъ, то характеризуютъ обыкновенно только одну сторону реакціи: такъ, описываютъ тотъ страхъ, какой обуялъ все общество и воцарилъ по-

всюду мертвое молчаніе, описываютъ, какъ люди говорили шепотомъ о вещахъ самаго невиннаго свойства, въ родѣ того, что будочникъ ограбилъ прохожаго, какъ цензура дошла до такой строгости, что вымарала вольный духъ изъ поваренной книги, какъ ограничили число студентовъ въ университетахъ до 300 человѣкъ и носились слухи о совершенномъ закрытіи университетовъ, какъ по всѣмъ мужскимъ заведеніямъ вводили маршировку и пр. и пр. Но при этомъ опускаютъ совершенно другую сторону той-же реакціи — реакцію самого общества, происшедшую вслѣдствіе той причины, что, по выбытіи изъ строя людей передоваго движенія мысли, общество, не успѣвшее еще догнать этихъ людей, осталось при идеяхъ, давно уже разбитыхъ и отвергнутыхъ литературой сороковыхъ годовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, конечно, пенять на литературу, что въ пятидесятые годы она не могла ясно и прямо высказывать взгляды, какіе проповѣдывались въ петербургскихъ журналахъ сороковыхъ годовъ, но, вѣдь, никто-же не могъ заставить литературу проповѣдывать взгляды противоположные. А между тѣмъ, мы именно видимъ это въ литературѣ пятидесятыхъ годовъ.

Такъ, въ критикѣ снова воцарилась теорія чистаго искусства и метафизическая эстетика. Мы не будемъ уже говорить о „Москвитянинѣ“, гдѣ царствовалъ Ап. Григорьевъ, и на основаніи идей чистаго искусства ликовалъ о кончинѣ натуральной школы, этой, по его мнѣнію, литературѣ заднихъ дворовъ и грязныхъ подваловъ, которая умышленно представляла жизнь въ мрачномъ видѣ, вслѣдствіе раздраженнаго самолюбія писателей этой школы. „Москвитянинъ“ былъ журналъ, отпѣтый еще во времена Бѣлинскаго. Но и въ петербургскихъ журналахъ—„Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“— критика приняла тоже исключительно эстетическое направленіе. Въ обоихъ журналахъ помѣщались скучныя, сухія статьи, трактовавшія о художественныхъ достоинствахъ стихотвореній Фета, Тютчева и Ап. Майкова. Выходила повѣсть Тургенева, романъ Крестовскаго, комедія Островскаго, и тотчасъ-же въ каждомъ журналѣ слѣдовала казенная рецензія, монотонно пересказывающая содержаніе произведенія, отмѣчающая и перепечатывающая лучшія и наиболѣе художественныя мѣста, затѣмъ, дѣлающая ни на чемъ не основанныя замѣчанія о томъ, что тотъ или другой характеръ не выдержанъ, та или другая сцена излишня и т. п. И все это совершенно произвольно, случайно, безъ всякихъ руководящихъ идей. Читая рецензіи въ двухъ-трехъ журна-

лахъ о какой-нибудь комедіи Островскаго, вы можете думать и соображать, сколько угодно времени, и ни за что не догадаетесь, на какомъ основаніи эта комедія въ одномъ журналѣ расхвалена, въ другомъ признана слабою, почему критику показалось вдругъ, что „Бѣдная невѣста“ лучше или хуже, чѣмъ „Свои люди сочтемся...“ Въ тридцатые годы подобныя произвольныя сужденія въ петербургскихъ журналахъ легко объясняются личностями и обиженными самолюбіями, и вамъ стоитъ заглянуть за кулисы литературной жизни, чтобы сейчасъ-же для васъ стало ясно, на какомъ основаніи рецензентъ расхвалилъ или охулилъ автора; въ сороковыхъ-же годахъ сужденія критики были еще произвольнѣе, потому что очень часто не основывались рѣшительно ни на чемъ, хотя бы даже и на личностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую-же личность могъ имѣть рецензентъ къ „Бѣдной невѣстѣ“, ставя ее выше или ниже „Своихъ людей“. Здѣсь, очевидно, разгуливалъ на просторѣ вышедшій изъ всякихъ границъ произволъ чистой эстетики.

Что-же, какъ не подобный произволъ заставилъ неизвѣстнаго рецензента „Отечественныхъ Записокъ“ признать въ повѣстяхъ Крестовскаго, кромѣ всѣхъ другихъ достоинствъ, какой-то еще особенный поэтическій колоритъ или ароматъ, который, будто бы, давно уже не встрѣчался въ русскихъ повѣстяхъ.

Понятно, что подъ вліяніемъ такой безпутной критики, и беллетристика пятидесятыхъ годовъ, въ свою очередь, блуждала въ потемкахъ. Большинство беллетристовъ пятидесятыхъ годовъ были совершенно дѣтьми толпы. Движеніе сороковыхъ годовъ вызвало ихъ на литературное поприще, направило ихъ поэтическую дѣятельность, возбудило въ нихъ многіе тревожные вопросы; но оно прекратилось, когда они только-что начинали мыслить, и передовыя идеи, результаты этого движенія, остались для нихъ недоступны. Одни изъ нихъ, каковы, напримѣръ, Гончаровъ, Писемскій, Крестовскій, остались всецѣло въ первомъ періодѣ мышленія на почвѣ преданія и авторитета; про нихъ смѣло можно сказать, что сороковые годы не смутили ихъ младенческой невинности и мысль ихъ осталась въ полной неприкосновенности на степени міросозерцанія тридцатыхъ годовъ. Другіе-же восприняли кое-какіе обрывки изъ идей сороковыхъ годовъ. Такъ, напримѣръ, Авдѣевъ увлекся идеей женской эмансипаціи, но понялъ ее въ узкомъ смыслѣ эмансипаціи одной чувственности. Григоровичъ изъ всего движенія сороковыхъ годовъ вынесъ единственное новое для

него убѣжденіе, что и мужики могутъ такъ-же любить и страдать, какъ и дворяне. Развѣ только про одного Тургенева можно сказать, что сороковые годы задѣли мысль его сильнѣе, чѣмъ прочихъ современныхъ ему беллетристовъ, по крайней мѣрѣ, онъ дошелъ въ своемъ развитіи до періода метафизики и рефлексій. Но и онъ остановился въ самомъ началѣ этого періода на такомъ еще распутьи, что вы и не разберете, къ которому пункту онъ ближе—къ тому-ли, куда движеніе сороковыхъ годовъ его направило, или къ тому, изъ котораго онъ вышелъ. То вы встрѣтите въ его произведеніяхъ порывы къ свободѣ, къ счастью, къ земнымъ положительнымъ наслажденіямъ, то вдругъ огорошитъ онъ васъ мрачнымъ, аскетическимъ вопросомъ, словно выхваченнымъ изъ „Переписки съ друзьями“ Гоголя, въ томъ родѣ, что имѣемъ-ли мы право на жизнь и не есть-ли преступленіе уже то, что мы живемъ. То онъ смѣло рушитъ всѣ узкіе семейные предразсудки и перегородки, возвеличивая передъ вами Елену въ „Наканунѣ“ или Наталью въ „Рудинѣ“, которыя готовы пренебречь мнѣніемъ свѣта, принужденіями родныхъ и, разорвавши со всѣмъ старымъ, ринуться вслѣдъ за Рудинымъ и Инсаровымъ на широкій просторъ жизни, то вдругъ онъ пускается въ томительныя рефлексіи, въ этихъ самыхъ порывахъ къ свободѣ, счастію и широкому простору жизни видитъ что-то преступное, ему мерещится какой-то роковой предѣлъ, перейдя за который непремѣнно должны слѣдовать тоска по всему милому старому, болѣзненная сердечная боль вслѣдствіе разрыва съ нимъ, угрызенія совѣсти и призраки всякаго рода. Въ этомъ отношеніи г. Тургеневъ остался романтикомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Въ то-же время вы не разберете, принадлежитъ-ли онъ къ славянофиламъ или западникамъ. Въ этомъ отношеніи онъ дѣлитъ судьбу со всѣми прочими людьми своего вѣка, Бѣлинскимъ, Грановскимъ и пр., стоя на распутьи между Петербургомъ и Москвой и не зная, въ какую сторону направить путь. Такъ, въ „Дымѣ“, напримѣръ, онъ смѣется надъ славянофилами, надъ поисками народности въ искусствѣ, говоря, что единственнымъ побудительнымъ словомъ для насъ должно быть слово — цивилизація, и выражая мысль, что въ этомъ словѣ цивилизація образцомъ для насъ до сихъ поръ служитъ Европа; въ Рудинѣ-же онъ высказываетъ наоборотъ, что *внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ* и проч.

Что касается Островскаго, то о міросозерцаніи его трудно су-

дить по его комедіямъ, слишкомъ объективнымъ, біографическихъ-же свѣдѣній о немъ мы никакихъ не имѣемъ, но и у него вы найдете слѣды тѣхъ-же колебаній между Москвой и Петербургомъ. Въ однѣхъ комедіяхъ его тѣ черты стараго патріархальнаго быта, которыя сохранились въ средѣ нашего купечества, представляются вамъ въ самомъ мрачномъ видѣ вполнѣ отрицательно; въ другихъ-же комедіяхъ, какъ, напримѣръ: „Не въ свои сани не садись“, или „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, тотъ-же самый патріархальный бытъ представленъ въ нѣсколько идеальномъ свѣтѣ, въ столкновеніи съ гнилыми элементами нашей жизни, растлѣнными подъ вліяніемъ западной цивилизаціи. По основной идеѣ, вышеупомянутыя комедіи весьма близко сходятся съ тенденціями многихъ повѣстей Кохановской или съ „Казаками“ А. Толстаго—произведеніями, написанными вполнѣ въ славянофильскомъ духѣ.

Далѣе затѣмъ, если спросите, какой эстетической теоріи придерживалось большинство беллетристовъ пятидесятыхъ годовъ, то и на этотъ вопросъ придется дать вамъ самый неопредѣленный отвѣтъ. Повидимому, они, подъ вліяніемъ движенія сороковыхъ годовъ, слѣдовали теоріи искусства для жизни; по крайней мѣрѣ, вы видите въ большинствѣ повѣстей и романовъ пятидесятыхъ годовъ попытки провести какой-нибудь взглядъ на изображаемую дѣйствительность, выразить какую-нибудь думу, вопросъ, проанализировать тотъ или другой типъ, то или другое явленіе жизни. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, васъ поражаетъ въ беллетристахъ пятидесятыхъ годовъ полное отсутствіе серьёзнаго и глубокаго изученія жизни, стремленія расширять по возможности кругъ своихъ наблюденій и стараться уловить жизнь во всемъ ея безконечномъ разнообразіи и единствѣ этого разнообразія. Напротивъ того, вы видите передъ собою эпикурейцевъ и диллетантовъ, которые рисуютъ вамъ первое, что̀ только подвернется имъ подъ руку, совершенно, какъ чистые художники, послѣдователи искусства для искусства. Наведетъ ихъ подмѣченный въ жизни фактецъ на какое-нибудь раздумьице, по бо̀льшей части исключительно моральнаго свойства — ладно; а не то, не прогнѣвайтесь, выйдетъ передъ вами безцѣльная картинка во фламандскомъ или итальянскомъ вкусѣ. При этомъ надо замѣтить, что такъ-какъ жизнь большинства беллетристовъ пятидесятыхъ годовъ вращалась въ узкомъ и тѣсномъ кругу замкнутой среды, къ которой они при-

надлежали, такъ-какъ и въ этой средѣ они наблюдали жизнь по преимуществу съ лицевой ея стороны, какъ она проявлялась въ салонахъ разодѣтая, приглаженная, припомаженная, то можете себѣ представить, какъ узокъ и однообразенъ былъ кругъ образовъ беллетристики пятидесятыхъ годовъ.

Послѣ той пестроты образовъ и типовъ изъ всѣхъ слоевъ жизни, какимъ отличается литература въ эпоху Гоголя, въ сороковые годы, пожалуй, въ началѣ пятидесятыхъ, мало-по-малу беллетристика къ половинѣ пятидесятыхъ годовъ вся сводится на три-четыре типа: типъ лишняго человѣка, фразера или байбака, томной дѣвы, жаждущей любви, да молодой женщины, неудовлетворенной Менелаемъ и жаждущей Париса. Вотъ и всѣ передовые типы, которые разработывала беллетристика пятидесятыхъ годовъ.

Началось безконечное повтореніе однихъ и тѣхъ-же романсовъ: „Онъ меня разлюбилъ, онъ меня погубилъ“, или „Скажите ей, какъ пламенно и нѣжно“, или „Старый мужъ, грозный мужъ“ и т. п. Такимъ образомъ, беллетристика вся свелась на анализъ одной только стороны жизни — всевозможныхъ млѣній, воздыханій и терзаній любви. Да и то, какой-же это былъ анализъ? Это было просто изображеніе различныхъ любовныхъ сценъ, исполненное утонченнаго, изящнаго сладострастья, при чемъ писатели, подъ вліяніемъ преобладающей критики, заботившейся только о художественныхъ колоритахъ и ароматахъ, только о томъ и думали, какъ бы превзойти одинъ другого въ изображеніи какого-нибудь сельскаго ландшафта, свиданія при блескѣ луны, женской прелести и граціи и тому подобныхъ художественныхъ принадлежностей, нисколько, если хотите, не лишнихъ, но въ которыя нерѣдко уходилъ весь художникъ, полагая на нихъ всю сущность своего произведенія и забывая за ними о болѣе серьёзныхъ и высокихъ цѣляхъ искусства.

Рядомъ съ критикой и беллетристикой—сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ и наука. Въ сороковые годы, въ университетахъ читалась философія и не было ни одного передоваго талантливаго ученаго и профессора, которые не старались бы обобщить философскими идеями изучаемые имъ факты и въ то-же время популяризировать свою науку. Это было время публичныхъ чтеній и общихъ курсовъ, показывающихъ, что ученые сороковыхъ годовъ не запирались отъ толпы, не корчили изъ себя таинственныхъ

адептовъ высшаго знанія, доступнаго только для немногихъ; они спѣшили подѣлиться съ толпой своими знаніями и въ то-же время связать, такъ или иначе, свою науку съ жизнью. Однимъ словомъ, это было время Грановскаго, который, приготовляясь къ каѳедрѣ, уже додумался до тщеты для русскаго профессора забиваться въ мелочную разработку фактовъ; это было время появленія статей: „Буддизмъ въ наукѣ“, „Цехъ ученыхъ“, „Писемъ объ изученіи природы“.

Въ пятидесятые годы обо всемъ этомъ движеніи науки къ толпѣ, къ жизни какъ будто исчезло всякое и преданіе... Снова ученые и профессора замкнулись въ непроницаемые цехи, снова сухая, мелочная, схоластическая разработка мелкихъ фактиковъ сдѣлалась единственнымъ содержаніемъ науки и снова всплыла наверхъ, казалось бы, давно уже потопленная теорія чистой науки.

Здѣсь мы можемъ позволить себѣ прибѣгнуть къ нашимъ личнымъ воспоминаніямъ и присовокупить, что безъ ужаса мы не можемъ вспомнить объ этомъ времени, когда почти вся учащаяся молодежь состояла изъ зубрилъ, не думавшихъ ни о чемъ другомъ, какъ только о скорѣйшемъ окончаніи курса и о полученіи аттестата, и изъ студентовъ занимающихся, подъ которыми разумѣлись ученые юные-старцы. Это были несчастные аскеты, которые чуть что не съ пятнадцати лѣтъ, съ шестаго класса гимназіи, прямо съ Смарагдова и Зеленецкаго, когда въ головѣ ихъ не успѣвало еще образоваться двухъ-трехъ связныхъ мыслей, уже избирали какую-нибудь узенькую спеціальность, и блѣдные, изнеможенные, вѣчно сосредоточенные въ себя, въ свою глубокую ученость, они просиживали дни и ночи надъ фоліантами, составляя словарь какой-нибудь лѣтописи или сличая различные варіанты какого-нибудь римскаго писателя. Профессора, въ свою очередь, поощряли въ молодыхъ ученыхъ такія занятія. Студентъ не составилъ еще никакого связнаго понятія объ общемъ историческомъ ходѣ развитія человѣчества или о царствахъ животныхъ, а ему уже совѣтывали спеціально заняться изслѣдованіемъ салическихъ законовъ, государственнаго устройства Іерусалимскаго королевства или какого-нибудь отряда насѣкомыхъ... Общество, не додумавшееся до идей сороковыхъ годовъ или забывшее ихъ, въ свою очередь, съ благоговѣніемъ смотрѣло на подобную ученость, и чѣмъ специ-

альнѣе, уже, чѣмъ непонятнѣе для толпы являлось ученое изслѣдованіе, тѣмъ болѣе внушало оно уваженія. Подобное поклоненіе чистой и спеціальной учености проникло даже въ журнальную литературу. Толстые журналы тѣмъ болѣе внушали уваженія къ себѣ, чѣмъ болѣе наполнялись они сухими, ни для кого неинтересными и никому непонятными спеціально-учеными статьями. Уже около половины пятидесятыхъ годовъ на „Современникъ“ начали смотрѣть съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ на журналъ пустой и легкомысленный, беллетрическій и фѣльетонный по преимуществу, хотя и въ немъ встрѣчались порой статьи чисто-ученые, каковы, напримѣръ: „О русской журналистикѣ прошлаго столѣтія“ — статья В. Милютина, или его-же трактатъ объ Алкивіадѣ. Наибольшимъ-же почетомъ за свою ученость славились „Отечественныя Записки“. Журналомъ этимъ не брезгали самые записные адепты чистой науки. И еще бы: вся художественная критика и полемика были загнаны въ этомъ журналѣ въ особенный маленькій отдѣлокъ, подъ названіемъ „Журналистики“. Въ критическомъ-же отдѣлѣ помѣщались статьи въ родѣ изслѣдованія о лѣтописи Якимовской, о русскихъ журналахъ съ 1764 по 1767 годъ, о сказкахъ въ XIII и XIV вѣкахъ и въ особенности объ одной переведенной съ арабскаго языка изъ тысячи одной ночи и проч.

И такъ, вотъ вамъ общая картина состоянія общества и литературы въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ:

Полное забвеніе всѣхъ идей сороковыхъ годовъ; возвращеніе къ теоріи чистаго искусства и чистой науки; беллетристика, посвященная интересамъ одного узенькаго кружка образованной среды и, притомъ, изображающая этотъ кружокъ съ одной только стороны тонкихъ ощущеній любви въ разныхъ ея фазахъ и позахъ. А въ обществѣ — или безсмысленное, безсознательное, пошлое прозябаніе, или едва пробудившаяся мысль, путающаяся въ томительныхъ рефлексіяхъ и бросающаяся изъ мрака противорѣчій и сомнѣній всякаго рода то въ мрачный аскетизмъ, то въ поверхностный и легкомысленный эпикуреизмъ чувственныхъ наслажденій и оргій, то въ спеціальную узенькую ученость, то въ такую-же узенькую, эгоистическую практичность. А надъ всѣмъ этимъ возвышался квасной патріотизмъ, возбужденный и раздутый до послѣдней крайности крым-

скою войной, кричавшій на страницахъ „Сѣверной Пчелы“ или „Москвитянина“ о забросаніи шапками Европы, гремѣвшій трескучими драмами воскресшаго Кукольника на Александринскомъ театрѣ или воинственными куплетами, перепечатываемыми во всѣхъ журналахъ и возвѣщавшими русской публикѣ о томъ, какъ

Въ воинственномъ азартѣ,
Англичанинъ Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Переходъ отъ индивидуально-нравственныхъ идей къ общественнымъ. — Неподготовленность общества къ общественнымъ вопросамъ. — Средневѣковыя точки зрѣнія на реформы. — Статья г. Пирогова „Вопросы жизни“. — Возрожденіе идей сороковыхъ годовъ. — Значеніе въ этомъ отношеніи петербургскаго университета. — Метаморфоза „Современника“. — Статьи „Очеркъ гоголевскаго періода“ и „Лессингъ“. — Возбужденіе философскаго броженія въ обществѣ.

Говоря, въ предъидущей главѣ, о томъ, что общество не успѣло усвоить себѣ идей сороковыхъ годовъ, мы вовсе не думаемъ этимъ утверждать, чтобы все движеніе сороковыхъ годовъ прошло безслѣдно и не оказало никакого вліянія на общество. Напротивъ того, вліяніе было громадно, только оно заключалось не въ непосредственномъ усвоеніи со стороны общества идей и міросозерцанія, до котораго додумались передовые люди сороковыхъ годовъ, а въ томъ возбужденіи умовъ, какое произвело это движеніе. Хотя общество не дошло до реализма, стоявшаго во главѣ западной мысли, но, во всякомъ случаѣ, и то было большимъ прогрессомъ, что отъ вопросовъ эстетическихъ, которые исключительно занимали образованную среду въ концѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, движеніе сороковыхъ годовъ привело эту среду къ вопросамъ философскимъ и нравственнымъ, отъ которыхъ одинъ шагъ до вопросовъ чисто общественныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни элементарны были тѣ идеи о гуманности, о честности, о принесеніи пользы обществу, и хотя, повидимому, это были идеи

исключительно индивидуальныя, касающіяся поведенія личности, но едва изъ теоріи онѣ переходили къ практикѣ, тотчасъ-же приводили къ вопросамъ общественнымъ. Человѣкъ, лично стремящійся къ гуманности, честности и принесенію пользы, естественно желалъ, чтобы и всѣ его сограждане стремились къ тому-же, и если онъ вокругъ себя не находилъ этого, то, естественно, онъ дѣлался протестантомъ противъ всѣхъ окружавшихъ его общественныхъ золъ и несовершенствъ. Если-же развитой человѣкъ, кромѣ того, во всѣхъ своихъ гуманныхъ и высокихъ стремленіяхъ постоянно встрѣчалъ отпоръ со стороны не однѣхъ только личностей, поступающихъ вопреки этимъ стремленіямъ, а со стороны самыхъ порядковъ общества и оказывалось, въ концѣ-концовъ, что порядки эти шли совершенно въ разрѣзъ съ стремленіями развитаго человѣка, то естественно было додуматься послѣднему, въ концѣ-концовъ, и до несостоятельности самихъ порядковъ. Положимъ, что не всѣ доходили до такихъ выводовъ; очень многіе, можно сказать, большинство, останавливались на полпути на одномъ перелитіи новаго вина въ старые мѣхи, т.-е. на мечтахъ о томъ, что, оставивши все по старому, стоитъ только поставить на старыя мѣста людей новыхъ и развитыхъ, но и подобнаго рода господа этимъ самымъ желаніемъ показывали, что и они недовольны настоящимъ положеніемъ дѣлъ и они желаютъ кое-какихъ перемѣнъ, хотя бы только въ видѣ должностныхъ перемѣщеній...

Этотъ неизбѣжный переходъ отъ идей индивидуально-нравственныхъ къ общественнымъ былъ ускоренъ самымъ ходомъ общественныхъ дѣлъ въ Россіи. Реакція, подавивши движеніе сороковыхъ годовъ, сама явилась невольною возбудительницей общественныхъ идей въ образованной средѣ, своими крайностями обративъ невольное вниманіе общества ко всеобщей безурядицѣ и ускоривъ этимъ переходъ отъ вопросовъ индивидуально-нравственныхъ къ общественнымъ. Всеобщее беззаконіе и произволъ судовъ, безчинства откупщиковъ, попившихъ народъ почти водой, поголовное взяточничество и круговой грабежъ, ожидавшій васъ чуть-что не на каждомъ перекресткѣ, обѣдненіе крестьянъ, отягощенныхъ оброками и барщинами, увеличивающееся съ каждымъ годомъ число бѣглыхъ и бродяхъ всякаго рода, и неизбѣжные вмѣстѣ съ этимъ разбои по дорогамъ и городамъ... Все это росло crescendo, невольно возбуждая недовольство и ропотъ среди людей самыхъ благонамѣренныхъ и смирныхъ, и дошло, наконецъ, до

геркулесовыхъ столбовъ, обнаружившись во всемъ своемъ страшномъ безобразіи въ общей безурядицѣ крымской кампаніи.

Послѣ крымской войны вопросъ о необходимости перестроить всѣ общественные порядки на новый ладъ, произвести безконечный рядъ реформъ, сдѣлался всеобщимъ вопросомъ, возбудившимъ всѣ слои общества, безъ исключенія. Началась эпоха всевозможныхъ обличеній, эпоха шумныхъ ликованій о наступленіи новой эры, о возрожденіи и пр. Трудно придумать такую сторону жизни, такое учрежденіе, такое колесико изъ безчисленныхъ колесъ общественной машины, которыя не возбудили бы вопроса о необходимости чистки, передѣлки, переформировки... Довольно сказать, что отъ государственныхъ вопросовъ первой важности, каковы вопросы объ освобожденіи крестьянъ, земства и гласныхъ судовъ, реформаторскія стремленія проникли даже въ русскую грамматику и возбудили жаркія пренія въ педагогическомъ мірѣ объ изгнаніи изъ алфавита нѣсколькихъ лишнихъ буквъ.

Но, при поднятіи всей этой массы общественныхъ вопросовъ, тотчасъ-же и обнаружилась полнѣйшая неподготовленность общества къ политической жизни, отсутствіе всякаго теоретическаго развитія для правильной и систематической постановки всѣхъ этихъ вопросовъ. Вопросы эти, возбужденные западно-европейскою цивилизаціей, исходили изъ цѣлой системы новаго міросозерцанія, стоявшаго въ Европѣ совершенно въ разрѣзъ съ міросозерцаніемъ старымъ, средневѣковымъ. Между тѣмъ, наша образованная среда приступила къ этимъ вопросамъ, оставаясь, какъ мы говорили уже въ предъидущей главѣ, на почвѣ стараго міросозерцанія, основаннаго на авторитетѣ и преданіи. Вслѣдствіе этого и произошло такое явленіе, что общество видѣло въ массѣ задуманныхъ реформъ не перестройку самой системы общественнаго строя, а рядъ частныхъ мѣропріятій, очень хорошихъ каждое само по себѣ, но не имѣющихъ, въ то-же время, ничего общаго, улучшающихъ бытъ, но ни мало не измѣняющихъ его основаній. Такой взглядъ, положимъ, совершенно соотвѣтствовалъ тѣмъ изъ реформъ, которыя, дѣйствительно, касались различныхъ частностей общественнаго строя, измѣняли однѣ формы его, таковы, напримѣръ, были— уничтоженіе откуповъ, сокращеніе штатовъ, судебная реформа и пр. Но чуть дѣло доходило до реформъ, которыя касались основныхъ началъ общественнаго строя, каковы, напримѣръ, были крестьянская реформа, вопросъ о земствѣ, о воспитаніи, то здѣсь тотчасъ-же и обнаруживалась непроходимая путаница вопросовъ,

исходящихъ отъ новаго міросозерцанія съ средневѣковыми системами мышленія. Такъ, напримѣръ, массы кричали о необходимости освобожденія крестьянъ, но въ то-же время, при средневѣковомъ строѣ своей мысли, они привыкли въ крѣпостномъ правѣ видѣть единственное спасеніе общества отъ анархіи и никакъ не могли себѣ представить, чтобы тридцати-милліонное населеніе крестьянъ могло существовать внѣ привычнаго авторитета помѣщичьей власти, оставаясь въ предѣлахъ гражданственности, осѣдлости и мирнаго труда. Крестьяне представлялись имъ не иначе, какъ въ видѣ кровожадныхъ звѣрей, которыхъ стоитъ только выпустить изъ клѣтокъ и они тотчасъ-же разбредутся въ разныя стороны, перестанутъ работать, платить подати, повиноваться властямъ и начнутъ махать топорами во всѣ стороны, проливая безъ всякой нужды моря крови. Подобное дикое понятіе, надо сказать правду, существовало, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, не въ однихъ только кругахъ ретроградовъ и крѣпостниковъ. Даже многіе люди, считавшіеся образованными, либералами, искренно желавшіе освобожденія крестьянъ, и тѣ побаивались всякаго рода анархіи со стороны крестьянъ и заблаговременно принимали разумныя мѣры къ эмиграціи. Изъ подобныхъ опасеній, источникъ которыхъ прямо кроется въ средневѣковомъ строѣ мысли, и происходили различныя нелѣпыя предположенія и гаданія о томъ, какъ бы устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы и крестьяне были свободны, и власть помѣщиковъ надъ ними оставалась въ прежней силѣ. Изъ подобнаго-же средневѣковаго міросозерцанія исходили различные проекты выкуповъ, отправлявшіеся прямо отъ средневѣковой точки зрѣнія на крестьянина, какъ на вещь, принадлежавшую помѣщику и которую необходимо купить у него, чтобы выпустить ее на свободу.

Если читатель ближе желаетъ познакомиться съ подобнаго рода взглядами, то онъ можетъ прочитать множество статей объ освобожденіи крестьянъ въ различныхъ журналахъ конца пятидесятыхъ годовъ. Мы-же, съ своей стороны, чтобы нагляднѣе показать нашимъ читателямъ, на какихъ теократическихъ точкахъ зрѣнія стояла образованная среда въ началѣ движенія шестидесятыхъ годовъ и какъ велика была путаница взглядовъ, обратимъ вниманіе на знаменитую и, конечно, всѣмъ извѣстную статью г. Н. И. Пирогова, „Вопросы жизни“, напечатанную въ „Морскомъ Сборникѣ“, въ 23-мъ т. 1856 года. Статья эта знаменита не только тѣмъ, что подняла въ обществѣ и журналистикѣ цѣлый рядъ во-

просовъ о воспитаніи, но, кромѣ того, это былъ первый могучій толчекъ, возбудившій общественную мысль и приведшій ее въ сильное движеніе. Статью, мало сказать, что всѣ прочитали: она возбудила послѣ себя огромные толки и споры по всей Россіи, съ нею носились изъ угла въ уголъ, она была перепечатана во многихъ журналахъ. Имя г. Пирогова, и безъ того извѣстное публикѣ, какъ имя перваго хирурга въ Россіи, сдѣлалось именемъ передоваго мыслителя своего вѣка. Даже студенты петербургскаго университета, собираясь издавать студенческій сборникъ, обратились къ г. Пирогову подать имъ напутственный совѣтъ въ ихъ предпріятіи. Если г. Пироговъ считался передовымъ человѣкомъ въ 1856 году, то это показываетъ, что идеи его и въ самомъ дѣлѣ стояли впереди этого времени и масса образованнаго общества другихъ болѣе передовыхъ идей не знала. Посмотримъ-же, что это были за идеи, къ которой системѣ міросозерцанія можно ихъ причислить?

Цѣль статьи г. Пирогова заключалась въ томъ, чтобы внушить обществу, что воспитаніе должно заключаться не въ узко-утилитарныхъ цѣляхъ, не въ томъ, чтобы приготовлять чиновниковъ, моряковъ, докторовъ, невѣстъ, а въ томъ, чтобы прежде всего приготовить человѣка. Изъ дѣтей, не развитыхъ до степени людей, никогда не выйдетъ хорошихъ и спеціалистовъ; между тѣмъ, кто развился до человѣка, изъ того скорѣе всего можно ждать хорошаго медика, солдата и пр.

Мысль, безъ сомнѣнія, совершенно истинная и внушающая полное сочувствіе. На первый взглядъ всякому читателю можетъ показаться, что въ этой мысли снова воскресаютъ передъ нами сороковые года, потому что въ чемъ-же и заключалось, главнымъ образомъ, движеніе сороковыхъ годовъ, какъ не въ томъ, чтобы довести людей изъ непосредственнаго, безсознательнаго существованія до сознанія, что они люди, и внушить имъ стремленіе къ осуществленію высшихъ человѣческихъ идеаловъ.

Но сходство основной мысли статьи г. Пирогова съ идеями сороковыхъ годовъ чисто внѣшнее, не идущее дальше общей неопредѣленной фразы. Если-же мы, не ограничиваясь однимъ этимъ внѣшнимъ сходствомъ, захотимъ точнѣе опредѣлить взгляды, изложенные въ статьѣ, то мы увидимъ, что между идеями сороковыхъ годовъ и взглядами г. Пирогова существуетъ неизмѣримая разница, и это намъ покажетъ, какъ образованная среда, въ лицѣ своего передоваго человѣка, г. Пирогова, относилась къ идеямъ

сороковыхъ годовъ, заимствуя отъ нихъ одну внѣшнюю оболочку и въ то-же время вкладывая въ нее содержаніе вполнѣ средневѣковаго качества.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ проповѣдывали сороковые годы? Проповѣдывали они, что прежде всего надо быть людьми? Но какой-же вѣкъ не проповѣдывалъ того-же самаго? Вѣдь и дикарь по своем признаетъ, что надо быть человѣкомъ, понимая подъ этимъ извѣстную долю силы, ловкости, хитрости и тому подобныхъ качествъ, составляющихъ идеалъ дикаря. Что-же понимали подъ словомъ *быть человѣкомъ* сороковые года? А подъ этимъ сороковые года понимали не что иное, какъ то, чтобы каждый человѣкъ принадлежалъ самому себѣ, былъ свободенъ во всѣхъ своихъ мысляхъ, чувствахъ, выборѣ дѣйствій и самыхъ дѣйствіяхъ; чтобы стремленіе къ совершенству было продуктомъ его собственной свободной мысли, а не внушенной извнѣ, не принятой на вѣру чтобы далѣе, затѣмъ, стремленіе къ счастію было его собственною заботой, а не заботой другихъ за него. Подобныя идеи именно и шли въ разрѣзъ со старою системой мышленія и жизни. Эта система была несостоятельна не тѣмъ однимъ, что задавалась исключительно утилитарными цѣлями приготовлять обществу солдатъ, медиковъ, техниковъ, и пр. Сущность этой системы заключалась въ томъ, что человѣкъ не принадлежалъ въ ней самому себѣ, а былъ неотъемлемою собственностью семьи, общины, государства, и пр. За него думали одни, о немъ заботились другіе, ему предписывали, сколько имѣть мыслей въ головѣ и какихъ именно, и и ужь ни одной мысли лишней онъ не осмѣливался усвоить себѣ сверхъ комплекта, ни одного шагу въ жизни сдѣлать, не положеннаго въ церемоніалѣ его шествія по пути жизни. При такомъ положеніи человѣкъ обращался въ машину не только вслѣдствіе того, что дѣлался узкимъ спеціалистомъ какого-нибудь ремесла, а и потому, что думалъ, чувствовалъ, дѣйствовалъ не по своей человѣческой иниціативѣ, а сообразно тому, какъ его завели и направили мастера, которые, въ свою очередь, были машинами, имѣющими за собою другихъ мастеровъ высшего разряда и т. д. Все это было очень, повидимому, стройно, однообразно, размѣренно, но въ то-же время и крайне безжизненно, монотонно, а въ заключеніе всего никуда и негодно, потому что колеса машинъ постоянно ржавѣли, винты разъѣзжались, производить-же починку, очевидно, было бы нѣкому, еслибы система эта была доведена до такого совершенства, что не стало бы на свѣтѣ ни одного чело-

вѣка, а существовали бы однѣ машины; при такихъ условіяхъ, въ концѣ-концовъ, весь бы механизмъ или остановился бы, или разъѣхался бы въ разныя стороны. Но, по счастью, оставалась извѣстная доля людей, не обращенныхъ еще въ машины. Вотъ эти-то люди сначала долгое время пытались чинить и чистить колеса машинъ, но видя, что ничто не помогаетъ, что пока чинишь одну часть механизма, десять другихъ портятся въ это время и приходятъ въ бо̀льшее еще разстройство, они махнули рукой и начали отвергать самую систему машинообразной жизни... Такое отрицаніе было послѣднимъ результатомъ движенія сороковыхъ годовъ.

Теперь рядомъ съ этимъ разберемъ подробнѣе мысли г. Пирогова и посмотримъ, какое отношеніе имѣютъ онѣ къ вышеупомянутому взгляду сороковыхъ годовъ на человѣка.

„Вспомнимъ еще разъ — говоритъ г. Пироговъ въ началѣ статьи — что мы христіане, и, слѣдовательно, главною основой нашего воспитанія служитъ и должно служить Откровеніе.

„Всѣ мы съ дѣтства не напрасно-же ознакомлены съ мыслью о загробной жизни, всѣ мы не напрасно-же должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему.

„Вникая-же въ существующее направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ, по крайней мѣрѣ, жизни практической и даже отчасти и умственной, мы находимъ рѣзко выраженное, матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастіи и наслажденіяхъ въ жизни земной“.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ статьи г. Пироговъ отвергаетъ весь результатъ мысли XIX вѣка, потому что въ чемъ-же и заключается этотъ результатъ, какъ не въ признаніи за человѣкомъ права стремиться къ положительному счастію и къ наслажденіямъ жизни земной. Мы видѣли въ предшествующихъ главахъ, что передовые люди сороковыхъ годовъ, въ свою очередь, вслѣдъ за Европой признали за человѣкомъ это право. Но г. Пироговъ стремленіе къ земному счастію считаетъ отступленіемъ человѣка отъ надлежащаго пути; по его мнѣнію, идеальный человѣкъ на настоящее долженъ смотрѣть, какъ на приготовленіе къ будущему и, поэтому, не особенно дорожить благами этого настоящаго... Какая-же это точка зрѣнія, какъ не средневѣковая? Чѣмъ подобныя идеи отличаются отъ взглядовъ, которые вы на каж-

дой страницѣ можете встрѣтить въ „Перепискѣ съ друзьями“ Гоголя?

Отправившись отъ такой архаической точки зрѣнія, г. Пироговъ развиваетъ свою мысль далѣе и приходитъ къ такому заключенію, что преобладаніе матеріальныхъ стремленій въ обществѣ показываетъ, что общество въ жизни своей все еще находится на степени язычества. Г. Пирогова ужасаетъ радикальный разладъ основнаго ученія, которое люди держатъ въ своей головѣ, съ ихъ жизнью, не имѣющею никакихъ точекъ соприкосновенія съ этимъ ученіемъ, и онъ грозитъ обществу опаснымъ потрясеніемъ, если не распаденіемъ.

Новая мысль, въ свою очередь, не отвергаетъ этого разлада міросозерцанія массы съ жизнью. Но она въ этомъ разладѣ видитъ прежде всего именно несостоятельность самого міросозерцанія. Это міросозерцаніе старалось всячески исковеркать жизнь, подавить ее ради заоблачныхъ мечтаній, и счастіе еще для человѣчества, что это не удалось: человѣческая природа оказалась слишкомъ упруга и жизнь, прорывая всѣ плотины, постоянно стремилась по своему естественному пути. Новая мысль потому собственно и новая, что она, вмѣсто того, чтобы сѣтовать на жизнь массы, зачѣмъ она идетъ въ разрѣзъ съ міросозерцаніемъ, напротивъ того, сѣтуетъ больше всего на міросозерцаніе, считая его никуда негоднымъ и убѣждая массу бросить его, какъ лишній тормазъ; взамѣнъ-же его, новая мысль предлагаетъ другое міросозерцаніе, болѣе согласное съ основными и естественными стремленіями жизни.

Г. Пироговъ-же съ своихъ средневѣковыхъ точекъ зрѣнія приходитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ:

„Существуетъ — говоритъ онъ — только *три* возможности или *три* пути вывести человѣчество изъ этого ложнаго и опаснаго положенія.

„*Или* согласить нравственно-религіозныя основы воспитанія съ настоящимъ направленіемъ общества.

„*Или* перемѣнить направленіе общества.

„*Или*, наконецъ, приготовить насъ воспитаніемъ къ внутренней борьбѣ, неминуемой и роковой, доставивъ намъ всѣ способы и всю энергію выдерживать неравный бой.

„Слѣдовать первымъ путемъ, значило бы или искажать то, что намъ осталось на землѣ святаго, чистаго и высокаго. Одна только упругая нравственность фарисеевъ и іезуитовъ можетъ поддѣлы-

ваться высокимъ къ низкому и соглашать произвольно вѣчныя истины нашихъ нравственно-религіозныхъ началъ съ меркантильными и чувственными интересами, преобладающими въ обществѣ. Исторія показала, чѣмъ окончилась попытка папизма, подъ личиной іезуитства, ультрамонтановъ и энциклопедистовъ, шедшихъ этою тропой человѣческихъ заблужденій.

„Измѣнить направленіе общества есть дѣло Промысла и времени.

„Остается третій путь. Онъ труденъ, но возможенъ; избравъ его, придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя.

„Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ, значитъ именно *„сдѣлать насъ людьми“*.

„То-есть, тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна наша *реальная школа* въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ, съ *самаго нашего дѣтства*, негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ“.

Итакъ, согласовать воспитаніе съ живыми, естественными стремленіями общества къ земнымъ благамъ, ко всеобщему счастію, оставивши въ сторонѣ средневѣковое міросозерцаніе, идущее въ разрѣзъ съ этими живыми и естественными стремленіями, это, по мнѣнію г. Пирогова, значитъ идти по пути іезуитовъ и энциклопедистовъ. Что общаго могъ найти г. Пироговъ между іезуитами и энциклопедистами, объ этомъ нужно у него спросить, это остается темною водой во облацѣхъ воздушныхъ... Далѣе, затѣмъ, измѣнить направленіе общества, то-есть, по всей вѣроятности, принудить его отказаться отъ естественныхъ стремленій къ земнымъ благамъ и счастію, это, по мнѣнію г. Пирогова, дѣло времени и Промысла, значитъ объ этомъ мы не смѣемъ дерзать и думать. Что-же намъ остается дѣлать? Дѣйствовать путемъ воспитанія на молодое поколѣніе, воспитывать изъ него такихъ людей, которые не шли бы за толпой, не увлекались бы стремленіями къ земнымъ благамъ, а оставаясь вѣрными все тому-же міросозерцанію, о которомъ ратуетъ г. Пироговъ, укрѣплялись бы въ борьбѣ... вы думаете въ борьбѣ съ какимъ-нибудь внѣшнимъ зломъ... нѣтъ, г. Пироговъ ясно говоритъ вамъ о *роковой борьбѣ внутренней*. Противъ чего-же долженъ бороться внутри себя идеальный человѣкъ г. Пирогова? спросите вы... Конечно, опять-таки, противъ соблазнительныхъ побужденій къ внѣшнимъ благамъ. Впрочемъ, ниже, г. Пироговъ очень наглядно и отчетливо обрисовываетъ намъ своего идеальнаго человѣка, котораго должно произвести, по его мнѣнію, идеальное воспитаніе:

„Каковъ долженъ быть юный атлетъ, приготовляющійся къ этой роковой борьбѣ?

„Первое условіе: онъ долженъ имѣть отъ природы хотя какое-нибудь притязаніе на умъ и чувство.

„Пользуйтесь этими благими дарами Творца, но не дѣлайте одаренныхъ безсмысленными поклонниками мертвой буквы, *дерзновитыми противниками необходимаго на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма,* восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума".

Итакъ, вотъ вамъ идеальный человѣкъ, котораго рекомендуетъ вамъ г. Пироговъ въ образецъ! вотъ, по его мнѣнію, какихъ людей должно создавать воспитаніе!

Но развѣ это человѣкъ? спросите вы. Конечно, отвѣтимъ мы, это не человѣкъ, а чистѣйшая машина, въ которой, по мнѣнію г. Пирогова, должно быть вложено два-три валика ума и чувства, и онъ долженъ на этихъ валикахъ разыгрывать безконечную симфонію о неприкосновенности авторитета, вѣчно маршируя въ предназначенномъ ему кружкѣ, въ блаженной серединкѣ между поклоненіемъ мертвой буквѣ и суемудріемъ грубаго матеріализма, расточеніями чувства и воли и безстрастіемъ холоднаго разума...

Такимъ образомъ, г. Пироговъ, хотя и отправляется, повидимому, отъ громкой фразы новаго чекана *развитія человѣка*, но въ то-же время стоитъ все на почвѣ средневѣковаго міросозерцанія; подъ развитіемъ человѣка онъ разумѣетъ вовсе не эмансипацію личности, эту, дѣйствительно новую идею XIX вѣка, а напротивъ того, пригвожденіе личности къ отвлеченному, мертвому принципу во имя заоблачныхъ фантазій...

Эмансипація личности, индивидуализмъ, обособляетъ личность, даруетъ ей полную свободу идти по какому угодно пути и думать, какъ угодно, лишь бы только, конечно, своею свободой не заѣдать такой-же свободы другихъ; вслѣдствіе этого, индивидуализмъ прямо ведетъ къ разнообразію жизни. Между тѣмъ, подобное разнообразіе совершенно противно средневѣковому міросозерцанію. Подчиняя человѣка внѣшнему отвлеченному принципу, подавляя въ немъ всѣ естественныя стремленія и обезличивая его, средневѣковая мысль о томъ только и заботилась, чтобы все на землѣ пришло къ мертвому, сухому однообразію, чтобы повсюду господствовалъ одинъ и тотъ-же отвлеченный принципъ, и люди, слѣпо повинуясь ему, обратились бы въ машины, марширующія

размѣренными шагами, по одному направленію, слушаясь команды и не задаваясь размышленіями, куда они идутъ.

Г. Пироговъ, вѣрный своей средневѣковой точкѣ зрѣнія, не упустилъ изъ виду и этого машиннаго однообразія. Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ, о выгодахъ своего идеальнаго воспитанія:

„Оно (то-есть, воспитаніе) самое удобное и для правительствъ, и для подданныхъ. Для правительствъ потому, что всѣ воспитанники до извѣстнаго возраста будутъ образовываться, *руководимые однимъ и тѣмъ-же направленіемъ, въ одномъ духѣ, съ одною и тою-же цѣлію; слѣдовательно, нравственно-научное воспитаніе всѣхъ будущихъ гражданъ будетъ находиться въ однихъ рукахъ.* Всѣ виды, всѣ благія намѣренія правительствъ къ улучшенію просвѣщенія будутъ исполняться послѣдовательно, съ одинаковою энергіей и одновѣдомственными лицами.

„Для подданныхъ потому, что всѣ воспитанники, до вступленія ихъ въ число гражданъ, будутъ дружно пользоваться одинакими правами и одинаковыми выгодами воспитанія“.

Послѣ всего этого рѣшительно дѣлается непонятнымъ, противъ чего-же ратуетъ г. Пироговъ? Задался человѣкъ мыслью, что будто воспитаніе въ Россіи ни о чемъ болѣе не заботится, какъ объ узко-утилитарныхъ цѣляхъ, о приготовленіи различныхъ спеціалистовъ... Но не только-что этого ничего не было въ то время, какъ писалъ г. Пироговъ свою статью, но, напротивъ того, воспитаніе въ Россіи было тогда организовано именно въ томъ самомъ духѣ, о которомъ ратуетъ г. Пироговъ. Правда, существовало въ то время на Руси много всякаго рода спеціальныхъ заведеній—корпусовъ, семинарій и пр., но во всѣхъ этихъ заведеніяхъ не столько заботились о томъ, чтобы выпускать хорошихъ спеціалистовъ, сколько именно о томъ, чтобы приготовлять людей, воспитанныхъ въ духѣ тѣхъ принциповъ, которые г. Пироговъ ставитъ во главѣ воспитанія... Въ этомъ отношеніи однообразіе воспитанія было доведено до идеальнаго совершенства, превосходящаго мечты г. Пирогова. Въ результатѣ оказывалось, что выпущенные медики немногимъ болѣе имѣли свѣдѣній въ медицинѣ, чѣмъ выпущенные кадеты, а выпущенные кадеты знали толкъ въ военныхъ наукахъ, можетъ быть, даже менѣе, чѣмъ окончившіе курсъ семинаристы; но за то педагоги заботились всѣми силами, чтобы и медики, и кадеты,и семинаристы, выходили всѣ на одинъ покрой, людьми, пропитанными духомъ тѣхъ средневѣковыхъ принциповъ, о кото-

рыхъ такъ горячо заботился нѣкогда блаженной памяти Магницкій и которыми задался вдругъ, ни съ того, ни съ сего, передовой мыслитель пятидесятыхъ годовъ, г. Пироговъ.

Для довершенія болѣе близкаго знакомства съ взглядами г. Пирогова, мы выпишемъ еще два мѣста изъ его статьи, мѣста, которыя сами по себѣ, безъ всякихъ комменаріевъ, свидѣтельствуютъ о томъ, съ какими архаическими, допотопными взглядами выступилъ г. Пироговъ въ своей статьѣ.

Какъ вамъ нравится, напримѣръ, хотя бы такой афоризмъ:

„Все, что есть высокаго, прекраснаго на свѣтѣ, искусство, вдохновеніе, наука, не должно слишкомъ сродняться со вседневною жизнью; оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ".

А вотъ вамъ взглядъ г. Пирогова на свободу женщинъ:

„Воспитаніе, наряжая, выставляетъ ее (то-есть, женщину) на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ, такъ, какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а черезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено-ли, что ей тогда приходитъ на мысль пробовать самой, какъ ходятъ люди. *Эмансипація, вотъ эта мысль. Паденіе вотъ первый шагъ. Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ.* Не всякій врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества...

„Если женскіе педанты, толкуя объ эмансипаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ — онѣ правы. Если-же они разумѣютъ эмансипацію общественныхъ правъ женщины, то они сами не знаютъ, чего хотятъ".

Послѣ всего этого читатель, конечно, станетъ въ недоумѣніе и спроситъ, что-же такъ поразило общество въ статьѣ г. Пирогова. Система воспитанія, предлагаемая г. Пироговымъ, не представляла ничего, конечно, новаго ни относительно основнаго принципа воспитанія, ни относительно общественнаго его положенія. Что касается перваго пункта, то г. Пироговъ предлагалъ поставить во главѣ воспитанія такой принципъ, о которомъ далеко прежде него успѣли уже позаботиться, а относительно общественнаго положенія онъ проповѣдывалъ все ту-же централизацію воспитанія, которая и безъ того была доведена до nec plus ultra. Но общество такъ мало думало еще о какихъ-нибудь иныхъ прин.

цппахъ воспитанія, кромѣ предложеннаго г. Пироговымъ, и такъ мало заботплось объ общественномъ положеніи воспитанія, что въ этихъ пунктахъ оно и не ждало отъ г. Пирогова ничего новаго. Для него оказалось неслыханною новостью и такая элементарная мысль, что воспитаніе должно заботиться не о приготовленіи офицеровъ, медиковъ и священниковъ, а о развитіи человѣка, что, поэтому, съ дѣтскихъ лѣтъ обрекать человѣка на какую-нибудь спеціальность, не спросясь его способностей и наклонностей, значитъ коверкать всю его жизнь и пр. Подобныя мысли въ практическомъ ихъ примѣненіи повели къ тому, что бо̀льшая часть среднихъ учебныхъ заведеній, прежде казавшихся спеціальными, были преобразованы такъ, чтобы они казались общеобразовательными; спеціальныя-же заведенія начали устроиваться для юношей, окончившихъ уже курсы среднихъ учебныхъ заведеній и способныхъ сознательно избирать дорогу. Въ теоретическомъ-же отношеніи мысль о необходимости развитія прежде всего человѣка естественно повела къ вопросу: что̀-же это значитъ развить человѣка? значитъ-ли это то, что предполагаетъ г. Пироговъ или что-нибудь другое?

Мы не знаемъ, какъ рѣшило бы общество этотъ вопросъ и скоро-ли бы оно, предоставленное само себѣ, дошло въ этомъ рѣшеніи до какихъ-нибудь болѣе новыхъ и болѣе основательныхъ взглядовъ, чѣмъ тѣ, которые мы встрѣтили въ статьѣ г. Пирогова. Не знаемъ также, далеко-ли пошло бы общество во всѣхъ задуманныхъ реформахъ при своемъ средневѣковомъ строѣ мысли. Но движеніе при самомъ своемъ началѣ осложнилось весьма важнымъ элементомъ — именно возрожденіемъ идей сороковыхъ годовъ и быстрымъ развитіемъ въ большой массѣ общества того философскаго процесса, который былъ уже пройденъ предшествовавшимъ поколѣніемъ въ сороковыхъ годахъ. Въ предъидущей главѣ, сравнивая реакцію пятидесятыхъ годовъ съ подобною-же ей реакціей двадцатыхъ годовъ, мы не упоминали объ одномъ весьма существенномъ различіи между ними. Дѣло въ томъ, что когда люди двадцатыхъ годовъ сошли съ своего поприща, отъ нихъ остались одни темныя преданія и поколѣніе тридцатыхъ годовъ начало путь умственнаго развитія почти снова, не имѣя за собою никакихъ наставниковъ сзади и получивши отъ своихъ предшественниковъ самое скудное наслѣдство. Между тѣмъ, отъ сороковыхъ годовъ осталась богатая литература, въ которой отразилось все фило-

софское движеніе этой эпохи. Литература эта была почти забыта во время пятидесятыхъ говдовъ. Но, все-таки, она оставалась; были и люди, которые помнили о ней, держали ее въ головѣ или развивались по ней. И замѣчательно при этомъ, что подобно тому, какъ въ тридцатыхъ годахъ философское движеніе началось по преимуществу въ кружкахъ московскаго университета, такъ теперь исходомъ движенія послужилъ петербургскій университетъ. Въ тѣсныхъ кружкахъ его идеи сороковыхъ годовъ сохранились во всѣхъ тѣхъ результатахъ, до какихъ дошла мысль младшаго поколѣнія сороковыхъ годовъ, и мало того, получили дальнѣйшее развитіе, болѣе глубокое и основательное...

Въ журналистикѣ воскресителемъ и распространителемъ идей сороковыхъ годовъ явился „Современникъ“, который, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, обновился новыми и молодыми силами и всталъ сразу на ту высоту, на которой была журналистика въ исходѣ сороковыхъ годовъ. Такъ, журналъ этотъ явился приверженцемъ реальной эстетики, отвергавшей ученіе метафизиковъ о преимуществѣ образовъ искусства передъ образами дѣйствительности, и въ то-же время врагомъ чистаго искусства и чистой науки. Въ концѣ 1855 года, въ „Современникѣ“ начался рядъ статей, извѣстныхъ подъ заглавіемъ „Очерки гоголевскаго періода“, имѣвшихъ спеціальную цѣль познакомить публику съ литературно-философскимъ движеніемъ сороковыхъ годовъ и показать значеніе двухъ главныхъ представителей этого движенія — Гоголя и Бѣлинскаго.

Хотя реакція миновала уже въ концѣ 1855 года, а тѣмъ болѣе въ 1856 году, но какъ сильно было ея обаяніе и неуспѣвшее еще разсѣяться впечатлѣніе, это мы можемъ судить по содержанію „Очерковъ“. Хотя авторъ ихъ, очевидно, понималъ всю сущность и значеніе движенія сороковыхъ годовъ и отлично зналъ, что движеніе это заключалось не въ одной смѣнѣ литературныхъ школъ и критическихъ принциповъ, а было движеніемъ въ то-же время философско-нравственнымъ, приведшимъ передовыхъ людей къ вопросамъ соціальнымъ, пробудившимъ въ нихъ общественные интересы, тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что авторъ былъ принужденъ вдвинуть свое обозрѣніе въ тѣсную рамку вопросовъ литературно-эстетическихъ. Онъ не могъ даже рѣшиться назвать свое обозрѣніе прямымъ именемъ — въ родѣ „философское движеніе идей въ сороковыхъ

годахъ“ или „о значеніи Бѣлинскаго и его вѣка“, а назвалъ вѣкъ этотъ вѣкомъ Гоголя и придалъ своему обозрѣнію такой видъ, какъ будто оно имѣло въ виду ничего болѣе, какъ показать эстетическое значеніе литературной школы Гоголя и отношеніе къ этой школѣ различныхъ критиковъ. Довольно сказать, что въ обозрѣніи, имѣвшемъ спеціальною своею цѣлью показать публикѣ значеніе Бѣлинскаго и познакомить публику съ его идеями, авторъ долго не могъ рѣшиться назвать по имени то самое историческое лицо, съ которымъ онъ взялся познакомить публику. Такъ, въ первой статьѣ, упомяная о Бѣлинскомъ, онъ называетъ его не иначе, какъ авторомъ статей о Пушкинѣ; критику его называетъ глухо критикой гоголевскаго періода, центромъ которой были „Отечественныя Записки“, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что только-что высказанное мнѣніе о Гоголѣ извлечено имъ изъ статьи „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“, напечатанной ровно двадцать лѣтъ тому назадъ въ „Телескопѣ“, 1835 г., часть XXVI, и принадлежащей автору „Статей о Пушкинѣ“. И только въ шестой уже статьѣ (напечатанной въ іюльской книжкѣ 1856 года) авторъ рѣшается впервые упомянуть имя Бѣлинскаго, сказать прямо, что главнымъ дѣятелемъ критики гоголевскаго періода былъ Бѣлинскій. Но и этого еще всего мало: говоря далѣе о критикѣ Бѣлинскаго, о его идеяхъ, дѣлая множество выписокъ и извлеченій изъ его статей, авторъ не рѣшается, въ то-же время, высказать прямо главной и основной своей мысли, которая должна бы была проникнуть собою все обозрѣніе, именно той мысли, что вѣкъ Бѣлинскаго имѣетъ много общаго съ вѣкомъ философскаго движенія въ Германіи въ XVIII столѣтіи и что роль Бѣлинскаго въ этомъ вѣкѣ напоминаетъ собою роль Лессинга. Для того, чтобы выразить эту мысль, авторъ принужденъ былъ параллельно съ „Очерками гоголевскаго періода“ печатать трактатъ о Лессингѣ, и въ этомъ уже трактатѣ, въ предисловіи, онъ дѣлаетъ темные намеки на сходство эпохи Бѣлинскаго съ эпохой Лессинга. Такъ, онъ говоритъ, что, по бо̀льшей части, доля литературы въ историческомъ процессѣ, никогда не бывая совершенно маловажна, обыкновенно бывала и вовсе не такъ значительна, чтобы заслуживать особеннаго вниманія, что литература почти всегда имѣла для развитія человѣческой жизни только второстепенное значеніе. Но далѣе онъ замѣчаетъ, что бывали и свои исклю-

ченія изъ этого порядка, хотя ихъ и очень немного, бывали случаи, когда литература являлась дѣйствительно главною двигательницей историческаго развитія. Нѣмецкая литература послѣдней половины прошедшаго и первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, по мнѣнію автора, есть одна изъ самыхъ важныхъ между этими рѣдкими явленіями. Отъ начала дѣятельности Лессинга до смерти Шиллера (до завоеванія Западной Германіи Наполеономъ, законодательства Штейна въ Пруссіи и до распространенія философіи — явленій, которыя овладѣваютъ послѣдующимъ развитіемъ нѣмецкаго народа), въ теченіи пятидесяти лѣтъ, развитіе одной изъ величайшихъ между европейскими націями, будущность странъ отъ Балтійскаго до Средиземнаго Моря, отъ Рейна до Одера, опредѣлялась литературнымъ движеніемъ. Участіе всѣхъ остальныхъ общественныхъ силъ и событій въ національномъ развитіи должно назвать незначительнымъ сравнительно съ вліяніемъ литературы. Ничто не помогало въ то время ея благотворному дѣйствію на судьбу нѣмецкой націи; напротивъ, почти всѣ другія отношенія и условія, отъ которыхъ зависитъ жизнь, не благопріятствовали развитію народа. Литература одна вела его впередъ, борясь съ безчисленными препятствіями...

Представляя въ такомъ видѣ значеніе нѣмецкой литературы прошлаго столѣтія, авторъ далѣе высказываетъ рядъ намековъ, что и у насъ былъ періодъ, въ который литература имѣла такое-же значеніе. Но до какой степени темны и уклончивы эти намеки — объ этомъ можно судить по тому, что авторъ не рѣшается не только назвать прямо, о какомъ періодѣ русской литературы онъ говоритъ, но старается, по возможности, замаскировать даже тотъ фактъ, что онъ дѣлаетъ какія бы то ни было сближенія. Такъ, по его мнѣнію, еслибы не вышелъ изъ моды старый и, въ сущности, вовсе не безполезный обычай объяснять въ предисловіяхъ къ сочиненіямъ, трактующимъ объ ученыхъ предметахъ, какую пользу приноситъ вообще знаніе, какую пользу въ частности приноситъ знаніе того предмета, о которомъ трактуется въ этомъ сочиненіи, и какую пользу въ особенности принесетъ знаніе этого предмета тѣмъ читателямъ, для которыхъ назначается это сочиненіе, еслибы не вышелъ изъ моды этотъ старый обычай, тогда авторъ долженъ былъ бы сказать что-нибудь о той особенной пользѣ, какую можемъ извлечь мы, русскіе, изъ знакомства съ судь-

бами нѣмецкой литературы временъ Лессинга, Шиллера и Гёте. Еслибы не вышелъ также изъ моды другой старый добрый обычай — проводить параллели между сходными явленіями въ исторіи различныхъ народовъ, то авторъ могъ бы также отыскать нѣкоторыя занимательныя аналогіи между положеніемъ нѣмецкой литературы того времени и *положеніями нѣкоторыхъ другихъ литературъ въ другія времена.* Наконецъ, еслибы не вышли изъ моды „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“, то авторъ могъ бы выставить Лессинга, разговаривающаго, напримѣръ, съ Пушкинымъ и Гоголемъ въ Елисейскихъ поляхъ: Лессингъ разспрашивалъ бы Пушкина и Гоголя о русской литературѣ и, въ свою очередь, сообщалъ бы имъ различныя замѣчанія о литературѣ вообще.

Все это наглядно показываетъ, что движеніе сороковыхъ годовъ даже въ 1856 году представлялось еще чѣмъ-то такимъ, о чемъ въ печати нельзя было говорить прямо и открыто, не прибѣгая къ темнымъ и уклончивымъ намекамъ. Но, тѣмъ не менѣе, вышеозначенныя статьи — „Очерки гоголевскаго періода“ и „Лессингъ“ — произвели сильное вліяніе на общество, особенно на молодое поколѣніе. И прежде статьи Бѣлинскаго, особенно о Пушкинѣ, кое-кѣмъ перечитывались, теперь-же старые журналы сороковыхъ годовъ рѣшительно вошли въ моду. Статьи передовыхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ выдирались изъ нихъ, переплетались въ отдѣльные сборники, перечитывались, переписывались. Снова началось сильное философское броженіе, заключающееся въ ломкѣ всѣхъ старыхъ допотопныхъ, средневѣковыхъ идей, преданій, предразсудковъ. Процессъ этого броженія совершался тѣмъ быстрѣе, что, съ одной стороны, онъ овладѣлъ, по бо̀льшей части, молодыми свѣжими умами, не окрѣпшими еще въ привычкахъ къ старымъ и отжившимъ идеямъ; съ другой стороны, эти молодые и свѣжіе умы, находя въ предшествовавшей литературѣ сороковыхъ годовъ готовое разрѣшеніе многихъ философскихъ вопросовъ, были избавлены отъ необходимости и трудности доходить своимъ собственнымъ умомъ до этого рѣшенія; наконецъ, втретьихъ, съ этой эпохи началось знакомство русской публики съ послѣдними результатами западной мысли уже не въ видѣ однихъ туманныхъ изложеній этихъ результатовъ русскими писателями, а въ видѣ переводовъ на русскій языкъ трактатовъ западныхъ мыслителей, такъ что русская публика могла, наконецъ, почерпать новыя идеи изъ самыхъ ихъ источниковъ.

Сначала эти переводы были рѣдки и распространялись по преимуществу въ рукописномъ видѣ; потомъ они, мало-по-малу, составили громадную отрасль печатной литературы, далеко превзошедшую бѣдную отрасль отечественной литературы, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Но вышеозначенными двумя элементами, то-есть, возбужденіемъ общественныхъ реформъ и философскимъ броженіемъ, еще не исчерпывается движеніе шестидесятыхъ годовъ. Оно осложнилось, кромѣ всего этого, еще и третьимъ явленіемъ, игравшимъ немаловажную роль въ этомъ движеніи. Объ этомъ явленіи и будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Вліяніе движенія сороковыхъ годовъ на умственное развитіе непривиллегированныхъ классовъ. — Появленіе новаго нравственнаго идеала въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и его соотвѣтствіе съ средой образованнаго пролетаріата. — Два различныя отношенія къ этому идеалу въ эпоху движенія шестидесятыхъ годовъ. — Добролюбовъ, какъ представитель новаго идеала. — Характеръ дѣтства Добролюбова. — Привязанность его къ матери. — Ученіе дома и въ семинаріи. — Страсть къ авторству. — Аскетизмъ. — Романтическія мечты и порывы. — Разочарованіе въ нихъ и обращеніе къ дѣйствительности. — Поступленіе въ педагогическій институтъ. — Характеръ институтской жизни Добролюбова и первые проблески новаго идеала. — Новые удары жизни. — Ожесточеніе. — Окончательное развитіе новаго идеала. — Писаніе романа. — Внутреннія тревоги и колебанія.

Мы имѣли уже случай замѣчать въ нашемъ трудѣ о той аналогіи, какая постоянно существуетъ между идеальнымъ типомъ даннаго вѣка и характеромъ той среды, въ которой въ этотъ вѣкъ сосредоточивается умственное движеніе. Такъ, мы видѣли, что пока умственное движеніе сосредоточивалось преимущественно въ кругахъ великосвѣтскаго общества, героемъ времени былъ изящный денди, съ внѣшнимъ лоскомъ европейскаго образованія, поверхностно усвоившій нѣсколько послѣднихъ идеекъ, смотрящій на всѣхъ и все съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и легкомысленно надо всѣмъ смѣющійся, пресыщенный всевозможными излишествами, скучающій и разочарованный не столько вслѣдствіе того, чтобы жизнь не давала ему и въ самомъ дѣлѣ никакого содержанія, сколько вслѣдствіе той крайней легкости, съ какою исполнялась

всякая его прихоть и все покорялось передъ его титулами и богатствами.

Далѣе, затѣмъ, мы видѣли, что съ передвиженіемъ центра умственнаго движенія изъ великосвѣтскихъ круговъ въ среду несановитаго, провинціальнаго дворянства средней руки измѣнился и герой времени, отразивши, опять-таки, характеръ той среды, которая въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ сдѣлалась представительницей умственнаго движенія въ Россіи. Условія жизни этой среды, освобождая людей отъ всякихъ насущныхъ заботъ и энергическихъ усилій въ борьбѣ за существованіе, не давала имъ, однакожь, возможности доходить до такого крайняго пресыщенія, до какого доходили великосвѣтскіе герои предъидущей эпохи. Привиллегированное положеніе ихъ хотя и внушало имъ порядочную долю высокомѣрія въ отношеніи къ низшимъ непривиллегированнымъ классамъ, но въ то-же время высокомѣріе это имѣло свои границы, за которыми люди эти чувствовали себя маленькими и ничтожными смертными, въ виду того большого свѣта, на который они глядѣли издали и о которомъ тайно воздыхали. Однимъ словомъ, жизнь подставляла къ ихъ устамъ готовую и даровую чашу, но позволяла имъ пить изъ этой чаши потихоньку и понемножку, вѣчно смакуя, но никогда не напиваясь до сыта и не доходя до дна чаши. Тишина сельской жизни, скромные, но усладительные ландшафтики вокругъ, вѣчная безпечность, не роскошная, но изящная и, въ то-же время, комфортабельная обстановка, сладкое farniente, наполненное тихими бесѣдами съ другомъ, съ милой, или наслажденіями изящными искусствами — таково было все содержаніе жизни этой среды въ самомъ ея наилучшемъ видѣ. Изъ такой жизни и вышелъ герой сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ въ видѣ Манилова и Обломова, въ одно и то-же время — сентиментальный, женоподобный эпикуреецъ, любитель тихихъ созерцаній, сладкихъ бесѣдъ съ музами, лакомка до гастрономическихъ обѣдовъ, нѣжный селадонъ, млѣющій и тающій передъ обаяніемъ женской красоты и въ то-же время безхарактерная тряпица, не способная ни къ малѣйшему напряженію воли.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ мы видимъ новое перемѣщеніе центра умственнаго движенія въ среду непривиллегированнаго мыслящаго пролетаріата, въ классъ разночинцевъ и мѣщанъ, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ. Такой переворотъ, въ свою очередь, ознаменовался созданіемъ новыхъ нравственныхъ идеаловъ;

на сцену выступили новые герои времени, въ свою очередь выражающіе вполнѣ духъ и характеръ своей среды. Подобное перемѣщеніе центра умственнаго движенія значительно осложнило процессъ общественнаго броженія въ знаменитую эпоху шестидесятыхъ годовъ. Фактъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія при обозрѣніи этой эпохи. Упустивши его изъ виду, вы не въ состояніи будете понять весьма многихъ явленій, не стоящихъ въ прямой причинной связи ни съ философскими идеями, ни съ общественными вопросами, возбудившими рядъ реформъ.

Этому перемѣщенію центра умственнаго движенія эпоха шестидесятыхъ годовъ была обязана, въ свою очередь, движенію сороковыхъ годовъ. Мы говорили въ началѣ нашего трактата, что уже въ двадцатые годы выступили на сцену два могучіе проводника интеллигенціи въ массу общества — журналистика и университеты, и вокругъ этихъ проводниковъ сгруппировалось все умственное движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Журналистика и университеты, можно сказать, въ такой-же степени удешевили образованіе и ускорили обращеніе идей въ массахъ общества, на сколько впослѣдствіи желѣзныя дороги ускорили и удешевили обращеніе самихъ массъ въ странѣ. Бѣдный человѣкъ, сынъ мелкаго чиновника, священника, мѣщанина, въ прежніе годы оканчивалъ обыкновенно все образованіе уѣзднымъ училищемъ, семинаріей, гимназіей, теперь онъ, при мало-мальски недюжинныхъ способностяхъ, имѣлъ возможность продолжать свое образованіе въ университетѣ. Права и привилегіи, соединенныя съ университетскими дипломами, еще болѣе усилили движеніе дѣтей изъ непривилегированныхъ классовъ къ университетамъ. Университетъ избавлялъ отъ нищеты, дѣлалъ человѣка изъ жалкой, пресмыкающей паріи передовымъ гражданиномъ, которому открывались всевозможныя карьеры и почести. Литература, въ свою очередь, сдѣлалась доступна для бѣдныхъ классовъ населенія. До двадцатыхъ годовъ передовые люди, принадлежавшіе преимущественно къ высшимъ слоямъ общества, нерѣдко собирали обширныя библіотеки изъ массы иностранныхъ художественныхъ и философскихъ сочиненій. Но, между тѣмъ, какъ владѣльцы поучались изъ своихъ книгохранилищъ, для грамотныхъ людей изъ бѣдныхъ классовъ общества и то уже было праздникомъ, если въ ихъ среду попадалъ томикъ Ломоносова, Державина, Карамзина, какой-нибудь раздирательный романъ Радклифъ или Жанлисъ, переведенный варварскимъ языкомъ и изданный чуть-что не на

оберточной бумагѣ. Кое-гдѣ ходили по рукамъ разрозненныя книги карамзинскаго „Вѣстника“, нумера „Сына Отечества“ или какого-нибудь „Благонамѣреннаго“, но изъ всего изъ этого ничего не выносилось, кромѣ сентиментальныхъ слезъ надъ чувствительными романами, поползновенія составить тетрадочку изъ стихотвореній Жуковскаго и Пушкина, да напыщенной риторики казеннаго патріотизма.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ въ средніе, а черезъ нихъ и въ бѣдные классы общества начался наплывъ журнальныхъ съ энциклопедическимъ характеромъ, съ стремленіемъ познакомить читателей съ результатами европейской науки и мысли. Тѣ самыя политическія и философскія идеи, которыя прежде были закупорены въ библіотекахъ знатныхъ людей, теперь сдѣлались доступными для бѣднѣйшихъ классовъ въ популярныхъ журнальныхъ изложеніяхъ, въ извлеченіяхъ и переводахъ. Бѣдный семинаристъ, гимназистъ, приходскій учитель получили возможность, не зная ни одного иностраннаго языка, не выѣзжая изъ своей глуши, знакомиться съ произведеніями Шекспира и Гёте, съ идеями Шеллинга и Гегеля, наконецъ, съ политико-экономическими вопросами, волновавшими Западъ... То возбужденіе мысли, которое мы видѣли въ кружкахъ средняго дворянства въ сороковые годы, немпнуемо должно было при такихъ условіяхъ сообщиться и въ слои грамотнаго пролетаріата.

Первоначально, когда процентъ мыслящаго пролетаріата былъ еще ничтоженъ въ средѣ умственнаго движенія и большинство передовыхъ людей принадлежало къ дворянскому кругу, въ литературѣ и жизни естественно преобладали идеалы, сообразные большинству. Въ это время ничтожная горсть мыслящаго пролетаріата, разсѣянная въ видѣ незамѣтныхъ единицъ въ образованной средѣ—увлекалась за большинствомъ и раздѣляла идеалы его, не соображая всей односторонности этихъ идеаловъ и несообразности ихъ съ условіями жизни всякой иной среды, кромѣ той, которая эти идеалы создала. Естественно, что преслѣдованіе идеаловъ, въ концѣ-концовъ исключительно сводящихся на эпикурейское наслажденіе всѣмъ изящнымъ, только и возможно, что при условіи полной обезпеченности, соединенной съ безграничнымъ досугомъ, чуждымъ какихъ бы то ни было матеріальныхъ заботъ и дрязгъ. Для бѣдняка не было никакой возможности подойти хоть на одинъ куриный шагъ къ такимъ идеаламъ. Едва входилъ онъ въ общество избранниковъ, онъ тотчасъ-же долженъ былъ чувство-

вать всю несообразность своей особы въ виду идеально изящныхъ существъ, окружавшихъ его, начиная съ своей дурноскроенной и сшитой, часто и обветшалой одежды, со своихъ неловкихъ манеръ и кончая тѣмъ мучительнымъ сознаніемъ, что какъ ни старайся наслаждаться сонатой Бетховена или закатомъ солнца, а все-таки, впереди всего всплываетъ мысль о томъ, что̀-то завтра придется ѣсть и какъ бы это устроить, чтобы палецъ не выглядывалъ изъ сапога. Бѣдному человѣку оставалось только чувствовать свое ничтожество и смиряться. Такъ обыкновенно онъ и дѣлалъ и литература въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ была права, выставляя на сцену бѣдняка, не иначе какъ въ видѣ неуклюжаго медвѣдя, застѣнчиваго, робкаго, смиренно, сидящаго на кончикѣ стула, говорящаго почти шопотомъ несообразныя вещи и внутренно терзающагося своимъ убожествомъ. Но, по мѣрѣ того, какъ литература сороковыхъ годовъ начала разъяснять, мало-по-малу, сколько ничтожной мишуры въ ложномъ блескѣ тѣхъ избранниковъ, передъ которыми смирялся прежде бѣднякъ, и чѣмъ обусловливается возможность вѣчно и исключительно помышлять объ одномъ изящномъ, бѣднякъ началъ подымать свою голову. Онъ вдругъ почувствовалъ, что онъ оборванный, неуклюжій, неловкій, стоитъ на неизмѣримой степени выше многихъ изящныхъ существъ, передъ которыми онъ смирялся, выше тѣмъ, вопервыхъ, что совѣсть у него чище, а вовторыхъ, тѣмъ, что въ то время, какъ они, при всей своей мнимой идеальности, постоянно жалуются на свою безхарактерность, онъ-же, закаленный въ борьбѣ со своею нищетой, чувствуетъ въ себѣ неистощимый родникъ силъ. Но литература сороковыхъ годовъ оказала одну только отрицательную услугу бѣдняку, разубѣдивши его, въ концѣ-концовъ, въ прежнихъ идеалахъ и поставивши его на ноги. Новые-же идеалы бѣднякъ создалъ самъ, сообразно реальнымъ условіямъ своего быта. Это созданіе новыхъ идеаловъ произошло именно въ то время, когда процентъ мыслящаго пролетаріата въ сферѣ умственнаго движенія сдѣлался на столько уже великъ, что самый центръ этой сферы перемѣстился въ среду умственнаго пролетаріата, и среда эта, въ свою очередь, явилась съ идеалами, сообразными условіямъ своего быта и своихъ основныхъ стремленій.

Сообразно новымъ идеаламъ, выступилъ на сцену и новый герой времени. Это былъ уже не прежній эпикуреецъ, эстетикъ и селадонъ; напротивъ того, въ немъ поражали наклонности спартанскаго свойства, доходившія порой до крайностей. Онъ началъ

проповѣдывать простоту и безъискуственность въ одеждѣ, жилищѣ, пищѣ; врагъ изнѣженности и лѣни, онъ требовалъ, чтобы человѣкъ былъ закаленъ въ перенесеніи холода и голода, чтобы онъ непрестанно трудился и энергія его не ослабѣвала ни на минуту въ дѣятельности и борьбѣ. Вмѣсто прежняго поклоненія красотѣ, онъ выше всего поставилъ пользу, общественное благо, требуя, чтобы и наука, и искусство, и литература служили не для личнаго безотчетнаго наслажденія диллетантовъ, а соединялись въ одномъ непреклонномъ стремленіи къ водворенію на землѣ всеобщаго счастія, справедливости и братства. На женщину онъ началъ смотрѣть не какъ на предметъ эпикурейскихъ наслажденій, а какъ на равноправное существо, и онъ проповѣдывалъ образованіе женщинъ не ради только того, чтобы женщина, вслѣдствіе развитія, сдѣлалась лучшею самкой, а чтобы она могла занять мѣсто въ жизни во всѣхъ отношеніяхъ рядомъ съ мужчиной.

Было бы ошибочно появленіе такого идеала приписывать исключительно одному только новому міросозерцанію, проповѣданному въ сороковыхъ годахъ и возродившемуся въ концѣ пятидесятыхъ. Реальная философія, явившаяся на смѣну метафизикѣ, сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ никакихъ нравственныхъ кодексовъ и ограничивается только тѣмъ, что тѣ самые факты, которые метафизика объясняла по своему, она объясняетъ иначе или совсѣмъ отказывается отъ всякихъ объясненій. Такъ, реальная философія показываетъ вамъ, при какихъ условіяхъ жизни являются тѣ или другіе нравственные идеалы, но въ то-же время она не только не предписываетъ вамъ слѣдовать непремѣнно тому идеалу или другому, а напротивъ того, внушаетъ вамъ, что какимъ бы идеаломъ вы ни увлекались отвлеченно, жизнь, все-таки, приведетъ васъ къ такому изъ нихъ, какой сообразенъ съ условіями вашего быта. Сообразно этому положенію реальной философіи, мы и должны искать причинъ появленія нваго нравственнаго кодекса не въ ней самой, а въ условіяхъ жизни той новой среды, которая выступила на сцену умственнаго движенія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. И дѣйствительно, стоитъ только принять въ соображеніе эти условія, мы сейчасъ-же увидимъ, какъ прямо и непосредственно вытекаетъ изъ нихъ новый идеалъ.

Человѣкъ ставитъ на первый планъ и возводитъ въ идеалъ обыкновенно такія свои стремленія, какія преобладаютъ въ его жизни и въ которыхъ онъ видитъ необходимое условіе для поддержанія своего существованія. Естественно, что человѣкъ, обез-

печенный отъ всякихъ трудовъ и заботъ, въ разнообразіи и утонченности наслажденій видитъ единственное средство не помереть отъ скуки и онъ привыкаетъ во всемъ искать наслажденія, на все смотрѣть съ этой точки зрѣнія и въ развитіи все болѣе и болѣе утонченныхъ, болѣе и болѣе разнообразныхъ и обаятельныхъ наслажденій, полагать единственный, исключительный принципъ, идеалъ жизни. Столь-же естественно, что ничѣмъ необезпеченный бѣднякъ, принужденный ежеминутно трудиться, чтобы не помереть съ голоду и бороться за свое существованіе, привыкаетъ на первый планъ ставить въ жизни трудъ и борьбу. Стремленіе къ счастью, къ пользѣ, сначала личной, а потомъ подъ впечатлѣніемъ всеобщихъ страданій вокругъ, къ пользѣ общей—вотъ чѣмъ по необходимости бываютъ заняты всѣ его помышленія, и онъ, въ свою очередь, возводитъ это стремленіе въ идеалъ, во всемъ ищетъ прежде всего пользы, побѣды надъ гнетущею нуждой; и отъ науки, и отъ искусства, и отъ публицистика онъ требуетъ прежде всего помощи, помышленія объ улучшеніи его жалкой участи. Его выводитъ изъ себя эгоистъ, который, углубясь въ науку или созерцанія искусства, ищетъ въ своихъ занятіяхъ однихъ наслажденій и не думаетъ о пользѣ и улучшеніи участи его, бѣдняка. Въ ожесточеніи онъ начинаетъ отрицать всѣ тѣ отрасли человѣческой дѣятельности, которыя не имѣютъ въ виду ничего, кромѣ однихъ наслажденій. Отвлеченно судя, онъ, конечно, не правъ въ подобныхъ отрицаніяхъ; въ сущности, и у него всѣ стремленія къ личной и общественной пользѣ клонятся ни къ чему иному, какъ къ тому, чтобы доставить и себѣ и другимъ возможно-бо̀льшее количество наслажденій. Но не спѣшите винить его слишкомъ строго въ его часто дѣйствительно излишнихъ крайностяхъ и противорѣчіяхъ. Вы сами виноваты въ томъ, что путь къ той цѣли, къ которой онъ стремится, такъ дологъ и труденъ, что на этомъ безконечномъ пути онъ забываетъ часто о самой цѣли и возводитъ въ основной принципъ жизни средства, которыми онъ добивается своей цѣли.

Если, затѣмъ, мы обратимъ вниманіе на чисто внѣшнія черты типа новаго героя времени, то и въ нихъ мы не увидимъ ничего такого, что̀ было бы навѣяно откуда-нибудь извнѣ и не лежало бы всецѣло въ нравахъ и бытѣ тѣхъ бѣдныхъ классовъ общества, изъ которыхъ вышелъ этотъ герой. Въ самомъ дѣлѣ, отрицаніе излишнихъ свѣтскихъ этикетовъ и предразсудковъ, изысканности въ одеждѣ, въ пищѣ, въ обстановкѣ — вѣдь это все могло пока-

заться чѣмъ-то неслыханно новымъ, дерзкимъ и разрушительнымъ, развѣ только для людей никогда не видавшихъ иной тарелки на столѣ, кромѣ серебряной, никогда не ходившихъ пѣшкомъ и не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія объ обстановкѣ иныхъ квартиръ, кромѣ бель-этажныхъ... Между тѣмъ, и въ прежніе годы, когда еще у подобныхъ господъ и въ помышленіи не было приходить въ ужасъ отъ появленія различныхъ Базаровыхъ или Рахметовыхъ, бѣдняки ходили въ тѣхъ-же поношенныхъ и дешевыхъ костюмахъ безъ перчатокъ и англійскихъ проборовъ, спали только-что не на гвоздяхъ и питались ситниками съ ветчиной. И прежде мало-мальски умненькія и разсудительныя дѣвушки изъ бѣдныхъ классовъ населенія не торчали по цѣлымъ часамъ у зеркала и не считали предосудительнымъ ходить въ ситцевыхъ или кисейныхъ нещеголеватыхъ платьицахъ, сшитыхъ собственными руками. Конечно, съ точки зрѣнія господъ, привыкшихъ, чтобы дамы или дѣвицы не иначе ходили по улицамъ, какъ съ ливрейнымъ лакеемъ сзади, могло казаться чѣмъ-то неслыханно новымъ и непристойнымъ, чтобы молодая дѣвушка могла ходить по улицамъ одна и куда ей вздумается, но для дѣвушекъ изъ бѣдныхъ классовъ въ этомъ не было ровно ничего новаго, не представлялось ни малѣйшаго вопроса... Онѣ и прежде ходили по городу однѣ безъ провожатыхъ и никто этому не удивлялся, никто даже не замѣчалъ этого, пока нравы бѣдныхъ классовъ общества не вошли въ моду и не пріобрѣли себѣ множества подражателей изъ другихъ слоевъ общества. Точно также и вопросъ о женскомъ трудѣ могъ быть вопросомъ только для людей, не видавшихъ или, лучше сказать, не замѣчавшихъ иныхъ женщинъ, кромѣ воздушныхъ созданій, фей, украшавшихъ бальныя залы и салоны, для которыхъ вопросъ о ненужномъ трудѣ могъ дѣйствительно казаться совершенно излишнимъ и Богъ вѣсть кѣмъ навѣяннымъ откуда-то извнѣ. Но для массы женщинъ бѣднаго класса въ этомъ вопросѣ не было ровно ничего новаго: за много, много лѣтъ раньше поднятія его, эти женщины принуждены были заботиться о кускѣ хлѣба и трудиться и никому не казалось страннымъ или неестественнымъ существованіе женской прислуги, акушерокъ, гувернантокъ и проч.

Вы, можетъ быть, возразите мнѣ, что въ стремленіи найти строгое соотвѣтствіе нашихъ нравственныхъ идеаловъ шестидесятыхъ годовъ съ условіями быта бѣдныхъ классовъ общества, я забываю, что вѣдь многія стороны этихъ идеаловъ коренятся въ ученіяхъ, проповѣданныхъ уже въ сороковые годы людьми, вовсе не

принадлежавшими къ бѣднымъ классамъ населенія. Такъ, напримѣръ, мы видѣли, что теорія чистаго искусства и чистой науки отвергалась уже въ сороковые годы и въ то-же время начались уже проводиться принципы утилитаризма. Но на это мы замѣтимъ, что люди сороковыхъ годовъ не сами выдумали эти принципы, а пришли къ нимъ потому, что принципы эти господствовали въ то время на Западѣ. А на Западѣ принципы эти вышли, все-таки, изъ бѣдныхъ классовъ общества. Что-же касается людей сороковыхъ годовъ, то большинство ихъ принимало принципы эти отвлеченно, теоретически, въ видѣ безстрастныхъ, безжизненно холодныхъ формулъ и фразъ, которыя, пребывая въ головахъ ихъ безъ всякой связи и осмысленности, нисколько не мѣшали имъ въ своей практикѣ жизни, въ своихъ живыхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ слѣдовать все тому-же своему эпикурейскому принципу наслажденія. По этой причинѣ принципы утилитаризма такъ легко и забылись, едва только въ концѣ сороковыхъ годовъ сошли со сцены люди, проповѣдывавшіе ихъ, и снова большинство людей сороковыхъ годовъ возвратилось къ теоріямъ чистаго искусства, чистой науки и проч. Но совершенно иначе принялись тѣ-же самые утилитарные принципы на новой почвѣ мыслящаго пролетаріата, выступавшаго на поприщѣ умственнаго движенія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Здѣсь эти принципы нашли сродство съ условіями самаго быта, они встали не въ разладъ съ основными стремленіями жизни, а напротивъ, узаконили и осмыслили эти стремленія, и, въ свою очередь, стремленія эти оживили принципы; изъ отвлеченныхъ теоретическихъ формулъ, они обратились въ живыя слова страсти и того горячаго энтузіазма, съ какими выступали новые люди шестидесятыхъ годовъ на проповѣдь своихъ новыхъ нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ.

Чтобы судить о томъ тѣсномъ соотвѣтствіи, какое существуетъ между новыми нравственными идеалами шестидесятыхъ годовъ и бытомъ той среды, изъ которой эти идеалы вышли, стоитъ только принять во вниманіе тѣ два совершенно различныя отношенія къ этимъ идеаламъ, какія мы видимъ въ различныхъ людяхъ шестидесятыхъ годовъ. Для однихъ идеалы эти являлись чѣмъ-то совершенно новымъ, стояли совершенно въ разрѣзъ со всѣми ихъ прежними понятіями, нравами, привычками и перевертывали всю ихъ жизнь. Для юнаго питомца какого-нибудь лицея или училища правовѣдѣнія было безспорно радикальнымъ переворотомъ въ жизни перестать франтить и, вслѣдствіе того, преградить себѣ до-

ступъ въ сферы большаго свѣта, разстроить нѣсколько хорошихъ связей, потерять возможность выгодно и быстро составить карьеру, вооружить противъ себя родныхъ, замѣнить упорнымъ трудомъ привычку къ свѣтской разсѣянности и строго воздержанностью и бережливостью—наклонность къ мотовству и разнузданности страстей. Между тѣмъ, тѣ-же самые идеалы ровно ничего новаго не вносили въ жизнь бѣдняка: они только подчеркивали его привычки, осмысливали его стремленія, развивали до разумной сознательности зародыши различныхъ симпатій и антипатій его. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ измѣнялп филиппики противъ изнѣженности, праздности, роскоши, фатовства и прочаго жизнь бѣднаго честнаго труженика, гнѣздящагося гдѣ-нибудь на чердачкѣ и ходящаго въ подбитой воздухомъ шинелькѣ въ трескучіе морозы и что̀ удивительнаго могло быть для дѣвушки, питающейся какимъ-нибудь ремесломъ, въ новой идеѣ о необходимости самостоятельнаго женскаго труда.

Вслѣдствіе этого, наиболѣе чистые, вѣрные, кровные, если можно такъ выразиться, представители новыхъ идеаловъ выходили, по преимуществу, изъ бѣдныхъ слоевъ общества. Что-же касается иныхъ слоевъ, то, вслѣдствіе трудности переворота, радикально измѣняющаго жизнь и нравы людей этихъ слоевъ, только весьма немногіе, наиболѣе сильные и богато одаренные люди могли глубоко проникаться новыми идеалами и послѣдовательно проводить ихъ въ жизни. Большинство послѣдователей новыхъ идеаловъ изъ привилегированныхъ слоевъ, явились только дилетантами этихъ идеаловъ, принимали одну внѣшность ихъ, доводили ее часто дѣйствительно до смѣшныхъ крайностей и нелѣпостей, и, между тѣмъ, какъ языки ихъ болтали фразы въ новомъ духѣ, въ жизни ихъ сохранялись все тѣ-же старые нравы и привычки, унаслѣдованные отъ отцевъ и дѣдовъ.

Къ сожалѣнію, литература до сихъ поръ еще недостаточно разграничила эти два отношенія къ новымъ идеаламъ: съ одной стороны, простыя естественныя отношенія людей, приготовленныхъ самою жизнію къ ихъ осуществленію, съ другой — искусственное, натянутое, ходульное отношеніе къ нимъ людей, не имѣющихъ съ этими идеалами ничего общаго, какъ по складу своей жизни, такъ и по всѣмъ своимъ наслѣдственно-укоренившимся привычкамъ, симпатіямъ и антипатіямъ. Между тѣмъ, въ продолженіе всего движенія шестидесятыхъ годовъ и до нашего времени проходятъ въ жизни эти два отношенія, дѣлящіе представителей новыхъ

идеаловъ на два типа, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга. Въ послѣдовавшую эпоху новой реакціи, реакціонная литература въ своихъ пресловутыхъ нападкахъ на новыхъ людей, или представляла ихъ въ самомъ нелѣпомъ карикатурномъ видѣ, или-же брала черты втораго типа, выводя на сцену различныхъ диллетантовъ и фразеровъ. Что-же касается литературы, стоявшей на сторонѣ новыхъ идеаловъ, то она, въ оппозицію реакціонной литературѣ, начала представлять, въ свою очередь, не дѣйствительныхъ, реальныхъ новыхъ людей того или другаго типа, а какія-то невозможно-идеальныя совершенства, соединяющія въ себѣ букеты самыхъ возвышенныхъ добродѣтелей. Подобнаго рода свѣтозарные герои явились передъ публикой, конечно, не простыми естественными продуктами своей среды, а дѣйствительно чѣмъ-то новымъ, небывалымъ, словно свалившимся вдругъ съ неба.

Между тѣмъ, какъ литература сошла такимъ образомъ съ почвы безпристрастнаго анализа дѣйствительности, жизнь, вѣрная своимъ законамъ, своему пути, не замедлила выставить впереди умственнаго движенія эпохи нѣсколько представителей новаго идеала во всей ихъ безъискусственной простотѣ и естественности. Къ числу такихъ представителей принадлежитъ, между прочимъ, Николай Александровичъ Добролюбовъ. Личность Добролюбова должна играть одну изъ главныхъ ролей въ исторіи развитія нашего общества, не только какъ перваго вполнѣ реальнаго критика и публициста, не только какъ даровитаго проповѣдника новыхъ идей, наложившаго печать своего живаго слова на цѣлую эпоху; въ то-же время личность эта замѣчательна, какъ человѣкъ, какъ типъ, вполнѣ цѣльный, опредѣленный и могущій служить однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей той новой среды, которая выступила на поприще умственнаго движенія. Среда эта и прежде выпускала изъ себя порой талантливыхъ людей, становившихся во главѣ вѣка, каковы были: Ломоносовъ, Полевой, Бѣлинскій; но всѣ они, дѣйствуя среди чуждой имъ среды, невольно подчинялись давленію ея духа, увлекались болѣе или менѣе ея идеалами, ея принципами. Въ лицѣ-же Добролюбова среда эта впервые выступила сама собою и смѣло выставила свои собственные идеалы и принципы въ разрѣзъ со всѣми прежними идеалами и принципами, выставила ихъ не только въ словѣ, но и въ самой жизни. Слово и жизнь такъ нераздѣльны въ личности Добролюбова, что говорить о его словѣ, не говоря о его жизни — невозможно. Не опредѣливши его, какъ типъ своего времени и своей среды, вы

не въ состояніи будете получить яснаго понятія о значеніи его сочиненій.

Еще болѣе поучительнымъ должно представиться намъ знакомство съ жизнью Добролюбова вслѣдствіе того, что, давая намъ понятіе о естественномъ и чистомъ представителѣ новыхъ идеаловъ, знакомство это должно разрушить множество иллюзій. Подъ впечатлѣніемъ, съ одной стороны, массы обезъянъ, диллетантовъ и фразеровъ прогресса, съ другой — подъ обаяніемъ реакціонной литературы, выставлявшей этихъ господъ въ видѣ дѣйствительныхъ представителей новыхъ людей, публика наша до такой степени получила ложныя, искаженныя понятія о новыхъ людяхъ, что когда появились въ печати „Отцы и дѣти“ г. Тургенева, она готова была повѣрить нелѣпому слуху, ходившему въ то время, что будто г. Тургеневъ своего Базарова срисовалъ съ Добролюбова. Базаровъ и Добролюбовъ! Это совершенно все равно, что сказать, будто Грибоѣдовъ срисовалъ Репетилова съ Чадаева или Лермонтовъ въ Грушницкомъ изобразилъ Бѣлинскаго!

Николай Александровичъ Добролюбовъ родился въ Нижнемъ Новгородѣ 24-го января 1836 года. Отецъ его, Александръ Ивановичъ, былъ священникъ нижегородской Никольской церкви.

Такимъ образомъ, родители его принадлежали, по своему положенію и состоянію, вполнѣ къ среднему кругу непривиллегированной среды—то-есть, были далеки какъ отъ безпомощной нищеты мелкаго мѣщанства, такъ и отъ избытка купеческаго круга. Это именно такой центръ пролетаріала, который повсюду и во всѣ времена былъ самою плодотворною почвой для произведенія сознательныхъ друзей народа и борцовъ за его интересы, основателей религіозныхъ сектъ, проповѣдниковъ новыхъ общественныхъ идей, изобрѣтателей и проч. Человѣкъ, воспитанный этою средой, обыкновенно привыкаетъ съ младенчества къ простой и незатѣйливой обстановкѣ; жизнь не изнѣживаетъ его, но въ то-же время и не на столько бѣдна эта обстановка, чтобы въ немъ загрубѣли всѣ чувства и исчезли всякія потребности къ улучшенію своего быта. Съ самаго дѣтства человѣкъ этотъ чувствуетъ и на себѣ и на родныхъ всю тяжесть борьбы за существованіе, всю унизительность печальной зависимости каждаго шага жизни отъ грубаго произвола: жизнь, такимъ образомъ, рано начинаетъ открываться ему съ изнанки и онъ привыкаетъ обращать все свое вниманіе на мрачныя стороны ея. Но въ то-же время тяжесть всего этого гнета не на столько, все-таки, сильна въ этой средѣ, чтобы оконча-

тельно обезличить и убить человѣка, загородивши ему всякую дорогу къ исходу изъ его положенія: напротивъ того, какъ ни бѣдны средства этой среды и какъ ни тяжело они достаются, все таки, ихъ хватаетъ на столько, чтобы давать дѣтямъ образованіе. И такъ какъ въ образованіи представляется для этой среды единственный выходъ изъ гнетущихъ обстоятельствъ, то понятно, что мало-мальски талантливый человѣкъ всѣми силами души пристрастится къ книгамъ. Въ книгахъ онъ ищетъ не однихъ только умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, но и чисто практическихъ, матеріальныхъ: книга не только должна научить его, образовать, но освободить и даровать лишній кусокъ хлѣба. Наконецъ, нужно обратить вниманіе и на то, что центральное положеніе этой среды между богатствомъ и нищетой, привиллегированными и низшими классами общества представляетъ ту выгоду, что человѣкъ, находясь въ такомъ центрѣ, имѣетъ сношенія съ различными слоями общества, пріучается изучать эти слои, сравнивая ихъ другъ съ другомъ и усвоиваетъ, такимъ образомъ, вполнѣ опредѣленныя и реальныя понятія объ ихъ отношеніяхъ одинъ къ другому.

Дѣтство свое Добролюбовъ провелъ такъ-же монотонно и однообразно, какъ проводятъ его всѣ дѣти изъ его среды. Первою воспитательницей его была мать его, Зинаида Васильевна, женщина, по общимъ отзывамъ, умная и прекрасная, и Добролюбовъ тѣмъ болѣе былъ привязанъ къ ней, что дѣлилъ съ нею всѣ мелкія домашнія невзгоды, какія столь часты въ семействахъ средняго круга, гдѣ глава дома, занятый съ утра до вечера различными трудами и заботами, приходитъ домой поздно, усталый, угрюмый и нерѣдко на своихъ домочадцахъ вымѣщаетъ тѣ непріятности, какія въ теченіе дня ему пришлось испытать при исполненіи своихъ обязанностей; гдѣ ежедневно и ежечасно всплываютъ всякія мелкія дрязги, заботы и черныя мысли о нерадостномъ настоящемъ и темномъ будущемъ; гдѣ на каждомъ шагу ждетъ то какое-нибудь униженіе, то какое-нибудь лишеніе. Чтобы вполнѣ очертить мрачный фонъ дѣтства Добролюбова, стоитъ только выписать изъ дневника его одинъ день, описанный съ весьма характеристическими подробностями, бросающими яркій свѣтъ на все дѣтство Добролюбова и всю обстановку его родительскаго крова, и тѣмъ болѣе, что день этотъ новогодный, въ который домашняя обстановка въ каждомъ семействѣ принимаетъ наиболѣе парадный и праздничный видъ.

1-го января 1852 г.

„Вотъ и еще одинъ годъ „юркнулъ въ вѣчность!“. И еще годъ прошелъ, и еще годомъ сократилась жизнь моя. Грустно встрѣтилъ я этотъ годъ, котораго ждалъ я, можно сказать, съ нетерпѣніемъ. Много я надѣялся на него и отъ него... Но вотъ пришелъ онъ, и при самомъ вступленіи его, надежды мои разсыпаются прахомъ. Грустно, невесело!.. Тяжелый день провелъ я нынѣ. Теперь (12-й часъ вечера) на дворѣ бушуетъ вѣтеръ, злится буря, свиститъ и воетъ, и бурлитъ, и это довольно близко къ состоянію души моей. Я не сдѣлалъ нынѣ ничего добраго и полезнаго. Встрѣчая новый годъ, не хотѣлъ я спать всю ночь, но въ два часа „легъ полежать“—не больше—и задремалъ и уснулъ... А свѣча осталась на столѣ не погашенная, а книга лежала раскрытая. Къ счастію, огарокъ былъ не великъ и, вѣроятно, скоро догорѣлъ и погасъ самъ собой. Впрочемъ, можетъ быть, погасила и нянл. Я не говорилъ объ этомъ ни слова, но цѣлое утро былъ въ какомъ-то смущеніи. Надѣлалъ-было я дѣла—подумалъ я, проснувшись, и прямо бросился въ другую комнату къ столу, свѣчѣ и книгѣ, и нашедъ все въ цѣлости, не мало былъ удивленъ и еще болѣе обрадованъ... Потомъ я поздно пришелъ къ обѣднѣ, простоялъ у порога, сконфузился при исполненіи нелѣпой фантазіи, пришедшей мнѣ въ голову — поздравить въ церкви А. Н. Ник..., *которая мнѣ только кивнула на мое привѣтствіе*, и ушелъ, не достоявъ молебенъ. Потомъ вздумалось мнѣ идти поздравить мою крестную—Л. В. П.; я пошелъ, *встрѣтилъ сухой пріемъ*, проскучалъ лишніе полчаса въ жизни, *былъ раздосадованъ невниманіемъ къ себѣ*, получилъ порученіе, которое потомъ позабылъ исполнить, и не знаю еще, какъ отдѣлаюсь!.. Дома оскорбилъ маменьку, но вскорѣ помирился. Въ половинѣ шестаго пошелъ къ одному изъ товарищей, хорошему знакомому В. В. Л..., просидѣлъ тамъ часа два ни скучно, ни весело, хотя смѣялся очень много... Оттуда мнѣ чрезвычайно хотѣлось, необыкновенно хотѣлось побывать у постояльцевъ нашихъ Щ... и поиграть тамъ съ ихъ прекрасными дѣтьми... особенно одна... Тамъ было бы такъ весело!.. Все это думалъ я дорогой; но дома ждало меня достойное заключеніе этого дня... Нужно было случиться, чтобы у насъ въ этотъ день сбѣжала со двора наша корова... Папенька и такъ нынѣ былъ довольно въ худомъ расположеніи духа, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ; но когда сказали ему объ этомъ, онъ окончательно растерялся, и пришедши домой, я засталъ его въ крайне мрачномъ

расположенін, особенно потому, что это случилось въ новый годъ, и слѣдовательно, предвѣщало несчастія въ будущемъ — предразсудокъ, оказавшій, однако, сильное вліяніе на папашу. Къ вящшему несчастію, мамаша съ старшею моею сестрой уѣхали къ А. И. Н. на вечеръ, папаша былъ одинъ, и я долженъ былъ подвергнуться непріятностямъ. Сначала папаша пожалѣлъ о коровѣ, побранилъ заочно работницу — за дѣло! — и принялся писать свои дѣла... Я думалъ, что ждать мнѣ больше нѣчего, взялъ свѣчу и пошелъ къ себѣ въ комнату. Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что еслибы я мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, еслибы у меня хотя немного было мозгу въ головѣ, то я занялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ его безъ вниманія, будто мнѣ все равно, хоть все гори, все распропади... Послѣ этого нѣчего было ждать ласковаго слова. Я-таки испугался предстоящей сцены, и поскорѣе, по приказанію папаши, сошелъ въ кухню и расспросилъ кухарку объ успѣхахъ ея поисковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности донесъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить, и вдругъ, Богъ-вѣсть какъ, разговоръ перешелъ ко мнѣ, и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь и не припомню въ подробностяхъ. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: „Ты негодяй; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца, мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты дуракъ, изъ тебя толку немного выйдетъ; ты ученъ, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучите; когда-нибудь вспомните, что я говорилъ, да будетъ поздно. Можетъ, я не долго ужь проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и непріятностей поневолѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ этакъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ я не найду отрады, весь свѣтъ — подлецъ; всѣ твои науки никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньгу; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги — охъ! трудно достаются; надо умѣть; да и умѣть пріобрѣтать ихъ; какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ!.. Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; хило-гнило, хило-гнило; немного въ тебѣ мозгу, а еще умнымъ считаешься“. Все это, на разныя манеры повторяемое, я слушалъ отъ 8-ми до 11-ти часовъ — ровно

три часа... Каково это вынести? *Не въ первый и не въ послѣдній разъ слышалъ я эти упреки*, но нынѣ они особенно были тяжелы для меня. Они продолжались три часа; произносились не съ сердцемъ, не въ гнѣвѣ, но очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тонѣ. Я не видѣлъ никакого повода къ такому обороту разговора, хотя бо̀льшею частью и сознавалъ относительную справедливость высказываемыхъ замѣчаній. Но все это ничего бы: особенно поразили меня упреки въ нелюбви, нерадѣніи къ отцу, пророческія слова о томъ, что изъ меня ничего не выйдетъ; всего-же болѣе эти жалобы на свои труды и безпокойства, на то, что не долго ему остается жить. Чуть не плачу и теперь, припоминая это. Однако, мнѣ не хочется вѣрить, и я не смѣю вѣрить этимъ словамъ. Но когда папаша говорилъ, я не смѣлъ, я не могъ произнести ни одного слова, если онъ самъ не спрашивалъ меня: „такъ-ли?“ на что я отвѣчалъ только: такъ-съ... Я бы нашелся, что сказать, но у меня недоставало духу говорить... Не понимаю, что̀ это такое. А папашѣ это, видимо, непріятно... Но что̀-же дѣлать? Не такъ, не такъ надо со мною говорить и обращаться, чтобы достигнуть того, чего ему хочется. Нужно прежде разрушить эту робость, побѣдить это чувство приличія передъ роднымъ отцомъ, будто съ чужимъ, смирить эту недовѣрчивость, и тогда уже явится эта младенческая искренность и простота... Впрочемъ, что винить папашу?—я виноватъ, одинъ я причиной этого. Должно быть, я гордъ, и изъ этого источника происходитъ весь мой гадкій характеръ. Это, впрочемъ, кажется, у насъ наслѣдственное качество, хотя въ довольно благородномъ значеніи... Однако, чудный денекъ! Всѣ такъ встрѣчаютъ новый годъ? Не правда-ли?.. Можно повеселиться!..“

Итакъ, вотъ вамъ вся грустная картина дѣтства Добролюбова: провинціальная скука внѣ дома, разсѣеваемая изрѣдка какимъ-нибудь часикомъ молодаго хохота съ товарищемъ, оскорбительное невниманіе и небрежность въ обращеніи со стороны губернскихъ шутихъ, едва удостоивавшихъ ничтожнаго и неловкаго семинариста величественнаго кивка головой или сухаго пріема, а дома ежеминутныя ожиданія какой-нибудь бури, невыносимыхъ попрековъ и унизительныхъ порицаній... Робкое безмолвіе передъ гнѣвомъ отца и мучительное чувство отчужденности отъ него. Только однѣ ласки матери хоть сколько-нибудь скрашивали эту жизнь. Послѣ этого всего понятна становится та страстная привязанность Добролюбова къ матери своей, которая такъ естественна и по-

нятна въ семействахъ съ такимъ строемъ жизни: это не та холодная, отвлеченная любовь къ матери, которую вы часто можете встрѣтить среди роскошной обстановки, такъ-называемое чувство сыновняго долга, внушаемое обыкновенно малюткѣ гувернанткой на французскомъ языкѣ; это привязанность къ другу и хранителю дѣтства, къ товарищу страданій и невзгодъ.

„Отъ нея — писалъ Добролюбовъ въ 1854 году послѣ ея смерти — получилъ я свои лучшія качества, съ ней сроднился я съ первыхъ дней моего дѣтства; къ ней летѣло мое сердце, гдѣ бы я ни былъ, для нея было все, все, что я ни дѣлалъ. Она понимала эту любовь; но я не успѣлъ показать ее на дѣлѣ, не успѣлъ осуществить то, чѣмъ хотѣлъ ее радовать... Мало радостныхъ минутъ доставилъ я ей. Я былъ слишкомъ гордъ, я не хотѣлъ прежде времени высказывать даже ей, моей дорогой, своихъ гордыхъ плановъ и надеждъ, думалъ, что будетъ время—на дѣлѣ увидитъ она, какого сына имѣетъ и сколько онъ любитъ ее... Не случилось такъ!.. И почему-же не вѣрить мнѣ, что она смотритъ на меня съ высоты небесъ, радуется... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ — если это правда, если она видитъ меня, мою тоску, мои терзанья, мои сомнѣнья, она умолитъ Бога, чтобы онъ послалъ ее вразумить бѣднаго, жалкаго сына. Иначе ей будетъ рай не въ рай, если только она не разлюбила меня. Мать моя! Милая, дорогая моя! Я всего лишился въ тебѣ! Видишь, я плачу... Мнѣ тяжело, мнѣ горько! Помолись за меня, чтобы Богъ остановилъ меня на краю гибели!.. Вѣдь ты чистая праведница, и Богъ услышитъ тебя. Явись мнѣ, утѣшь меня... Дай мнѣ вѣру, надежду... Съ надеждой можно жить въ мірѣ... Неужели-же разстояніе между нами такъ непроходимо, что и материнское сердце не услышитъ мольбы страдающаго сына? Или я въ самомъ дѣлѣ долженъ думать, что ты не существуешь болѣе, и что я тоже машина... Но зачѣмъ-же эта странная тоска, эта грусть, эти сомнѣнія? Мать моя! Вѣрю, что ты любишь меня... Вразуми и научи безпомощнаго! Заставь меня вѣрить и утѣшаться будущимъ!.. Мое положеніе такъ горько, такъ страшно, такъ отчаянно, что теперь ничто на землѣ не утѣшитъ меня. Самая сильная радость обратится у меня въ печаль, самая громкая слава, огромное богатство, всевозможные успѣхи только заставятъ содрогнуться мое сердце при одной мысли — что, еслибы это знала мамаша — какъ бы мы съ нею порадовались!.. И эта мысль тяжко, громаднымъ камнемъ падетъ

мнѣ на сердце, и не будетъ мнѣ счастья въ счастьи одинокаго эгоизма...“

Не правда-ли, какъ напоминаетъ это страстное, нѣжное обращеніе Добролюбова къ умершей матери тѣ пресловутыя фразы въ родѣ: *умерла старина, откланялась*, или, еще лучше, *подохла*, которыми современные наши беллетристы характеризуютъ небрежное и циническое отношеніе людей молодаго поколѣнія къ своимъ престарѣлымъ родителямъ!.. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, похожъ Добролюбовъ на Базарова, снисходительно треплющаго своего отца по плечамъ...

Матери былъ обязанъ Добролюбовъ началомъ своего умственнаго развитія. Уже трехъ лѣтъ, со словъ матери своей, онъ заучилъ нѣсколько басень Крылова и прекрасно произносилъ ихъ передъ домашними и чужими... Мать-же выучила его и читать, да, кажется, и писать азбуку. Когда ему стало 8 лѣтъ, то приглашенъ былъ въ учители для него кончившій курсъ семинаріи — Садовскій; но этотъ послѣдній занимался не болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому что поступилъ самъ въ священники. Тогда приглашенъ былъ къ нему Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ, семинаристъ философскаго класса, впослѣдствіи зять его, мужъ старшей сестры, который приготавливалъ мальчика въ продолженіи 3-хъ лѣтъ!

„Поступивъ къ нему въ учителя — говоритъ Костровъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Добролюбовѣ — я старался, во-первыхъ, заохотить его къ ученію, чтобы „*учиться*“ обратилось для него въ главную и насущную потребность; а во-вторыхъ, доводить его до яснаго, по возможности полнаго и отчетливаго понятія о каждомъ предметѣ, не слишкомъ заботясь о буквальномъ заучиваніи имъ уроковъ (конечно, при обученіи латинскому и греческому языкамъ приходилось ограничиваться только, впрочемъ, совершенно достаточнымъ, знаніемъ всякихъ правилъ грамматическихъ и синтаксическихъ). Покойная мать его не разъ тутъ замѣчала, что изъ нашей классной комнаты почти только и слышно: „почему“, „отчего“, да „какъ“ и т. д. Отецъ его, видя, что сынъ его, при своей отличной воспріимчивости, при усердіи и любознательности, оказывалъ отличные успѣхи, и что вообще наше ученіе идетъ въ порядкѣ, не мѣшалъ намъ, и свободно предавался своимъ служебнымъ и хозяйственнымъ занятіямъ—только иногда навѣдывался о его успѣхахъ и давалъ ему тѣ или другіе вопросы по тому или другому предмету“.

Одиннадцати лѣтъ, Добролюбовъ былъ отданъ въ духовное училище, и черезъ годъ успѣлъ уже попасть въ четвертый, послѣдній классъ этого училища. Въ училищѣ онъ съ перваго-же года обратилъ на себя вниманіе какъ учителей, такъ и товарищей. Робкій, застѣнчивый мальчикъ нѣжной, барской наружности съ мягкими руками, въ то-же время, онъ поразилъ всѣхъ бойкостью и находчивостью отвѣтовъ и начитанностью, необыкновенною для 12-ти-лѣтняго ребенка. „Пытались объяснить успѣхъ Добролюбова — говоритъ въ воспоминаніяхъ о немъ товарищъ его, М. Е. Лебедевъ — постороннею помощью, но скоро разубѣдились. Когда учитель заставлялъ въ классѣ учениковъ фразировать по-латынѣ русскія предложенія и разсказывать по-латынѣ своими словами изъ „Корнелія Непота“ и „Латинской христоматіи“, то Добролюбовъ постоянно отличался при всѣхъ. Наконецъ, и собственные опыты подражателей его увѣрили, что это довольно возможно и безъ посторонней помощи. Съ такимъ-же успѣхомъ Добролюбовъ занимался священною исторіей, географіей, ариѳметикой и другими науками, занялъ повсюду 4-й № въ спискахъ, а въ 1848 году перешелъ во 2-е отдѣленіе словесности (низшее отдѣленіе семинаріи, по множеству воспитанниковъ дѣлившееся на два параллельныя отдѣленія). Въ семинаріи, съ теченіемъ времени, Добролюбовъ погружается въ ученыя занятія. Отъ товарищей держится такъ-же далеко, хотя принимаетъ къ себѣ всѣхъ, кому угодно его посѣтить. Но все свободное отъ посѣщеній время занятъ книгами. Онъ читалъ русскихъ авторовъ, ученыя сочиненія, журналы и дома, и въ классахъ. Въ его упражненіяхъ по классу реторики и піитики постоянно было видно знакомство съ лучшими русскими литераторами, что и выставлялось на видъ учителемъ словесности. Въ немногихъ упражненіяхъ, какія были по исторіи всеобщей, была видна та-же начитанность. Его возраженія, напримѣръ, по математикѣ профессору-монаху, по исторіи противъ учебника Кайданова были выслушиваемы учениками съ участіемъ, которое возростало, когда профессоръ не рѣшалъ возраженій, а запиналъ ихъ своимъ авторитетомъ, невозможностью распространяться по причинѣ недосуга и другими уловками. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи Добролюбовъ поражалъ громадными сочиненіями по философскимъ тэмамъ, особенно объ ученіи отцовъ церкви, отчасти изъ русской церковной исторіи...“

Сочиненія эти дѣйствительно были колоссальны по своему объ-

ему для ученика семинаріи — въ 30, 40, 100 листовъ (конечно, писчихъ), и недаромъ Добролюбовъ въ глазахъ отца былъ литераторомъ уже на семинарской скамейкѣ. Впрочемъ, кромѣ этихъ классныхъ сочиненій, въ Добролюбовѣ рано, еще на 14-мъ году, обнаружилась страсть къ авторству, конечно, въ видѣ писанія стиховъ, при чемъ онъ, между прочимъ, переводилъ Горація. Въ 1850 году онъ даже рѣшился послать въ „Москвитянинъ“ письмо, прося у редакціи 100 руб. и обѣщая за нихъ прислать 40 стихотвореній. А въ 1852 году онъ послалъ въ редакцію „Сына Отечества“ 12 стихотвореній подъ псевдонимомъ Владиміра Ленскаго.

Что касается до внутренняго развитія Добролюбова, то оно шло своимъ путемъ, переходя тѣ-же неизбѣжные періоды, какіе мы видимъ въ развитіи каждаго человѣка и общества — періодъ дѣтской непосредственности, періодъ романтизма и симпатій и, наконецъ, періодъ реализма. Разница между Добролюбовымъ съ его сверстниками и людьми предшествовавшей эпохи заключалась только въ томъ, что тѣ-же самые періоды, которые люди сороковыхъ годовъ переживали въ продолженіи цѣлой своей жизни, останавливаясь часто на второмъ и даже на первомъ, люди молодаго поколѣнія успѣвали переживать въ продолженіи первой юности, такъ что въ 20 лѣтъ являлись часто вполнѣ уже на реальной почвѣ.

Выходъ изъ дѣтской непосредственности выразился у Добролюбова, какъ у многихъ натуръ глубокихъ, сильныхъ и сосредоточенныхъ въ себѣ, въ видѣ суроваго, самобичующаго аскетизма. Аскетизмъ, начиная съ среднихъ вѣковъ и до нашего времени, является нерѣдко первою формой мысли пробужденной и дошедшей до сознанія. Естественно, что идеи и вѣрованія, которыя безсознательно бродятъ въ головѣ нашей, внушаемыя съ самаго ранняго дѣтства, при первомъ возбужденіи мысли вдругъ пробуждаются, складываются въ стройную систему, представляются чѣмъ-то новымъ, какъ будто и прежде ихъ не было у насъ въ головѣ. Тогда люди поверхностные, разсѣянная жизнь которыхъ разнообразна внѣшними впечатлѣніями, ограничиваются обыкновенно рѣдкими минутами благочестивыхъ размышленій, послѣ которыхъ съ спокойною совѣстью вступаютъ въ обыденную рутину жизни, не имѣющей ничего общаго съ этими размышленіями; люди съ пламеннымъ воображеніемъ бросаются въ туманный и таинственный мистицизмъ; люди-же, привыкшіе сосредоточиваться въ

себѣ и слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ и помышленіемъ, вслѣдствіе однообразія своей жизни, подавленности и ряда несчастій, или-же по особенному складу глубокой, строго-логической и послѣдовательной натуры, начинаютъ стремиться согласовать съ своими идеями каждый шагъ жизни, что и ведетъ ихъ, по характеру идей, къ аскетизму. Поэтому, аскетизмъ чаще всего встрѣчается въ жизни, какъ первая фаза развитія, съ одной стороны, у людей геніальныхъ, съ другой — у людей несчастныхъ и подавленныхъ, и вслѣдствіе послѣдней причины въ низшихъ слояхъ общества.

Во время самаго большого разгара своего аскетизма, Добролюбовъ, въ дневникѣ своемъ, ежедневно велъ списокъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній съ благочестивыми укоризнами себя и оканчивая эти списки словами: „Господи! Спаси мя, не остави мене погибающа!“ Вотъ образчикъ подобнаго рода самобичеваній:

7-го марта 1853 года, 1-й часъ пополудни.

„Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ тайнъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собою. Не знаю, будетъ-ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но, по крайней мѣрѣ, прошу Бога моего, чтобы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое. Боже мой! Какъ мало еще прошло времени и какъ уже много лежитъ на моей совѣсти! Вчера, во время исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это, не покаялся; кромѣ того, я сказалъ не всѣ грѣхи, и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому, что не рѣшился сказать духовнику, что еще рано разрѣшать меня, что я еще не все сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня; но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ, затѣмъ, человѣкоугодіе и, хотя легкій, смѣхъ съ товарищами присоединился къ этому. Потомъ суетныя помышленія славолюбія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣность къ богослуженію, осужденіе другихъ — увеличили число грѣховъ моихъ и т. д. и т. д.“.

Но подобнаго рода аскетизмъ не былъ, впрочемъ, исключительнымъ и всеобъемлющимъ явленіемъ въ психической жизни юноши. Съ одной стороны, разнообразное чтеніе, съ другой — жизнь постоянно возбуждали въ немъ разнообразныя впечатлѣнія и вле-

ченія. Такъ, въ одно время съ вышеозначенными самобичеваніями, Добролюбовъ, по собственнымъ словамъ своимъ, „хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій“. Въ то-же время, читая списки грѣховъ, вы видите въ числѣ ихъ первые проблески тревожныхъ сомнѣній, которыя все болѣе и болѣе начинаютъ овладѣвать юношей и тщетно онъ гонитъ ихъ отъ себя... Это уже начало втораго періода — сомнѣній, рефлексій и романтическихъ порываній. Въ этотъ періодъ съ презрѣніемъ и ненавистью начинаетъ смотрѣть юноша на всю окружавшую его пошлость губернской жизни. „Все пошло, глупо, мелко — восклицаетъ онъ въ своемъ дневникѣ — ничто не удовлетворяетъ порывовъ высокаго ума, глубоко чувствующаго сердца...“

Въ то-же время онъ мечтаетъ объ университетѣ, о литературной славѣ, и питаетъ глубокую, страстную привязанность къ пріѣхавшему, въ 1851 году, изъ Петербурга учителю нѣмецкаго языка Ивану Максимовичу Сладкопѣвцеву. Привязанность эта, хотя и основанная, повидимому, на реальныхъ основаніяхъ, то-есть, на благотворномъ вліяніи Сладкопѣвцева на развитіе юноши, тѣмъ не менѣе носила чисто романтическій характеръ, соединяясь съ тою безотчетною влюбчивостью, какую нерѣдко испытываютъ 17-ти-лѣтніе мальчики. Такъ, Добролюбовъ, еще не видя Сладкопѣвцева, успѣлъ уже влюбиться въ него заочно, по однимъ слухамъ, распространивши свое обожаніе даже на внѣшность предмета любви:

„Смутно я постигалъ что-то прекрасное — говоритъ онъ въ письмѣ къ Сладкопѣвцеву — въ этомъ соединеніи понятія: брюнетъ, изъ петербургской академіи, молодой, благородный и умный... Не говоря уже о умѣ и благородствѣ, надо замѣтить, что я особенно люблю брюнетовъ, чрезвычайно уважаю петербургскую академію и молодыхъ профессоровъ предпочитаю старымъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда увижу васъ, и во все это время я чувствовалъ что-то особенное... Чего ищешь, то обыкновенно скоро находишь; на слѣдующій-же день я съ полчаса прогуливался по нижнему корридору, и дождался-таки васъ. Правду сказать, при моей близорукости, я не могъ хорошо разсмотрѣть вашей физіономіи; но и одинъ бѣглый взглядъ на васъ достаточенъ былъ, чтобы произвести во мнѣ самое выгодное впечатлѣніе. Я люблю эти гордыя, энергическія физіономіи, въ которыхъ выражается столько отваги, ума и мужества. Признаюсь, я нѣ-

сколько ошибся тогда, признавши васъ существомъ гордымъ и недоступнымъ; но это было тогда полезно мнѣ тѣмъ, что я сталъ съ того времени считать васъ чѣмъ-то высшимъ, неприступнымъ, передъ чѣмъ я долженъ только благоговѣть и смиренно посматривать на слѣдъ, жалѣя, что не могу взглянуть прямо въ глаза".

Это благоговѣйное смотрѣніе въ слѣдъ продолжалось не дни, не недѣли, а мѣсяцы и, повидимому, около года... Въ продолженіи всего этого времени юноша обожалъ своего учителя издали, не смѣя и думать о томъ, чтобы сблизиться съ нимъ, издали онъ радовался и печалился, боялся и стоялъ горой за предметъ своего обожанія. Когда случай, наконецъ, свелъ его съ Сладкопѣвцевымъ, онъ шелъ къ нему съ тѣмъ трепетомъ, съ какимъ только ходятъ на первое свиданіе. Познакомившись со своимъ учителемъ, Добролюбовъ еще болѣе привязался къ нему.

„Что-то особенно привлекало меня къ нему — пишетъ онъ въ дневникѣ — возбуждало во мнѣ болѣе, нежели просто привязанность—какое-то благоговѣніе къ нему. При всей короткости нашихъ отношеній, я уважалъ его, какъ не уважалъ ни одного профессора, ни самого ректора или архіерея—словомъ, какъ ни уважалъ ни одного начальника. Ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не рѣшился бы я оскорбить его; просьбу его я считалъ для себя закономъ. Вздумалъ-бы онъ публично наказать меня, я послушался бы, перенесъ наказаніе, и мое расположеніе къ нему нисколько бы отъ того не уменьшилось... Какъ собака, я былъ привязанъ къ нему, и для него я готовъ былъ сдѣлать все, не разсуждая о послѣдствіяхъ и пр."

Но блаженный міръ золотыхъ мечтаній о славѣ, наукѣ, университетѣ и упоеніе безкорыстнаго дѣтскаго обожанія—все это вскорѣ было разрушено самымъ безжалостнымъ образомъ. Жизнь бѣдняка такъ ужь складывается, что не даетъ ему долго пребывать въ мірѣ романтическихъ иллюзій и скоро отрезвляетъ, возвращая его на землю и заставляя его почувствовать всю мизерность окружающей его дѣйствительности.

Первыя разсѣялись мечты объ университетѣ. Добролюбовъ долго не рѣшался заговорить съ отцомъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ; наконецъ, изъ косвенныхъ распросовъ онъ узналъ, что родителямъ его очень трудно, почти невозможно содержать его во время университетскаго курса... Тогда ему пришлось отложить въ сторону свои мечты и утѣшать себя, въ замѣнъ ихъ, тѣмъ, чтобы

выйти годомъ раньше изъ семинаріи и поступить въ петербургскую духовную академію. Мечты объ авторствѣ, въ свою очередь, начали колебаться. „Главнымъ образомъ — пишетъ онъ въ дневникѣ — соблазняетъ меня авторство, и если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію видѣть сѣверную Пальмиру, не по разсчетамъ на превосходство столичнаго образованія: это все на второмъ на планѣ, это только средство. На первомъ-же планѣ стоитъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. *Прежде я безотчетно увлекался этою мыслію, а теперь уже начинаю подумывать, что*

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ...

Надежда на журналистовъ для меня очень плоха, потому что, не доучившись годъ въ семинаріи, я въ академіи долженъ буду заниматься очень сильно, и времени празднаго у меня не будетъ, и, притомъ, я не знаю новыхъ языковъ, слѣдовательно, переводное дѣло уже не по моей части, а иначе какъ начать?“

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ потерпѣла жестокое испытаніе и привязанность Добролюбова къ учителю. Сладкопѣвцева перевели въ Тамбовъ — и эта утрата, разомъ освѣтивши всю бѣдность, монотонность и безпомощность жизни юноши, довела его до крайней степени отчаянья и ожесточенія.

„Боже мой! — пишетъ онъ въ дневникѣ — люди пристращаются къ красотамъ природы, къ картинамъ, статуямъ, деньгамъ и они не имѣютъ препятствій для наслажденія ими. Всѣ эти вещи могутъ принадлежать имъ, быть ихъ неотъемлемою собственностью, если только не принадлежатъ всѣмъ, что̀ также не мѣшаетъ всякому наслаждаться ими... Чѣмъ-же виноватъ я, что привязываюсь къ человѣку, превосходнѣйшему творенію Божію? Чѣмъ я несчастливъ, что моя душа не любитъ ничего въ мірѣ, кромѣ такой-же души? Ужели преступленіе то, что я инстинктивно отгадываю умъ, благородство, доброту человѣка и, отгадавши, всѣми силами души привязываюсь къ нему? И за что-же наказывать меня, за что отнимать у меня счастіе, когда оно такъ чисто, невинно и благородно? Сколько ни имѣй я привязанностей, всегда злая судьба умчитъ отъ меня далеко любимый предметъ, и въ душѣ—тоскливое воспоминаніе и горькое сознаніе своего отчаянія... Я рожденъ съ чрезвычайно симпатичнымъ сердцемъ: слезы сострадательности чаще всѣхъ, бывало, вытекали изъ глазъ моихъ. Я никогда не могъ жить безъ любви, безъ привязанности къ кому бы то ни

было. Это было такъ, что я себя не запомню. Но эта постоянная насмѣшка судьбы, по которой всѣ мои надежды и мечты обыкновенно разлетались прахомъ, постоянно сушитъ и охлаждаетъ мое сердце, и нѣтъ ничего мудренаго, что скоро оно будетъ твердо и холодно, какъ камень. Вотъ хоть бы и теперь—что вдругъ понадобилось Ивану Максимовичу въ Тамбовѣ? Чѣмъ ему нехорошо здѣсь? Что̀ за обстоятельства? А между тѣмъ, я страдаю, и еще какъ страдаю - тѣмъ болѣе, что мнѣ этого ни передъ кѣмъ нельзя высказать: всѣ станутъ смѣяться. Я бѣшусь только внутренно, и произношу тысячу проклятій, Но какія проклятія, какія слова выразятъ то, что я чувствую теперь въ глубинѣ души моей! Я пробовалъ всѣ энергическія восклицанія русскаго народа, которыми онъ выражаетъ свои сильныя ощущенія, но все, что я знаю — слабо, не выражаетъ... и я по-прежнему взволнованъ, и по-прежнему въ душѣ моей кипитъ и бурлитъ страшное безпокойство. Я теперь надѣлалъ бы чортъ-знаетъ что̀, весь міръ перевернулъ бы вверхъ дномъ, выцарапалъ бы глаза, откусилъ бы пальцы тому... который подписалъ увольненіе Ивана Максимовича. Но, увы! это ни къ чему не поведетъ, и мнѣ остается стараться смирить свои бѣшеные порывы...“

Всѣ эти разочарованія привели Добролюбова къ мучительному сознанію своего ничтожества передъ обстоятельствами, которыя какъ будто нарочно смѣялись надъ бѣднякомъ, разрушая въ прахъ его самыя завѣтныя мечты и вертя имъ по какому-то слѣпому произволу... Тяжелое уныніе и апатія были слѣдствіемъ этого сознанія. „Я совершенно опустился — пишетъ Добролюбовъ объ этомъ своемъ состояніи — ничего не дѣлалъ, не писалъ, мало даже читалъ... Что-то такое тяготило меня и, указывая на всю суету мірскую, говорило: къ чему? Что̀ тебя здѣсь ожидаетъ? Тебѣ суждено пройти незамѣченнымъ въ твоей жизни, и при первой попыткѣ выдвинуться изъ толпы, обстоятельства, какъ ничтожнаго червя, раздавятъ тебя... И ничего ты не сдѣлаешь, ничего не можешь ты сдѣлать, не смотря на всю твою самонадѣянность, и припомнился мнѣ жолчный стихъ Лермонтова:

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!..“

Это былъ кризисъ, послѣ котораго энергія воскресла съ новою силой и напряженностью, но это была уже не энергія романтическихъ мечтаній и безотчетныхъ порывовъ, а сознательной борьбы съ гнетущими обстоятельствами. Бѣднякъ впервые трезво взгля-

нулъ на свое положеніе и сознался, что даромъ ему ничего не дается, что достигнуть чего-нибудь онъ можетъ только усидчивымъ, кропотливымъ трудомъ, и въ немъ появились первые ростки новаго идеала — идеала положительнаго труженика, который, энергически стремясь къ возвышеннымъ цѣлямъ, не пренебрегаетъ, въ то-же время, матеріальными условіями жизни, сознаетъ ихъ неотразимость и старается принимать ихъ въ соображеніе при каждомъ своемъ шагѣ:

„Тогда я все собирался ѣхать въ университетъ — пишетъ онъ объ этой перемѣнѣ въ началѣ 1853 года — и между тѣмъ, ничего не дѣлалъ; нынче мои предположенія опредѣленнѣе, и я готовлюсь ихъ выполнить. Тогда мнѣ представлялось, что въ университетѣ лучше учиться, чѣмъ въ академіи. Но я считалъ тогда совершенно излишнимъ думать о томъ, что будетъ по окончаніи курса; теперь я подумалъ объ этомъ и нашелъ, что разница между тѣмъ и другимъ самая малая, а между тѣмъ, сберегается въ четыре года около 1,000 р. сер. — вещь немаловажная. Кромѣ того, замѣтно даже мнѣ самому (впрочемъ, это не диво: я люблю наблюдать надъ собою), что я сдѣлался гораздо серьёзнѣе, положительнѣе, чѣмъ прежде. Бывало, я хотѣлъ все исчислить, все понять и узнать; науки казались мнѣ лучше всего, и моей *страстью къ книгамъ* я хотѣлъ доказывать — для самого себя — безкорыстное служеніе и прирожденное призваніе къ наукѣ. Нынѣ я въ своихъ мечтахъ не забываю и деньги и, разсчитывая на славу, разсчитываю вмѣстѣ на барыши, хотя еще не могу отказаться отъ плана — употребить ихъ, опять-таки, для пріобрѣтенія новой славы. Страсть мою къ книгамъ я не называю нынче влеченіемъ къ наукѣ, а настоящимъ ея именемъ, и вижу въ ней только признакъ того, что я большой библіофилъ, потому что я люблю книги, какого бы рода онѣ ни были, и сгораю желаніемъ, увидя книгу, не узнать то, что въ ней написано, но только узнать, что это за книга, какова и проч. Самому чтенію какой бы то ни было книги я, бо̀льшею частью, предаюсь только для удовольствія сказать себѣ: читалъ то и то; эта, и другая, и третья, и десятая книга мнѣ извѣстны... Поэтому-то, я такъ люблю нынѣ читать журналы и преимущественно отдѣлъ библіографіи и журнальныя замѣтки. Недавно присоединилось сюда и другое побужденіе: я читаю иное для того, что это пригодится на пріемномъ экзаменѣ. Далѣе я пока не простираюсь. Литературныя цѣли мои достигаются пока только записываньемъ, списываньемъ и писаньемъ“.

Рядомъ со всѣмъ этимъ повліяло на Добролюбова и чтеніе беллетристовъ пятидесятыхъ годовъ. Какъ ни узокъ былъ кругъ ихъ художественныхъ образовъ, какъ ни мелки и жалки были ихъ положительные идеалы, какъ, наконецъ, ни отстало было ихъ міросозерцаніе, но, тѣмъ не менѣе, различные отголоски идей сороковыхъ годовъ постоянно отзывались въ ихъ произведеніяхъ. Въ то-же время они не переставали выставлять во всемъ безобразіи героевъ растлѣннаго эпикурепзма праздной жизни своей среды. Отвращеніе, возбуждаемое этими героями, было тѣмъ сильнѣе, что изображеніе ихъ носило совершенно субъективный характеръ. Писатели любили своихъ героевъ, выставляли ихъ нерѣдко, какъ лучшихъ представителей своей среды и, тѣмъ не менѣе, обнаруживали всю ихъ несостоятельность, рефлектируя и плача вмѣстѣ съ ними надъ несостоятельностью всей своей среды. Такими самоизгрызеніями беллетристы пятидесятыхъ годовъ сами внушали въ молодомъ поколѣніи то отвращеніе отъ всѣхъ прежнихъ идеаловъ, за которое они впослѣдствіи напали на это молодое поколѣніе... Такому вліянію беллетристовъ пятидесятыхъ годовъ подвергся и Добролюбовъ.

„Въ началѣ прошлаго года—пишетъ онъ все о томъ-же своемъ возрожденіи — я какъ-то все сбивался: хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій, а между тѣмъ, представлялся какимъ-то Вихляевымъ и особенно похожъ былъ на Шамилова. Изображеніе этого человѣка глубоко укололо мое самолюбіе, я устыдился, и если не тотчасъ принялся за дѣло, то, по крайней мѣрѣ, созналъ потребность труда, пересталъ заноситься въ высшія сферы, и мало-по-малу исправляюсь теперь. Конечно, много здѣсь подѣйствовало на меня и время, но не могу не сознать, что и чтеніе „Богатаго Женпха“ также способствовало этому. Оно пробудило и опредѣлило для меня давно спавшую во мнѣ и смутно понимаемую мною мысль о необходимости труда, и показало все безобразіе, пустоту и несчастіе Шамиловыхъ. Я отъ души поблагодарилъ Писемскаго. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ помогъ мнѣ, чтобъ я со временемъ лучше могъ поблагодарить его!?..“

Слѣдствіемъ подобнаго возрожденія энергіи и обращенія ея къ труду и положительнымъ цѣлямъ было то, что въ томъ-же году уже Добролюбовъ имѣлъ возможность выйти изъ семинаріи за два года до окончанія курса и, въ августѣ 1853 года, онъ отправился въ Петербургъ держать пріемный экзаменъ въ санктпетербург-

скую духовную академію. Но въ Петербургѣ онъ узналъ о возможности поступить въ педагогическій институтъ и поступилъ туда, такъ-какъ институтъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все-таки, ближе подходилъ къ университету во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ академія. Поступивши въ институтъ, на казенный, конечно, счетъ, Добролюбовъ избралъ, такъ-сказать, средній путь: удовлетворилъ, на сколько возможно, своимъ мечтамъ объ университетѣ и, въ то-же время, избавилъ своихъ родителей отъ необходимости содержать его.

По пріѣздѣ въ Петербургъ и по поступленіи въ институтъ, развитіе Добролюбова пошло еще, конечно, быстрѣе. Онъ весь углубился въ книги. „Онъ читалъ, читалъ всегда и вездѣ, по временамъ внося содержаніе прочитаннаго (хотя онъ и безъ того хорошо помнилъ) въ имѣвшуюся у него толстую въ алфавитномъ порядкѣ библіографическую тетрадь — говоритъ товарищъ Добролюбова, г. Радонежскій, въ своихъ воспоминаніяхъ объ институтскихъ годахъ Добролюбова — въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей, тетрадей, корректуръ, держа которыя въ первое время, онъ заработывалъ себѣ копейку, въ шкапу столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ, и полки въ шкапу ломились".

Это исключительное погруженіе въ міръ науки и идей отражалось, какъ въ письмахъ Добролюбова, такъ и во всѣхъ его отношеніяхъ къ людямъ. „Въ его первыхъ письмахъ изъ Петербурга – говоритъ г. Лебедевъ въ своихъ воспоминаніяхъ — выражалось совершенное невниманіе къ красотамъ столицы, полное хладнокровіе къ нимъ, которое онъ замѣтно старался передать и тѣмъ, кто требовалъ отъ него подробныхъ описаній. А какъ у семинаристовъ водится описывать всякій городъ, куда метнетъ ихъ судьба учиться, то молчаніе Добролюбова было очень непріятно для его товарищей. Нашлось довольно людей, которые, нисколько не сговариваясь между собой, прямо осудили его за то, что онъ корчитъ изъ себя ужь очень умнаго человѣка, на котораго, будто, не дѣйствуетъ никакая внѣшность. Упреки въ гордости, въ невнимательности къ товарищамъ и тому подобное посыпались отовсюду. За то безъ всякой просьбы съ ихъ стороны, Николай Александровичъ дѣлился съ знакомыми тѣми идеями, какія онъ встрѣтилъ или развилъ въ институтѣ; онъ высылалъ цѣлыя тетрадки записокъ, печатные листки по почтѣ, или съ вѣрными людьми къ нѣкоторымъ знакомымъ, къ профессорамъ; онъ звалъ

ихъ на честную, благую дѣятельность, рисовалъ имъ идеалы обязанностей, преимущественно священническихъ; въ пріѣзды въ Нижній онъ довершалъ такія сношенія лично...“

Такимъ образомъ, вы видите, что уже въ семнадцать лѣтъ изъ Добролюбова выработался энтузіастъ, до самозабвенія преданный идеямъ, развитію себя и другихъ, стремленію осуществлять въ жизни высокіе идеалы и побуждать къ этому ближнихъ. Уже съ семнадцати лѣтъ онъ привыкаетъ къ серьёзному отношенію къ жизни, ищетъ всюду пользы и содержанія, дѣлается врагомъ безцѣльныхъ созерцаній и чувствопзліяній, вслѣдствіе чего, находя излишнимъ пускаться въ описаніе красотъ столицы, спѣшитъ подѣлиться съ товарищами своими идеями. И во всемъ этомъ вы не видите ни капли чего-либо напускнаго, навѣяннаго извнѣ. Такъ выработала и направила молодаго человѣка сама жизнь со всѣми своими невзгодами, препятствіями, разочарованіями, лишеніями, униженіями и прочими прелестями положенія бѣднаго семинариста, самостоятельно пробивающаго себѣ дорогу безъ всякихъ протекцій и какихъ-либо постороннихъ поддержекъ.

А жизнь не переставала наносить ему ударъ за ударомъ, все болѣе и болѣе напрягая его энергію въ борьбѣ съ обстоятельствами, раскрывая ему глаза на всю безпомощность положенія массы такихъ бѣдняковъ, какъ онъ, ожесточая его и не давая ни минуты отдохнуть и забыться въ какихъ-нибудь успокоительныхъ мечтахъ и сладкихъ иллюзіяхъ... Не прошло и году по поступленіи его въ институтъ, какъ вдругъ умерла у него мать... Не успѣлъ онъ оправиться отъ страшнаго потрясенія, какое произвела на него утрата этого нѣжно любимаго имъ друга дѣтства, какъ вслѣдъ за матерью пошелъ въ могилу и отецъ, оставивши послѣ себя все семейство въ крайней нищетѣ, къ тому-же, обремененное тяжкими долгами, въ которыхъ старикъ запутался, вздумавши передъ своею смертію строить домъ, не имѣя на это надежнаго капитала. На рукахъ студента перваго курса осталось семейство изъ пяти сестеръ и двухъ братьевъ. Въ отчаяньи Добролюбовъ намѣревался уже бросить институтъ и искать мѣста уѣзднаго учителя въ своемъ городѣ, и едва только уговорили его родные, знакомые и товарищи отъ этого намѣренія, доказавъ ему, что скуднымъ жалованьемъ уѣзднаго учителя онъ не въ силахъ будетъ содержать свое семейство, для самыхъ выгодъ котораго необходимо, чтобы онъ кончилъ курсъ въ институтѣ. Ему представили также, что три года, оставшіеся ему до окончанія курса,

сестры и братья его будутъ безбѣдно жить — одни у родственниковъ, другіе у нѣкоторыхъ изъ прихожанъ, уважавшихъ его отца. Такъ было и сдѣлано. Но Добролюбовъ былъ слишкомъ гордъ и независимъ, и не могъ допустить, чтобы его братья и сестры существовали исключительно милостью другихъ; къ тому-же, родные его были сами люди небогатые и Добролюбовъ принужденъ былъ, не щадя себя, работать день и ночь; сверхъ своихъ институтскихъ занятій онъ началъ давать уроки, доставать переводы и такимъ образомъ пріобрѣталъ деньги на содержаніе сестеръ и братьевъ.

Это семейное несчастіе повліяло какъ на здоровье Добролюбова, такъ и на всѣ его нравственныя и умственныя убѣжденія.

Начать съ того, что смерть матери такъ сильно подѣйствовала на основы его міросозерцанія, что послѣ этой катастрофы совершился окончательный переворотъ, разрушившій всѣ его дѣтскія убѣжденія.

— За что̀ такъ строга судьба? говорилъ онъ однажды Радонежскому: — матушка моя была такъ религіозна... такъ набожна... и такъ необходима малолѣтней семьѣ нашей... Зачѣмъ было отнимать ее у насъ?.. Поневолѣ задумаешься...

„Неужели-же разстояніе между нами такъ непроходимо, что и материнское сердце не услышитъ мольбы страдающаго сына? — пишетъ онъ въ вышеприведенномъ обращеніи къ умершей матери — или я въ самомъ дѣлѣ долженъ думать, что ты не существуешь болѣе, и что я тоже машина...“

Вмѣстѣ съ переворотомъ основныхъ убѣжденій, переворотомъ, въ которомъ жизнь участвовала не менѣе, если не болѣе книги, совершился подъ вліяніемъ той-же катастрофы окончательный закалъ его нравственныхъ и общественныхъ стремленій.

Первый пылъ отчаянья, во время котораго Добролюбовъ говорилъ своимъ роднымъ, что на что ему и жизнь-то теперь, развѣ только для братьевъ и сестеръ, для которыхъ онъ еще лѣтъ пять-шесть пожитъ, смѣнился сдержаннымъ, холоднымъ и тѣмъ болѣе мрачнымъ ожесточеніемъ.

„Въ концѣ августа — говоритъ Радонежскій — на обратномъ пути изъ дома въ Петербургъ, я встрѣтилъ Добролюбова на желѣзной дорогѣ, уже ѣхавшаго на этотъ разъ съ какимъ-то барномъ-землякомъ во II классѣ.

„— Что новаго у васъ, Николай, въ Нижнемъ?

„— Отецъ умеръ, отвѣтилъ онъ.

„Въ холодномъ тонѣ отвѣта, сказаннаго Добролюбовъ съ язвительною улыбкой, мнѣ послышалось проклятіе, посланное судьбѣ... Да, онъ смѣялся, сообщая мнѣ эту грустную новость, но такъ смѣялся, что меня покоробило..,“

Эта холодная, язвительная улыбка, скрывающая за собою ѣдкую горечь, негодованіе и озлобленіе, сдѣлалась послѣ того основною чертой характера Добролюбова, отразившеюся впослѣдствіи во всѣхъ его сочиненіяхъ.

Другою, столь-же основною чертой характера Добролюбова сдѣлалась нетерпимость ко всякимъ безотчетнымъ восторгамъ и безцѣльнымъ радостямъ, нетерпимость, если хотите, нѣсколько аскетическая, но весьма понятная для человѣка, которому въ 18 лѣтъ жизнь успѣла насолить столько, сколько насолила она Добролюбову. Такова естественная логика бѣдняка: тяжела жизнь для большинства смертныхъ, все въ ней какъ будто нарочно, на зло, по какой-то безчеловѣчной насмѣшкѣ судьбы устроено такъ, чтобы существованіе тысячъ было подавлено, искажено, отравлено ради благополучія нѣсколькихъ избранниковъ. До смѣху-ли и веселыхъ пѣсень при взглядѣ на подобное зрѣлище... И такъ:

— Радонежскій! перестанешь-ли ты сердечные романсы распѣвать? вскричалъ однажды Добролюбовъ своему товарищу: — ужели ты не имѣешь въ запасѣ для пѣнія чего-нибудь получше? На вотъ, пой... И Добролюбовъ сунулъ своему товарищу стихотворенія Некрасова: „Оставь, пожалуйста, любовь и цвѣты, пой „жизнь“ или плачь: это одно и то-же — ну, свисти!“ И при этомъ единственная пѣсня, которую Добролюбовъ любилъ и часто просилъ Радонежскаго спѣть ее — была: „Не слышно шуму городскаго“.

Но было бы ложно думать, чтобы эта энергія ожесточенія, направившая всѣ силы Добролюбова на борьбу съ различными мрачными элементами жизни, не ослабѣвала ни на минуту, чтобы нервы его были постоянно одинаково напряжены и чтобы 18-ти-лѣтній юноша обратился въ какую-то безчувственную машину, направленную въ одну сторону. Жизнь постоянно представляла юношѣ свои различныя приманки и искушенія. Молодая, кипучая натура заявляла о своихъ требованіяхъ. Силы, направленныя къ одной цѣли, ослабѣвали порой: тогда являлась живая потребность покоя, отдыха, наслажденій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ молодомъ человѣкѣ возникалъ страхъ опуститься, потерять энергію, упустить изъ виду главную цѣль жизни, утратить благородную злобу, помириться съ жизнію, и начиналась внутренняя борьба, подобная

той, какую испытывалъ Гамлетъ между любовью къ Офелін и сыновнимъ долгомъ мести.

„Странное дѣло — пишетъ Добролюбовъ въ своемъ дневникѣ въ одну изъ подобныхъ минутъ — нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться; а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ пришла охота учиться танцовать. Чортъ знаетъ, что это такое. Какъ бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ. Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію: чтобы сдѣлать что-нибудь, я долженъ не убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а напротивъ, держаться отъ него дальше, питать жолчь свою. При этомъ, разумѣется, конечно, что я не буду дѣлать себѣ насилія, а стану ругаться только до тѣхъ поръ, пока это будетъ занимать меня и доставлять мнѣ удовольствіе. Дѣлать то, что мнѣ противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему имѣю я отвращеніе, благородно и нужно, и тогда я сначала стараюсь пріучить себя къ мысли объ этомъ, придать болѣе интереса для себя этому дѣлу — словомъ, развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютною справедливостью, не были противны и моему личному чувству. Иначе, если я примусь за дѣло, для котораго я еще недовольно развитъ, и слѣдовательно, не гожусь, то, во-первыхъ, выйдетъ изъ него — „не дѣло, только му́ка“, а во-вторыхъ, никогда не найдешь въ своемъ отвлеченномъ разумѣ столько силъ, чтобы до конца выдержатъ пожертвованіе собственною личностью отвлеченному понятію, за которое бьешься“.

„Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо — пишетъ Добролюбовъ въ другомъ мѣстѣ — бѣда, если я встрѣчу теперь хорошенькую дѣвушку, съ которою близко сойдусь—влюблюсь непремѣнно и сойду съ ума на нѣкоторое время... И такъ вотъ она начинается, жизнь-то... Вотъ время для разгула и власти страстей... А я, дурачокъ, думалъ въ своей педагогической и метафизической отвлеченности, въ своей книжной сосредоточенности, что уже я „пережилъ свои желанья и разлюбилъ свои мечты“. Я думалъ, что выйду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то въ родѣ Катона безстрастнаго или Зенона Стоика. Но вѣрно жизнь возьметъ свое...“

Одновременно съ этими бореніями и совершенно согласно съ ними окончательно выяснился и выработался въ умѣ Добролюбова тотъ новый идеалъ труженика, о которомъ мы говорили въ началѣ этой главы. Увлекшись этимъ идеаломъ, Добролюбовъ вознамѣ-

рился выставить его въ романѣ, за писаніе котораго съ жаромъ принялся онъ въ 1855 году. Вотъ какія любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Радопежскій объ этотъ романѣ:

„Если не ошибаюсь, въ февралѣ 1855 года, я отправился въ лазаретъ. Въ лазаретѣ я нашелъ Добролюбова здоровымъ. Онъ по вечерамъ тамъ что-то писалъ и запписывался иногда далеко за полночь. Я полюбопытствовалъ спросить: что ты пишешь, Николай?.."

„— А вотъ слушай. И онъ мнѣ прочелъ отрывокъ изъ предполагаемаго романа. Отрывокъ этотъ составлялъ первыя главы. Въ нихъ, помню, дѣло шло о воспитаніи двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ арпстократенокъ—маменькинъ сынокъ, другой пріемышъ — соединенный братъ, служившій компаньономъ барченку... Мнѣ особенно памятны тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ о деспотическихъ отношеніяхъ перваго къ послѣднему, и сцена, гдѣ мальчикъ пріемышъ-спрота однажды отдалъ встрѣченной имъ на улицѣ дѣвушкѣ-нищей, босой, съ окровавленными ногами, свои сапоги, за что барыня-мать больно высѣкла своего пріемнаго сына... Я долго слушалъ этотъ разсказъ, полный горячаго сочувствія къ спротѣ и читанный Добролюбовымъ съ большимъ одушевленіемъ... На глазахъ у меня навернулись слезы. Потомъ эти мальчики были отданы въ одно заведеніе учебное, вмѣстѣ учились, кончили курсъ удачно. Барченокъ жилъ и учился съ протекціей... Спрота — самъ собою, безъ помощи, всегда въ борьбѣ съ нуждой и людьми, подъ вліяніемъ чего характеръ послѣдняго выработался симпатичный, твердый, самостоятельный. Чтеніе, помню, кончено было (тутъ-же былъ и конецъ рукописи будущаго большаго романа) на томъ мѣстѣ, гдѣ эти два героя начинаютъ служебную карьеру, какъ и слѣдовало ожидать, различными путями. Маменькинъ сынокъ поступаетъ подъ крыло какого-то директора департамента, а спрота самъ гдѣ-то находитъ для себя мѣсто... Заглавія этого романа мнѣ тогда Добролюбовъ не сказалъ, вѣроятно, и самъ еще не зналъ, какъ его назвать; но замѣтилъ мнѣ, что пишется легко, что вовсе не такой трудъ, какъ онъ прежде думалъ, писать повѣсти... Кажется, этой повѣсти или романа покойный Добролюбовъ такъ и не кончилъ".

Надо-ли прибавлять, что въ этомъ спротѣ, пробивающемъ самостоятельную дорогу, Добролюбовъ изобразилъ самого себя. Вмѣстѣ съ выработкой подобнаго идеала, онъ, естественно, сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ всякой мишуры, рисовки, нарядныхъ мундировъ, ловкихъ поклоновъ и заискивающихъ улыбокъ, шикалъ въ

театрѣ Максимову за его слишкомъ усердныя раскланиванья съ публикой, чуть не побилъ товарища, высказавшагося противъ освобожденія крестьянъ при первыхъ слухахъ объ эмансипаціи. Наконецъ, въ то-же время начали въ немъ бродить идеи въ родѣ той, какъ бы хорошо было уничтожить неравенство состояній, дѣлающее, по собственнымъ словамъ его, всѣхъ несчастными...

Но надо замѣтить, что и при преслѣдованіи этого новаго идеала бывали въ жизни Добролюбова свои реакціи, свои тревоги и сомнѣнія, въ которыя ему вдругъ начинало казаться, что внѣшность и свѣтская мишура составляютъ нѣчто такое необходимое въ жизни, безъ чего онъ погибнетъ... Въ такія минуты Добролюбовъ, забывая о своихъ новыхъ идеалахъ, становился въ положеніе тѣхъ бѣдняковъ сороковыхъ годовъ, которые, какъ мы говорили выше, терзались своимъ ничтожествомъ среди свѣтскаго общества.

„Мы остались вдвоемъ съ В. А. и я сталъ ей говорить совершенно беззастѣнчиво о своей застѣнчивости, неловкости, незнаніи свѣтскихъ приличій, неумѣньи держать себя въ обществѣ и т. п.—говоритъ Добролюбовъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника—она согласилась, что я, дѣйствительно, не боекъ, но утѣшала меня тѣмъ, что всѣ означенныя достоинства находятся во мнѣ не въ столь высокой степени, какъ я думаю. А въ самомъ дѣлѣ, какое-то ужасающее сходство нашелъ я въ себѣ съ Чулкатурпинымъ. Я былъ внѣ себя, читая разсказъ; сердце мое билось сильнѣе, къ глазамъ подступали слезы, и мнѣ такъ и казалось, что со мной непремѣнно случится, рано или поздно, подобная исторія. Чувства-же, подобныя чувствамъ Чулкатурпина на балѣ, мнѣ приходилось не разъ испытывать...“

Вотъ каковъ былъ Добролюбовъ передъ началомъ своей литературной дѣятельности. Таковъ былъ въ истинномъ смыслѣ этого слова типическій представитель молодаго человѣка той новой среды, которая выступила на поприще умственнаго движенія въ концѣ пятидесядыхъ годовъ. Безъ сомнѣнія, многіе молодые люди изъ этой среды; прочтя біографическія свѣдѣнія о Добролюбовѣ, найдутъ въ различныхъ чертахъ его характера, жизни, во многихъ его чувствахъ, думахъ и тревогахъ много знакомаго и общаго съ собою. Оттого-то Добролюбовъ и можетъ быть названъ вполнѣ типическимъ героемъ своего времени и нельзя не послать упрека нашимъ беллетристамъ, что, измышляя различныхъ Базаровыхъ да Волоховыхъ, они упустили изъ виду заглянуть хотя бы

въ „Современникъ“ 1862 года № 1-й, гдѣ помѣщены „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, изъ которыхъ мы заимствовали вышеизложенныя свѣдѣнія. Эти матеріалы показали бы имъ, что̀ передумалъ и перечувствовалъ молодой человѣкъ новаго поколѣнія въ своемъ развитіи и каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, въ живой дѣйствительности, въ лицѣ своего наиболѣе типичнаго представителя.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Начало литературной дѣятельности Добролюбова. — Добролюбовъ, какъ воскреситель идей сороковыхъ годовъ. — Реальныя основанія его міросозерцанія. — Эстетическія воззрѣнія. — Преобладаніе публицистики надъ критикой въ статьяхъ Добролюбова. — Характеръ публицистической дѣятельности Добролюбова. — Борьба противъ господства авторитета и вліяній крѣпостнаго права. — Обличеніе отсутствія народныхъ интересовъ, безсилія и мелочности въ литературѣ. — Положительные идеалы Добролюбова. — Выставленіе типа молодаго поколѣнія противъ типа людей сороковыхъ годовъ. — Исканіе цѣльныхъ характеровъ въ народѣ. — Вѣра въ живыя силы народа и противупоставленіе ихъ дряблости интеллигентной среды. — Заключеніе о Добролюбовѣ. — Общіе выводы и положенія изъ всего трактата.

Уже въ началѣ 1855 года Добролюбовъ познакомился и вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Современника“. Радонежскій говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Добролюбовъ отправился со своею неоконченною повѣстью, о которой была рѣчь въ предъидущей главѣ, къ этому сотруднику, и тотъ прямо и положительно сказалъ Добролюбову, чтобы онъ не совался въ беллетристику, что онъ пишетъ не повѣсть, а критику на сцены, имъ самимъ придуманныя. Надо полагать, что этотъ приговоръ сотрудника „Современника“ окончательно направилъ Добролюбова на тотъ путь, на который онъ не замедлилъ вскорѣ послѣ того выступить.

Такъ, лѣтомъ 1856 года, за годъ до окончанія курса въ педагогическомъ институтѣ. Добролюбовъ отдалъ въ „Современникъ“

историко-литературную статью о „Собесѣдникѣ любителей русскаго слова“ и вскорѣ потомъ разборъ „Акта главнаго педагогическаго института“. Въ обѣихъ этихъ статьяхъ Добролюбовъ выступилъ не такъ, какъ обыкновенно выступаютъ начинающіе писатели, то-есть, съ задатками будущаго таланта, но въ то-же время съ неопредѣленными, шаткими взглядами и подъ вліяніемъ предшественниковъ и учителей; напротивъ, онъ сразу явился передъ публикой во всей силѣ и зрѣлости таланта, вполнѣ сформировавшагося; будучи студентомъ 3-го курса, онъ уже стоялъ впереди своего вѣка и первыя статьи его являются передъ нами нисколько не слабѣе послѣднихъ, писанныхъ передъ смертью. Такъ, въ статьѣ объ актѣ, вы видите ту-же спокойную, сдержанную и тѣмъ болѣе безпощадную иронію, какую можете встрѣтить въ послѣднихъ статьяхъ „Свистка“. Въ статьѣ о „Собесѣдникѣ“ васъ поражаетъ громадная начитанность Добролюбова: вы видите, что онъ успѣлъ уже изучить всю русскую литературу съ Ломоносова и до новѣйшаго времени, и изучилъ ее не поверхностнымъ дилетантскимъ способомъ, и чисто ученымъ, до мельчайшихъ библіографическихъ подробностей. Такое изученіе по истинѣ поразительно въ 19-ти-лѣтнемъ юношѣ, и особенно, если принять во вниманіе, что у него, сверхъ этихъ ученыхъ трудовъ, были на шеѣ казенныя институтскія занятія, да семья, для обезпеченія которой онъ долженъ былъ заработывать матеріальныя средства. Въ то-же время статья о „Собесѣдникѣ“ показываетъ вамъ, что Добролюбовъ вполнѣ уже усвоилъ весь духъ и всѣ результаты движенія сороковыхъ годовъ, что и поставило его сразу впереди своего вѣка, стоявшаго, какъ мы уже говорили, сзади этихъ результатовъ. Такъ, въ самомъ началѣ статьи, онъ прямо нападаетъ на узкоспеціальное, библіографическое направленіе современной критики, сравнивая ее съ критикой сороковыхъ годовъ. „За 15—20 лѣтъ передъ этимъ — говоритъ онъ — ко всему хотѣли прилагать эстетическія и философскія начала, во всемъ искали внутренняго смысла, всякій предметъ оцѣнивали по тому значенію, какое имѣетъ онъ въ общей системѣ знаній или между явленіями дѣйствительной жизни. Тогда господствовали высшіе взгляды, тогда старались уловить духъ, характеръ, направленіе, оставляя въ сторонѣ мелкія подробности, не выставляя на показъ всѣхъ данныхъ, а выбирая изъ нихъ только наиболѣе характерныя. Тогда критика обыкновенно рисовала намъ прежде всего фасадъ зданія, потомъ представляла намъ его планъ, говорила о матеріалахъ, изъ которыхъ

оно построено, разсказывала о внутреннемъ устройствѣ и, затѣмъ, анализировала впечатлѣніе, которое производитъ это зданіе. Нынѣ это дѣлается не такъ. (Разумѣется здѣсь—прибавляетъ при этомъ Добролюбовъ въ выноскѣ — большинство случаевъ, изъ которыхъ съ прошедшаго года начали появляться пріятныя исключенія). Прежде всего намъ показываютъ отдѣльно каждый кирпичъ, каждое бревно, каждый гвоздикъ, употребленный при постройкѣ дома, разсказывая подробно, гдѣ каждый изъ нихъ купленъ, откуда привезенъ, гдѣ лежалъ до того времени, какъ занялъ свое настоящее мѣсто. Затѣмъ, занимаются изслѣдованіемъ, на сколько, кѣмъ и какъ обрубленъ и обсѣченъ сырой матеріалъ, приготовленный для стройки. Наконецъ, представляютъ смѣту, сколько эти матеріалы стоили во время самой постройки и сколько они теперь стоютъ. Теперь дорожатъ каждымъ малѣйшимъ фактомъ біографіи и библіографіи. Можно надѣяться—говоритъ далѣе Добролюбовъ—далеко уйдетъ съ ними молодое поколѣніе. Много эта критика сообщитъ ему живыхъ воззрѣній, много породитъ отрадныхъ, прекрасныхъ явленій въ области умственной жизни, много подѣйствуетъ на развитіе общества... Пусть библіографы — заключаетъ Добролюбовъ эту характеристику современной ему критики — съ презрѣніемъ отвернутся отъ моего труда; пусть люди, ищущіе все только фактовъ, голыхъ, сырыхъ фактовъ, пусть онѣ обвиняютъ меня въ недостаткѣ научнаго, моральнаго изслѣдованія, въ пристрастіи къ общимъ взглядамъ, пусть мой трудъ покажется имъ неосновательнымъ, пустымъ, легкимъ. Я не боюсь обвиненія и надѣюсь найти защиту передъ читателями именно въ легкости моего обозрѣнія. Я всѣми силами старался скрыть черную работу, которая положена въ основаніе зданія, снять всѣ лѣса, по которымъ лазилъ я во время стройки, потому что почитаю ихъ совершенно излишними украшеніями. Я старался представить выводы, результаты, итоги, а не частные счеты, не множители и дѣлители. Можетъ быть, отъ этого трудъ мой потеряетъ *научное* достоинство, но за то его можно будетъ читать, а я хочу лучше служить для чтенія, нежели для справокъ...“ (см. С. Д., т. I, стр. 1—4 *).

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, такія идеи, конечно, никого не удивили бы; напротивъ того, возбудили бы всеобщее сочувствіе. Но такова была отсталость общества въ пятидесятые годы, что

*) Всѣ ссылки на страницы мы дѣлаемъ по второму изданію сочиненій Добролюбова.

въ этихъ самыхъ идеяхъ большинство общества, въ особенности же солидные и строгіе адепты различныхъ спеціальностей, видѣли дерзкое глумленіе надъ наукой и легкомысленное отрицаніе ея. Даже самое невинное участіе въ журналѣ, помѣстившемъ эти двѣ первыя статьи Добролюбова, хотя и безъ подписи его имени, могло навлечь на Добролюбова всевозможныя непріятности въ институтѣ. Поэтому, Добролюбовъ долженъ былъ отложить свое сотрудничество въ „Современникѣ“ до окончанія курса. Въ послѣдній годъ пребыванія своего въ институтѣ, онъ ограничилъ свою литературную дѣятельность помѣщеніемъ нѣсколькихъ педагогическихъ статей въ журналѣ гг. Чумикова и Паульсона. И только по окончаніи курса въ половинѣ 1857 года, началъ онъ свое постоянное сотрудничество въ „Современникѣ“, а въ концѣ 1858 года онъ уже принялъ въ свое завѣдываніе отдѣлъ критики и библіографіи въ томъ журналѣ.

Мы говорили уже, что исходъ пятидесятыхъ годовъ былъ эпохой возрожденія идей сороковыхъ годовъ въ массѣ молодаго поколѣнія и мыслящаго пролетаріата, причемъ, тотъ самый процессъ умственнаго броженія, который обнималъ собою всю жизнь стараго поколѣнія, въ новомъ поколѣніи совершался въ самомъ юномъ возрастѣ, подъ вліяніемъ литературы сороковыхъ годовъ. Мы прослѣдили этотъ процессъ на Добролюбовѣ, видѣли, какъ юноша перешелъ черезъ мистицизмъ и романтизмъ, рефлексіи и сомнѣнія всякаго рода, и въ 19 лѣтъ онъ явился передъ нами усвоившимъ уже всѣ результаты движенія сороковыхъ годовъ. Читая статьи Добролюбова, вы не найдете уже тѣхъ колебаній и сомнѣній, той двойственности реальныхъ и метафизическихъ идей, какія мы встрѣчали въ сочиненіяхъ мыслителей предшествующей эпохи. Вы видите, что мысль Добролюбова рѣшительно и твердо стоитъ на реальной почвѣ. Поэтому, въ статьяхъ его вы не встрѣтите тѣхъ рѣзкихъ противорѣчій, переходовъ отъ одного строя мысли къ другому противуположному, тѣхъ, однимъ словомъ, періодовъ умственнаго процесса, которые мы видѣли въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго или Герцена. Мысль Добролюбова одна и та-же въ послѣдней статьѣ, что̀ и въ первой, примѣненная только къ различнымъ обстоятельствамъ и вопросамъ времени, и содержаніе этой мысли—полное, торжественное и безвозвратное отреченіе отъ всѣхъ обветшалыхъ и отжившихъ взглядовъ. Мы не будемъ подробно излагать тѣхъ реальныхъ основаній, изъ которыхъ исходилъ Добролюбовъ въ своихъ статьяхъ, иначе намъ пришлось бы

въ сотый разъ повторять идеи, о которыхъ мы неоднократно распространялись уже въ нашемъ трактатѣ. Отрицаніе заоблачныхъ и метафизическихъ фантазій, убѣжденіе, что явленія жизни частной и общественной подчиняются непреложнымъ, естественнымъ законамъ природы, сознаніе важности естественныхъ наукъ и опытнаго метода для изученія человѣка и общества, объясненіе побужденій и дѣйствій человѣка, вліяніемъ обстоятельствъ, образующихъ характеръ его, отрицаніе отвлеченной теоріи нравственнаго долга и выводъ началъ нравственности изъ естественныхъ побужденій эгоизма на разныхъ ступеняхъ развитія, отрицаніе средневѣковой теоріи подавленія страстей и проповѣдь гармоническаго развитія ихъ—всѣ эти краеугольные камни реализма вы найдете въ каждой статьѣ Добролюбова. Желающіе болѣе подробно познакомиться съ этими основами міросозерцанія Добролюбова могутъ обратить особенное вниманіе на слѣдующія его статьи: „Биддизмъ, его догматы, исторія и литература“, соч. В. Васильева (см. С. Добр., т. II, стр. 391), „Жизнь Магомета“, соч. Вашингтона Ирвинга (см. С. Д., т. I, стр. 614); въ обѣихъ статьяхъ Добролюбовъ проводитъ свои взгляды на значеніе и характеръ вѣрованій въ исторіи; въ статьѣ „Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственною и нравственною дѣятельностью“ (см. С. Д., т. II, стр. 25) вы найдете взгляды Добролюбова на единство человѣческой природы и на тѣсную зависимость духовной дѣятельности человѣка отъ его матеріальнаго организма. Въ статьѣ „Русская цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ“ (см. С. Д , т. II, стр. 275), теорія эгоизма развивается какъ основа любви къ общему благу (см. стр. 308); въ статьѣ о Станкевичѣ (см. С. Д., т. II, стр. 1), та-же исторія эгоизма противуставляется теоріи нравственнаго долга и свободное влеченіе сердца представляется основой нравственности (см. стр. 10 и 11).

Мы тѣмъ болѣе имѣемъ права не распространяться объ основныхъ началахъ міросозерцанія Добролюбова, что роль Добролюбова въ нашей литературѣ была отнюдь не роль проповѣдника новой философской системы. Чисто-философскіе вопросы занимали Добролюбова гораздо въ мѣньшей степени, чѣмъ, напримѣръ, Бѣлинскаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ или Герцена въ началѣ сороковыхъ, и весьма немного найдете вы въ собраніи его сочиненій такихъ статей, которыя были бы посвящены исключительно развитію тѣмъ или другимъ положеніямъ реальной философіи. Послѣдняя служила для Добролюбока не предметомъ и цѣлью его

пропаганды, а только исходною точкой, отъ которой онъ отправлялся, почвой, утвердясь на которой онъ дѣлалъ свое дѣло.

Въ такой-же степени, какъ нельзя Добролюбова назвать проповѣдникомъ реальной философіи, такъ было бы ложно считать его исключительно критикомъ, то-есть, проповѣдникомъ какой-нибудь новой эстетической теоріи и оцѣнщикомъ изящныхъ произведеній на основаніи этой теоріи. Что касается эстетической теоріи, то Добролюбовъ весьма недалеко ушелъ въ ней отъ Бѣлинскаго и является въ этомъ отношеніи, въ свою очередь, воскресителемъ забытыхъ идей сороковыхъ годовъ. Онъ стоитъ впереди Бѣлинскаго въ своихъ эстетическихъ взглядахъ на столько лишь, на сколько онъ опережаетъ современниковъ Бѣлинскаго и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то-есть: принявши новую теорію, утвердившись въ новыхъ взглядахъ, онъ уже безвозвратно покинулъ старые, основанные на метафизическихъ основаніяхъ. Такъ, мы видѣли, что и Бѣлинскій уже стоялъ за теорію искусства для жизни, требовалъ, чтобы произведеніе писателя удовлетворяло не однимъ эстетическимъ требованіямъ, но, въ то-же время, заключало въ себѣ какое-нибудь философское или общественное содержаніе; но Бѣлинскій, какъ мы видѣли, очень часто въ практикѣ отступалъ отъ этихъ взглядовъ и въ оцѣнкахъ своихъ руководился началами чисто эстетической критики. Добролюбовъ-же рѣшительно отвергаетъ эстетическую критику. Такъ, напримѣръ, въ началѣ своей статьи о „Наканунѣ“ онъ прямо говоритъ, что эстетическая критика сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень. „Малому знакомству съ чувствительными барышнями — говоритъ онъ — одолжены мы тѣмъ, что не умѣемъ писать такихъ пріятныхъ и безвредныхъ критикъ. Откровенно признаваясь въ томъ и отказываясь отъ роли „воспитателя эстетическаго вкуса публики“, мы избираемъ другую задачу, болѣе скромную и болѣе соразмѣрную съ нашими силами“. Это отрицаніе эстетической критики навлекло на Добролюбова болѣе всего гоненій со стороны чистыхъ эстетиковъ и обвиненій его въ томъ, что, отрицая эстетическую критику, онъ, будто бы, является приверженцемъ критики тенденціозной, требующей, чтобы поэты вдохновлялись различными гражданскими тенденціями и писали свои произведенія, искусственно задаваясь различными утилитарными тэмами.

Между тѣмъ, въ сущности, Добролюбовъ былъ такой-же врагъ искусственной тенденціозности, какъ и Бѣлинскій, и во всемъ томъ, что было реальнаго въ эстетическихъ воззрѣніяхъ Бѣлин-

скаго, Добролюбовъ совершенно сходится съ нимъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ статьи о „Грозѣ“ Островскаго (см. т. III, стр. 511) онъ прямо говоритъ: „Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ создавать свои произведенія подъ вліяніемъ извѣстной теоріи: онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы талантъ его былъ чутокъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи не потому, что авторъ задался этою идеей при его созданіи, а потому, что автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собою. Такимъ образомъ, напримѣръ, философія Сократа и комедія Аристофана, въ отношеніи къ религіозному ученію грековъ, служатъ выраженіемъ одной и той-же общей идеи — разрушенія древнихъ вѣрованій; но вовсе нѣтъ надобности думать, что Аристофанъ задавалъ себѣ именно эту цѣль для своихъ комедій: она достигается у него просто картиной нравовъ того времени. Изъ его комедій мы рѣшительно убѣждаемся, что въ то время, когда онъ писалъ, царство греческой миѳологіи уже прошло; то-есть, онъ практически приводитъ насъ къ тому, что̀ Сократъ и Платонъ доказываютъ философскимъ образомъ. Такова и вообще бываетъ разница въ способѣ дѣйствія произведеній поэтическихъ и собственно теоретическихъ. Она соотвѣтствуетъ разницѣ въ самомъ способѣ мышленія художника и мыслителя: одинъ мыслитъ конкретнымъ образомъ, никогда не теряя изъ виду частныхъ явленій и образовъ, а другой стремится все обобщать, слить частные признаки въ общей формулѣ; но существенной разницы между истиннымъ знаніемъ и истинною поэзіей быть не можетъ: талантъ есть принадлежность натуры человѣка и потому онъ несомнѣнно гарантируетъ намъ извѣстную силу и широту естественныхъ стремленій въ томъ, кого мы признаемъ талантливымъ. Слѣдовательно, и произведенія его должны создаваться подъ вліяніемъ этихъ естественныхъ, правильныхъ потребностей натуры; сознаніе нормальнаго порядка вещей должно быть въ немъ ясно и живо, идеалъ его простъ и разуменъ, и онъ не отдастъ себя на служеніе неправдѣ и безсмыслицѣ, не потому, чтобы не хотѣлъ, а просто потому, что не можетъ — не выйдетъ у него ничего хорошаго, если онъ вздумаетъ насиловать свой талантъ. Подобно Валааму, захочетъ онъ проклинать Израиля, и противъ его воли, въ торжественную минуту вдохновенія, въ его устахъ явятся благословенія вмѣсто проклятій. А если и удастся ему выговорить слово проклятія, то оно лишено будетъ внутрен-

няго жара, будетъ слабо и невразумительно. Намъ нѣчего ходить далеко за примѣрами: наша литература изобилуетъ ими едва-ли не болѣе всякой другой. Возьмите хоть Пушкина и Гоголя: какъ бѣдны и трескучи заказныя стихотворенія Пушкина, такъ жалки аскетическія попытки Гоголя въ литературѣ! Доброй воли было у нихъ много, но воображеніе и чувство не давали достаточно матеріала для того, чтобы сдѣлать истинно поэтическую вещь на заказныя, искусственныя тэмы. Да и не мудрено: дѣйствительность, изъ которой почерпаетъ поэтъ свои матеріалы и свои вдохновенія, имѣетъ свой натуральный смыслъ, при нарушеніи котораго уничтожается самая жизнь предмета и остается только мертвый остовъ его. Съ этимъ-то остовомъ и принуждены были всегда оставаться писатели, хотѣвшіе, вмѣсто естественнаго смысла, придать явленіямъ другой, противный ихъ сущности".

Такимъ образомъ, основною эстетическою теоріей Добролюбова является, какъ и у Бѣлинскаго — та-же теорія непроизвольнаго, естественнаго творчества, влекущаго поэта къ изображенію дѣйствительности, правды жизни. Различіе между Бѣлинскимъ съ Добролюбовымъ съ одной стороны и чистыми эстетиками съ другой заключалось только въ томъ, что послѣдніе, проповѣдуя ту-же самую теорію, говорили, что превосходное изображеніе древеснаго листочка столь-же важно, какъ, напримѣръ, превосходное изображеніе характера человѣка. Добролюбовъ-же возражалъ на это, повторяя то, что̀ неоднократно говорилъ и Бѣлинскій: „можетъ быть, субъективно это будетъ и справедливо: собственно сила таланта можетъ быть одинакова у двухъ художниковъ, и только сфера ихъ дѣятельности различна. Но мы никогда не согласимся, чтобы поэтъ, тратящій свой талантъ на образцовыя описанія листочковъ и ручейковъ, могъ имѣть одинаковое значеніе съ тѣмъ, кто съ равною силой таланта умѣетъ воспроизводить, напримѣръ, явленія общественной жизни. Намъ кажется, что для критики, для литературы, для самого общества гораздо важнѣе вопросъ о томъ, на что употребляется, въ чемъ выражается талантъ художника, нежели то, какіе размѣры и свойства имѣетъ онъ въ самомъ себѣ, въ отвлеченіи, въ возможности" (см. С. Д., т. II, стр. 585).

Но еще разъ повторяемъ, высказывая подобные взгляды на искусство, Добролюбовъ, тѣмъ не менѣе, все-таки, не былъ критикомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сообразно этимъ взглядамъ.

Взгляды эти, въ свою очередь, не составляли главной цѣли дѣятельности Добролюбова, а были только исходными точками, отъ которыхъ онъ отправлялся. Скромная роль оцѣнщика изящныхъ произведеній, ихъ относительныхъ достоинствъ и недостатковъ, хотя бы и съ точекъ зрѣнія критики содержанія, была совершенно не по характеру какъ вѣка, въ который выразилась дѣятельность Добролюбова, такъ и самаго дѣятеля. Это былъ слишкомъ бурный и тревожный вѣкъ и слишкомъ много было поставлено въ немъ роковыхъ и существенныхъ вопросовъ жизни, чтобы мало-мальски живой человѣкъ могъ довольствоваться проведеніемъ новыхъ критическихъ взглядовъ на изящныя произведенія своего времени, а тѣмъ болѣе такой человѣкъ, какъ Добролюбовъ, котораго, какъ мы видѣли, сама жизнь привела, своими ударами и испытаніями, къ общественнымъ вопросамъ. Поэтому, мы и видимъ въ Добролюбовѣ не столько критика, сколько публициста. Произведенія искусства, которыя являлись въ его время, служили для него вовсе не предметами его разсмотрѣнія, а только предлогами для того, чтобы обсуждать тѣ факты жизни, которые въ этихъ произведеніяхъ отражались. Какъ критикъ, онъ, конечно, обязанъ былъ бы обращать вниманіе на каждое литературное явленіе, мало-мальски выдающееся изъ ряда посредственности, и разъяснять публикѣ значеніе этого явленія, опредѣлять ему мѣсто въ литературѣ. Такъ дѣлалъ въ свое время Бѣлинскій, который не упускалъ изъ виду ни одного выдающагося произведенія своего времени и каждое подвергалъ надлежащей оцѣнкѣ съ своей точки зрѣнія. Но публицистъ, преслѣдующій свои особенныя цѣли, очевидно, не имѣетъ надобности обращать вниманіе на каждое произведеніе а беретъ изъ нихъ только такія, какія почему-либо пригодны для его пропаганды; наконецъ, что касается тѣхъ произведеній, какія онъ выбираетъ для своего разсмотрѣнія, то для него важны они не сами по себѣ, какъ образцы литературныхъ успѣховъ, а по тѣмъ фактамъ, которые онъ въ нихъ находитъ. Такъ дѣлалъ и Добролюбовъ. Въ выборѣ произведеній для своего анализа онъ руководствовался чисто-публицистическими цѣлями и обращалъ вниманіе только на такія изъ нихъ, которыя этимъ цѣлямъ такъ или иначе удовлетворяли. Такъ, напримѣръ, романъ г. Писемскаго „Тысяча душъ“, надѣлавшій не мало шуму въ свое время, совершенно не подвергся критикѣ Добролюбова, хотя критикъ въ истинномъ значеніи этого слова, конечно, былъ обязанъ высказать о немъ свое сужденіе и тѣмъ болѣе обязанъ

чѣмъ важнѣе были недостатки этого романа. Между тѣмъ, Добролюбовъ умолчалъ объ этомъ романѣ именно вслѣдствіе его недостатковъ, такъ какъ, представляя факты жизни невѣрно, романъ этотъ не даетъ возможности положиться на него. „О „Тысячѣ душъ“ — говоритъ Добролюбовъ (см. т. III, стр. 304) — мы вовсе не говорили, потому что, по нашему мнѣнію, вся общественная сторона этого романа сильно притянута къ заранѣе сочиненной идеѣ. Стало быть, тутъ не о чемъ толковать, кромѣ того, въ какой степени ловко составилъ авторъ свое сочиненіе. *Положиться на правду и живую дѣйствительность фактовъ, изложенныхъ авторомъ, невозможно, потому что отношеніе его къ этимъ фактамъ не просто и правдиво*“. Въ этихъ словахъ отношеніе Добролюбова къ задачамъ критики совершенно такое-же, каково отношеніе историка-прагматика къ исторической критикѣ. Послѣдняя разсматриваетъ всѣ историческіе источники безъ исключенія, имѣя въ виду опредѣленіе ихъ достовѣрности или нелѣпости; между тѣмъ историкъ-прагматикъ выбираетъ для своего изслѣдованія одни достовѣрные источники, на которые можно положиться при обсужденіи историческихъ фактовъ.

Такимъ образомъ, ни философскія задачи, ни критическія не были главными цѣлями дѣятельности Добролюбова. Онъ былъ публицистъ въ истинномъ значеніи этого слова — всѣ его статьи направлены были къ проповѣди новыхъ общественныхъ идеаловъ и къ анализу современной ему жизни на основаніи этихъ идеаловъ. Въ этомъ заключается вся цѣль его дѣятельности и этою цѣлью опредѣляется все его литературное значеніе, сила и вліяніе на общество. Подъ перомъ Добролюбова съ русскою критикой сдѣлалось такое-же превращеніе, какое случается испытывать парижскимъ кафе или паркамъ въ моменты особенно сильнаго напряженія общественной жизни: предназначенные для отдыха и мирныхъ наслажденій, они вдругъ обращаются въ арены бурныхъ преній и политической борьбы. Такъ точно измѣнилась подъ вліяніемъ обстоятельствъ критика, имѣвшая во времена Бѣлинскаго скромное назначеніе заниматься чисто литературными вопросами. Внѣшняя форма осталась та-же самая: то-же, повидимому, обсужденіе того или другаго изящнаго произведенія; между тѣмъ, содержаніе вдругъ раздвинулось и совершенно вышло изъ прежнихъ границъ. Литературная критика обратилась къ критику жизни, критику общества, и соціальные вопросы отодвинули литературные на самый задній планъ.

На всѣхъ этихъ основаніяхъ, не распространяясь болѣе о философскихъ и эстетическихъ воззрѣніяхъ Добролюбова и довольствуясь тѣмъ, что мы сказали объ этомъ предметѣ на предъидущихъ страницахъ, мы считаемъ необходимымъ обратить все наше вниманіе на общественные взгляды Добролюбова, на характеръ и цѣли его пропаганды въ качествѣ публициста, чѣмъ, еще разъ повторяю, и опредѣляется все значеніе его въ литературѣ.

Подъ общимъ и крайне широкимъ понятіемъ публициста разумѣются писатели самыхъ разнообразныхъ свойствъ и спеціальностей, не имѣющихъ часто ничего общаго между собою: сюда входитъ и газетный обличитель, не идущій далѣе раскрытія какихъ-нибудь частныхъ злоупотребленій или беззаконій, и партизанъ, отстаивающій принципы своей партіи, и составитель проекта объ устройствѣ какой-нибудь новой отрасли правленія, и смѣлый утопистъ, рисующій передъ вами картину совершенно новой и небывалой на землѣ жизни. Совершенно иная роль представляется публицисту въ обществѣ, въ которомъ политическая жизнь вполнѣ развита со всѣми своими аттрибутами—свободой преній и борьбой партій—и въ обществѣ патріархальномъ, апатичномъ и равнодушномъ къ вопросамъ общаго блага. Въ послѣднемъ случаѣ публицисту приходится говорить о такихъ элементарныхъ предметахъ, о которыхъ въ развитыхъ обществахъ публицистъ, конечно, почелъ бы столь-же низшимъ распространяться, какъ о какой-нибудь табличкѣ умноженія.

Наконецъ, если мы возьмемъ массу публицистовъ-прогрессистовъ, къ какимъ, конечно, принадлежалъ Добролюбовъ, то-есть, такого рода публицистовъ, которые предлагаютъ обществу новые пути и цѣли, то мы увидимъ, что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, публицисты этого рода представляютъ два рѣзкіе типа; иногда типы эти соединяются и въ одной личности, но чаще всего проявляются раздѣльно, сообразно наклонности публициста выразить дѣятельность въ томъ или другомъ типѣ. Эти два типа суть: 1) типъ возбудителя и 2) типъ указателя.

Въ самомъ дѣлѣ, предположите, что вы живете въ очень скверной, сырой и грязной квартирѣ, рискуя подвергаться съ семействомъ всевозможнымъ болѣзнямъ; въ то-же время вы платите за квартиру крайне дорого и терпите, вдобавокъ, всевозможныя непріятности отъ вашего хозяина. Между тѣмъ, вы продолжаете жить на вашей квартирѣ, терпѣливо сносите всѣ ея неудобства и непріятности и вамъ не приходитъ и въ голову мѣнять ее. На-

конецъ, являются къ вамъ на выручку ваши пріятели съ цѣлью во что бы то ни стало перетащить васъ на новоселье. Что-же нужно сдѣлать для этого вашимъ пріятелямъ? Очевидно, прежде всего имъ необходимо убѣдить васъ, что ваша квартира никуда не годится, представить въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣ ея неудобства, всю недобросовѣстность вашего хозяина, всю неблаговидность вашей безпечности и терпѣливости, наконецъ, всѣ гибельныя послѣдствія, которымъ вы рискуете подвергнуться со всѣмъ вашимъ семействомъ, если останетесь на прежней квартирѣ. Всѣ эти доводы необходимо представить вамъ, чтобы внушить рѣшимость и энергію къ перемѣнѣ квартиры. Но этого всего еще недостаточно: при всемъ убѣжденіи въ необходимости переѣзда, вы можете остаться на прежней квартирѣ, полагая, что новыхъ квартиръ въ городѣ не имѣется, а если и есть нѣсколько пустыхъ, то, пожалуй, онѣ еще хуже той, которую вы занимаете; ко всему этому, васъ можетъ удержать и неимѣніе лишнихъ средствъ къ переѣзду. Но могутъ найтись и такіе практическіе и услужливые друзья, которые возьмутся отыскать вамъ болѣе удобную и дешевую квартиру, убѣдятъ васъ во всѣхъ ея преимуществахъ относительно старой, наконецъ, предложатъ вамъ и нѣсколько весьма дѣльныхъ совѣтовъ къ отысканію средствъ, необходимыхъ для вашего переѣзда. Ничто, конечно, не мѣшаетъ тѣмъ-же самымъ пріятелямъ, которые возбудили въ васъ рѣшимость къ перемѣнѣ квартиры, приняться и за вторую половину дѣла, то-есть, за пріисканіе для васъ новой квартиры. Но чаще всего въ жизни роли раздѣляются. Одни обладаютъ болѣе всего силой убѣжденія, жаромъ страстнаго, энергическаго энтузіазма, способнаго увлекать всѣхъ за собою, въ другихъ-же преобладаетъ спокойная и практическая разсудочность, дѣлающая ихъ наклонными къ обдумыванью различныхъ мѣръ и средствъ. Этимъ различіемъ темпераментовъ и складовъ ума и опредѣляются два вышеупомянутые типа публицистовъ — публицистъ проповѣдникъ-обличитель и публицистъ-мѣропріятель.

Человѣкъ, глубоко, пламенно, до мозга костей проникнутый своими идеалами, въ самыхъ юныхъ лѣтахъ успѣвшій ожесточиться подъ ударами судьбы, энергическій, трудолюбивый и въ то-же время впечатлительный и страстный до лирическихъ стихопзліяній, Добролюбовъ, по всему складу характера, ума и жизни, былъ именно созданъ для роли публициста-проповѣдника и обличителя. Такимъ и является онъ въ своихъ сочиненіяхъ. Что-же касается

содержанія его пропаганды, то оно вполнѣ опредѣляется степенью развитія и состояніемъ общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Мы уже говорили, что это было общество средневѣковое, полудикое, въ которомъ впервые только-что пробудились самыя элементарныя понятія о гуманности, справедливости, честности, общественномъ благѣ; но всѣ эти понятія бродили въ смутномъ хаосѣ неосмысленныхъ фразъ и безотчетныхъ, неопредѣленныхъ порывовъ. Общество было сильно возбуждено рядомъ реформъ, задуманныхъ частью вслѣдствіе сознанія невозможности существовать при прежнихъ порядкахъ, частью подъ вліяніемъ Запада; но всѣ эти реформы понимались въ видѣ частныхъ мѣръ и нисколько не мѣшали господствовать во всѣхъ отношеніяхъ жизни, съ одной стороны, все тому-же средневѣковому принципу безусловнаго подчиненія авторитету, съ другой стороны, тѣмъ привычкамъ, нравамъ и идеаламъ, которые основывались на крѣпостномъ правѣ и готовы были пережить его.

Вотъ противъ этихъ-то обветшалыхъ и отжившихъ началъ жизни и направилъ Добролюбовъ, главнымъ образомъ, свою пропаганду. Что касается принципа безусловнаго авторитета, то съ неумолимою послѣдовательностью и безъ малѣйшихъ уступокъ преслѣдуетъ этотъ принципъ Добролюбовъ во всѣхъ его проявленіяхъ въ семьѣ, въ школѣ, въ обществѣ и смѣло отвергаетъ его не только въ отношеніи къ взрослымъ людямъ, но и дѣтямъ.

Статья „О значеніи авторитета въ воспитаніи“ (см. С. Д., т. I, стр. 237) посвящена именно анализу растлѣвающаго вліянія принципа безусловнаго послушанія на развитіе ребенка. Для изложенія взглядовъ на этотъ предметъ Добролюбовъ воспользовался „Вопросами жизни“ г. Пирогова, по поводу которыхъ и написана статья. Но съ первыхъ-же страницъ вы видите, какая радикальная противуположность между взглядами г. Пирогова и Добролюбова. Добролюбовъ, правда, не оспариваетъ взглядовъ г. Пирогова; напротивъ того, отдаетъ полную справедливость главному положенію его, заключающемуся въ томъ, что воспитаніе должно быть не узко спеціальное, а общее, съ цѣлью воспитанія человѣка. Но, соглашаясь съ этимъ положеніемъ г. Пирогова, Добролюбовъ тотчасъ-же идетъ въ совершенно противуположную сторону отъ автора „Вопросовъ жизни“. Мы видѣли, что г. Пироговъ подъ общимъ воспитаніемъ разумѣлъ подчиненіе человѣка отвлеченнымъ, заоблачнымъ принципамъ, и притомъ, принципамъ такого рода,

изъ которыхъ прямо и непосредственно вытекаетъ подчиненіе авторитету. Добролюбовъ, совершенно наоборотъ, въ слѣпомъ подчиненіи авторитету и полагаетъ главную причину убійства въ дѣтяхъ внутренняго человѣка. По мнѣнію Добролюбова, „отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ и взглядахъ, вѣчное недовольство въ глубинѣ души, вялость и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, недостатокъ силы воли, чтобы противиться постороннимъ вліяніямъ, вообще обезличеніе, а вслѣдствіе этого легкомысліе и подлость, недостатокъ твердаго и яснаго сознанія своего долга и невозможность внести въ жизнь что-либо новое, болѣе совершенное, отличное отъ прежде установленныхъ порядковъ — вотъ дары, которыми *безусловное* повиновеніе при воспитаніи надѣляетъ человѣка, отпуская его на жизненную борьбу!.. „И съ такими-то качествами — говоритъ Добролюбовъ — человѣкъ долженъ ратовать за свои убѣжденія противъ цѣлаго общества, и онъ, привыкшій жить чужимъ умомъ, дѣйствовать по чужой волѣ, онъ долженъ вдругъ поставить *себя* мѣркой для цѣлаго общества, долженъ сказать: вы ошибаетесь, я правъ; вы дѣлаете дурно, а вотъ какъ нужно дѣлать хорошо!.. Да гдѣ-же онъ возьметъ столько силы? Во имя чего онъ будетъ бороться? Неужели во имя авторитета своихъ наставниковъ, которые до сихъ поръ управляли его жизнью и понятіями? Да кто-же, наконецъ, далъ ему право на это? Собственно говоря, его отношенія и теперь нисколько не измѣнились: до сихъ поръ были подчиненныя отношенія въ воспитаніи и обученіи, теперь настали точно такія-же отношенія въ службѣ и общежитіи. Какая-же голова можетъ переварить такое умозаключеніе: вотъ черта — пятнадцать, двадцать лѣтъ — до которой ведутъ тебя, заставляя безпрекословно и *безусловно слушаться* другихъ; это дѣлается для того собственно, чтобы, перешедши черезъ эту черту, ты умѣлъ *бороться* съ другими. Гораздо естественнѣе заключить, что и въ послѣдующей жизни человѣкъ долженъ вести себя именно такъ, какъ до сихъ поръ заставляли его“ (см. стр. 251).

Но было бы ошибочно думать, что, отвергая въ воспитаніи принципъ слѣпаго послушанія, Добролюбовъ проповѣдывалъ полный произволъ въ жизни дитяти и предоставленіе послѣдняго всѣмъ прихотямъ его рефлексій. Напротивъ того, вотъ какой идеалъ воспитанія предлагаетъ Добролюбовъ взамѣнъ прежняго, средневѣковаго:

„Но чего-же вы хотите? спросятъ васъ: — неужели-же можно

предоставить ребенку полную волю, ни въ чемъ не останавливая его, во всемъ уступая его капризамъ?

„Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ только, что не нужно дрессировать ребенка, какъ собаку, заставляя его выдѣлывать тѣ или другія штуки, по тому или другому знаку воспитателя. Мы хотимъ, чтобы въ воспитаніи господствовала разумность и чтобы разумность эта вѣдома была не только учителю, но представлялась ясно и самому ребенку. Мы утверждаемъ, что всѣ мѣры воспитателя должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть вполнѣ и ясно оправданы въ собственномъ сознаніи ребенка. Мы требуемъ, чтобы воспитатели выказывали болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и старались о развитіи, а не о подавленіи *внутренняго человѣка* въ своихъ воспитанникахъ, и чтобы воспитаніе стремилось сдѣлать человѣка нравственнымъ не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію“.

Наиболѣе обстоятельное и полное разсмотрѣніе всѣхъ причинъ и слѣдствій слѣпаго подчиненія авторитету мы видимъ въ статьяхъ Добролюбова „Темное царство“ (см. т. III, стр. 1). Въ статьяхъ этихъ Добролюбовъ, воспользовавшись комедіями Островскаго, представилъ самый подробный анализъ того средневѣковаго порядка, въ которомъ главнымъ основаніемъ жизни и является именно безграничное царство авторитета. Шагъ за шагомъ прослѣдилъ онъ за всѣми ступенями, за всѣми мельчайшими оттѣнками того страшнаго паденія и нравственнаго растлѣнія, какое является прямымъ слѣдствіемъ царства авторитета, ведущее однихъ къ необузданному произволу самодурства, другихъ или къ полному обезличенію, или-же къ искаженію личности путемъ лицемѣрія, лжи, коварства и тому подобныхъ качествъ, развивающихся подъ гнетомъ самодурства. Не ограничиваясь одними дикими и звѣрскими проявленіями самодурства, Добролюбовъ въ лицѣ Русакова, одного изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи г. Островскаго „Не въ свои сани не садись“, анализируетъ самодурство въ самомъ гуманномъ, кроткомъ и идиллически-патріархальномъ видѣ его и находитъ, что и въ такомъ наилучшемъ видѣ самодурство ведетъ къ тѣмъ-же результатамъ.

Анализируя всѣ слѣдствія царства безусловнаго авторитета, Добролюбовъ не опускаетъ при этомъ и того существеннаго вопроса, который представляется главнымъ основаніемъ всего анализа и безъ разрѣшенія котораго статьи потеряли бы половину своего значенія: именно вопроса о томъ, что-же побуждаетъ людей тер-

пѣть такихъ безобразныхъ самодуровъ, какіе являются передъ нами въ комедіяхъ Островскаго, и склоняться подъ ихъ игомъ?.. Добролюбовъ находитъ двѣ причины, удерживающія людей отъ противодѣйствія самодурству: *чувство законности и необходимость въ матеріальномъ обезпеченіи.*

По мнѣнію Добролюбова, понятіе о законности само по себѣ крайне относительное. Законы не вѣчны и не абсолютны. Вступая въ общественный союзъ, человѣкъ беретъ на себя обязанность не только повиноваться имъ, но и стараться о пріисканіи лучшихъ законовъ и объ уничтоженіи негодныхъ. „Такимъ образомъ, въ силу самаго чувства законности, устраняется застой и неподвижность въ общественной организаціи, мысли и волѣ дается просторъ и работа; нарушеніе формальнаго statu quo нерѣдко требуется тѣмъ-же чувствомъ законности. Такъ понимаютъ и объясняютъ — говоритъ далѣе Добролюбовъ — чувство законности люди просвѣщенные, люди, участвующіе, подобно намъ, въ благодѣяніяхъ цивилизаціи. Но не такъ понимаютъ его тѣ темные люди, которыхъ изображаетъ намъ Островскій. Въ его „темномъ царствѣ“ вопросъ становится совершенно иначе. Тамъ господствуетъ вѣра въ однѣ, разъ навсегда опредѣленныя и закрѣпленныя формы. Знанія здѣсь ограничены очень тѣснымъ кругомъ, работы для мысли—почти никакой; все идетъ машинально, разъ-навсегда заведеннымъ порядкомъ. Отъ этого совершенно понятно, что здѣсь дѣти никогда не выростаютъ, а остаются дѣтьми до тѣхъ поръ, пока механически не передвинутся на мѣсто отца. Понятно и то, почему средніе термины, посредствующіе между самодурами и угнетенными, вовсе не имѣютъ опредѣленной личности, а заимствуютъ свой характеръ отъ положенія, въ какомъ находятся: то ползаютъ передъ высшими, то, въ свою очередь, задираютъ носъ передъ низшими. Точно механическія куколки: поставятъ ихъ на одинъ конецъ — кланяются; передернутъ на другой — вытягиваются и загибаютъ голову назадъ... И все это происходитъ отъ недостатка внутренней самостоятельности, отъ забитости природы. Человѣку съ малыхъ лѣтъ внушаютъ, что онъ самъ по себѣ—ничто, что онъ есть нѣкоторымъ образомъ только орудіе чьей-то чужой воли и что вслѣдствіе того онъ долженъ не разсуждать, а только слушаться, слушаться и покоряться. Единственный предметъ, на который можетъ еще быть направленъ его умъ, это — пріобрѣтеніе умѣнья приправливаться къ обстоятельствамъ. Кто съумѣетъ такъ повернуть себя, тому и благо: онъ вынырнетъ...

А кто не съумѣетъ, тому бѣда — задавятъ...“ (см. стр. 113 и 114). Но „чувство законности—говоритъ дальше Добролюбовъ (см. стр. 132) — сдѣлавшись пассивнымъ и окаменѣлымъ, превратившееся въ тупое благоговѣніе къ авторитету чужой воли, не могло бы такъ кротко и безмятежно сохраняться въ угнетенныхъ людяхъ, при видѣ всѣхъ нелѣпостей и гадостей самодурства, еслибы его не поддерживало что-нибудь болѣе живое и существенное. И дѣйствительно, оно поддерживается постоянно тѣмъ, что въ людяхъ есть неизбѣжное стремленіе и потребность—обезпечить свой матеріальный бытъ. Эта потребность, въ соединеніи съ тупымъ и неразумнымъ чувствомъ законности, чрезвычайно благопріятствуетъ процвѣтанію самодурства... Матеріальныя блага (см. стр. 133) нужны всякому человѣку, но они уже захвачены самодурами, такъ что слабая, угнетенная сторона, находящаяся подъ ихъ вліяніемъ, должна и въ этомъ зависѣть отъ самодурной личности какого-нибудь Торцова и Уланбековой; можно бы отъ нихъ потребовать того, чѣмъ они владѣютъ не по праву; но чувство законности запрещаетъ нарушать должное уваженіе къ нимъ... Что-же изъ этого выходитъ? Слѣдствіе, кажется, ясно: нужно „безъ роптанія просить“ отъ самодуровъ, чтобы они, живя сами, дали жить и другимъ... Но чтобы они исполнили просьбу, нужно снискать ихъ милость; а для этого надо во всемъ съ ними согласиться, имъ покориться и „съ терпѣньемъ тяготу сносить“, если придется... А тяготы придется довольно, судя „по крутому то характеру Гордѣя Карпыча или г-жи Уланбековой, да и по ихъ непроходимой глупости... Ко всему этому надо себя приготовить, воспитать себя для этого, а именно: *переломить* свой характеръ, *выбить* изъ головы дурь, то-есть, собственныя убѣжденія, *смирить* себя, то-есть, отложить всякую мысль о своихъ правахъ и о человѣческомъ достоинствѣ. Все это самими самодурами очень успѣшно и выполняется надъ всѣми людьми, родящимися въ предѣлахъ ихъ вліянія. Оттого-то у нихъ и есть всегда подъ руками такъ много безотвѣтныхъ Митей, Андрюшъ, раболѣпныхъ Потапычей и т. п. Если-же въ комъ и послѣ самодурной дрессировки еще останется какое-нибудь чувство личной самостоятельности и умъ сохранитъ еще способность къ составленію собственныхъ сужденій, то для этой личности и ума готовъ торный путь: самодурство, какъ мы убѣдились, по самому существу своему тупоумно и невѣжественно, слѣдовательно, ничего не можетъ быть легче, какъ надуть любаго самодура. Человѣкъ, сохранившій остатокъ ума, непремѣнно на то

и пускается въ этомъ самодурномъ кругѣ „темнаго царства“, если только пускается въ практическую дѣятельность; отсюда и произошла пословица, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ. Такимъ образомъ, подъ самодурами два разряда ихъ воспитанниковъ и кліентовъ—живые и неживые. Неживые, задавленные, неподвижные, такъ ужь и лежатъ, не обнаруживая никакихъ попытокъ: перетащатъ ихъ съ одного мѣста на другое—ладно, а не перетащатъ — такъ и сгніютъ.. Живые, напротивъ, все стараются помѣститься получше и поближе около самодура, а если линія подойдетъ, то и ножку ему подставитъ, чтобы сѣсть на него верхомъ и самимъ задурить. И новый самодуръ ужь бываетъ хуже, опаснѣй и долговѣчнѣй, потому что онъ хитрѣе прежняго и наученъ его горькимъ опытомъ. Такъ оно все и идетъ: за однимъ самодуромъ другой, въ другихъ формахъ, болѣе цивилизованныхъ, какъ Уланбекова цивилизована сравнительно, напримѣръ, съ Брусковымъ, но въ сущности съ тѣми-же требованіями и съ тѣмъ-же характеромъ. Живыя натуры угнетаемой стороны пускаются въ плутни для своего обезпеченія, а неживыя стараются своею неподвижностью и покорностью заслужить себѣ милость самодура и капельку живой воды (которую онъ, впрочемъ, даетъ имъ очень рѣдко, чтобы не слишкомъ оживились)“.

Рядомъ съ необузданнымъ господствомъ авторитета, не менѣе существенною причиной растлѣнія общественныхъ нравовъ представлялось крѣпостное право, которое отразилось самыми ужасными послѣдствіями на цѣлой средѣ общества, стоявшей до эпохи Добролюбова во главѣ интеллигенціи. Добролюбовъ съ тою-же обстоятельностью анализируетъ искаженіе нравственныхъ и умственныхъ качествъ людей подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, какую мы видимъ и при анализѣ вліянія господства авторитета. Вы не найдете статьи Добролюбова, въ которой, при томъ или другомъ случаѣ, въ той или другой формѣ, не было бы задѣто этой больной стороны нашего общественнаго организма. Но наиболѣе полному и подробному разсмотрѣнію этого вопроса посвящены двѣ статьи—„Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы“ (см. С. Д т. I, стр. 344) и „Что такое обломовщина?“ (см. С. Д. т. II, стр. 578). Послѣдняя статья представляется однимъ изъ самыхъ лучшихъ произведеній Добролюбова—рядомъ съ „Темнымъ царствомъ“, лучшимъ по важности и обширности обобщеній, къ которымъ приходитъ Добролюбовъ при своемъ анализѣ современной ему русской жизни. Тѣ умственныя и нравственныя качества, которыя г. Гончаровъ вложилъ въ типъ

своего героя, Добролюбовъ распространяетъ на всю среду, къ которой принадлежитъ Обломовъ, на всѣ прошедшіе и настоящіе идеалы этой среды, и, дѣлая весьма остроумныя сближенія, находитъ, что и Онѣгинъ, и Печоринъ, и Бельтовъ, и Рудинъ—суть тѣ-же Обломовы, только въ разныхъ формахъ, сообразно времени ихъ появленія и различію въ темпераментахъ.

„Общее у всѣхъ этихъ людей то—говоритъ Добролюбовъ (см. стр. 611)—что въ жизни нѣтъ имъ дѣла, которое бы для нихъ было жизненною необходимостью, сердечною святыней, которое бы органически срослось съ ними, такъ что отнять его у нихъ значило бы лишить ихъ жизни. Все у нихъ внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ ихъ натурѣ. Они, пожалуй, и дѣлаютъ что-то такое, когда принуждаетъ внѣшняя необходимость, такъ какъ Обломовъ ѣздилъ въ гости, куда тащилъ его Штольцъ, покупалъ ноты и книги для Ольги, читалъ то, что она заставляла его читать. Но душа ихъ не лежитъ къ тому дѣлу, которое наложено на нихъ случаемъ. Еслибы каждому изъ нихъ даромъ предложили всѣ внѣшнія выгоды, какія имъ доставляются ихъ работой, они бы съ радостью отказались отъ своего дѣла...

„Даже наиболѣе образованные люди, притомъ люди съ живою натурой, съ теплымъ сердцемъ, чрезвычайно легко отступаются въ практической жизни отъ своихъ идей и плановъ, чрезвычайно легко мирятся съ окружающею дѣйствительностью, которую, однако, на словахъ не перестаютъ считать пошлою и гадкою. Это значитъ, что все, о чемъ они говорятъ и мечтаютъ—у нихъ чужое, наносное; въ глубинѣ-же души ихъ коренится одна мечта, одинъ идеалъ—возможно-невозмутимый покой, квіэтизмъ, обломовщина...“

„Да, всѣ эти обломовцы никогда не переработывали въ плоть и кровь свою тѣхъ началъ, которыя имъ внушили, никогда не проводили ихъ до послѣднихъ выводовъ, не доходили то той грани, гдѣ слово дѣлается дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутреннею потребностью души, исчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силой, двигающей человѣкомъ. Потому-эти люди лгутъ безпрестанно, потому-то они и являются такъ несостоятельными въ частныхъ фактахъ своей дѣятельности. Потому-то и дороже для нихъ отвлеченныя воззрѣнія, чѣмъ живые факты, важнѣе общіе принципы, чѣмъ простая жизненная правда...

„Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это—Обломовъ.

„Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ—Обломовъ.

„Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность походовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности *тихаго шага* и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ—Обломовъ.

„Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали, я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

„Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіи многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ-же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку...

„Остановите этихъ людей въ ихъ смутномъ разглагольствованіи и скажите: вы говорите, что не хорошо то и то; что-же нужно дѣлать. Они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство, они скажутъ: „да какъ-же это такъ вдругъ?“ Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: что-же вы намѣрены дѣлать? Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: „Что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что-же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами...“ и пр. Больше отъ нихъ вы ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины“..!

Тѣ-же самыя средневѣковыя начала, которыя Добролюбовъ караетъ въ обществѣ, онъ находитъ и въ литературѣ.

Литература въ его время имѣла гордую, кичливую и воинственную осанку. Наполнившись массой рѣзкихъ и тщедушныхъ обличеній по части мелочныхъ и частныхъ злоупотребленій, въ то-же время литература становилась на ходули, приписывала себѣ громадное значеніе въ дѣлѣ общественнаго развитія, гордо величала себя судомъ общественной совѣсти, благодѣтельною гласностью и хвалилась тѣмъ, что она борется съ общественнымъ зломъ и разсѣеваетъ мракъ прошедшей ночи...

Но, по мнѣнію Добролюбова, литература всегда была и будетъ только отраженіемъ общественнаго настроенія. „Никогда и нигдѣ—говоритъ онъ—литературные дѣятели не сходили съ эѳирныхъ пространствъ и не приносили съ собою новыхъ началъ, независи-

мыхъ отъ дѣйствительной жизни. Литература постоянно отражаетъ тѣ идеи, которыя бродятъ въ обществѣ, и бо̀льшій или мѐньшій успѣхъ писателя можетъ служить мѣркой того, на сколько онъ умѣлъ въ себѣ выразить общественные интересы и стремленія“ (см. С. Д. т. II, стр. 439).

Но если это такъ, если литература служитъ отраженіемъ жизни, а не жизнь складывается по литературнымъ программамъ, то естественно, что если въ жизни преобладаютъ средневѣковыя начала господства авторитета и вліянія крѣпостнаго права, то и въ литературѣ должны преобладать тѣ-же начала и вліянія, та-же апатія, отсутствіе всякой инициативы, узкость взглядовъ, приниженность и т. п.

Всѣ вышеприведенные недостатки общества Добролюбовъ дѣйствительно находитъ въ современной ему литературѣ.

Начать съ того, что эта литература партіальная, то-есть, существуетъ въ нѣдрахъ одной среды, небольшаго кружка, и чуждая всякихъ народныхъ интересовъ, недоступная народу, удовлетворяетъ интересамъ и потребностямъ той горстп, для которой она существуетъ.

„Напрасно также у насъ — говоритъ Добролюбовъ (см. I, стр. 563) — и громкое названіе *народныхъ* писателей: народу, къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ дѣла до художественности Пушкина, до плѣнительной сладости стиховъ Жуковскаго, до высокихъ пареній Державина и т. д. Скажемъ больше: даже юморъ Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа. Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже онъ и грамотѣ выучится; онъ долженъ заботиться о томъ, какъ бы дать средства полмиліону читающаго люда прокормить себя и еще тысячу людей, которые пишутъ для удовольствія читающихъ. Забота немалая! Онато и служитъ причиной того, что литература доселѣ имѣетъ такой ограниченный кругъ дѣйствія. Не навязывай мы народу заботы о нашемъ прокормленіи и о всякомъ нашемъ удовольствіи, такъ, конечно, мы-же были бы въ выигрышѣ; наши просвѣщенныя идеи быстро распространились бы въ массахъ и мы стали бы имѣть больше значенія, наши труды стали бы цѣнить выше. Но, къ сожалѣнію, литература, то-есть, ея восхвалители и многіе дѣятели находятся въ горькомъ самообольщеніи, изъ котораго трудно извлечь ихъ. Изобразивши художественнымъ образомъ красу природы, неба, цвѣтъ розо-желтый облаковъ, или совершивши глубокій анализъ какого-нибудь перегороженнаго сердца, или трогательно раз-

сказавши исторію будочника, вынувшаго пятакъ изъ кармана пьянаго мужика, литераторъ воображаетъ, что онъ ужь невѣсть какой подвигъ совершилъ, и что отъ его созданія произойдутъ для народа послѣдствія неисчислимыя. Напрасно: созданіе это, во-первыхъ, и не дойдетъ до народа, а во-вторыхъ, если и дойдетъ, то ни мало не займетъ его и не принесетъ ему пользы. Массѣ народа чужды наши интересы, непонятны наши страданія, забавны наши восторги. Мы дѣйствуемъ и пишемъ, за немногими исключеніями, въ интересахъ кружка, болѣе или менѣе незначительнаго; оттого обыкновенно взглядъ нашъ узокъ, стремленія мелки, всѣ понятія и сочувствія носятъ характеръ партіальности. Если и трактуются предметы, прямо касающіеся народа и для него интересные, то трактуются опять не съ обще-справедливой, не съ человѣческой, не съ народной точки зрѣнія, а непремѣнно въ видахъ частныхъ интересовъ той или другой партіи, того или другаго класса".

Далѣе, затѣмъ, Добролюбовъ находитъ, что подобно тому, какъ общество наше подъ гнетомъ слѣпаго поклоненія авторитетамъ, обращаетъ вниманіе на различныя несовершенства общественнаго строя только тогда лишь, когда на нихъ устремляютъ свои взоры разныя авторитетныя личности, такъ и литература поднимаетъ вопросы, обсуждаетъ и обличаетъ постоянно заднимъ числомъ. Въ статьѣ „Литературныя мелочи прошлаго года" (см. С. Д. т. II, стр. 431) Добролюбовъ представляетъ цѣлый рядъ фактовъ изъ современной ему жизни, показывающихъ подобное отсутствіе всякой инициативы въ литературѣ. Въ статьяхъ-же „Русская сатира Екатерининскаго времени" (см. С. Д., т. I, стр. 117) и „О степени участія народности въ развитіи русской литературы" (см. С. Д., т. I, стр. 589), онъ проводитъ подобный-же взглядъ и на историческое прошлое нашей сатиры. „Стоитъ всмотрѣться пристальнѣе въ нашу сатиру — говоритъ онъ (см т. I, стр. 605) — чтобы убѣдиться, что она проповѣдывала зады. Положеніе нашихъ сатириковъ было, въ самомъ дѣлѣ, отлично-выгодное; они видѣли передъ глазами, въ другихъ частяхъ Европы, лучшій порядокъ, и могли смѣяться надъ нашимъ дурнымъ порядкомъ, зная, чего именно хотятъ они. Они могли выставлять на позоръ наши заблужденія, наше невѣжество, почерпнувъ изъ западной науки истины, еще неизвѣстныя и недоступныя нашему обществу. Но что-же дѣлала сатира? Она всегда шла позади жизни, тогда какъ, по своему исключительному положенію среди нашего общества, могла

опережать ее; она видѣла порокъ только тогда, когда онъ былъ уже уличенъ, опубликованъ и всенародно наказанъ; ранѣе она не осмѣливалась дотронуться до него...“

Но этого мало, что сатира шла позади реформъ—она постоянно отличалась мелочностью и узкостью взгляда.

„Когда человѣкъ говоритъ о дѣлѣ — говоритъ Добролюбовъ въ статьѣ „Русская сатира Екатерининскаго времени“ (см. т. I, стр. 119) — то прямая цѣль его словъ та, чтобы дѣло было сдѣлано; когда сатирикъ возстаетъ противъ недостатковъ, то у него непремѣнно есть стремленіе исправить недостатки. Но чтобы подобная цѣль могла достигаться, нужно говорить дѣльно и договаривать до конца; иначе никакого толку не выйдетъ. Если меня, напримѣръ, порицаютъ за то, что я живу въ дурной квартирѣ и ѣмъ плохую пищу, между тѣмъ, какъ у меня нѣтъ денегъ для лучшей квартиры и пищи, то очевидно, что всѣ порицанія не принесутъ мнѣ ровно никакой пользы. Человѣкъ, истинно желающій, чтобы я исправился отъ дурной привычки скудно ѣсть и жить въ бѣдности, непремѣнно обратитъ свои обличенія не на квартиру и столъ мой, а на то, зачѣмъ я самъ ничего не дѣлаю для своего обезпеченія, или на то, зачѣмъ другіе не вознаграждаютъ моего труда, какъ слѣдуетъ. То-же самое и въ нравственной жизни общества. Большая часть общественныхъ явленій не можетъ быть измѣнена просто волей частныхъ лицъ: нужно измѣнить обстановку, дать другія начала для общей дѣятельности, и тогда уже обличать тѣхъ, которые не съумѣютъ воспользоваться выгодами новаго устройства. Наши сатирики отчасти не хотѣли понять этого, а отчасти и понимали, да не могли выразить. Они нападали на необразованность, взяточничество и ханжество, отсутствіе законности, слѣпость и жестокость въ обращеніи съ низшими, подлость передъ высшими и пр. Но весьма рѣдко въ этихъ обличеніяхъ проглядывала мысль, что всѣ эти частныя явленія суть не что иное, какъ неизбѣжныя слѣдствія ненормальности всего общественнаго устройства. Большею частью нападали на взяточника такъ, какъ будто бы все зло взяточничества зависѣло единственно отъ личной наклонности такихъ-то къ обдиранію просителей. Никогда въ сатирахъ нашихъ вопросъ о взяткахъ не переходилъ въ разсмотрѣніе общаго вреда бюрократіи и тѣхъ обстоятельствъ, которыми сама бюрократія порождена и развита. То-же было и во всѣхъ другихъ вопросахъ. Большая часть сатириковъ нашихъ уподобилась человѣку, обличающему бѣдняка за то, что тотъ не

живетъ въ роскоши, и добросовѣстно убѣжденному, что отъ этихъ обличеній жизнь бѣдняка пойдетъ лучше. Нѣкоторые изъ обличителей задавались такою мыслью: „мы, дескать, будемъ обличать и ославлять бѣдняка за его скудость; когда это дойдетъ до хозяина, отъ котораго онъ получаетъ жалованье, такъ хозяинъ-то усовѣстится да и сдѣлаетъ ему прибавку“. Разсужденіе это, замѣчательное по своей наивности, очевидно, руководило весьма многими изъ нашихъ сатириковъ, отъ Сумарокова до нашихъ дней, и, вслѣдствіе того, обличенія бѣдняка въ скудости обыкновенно заканчивались увѣщаніемъ исправиться, оставаясь на службѣ у того-же хозяина...“.

Такой-же характеръ, по мнѣнію Добролюбова, имѣла обличительная литература и въ его время.

„Уже нѣсколько лѣтъ—говоритъ онъ (см. т. I, стр. 443)—всѣ наши журналы и газеты трубятъ, что мгновенно, какъ бы по манію волшебства, Россія вскочила со сна и во всю мочь побѣжала по дорогѣ прогресса, такъ что ее теперь собаками не догонишь... Нѣсколько лѣтъ уже каждая статейка, претендующая на современное значеніе, непремѣнно начинается у насъ словами: *„въ настоящее время, когда поднято столько общественныхъ вопросовъ“* и т. д., слѣдуетъ изложеніе вопросовъ. Нѣсколько лѣтъ уже русская литература льстила обществу, увѣряя, что въ немъ теперь пробудилось самосознаніе, раскаяніе въ своихъ порокахъ, стремленіе къ совершенствованію; а русское общество похваливало литературу за то, что она такъ старается вызолотить горькія пилюли, которыя, наконецъ, заставила его принимать прошедшая его жизнь. Лесть и самообольщеніе—таковы были главныя качества *современности* въ литературныхъ явленіяхъ послѣдняго времени. Странно сказать это о литературѣ въ то время, когда она изъ кожи лѣзла, по собственному признанію, *преслѣдуя* и *обличая*, *карая и вырывая съ корнемъ* всякое зло и непотребство на землѣ русской. Но всмотритесь пристальнѣе въ характеръ этихъ обличеній, вы безъ особеннаго труда замѣтите въ нихъ нѣжность неслыханную, доходящую до приторности, равняющуюся развѣ только нѣжности, обнаруженной во взаимныхъ отношеніяхъ тѣхъ достойныхъ друзей, одинъ изъ которыхъ у Гоголя мечтаетъ о томъ, какъ „высшее начальство, узнавъ о ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами“.

„Конечно, это плохо, гадко, безумно, отвратительно“, говорятъ всѣ обличители, не скупясь на сильные эпитеты, и вы думаете: вотъ мо-

лодцы-то, вотъ энергическіе-то дѣятели!.. Погодите немножко: это въ нихъ говоритъ Собакевичъ; но Маниловъ не замедлитъ вступить въ свои права, и у нихъ тотчасъ явится мостикъ черезъ рѣчку, и огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что оттуда можно видѣть даже Москву.

— Конечно, чиновники берутъ взятки, но вѣдь это единственно отъ недостаточности жалованья; прибавьте жалованья, и взятокъ не будетъ въ Россіи... Невозможно-же допустить предположеніе, чтобы взятки брали и тѣ чиновники, которые, по своему чину и мѣсту служенія, получаютъ хорошіе оклады. Нѣтъ, какъ можно: вся язва взяточничества ограничивается чиновниками низшихъ судебныхъ инстанцій, получающими ничтожное жалованье.

— Просвѣщеніе плохо подвигается—правда. Но вѣдь вся бѣда въ томъ только, что въ гимназіяхъ учителя и учебники плохи. Но еслибы гимназіи приготовляли достойныхъ слушателей для нашихъ великихъ профессоровъ, да еслибы профессора и академики удостоили заняться составленіемъ учебниковъ, о! тогда у насъ мгновенно водворилось-бы лучезарное просвѣщеніе. „Общества нѣтъ въ деревнѣ; надобно въ городъ ѣздить, чтобы увидаться съ образованными людьми—какъ говоритъ Маниловъ. Но, конечно, еслибы сосѣдство близкое, еслибы такой человѣкъ, съ которымъ бы въ нѣкоторомъ родѣ можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку...“ словомъ, еслибы такой образцовый человѣкъ, какъ вы, Павелъ Ивановичъ... о! тогда наша деревня и уединеніе имѣли бы много пріятностей...

— Ремесленный классъ у насъ въ дурномъ положеніи—жаль. Но это зависитъ, впрочемъ, отъ личности хозяевъ, и больше ни отчего; надо только запретить хозяевамъ бить и морить голодомъ мальчишекъ, и ремесленники наши будутъ блаженствовать.

— Промышленность у насъ развивается слабо, торговля не въ блестящемъ положеніи... Ахъ, это очень просто: конкурренція слаба, оттого, что тарифъ высокъ. Пониженный тарифъ—это универсальная и радикальная мѣра для развитія нашей промышленности.

— Мужики живутъ плохо. Что дѣлать? Мужики, во-первыхъ, грубы и необразованны; а вслѣдствіе того, во-вторыхъ, они мало имѣютъ потребностей и неспособны къ высшимъ, деликатнымъ наслажденіямъ. Они привыкли къ своей судьбѣ, и ею довольны; значитъ, объ этомъ и толковать нечего. Слѣдуетъ только позаботиться объ уничтоженіи *злоупотребленій* ихъ положенія.

*

— Пропивается сильно русскій человѣкъ... Это грустное явленіе... Но, вѣдь, тутъ вся бѣда оттого происходитъ, что система винныхъ сборовъ несовершенно устроена. Стоитъ завести акцизъ вмѣсто прежняго откупа (и даже съ небольшою надбавкой), и все пойдетъ отлично.

Въ такомъ видѣ представляются намъ почти всѣ русскіе обличители. Кричатъ, кричатъ противъ какихъ-то злоупотребленій, какихъ-то дурныхъ порядковъ... Подумаешь, у нихъ на умѣ и Богъ знаетъ какія обширныя соображенія. И вдругъ, смотришь, у нихъ самыя кроткія и милыя требованія: мало этого, оказывается, что они и кричатъ-то вовсе не изъ-за того, что составляетъ дѣйствительный, существенный недостатокъ, а изъ-за какихъ-нибудь частностей и мелочей..."

Но Добролюбовъ не ограничивался одними отрицаніями средневѣковыхъ и отжившихъ началъ въ жизни и литературѣ и ратованіями противъ печальныхъ результатовъ долгаго господства этихъ началъ. Рядомъ съ отрицательными взглядами онъ постоянно проповѣдывалъ новые положительные идеалы, стоящіе въ разрѣзъ со всѣми старыми. Такъ, въ статьѣ „Литературныя мелочи прошлаго года" онъ впервые въ нашей литературѣ сдѣлалъ параллель между людьми сороковыхъ годовъ и молодымъ поколѣніемъ. „Люди сороковыхъ годовъ, по его мнѣнію, проникнуты были высокими, но нѣсколько отвлеченными стремленіями. Они стремились къ истинѣ, желали добра, ихъ плѣняло прекрасное; но выше всего былъ для нихъ *принципъ*. *Принципомъ*-же называли общую философскую идею, которую признавали основаніемъ всей своей логики и морали. Страшной мукой сомнѣнья и отрицанья купили они свой принципъ и никогда не могли освободиться отъ его давящаго, мертвящаго вліянія. Что-то пантеистическое было у нихъ въ признаніи принципа: жизнь была для нихъ служеніемъ принципу, человѣкъ—рабомъ принципа; всякій поступокъ, не соображенный съ принципомъ, считался преступленіемъ. Отвлекшись такимъ образомъ отъ дѣйствительной жизни и обрекши себя на служеніе принципу, они не умѣли вѣрно разсчитать свои силы и взяли на себя гораздо больше, чѣмъ сколько могли сдѣлать. Немногіе только умѣли, подобно Бѣлинскому, слить самихъ себя съ своимъ принципомъ и такимъ образомъ придать ему жизненность. У Бѣлинскаго внѣшній, отвлеченный принципъ превратился въ его внутреннюю, жизненную потребность: проповѣдывать свои идеи было для него столь-же необходимо, какъ

ѣсть и пить. Но немногіе могли дойти до такого сліянія своей личности съ философскимъ принципомъ. Большая часть осталась только при разсудочномъ пониманіи принципа и потому вѣчно насиловали себя на такія вещи, которыя были имъ вовсе не по натурѣ и не по нраву. Отсюда вѣчно фальшивое положеніе, вѣчное недовольство собою, вѣчное ободреніе и расшевеливанье себя громкими фразами, и вѣчныя неудачи въ практической дѣятельности". (См. т. II-й, стр. 456).

Противъ людей сороковыхъ годовъ, людей отвлеченнаго принципа, Добролюбовъ ставитъ новыхъ людей—реальныхъ, людей „съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ", какъ онъ называетъ ихъ. „Благодаря трудамъ прошедшаго поколѣнія—говоритъ онъ—*принципъ* достался этимъ людямъ уже не съ такимъ трудомъ, какъ ихъ предшественникамъ, и потому они не столь исключительно привязали себя къ нему, имѣя возможность и силы повѣрить его и соразмѣрять съ жизнію. Осмотрѣвшись вокругъ себя, они, вмѣсто всѣхъ туманныхъ абстракцій и призраковъ прошедшихъ поколѣній, увидѣли въ мірѣ только *человѣка*, настоящаго человѣка, состоящаго изъ плоти и крови, съ его дѣйствительными, а не фантастическими отношеніями ко всему внѣшнему міру. Они въ самомъ дѣлѣ стали мельче, если хотите, и потеряли ту стремительную страстность, которою отличалось прошлое поколѣніе; но за то они гораздо тверже и жизненнѣе... они спустились изъ безграничныхъ сферъ абсолютной мысли и стали въ ближайшее соприкосненіе къ дѣйствительной жизни. Отвлеченныя понятія замѣнились у нихъ живыми представленіями, подробности частныхъ фактовъ обрисовались ярче и отняли много силы у общихъ опредѣленій. Люди новаго времени не только поняли, но и почувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе. Оттого для нихъ невозможно увлеченіе тенденціями, подобными, напримѣръ, слѣдующимъ: „pereat mundus et fiat justitia"; „лучше умереть, нежели солгать хоть разъ въ жизни"; „лучше убить свое сердце, чѣмъ измѣнить хоть однажды долгу супружескому, или сыновнему, или гражданскому" и т. д. Все это для нихъ слишкомъ абстрактно и слишкомъ мало имѣетъ значенія. На первомъ планѣ всегда стоитъ у нихъ человѣкъ и его прямое, существенное благо; эта точка зрѣнія отражается во всѣхъ ихъ поступкахъ и сужденіяхъ Сознаніе своего кровнаго, живаго родства съ человѣчествомъ, полное разумѣніе солидарности всѣхъ человѣческихъ отношеній между

собою — вотъ тѣ внутренніе возбудители, которые занимаютъ у нихъ мѣсто *принципа*. Ихъ послѣдняя цѣль—не совершенная, рабская вѣрность отвлеченнымъ высшимъ идеямъ, а принесеніе возможно большей пользы человѣчеству; въ ихъ сужденіяхъ люди возвышаются не потому, сколько было въ нихъ сокрыто великихъ силъ и талантовъ, а потому, сколько они желали и умѣли сдѣлать пользы человѣчеству; не тѣ событія обращаютъ на себя особое ихъ вниманіе, которыя имѣютъ характеръ грандіозный или патетическій, а тѣ, которыя сколько-нибудь подвинули благосостояніе массъ человѣчества..."

Впрочемъ, было бы ложно думать, что Добролюбовъ только и ограничивался, что этимъ идеаломъ молодаго поколѣнія, построеннымъ на чисто философскихъ основаніяхъ, и что въ замѣнѣ отвлеченныхъ принциповъ реальными взглядами онъ полагалъ все спасеніе русскаго общества. Взгляды его были въ этомъ отношеніи гораздо шире и глубже тѣхъ изъ позднѣйшихъ публицистовъ, которые, ограничиваясь прославленіемъ молодаго поколѣнія и на одну только среду трезвыхъ реалистовъ „съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ" возлагали всѣ свои упованія. Преслѣдуя самодурство, дармоѣдство, праздность и апатію однихъ людей, приниженность, низкую угодливость и коварство другихъ—однимъ словомъ, всѣ пороки, громоздящіеся въ старомъ средневѣковомъ строѣ жизни—Добролюбовъ искалъ свѣжихъ, нерастлѣнныхъ силъ общества во всѣхъ слояхъ общества. Типъ пламеннаго энтузіаста, преданнаго душой и тѣломъ дѣлу спасенія своей родины и слившійся съ этимъ дѣломъ, былъ его высшимъ идеаломъ, который онъ представилъ въ своей характеристикѣ Инсарова, но это не мѣшало ему сочувственно относиться ко всякому проявленію въ жизни простоты, искренности, гуманности, любви къ труду, сознанія чувства своего достоинства и готовности отстоять его, хотя бы цѣною жизни, противъ покушеній самодурства... Но гдѣ-же могъ находить Добролюбовъ всего болѣе такихъ качествъ? Очевидно, въ средѣ простыхъ и бѣдныхъ тружениковъ, не растлѣнныхъ высокомѣріемъ, дармоѣдствомъ и праздностью, средѣ, близко знакомой ему съ дѣтства, средѣ, къ которой онъ самъ принадлежалъ, наконецъ, въ массѣ чернаго люда, интересы котораго онъ ставилъ на первый планъ во всѣхъ общественныхъ вопросахъ. Къ этой средѣ всего болѣе лежало его сердце, къ ней стремились всѣ его симпатіи, въ ней онъ искалъ болѣе всего свѣжихъ силъ, въ нее онъ вѣрилъ и полагался на нее въ гораздо большей степени, чѣмъ

даже на массу интеллигенціи, на которую онъ, напротивъ того, постоянно смотрѣлъ скептически. Замѣчательно, что впродолженіи всей своей дѣятельности, всего одинъ только разъ онъ, въ контрастъ всего стараго и отжившаго, выставилъ молодое поколѣніе. По большей-же части, для своихъ контрастовъ онъ обращался къ средѣ простолюдиновъ. Такъ, мы видимъ, въ статьѣ „Черты для характеристики русскаго простонародья“ (по поводу разсказовъ Марка Вовчка), вотъ какую параллель проводитъ Добролюбовъ между интеллигенціей и простыми классами народа:

„Общее разслабленіе, болѣзненность, неспособность къ глубокой, сосредоточенной страсти характеризуетъ если не всѣхъ, то *большинство* нашихъ „цивилизованныхъ“ собратій. Оттого-то они и мечутся безпрестанно то туда, то сюда, сами не зная, чего имъ нужно и чего имъ жалко. Желаютъ они—такъ, что жить безъ того не могутъ, и, все-таки, ничего не дѣлаютъ для осуществленія своихъ желаній; страдаютъ они—такъ что умереть лучше, а живутъ себѣ, ничего, только меланхолическій видъ принимаютъ. Не то у простаго человѣка: онъ или неглижируетъ, вниманія не обращаетъ на предметъ и ужь не толкуетъ о своихъ желаніяхъ, или ужь если привяжется, если рѣшится, то привяжется и рѣшится энергически, сосредоточенно, неотступно. Страсть его глубока и упорна и препятствія не страшатъ его, когда ихъ нужно одолѣть для достиженія страстно-желаннаго и глубоко задуманнаго. Если-же нельзя достигнуть, простой человѣкъ не останется, сложа руки: по малой мѣрѣ, онъ измѣнитъ все свое положеніе, весь образъ своей жизни, убѣжитъ, въ солдаты наймется, въ монастырь пойдетъ; часто онъ просто, естественнымъ образомъ не переживетъ неудачи въ достиженіи цѣли, которая уже проникла въ существо его и сдѣлалась ему необходима для жизни; если-же физическое сложеніе его слишкомъ крѣпко и можетъ вынести больше, нежели сколько нужно для крайняго раздраженія нервовъ и фантазіи, онъ не церемонится покончить съ собою насильственнымъ образомъ. И это тоже служитъ для насъ свидѣтельствомъ, какъ для простаго, здороваго человѣка, разъ почувствовавшаго свою личность и ея права, несносна жизнь безплодная, безполезная, автоматическая, безъ принциповъ и стремленій, безъ смысла и правды, жизнь, подобная той, какую проводятъ, напримѣръ, Игрушечкины господа и многіе другіе въ томъ же родѣ“ (см. С. Д. т. III-й, стр. 454).

Этотъ нравственный закалъ въ простыхъ людяхъ Добролюбовъ прямо выводитъ изъ склада ихъ жизни, чуждой самодурскихъ осно-

ваній. Такъ, восхищаясь типомъ Дуни въ „Бѣдной невѣстѣ“ Островскаго, Добролюбовъ говоритъ:

„Да, эта дѣвушка сохранила въ себѣ чистоту сердца и все благородство, доступное человѣку. Но что-же она такое въ нашемъ обществѣ? Не отвержена-ли она имъ? *Да и не этому-ли отверженію, не отчужденію-ли отъ мрака самодурныхъ дѣлъ, кишащихъ въ нашей средѣ общественной, надобно приписать и то, что она такъ отрадно сіяетъ передъ нами благородствомъ и ясностью своего сердца?*“ (см. т. III-й, стр. 149).

То же самое говоритъ онъ и о Любимѣ Торцовѣ:

„Онъ грязенъ, пьянъ, тяжелъ; онъ надорванъ жизнію и очень запустилъ самъ себя. *Но та-же самая жизнь, лишивъ его готовыхъ средствъ къ существованію, унизивъ и заставивъ терпѣть нужду, сдѣлала ему то благодѣяніе, что подломила въ немъ основу самодурства.* Онъ—родной братецъ Гордѣя Карпыча и, по его-же разсказамъ, былъ съ молоду самодуромъ не хуже его. Но какъ пришлось ему пасынничать на морозѣ за пятачокъ, да просить милостыню, да у брата изъ милости жить, такъ тутъ пробудилось въ немъ и человѣческое чувство, и сознаніе правды, и любовь къ бѣднымъ братьямъ, и даже уваженіе къ труду...“

Но изъ всѣхъ простыхъ типовъ наиболѣе всего увлекся Добролюбовъ типомъ Катерины въ „Грозѣ“, посвятивъ характеристикѣ этого типа цѣлую статью подъ названіемъ „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“. Типъ Катерины разочаровалъ его, не говоря о всѣхъ прочихъ сильныхъ типахъ, выставленныхъ въ нашей беллетристикѣ, даже въ Инсаровѣ, которымъ онъ восхищался въ статьѣ: „Когда-же придетъ настоящій день“.

„Русская жизнь — говоритъ онъ въ своей статьѣ о „Грозѣ“ Островскаго (см. т. III-й, стр. 537)—дошла, наконецъ, до того, что добродѣтельныя и почтенныя, но слабыя и безличныя существа не удовлетворяютъ общественнаго сознанія и признаются никуда негодными. Почувствовалась неотлагаемая потребность въ людяхъ, хотя бы и менѣе прекрасныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ. Иначе и невозможно: какъ скоро сознаніе правды и права, здравый смыслъ проснулись въ людяхъ, они непремѣнно требуютъ не только отвлеченнаго съ ними согласія (которымъ такъ блистали всегда добродѣтельные герои прежняго времени), но и внесеніе ихъ въ жизнь, въ дѣятельность. Но чтобы внести ихъ въ жизнь, надо побороть много препятствій, подставляемыхъ Дикими, Кабановыми и т. п.; для преодолѣнія препятствій нужны

характеры предпріимчивые, рѣшительные, настойчивые. Нужно, чтобы въ нихъ воплотилось, съ ними слилось то общее требованіе правды и права, которое, наконецъ, прорывается въ людахъ сквозь всѣ преграды, поставленныя дикими самодурами. Теперь задача представлялась въ томъ, какъ-же долженъ образоваться и проявиться характеръ, требуемый у насъ новымъ поворотомъ общественной жизни. Задачу эту пытались разрѣшить наши писатели, но всегда болѣе или менѣе неудачно. Намъ кажется, что всѣ ихъ неудачи происходили оттого, что они просто логическимъ процессомъ доходили до убѣжденія, что такого характера ищетъ русская жизнь, и затѣмъ кроили его сообразно съ своими понятіями о требованіяхъ доблести вообще и русской въ особенности. Такимъ образомъ, и явился, напримѣръ, Калиновичъ, чуть не таскающій купца за бороду, чтобы тотъ пожертвовалъ десять тысячъ на пользу общества, и истязающій въ тюрьмѣ стараго князя, на любовницѣ котораго женился, чтобы составить себѣ карьеру. Такъ явился и Штольцъ, отлично управляющій имѣніями и умѣющій живо уничтожать фальшивые векселя при помощи благодѣтельнаго начальства. Явился Инсаровъ, бросающій нѣмца въ воду, несоглашающійся жить даромъ, въ гостяхъ на дачѣ у пріятеля, и даже рѣшающійся жениться на любимой дѣвушкѣ!! Явилась и княжна Зинаида, нѣчто среднее между Печориным и Ноздревымъ въ юбкѣ... Не такъ понятъ и выраженъ русскій сильный характеръ въ „Грозѣ“. Онъ прежде всего поражаетъ насъ своею противоположностью всякимъ самодурнымъ началамъ. Не съ инстинктомъ буйства и разрушенія, но и не съ практическою ловкостью улаживать для высокихъ цѣлей свои собственныя дѣлишки, не съ безсмысленнымъ трескучимъ пафосомъ, но и не съ дипломатическимъ, педантскимъ разсчетомъ является онъ передъ нами. Нѣтъ, онъ сосредоточенно-рѣшителенъ, неуклонно вѣренъ чутью естественной правды, исполненъ вѣры въ новые идеалы и самоотверженъ въ томъ смыслѣ, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тѣхъ началахъ, которыя ему противны. Онъ водится не отвлеченными принципами, не практическими соображеніями, не мгновеннымъ пафосомъ, а просто *натурой*, всѣмъ существомъ своимъ. Въ этой цѣльности и гармоніи характера заключается его сила и существенная необходимость его въ то время, когда старыя, дикія отношенія, потерявъ всякую внутреннюю силу, продолжаютъ держаться внѣшнею, механическою связью...“

Но не одни только отдѣльныя проявленія цѣльныхъ натуръ

искалъ Добролюбовъ среди простыхъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ питалъ живую и горячую вѣру въ массу народа во всей ея сложности и видѣлъ въ ней единственную мощную силу, на которую можетъ всегда положиться во всѣхъ своихъ разумныхъ и благихъ стремленіяхъ безсильная и ничтожная сама по себѣ интеллигенція. Онъ былъ чуждъ тѣхъ славянофильскихъ тенденцій, по которымъ „что ни мужикъ, то геній“, или „русскій мужикъ топоромъ больше сдѣлаетъ, чѣмъ англичане со всѣми машинами“ (см. т. III, стр. 411), но еще въ бо̀льшей степени чуждъ онъ былъ противуположной крайности, того завѣщаннаго крѣпостнымъ правомъ мнѣнія, что народъ есть не что иное, какъ стадо безсмысленныхъ барановъ, не имѣющихъ ни человѣческаго разума, ни человѣческихъ чувствъ, ни даже человѣческаго языка, и что весь вопросъ состоитъ въ томъ, какихъ пастуховъ поставить надъ этими стадами: знакомыхъ со всѣми послѣдними открытіями естествознанія или незнакомыхъ. Добролюбовъ далекъ былъ отъ того пресловутаго мнѣнія цивилизованныхъ баричей, что народъ самъ собою никогда не дойдетъ до сознанія малѣйшаго улучшенія своего быта, пока трезвые реалисты съ крѣпкими нервами не снизойдутъ до него и не просвѣтятъ его... Онъ зналъ, что такой путь прогресса очень долгій и пришлось бы ждать много столѣтій, пока трезвымъ реалистамъ удалось бы сдѣлать это. Вѣря, что въ народѣ таится живая сила жизни, хотя и подавленная временно, онъ полагалъ, что эта сила можетъ воспрянуть гораздо скорѣе, прежде чѣмъ народные благодѣтели примутся за дѣло просвѣщенія народа. Съ цѣлью внушить обществу это свое завѣтное вѣрованіе въ народъ, Добролюбовъ написалъ двѣ статьи „Непостижимая странность“ (см. С. Д., т. IV, стр 140) и „Народное дѣло. Распространеніе обществъ трезвости“ (т. IV, стр. 71). Въ первой статьѣ онъ разсказываетъ о томъ, какъ внезапно воскресли къ новой жизни и дѣятельности итальянцы, повидимому, совершенно подавленныя подъ гнётомъ средневѣковыхъ предразсудковъ, невѣжества, суевѣрія и считавшіеся народомъ, лишеннымъ всякой жизни и стремленій къ лучшему. Во второй статьѣ онъ имѣетъ дѣло съ нашимъ народомъ, который выразилъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, свой протестъ противъ винныхъ откуповъ заведеніемъ обществъ трезвости, и выразилъ его вполнѣ самостоятельно, безъ всякихъ вліяній литературныхъ или какихъ-нибудь другихъ. Въ статьѣ этой мы остановимся на одной страницѣ, которая, по нашему мнѣнію, выражаетъ всю суть убѣжденій Добролюбова и

бросаетъ яркій свѣтъ на весь характеръ его литературной дѣятельности. Вотъ это мѣсто (см. стр. 79-ю): „Нѣтъ такой вещи, которую бы можно было гнуть и тянуть безконечно: дойдя до извѣстнаго предѣла, она непремѣнно изломится или оборвется. Такъ точно нѣтъ на свѣтѣ человѣка и нѣтъ общества, котораго нельзя было бы вывести изъ терпѣнія. Вѣчной апатіи нельзя предположить въ существѣ живущемъ; за летаргіей должна слѣдовать или смерть, или пробужденіе къ дѣятельной жизни. Слѣдовательно, ежели правда, что нашъ народъ совершеннно равнодушенъ къ общественнымъ дѣламъ, то изъ этого вытекаетъ вопросъ: нужно-ли считать это признакомъ близкой смерти націи, или нужно ждать скораго пробужденія? пессимисты готовы, пожалуй, осудить на медленную смерть цѣлое племя славянское; но, по нашему глубокому убѣжденію, они крайне несправедливы. Ихъ обманываетъ временная летаргія, и они не хотятъ видѣть признаковъ жизненности, по временамъ обнаруживающихся въ нашемъ народѣ. А между тѣмъ, существованіе этихъ признаковъ не только подтверждается внимательными наблюденіями, но даже оправдывается нѣкоторыми соображеніями a priori. Говоря о народѣ, у насъ сожалѣютъ, обыкновенно, о томъ, что къ нему почти не проникаютъ лучи просвѣщенія, и что онъ, поэтому, не имѣетъ средствъ возвысить себя нравственно, сознать права личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности, и проч. Сожалѣнія эти очень благородны и даже основательны; но они вовсе не даютъ намъ права махнуть рукой на народныя массы и отчаяться въ ихъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученье, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь — путь жизненныхъ фактовъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо. Факты жизни не пропускаютъ никого мимо; они дѣйствуютъ и на безграматнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій въ жизни, нарушеніе первыхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности человѣка — всегда дѣйствуютъ несравненно возбудительнѣе, нежели самыя громкія и высокія фразы о правдѣ и чести. Точно такъ и наоборотъ: матеріальное довольство и полное признаніе всѣхъ нравственныхъ правъ человѣка успокоиваетъ его

несравненно болѣе, нежели всѣ глубокомысленныя внушенія о кротости и благодушномъ терпѣніи. Поэтому, если розовое настроеніе духа, развивающееся въ богатомъ лежебокѣ, мы не можемъ принять за доказательство того, что и для рабочаго бѣдняка очень весело жить на свѣтѣ; такъ отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы, въ противномъ случаѣ, нельзя было сдѣлать заключенія обратно. Напротивъ, если богатый и свободный отъ дѣлъ человѣкъ жалуется на то, что тяжело жить на свѣтѣ, то изъ этого именно можно заключить, что бѣдному труженику еще тяжелѣе, хотя онъ, можетъ быть, и не умѣетъ такъ краснорѣчиво изобразить свои страданія, по недостатку образованности. Образованность именно ведетъ къ бо̀льшей или мѐньшей степени ясности сознанія и, затѣмъ, къ умѣнью формулировать то, что сознается... Но и неформулированное страданіе, все-таки, страданіе. Пусть оно таится, пусть не принимаетъ опредѣленнаго выраженія, это не должно обманывать насъ: есть предѣлъ, за которымъ оно можетъ ярко обозначиться, и тогда безъ всякихъ книгъ, безъ всякихъ отвлеченныхъ соображеній, не говоря никакихъ фразъ, даже не принимая особаго имени для себя, оно проявится на самомъ дѣлѣ. *Дѣйствительный фактъ, отразившись въ практической жизни дѣятельнаго, рабочаго человѣка, породитъ тоже дѣйствительный фактъ, тогда какъ книжныя теоріи и предположенія образованныхъ людей, можетъ быть, такъ и останутся только теоретическими предположеніями*".

Въ этой тирадѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ основанія пропаганды Добролюбова, слагавшейся изъ двухъ элементовъ: глубокой вѣры въ народъ, въ его живыя силы, готовыя перейти въ дѣятельность подъ вліяніемъ жизненныхъ фактовъ и рядомъ съ этимъ недовѣріе къ пассивной интеллигенціи, возросшей на гнилой почвѣ самодурства и обломовщины... Изъ этихъ двухъ элементовъ его пропаганды прямо проистекаетъ, какъ, съ одной стороны, наклонность его къ выставленію контрастовъ простой среды съ цивилизованною, далеко не въ пользу послѣдней, такъ, съ другой стороны, весь безчисленный рядъ сарказмовъ, которыми онъ при каждомъ удобномъ случаѣ осыпалъ интеллигенцію со всѣмъ ея мишурнымъ прогрессомъ отвлеченныхъ теорій и громкихъ, риторическихъ фразъ, заносчивой кичливости на словахъ и дряблымъ безсиліи, безхарактерности и несостоятельности на дѣлѣ...

Не долго продолжалась дѣятельность Добролюбова; въ концѣ 1860 года его уже не было. Но столь плодовита и плодотворна

была она, что вся послѣдующая эпоха прогрессивной литературы можетъ быть названа эпохой Добролюбова, потому что литература въ эпоху эту разработывала и развивала то, что положилъ въ основіе ея представитель, шла по его направленію. И до сихъ поръ еще вліяніе Добролюбова ощущается во всемъ, что только есть лучшаго въ современной нашей литературѣ. Если вы и встрѣтите какія-либо отступленія отъ того пути, на который поставилъ Добролюбовъ литературу, то отступленія эти имѣютъ не прогрессивный, а регрессивный характеръ, такъ что вполнѣ выдерживаютъ буквальный смыслъ слова *отступленіе*.

Вліяніе Добролюбова на жизнь было еще благотворнѣе и ощутимѣе. Представитель среды мыслящаго труженичества, онъ выдвинулъ эту среду впередъ изъ мрака, загнанности и робости, онъ внушилъ ей сознаніе собственнаго достоинства, возбудилъ въ ней горячую энергію и направилъ ее на служеніе народнымъ интересамъ и на упорную борьбу со всѣми мрачными элементами невѣжества и самодурства. Послѣ него и въ литературѣ, и въ жизни все истинно прогрессивное устремилось на путь реальныхъ стремленій о *существенномъ* улучшеніи благосостоянія нарсда. Всѣ мертвые, отвлеченные принципы, поверхностный диллетантизмъ, метафизика и этетика, напыщенная риторика и эпикурейская созерцательность—все это удалилось пресмыкаться и отживать свой вѣкъ на задніе дворы литературы и жизни. Идеалъ энергическаго, честнаго труженика—простаго, искренняго, естественнаго и безъискусственнаго въ различныхъ проявленіяхъ своихъ чувствъ и стремленій, руководящагося во всѣхъ своихъ поступкахъ *натурой*, живою страстью, а не отвлеченными принципами — такой идеалъ смѣнилъ всѣ прежніе. Выше и естественнѣе этого идеала до сихъ поръ еще не создала жизнь и нужно-ли прибавлять, что, всматриваясь во всѣ факты жизни Добролюбова, его развитіе, его энергическую дѣятельность, наконецъ, доблестную кончину въ самоотверженіи упорнаго труда и борьбы—невольно приходишь къ заключенію, что, проповѣдуя вышеупомянутый идеалъ, Добролюбовъ проповѣдывалъ самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, няиболѣе полное, укзбеорпзненно-совершенное, доблестное сліяніе съ проповѣдываемымъ идеаломъ рѣдко вы встрѣтите въ исторіи. Понятно, что передъ этимъ чистымъ, свѣтлымъ, незапятнаннымъ ни одною пылинкой образомъ смолкаетъ всякая вражда и останавливаются въ безмолвіи жолчные памфлетисты, злобные приверженцы мрака и обскурантизма, которые, конечно, не переставали бы вопить и глу-

миться надъ священною памятью неумолимаго карателя ихъ, если-бы они хоть одно пятнышко усматривали на этой памяти.

Очеркомъ дѣятельности Добролюбова мы можемъ считать свой трудъ покончеинымъ. Надѣемся, что цѣль, которую предположили мы въ вступленіи къ нашему обозрѣнію, хоть въ малой мѣрѣ достигнута—при всѣхъ недостаткахъ труда. Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы очертить процессъ развитія передовой мысли нашего общества отъ двадцатыхъ годовъ до шестидесятыхъ и показать этимъ очеркомъ, что движеніе шестидесятыхъ годовъ естественно и послѣдовательно вытекло изъ всего этого процесса безъ всякихъ скачковъ куда-либо въ сторону или внезапнаго разрыва со всѣмъ прошлымъ ради идей и взглядовъ, произвольно вломившихся въ нашу литературу, словно внезапно свалившихся съ неба на нашу голову. И дѣйствительно, что мы видимъ изъ всего нашего обозрѣнія? Къ какимъ результатамъ оно привело насъ?

Результаты эти мы можемъ формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Уже въ сороковыхъ годахъ мысль наша направилась на почву положительности и все движеніе сороковыхъ годовъ было ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ передовой мысли сбросить съ себя оковы старыхъ преданій и путы метафизики.

2) Уже въ сороковые годы былъ пропровѣданъ утилитаризмъ искусства и науки.

3) Уже въ концѣ сороковыхъ годовъ начали проповѣдываться новыя эстетическія, нравственныя и общественныя теоріи, основанныя на началахъ реализма. Было уже высказано много живыхъ и свѣтлыхъ мыслей о важности естествознанія въ антропологіи и соціологіи, о необходимости опытнаго метода въ этихъ наукахъ. Наконецъ, была проповѣдана позитивная философія Огюста Конта.

4) Движеніе шестидесятыхъ годовъ было, такимъ образомъ, главнымъ образомъ основано на возрожденіи идей сороковыхъ годовъ, неусвоенныхъ массой неразвитаго общества и подавленныхъ реакціей пятидесятыхъ годовъ.

5) Новаго въ движеніи шестидесятыхъ годовъ было только окончательное упроченіе передовой мысли на почвѣ реализма и болѣе плодотворное, широкое и всестороннее развитіе идей реализма съ одной стороны, а съ другой — перемѣщеніе центра умственнаго движенія въ среду мыслящаго пролетаріата, повлекшее за собою развитіе новыхъ нравственныхъ идеаловъ.

6) Но и въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ мы видимъ тотъ-же естественный и неизбѣжный результатъ движенія сороковыхъ годовъ: распространяя идеи посредствомъ университетовъ и журналистики и расширяя кругъ мыслящаго общества, люди сороковыхъ годовъ неизбѣжно пришли къ возбужденію мысли въ массѣ бѣдныхъ слоевъ общества; послѣдніе и выступили, наконецъ, на поприще умственнаго движенія съ тѣми идеалами, какіе были присущи имъ по складу ихъ жизни и характеру ихъ реальныхъ стремленій.

7) Что-же касается антагонизма, который возникъ въ шестидесятыхъ годахъ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, то, въ философскомъ отношеніи, противниками движенія шестидесятыхъ годовъ явились вовсе не люди сороковыхъ годовъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, то-есть, не тѣ изъ поколѣнія сороковыхъ годовъ, которые вполнѣ усвоили всѣ передовыя идеи своего времени. Такіе люди и не думали идти противъ движенія шестидесятыхъ годовъ, хотя они, можетъ быть, и отставали отъ этого движенія въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ положеніяхъ. Возсталп-же противъ молодаго поколѣнія мыслители, практики, публицисты и беллетристы, усвоившіе изъ всего движенія сороковыхъ годовъ одни жалкіе обрывки, поверхностныя фразы и оставшіеся, по своему міросозерцанію, во многихъ отношеніяхъ романтиками тридцатыхъ годовъ. Но подобные господа, еслибы только они могли глубоко вдумываться въ содержаніе различныхъ идей, а не скользить по поверхности ихъ, конечно, не стали бы выставлять имена передовыхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ въ укоръ молодому поколѣнію, а должны были бы признать себя врагами и тѣхъ авторитетовъ, которымъ они покланяются и за которые укрываются въ своемъ жалкомъ невѣжествѣ.

Но есть другая и болѣе существенная причина антагонизма между людьми сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, причина чисто соціально-физіологическая. Тотъ новый слой общества, который вошелъ въ русло умственнаго движенія въ шестидесятые

годы и всталъ впереди, не могъ не встать въ оппозицію съ людьми сороковыхъ годовъ, даже лучшими изъ нихъ, даже при всемъ согласіи съ нѣкоторыми изъ нихъ въ основныхъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ борьбой не міросозерцаній или поколѣній, а общественныхъ слоевъ съ міровымъ, вѣчнымъ антагонизмомъ любимцевъ и пасынковъ судьбы...

Опечатка.

На стр. 224, 12-я строка снизу, напечатано: *1849 г.*, слѣдуетъ читать: *1847 г.*

РНБ Русский фонд.

ВП 6846 а